



Международный  
научно-просветительский  
форум

# РУССКОЕ СЛОВО КАК ФЕНОМЕН ДУХОВНОСТИ В СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ПОГРАНИЧЬЯ

18-21 мая 2021 года

БРЯНСК-ГОМЕЛЬ

Фонд "Русский мир"  
ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"

**РУССКОЕ СЛОВО КАК ФЕНОМЕН  
ДУХОВНОСТИ В СЛАВЯНСКОЙ  
ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ПОГРАНИЧЬЯ**

**Международный научно-просветительский форум  
г. Новозыбков, Брянская область, 18 – 21 мая 2021 г.**

Брянск, 2021

УДК 811.161  
ББК 80 / 84+81.1+74  
Р- 83

Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18 – 21 мая 2021 г.) / Ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. – Брянск : РИСО "БГУ", 2021. – 540 с.

ISBN 978-5-9734-0378-2

### РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Е. М. Маркова – заведующий кафедрой русского языка как иностранного ФГБОУ ВО "Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина", доктор филологических наук, профессор;

В. А. Маслова – профессор кафедры германской филологии УО "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова", доктор филологических наук, профессор;

Н. В. Трошина – заведующий кафедрой русского языка ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского", кандидат филологических наук, доцент.

В сборнике представлены доклады участников Международного научно-просветительского форума "Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья", проведение которого поддержано Фондом "Русский мир" (проект № 2426Гр / I-322-21). Форум состоялся 18 – 21 мая 2021 г. на базе филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского" в г. Новозыбкове.

Материалы сборника будут полезны научным работникам, аспирантам, преподавателям, учителям, студентам и всем, кто интересуется проблемами русского языка, изучения русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации.

ББК 80 / 84+81. 1+74

*Материалы печатаются в авторской редакции. Ответственность за корректность, достоверность фактов и заимствования несут авторы статей. Мнение членов редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.*

ISBN 978-5-9734-0378-2

© Фонд "Русский мир", 2021  
© ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского", 2021  
© УО "Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины", 2021  
© Коллектив авторов, 2021

## *Уважаемые участники форума!*

Русский язык всегда являлся одним из важнейших приоритетов в государственной и межгосударственной политике Российской Федерации.

Статья 68 Конституции Российской Федерации определяет: "Государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации". Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации" устанавливает, что "защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствует приумножению и взаимобогащению духовной культуры народов России" (статья 1. 4.).

Именно поэтому системная целенаправленная поддержка лингвокультурных духовно-нравственных мероприятий, направленных на укрепление позиций русского языка как родного и как языка межнационального общения, представляется основой успешного функционирования русского языка как языка национальной культуры и межславянского взаимодействия.

Международный научно-просветительский форум "*Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья*" проводится под эгидой Фонда "Русский мир" с целью содействия укреплению и расширению русского языкового, российского культурного и образовательного пространства в приграничных с Россией государствах.

Научно-методическая значимость Международного научно-просветительского форума бесспорна и заключена в популяризации русского языка и культуры на территориях приграничных с Россией государств, укреплении межкультурных славянских связей.

Духовно-нравственное воспитание средствами русского языка и русской литературы есть наиболее прогрессивный путь, определяющий концептуальную основу языковой культуры современной личности.

Убеждён, что вынесенная на обсуждение участников форума проблематика будет способствовать сохранению самобытности многонационального народа Российской Федерации и расширению межкультурного взаимодействия.

Искренне желаю участникам форума плодотворной работы и эффективного сотрудничества!

*Ректор ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского",  
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,  
доктор филологических наук, профессор А. В. Антюхов*

*Стародубец Светлана Николаевна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: starodubets.madam@yandex.ru*

УДК 398. 33

## **РУССКОЕ СЛОВО КАК ФЕНОМЕН ДУХОВНОСТИ**

*Svetlana N. Starodubets*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### **THE RUSSIAN WORD AS A PHENOMENON OF SPIRITUALITY**

*Статья посвящена исследованию духовного со-значения слова в русском языке. Определены базовые характеристики понятия "духовность", символическое значение слова. Установлены наиболее продуктивные аспекты изучения названного компонента плана содержания языковой единицы через идеологическую, символическую, мифическую, этнокультурную составляющие смыслового поля знака.*

*Ключевые слова: духовность, "живое" слово, лингвокультурема, идеологема, символ, диалектное слово.*

*The article is devoted to the study of the spiritual meaning of the word in the Russian language. The basic characteristics of the concept of "spirituality" and the symbolic meaning of the word are determined. The most productive aspects of the study of the named component of the content plan of a language unit through the ideological, symbolic, mythical, ethno-cultural components of the semantic field of the sign are established.*

*Key words: spirituality. "living" word, linguoculturema, ideologeme, symbol, dialect word.*

*Русская духовность* есть ментальность, понимаемая реалистически, а не номиналистически. Она непременно должна соединять – в действии и в сознании – идеал и вещь", – подчёркивает профессор В. В. Колесов [5, с. 14].

Всеволод Троицкий в небезызвестной работе "Судьбы русской школы" критически оценивая современную увлечённость молодого поколения сверхлёгкими "гуглами" и краткими содержаниями классических текстов, провозглашает, что "язык – не только орудие национального и межнационального общения, но сосредоточенный в слове духовный и практический опыт народа и ключ к этому опыту; язык также форма и способ телесно-духовной жизни народа и человека" [8, с. 265 – 266]. При этом целесообразно, по мнению Всеволода Троицкого, различать "язык мирской" и "язык обработанный, освящённый культурой, язык духовный". И потому "одухотворённый русский язык – душа России, её святыня, предметное воплощение высших духовных ценностей, нерушимое духовное достояние, без которого человек теряет своё лицо" [8, с. 276].

Николай Фёдорович Алефиренко в монографии ""Живое слово": Проблемы функциональной лексикологии" так обосновывает востребованность названного термина: "<...> появление термина "живое слово" вызвано необходимостью высвободить слово из оков залогизированной системы языка, абстрактной, глухонемой, мёртвой, рассудочной, чтобы обозначить важнейшее свойство употреблённого в речемыслительном контексте слова – способность отражать помыслы, намерения и мотивы говорящих. Тем самым слово из "опресневшей" единицы системы языка превращается в "живое" слово. Точнее, оно как бы возвращается к своему изначальному состоянию. <...> на самом деле оно не просто возвращается в первозданной своей ипостаси, а воскрешается из "мёртвых", законсервированных, отречённых от реальных предметов, утративших референтную отнесённость знаков. <...> Только такое "оживлённое" слово – с актуализованной внутренней формой и осмысленной референцией – способно "глаголом жечь сердца людей"" [1, с. 18 – 19].

В нашем исследовании, посвящённом сопоставительному анализу фразеологизма "*русский дух*" и составного наименования "*русский характер*", мы подчёркиваем, что ""Русский дух" ≈ "Д / духовность", ценностная позиция русского человека, проявляющаяся в нравственной, политической, религиозной, этической и эстетической, художественной форме сознания, определяющей русскую национальную картину мира, русское национальное самосознание как духовное, соотнесённое с мифологемой "Дух / дух" [6, с. 245], [7].

Действительно, *высокодуховное Слово*, насыщенное высококультурным, высоконравственным, высокоэтическим планом содержания, эксплицирует и имплицитно многогранность смысла, реализуя свой ценностный, эстетический, суггестивный потенциал. Именно поэтому современная лингвистика наиболее актуальным видит изучение "дискурсивного пространства слова" [1, с. 18 – 19]. При этом "живое слово" может иметь и узуальный, и диалектный, и окказиональный облик.

К примеру, диалектное слово *дэжа* (*дэжка* / *дэжка*) в брянских говорах: "*Дэжка* (сущ., ж. р., ед. ч.) – "деревянный сосуд, в котором замешивали хлеб" [4, с. 87]. Данное значение является предметным. В исследовании Е. С. Бангоян описывается вторичное значение диалектизма: "*Дэжа* связана с приготовлением и хранением хлеба как наиболее сакрального, по отношению к другим, вида пищи. Она обеспечивает заквашивание теста и увеличение его объема, что символически понимается как зарождение новой жизни и рост изобилия" [3, с. 146]. Приведённое значение является символическим, определяется как "зарождение новой жизни, богатство и благополучие, изобилие и здоровье, жизненная полнота в противостоянии смерти, скудности и пустоте" [2, с. 18]. Такое духовно-сакральное осмысление предмета предполагало осторожное и бережное отношение к нему,

особое почитание, особое место в избе, особые ритуальные действия во время приготовления теста.

Анализ лексического значения диалектного слова, основанный на одновременном воспроизведении поверхностного и глубинного смысла, позволяет установить его коммуникативно-когнитивное и синергетическое определение [1, с. 243].

Полагаем, что задача Учителя в современной России "искать формы и методы защиты языкового сознания школьников, чтобы сохранить для учащихся одухотворённое и образное слово родной речи", "внести дух жизни, дух языка в мёртвые схемы и правила современных программ, учебников и пособий" [8, с. 271, 279 – 280].

Именно поэтому духовно-мировоззренческий аспект анализа *Русского Слова / слова в славянской лингвокультуре пограничья* предполагает следующие Его "ипостаси":

- ✓ *Русское слово* как смысловое "зерно" славянской лингвокультуры;
- ✓ *Русское слово* как "живое" / "истинное слово, направленное на отражение сущности в духовно-выразительной форме человеческого сознания", а язык – "форма духовной энергии" (Вс. Троицкий);
- ✓ *Русское слово* как мифологема, лингвокультурема, идеологема, символ в сознании языковой личности славянского пограничья;
- ✓ *Русское слово* как инструмент интерпретации славянского художественного текста;
- ✓ *Русское слово* в фокусе славянского фразеологизма – репрезентанта духовного кода культуры;
- ✓ *Онимы* в контексте культурных славянских традиций;
- ✓ *Русское диалектное слово* в диффузных говорах славянского пограничья.

Проведение Международного научно-просветительского форума "Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья" особенно актуально в контексте современных социально-политических реалий. Наиболее важной становится потребность в правильной интерпретации особенностей материальной, духовной и языковой культуры славянского пограничья в образовательном процессе школы, среднего и высшего образовательного учреждения.

Близкая этнокультурная дистанция, длительные контакты и взаимодействие наиболее родственных русского, белорусского и украинского народов – все это, как бы то ни было, обусловило достоверную близость фактов восточнославянской лингвокультуры, ценностной и конфессиональной (православие, старообрядчество) ориентации, смешение и интерференцию языков. Именно поэтому репрезентация и актуализация историко-культурных духовно-нравственных концептуальных основ, с одной стороны; обобщение современного опыта (регионоведение, лингвокраеведение) и веское обоснование глубинного последующего изучения восточно-

славянской общности языка и культуры на пограничной территории, с другой стороны, определит высокий уровень этнолингвистической и гражданской идентичности молодого поколения.

### Список использованных источников

1. **Алефиренко, Н. Ф.** "Живое" слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 344 с. – ISBN 978-5-9765-0852-1 (Флинта) – ISBN 978-5-02-037174-3 (Наука). – Текст : непосредственный.

2. **Бангоян, Е. С.** Тематическая группа "Предметы быта" в диалектах юго-запада Брянщины: лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Екатерина Сергеевна Бангоян ; Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского. – Брянск, 2020. – 23 с. – Текст : непосредственный.

3. **Бангоян, Е. С.** Тематическая группа "Предметы быта" в диалектах юго-запада Брянщины: лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Екатерина Сергеевна Бангоян ; Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского. – Брянск, 2020. – 223 с. – Текст : непосредственный.

4. **Брянский областной словарь** / Минобрнауки России, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Брянский гос. ун-т им. И. Г. Петровского" ; [авт. -сост. : Гарбузова Е. П. и др.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Брянск, 2011. – 361 с. – ISBN 978-5-904808-02-0. – Текст : непосредственный.

5. **Колесов, В. В.** Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с. – ISBN 978-5-85803-339-4. – Текст : непосредственный.

6. **Стародубец, С. Н.** "Русский дух" и "русский характер" в современном русском языке / С. Н. Стародубец, С. Е. Тимофеев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 6. – С. 239 – 247. – Текст : непосредственный.

7. **Стародубец, С. Н.** Оценочность и коннотация "духовность" в дискурсе И. А. Ильина / С. Н. Стародубец // Известия Смоленского государственного университета. – 2017. - № 3 (39) – С. 33-43. – Текст : непосредственный.

8. **Троицкий, В. Ю.** Судьбы русской школы / В. Ю. Троицкий. – Москва : Институт русской цивилизации, 2010. – 480 с. – ISBN 978-5-902725-51 – 0. – Текст : непосредственный.

## **РУССКОЕ СЛОВО КАК ИСТОЧНИК ДУХОВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

*Valentina A. Maslova*

*Vitebsk State University named after P. M. Masherov*

### **RUSSIAN WORD AS A SOURCE OF HUMAN SPIRITUALITY**

*В статье продемонстрировано, что в языке существуют глубинные религиозные смыслы, почти не поддающиеся рациональному осмыслению, но играющие огромную роль в формировании духовности как отдельного человека, так и духовного кода нации.*

*Ключевые слова: фидеистическая теория языка, духовность, культура, библейская притча*

*The article demonstrates that there are deep religious meanings in the language, which almost don't lend themselves to rational comprehension, but play a huge role in the formation of the spirituality of both an individual and the spiritual code of a nation.*

*Key words: fideistic theory of language, spirituality, culture, biblical parable*

Лингвистика всегда интересовалась духовной сущностью языка (В. фон Гумбольдт), но первая половина XX века была посвящена имманентному изучению языка: "язык в самом себе и для себя" (Ф. де Соссюр). О языке как "духовной деятельности", "имманентном произведении духа", который составляет саму природу человека, писал и Г. Шпет [5, с. 35]. Таким образом, в лингвистике заложены традиции видения языка не просто как системы знаков или инструмента познания, но и как духовной сущности.

Цель доклада – показать, что в языке существуют глубинные смыслы, почти недоступные для рационального осмысления, но играющие огромную роль в формировании духовности как отдельного человека, так и духовного кода нации.

На рубеже тысячелетий мы начинаем понимать, что дух нации в значительной степени основывается на исповедуемой народом религии. Религиозный фактор в жизни народов является настолько важным, что без учета его особенностей невозможно представить развития и становления культуры в целом (само слово *культура* связано со словом *культ*). В последние десятилетия в языкознании всё больше внимания уделяется исследованию религиозно-конфессиональных элементов в языке: это работы В. И. Постоваловой, И. П. Черкасовой, М. Н. Бушаковой, С. С. Воронцовой, А. А. Бу-

евич и др. Ю. С. Степанов полагал, что единственный путь вперед для гуманитарного знания – синтез научного, философского, художественного и религиозного подходов. Все вместе дает целостное мировидение, в результате которого формируется *новая сфера знания*, ее Ю. С. Степанов называл "**новой всеобщей антропологией**" [3]. Следовательно, мир – это единое целое, и подходить к его постижению нужно через язык, религиозное и художественное мировосприятие.

Современный мир тонет не просто в фарисействе, а в непристойности массовой культуры, злобе, вражде. По словам белорусского ученого и поэта И. Чароты, "к концу второго тысячелетия от Рождества Христова оказались мы во времени без памяти и Вечности, на земле без Неба, с просвещением без Света, образованием без Образа (Божьего – ВМ), духовностью без Духа Святаго..." [4, с. 6]. Выход из этой ситуации – в формировании духовного человека.

Человек, как утверждают отцы церкви, – это образ Божий. Согласно учению великого философа и богослова П. Тейяра де Шардена, человек не может существовать независимо от своей души, душа возвышает человека. Сделать душу человеческую чище, возвысить ее может вера, которая – по словам апостола Павла – есть уверенность в невидимом, непостижимом.

Как считают сторонники фидеизма, наука исследует лишь факты, т. е. вторичные проявления, но она не способна раскрыть первопричины, что подвластно лишь вере, но даже с ее помощью многое вообще непознаваемо. Например, непознаваема для человеческого разума тайна непорочного зачатия, некоторые из Блаженств (блаженны нищие духом) и т. д. Язык – это духовная реальность. Традиционно считается, что язык – важнейшее средство общения, но при этом забывается, что общение с Богом здесь должно стоять на первом месте. Коммуникативная функция, думается, в языке вторична, еще в прошлом веке Н. Хомский заметил, что язык не очень хорошо приспособлен для общения: в нем много диффузности, омонимии, многозначности, иносказательности. Если принять этот постулат, то первичной и важнейшей функцией языка должна быть сакральная функция – Богообщения. И тогда многое должно быть пересмотрено в теории языка. В общении человека с Богом и себе подобными "работают" разные функции. Как пишет протоиерей К. Копейкин, язык в общении с Богом выполняет "функцию прикосновения к тайне, к изначальным глубинам бытия, открывая человеку и необычайную высоту мира горнего, и исключительную глубину внутреннего пространства человеческой души" [1, с. 4].

Сказанное позволяет нам увидеть новый виток антропоцентрической парадигмы, приближающий ее к **геоантропокосмической** как парадигме будущего, о которой писала В. И. Постовалова [2]. Побеждает геоантропокосмизм, который зародился в России в конце XIX века и при котором человек перестает быть центром мироздания. Теперь человек начинает ви-

деть свое место не над природой и миром, а внутри них. Патриарх Русской православной церкви Кирилл сказал, что любое научное построение, в центре которого стоит человек, а не Бог, обречено. Следовательно, если в западноевропейской философской традиции важным является антропоцентризм, при котором главной ценностью считается человек (отсюда возникновение "гуманистической лингвистики" (Дж. Лакофф), изучающей "человека говорящего", "языковую личность", в русской традиции в центре стоит высочайшая трансцендентная ценность Бог, в скором времени она будет дополнена такой важнейшей ценностью - Космос (Вселенная). Уже открыт закон Всеединства и цельного знания, в этом русле развивалась вся русская религиозно-философская мысль дореволюционного периода. Поэтому именно русская лингвокультура готова к такому объединению Божественной теории, теории языка, теории человека и теории вселенной.

С человеческой душой говорит Господь на языке притч: "Иисус говорил народу притчами и без притчи не говорил им" (Мф. 13, 34 – 35). Господь дает нам понять, что язык притчи более действенен. Царствие небесное подобно "сокровищу, скрытому в поле, которое, найдя, человек утаил" (Мф. 13, 44). Здесь возникает картина, несводимая к поверхностному логическому объяснению, в ней несколько смысловых уровней, которые создают особый возможный мир: мирская реальность (поле) и мир иллюзий – найденные сокровища, которые есть своего рода пропуск в Царствие Небесное. Поэтому человек в радости готов отдать всё, лишь бы приобрести это поле и, в конце концов, найти дорогу к Богу для жизни вечной. Притча не дает эксплицитного наставления, а заставляет размышлять. Строится притча по следующей модели: ситуация (человек, обрабатывающий поле, находит сокровища) – вариант разрешения ситуации (прячет сокровища и покупает поле) и последствия этого – возможность заслужить Царствие Небесное. Здесь возникает нравственно-этический ребус, который позволяет увидеть за иносказанием глубинный смысл.

Все евангельские события, все деяния Господа становятся в свете притч символами спасения. Язык притч освящен Иисусом Христом, он делает человека более отзывчивым на Слово Божье. Получается, что притча – особый тип феномена сознания человека, она сопутствует человеку на всем его культурном пути, существуя параллельно с логическим, рациональным. Основная характеристика библейских притч – их глубинная мудрость, животворность и универсальность: в них даются вечные ответы на вечные вопросы. А без них возникает мертвая пустыня вместо "садов живых смыслов" (О. Николаева).

**Вывод.** "Язык – это лабиринт путей", по Л. Витгенштейну, и важно, чтобы главным оказался духовный путь. Духовные смыслы наиболее активны в текстах притч, Откровений, литургий и текстах других жанров религиозного дискурса. Духовные смыслы – это смыслы, хранящие глу-

бинные знания, они есть и в художественных текстах и даже в обыденном общении.

Таким образом, как свидетельствует русский язык, русский человек – это духовное по своей сути существо, которое живёт не только *хлебом единым*, русский человек всегда *духовной жаждою томим*, до сих пор многое он совершает бескорыстно (современное волонтерство). В перспективе такого подхода к духовному человеку – построение модели религиозной языковой личности на материале религиозной коммуникации.

#### Список использованных источников

1. **Копейкин, К.** На каком языке говорит с нами Бог / К. Копейкин. – Санкт-Петербург, 2005. – Текст : непосредственный.
2. **Постовалова, В. И.** Время и вечность в православном мирозерцании / В. И. Постовалова. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка: Лингвофутуризм: Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Артунова. – Москва : Индрик, 2011. – С. 94 – 109.
3. **Степанов, Ю. С.** Мыслящий тростник. Книга о "Воображаемой словесности" / Ю. С. Степанов. – Москва : Издательство "Эйдос", 2010. – Текст : непосредственный.
4. **Чарота, И.** Слово и Дух: антология русской духовной поэзии (X-XX вв.) / И. Чарота. – Минск : Издание Свято-Елисаветинского монастыря, 2005. – 703 с. – Текст : непосредственный.
5. **Шпет, Г.** Мысль и слово. Избранные труды / Г. Шпет. – Москва, 2005. – Текст : непосредственный.

*Маркова Елена Михайловна*

*ФГБОУ ВО "Российский государственный университет  
имени А. Н. Косыгина"  
e-mail: elena-m-m@mail.ru*

*УДК 81-23; 81'0*

## "ЖИВОЕ СЛОВО" В СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

*Elena M. Markova*

*The Kosygin State University of Russian*

## "LIVING WORD" IN SLAVIC LINGUOCULTURE

*В статье речь идет о сохранности праславянского фонда в современных славянских языках, о консолидирующей роли славянского слова в разные периоды истории славянских народов, ориентировавшихся нередко на русский язык и рус-*

*The article deals with the preservation of the Proto-Slavic fund in modern Slavic languages, the consolidating role of the Slavic word in different periods of the history of the Slavic peoples, who often focused on the Russian language and*

скую духовную культуру в стремлении очистить национальный язык, вернуть ему славянское звучание. По-разному решая проблему "своего" и "чужого", славянские языки в значительной степени сохранили ядро праславянской лексики – залог их славянской идентичности. Языковые факты, утраченные в литературном составе языков, нередко продолжают "жить" на языковой периферии: в диалектах, в художественной литературе, во фразеологии, находя соответствия в других славянских языках, помогая славянам чувствовать свою принадлежность к славянскому миру.

*Ключевые слова:* славянские языки, праславянский лексический фонд, сохранность языковых фактов, влияние языков

*Russian spiritual culture in an effort to cleanse the national language, return it to the Slavic sound. Solving the problem of "ours" and "aliens" in different ways, the Slavic languages have largely retained the core of the Proto-Slavic vocabulary - the guarantee of their Slavic identity. Linguistic facts, lost in the literary part of languages, often continue to "live" on the linguistic periphery: in dialects, in fiction, in phraseology, finding correspondences in other Slavic languages, helping the Slavs to feel their belonging to the Slavic world.*

*Key words:* Slavic languages, Proto-Slavic lexical fund, preservation of linguistic facts, the influence of languages

Слово живет в языке, пока оно активно функционирует в речи, употребляется в составе производных, входит в словообразовательное гнездо, транслирует культурные и духовные ценности. Особую важность в современном мире имеет живое славянское слово. Оно является не только подтверждением существовавшего когда-то единого для всех славян языка, но и свидетельством крепости славянского мира, славянской идентичности. Мы часто говорим и пишем о русском мире, о русском слове как его репрезентанте, но нужно больше и чаще говорить и писать об общеславянском слове как репрезентанте славянского мира, славянской культуры, славянской ментальности. Особенно актуально это в наши дни, когда англо-американские заимствования захватили все славянские языки. И это отнюдь не безобидный процесс, ведь за каждым заимствованным словом стоит другая ментальность, чужие представления, иной образ мысли, взгляд на мир.

Обращение к истории славянских языков свидетельствует о том, что попытки воздействия на славянские народы, порабощения их сопряжено с иноязычным влиянием, внедрением чужеродных языковых элементов. Стремление к развитию культурных связей славянских народов, поддержание славянского звучания их языков породило целые программы культурного сотрудничества славянских народов в XVIII-XIX вв. : **концепцию славянской взаимности**, зародившуюся в Чехии и Словакии, **славянофильство** в России.

Широкое распространение межславянских заимствований является следствием специфики развития славянских языков, "когда при создании их как литературных одной из центральных ставилась задача очистки родного языка от чужеродных элементов с ориентацией на использование вза-

мен их лексических образцов других славянских языков" [4, с. 206]. Результатом таких взаимовлияний стало вторичное сближение славянских языков в области лексики, в том числе и лексики праславянского происхождения, которая была утрачена заимствующим языком.

Так, обращение к истории чешского и словацкого языков выявляет сильные пуристические тенденции в них. Чешский язык в период насильственной германизации страны с XVI по XIX вв. испытал влияние со стороны немецкого языка, а словацкий – не только со стороны немецкого, но и венгерского и чешского, что способствовало подъему пуристического движения в этих странах, активизации борьбы за "славянское" звучание их языков. Величайшим примером проявления *славянской идеи* как представления о единстве всех славян стало пуристическое движение в первой трети XIX века чешских "будителей" (так назывались активные деятели чешского и словацкого национального Возрождения) против засилья германизмов в литературном чешском языке. Лидеры чешского Возрождения: Й. Добровский, Й. Юнгман, Я. Коллар, К. Г. Маха, П. Й. Шафарик – ориентировались прежде всего на русский язык. В представлении "будителей" Россия была могучей славянской державой, оплотом всего славянства, стремившегося к обновлению нарушенных родственных связей [6, с. 13-14]. Поэтому именно на чешский язык были впервые переведены произведения А. С. Пушкина, в частности его сказки, поэмы и некоторые стихи, благодаря которым в чешский литературный язык вернулись некоторые лексемы, забытые в период господства габсбургской династии.

"Родство русского и чешского языков сыграло большую роль в развитии чешского языка, которое происходило в тесной связи с историческим развитием чешского народа, и эта роль русского языка была особенно значительна в начале XIX века, в период национального возрождения" [11, с. 31]. В это время были заимствованы многие русские слова, которые в большинстве своем сохранились в функции книжных архаизмов и поэтизм. Вместе с тем целый ряд русизмов занял прочное место в системе современного чешского языка, например: *babočka* (рус. *бабочка*), *záliv* (рус. *залив*), *úsluha* (рус. *услуга*), *útes* (рус. *умец*), *vzduch* (рус. *воздух*), *příroda* (рус. *природа*), *plody* (рус. *плоды*), *vkus* (рус. *вкус*), *pyl* (от рус. *пыль*, но в значении 'пыльца цветов и растений'), *příbor* (рус. *прибор*), *podnos* (от рус. *поднос*), *šum* (рус. *шум*), *závod* (рус. *завод*), *průmysl* (рус. *промысел*), чеш. *bukva* было заимствовано из русского языка для обозначения букв в кириллице [см. 11; 5].

Южнославянские земли: болгарские, сербские, боснийские – были ареной длительной борьбы с турками. Национальная церковь, культура и письменность болгар при турецкой власти испытывали жестокий гнёт со стороны греческого духовенства. Болгарский язык был объявлен языком черни, а и в городах в обиходе были только турецкий и греческий. Нарушались связи южных славян с другими народами, в Европе долгое время

почти ничего не знали о болгарях. Так, Й. Добровский считал болгарский язык диалектом сербского. Болгарский язык в эпоху возрождения своего литературного языка продолжал церковно-славянскую традицию, но не напрямую, а через опосредованное русское влияние, представляя собой, по сути, "болгаризованную форму русского литературного языка" [10, с. 231]. В конце XVII в. на севере Балкан возникли новые сербские области (современная *Воєводина*), стало развиваться просвещение и книгопечатание, начал создаваться особый литературный язык славян – *славяно-сербский*, совмещавший элементы русско-церковно-славянского, сербско-церковно-славянского, русского и сербского языков. Деятельность по созданию единого сербохорватского литературного языка на народной основе, по сближению двух его вариантов – "белградского" (восточного) и "загребского" (западного) – продолжалась на протяжении всего XIX в., в результате чего был создан единый литературный язык сербов и хорватов по модели В. Караджича [7].

Таким образом, история славянских языков демонстрирует яркие примеры языковой консолидации на фоне борьбы с чужеземным влиянием. При этом именно русский язык оказал сильное влияние на чешский язык в XIX в., на южнославянские языки в XVIII – XIX вв.

Значительное воздействие на языковую ситуацию в славянских землях оказали неславянские языки и отношение к ним славяноговорящего социума. Общеизвестно влияние французского языка на русский в XVIII – нач. XIX вв., немецкого – на чешский и польский, турецкого – на сербский и болгарский. В условиях "благожелательного" или отрицательного отношения носителей разных славянских языков к инославянскому влиянию происходили различные процессы заимствования, калькирования с последующим закреплением или отторжением инославянских элементов [10, с. 13].

Славянские языки отличаются *отношением к заимствованиям*, по-разному относятся к "своему" и "чужому": одни из них (русский, польский, болгарский, сербский и др.) предпочитают *прямые заимствования*, поэтому в них отмечается их больше, другие (напр., чешский, словацкий, хорватский) – *калькирование*, результатом которого является большее количество славянских корней в их современных лексиконах. Различное отношение к заимствованиям сохраняется в славянских языках в известной степени до настоящего времени, пуристическое "забрало" в чешском, словацком, хорватском языках сдерживает активный поток иностранных слов. Так, в словацком языке суффикс *-инг* не является продуктивным и многие из англицизмов с этим суффиксом используются только как варианты уже имеющихся словацких эквивалентов, напр., *rafting* (рус. *рафтинг*) – *splavovanie na rafte, diving* (рус. *дайвинг*) – *potápanie, sailing* (рус. *сейл*) – *plachtenie, armwrestling* (рус. *армреслинг*) – *pretláčanie rukou, kidnapping* (рус. *кидненинг*) – *únos, consulting* (рус. *консалтинг*) – *poradenstvo* и др. [6, с. 34].

Предпочтение "своего" – "чужого" в чешском/словацком/хорватском языках, с одной стороны, и русском, с другой, можно наблюдать и в других соответствиях, например, в словах, образованных с помощью продуктивного в западнославянских языках праславянского суффикса *-dlo*: чеш. , слвц. *zavazadlo* – хорв. *prtljag(a)* – рус. *багаж*; чеш. , слвц. *kružidlo* – хорв. *šestar* – рус. *циркуль*; чеш. , слвц. *čerpadlo* – хорв. *crpka, šmrk, sisaljka* – рус. *помпа, насос*; чеш. *stínidlo*, слвц. *tienidlo* – хорв. *sjenilo, štítnik, zaslon* – рус. *абажур*; чеш. , слвц. *líčidlo* – хорв. *šminka* – рус. *грим*; чеш. , слвц. *tužidlo* – хорв. *vošparjena, kolač* – рус. *мыс (для укладки волос)*; чеш. , слвц. *divadlo* – хорв. *kazalište, pozorište, glumište* – рус. *театр*, чеш. , слвц. *vozidlo* – хорв. *prijevoz* – рус. *транспортное средство*; чеш. , слвц. *kormidlo* – хорв. *kormilo* – рус. *руль* и т. п. [16; 18; 19].

Однако несмотря на все влияния извне, древнейший словарный фонд славянских языков сохранился в значительном объёме – несравненно большем, чем индоевропейский словарь, обнаруживаемый в современных индоевропейских языках. Словарный состав славянских языков не испытал за период своего существования сильных изменений. Наряду с вхождением в него заимствованных слов и утратой ряда древних слов в славянских языках был сохранен, переработан и обогащён древний лексический фонд.

Степень сохранности праславянского лексического фонда в отдельных современных славянских языках разная. В "Этимологическом словаре славянских языков" под редакцией О. Н. Трубачёва, по подсчётам учёных, будет более 25 тысяч лексем (хотя многие считают, что его объём сильно преувеличен и многие слова нельзя отнести к праславянской эпохе).

По тому, какую долю всей праславянской лексики "сохраняет" каждый славянский язык, их можно условно разделить на 3 группы [3]:

- 1) "крупные" языки – охват праславянского словаря в 50% и более: русский, сербский, хорватский, чешский и украинский;
- 2) "средние" – от 30% до 50%: словенский, польский, белорусский, болгарский, словацкий;
- 3) "малые" – менее 30%: македонский, верхнелужицкий, нижнелужицкий, кашубский.

Ф. Копечный полагал, что наилучшим образом праславянский лексический фонд сохраняется в чешском и словацком языках. Известный лингвист Т. Г. Линник пришёл к выводу, что наибольшей сохранностью праславянская лексика отличается в сербском, хорватском, словенском, чешском и словацком языках, наименьшей – в верхнелужицком и белорусском, остальные языки составляют промежуточную зону [3, с. 114-115]. По данным А. Ф. Журавлёва, по степени наибольшей сохранности праславянского лексического фонда в современных славянских языках наблюдается такой порядок: *сербский и хорватский – русский – словацкий – чешский*. Русский язык как целое на уровне праславянской лексики ближе к польскому языку, но его связи с сербским и хорватским немногим слабее, а с-

ли оценивать его тяготение к другим группам языков, то более близкой ему оказывается южнославянская группа.

Унаследованная из праславянского языка лексика продолжает играть весьма существенную роль в составе словарей современных славянских языков, обозначая явления духовной, физической жизни, природы, семейно-родовые отношения. Генетическое тождество не предполагает полного совпадения. В условиях самостоятельного существования славянских языков их древний словарный слой сильно изменился. Происходил разрыв прежних связей слов с другими словами и образование новых связей и новых контекстов их употребления, в результате чего изменялись значения лексем. Происходили колебания в степени употребительности тех или иных слов. Изменялась их стилистическая окраска, их эмоциональная насыщенность. Появлялись различные замены, вытеснявшие исконные слова. Все эти процессы протекали по-своему в каждом из славянских языков.

Рассматривая лексику русского языка в зеркале другого славянского языка, можно нагляднее представить картину перемещений, сдвигов, семантических переносов, утрат, характеризующих процесс языкового развития. При этом факты одного языка могут быть дополнены явлениями другого, "то, что исчезает в одном языке, может уцелеть в другом, и недостающие звенья в традиции одного языка дополняются указаниями, взятыми из другого. Чтобы понять разнообразие значений данного слова, полезно проследить историю значения соответствующего слова в родственных языках" [8, с. 20-21].

Как отмечал В. В. Виноградов, "угасание значения слова далеко не всегда приводит к исчезновению всех относящихся сюда контекстов его употребления. Очень часто сохраняются осколки старого значения ... в двух-трех фразеологических сочетаниях" [1, с. 23]. Факты "семантической консервации" [12, с. 201], как и утраченные литературным языком лексемы, продолжают "жить" в устойчивых сочетаниях, обнаруживают корреляции с соответствующими лексемами в других славянских языках. Так, в русском языке утратилась праславянская лексема *krak* 'нога' (из прасл. \**karkъ*), встречающаяся, напр., в болгарском и в других языках [15]. Ее вариант *krok* известен в чешском языке в значении 'шаг', откуда дериваты *pokročit* 'продолжать', *pokrok* 'развитие, прогресс'. Аналогичный болгарскому *krak* обнаруживается в чешском *krakatice* 'кальмар', известно оно и в русском языке в форме *каракатица*. Встречаются слова с данным корнем и в русских диалектах, например, *корячка* 'широкий шаг', *корячиться* 'гнуться' [14], в просторечии употребляется фразема *на корачках* 'на согнутых ногах'.

Являясь дериватом от глагола *жить*, существительное *жир* обозначало вначале 'нажитое', затем 'изобилие в доме и пище', 'что нажито сверх меры' (др. - рус. *жирь* 'пажить, богатство') [9], откуда и глагол *жировать*

‘жить богато, в достатке’. Семантика этимона сохранилась во фразеологизмах со словом *жир*: *не до жиру, быть бы живу*; *с жиру беситься*, а также обнаруживается в других славянских языках (словен, чеш., пол., словац.), где *žir* отмечается в значении ‘корм, пища’.

Устаревшим в современном русском языке является и слово *бразды* в значении ‘конские удила как часть узды’, ‘вожжи’, сохранившееся в книжной фразе *бразды правления* в значении ‘власть’. Фразеологизм был создан на основе свободного сочетания *бразды правления* ‘вожжи для управления лошадьми’. В древнерусском *брьзда* было известно в значении ‘намордник’, ‘удила’, а глагол *брьздити* – ‘править конями’ [9]. Оно имеет соответствия и в других славянских языках: словен. *brzda* ‘удила’, словац. *brzda* ‘тормоз’, *brzdit* ‘тормозить’ [15], известен аналогичный глагол *бро-роздитъ* (из *броздитъ*) ‘сдерживать лошадей вожжами при спуске с горы’ в донских говорах [2].

Таким образом, представление о близком родстве славянских языков оказывается еще более полным и всесторонним, если при их сравнении помимо фактов национальных литературных языков привлечь словарный материал диалектов, фразеологию, художественные тексты. В диалектной среде старый лексический фонд долгое время остаётся неизменным. В сфере диалектной речи родство славянских языков оказывается более явным и полным, нежели при равнении литературных языков. К примеру, лексема *zboží*, имевшая первоначальное значение ‘имущество, богатство’ (родственная *bohatý* / *богатый*, что дано *Богом*), получило впоследствии значение ‘товар’. В чешских говорах слово *zboží* сохранилось и в значении ‘хлеб (в зерне или на корню)’ [17], это же значение отмечается и у польского *zboże* – ‘зерно’, а также в западнорусских говорах, где, как отмечает В. И. Даль, *збожье* значит ‘добро, богатство, достаток; божий дар; зерновой хлеб’ [2].

Сохраняются общеславянские элементы или значения и в художественных текстах. Только в русском и словацком языках слово *обилие* употребительно в первичном значении ‘большое количество’ (откуда в русском языке *обильный* ‘в большом количестве’). Наряду с этим уже в древнерусском языке лексеме были присущи значения: 1) ‘изобилие, богатство’; 2) ‘хлеб, продовольствие’; 3) ‘хлеб на корню’ [9]. Совр. чеш. *obilí* ‘зерно’, ‘урожай’, это значение встречаем и в поэме С. Есенина “Анна Снегина”: “Давно уж нет таких *обилей*”.

Современные славянские языки обнаруживают глубинную изосемию, сходство в путях развития значений отдельных лексем и целых лексических групп, в характере и типах семантических сдвигов, в семантических процессах, происходящих в словах одной тематической или семантической группы, в общих тенденциях языкового развития. Так, слова одной тематической группы обнаруживают однотипные модели переносного употребления. Напр., *лес, гора, туча, куча*, а также *пропасть, бездна, прорва, по-*

ток развили абстрактное значение 'большое количество чего-л.' (в сочетаниях *лес рук*; *гора вещей*; *туча мух, комаров, пропасть машин, бездна народа, поток слов* и т. п.). в чешском и словацком языках много похожих переносных употреблений, напр.: чеш. *lesruk, hora jablek, kupa cihel, mrak komárů, mraky lidí, máme toho mraky* 'у нас этого тучи', *propast ní rozdíl v názorech* 'пропасть во взглядах', *spousta děl, práce* 'пропасть дел', *studnice moudrosti* 'кладезь премудрости', словц. *hora kníh* ('гора книг'), *odpadkov* ('мусора'), *kopa roboty* ('куча работы'), *studnica poznania* ('кладезь познания'), *kopa detí* ('куча детей'), *hromada kníh* ('груда книг') и т. п.

Славянские языки сохраняют пока еще свое "славянское" звучание, сопротивляясь в разной степени англо-американскому языковому влиянию. Славяне все еще способны понимать друг друга на уровне семикоммуникации, говоря каждый на своем языке, что свидетельствует об их языковой и духовной близости. Много конвергентного обнаруживается в славянских лингвокультурах благодаря сохранности языковых фактов в производных, во фразеологии, в диалектах, в литературных произведениях и идентичности языковых процессов, свойственных родственным языкам. Однако, как уже было не раз в истории, на переломе XX – XXI вв. славян вновь стремятся разьединить, "приобщить" их к западным "ценностям", в том числе и путем американизации их языков. С точки зрения первоначальной языковой близости славян современную ситуацию в славянских языках характеризует победа *дезинтеграционной тенденции*. С распадом мультинациональных славянских держав связана волна перемен, которые коснулись и языковых систем, их дифференциации и разобобщения: от когда-то единого сербохорватского языка в последнее десятилетие отпочковались сербский, хорватский, боснийский и черногорский, окончательное размежевание произошло между чешским и словацким, русским и украинским языками. Поэтому задача славистов в наши дни – активизировать борьбу за "славянское" звучание наших языков, настаивать на предпочтении "своего", славянского, в противовес "чужому", инородному, привнесенному в угоду идеологии и политике.

### Список использованных источников

1. **Виноградов, В. В.** Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 4 – 29.
2. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва, 1978 – 1980. – Текст : непосредственный.
3. **Журавлев, А. Ф.** Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. – Москва, 1994. – 84 с. – Текст : непосредственный.

4. Историческая типология славянских языков: Фонетика, словообразование, лексика, фразеология / Под ред. А. С. Мельничука. – Киев, 1986. – 216 с. – Текст : непосредственный.
5. **Лилич, Г. А.** Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (кон. XVIII – нач. XIX вв.). – Ленинград, 1982. – Текст : непосредственный.
6. **Маркова, Е. М.** Динамические аспекты лексики современных славянских языков : монография / Е. М. Маркова, Т. Григорянова. – Вроцлав : TRIBUN EU, 2016. – 187 с. – Текст : непосредственный.
7. **Правда, Е. А.** Славяноведение и современные славянские языки / Е. А. Правда, А. Д. Черенкова. – Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2007. – 167 с. – Текст : непосредственный.
8. **Покровский, М. М.** Избранные работы по языкознанию. – Москва, 1959. – Текст : непосредственный.
9. **Срезневский, И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский. – Москва, 1958. – Текст : непосредственный.
10. **Толстой, Н. И.** История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой. – Москва, 1988. – Текст : непосредственный.
11. **Травничек, Ф.** Чешский и русский языки / Ф. Травничек. – Текст : непосредственный // Славяне. – 1954. – № 4. – С. 29 – 32.
12. **Трубачев, О. Н.** Приемы семантической реконструкции / О. Н. Трубачев. – Текст : непосредственный // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. – Москва, 1988. – С. 197 – 222.
13. **Трубецкой, Н. С.** Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 121 – 139.
14. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. – Ленинград – Санкт-Петербург, вых. с 1965. – Текст : непосредственный.
15. Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. – Москва, вых. с 1974 г. – Текст : непосредственный.
16. **Poljanec, R. F.** Rusko-hrvatski rječnik / R. F. Poljanec, S. M. Madatova-Poljanec. – Zagreb : Školskakanjiga, 2002. – Текст : непосредственный.
17. Příruční slovník jazyka českého. T. 1 – 9. – Praha, 1935 – 1957. – Текст : непосредственный.
18. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. – Praha, 2003. – Текст : непосредственный.
19. Slovník slovenského jazyka. – Bratislava : Veda, 1987. – Текст : непосредственный.

*Зайцева Ирина Павловна*

*УО "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова"*

*e-mail: irinazaj91@mail.ru*

*УДК 398 (=161): 82-1: 581. 527*

**МАГИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ:  
ЕЩЁ РАЗ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ПОЭТАМИ  
ФЛОРИСТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ**

*Irina P. Zaitseva*

*Vitebsk State University named after P. M. Masherov*

**THE MAGIC OF EAST SLAVIAN MYTHOLOGY: ONCE AGAIN  
ABOUT THE CONCEPTION OF FLORISTIC IMAGES BY POETS**

*В статье анализируется лирический цикл классика украинской литературы М. Бажана "Розмай-зілля" его и перевод на русский язык Э. Багряцкого "Разрыв-трава", в которых в качестве ключевых компонентом функционируют номинации волшебных растений у восточных славян. Анализ подтверждает, что при переводе словесно-художественного произведения приоритетным для переводчика является сохранение цельности того впечатления, которое заложено в факт словесного искусства автором, что может достигаться различными способами.*

*Ключевые слова: мифопоэтическая система, восточнославянская мифология, волшебные травы, символика, лирический текст, концептуально-эстетическое своеобразие, синкретичный троп*

*The article analyzes the lyrical cycle of the classic of Ukrainian literature M. Bazhan "Rosemay-zilla" and his translation into Russian by E. Bagrytsky "Rip-grass", in which the nominations of magical plants among the Eastern Slavs function as key components. The analysis confirms that when translating a literary work, the priority for the translator is to preserve the integrity of the impression that is embedded in the fact of the verbal art by the author, which can be achieved in various ways.*

*Key words: mythopoetic system, East Slavic mythology, magic herbs, symbolism, lyrical text, conceptual and aesthetic originality, syncretic trope*

В мифологии восточных славян, как и в иных мифопоэтических системах, растения занимают весьма существенное место: они являются объектами множества мифологических интерпретаций и символизаций, выступают в роли атрибутов многих обрядов и ритуалов и т. п. В зависимости от закрепившихся за ними признаков и оценок растения делятся "на чистые, божественные, святые (берёза, вяз, дуб, клён, липа, ясень, барвинок, овёс, гречка и др.) и нечистые, дьявольские (осина, бузина, табак, сорняки); добрые (дуб, бук, липа, берёза) и злые (ясень, верба, ольха); пахучие (базилик, мята, медуница) и зловонные (валериана, полынь); колючие (репейник, терновник, боярышник, ежевика); вечно-зелёные (сосна, ель, барви-

нок); растения-обереги (чеснок, полынь, крапива, можжевельник); целебные (шиповник, лопух, ромашка, верба); ядовитые (белена, полынь); **мифические** (разрыв-трава, блудный корень, плакун-трава); **приносящие счастье** (кизил, ромашка) или **несчастье** (плющ, гортензия) и т. д. " (выделено мною. – И. З.) [9, с. 407]. В этой многогранной и весьма разветвлённой системе особое место занимают *волшебные травы* – группа травянистых растений (с точки зрения биологии, они представляют собой одну из жизненных форм высших растений), объединяющая травы, *наделённые чудесными свойствами*. В группе же волшебных трав одно из приоритетных мест (если не ведущее) принадлежит растению, чаще всего обозначаемому номинацией **разрыв-трава**, однако при этом имеющему целый ряд синонимичных названий. Так, в этнолингвистическом словаре "Славянские древности", где отмечено, что поверья об этом растении известны **всем** славянам, находим: "**Разрыв-трава** (рус. *разрыв-трава, спрыг-трава, скакун-трава, трава прыгун, трава огонь*, укр. *закарпат. клин-трава ...*) – мифическое растение, с помощью которого можно отмыкать замки и находить клады" [3, с. 396]. Более детально *разрыв-трава* характеризуется в ряде специальных мифологических словарей, где особый акцент закономерно делается на характеристике символики этого растения, которая у разных представителей славянства может, во-первых, не совпадать, во-вторых – довольно тесно, а в ряде случаев – и весьма причудливо, пересекаться с иными мифопоэтическими воззрениями. Так, например, во многих описаниях разрыв-травы упоминается о сходстве её свойств с ещё одним наделённым чудесными свойствами растением – папоротником; ср. в частности: "*Разрыв-трава* (спрыг-трава) – в русских и украинских поверьях чудесное средство, разрушающее всевозможные запоры и узы, помогающее преодолевать лютые препятствия, позволяющее овладевать кладами. **Предания о Разрыв-траве перекликаются с легендами о цветке папоротника, распускающемся в ночь на Ивана Купалу**" [7, с. 162]; "**Разрыв-трава** – чудесная трава, обеспечивающая преодоление преград, запоров и уз. Трава с подобными свойствами известна под другими названиями: плакун-трава, прыгун, скакун-трава. **Мифологизированное предание о Разрыв-траве сходно с преданиями о цветке папоротника**" (в обоих случаях выделено мною. – И. З.) [10, с. 275].

Безусловно, номинация "разрыв-трава", будучи обозначением с богатым и разноплановым семантико-ассоциативным содержанием, не могла остаться незамеченной художниками слова: она фигурирует во многих литературных произведениях различной родо-литературной и жанровой принадлежности. В одной из наших работ [6] анализируется функционирование этого обозначения в лирических произведениях русских поэтов XX столетия, традиции лингвоэстетического освоения которого были заложены, в основном, представителями серебряного века (М. Волошин, М. Цветаева и другие) и продолжены некоторыми из современных лириков.

Однако в настоящей публикации нам бы хотелось подробнее остановиться на том, как осмысливается понятие "разрыв-трава" при переводе лирических произведений на близкородственный восточнославянский язык. Основным объектом исследования в данном случае явились лирический цикл из трёх стихотворений, созданный на украинском языке классиком украинской литературы **Миколой Бажаном**, и перевод этого произведения на русский язык, выполненный Э. Г. Багрицким, известным русским и советским поэтом и переводчиком.

Лирический цикл украинского поэта М. Бажана под названием "Розмай-зілля" (отдельные стихотворения, входящие в цикл, названий не имеют) был написан в 1926 году; фрагмент из него (первая часть цикла) приводится далее:

### **РОЗМАЙ-ЗІЛЛЯ**

Тривожна ніч весни, туману й трясовиці,  
Мов моторошний **цвіт відьомський**, розквіта.  
І струшено з небес на дно студне криниці  
Тріпочеться зоря, як риба золота.

Долину сповнює дух м'яти і суніці,  
І по рясній траві прослалась пишнота  
Співучих закликів веснянки-гаївниці,  
Її тужливих скарг на визрілі літа.

Де **розцвітає** в млі туманних уголовин,  
Вогких пахнот, солодких соків повен,  
**Той перелесний цвіт, таємний цвіт тирлич**, –

Хитнувши осиняг, причалив тихо човен.

Дівочий спів стає блажен і снажокровен

В передчутті нічних, очікуваних стріч (выделено мною. – И. З.) [2].

В переводе этого произведения на русский язык, который выполнен Э. Г. Багрицким в 1929 году, эта часть цикла (первое из трёх стихотворений) выглядит следующим образом:

### **РАЗРЫВ-ТРАВА**

Пустая ночь земли, тумана, трясовицы,  
**Как колдовской цветок**, раскрылась и цветёт,  
И сброшена с небес в песок, на дно криницы:  
Звезда, как рыба, плавниками бьёт.

Гнильём и плесенью пропитаны станицы –

И пышно по-над травами плывёт

Стенанье самки, что во сне томится,

Чьё целомудрие как скорби гнёт.

Где в сумерках пустынных котловин,  
**Набухший влагой, тяжестью кровин**,  
**Цветок тирлич** потайно расцветает.

Качнув камыш, причалил тихо чѣлн,  
И голос девы, тяжкой страсти полн,  
Чутьѣм ночей звенит и улетаєт (выделено мною. – И. З.) [1, с. 400].

В обоих приведѣнных лирических текстах центральным, организующим лирическое пространство как семантически, так и композиционно, является образ волшебного растения, что подтверждается и вынесением в название стихотворного цикла номинаций "**Розмай-зілля**" (в оригинале на украинском языке) и "**Разрыв-трава**" (в переводе на русский язык). В мифопоэтической картине украинской лингвокультуры "розмай-зілля" означает "любовне зілля, символ забуття, безнадії, розлуки. Його шукали в день Зільника Зилоти"<sup>1</sup> [5 с. 442]. Очевидно, что замену данной номинации в названии переводимого лирического цикла не тождественным, а синонимичным словом ("разрыв-трава") в отчасти можно объяснить отсутствием в русском языке её полного аналога, хотя в период создания перевода Э. Багрицким произведения М. Бажана слово *зельє* (семантически тождественное второй части использованной украинским автором номинации – *зілля*) с некоторыми ограничениями (см. стилистические пометы) функционировало в русском языке в нескольких значениях, основным из которых было "ядовитый напиток, приготовленный из настоя на траве (книжн., обл.). *Приворотное зельє. Опойть зельєм*" [8].

Помимо этого, заслуживает внимания и тот факт, что в переводе Э. Багрицкий совсем не отказывается от ряда явных украинизмов (ср. : *криница* (рус. колодец), *по-над* (рус. над), используемых в том числе для создания интересующего нас образа: *Набухший влагой, тяжестью кровин, / Цветок тирлич потайно расцветает* (в оригинале: *розцвітає ... / Той перелесний цвіт, таємний цвіт тирлич*). Украинское слово *тирлич* (вариант *терлич*) в русском переводе сохраняет свой изначальный облик – отличия могут наблюдаться лишь на орфоэпическом уровне: являющиеся, в соответствии с нормами украинского произношения, твёрдыми звуки [т] и [л] в русском варианте произношения звучат мягко ([т'], [л']). В энциклопедическом словаре "Українська міфологія" символика обозначения *тирлич* трактуется следующим образом: "як і мак-видюк, відганяє від обійстя нечисту силу. Цю рослину нібито створив сам Бог, і тому її бояться чорти. Росте тільки в Києві перед Купалом на Лисій горі; у цю ніч туди злітаються всі відьми, але добути терлич можуть лише ті, хто раніше добув плакун. ... Чарівниці виготовляють з нього сік, що привертає любов, змиває з обличчя зморшки тощо"<sup>2</sup> [5, с. 444]. В русском же языке данная номинация отсутствует.

Отмеченная особенность позволяет предположить, что Э. Г. Багрицкий, переводя украинский текст на русский язык, вовсе не стремился полностью устранить из своего перевода безэквивалентные лексические единицы украинского языка, а значит, замена в названии цикла *розмай-зілля* на *разрыв-трава* обусловлена, вероятно, стремлением переводчика актуа-

лизировать в поэтическом тексте некие символические смыслы. С нашей точки зрения, поэту-переводчику важно было в принципе акцентировать читательское внимание на чудесных свойствах растений, которые окружают человека, живущего в гармонии с природой: именно в этом случае он может в важные жизненные моменты рассчитывать на волшебную силу этих трав, воспользоваться ею (в группу таких растений помимо номинаций *розмай-зілля* и *разрыв-трава*, входят также *цвіток тирлич* и *розмай*, о которых будет сказано далее).

Подтверждением высказанного предположения может, как представляется, служить тот факт, что в третьей части рассматриваемого лирического цикла – как в оригинальном, так и в переводном вариантах – мы наблюдаем функционирование ещё одной номинации, обозначающей волшебное растение: *розмай* (одно из народно-поэтических обозначений приворотного зелья в украинском языке: "**Розмай** ... нар. -поет. ... 2. Приворотне чарівне зілля"<sup>3</sup> [4, с. 1250]):

Мов келих пінявий, пролялось через край

Ярких, жадливих снів солодке шумовиння.

Роздерла на собі своїх прикрас плетіння

І гостю зайшлому **докинула розмай** (выделено мною. – И. З.) [2].

При переводе этого стихотворения на русский Э. Г. Багрицкий также не отказывается от явного украинизма, не имеющего аналога в русском языке (*розмай*):

Как кубок пенистый, пролился через край

Густых и влажных слов тяжёлый запах винный,

Порвала на груди своих монист рубины

И гостю страшному **докинула розмай** ... (выделено мною. – И. З.) [1, с. 401].

"Перекличка" названия цикла с номинациями волшебных растений, функционирующими в двух из трёх стихотворениях цикла: *розмай-зілля* – *перелесний цвіт*, *цвіт тирлич* – *розмай* (оригинальный украиноязычный вариант) и *разрыв-трава* – *цвіток тирлич* – *розмай* (переводной русскоязычный вариант), – в обоих случаях существенно расширяет семантический план лирического цикла, причём как в содержательно-фактуальном, собственно текстовом, слое, так и в слое подтекстовом. При этом также значительно расширяется и углубляется ассоциативный слой произведения, чему в немалой степени способствует включённость всех "перекликающихся" номинаций в образные средства – тропы и стилистические фигуры. Так, в оригинальном тексте цикла находим развёрнутый индивидуально-авторский троп, синкретичный по своей сути (взаимодействующие в поэтическом контексте **эпитеты** и **метафоры**): *розцвітає в млі туманних уголовин, / вогких пахнот, солодких соків повен, / той перелесний цвіт, тасмний цвіт тирлич*. Аналогичный троп – развёрнутый синкретичного характера (эпитеты и метафоры, взаимодействующие в условиях поэтиче-

ского контекста), – также явно индивидуально-стилистического свойства, функционирует и в переводном варианте третьей части лирического цикла: *Где в сумерках пустынных котловин, / Набухший влагой, тяжестью кровин, / Цветок тирлич потайно расцветает.*

Сопоставление оригинального и переводного вариантов лирического произведения, где в качестве ключевых компонентов функционируют номинации растений, наделённых в мифопоэтической картине восточных славян волшебными свойствами, позволяет в очередной раз убедиться в том, что при переводе художественного текста основной задачей переводчика является сохранение для адресата цельности того впечатления, которое заложено в факт словесного искусства автором. В связи с выполнением этой задачи вполне оправданным видится установка переводчика не стремиться сохранить все функционирующие в оригинальном тексте образы, а сосредоточиться на актуализации в переводе той символики, которая наиболее значима для автора в концептуально-эстетическом плане. Достижение этого результата путём привлечения не только общих с автором средств и способов отбора и организации языкового материала, но и несколько иных – при сохранении общей эстетической установки оригинального произведения – в большинстве случаев способствует формированию индивидуально-стилистического своеобразия переводного произведения.

### Примечания

<sup>1</sup>*В рус. переводе:* ‘любовное зелье, символ забытья, безнадежности, разлуки. Его искали в день Зельника Зилоты’.

**Зільник Зилота** (рус. **Зельник Зилота**) в украинской мифологии – "володар цілощого зела, царства квітів і рослин. ... Він надає рослинам найбільшій зцілювальній сили, через яку очищає від скверни душу й тіло, дарує людині палке кохання, завзяту молодість і радість до праці; однак вимагає від людей чуйного ставлення та особливої уваги до всякого зіллячка" (рус. перевод: ‘властитель целительного зела, царства цветов и растений... Он наделяет растения наибольшую целительную силу, через которую очищает от скверны душу и тело, дарит человеку пылкую любовь, задорную молодость и радость к труду; однако требует от людей чуткого отношения и особого внимания ко всякому снадобью’) [5, с. 191].

<sup>2</sup>*Рус. перевод:* как и мак-видюк, отгоняет от подворья. Это растение будто бы создано самим Богом, поэтому его боятся черти. Растёт только в Киев, перед Купалой на Лысой горе: в эту ночь туда слетаются все ведьмы, но добыть тирлич могут только те, кто раньше добыл плакун. ... Волшебницы готовят из него сок, привлекающий любовь, смыывающий с лица морщины и т. д.

<sup>3</sup>*Рус. перевод:* приворотное волшебное зелье.

### Список использованных источников

1. **Багрицкий, Э. Г.** Стихотворения и поэмы / Вступ. статья Е. П. Любаревой; составление Е. П. Любаревой и С. А. Коваленко; подготовка текста и примечания С. А. Коваленко-Багрицкой. – Москва – Ленинград : Советский писатель, 1964. – 570 с. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). – Текст : непосредственный.
2. **Бажан, М.** Розмай-зілля : [сайт]. – URL:[http://www.poetryclub.com.ua/metrs\\_poem.php?poem=10971](http://www.poetryclub.com.ua/metrs_poem.php?poem=10971) (дата обращения: 04.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
3. **Белова, О. В.** Разрыв-трава / О. В. Белова. – Текст : непосредственный // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Том 4. – П (Переправа через воду) – С (Сито). – Москва : Международные отношения, 2009. – С. 394 – 395.
4. Великий тлумачний словник української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ; Ірпінь : ВТФ "Перун", 2005. – 1728с. – Текст: непосредственный.
5. **Войтович, В.** Українська міфологія / В. Войтович. – Київ : Либідь, 2002. – 664 с. – Текст : непосредственный.
6. **Зайцева, И. П.** Эстетическое осмысление этнолингвистического потенциала славянской мифологии в словесно-художественном творчестве / И. П. Зайцева. – Текст : непосредственный // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. – № 13 (152). – Липень. – 2008. – С. 94 – 103.
7. Персонажи славянской мифологии / сост. : А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. – Киев : Фирма "Корсар", 1993. – 224 с. – Текст : непосредственный.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : [сайт]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=19326> (дата обращения: 04.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
9. **Усачёва, В. В.** Растения / В. В. Усачёва. – Текст : непосредственный // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Том 4. П (Переправа через воду) – С (Сито). – Москва : Международные отношения, 2009. – С. 406 – 412.
10. **Шуклин, В. В.** Русский мифологический словарь / В. В. Шуклин. – Екатеринбург : Уральское издательство, 2001. – 384 с. – Текст : непосредственный.

**Коваль Владимир Иванович**

УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"  
e-mail: vlad-kov@mail.ru

УДК 811. 161'42: 7. 046. 1 (=161)

## **МИФОЛОГЕМА "ОСТРОВ БУЯН" В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ**

**Vladimir I. Koval**

*Francisk Skorina Gomel State University*

### **MYTHOLOGEME "BUYAN ISLAND" IN THE EAST SLAVIC CULTURAL TRADITION**

*В статье анализируется происхождение онима Буян как названия мифического острова в сказочном тексте и в текстах восточнославянских народных заговоров. Описываются находящиеся на острове Буяне мифические персонажи, которые позитивно влияют на человека и животных. Отмечается этимологическая связь рассматриваемого онима с представлениями об изобилии, разрастании, увеличении, страстности.*

*The article analyzes the origin of the onym Buyan as the name of a mythical island in the fairy-tale text and in the texts of East Slavic folk conspiracies. It describes the mythical characters that are located on the island of Buyan, which have a positive effect on humans and animals. The etymological connection of the onym under consideration with the ideas of abundance, expansion, increase, and passion is noted.*

*Ключевые слова: остров Буян, мифология, мифические персонажи, семантика, этимология*

*Keywords: Buyan Island, mythology, mythical characters, semantics, etymology*

Инсулоним *Буян* в мифологической картине мира восточных славян устойчиво ассоциируется прежде всего со сказочным морским островом, хорошо известном по пушкинской "Сказке о царе Салтане". Рассказывая князю Гвидону о себе, купцы четырежды (как бы между прочим, "для рифмы": *Буян – Салтан*) называют этот загадочный остров, который находится на их пути к царству Салтана: *Мы объехали весь свет, / Торговали соболями, / Чернобурыми лисами; / А теперь нам вышел срок: / Едем прямо на восток, / Мимо острова Буяна, / В царство славного Салтана...* Четыре раза остров Буян упоминается и в авторском четверостишии-рефрене: *Ветер весело шумит, / Судно весело бежит / Мимо острова Буяна, / В царство славного Салтана.*

Предполагая связь сказочного острова Буяна с реально существующим географическим объектом, В. И. Меркулов указывает, что основные мотивы сюжета своей сказки Пушкин почерпнул из общения с няней Ари-

ной Родионовной, родившейся и выросшей на Русском Севере, исторически тесно связанном с южно-балтийским побережьем. "В основе сказки лежало древнее предание, повествовавшее об островном государстве, состоявшем из города-крепости, которое охранялось береговой стражей и вело международную торговлю". Таким "островным государством" мог быть остров Балтийского моря *Рюген*, находящийся в современной Северной Германии и населенный ранее славянами, которые называли этот остров иначе – *Руян*. В дальнейшем этот инсулоним, активно употреблявшийся в славянском фольклоре, преобразовался в поэтоним с понятной для славян, мотивированной структурой – *Буян* [6, 166 – 169]. Показательно при этом, что корневая морфема этой номинации (*буй-*) соотносится в русских народных говорах со словами, имеющими характерный для любого острова признак возвышения: *буй* 'возвышенное открытое место', 'холм, гора' [11, с. 260]; *буян* 'открытое со всех сторон, возвышенное место' [13, с. 257].

Более сложную семантику и народно-поэтическую символику остров Буян реализует в текстах восточнославянских заговоров, на что одним из первых обратил внимание еще в середине XIX века А. Н. Афанасьев, считавший, что остров Буян символизирует некое идеальное, "райское" место, дарующее людям жизнь и защищающее их от различных напастей: "Славяне-язычники веровали в чудесную страну, лежащую на востоке, там, откуда восходит солнце – это верховное божество света, теплоты и жизни. Здесь в светлом доме жило Солнце со своим родом, сюда могло удаляться оно на ночь и здесь хранило свою животворную силу плодородия зимою, когда наступало царство холода. Страна, где обитает светлая божественная сила, есть страна вечного лета, откуда на всю землю разносится плодотворная жизнь в птицах, гадах, насекомых и семенах, которые являлись на землю весной, а при конце осени уносились в царство вечного лета. На Буяне-острове сосредоточивались все творческие силы природы, как вечно полном и неисчерпаемом источнике". Здесь же ученый обращает внимание на внутреннюю форму слова *Буян*: "На такое же значение Буяна, кроме преданий, указывает само имя, в корне которого лежит слово *буй* (*буйный*), синонимическое со словами *яр, яркий, яровой, Ярило*" [1, с. 13].

Сходную поэтическую характеристику острову Буяну давал один из сторонников и последователей А. Н. Афанасьева – профессор О. Ф. Миллер: "Остров Буян, по народным преданиям, это то место за далеким небесным морем, откуда заносится всякая жизнь и куда она снова относится; эта та лежащая на востоке страна солнца, где оно как бы живет домом, куда оно каждый вечер уходит и откуда возвращается каждое утро. Как страна солнцева, это страна незаходящего лета, откуда, ветры заносят его на время и к нам на землю со всякими семенами" [7, с. 78].

Н. И. Коробка, определяя Буян как "райский остров русского мифа", отмечал сосредоточие на нем мифических персонажей, помогающих лю-

дям: "На Буяне живет змея – старейшая из всех змей; вещий ворон – старший брат всех воронов; птица самая большая и старая из всех птиц, с железным клювом и медными когтями, и Пчелиная Матка – старейшая из пчел" [4, с. 425].

Обращение к текстам восточнославянских заговоров однозначно убеждает в исключительно позитивном осмыслении острова Буяна, поскольку находящиеся на нем субъекты соотносятся с представлениями о помощи людям и их защите от порчи, болезней, змеиных укусов и кровотечения. На острове Буяне, по данным заговорных текстов, находятся:

Матерь Божья и святые: рус. в церкви стоит Матерь Божья, которая читает Евангелие и "отговаривает от колдунов, завистников, от худого часу и от худого сглазу" [8, с. 230]; стоящая в церкви Пресвятая Богородица вышивает золотой иглой, шелковой ниткой и останавливает кровь [5 с. 62]; Божья Матерь и зубной целитель – святой Антипий – заговаривают зубную боль [10, с. 364]; святые Егорий Победоносец, Михаил Архангел, Илья-пророк и Николай Чудотворец побеждают лютого огненного змея, летающего "к девице царской" [10, с. 323]; Илья-пророк заговаривает от пули идущего на войну солдата [5, с. 145];

птицы: бел. царь-ворон – медный клюв, серебряные когти, золотые крылья – прилетает к скотине и забирает ее болезни [3, с. 92]; царь-ворон останавливает кровь [3, с. 158]; орел без перьев и без крыльев, который "снимает" сухоты (чахотку) [3, с. 358];

змеи: рус. змея Скорпея, которую просят найти змею, укусившую человека [5, с. 71]; змея Скорпия с тремя сестрами, которых просят забрать "свою лихость" [10, с. 395]; змей-Скороспей, которого призывают вынуть свое жало [8, с. 243]; змея Катерина, которую просят "унять своих друг и подруг" [9, с. 691]; бел. змеи Сукропея, Ярая и Переярая, которых просят поскорее вынимать своё лютое жало [3, с. 138]; уж со своей уженицей, которых просят собрать своих подданных и вынуть лютое жало [3, с. 135]; укр. змея Шкуропея, которую просят вынимать острое жало [12, с. 121];

растения: бел. дуб без макушки и без веток, который забирает у скотины болезни [3, с. 93]; дуб Якуб, которого просят забрать змеиный яд [3, с. 127];

девушка, "зашивающая" кровотечение: рус. сидящая на гробнице девица шьет шелком и заговаривает рану [5, с. 62]; сидят три девицы, "первая девица иголки держит, вторая ниточки делает, третья кровавую рану зашивает" [5, с. 64]; девица "красным шелком шила; шить не стала – кровь перестала" [10, с. 290]; "красная девица, швея-мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, зашивает раны кровавые" [10, с. 290].

Весьма своеобразно понимал мифологическое содержание острова Буян профессор Н. И. Барсов, который исходил из того, что сюжеты любовных заговоров, связанные с островом Буяном, дают основание считать его местом, где "свободно происходят те любовные похождения, которые не-

возможны в стране господства Домостроя" [2, с. 214]. Кроме того, ученый по-своему отвечал на вопрос о том, "почему этот таинственный остров свободной любви, где совершаются все не дозволенные церковной моралью любовные похождения, носит название *Буян*": значение глагольной основы *обуять* на основании сравнения с сочетаниями *страсть обуяла, обуяла похоть* он определял как 'похотствовать греховно' [2, с. 215].

Действительно, производные с корнем \**buj-* в разных славянских языках реализуют значения, содержащие признаки разрастания, увеличения, изобилия, интенсивности, буйства, и – в переносном значении – неконтролируемого поведения и распутства: слов. *bujan* 'буян, крикун', русск. *буян* 'буйный, беспокойный человек', 'грубиян и забияка, задира и драчун, особенно во хмелю'; укр. *буян* 'непослушный, упрямый вол', бел. диал. *буян* 'бык' [14, с. 82 – 83]; болг. *буя* 'буйно расти', серб. *бујати* 'набухать', ст. - чеш. *bujeti* 'роскошествовать, процветать', чеш. *bujeti* 'буйно расти, разрастаться', слов. *bujat* 'кутить, распутничать, буянить', польск. *bujac* 'разгуливать, гулять на свободе', ст. -укр. *буяти* 'буйно проявляться', 'изобилывать', укр. *буяти* 'роскошно расти', 'буйствовать, бушевать' [14, с. 83]; рус. *буй* 'храбрый, отважный', 'дикий', укр. *буйний* 'пышный, буйный', бел. *буйны* 'крупный', ст. -сл. *боуи* 'дикий, буйный, помешанный', серб. *бујан* 'буйный, неистовый', др. -чеш. *buj* 'глупый, сумасбродный', польск. *bujny* 'похотливый' [13, с. 234]; *буй* 'сильный ветер', 'драка между двумя партиями парней', *гонка на буй* 'сходка девок и парней на просторе, откуда они расходятся парами, знакомятся и сватаются' [11, с. 260].

В любовных заговорах нередко присутствует находящаяся на острове Буяне персонафицированная любовная зависимость – тоска или печаль-сухота, направленная в адрес заговариваемого: *На море на океане, на острове Буяне стоит там изба без верху, без потолка, без окон, без дверей. В той избе лежит доска, на той доске сидит три тоски тосковыя, горевыя и плачевныя. Зайдите вы, тоски, к рабу Божию...* [9, с. 695]; *На море, на океане, на острове Буяне живут три брата, три ветра – один северный, другой восточный, третий западный. Навейте, нанесите вы, ветры, печаль-сухоту рабе (имя), чтобы она без раба (имя) дня не дневала, часа не часовала* [5, с. 10].

В еще большей мере предположение Н. И. Барсова о "греховности" острова Буяна иллюстрирует следующий заговорный текст, субъект которого прямо заявляет девушке о своем намерении ее соблазнить с целью привораживания, обладания ею: *На море на Окиане, на острове на Буяне лежит камень, на том камне сидит красная девка, раба (имя), и пришел к ней раб Божий (имя) и говорит ей: "Ты меня не убойся, я пришел, твой товарищ, тебя соблазнить, чтобы тебе меня почитать и всегда на уме держать, в еже бы не заедать и в питье бы не запивать, во сне бы не засыпать, вы гульбе бы не загуливать. Бросалась бы тоска в ночное окошко, в полуденное окошко, в дневное окошко; казался бы я тебе краснее красного*

*солнца и светлее светлого месяца, милее отца и матери, роду и племени, вольного света, разного цвета, что на свете цветет". Будь ты, мой при-ворот, крепче камня, крепче железа, отныне и до века" [5, с. 21].*

Таким образом, мифологема "остров Буян" является своеобразным культурным концептом, отражающим архаичные языческие представления восточных славян об идеальном отдаленном и одновременно доступном пространстве, населенном мифическими персонажами, которые оказывают на человека позитивное воздействие и возбуждают в нем любовное чувство.

#### Список использованных источников

1. **Афанасьев, А. Н.** Языческие предания об острове Буяне / А. Н. Афанасьев. – Текст : непосредственный // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. – Кн. 9. – Москва, 1851. – С. 1 – 24.

2. **Барсов, Н. И.** К литературе об историческом значении русских народных заклинаний / Н. И. Барсов. – Текст : непосредственный // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. – Санкт-Петербург, 1893. – №1. – С. 209 – 220.

3. **Замовы / Уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент.** Г. А. Барташэвіч; Рэдкал. : А. С. Фядосік (гал. рэд.) і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 597 с. – Текст : непосредственный.

4. **Коробка, Н. И.** "Камень на море" и камень Алатырь / Н. И. Коробка. – Текст : непосредственный // Живая старина. – 1908. – Вып. 4. – С. 409 – 426.

5. **Майков, Л. Н.** Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. – Санкт-Петербург : Типография Майкова, 1869. – 164 с. – Текст : непосредственный.

6. **Меркулов, В. И.** Древнерусское предание с острова Рюген / В. И. Меркулов. – Текст : непосредственный // Русин. – 2014. – №1 (35). – С. 165 – 171.

7. Опыт исторического обозрения русской словесности Ореста Миллера. – Часть 1. – Выпуск 1. Издание второе. – Санкт-Петербург : В типографии Кукол-Яснопольского, 1865. – 407 с. – Текст : непосредственный.

8. **Попов, Г.** Русская народно-бытовая медицина : По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Г. Попов. – Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1903. – 404 с. – Текст : непосредственный.

9. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. – Москва : Индрик, 2010. – 832 с. – Текст : непосредственный.

10. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – Москва : Автор, 1992. – 607 с. – Текст : непосредственный.

11. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 3. – Ленинград : Наука, 1968. – 360 с. – Текст : непосредственный.

12. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. Том первый. – Санкт-Петербург, 1872. – 252 с. – Текст : непосредственный.

13. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Прогресс. – Т. 1: А – Д. – 1986. – 573 с. – Текст : непосредственный.

14. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – Вып 3. (\*bratъь – \*sъrky) / под ред. чл. -кор. АН СССР О. Н. Трубачева. – Москва : Наука, 1976. – 199 с. – Текст : непосредственный.

*Степанов Евгений Николаевич*

*Хунаньский педагогический университет, г. Чанша, КНР  
e-mail: [stepanov.odessa@gmail.com](mailto:stepanov.odessa@gmail.com)*

УДК 81'271. 2'372: 168. 522

## **РЕЧЕ-КУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ОСНОВНОЕ СТРУКТУРНОЕ ЗВЕНО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**

*Ievgenii N. Stepanov*

*Hunan Normal University, Changsha, China*

### **SPEECH-CULTURAL CATEGORY AS THE BASIC STRUCTURAL LINK OF LINGUOCULTUROLOGY**

*Осмысление проблемы систематизации объекта и предмета изучения лингвокультурологии обусловило выдвижение в данной статье концепции структурной организации этой науки, прежде всего, как раздела языкознания. Автор представляет понятие рече-культурной категории, которое охватывает всю языковую систему и рассматривается как любая категория языковой системы, способная отразить в речевом поведении человека его лингвокультурную сущность в соответствующих ситуациях при реализации теми или иными фреймами опре-*

*Comprehension of the systematization problem of the object and subject of study of cultural linguistics led to the advancement in this article of the concept of the structural organization of this science, first of all, as a section of linguistics. The author presents the concept of a speech-cultural category, which covers the entire language system and is considered as any category of the language system capable of reflecting in a person's speech behavior his linguocultural essence in appropriate situations when certain deliberate or unintentional*

делённых преднамеренных или непреднамеренных тактик и рече-культурных сценариев. Приведены примеры возможного лингвокультурологического структурирования фонетической, лексической, словообразовательной, грамматической систем русского языка.

*Ключевые слова:* методология лингвистического исследования, лингвокультурология, рече-культурная категория, система языка, структура языка, речеповеденческая тактика

*tactics and speech-cultural scenarios are implemented by certain frames. Examples of possible linguoculturological structuring of the phonetic, lexical, word-formation, grammatical systems of the Russian language are given.*

*Key words:* methodology of linguistic research, cultural linguistics, speech-cultural category, language system, structure of language, speech-behavioral tactics

Целью данной статьи является осмысление проблемы систематизации объекта и предмета изучения лингвокультурологии как науки, возникшей четверть века назад "на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке" [5, с. 28]. За время активного и успешного становления данной науки исследователи стремились как можно точнее установить сферы её исследования, специфику объектов и предметов наблюдения, способов их изучения. Так, В. Н. Телия в 1996 г. рассматривала лингвокультурологию лишь как направление этнолингвистики со специфическим предметом изучения: синхронным взаимодействием культуры и языка [7, с. 217]. Уже в 2002 г. В. В. Красных объектами изучения лингвокультурологии считает национальные картины мира, языковое сознание, особенности ментально-лингвального комплекса, а предметом – проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связывая эту науку с когнитивной лингвистикой [4, с. 12]. Н. Ф. Алефиренко так обозначил предмет изучения лингвокультурологии: "способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры", подразумевая под объектом изучения язык и объекты культуры [1, с. 14 – 15]. Языковеду из этой дефиниции понятно, что средства репрезентации объектов культуры в лингвокультурологии – это единицы всех уровней и подуровней языка.

Глядя же на систему терминологии и дефиниции терминов, представляемых авторитетными исследователями в лингвокультурологии как центральные, создаётся впечатление существенного научного дисбаланса: почти вся терминологическая система этой науки замыкается на характеристике единиц лексико-фразеологической и лексико-когнитивной подсистем языка. Следовательно, под единицами языка, имеющими культурную составляющую, обычно подразумеваются единицы лексического и фразеологического порядка. Например, в монографии Е. М. Верещагина и

В. Г. Костомарова "Язык и культура" за 2005 года, которая имеет подзаголовок "Три лингвострановедческие концепции : лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы", указаны такие основные лингвокультурологические понятия: *лексический фон, концепт, сапиентема, лингвосапиентема*. Авторы в дискуссии с Ю. С. Степановым называют все эти термины феноменами одного порядка, различающимися разной ролью в обозначении понятия, его смысла и самого явления [2, с. 427 – 428]. Например, своё понимание *лексического фона* они усматривают в том, как Ю. С. Степанов рассматривает *концепт*: "...Как сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, <...> то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё" [6, с. 43]. Феномены *сапиентемы* и *лингвосапиентемы* представлены Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым как выразители *лексического фона*: сапиентема представлена как программа развёртывания априорных смыслов, а лингвосапиентема – апостериорных смыслов: "невербальная сапиентема, взятая в совокупности с вербальными итогами своего развёртывания, т. е. в совокупности с лексическими фонами и рече-поведенческими стратегиями (и тактиками), называется лингвосапиентемой" [2, с. 920].

В лингвокультурологических работах представлены также феномены *логоэпистемы* и *лингвокультуранты*, которые в своей основе также ориентируются на лексико-фразеологическую систему языка. Например, Е. И. Зиновьева *лингвокультурантой* называет единицу "лингвокультурологического поля, включающую в себя единство знака, значения и соотносительного понятия о классе **предметов культуры**. Семантика лингвокультуранты представляет собой диалектическую связь языкового и внеязыкового содержания (референта)" [3, с. 73]. Подчеркнём: "предметов культуры".

Мы не перестаём думать о том, что первый корень слова *лингвокультурология* – **лингв-** – обозначает язык, а не только некоторые его аспекты. Ведь не изученными с точки зрения лингвокультурологии, а порою даже не замеченными исследователями остаются факты лингвокультурного использования граммем каждой грамматической категории, разных вариантов ударения, интонации, разных синтаксических структур, лексических категорий. Например, встречали ли вы когда-либо исследование граммемы среднего рода имён существительных, омонимии, обобщённо-личного предложения, метатонии и многих других категорий языковой системы в лингвокультурологическом аспекте? А ведь есть что изучать. Так, сегодня много и совершенно по-разному говорят и пишут о феномене языковой игры, когда говорящий или пишущий преднамеренно используют ошибочную или вариативную форму в определённой рече-поведенческой ситуации, в том или ином рече-культурном сценарии. Кстати, языковую игру мы рассматриваем как синкретическую рече-культурную категорию. Многие

факты преднамеренного речевого поведения характеризуются в теоретических исследованиях и в практике изучения языка однообразно: как стилистически окрашенные. Но ведь не меньшее количество разнообразных ошибок и нарушений по разным причинам совершается непреднамеренно. Большинство из них возможны в конкретном языке и обусловлены спецификой конкретной языковой системы, характеризуются тем или иным рече-культурным сценарием и, с нашей точки зрения, должны рассматриваться как проявления рече-поведенческой тактики непреднамеренных нарушений.

К сожалению, в лингвокультурологии нет ни единого термина, кроме многозначного термина *концепт*, который указывал бы на комплексный подход к формальным категориям языковой системы, каждая из которых может быть рассмотрена в лингвокультурологическом аспекте. Уже давно назрела необходимость в термине, обозначающем *любую категорию языковой системы, способную отражать в речевом поведении человека его лингвокультурную сущность в соответствующих ситуациях при реализации теми или иными фреймами определённых преднамеренных или непреднамеренных тактик и рече-культурных сценариев*. Наиболее удачным, с нашей точки зрения, мог бы стать термин **рече-культурная категория**. В этом случае уместно было бы систематизировать эти категории, в зависимости от аспекта функционирования. В рамках рече-культурных категорий грамматики можно было бы исследовать **рече-культурные граммы** (например: рече-культурная категория рода и рече-культурные граммы мужского, женского и среднего рода; рече-культурная категория вида и рече-культурные граммы несовершенного и совершенного вида; рече-культурная категория времени и рече-культурные граммы настоящего, будущего, прошедшего времени и под.). В рамках словообразовательных рече-культурных категорий могут исследоваться **рече-культурные дериватемы** (например: *рече-культурная категория префиксации* и *рече-культурные дериватемы приставка по-, приставка раз- / разо-, приставка недо- и др.*; *рече-культурная категория безаффиксного способа образования слов* и *рече-культурные дериватемы аббревиации, сложения, усечения основы, субстантивации, адъективации, прономинализации* и др.; *рече-культурная категория суффиксации* и *рече-культурные дериватемы суффикс -чик- / -щик-, суффикс -ви- / -ш-, суффикс -ёж- / -еж- и др.*). В рамках фонетических рече-культурных категорий могут исследоваться, например, **рече-культурная категория фонемы** и *рече-культурные фонемы <г>, <м>, <р>, <ф>, <а>, <ы>* и др.; **рече-культурная категория ударения** и *рече-культурные позиции ударного гласного, безударного гласного, прогрессивной метатонии, регрессивной метатонии* и др. В рамках **лексических рече-культурных категорий** могут исследоваться, например, *рече-культурные категории омонимии, паронимии, антонимии, полисемии* и др., а также *рече-культурные способы многозначности (метафора как*

*рече-культурный способ многозначности; метонимия и синекдоха как рече-культурные способы многозначности); рече-культурные многозначные лексемы: цель, дом, канал, пускать, больной, высокий, наверное и многие другие; рече-культурные паронимические ряды; рече-культурные антонимические пары и т. д.*

Предсказуемой функциональной особенностью этих **рече-культурных категорий** является, по нашему мнению, наличие речеповеденческих ситуаций, отражающих речеповеденческие тактики непреднамеренного и / или преднамеренного типа.

Реализация выдвинутой нами **концепции рече-культурных категорий** даёт возможность полномасштабной лингвокультурологической систематизации языка, при которой параллельно будут представлены язык как формализованная система знаков и язык как рече-культурная система соответствующих знаков. Объединение этих систем, которые сегодня реально функционируют, происходит на основе законов коммуникативной и когнитивной лингвистики, социолингвистики и этнолингвистики. Данные аспекты также представляют интерес для выстраивания антропоцентрической парадигмы языка на основе его системно-структурной парадигмы, успешно создававшейся предыдущими поколениями языковедов.

#### **Список использованных источников**

1. **Алефиренко, Н. Ф.** Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта; Наука, 2010. – 288 с. – Текст : непосредственный.
2. **Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г.** Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции : лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Индрик, 2005. – 1038 с. – Текст : непосредственный.
3. **Зиновьева, Е. И.** Лингвокультурология : от теории к практике : учебник / Е. И. Зиновьева. – Санкт-Петербург : СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с. – Текст : непосредственный.
4. **Красных, В. В.** Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с. – Текст : непосредственный.
5. **Маслова, В. А.** Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.
6. **Степанов, Ю. С.** Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 824 с. – Текст : непосредственный.
7. **Телия, В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с. – Текст : непосредственный.

*Сузанская Татьяна Николаевна*

*Бельцкий государственный университет  
имени А. Руссо (Республика Молдова)*

*e-mail: suzanskaia@mail.ru*

*УДК (CZU) 821. 161. 1. 09-3"18-20"*

## **РУССКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО О МАТЕРИ В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ XIX – XXI ВВ.**

*Tatiana N. Suzanskaya*

*Balti State University "A. Russo", Moldova Republik*

### **RUSSIAN LITERARY WORD ABOUT THE MOTHER IN THE HISTORY OF LITERATURE OF THE XIX – XXI CENTURIES**

*В статье рассматриваются отдельные аспекты развития темы материнства и детства в истории русской классической литературы XIX-XXI вв., а также особенности воплощения облика матери в новейшей русской литературе, например, в повести П. Санаева "Похороните меня за плинтусом". Оттолкнувшись от идеи "слёзного аспекта" мировидения писателя (Бахтин) и образной мысли Эриха Фромма о "молоке" и "мёде", которые мать может дать своему ребёнку, автор делает вывод о редкостном, практически единичном воплощении облика счастливой матери в русской литературе XIX – XX вв. : речь идет о Наташе, героине эпопеи Л. Толстого "Война и мир".*

*Ключевые слова: художественный образ, тематика и проблематика произведения, "слёзный аспект" мировидения писателя*

*The article examines certain aspects of the development of the theme of motherhood and childhood in the history of Russian classical literature of the nineteenth and twenty-first centuries, as well as the peculiarities of the embodiment of the mother's appearance in the latest Russian literature, for example, in P. Sanaev's story "Bury me behind the plinth". Proceeding from the idea of the "tearful aspect" of the writer's worldview (Bakhtin) and Erich Fromm's imaginative thought about "milk" and "honey" that a mother can give to her child, the author concludes that there is a rare, almost single embodiment of the image of a happy mother in Russian literature of the nineteenth and twenty-first centuries: it is all about Natasha, the heroine of L. Tolstoy's epic War and Peace.*

*Keywords: literary figure, subject matter and problematics of the work, "tearful aspect" of the writer's worldview*

Высокие материнские чувства, образы матери и ребёнка в их слитном изображении всегда были в русской литературе и культуре предметом искреннего волнения художника, что объясняется гуманистическим пафосом русской классики, значимостью облика матери для мировой культуры, традициями народнопоэтического творчества. Чрезвычайно трудно найти писателя, который обошёл бы эту тему. Кстати, она почти не прозвучала в творчестве великого Пушкина, в универсальном художественном мире

которого, хотя бы в зародыше, представлено практически всё. Очевидно, это связано с характером воспитания будущего поэта и особенностями семейных отношений старших и младших Пушкиных.

Вместе с тем фактов блистательного воплощения данного образа огромное множество, типологически осмыслить их крайне трудно: мать *любящая, терпеливая, жертвующая собой ради детей, "берегиня", спасительница, хранительница очага, страдающая и скорбная, потому что заранее знает о трагической судьбе сына (как Богоматерь)* и т. д. до бесконечности. **Материнство** с культурологической точки зрения – это качество архетипическое, известное как в русской, так и в мировой мифологии. Это универсальное свойство Хаоса и Космоса, человеческого и природного мира, отличающее и женщину, и Землю в целом, оно прослеживается и в древнем и в современном художественном сознании: "Материнства не взять у Земли..." – утверждает Владимир Высоцкий в "Песне о Земле".

"Земля обетованная (Земля – всегда символ матери) "течёт молоком и мёдом". Молоко – символ... заботы и утверждения. Мёд символизирует сладость жизни, любовь к жизни и счастье от того, что живёшь на свете. Большинство матерей могут дать своим детям "молоко", но лишь немногие дают ещё и "мёд". Чтобы давать мёд, женщина должна быть не просто "хорошей матерью", но и счастливым человеком, а это – достижение немногих", – писал выдающийся мыслитель XX века Эрих Фромм [3, с. 121]. В соответствии с данным постулатом возникла идея проследить, как отразился в русской литературе образ **счастливой** матери, могущей дать детям не только "молоко" (то есть заботу, дом, защиту), но и "мёд" (т. е. ощущение счастья и полноты жизни).

Отразился, как думается, лишь бледным намёком...

Чаще всего предметом изображения оказывалась страдающая женщина-мать. Особенно характерно это для лирики Некрасова, создавшего образ матери беззаветно любящей, но несчастной:

*Всю ты жизнь прожила нелюбимая,  
Всю ты жизнь прожила для других...  
...Весь свой век под грозю сердитую  
Простояла ты, – грудью своей  
Защищая любимых детей.*

В стихотворении "Внимая ужасам войны..." поэт сравнивает мать с плакучей ивой. Образ матери Некрасов несёт чрезвычайно высоко, именно к нему постоянно возвращается в своей лирике. Больше двадцати лет он писал поэму "Мать", но смерть поэта оборвала работу над ней. Всеми лучшими своими чертами он считал себя обязанным именно матери, и прежде всего – "живой душой".

Один из ярких примеров рассматриваемой темы – мать Остапа и Андрия в "Тарасе Бульбе" Н. Гоголя, которая, как "степная чайка", простёрла

руки-крылья над спящими сыновьями, предчувствуя, что никогда больше их не увидит. В её безответных вопросах: "Сыны мои, сыны мои милые! Что будет с вами? Что ждёт вас?" – писатель заключил вечную суть страдания матери. Даже суровый Бульба, не склонный к проявлению эмоций, осознаёт огромную силу материнской любви: "Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает", – говорит он Остапу и Андрию. Сцена прощания с матерью в этой повести – одна из самых пронзительных во всей русской литературе; после расставания с матерью "молодые козаки ехали смутно и удерживали слёзы, боясь отца, который, с своей стороны, был тоже несколько смущён..."

Образ матери в гоголевских "Записках сумасшедшего" наделён особыми целительными функциями. Просветление в сознании сошедшего с ума несчастного чиновника Поприщина (а значит, и возможность выздоровления) произошло только в момент возникновения в его памяти облика матери: "Дом ли то мой синее вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят! Матушка, пожалей о своём больном дитятке! . . "

М. Лермонтов в "Ангеле" и "Казачьей колыбельной песне", И. Гончаров в "Обломове", Н. Некрасов в лирике и поэмах, Ф. Достоевский в "Преступлении и наказании", Л. Толстой в автобиографической трилогии, "Войне и мире", "Анне Карениной", "Воскресении" – и многие другие писатели и поэты XIX века, – с редкостной теплотой воплотили чудо материнской любви.

Страдательный характер материнского облика актуализируется и в русской литературе XX века: в романе "Жизнь Арсеньева", автобиографический герой говорит: "С матерью связана самая горькая любовь всей моей жизни. Всё и все, кого любим мы, есть наша мука, – чего стоит один этот вечный страх потери любимого!" Мать, вся душа которой состояла из любви, поразила душу Алексея Арсеньева воплощением печали. "Сколько слёз видел я ребёнком на её глазах, сколько горестных песен слышал из её уст!" – вспоминает он.

Тем не менее, страдание и горе не делают мать слабой. В материнстве заключена и огромная сила. В уникальной "Песне о гоце" Бунин через стилизацию романской народной песни показывает спасительную силу материнского чувства к сыну: "Ты, зелёный лист дикой яблони, вы, весенние Кодри, и вы, быстрые реки! Ни сила, ни хитрость, ни талисманы, ни заговоры не спасли бы его от позора. Уже стучали топорами на площади в Яссах, уже вострил палач на белую шею гоца свою тяжёлую секиру. Да дошла, долетела весть о близкой казни гоца до его родного дома. <...> Как заплакала мать гоца, задрожала его тесная темница, зашатались стены, за-

трещала ржавая оконная решётка. Как заплакала мать гоца, в прах рассыпались его оковы, вышел он на вольное поле..."

Таким образом, спасительными оказываются и материнская молитва, и плач матери, и её чувства, и самый облик.

Тем не менее, приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что вопрос о "мёде" материнской любви остаётся открытым...

Как нам представляется, Наташа Ростова, любимая героиня Толстого, ближе всех стоит к идеалу счастливой матери, которая способна дать детям не только "молоко", но и "мёд". С детства она была одарена потрясающим талантом ощущать полноту и красоту жизни, любить жизнь, в ней заключена огромная потенциальная сила быть счастливой и небывалая возможность передать это витальное ощущение своим детям. В эпилоге "Войны и мира" Толстой открыто и просто назвал Наташу "сильной, красивой и плодотворной самкой", нарисовал её погружённой в заботы о потомстве и живущей жизнью лишь семьи, мужа и детей. В подобном изображении нет деградации облика той девушки, которая была когда-то изящной, хрупкой, обаятельной и музыкальной. Героиня красива именно потому, что она мать и жена. А вот измена своему ребёнку, по мысли Толстого, неминуемо ведёт женщину к гибели. Такова судьба Анны Карениной. Несмотря на то, что автор искренне симпатизирует героине и признаёт право Анны любить по собственному выбору, он, тем не менее, без семьи и детей не видит смысла в её дальнейшей жизни.

Совершенно очевидно, что культивируемый в современном общественном сознании образ деловой женщины, "бизнес-вумэн", "железной" леди и т. п. привёл бы Толстого в крайнее недоумение. Можно предположить, что он рассматривал бы такой тип как нарушение природного (и Божественного) предназначения женщины, заключающегося в материнстве, продолжении рода, сохранении домашнего очага. "Предмет, в который погрузилась вполне Наташа, – была семья, то есть муж... и дети, которых надо было носить, рожать, кормить, воспитывать", – подчёркивает писатель.

В литературе XX века, унаследовавшей лучшие традиции литературы XIX в., картина похожая, и в то же время иная. Бунин, Булгаков, Шолохов, Есенин, Ахматова Распутин, Шукшин и др. рисуют материнство как редкостный феномен, как абсолют чистоты и святости. Мать в поэме Ахматовой "Реквием" сопоставляется с Богородицей, а евангельский сюжет распятия Сына трактуется как народная трагедия.

Вместе с тем, уже в начале XX века наметился пересмотр культурного наследия с классовых позиций, и началось переосмысление кодовых понятий русской классической культуры – "честь", "гуманизм", "личность" и др. Насилие оказывалось возможным, если того требовала революционная идея. С этих позиций переосмысливались и темы "отцов и детей", "материнства и детства", а также образ матери. Модели революционной культу-

ры требовали бескомпромиссности и жёсткости, готовилось теоретическое оформление метода социалистического реализма ("нормативизма"). Так, в творчестве А. Горького появляются образы "новых" матерей и сыновей. Павел Власов, герой романа "Мать" ("железный человек", как называет его Андрей Находка), говорит о материнской любви, как о любви, не нужной человеку (социалисту, революционеру). Нельзя сказать, что он лишён сыновнего чувства, однако оно, тем не менее, не мешает ему "греметь" революционной фразой: "Когда будут матери, которые и на смерть пошлют своих детей с радостью?..". Павел не видит в своём вопросе абсурда и противоестественности: ведь мать рождает своих детей только для жизни, а никак не для смерти. В "Сказках об Италии" Горький рядом со сказкой о бесстрашной Матери, которая прошла через моря и горы и потребовала у великого Тимура, чтобы он нашёл её сына, помещает рассказ о матери, убивающей сына, а потом и себя, что можно расценивать как кульминацию противоестественности в изображении матери. Получился некий "Бульба в юбке"... Не случайно, профессор Петербургского университета Игорь Сухих статью о романе / повести Горького "Мать" назвал "Между Марксом и Богоматерью", обозначив тем самым корень противоречий писателя [2].

Создание образа матери почти каждый художник сопрягает с так называемым "слёзным аспектом". М. М. Бахтин указывал на "миросозерцательное значение слёз и печали" во многих произведениях русской и мировой литературы. Он планировал написание статьи, в которой предполагал раскрыть "культ слабости, незащитности, доброты и т. п. – животные, дети, слабые женщины, дураки, идиоты, цветок, всё маленькое и т. п." [1, с. 345].

"Слёзный аспект" повести Павла Санаева "Похороните меня за плинтусом" (2005) автор мастерски сопрягает с комизмом. Второклассник Саша Савельев, рассказывающий о себе и своих близких, живёт с бабушкой и бабушкой. Он страдает от невозможности видиться с матерью даже мельком и вынужден глубоко прятать свои истинные чувства, детские страхи. Характер бабушки крайне не типичен: бабушка-деспот, называющая внука идиотом (и это она делает любя!), фактически лишаящая его детства, видит смысл своей жизни лишь в нём. Такая любовь убивает и внука, и её самоё. В финале повести *ни в чём не виноватый* перед запутавшимися взрослыми ребёнок просит прощения у мамы: "...Я стал просить прощения за всё. Я... плакал и просил извинить меня. Я... плакал и просил прощения, потому что только так можно было пустить на место жизни счастье". Бабушка была для Саши *жизнью*, а мама – *счастьем*. Истина, открывшаяся мальчику, оказалась невероятно горька и безмерно трагична: он слишком рано понял, какая бездна пролегает между жизнью и счастьем.

Можно предположить, что в новейшей русской литературе противопоставлением жизни и счастья вопрос о "мёде" вообще снимается, и это, конечно, вызывает у читателя чувство грусти и горечи.

### Список использованных источников

1. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 424 с. – Текст : непосредственный.
2. **Сухих, И. Н.** Между Марксом и Богородицею / И. Н. Сухих. – Текст : непосредственный // Звезда. – 1998. – № 10.
3. **Фромм, Э.** Искусство любить / Э. Фромм. – Санкт-Петербург : Издательский Дом "Азбука-Классика", 2007. – 224 с. – ISBN 5-91181-235-5. – Текст : непосредственный.

*Теркулов Вячеслав Исаевич*

*ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет"  
e-mail: [terkulov@rambler.ru](mailto:terkulov@rambler.ru)*

УДК81'276

## РЕГИОЛЕКТ ИЛИ "СЛОБОЖАНСКИЙ", "УКРАИНСКИЙ РУССКИЙ" ЯЗЫК

*Vyacheslav I. Terkulov  
Donetsk National University*

### REGIOLECT OR "SLOBOZHANSKY", "UKRAINIAN RUSSIAN" LANGUAGE

*В статье рассматриваются две трактовки юго-западного идиома русского языка, представленные в современном научном и публицистическом дискурсе: юго-западный региолект русского языка и украинский национальный вариант русского языка. На основе анализа понятий "региолект" и "национальный вариант языка" автор приходит к выводу о региолектном статусе данной разновидности русского языка.*

*Ключевые слова: идиом, национальный вариант, просторечие, региолект, регионализм*

*The article focuses on two interpretations of the south-western idiom of the Russian language, presented in the modern scientific and publicistic discourse: the south-western regiolect of the Russian language and the Ukrainian national variant of the Russian language. On the basis of analysis of the concepts "regiolect" and "national language variant", the author draws the conclusion about the regiolect status of this variety of the Russian language.*

*Key words: idiom, national variant, vernacular, regiolect, regionalism*

Целью работы является определение статуса юго-западного идиома русского языка. Данная проблема вышла за пределы собственно социолингвистической проблематики: она стала основой одной из тактик социального манипулирования, о котором мы писали, например, в [9; 10]. Сущность данного типа манипулирования состоит в том, что в украинском обществе последовательно насаждается мысль: русский язык будет удалён

из украинского пространства, и это будет способствовать развитию украинского языка и украинской нации. Политически это выразилось в принятом Верховной Радой Украины законе "Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного", который, в сущности, заблокировал использование русского языка в официальной, образовательной, культурной и других сферах. Мотивы такого отношения к русскому языку вполне объяснимы. Как справедливо отмечает Д. В. Полежаев, "менталитет, который в значительной степени детерминируется социальными условиями, выражается в языковых особенностях нации, народных способах социального общения и т. п. Язык, в свою очередь, оказывает определенное формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности отдельной личности" [5, с. 57]. Иначе говоря, на Украине ведётся борьба не с русским языком, а с русской ментальностью, русским мировосприятием.

Среди описанных нами тактик такой борьбы – тактики унитарности (одна нация – один язык), тактики мести (русские всегда боролись с украинским языком, поэтому мы должны бороться с русским языком), тактики чуждости (русский язык не славянский – русские не понимают других славян, а славяне русских) – особое место занимает тактика замещения, которая формулируется следующим образом: "На Украине русского языка нет, а есть украинский русский или украинский вариант русского языка" (см. о тактиках: [9]). Следует отметить, что данная тактика в последнее время вышла на первый план. Сначала Глава МВД Украины Арсен Аваков, выступая в качестве свидетеля в суде на очередном заседании по делу экс-президента Виктора Януковича, отказался говорить на украинском языке. Министр заявил, что будет пользоваться "слобожанским" диалектом, который представляет собой смесь русского и украинского языков и используется в основном жителями юго-восточных районов Сумской и Харьковской области [1]. В своём интервью Д. Гордону министр сказал: "Русский язык, или, как я его называю, слобожанский язык в нашем случае, не принадлежит России" [2]. Затем пресс-секретарь В. Зеленского Ю. Мендель отметила: "Россия не является монополистом на русский язык", По ее словам, украинцам нужно "демонополизовать" русский язык и "сказать громко, что в Украине есть украинский русский язык". Пресс-секретарь президента отметила, что "русский, точнее, украинский русский – это часть культурного разнообразия нашей страны" [11].

Это, конечно, не случайно. Вопреки данным Всеукраинской переписи населения 2001, согласно которым русский признали родным всего 29,6% населения Украины, исследования социологов и социолингвистов показывают, что носителей русского языка в этой стране значительно больше. Согласно исследованиям американского Института Гэллапа, проведённым в 2008 году, 83% опрошенных граждан Украины предпочли использовать для интервью с представителями института русский язык [13]. Исследова-

ния Киевского международного института социологии показали подавляющее преобладание русского языка в восточных и южных регионах Украины (см. рис. 1).



Рисунок 1. – Карта Киевского международного института социологии о языковом состоянии Украины

В этой ситуации вполне объяснимым является противодействие русских граждан Украины новой языковой политике. Идеологи этого государства вынуждены искать более гибкие пути взаимодействия с русскими украинцами. Идея "насаждение любви к языку" постепенно замещается идеей "особого русского", не противоречащего украинской идеологии. Об этом говорит и Ю. Мендель: "Нельзя ненавистью бороться за правое дело. Это невозможно. Невозможно насаждением заставить полюбить язык, а узаконенными искусственными формами из прошлого распределять патриотов на лучших и худших" [11].

Вот здесь и вытаскивается на свет старая идея об украинском национальном варианте русского языка, активно разрабатывавшаяся в "нулевых" профессором А. Н. Рудяковым, наша дискуссия с которым представлена, например, в [8]. Учёный утверждает, что на территории Украины существует особый украинский национальный вариант русского языка, указывая при этом на собственно языковые признаки, отличающие последний от русского языка метрополии: наличие фрикативного [h], особые синтаксические конструкции (*в Украине*), особые лексические единицы (*ставок "пруд"*) и многое другое. В этом случае "национальный вариант" определяется на основе констатации его **собственно языковых (структурных) отличий** от "метрополийного варианта" (см., например: [6; 7]).

Такой путь определения национального статуса языка не представляется нам убедительным. Структурные характеристики никогда не были достаточными для выделения национального языка или национального варианта языка: с одной стороны, серьёзные структурные различия между диалектами арабского или немецкого языка не приводят к возникновению

на их базе разных языков, а с другой, – предельное структурное сходство боснийского, сербского, хорватского, черногорского языков не стало основанием для объединения их в один язык и даже к трактовке их как национальных вариантов одного языка. Основания для языковой автономности, хоть и опираются на структурные сходства формирующих её идиомов и на структурные отличия их от идиомов других языков, все же имеют иную природу – более социально-политическую, нежели лингвистическую.

1. Национальный вариант какого-либо языка, точно так же, как и национальный язык, всегда связывается с отдельной нацией. Американский национальный вариант английского языка, например, используют люди, которые считают себя не англичанами, не британцами, а американцами, то есть относят себя к американской нации. Признание существования украинского национального варианта русского языка автоматически продуцирует признание существования какой-то особой украинской русской нации – укрусов или русуков. Однако на Украине этого нет: носители русского языка считают себя либо русскими, либо украинцами, для которых русский язык является родным. При этом они не составляют автономное этническое или национальное единство. С этим, кстати, косвенно соглашается и А. Н. Рудяков. См., например: "Можно обсуждать степень удачности этого термина (национальный вариант русского языка, – В. Т.), можно уточнять некоторые аспекты дефиниции (Е. А. Журавлева категорически возражает против термина "казахский вариант русского языка", справедливо утверждая, что он – "казахстанский"), а именно – "территориальность", а не "государственность" обособления, тем не менее, именно этот термин является сегодня наиболее приемлемым на данном этапе обсуждения проблемы" [6, с. 5]. Как видим, "национальному", "этническому" здесь места нет. Учёный говорит только о географических ("территориальность") или геополитических ("государственность"), но отнюдь не об "этнических" ("национальность") факторах обособления "национальных (в его терминологии) вариантов". Что, собственно, и подтверждает региолектный (см. ниже) статус русского языка в странах бывшего СССР.

2. Национальный вариант какого-либо языка, точно так же, как и национальный язык, всегда имеют в качестве объединяющего начала кодифицированный литературный язык: "Этнос осознает свою отдельность и определяет свой диалект как национальный вариант языка метрополии, который впитывает в себя локальные черты этих диалектов и создаёт национальный вариант литературного языка" [8, с. 118]. Именно наличие литературного языка как инварианта, эталонной разновидности языка и является тем фактором обособления, который и формирует сначала его национальный вариант, а затем и новый национальный язык. Отметим, кстати, что А. Н. Рудяков статус инварианта для национальных вариантов отдаёт всё же языку метрополии: "Конечно же, основным национальным вариантом русского языка (подобно основным вариантам фонемы, семан-

темы и других языковых единиц) является российский вариант русского языка. Именно он, равно как и основной вариант фонемы или семантемы, в массовом сознании отождествляется с самими инвариантом" [6, с. 6]. Однако сам русский национальный язык в России представляет собой совокупность разнообразных диалектов – территориальных, социальных и т. д. Его объединяет именно русский литературный язык – он является языковым инвариантом для русских диалектов России. Следовательно, и для украинского, казахстанского и др. "национальных вариантов языка" именно русский литературный язык метрополии выполняет функцию конечного инварианта. Но это же и значит, что все эти местные разновидности существуют в поле единого национального стандарта и поэтому могут быть определены только как региолекты одного национального языка с единой литературной разновидностью. На это, кстати, указывают и противники идеи украинского русского в самой Украине. Украинский языковой омбудсмен Тарас Креминь в эфире телеканала "Прямий" вполне обоснованно заявляет: "Кодификатором русского языка в мире является Российская Федерация, соответственно понятие кодификации русского языка в Украине невозможно..." [11].

В противовес идее украинского русского мы выдвинули при описании донецкой речи идею функционирования на территории Новороссии и ряда областей России и Украины юго-западного региолекта русского языка: донецкий региолект "близок не только региолектам остального Донбасса, охватывающего ещё и Луганщину и некоторые другие русские земли, но и региолектам ближайших к нам "не донбасских" регионов – Белгородчины, Слобожанщины ит. д." [4, с. 5].

Следует отметить, что наше определение региолекта несколько отличается от классического определения А. С. Герда, который понимает под региолектом "особую форму устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием (выделено нами. – В. Т.)" [3, с. 23 – 24]. Представление о региолекте как об отдельном идиоме национального языка вряд ли можно признать удачным, поскольку в этом случае он должен был бы отличаться от других городских идиомов и иметь своих носителей, чего нами не обнаружено. Наоборот, наше исследование показало наличие вполне очевидных региональных языковых черт во всех разновидностях национального языка в отдельно взятом регионе. Можно, например, говорить о региональном просторечии, о региональном сленге, о региональном профессиональном жаргоне и т. д. Учёные пишут и о существовании регионального разговорного варианта литературного языка.

Именно поэтому мы определяем региолект как регионально маркированную организацию всего языкового пространства региона. Это новая

единица территориального членения языка, объединяющую общими регионально маркированными языковыми чертами региолектные говоры расположенных рядом и обычно административно объединённых населённых пунктов. Это не отдельный идиом, а совокупность идиомов, начиная с диалектных говоров и заканчивая разговорным литературным языком, функционирующих на одной территории и имеющих общие региональные черты. Региолект определяется не как национальный вариант какого-либо языка, а как его территориальная разновидность по следующим причинам:

1. Носители разных региолектов считают себя принадлежащими к одной нации.

2. Все региолекты одного языка имеют общую когнитивную базу: различия между ними касаются не основных лингвокультурем и прагматем нации, а действуют в пространстве региональной бытовой этноспецифики. Как писал О. Блох, региолект не является "ни говором с определённой внутренней структурой, ни однородной языковой системой, т. к. известно, что в нём преобладает общенациональная форма языка, изменённая под действием местных говоров. Он является более варьированным и индивидуализированным, чем эти последние, так как говорящий на региональной форме языка отражает нестабильность языковой структуры" [12, с. 121].

3. Региолекты объединяется общим кодифицированным литературным стандартом. Различия между региолектами на уровне литературного языка касаются только его разговорной разновидности и выступают в качестве периферийных вариантов реализации языковых единиц, таких, например, как ослабленная редукция безударных гласных во второй позиции, замена некоторых слов региональными синонимами (например, *тор-мозок* вместо *бутерброд*), использование региональных этнографизмов (*терриконы* – донецкие горы) и т. д.

В заключение отметим, что создать язык на основе региолекта нельзя: он возникает в результате унификации народной речи, в результате стирания языковых различий между диалектами под влиянием единого литературного стандарта. Речь регионов сейчас менее различается, чем в то время, когда основной территориальной формой существования национального языка был диалект, и это закономерное следствие языковой конвергенции в пределах национального языка. Появление же новых языков возможно только на базе дивергентных процессов, к которым региолекты не имеют никакого отношения: для возникновения новых наций нужны в первую очередь не языковые, а политические основания: особые настроения в обществе, осознание какой-то группой людей себя отдельным этносом и т. д., чему трансформация диалектов в региолекты способствовать не может.

### Список использованных источников

1. Арсен Аваков изобрел "слобожанский" диалект, чтобы не говорить на "мове". – URL:<https://eadaaily.com/ru/news/2017/12/12/arsen-avakov-izobrel-slobozhanskiy-dialekt-chtoby-ne-govorit-na-move> (дата обращения – 18.04.21). – Текст : электронный.
2. Аваков призвал не отдавать русский язык России. – URL:[https://lenta.ru/news/2021/03/03/russkiy\\_mir/](https://lenta.ru/news/2021/03/03/russkiy_mir/) (дата обращения – 18.04.21).
3. **Герд, А. С.** Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 488 с. – Текст : электронный.
4. Донецкий региолект : монография / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой, К. В. Першина, И. А. Кудрейко и др. ; под ред. В. И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО "НПП" Фолиант", 2018. – 265 с. – Текст : непосредственный.
5. **Полежаев, Д. В.** Менталитет и язык: особенности феноменологического взаимодействия / Д. В. Полежаев. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 57 – 62.
6. **Рудяков, А. Н.** Георусистика и закономерности формирования национальных вариантов языка / А. Н. Рудяков. – Текст : непосредственный // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ / науч. ред. А. Н. Рудяков. – Симферополь, 2010. – Т. 1. – С. 5 – 6.
7. **Рудяков, А. Н.** Георусистика – русистика XXI века / А. Н. Рудяков. – Текст : непосредственный // Георусистика. Первое приближение. – Симферополь : Антиква, 2010. – С. 8 – 21.
8. **Теркулов, В. И.** Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы / В. И. Теркулов. – Текст : непосредственный // Филология и культура. 2012. – № 2 (28). – С. 117 – 121.
9. **Теркулов, В. И.** Языковая политика на Украине: тактики деформации ментальности / В. И. Теркулов. – Текст : непосредственный // Вестник МНЭПУ (Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения : сборник материалов форума 5 – 6 июня 2019 года). – 2019. – № 5. – Т. 1. – С. 548 – 550.
10. **Теркулов, В. И.** Социоллингвистическое программирование: современные формы борьбы с русским языком и русской ментальностью / В. И. Теркулов. – Текст : непосредственный // Медиатехнологии в условиях изменяющегося мира: тренды, проблемы, прогнозы : сборник трудов / редкол. : Е. Н. Ежова (пред.) [и др.]; ФГБОУ ВО СКФУ. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2020. – С. 17 – 23.
11. "Украинский русский язык" от Мендель. Как пресс-секретарь Зеленского спровоцировала новый скандал. – URL:<https://nv.ua/ukraine/politics/yazykovoy-skandal-s-mendel-est-li>

ukrainskiy-russkiy-yazyk-novosti-ukrainy-50152215.html (дата обращения – 18.04.21). – Текст : электронный.

12. **Bloch, O.** La penetration du francais dans les parlers des Vosges Meridionales / O. Bloch. – Paris : E. Champion, 1921. – 144 p.

13. Russian Language Enjoying a Boost in Post-Soviet States. – URL: <https://news.gallup.com/poll/109228/RussianLanguage-Enjoying-Boost-PostSoviet-States.aspx> (дата обращения – 18.04.21). – Текст : электронный.

# РУССКОЕ СЛОВО КАК СМЫСЛОВОЕ "ЗЕРНО" СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

*Бекаревич Кристина Александровна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: beckarewi4.cristina@yandex.ru*

УДК81'28

## ДИАЛЕКТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПРАЗДНИКОВ В РЕЧИ ШКОЛЬНИКОВ ЮГО-ЗАПАДА БРЯНЩИНЫ

*Kristina A. Bekarevich*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### DIALECT NAMES OF HOLIDAYS IN THE SPEECH OF SCHOOLCHILDREN OF THE SOUTH-WEST BRYANSHINA

*В работе проанализирована актуальность культурологических знаний школьников в славянском пограничье, сфокусированных диалектными словами тематической группы, относящейся к наименованию праздников. На материале "Словаря народных говоров Западной Брянщины" П. А. Расторгуева.*

*The paper analyzes the relevance of culturological knowledge of schoolchildren in the Slavic borderlands, focused by dialect words of the thematic group related to the naming of holidays. Based on the material from the Dictionary of Folk Dialects of Western Bryansk Region by P. A. Rastorguev.*

*Ключевые слова: диалектное слово, диалектизмы, лингвистическое краеведение, юго-запад Брянщины*

*Key words: dialect word, dialectisms, linguistic local history, south-west of Bryansk region*

Лингвистическое краеведение – область лингвистики, изучающая диалектную лексику определённого региона. "Диалектное слово содержит богатейшую информацию различного рода, отражает особенности восприятия мира носителей говора" [3, с. 141].

Изучению данного языкового явления посвящены труды Потетни А. А., Шахматова А. А., Чагишева В. И., Иванцовой Е. В., Лютиковой В. Д., Прокофьевой Е. В., Архиповой Н. Г., Терентьевой Е. В. и многие других учёных-филологов.

Исследованию говоров юго-запада Брянщины отдал значительную часть своей жизни Павел Андреевич Расторгуев, профессор Новозыбковского педагогического института. Им был проанализирован огромный диалектологический материал, составивший основу "Словаря

народных говоров Западной Брянщины" [6]. Словарь был опубликован после смерти автора в 1973 году.

В настоящее время сбором диалектизм юго-западного региона Брянской области занимаются студенты и преподаватели Новозыбковского филиала Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского. Этой теме посвящены работы С. Н. Стародубец "Специфика определения статуса устной разновидности национального языка юго-западных районов Брянской области" [10], С. М. Пронченко и М. А. Мухиной "Фольклор и язык Российско-Белорусского пограничья" [5], "Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области" [4], О. В. Белугиной "Специфика функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области" [2].

В статье "Диалектная языковая личность информанта Новозыбковского района Брянской области" [1] нами были проанализированы лексические диалектизмы: *кўпа*, *кашэль*, *уўльни* и др. Мы отметили, что большинство из них зафиксированы в словаре Расторгуева П. А. [6].

Для исследования актуальности использования диалектизм, зафиксированных в "Словаре народных говоров Западной Брянщины", нами были отобраны 10 слов, принадлежащих к категории наименований, обозначающих праздники. Исследование было проведено на базе средней общеобразовательной школы № 3 г. Новозыбкова среди учащихся 8 класса. В анкетировании приняли участие 24 человека.

**Вадахрэзчы́.** В словаре Павла Андреевича Расторгуева данное слово обозначает "христианский праздник Крещение" [6, с. 59]. Значение диалектизма неизвестно учащимся. **Васі́лле** – "христианский праздник Василия Великого" [6, с. 62]. Значение этого слова знает 1 человек из класса (4, 17%). В "Словаре брянских говоров" мы нашли производное от данного диалектизма. *Васі́льевский* – "имеющий отношение ко дню Василия – 1 (14) января" [7, с. 37]. **Велі́кадне** – "христианский праздник Пасха". Значение слова учащиеся не знают. В "Словаре брянских говоров" находим следующее: "**Велі́канье** – весенний религиозный праздник, Пасха" [7, с. 42].

**Велі́кдень** – первый день христианского праздника пасхи. Диалектизм знают 5 человек (20, 83%).

**Грэн́я недэ́ля** – "восьмая неделя после христианской пасхи. По народному суевию, на грэнной неделе нельзя ничего вить, крутить, гнуть, городить и проч., это отразится на приплоде домашнего скота" [6, с. 83]. Значение неизвестно обучающимся. Данный диалектизм зафиксирован в "Словаре брянских говоров" [8, с. 57] с аналогичной дефиницией.

**Духаўіччы́на** – "христианский праздник "духов день"" [6, с. 96]. Значение не знает никто из учеников. В "Словаре брянских говоров"

отмечено: "*Духов день* – православный праздник на следующий день после Троицы" [9, с. 48].

*Здвіги* – "христианский праздник. По существовавшему в народе поверью, в этот день все "*уады хаваюцца ў землю*" [6, с. 119]. Значение слова знакомо 6 учащимся (25%).

*Каляды (Коледы)* – "рождество, народное название христианских рождественских праздников" [6, с. 130]. Известно 9 учащимся из класса (37,5%).

*Купала* – "народный праздник Ивана Купала, приуроченный к Иванову дню. Существовало в народе поверье, что накануне праздника ведьмы лазят через ворота и "портят" коров. Чтобы предохраниться от них, на ворота клали крапиву и придавливали её кирпичом. В деревнях дети и подростки прыгали через небольшой холмик, сделанный из песка. С воткнутой в него крапивой" [6, с. 144]. Значение знают 9 учащихся (37,5%).

*Сораки* – "у христиан – день сорока мучеников" [6, с. 247]. Номинация знакома 4 ученикам из класса (16,67%).

Всего было проанализировано 10 диалектных слов. Установлено, что наиболее актуальными в идиолекте школьников г. Новозыбкова Брянской области являются такие слова, как: *Купала, Каляды (Коледы)*. Средняя степень актуальности у слов: *Здвіги, Вели́кдень и Сораки*. Наименьшей актуальностью обладает диалектизм *Вассі́лле*. Диалектные названия праздников *Вадахрэшчы́, Вели́кадне, Грэ́ня недэ́ля, Духаўшчы́на* не были отмечены в речи школьников, а следовательно, утратили свою значимость. Кроме того, в "Словаре брянских говоров" зафиксированы слова, являющиеся производными от данных диалектизмов или относящиеся к ним. Это говорит о том, что слова вышли из употребления относительно недавно.

#### Список использованных источников

1. **Бекаревич, К. А.** Диалектная языковая личность информанта Новозыбковского района Брянской области / К. А. Бекаревич // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье : сборник докладов участников Международного научного форума / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова, С. М. Пронченко. – Брянск : ООО "АВЕРС", 2019. – С. 94 – 101. – Текст : непосредственный.

2. **Белугина, О. В.** Специфика функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук [Электронный ресурс] / Ольга Владимировна Белугина ; Смоленский государственный университет. – Смоленск, 2016. – 24 с. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01006652024#?page=1> (дата обращения 13.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

3. **Макаров, В. И.** К истории взаимодействия восточнославянской этнографии и диалектологии в XIX – начале XX веков [Электронный ресурс] / В. И. Макаров // Вестник БГУ. Языкознание. – Брянск, 2009. – № 2. – С. 139 – 144.

4. **Пронченко, С. М.** Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области: Сборник материалов полевых исследований / С. М. Пронченко, М. А. Мухина ; М-во образования и науки РФ, Брянский гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского, Филиал БГУ в г. Новозыбкове. – Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2016. 207 с.

5. **Пронченко, С. М.** Фольклор и язык Российско-Белорусского пограничья / С. М. Пронченко, М. А. Мухина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 553 – 557. – Текст : непосредственный.

6. **Расторгуев, П. А.** Словарь народных говоров Западной Брянщины / П. А. Расторгуев. – Минск : Наука и техника, 1973. – 296 с. – Текст : непосредственный.

7. Словарь брянских говоров. Вып. 2: Бравский - взлезать / [Сост. Е. В. Алексеева, Т. Г. Аркадьева, Л. А. Балясникова и др. ; науч. ред. В. А. Козырев, В. И. Чагишева]. – Ленинград: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1980. – 56 с. – Текст : непосредственный.

8. Словарь брянских говоров. Вып. 4: Г / Сост. Е. В. Алексеева, Т. Г. Аркадьева, Л. А. Балясникова и др. ; науч. ред. В. А. Козырев, В. И. Чагишева. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1984. – 80 с. – Текст : непосредственный.

9. Словарь брянских говоров. Вып. 5: Д – Ж / Сост. Е. В. Алексеева, Т. Г. Аркадьева, Л. А. Балясникова и др. ; Науч. ред. В. А. Козырев. – Ленинград: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. – 78 с. – Текст : непосредственный.

10. **Стародубец, С. Н.** Специфика определения статуса устной разновидности национального языка юго-западных районов Брянской области / С. Н. Стародубец // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24 – 26 мая 2018 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Брянск : ООО "АВЕРС", 2018. – 656 с. – Текст : непосредственный.

**Белугина Ольга Владимировна,  
Стародубец Светлана Николаевна**

ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"

*e-mail: OBelugina@mail.ru, starodubets.madam@yandex.ru*

УДК 398. 33

## **"СУДЬБА" В ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ**

***Olga V. Belugina,  
Svetlana N. Starodubets***

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### **"FATE" IN RITUAL FOLKLORE EASTERN POLESYA**

*Статья посвящена исследованию внутреннего содержания гендерно-маркированного понятия СУДЬБА, вербализующегося в обрядовом тексте. Представлена специфика проявления стереотипных представлений о "мужском" и "женском" в обрядовых микротекстах, связанных со святочными гаданиями.*

*The article is devoted to the study of the internal content of the gender-marked concept of FATE, which is verbalized in the ritual text. The specificity of the manifestation of stereotypical ideas about "male" and "female" in ritual microtexts associated with Christmas divination is presented.*

*Ключевые слова: фольклор, Восточное Полесье, обряд, гендерная маркированность, традиционная культура, гадания.*

*Key words: folklore, Eastern Polesie, ritual, gender marking, traditional culture, fortune telling*

Многие исследователи традиционной и материальной культуры Восточного Полесья отмечают ее своеобразие и уникальность. Так, Н. И. Толстой отмечал сохранение на данной территории архаических славянских культурных черт тем, несмотря на глобальную индустриализацию региона: "Некоторые зоны, несмотря ни на что, сохраняли свою живую старину в достаточной полноте и разнообразии. К таким зонам относилось Полесье" [7, с. 20]. Кроме того, именно данная территория, по определению О. В. Беловой, представляет собой "уникальное явление как в плане содержания (сюжетно-мотивный состав фольклорных обрядовых тестов и текстов сказочной прозы, объединивший в себе черты соседствующих культурных традиций), так и в плане выражения (диалектные особенности, отраженные в языке фольклора и в локальных формах традиционной культуры)" [1]. С. Н. Стародубец при характеристике полесской фольклорной традиции особое внимание обращает на ее типологическое единство и сохранение в ней архаических элементов восточнославянской культуры: "Несмотря на значительную протяжённость территории, можно говорить о

типологическом единстве полесской традиции – она обладает характерным именно для этого ареала корпусом фольклорных текстов, релевантных мифологических сюжетов и мотивов, обрядовых элементов, весьма устойчивое сочетание которых отличает её от других славянских традиций. Полесская традиция до настоящего времени прекрасно сохраняет в себе многие архаичные элементы славянской культуры, полностью или частично утраченные в других регионах" [5, с. 226]. Помимо этого, необходимо отметить и тот факт, что "данные районы Восточного Полесья, несмотря на глобальную индустриализацию, до сих пор во многом сохраняют архаичные черты духовной и материальной славянской культуры" [2, с. 4].

В связи с чем, наряду с традиционным изучением содержательной составляющей фольклорных текстов в современной фольклористике появляются и достаточно новые направления исследования. К числу последних относятся исследование содержания социально значимых понятий, в том числе и с точки зрения их гендерной маркированности.

Теоретической основой данной части исследования послужили работы фольклористов, историков, гендерных лингвистов (Горошко Е. "Гендерная проблематика в языкознании", Кирилина А. В. "Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации" и др.).

Содержание понятия СУДЬБА вербализуется прежде всего в таком специфически "женском" элементе традиционной обрядности как гадания. Содержание гаданий на территории Восточного Полесья во многом подтверждает сложившийся гендерный стереотип, отражающий маркировку маскулинного как приоритетного, доминирующего, а феминного как вторичного, подчинённого. Целью большинства зафиксированных нами гаданий, как и в общероссийской и общебелорусской фольклорной традиции, является получение знаний о будущем, причём в подавляющей части они связываются с будущим браком, то есть необходимостью (в первую очередь, для женщины) создания семьи: *"Беўали па сялу – судьбу сваю спрашывали. Падбяўііш, в акно пастукаеш: "Тётка, як судьбу маю звать?" Ну хто ўжэ якоя імя прйдумая. Хто скажа: "Раман", а хто: "Яхвім"* (Записано от: Якимцовой М. А., 1953 года рождения, с. Спиридонова Буда, Злынковский район, Брянская область, РФ). *"Ну ўжэ блінецы ма́тка пяче – блінец схва́тиш ўжэ первы́ – бяўіш ў каляды. Каю́ встры́нш [\*встретишь] : мушч́іну встры́нш – як заву́ть, так буду́ць зва́ць жаніха"* (Записано от: Семенцовой Е. А., 1933 года рождения, с. Усохская Буда, Добрушский район, Гомельская область, РБ).

В этой связи большинство гаданий носит темпоральную направленность, то есть они были призваны предсказать: сможет ли девушка выйти замуж вообще, выйдет ли в этом году: *"Звя́звалі паясы́. Ка́ждая деўка свой пая́с во́ так звя́жа [\*узлом]. И тады́... Ну як бы́лі такія, як яны́ звать, у нас начэ́вки ра́ньшы зва́лі – кары́ты вобце́м [\*складывали туда пояса]. И начина́ють трусі́ць [\*корыто]. Чей пая́с ўжэ́ вы́скачы́ць из*

*ты́х начёвак, значить тая быстрее замуш выйдя. Если астане́цца – ой, значит астане́цца [\*в девках]* " (Записано от: Моргун Т. Е., 1951 года рождения, с. Колюды, Красногорский район, Брянская область, РФ); *"Ко́лья абнима́ли, и ра́ньшы иш...э́та и тяпе́рь во ша́лёвка, а то́ ко́лья. Ко́лья, ско́льки коликаў абни́миш: ти в па́ру, ти не́ [\*если парное количество – выйдешь замуж, если непарное – нет] ... э́та ў ве́чару, ў патёмках, но́чы"* (Записано от: Молявко Е. В., 1939 года рождения, с. Летяхи, Красногорский район, Брянская область, РФ).

Часть гаданий имеет локальную направленность: определяли, откуда придёт жених, в какую сторону пойдёшь замуж: *" [А на что гадали?] Ну любовника и сабе́ ужо́. . му́жа выбира́ли, на што и ище́; уада́ли, кали́сь мы...э́тый... ва́ленцы кида́ли че́рыз варо́ты. <...> Ти че́бат... Атку́ль ужо́ пры́дя [\*жених],з яко́у бо́ку"* (Записано от: Долгой Н. Ф., 1938 года рождения, д. Дубенец, Красногорский район, Брянская область, РФ); *"Находили сапо́х ста́рый како́й-нибу́ть и браса́ли...и куда́ замуш выйдииш, туда́ пападе́т но́сам или че́м там"* (Записано от: Захаркиной Л. В., 1948 года рождения, с. Яровщина, Жиздринский район, Калужская область, РФ); *"Вот такие́ уада́ния: как с блина́ми выходили на перя́крэ́стак и крича́ли: "Судьба́, судьба́, атзави́сь" [\*с какой стороны звук раздастся, туда и замуж ийти]"* (Записано от: Потапенко Р. В., 1940 года рождения, с. Сновское, Новозыбковский район, Брянская область, РФ).

Присутствуют на территории Восточного Полесья и гадания, направленные на воссоздание зрительного образа суженого. Это, прежде всего, гадания "на сон" и гадания с зеркалом (классифицируемые респондентами как наиболее мистические и опасные): *" "Ище́ пат крава́тью сла́жывали калодец – тако́й ис спи́чак. Зауа́дывали, хто ва сне пры́дя напи́цца, тот и судьба́ твая́. "* (Записано от: Якимцовой М. А., 1953 года рождения, с. Спиридонова Буда, Злынковский район, Брянская область, РФ); *"Мы ещэ́ бы́ли дя́чэ́нки. Вот, стаи́т зе́ркала, две свечи́. И ты сиди́ш. И вот ждэ́ш, пака́ су́женный к табе́ придэ́т. <...> А то́ сидэ́ла, и тут паяви́лся кто́-та че́рный, и я сра́зу э́та зе́ркала накрыв́ла, ина́че у меня́ мох срез [\*порез] на лице́ бы́ть"* (Записано от: Плотниковой Л. Н., 1931 года рождения, г. Болхов, Орловская область, РФ).

Необходимо отметить, что будущее материальное благополучие также интересовало участниц данных обрядовых действий: *"Пад но́вый го́т тады́ бра́ли бли́н <...> и па дяре́вне па у́лице пабе́ули. Ка́го ўстре́ниш [\*встретишь] : хто ў шу́бцэ прыхо́дя – э́та харашо́ будя жы́ть, а хто ў кухвая́чке [\*ватнике] – то пло́ха ты буди́ш жы́ть"* (Записано от: Давыденко Т. П., 1927 года рождения, д. Медведи, Красногорский район, Брянская область, РФ).

Но достаточно часто в гаданиях материальное благополучие девушки непосредственно связывалось именно с будущим браком, профессией и достатком жениха: *"Я сама́ уада́ла. Сабира́лись у дом, дво́е-тро́е. Ну и*

*гадали на кальцо. За каю' пайдёи: за рабо́чяу, за шахтёра...я ужэ' и за-была. И курицу брали...* [\*раскладывали предметы, символизирующие профессию или достаток будущего мужа (уголь, деньги, крупа), и смотрели к чему в первую очередь подойдёт курица] " (Записано от: Понизовой П. К., 1926 года рождения, г. Злынка, Брянская область, РФ).

Традиция перехода девушки после свадьбы в дом мужа, приводила к тому, что женщина в последующем не только оказывалась в подчинённом положении по отношению к мужчине, но попадала в определённую зависимость от его родственников. В результате, иметь хорошую свекровь для девушки становилось почти также важно, как и выйти замуж, что не могло не найти своего отражения в гаданиях: "*А то, деўки, уарикі' кидали ў калодезь, як бурчить, ка́жа* [\*говорит], *дак будеть свякру́ха буркливая*" (Записано от: Алексеенко М. И., 1920 года рождения, с. Усохская Буда, Добрушский район, Гомельская область, РБ).

Кроме того, в процессе попыток определения своего будущего единственной зафиксированной нами темой, волновавшей женщин и не связанной с мужчиной или его родственниками, была тема "смерти или тяжёлой болезни". Но обычно она включалась в гадание в качестве одного из возможных вариантов развития событий, в одном ряду с темами: "желанное супружество", "безбрачие", "семейное благополучие", "неудачный брак". Ярче и поэтичнее всего такие важные для девушек компоненты магического действия представляются в подблюдных гаданиях, бытующих в Калужско-Орловском локусе Восточного Полесья (на территории Брянско-Гомельского пограничья данный вид гаданий зафиксирован не был): "*А ваду' прино́сили и налива́ли ў таз:* [\*далее женщина начинает исполнять строчки из подблюдной песни, поясняя их смысл] "*За стало́м сижу́, пятернёй важу́...*" "*А туды́* [\*в таз] *се́рґи кидали <...>* [\*напеваётся следующая строчка] "*Ву́лиця не мину́ится ктой-та влюбщи́ца...*" [\*девушка выйдет замуж] <...> "*Вот стаи́т кары́та и дру́гим пакры́та*". [\*кто-то умрёт] <...> "*Паги́б мужы́к, мужы́к паги́б у ней, ещэ́ малада́я была́, ну де́ти чэ́твiра было́.* <...> "*Ещэ́ паважу́ – ещэ́ пасижу́*" [\*возможен поздний брак] <...> "*Эта кто за́муш ни вы́шел, ищэ́ мо́жет приде́тся на ста́расти лет – вы́дет*" (Записано от: Снурницыной М. М., 1937 года рождения, с. Борилово, Болховский район, Орловская обл. РФ).

Необходимо отметить, что в обрядовом фольклоре Восточного Полесья (как и в восточнославянской традиции в целом) участие молодых парней в святочных гаданиях повсеместно сводилось лишь к подкарауливанию девушек либо к шуточной краже обуви: "*Када́ мно́га нас – сабирэ́мся* [\*для гадания], *штоп хло́пцы ни зна́ли, так ны́ш и ў слет прыбя́жуть... па-вы́мажуть* <...> *у ба́ни шути́лись – па-вы́мажуть ў са́жу*" (Записано от: Носовой Н. А., 1928 года рождения, с. Шеломы, Новозыбковский район, Брянская область, РФ); "*Де́вушки гада́ли, а у парне́й сваё́... Быва́ла, ва́ленак с на́шi ски́ншi – а нима́ ва́ленка, быва́ла, че́рґяс няде́лю атдаду́т*" (Записано

от: Шкарубо М. Т., 1939 года рождения, с. Спиридонова Буда, Злынковский район, Брянской области, РФ). Подобное поведение соответствовало представлениям о действиях мужчин в обрядах.

В процессе полевых исследований нами был выявлен единичный случай участия парня в гаданиях, при этом смысл такой попытки предсказания будущего сводился к определению судьбы девушки, парень же выступал в качестве своеобразного "атрибута" данного гадания, некоего символа будущих несчастий и позора женщины: *"Ляляк [\*кукол] наделаять ис тряпак – и ў начёўку [\*таз, который начинают трясти], ёсли хлопцава первая вы́пады – твая нявёста родя в деўках"* (Записано от: Крупенковой М. А., 1938 года рождения, д. Столбун, Ветковский район, Гомельская область, РБ).

Анализ семантической наполненности традиционных гаданий продемонстрировал, что статус "замужняя" играл очень важную, если не ключевую роль в судьбе женщины. Обусловлено это было патриархальностью социально-половых ролей у восточных славян, когда общественная ценность мальчика / мужчины была значительно выше, чем девочки / женщины. Так, на вопрос: "Плохо ли было остаться незамужней?" – одна из наших респонденток ответила: *"Ну, а як жэ! [Почему?] Ну а ёта... раньшыш и ёта матка мая казала: "Шкуры! (ужэ ш брат мой надрос) Ёта ш мушчінка святы́й [\*брат – мальчик], а вы – шкуры". <...> Ну, ёта ш мушчінка, шыятаўся (што ты!)... и пахаць, и пасеять. А у кароў деўки, дак..."* (Записано от: Осипенко В. Е., 1947 года рождения, д. Дубенец Красногорский район, Брянская область, РФ).

Другой ответ, прозвучавший на этот же вопрос, продемонстрировал наличие в обществе некоего осуждения женщин, в силу обстоятельств получивших социальный статус "незамужняя": *" [Плохо было остаться незамужней?] А ужэ ш замуш ня пойдя, дак ужэ старая дэва. [Осуждали?] Да"* (Записано от: Семенцовой Е. А., 1933 года рождения, с. Усохская Буда, Добрушский район, Гомельская область, РБ).

Справедливости ради, необходимо отметить, что "оставшийся в холостяках" мужчина также не приветствовался в обществе (" [А холостым плохо было остаться?] *А халастый – дурак, жыве' – дэтак не* [\*нет] ") (Записано от: Надённая В. Ф., 1929 года рождения, д. Дубенец Красногорский район, Брянская область, РФ).

С описанным выше фактом связаны попытки девушек и женщин как-то повлиять на свою судьбу, используя магические действия и ритуалы. При этом они могли обращаться за помощью к специальным людям, занимавшимся ворожбой, либо сами осуществлять приворотные действия, используя, например, символику растений. Так, на Троицу, в процессе украшения дома разнообразной зеленью незамужние девушки, а чаще вдовы избирательно подходили к выбору растений, которыми устилали пол либо декорировали окна и двери: *"Ну, на Троицу... Троица ж ёта ужэ, ужэ ш цваты́ ўсякія, сабирали́ цваты́, на во́кны, на во́кныш и цваты́ ётыя клали*.

<...> Пат сто́л кла́ли, тяпе́рь <...> абтарка́ли ха́ту <...> Во, е́сли ўдава́, то мушкы́ми дярэ́вьями: дуп, клён, ё́та... вяз. <...> Ё́та абтарка́ли, ё́та я ўжо́ ўдава́, дак я ўжо́ ско́льки ўадоў тарка́ю мушкы́ми дярэ́вьями, штоп мушчы́на ка мне́ захо́жывал" (Записано от: Осипенко В. Е., 1947 года рождения, д. Дубенец Красногорский район, Брянская область, РФ).

При этом дуб, несомненно, имел первенствующее значение, по сравнению с клёном и вязом: "И ма́тка мая́ была́ ўдавой, ско́льки я по́мню, ўсу́да яна́ ўавары́ла: "Де́ти, иди́те нарви́те, е́сли нима́ дупко́в бли́жэ, зна́чыць вяз, клён". <...> А е́сли ё́ [\*есть] дуп – да, то дуп. <...> Дуп на тры́ ве́тачки, на тры́ ве́тачки ма́тка ка́ла йко́нак [\*возле ико́н] ...во ка́ла ико́нак, абта́ркавали ико́нки, во" (Записано от: Осипенко В. Е., 1947 года рождения, д. Дубенец Красногорский район, Брянская область, РФ).

Таким образом, понятие СУДЬБА в традиционном фольклоре Восточного Полесья, несомненно, гендерно маркировано. В большей степени оно является отражением стереотипного представления о вторичном, подчинённом положении женщины по отношению к мужчине, выражающемся как в стремлении девушек побыстрее выйти замуж, так и в необходимости сохранения статуса "замужней женщины" на протяжении всей жизни.

#### Список использованных источников

1. **Белова, О. В.** Фольклор лингвокультурного пограничья – диалог региональных традиций / О. В. Белова // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: сборник научных статей. – Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013. – С. 204 – 220. – URL:<http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/pograni-schje/belova2.pdf> (дата обращения 12.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

2. **Белугина, О. В.** Специфика функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ольга Владимировна Белугина ; Смоленский государственный университет. – Смоленск, 2016. – 24 с. – Текст : непосредственный.

3. **Горошко, Е.** Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс] / Е. Горошко // OpenWomenLine – 2002. – URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения 12.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

4. **Кирилина, А. В.** Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации / А. В. Кирилина. Москва : РОССПЭН, 2004. – 252 с. – ISBN 5-8243-0473-4 – Текст : непосредственный.

5. **Стародубец, С. Н.** Мифологическая картина мира респондентов юго-запада Брянской области (на материале прозаических произведений фольклора) / С. Н. Стародубец // Рациональное и эмоциональное в русском языке // Сборник трудов Международной научной конференции, посвя-

щённой 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта. – М. : Московский государственный областной университет, 2017. – С. 266 – 270. – Текст : непосредственный.

6. **Толстая, С. М.** Материалы к описанию полесского купальского обряда / С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. [Вып. 2] // Генезис. Архаика. Традиции. – Москва : Наука, 1978. – С. 131 – 143. – Текст : непосредственный.

7. **Толстой, Н. И.** Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – Москва, 1995. – 512 с. – Текст : непосредственный.

*Белодёв Виолетта Александровна*

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"  
[e-mail: vey.syaao@mail.ru](mailto:vey.syaao@mail.ru)*

*УДК811.161.1'276.2'371:316.77*

## **ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА МУЖИК В РУССКОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

*Violetta A. Beloded*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### **LINGUOCULTUREMA MAN IN RUSSIAN COMMUNICATIVE SPACE**

*В статье представлен анализ изменения представлений о мужике в русском коммуникативном пространстве. Определяется набор положительных и отрицательных признаков, характеризующих русского мужика. Сопоставляются центральные и периферийные признаки портретов русского мужика прошлого и настоящего.*

*The article presents an analysis of the changes in the ideas of the muzhik in the Russian communicative space. The set of positive and negative signs characterizing the Russian muzhik is determined. The central and peripheral features of the portraits of the Russian muzhik of the past and present are compared.*

*Ключевые слова: лингвокультурема, русское коммуникативное пространство, лексема мужик, гендерно маркированные номинации, оппозиция "мужчина – мужик"*

*Keywords: linguoculturema, Russian communicative space, the man lexeme, gender-marked nominations, the "man – muzhik" opposition*

Лингвокультурема – это диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания

[1, с. 127]. Эта единица позволяет раскрыть содержание понятия слова и является более "глубокой" по своей сути. Она включает в себя сегменты языка и внеязыкового культурного смысла. К структурным типам лингвокультуры относятся как отдельные лексемы, так и целые тексты. Предметом исследования в нашей работе является представленная отдельной лексемой лингвокультуры "мужик". Объектом исследования выступают контексты, в которых объективирует свое содержание данная лингвокультура. Цель работы – выявить общие и различительные признаки в представлениях о мужике, отраженные в коммуникативном пространстве прошлого и настоящего.

Понятие "мужик" часто актуализируется в современном дискурсе, причём само слово *мужик* утратило свой вульгаризм, о чём свидетельствует, например, употребление этого слова в качестве оценочной категории для политиков [2]. Как изменялось содержание образа мужика? Какую оценку получает современный мужик и какой статус был закреплён за ним раньше? Мы постарались выявить некоторые общие и различительные признаки в представлениях о мужике, отраженные в художественной литературе и публицистике прошлого и настоящего.

Обратимся к лексическому значению слова. Толковый словарь С. И. Ожегова предлагает следующие определения лексеме *мужик*: 1. Крестьянин (в противопоставлении горожанину) (устар.); 2. То же, что мужчина (прост.); 3. То же, что муж (прост.); 4. Невоспитанный, грубый человек (устар.) [3, с. 369]. Дефиниции, утверждающие, что слово *мужик* тождественно крестьянину или невоспитанному человеку, содержат помету "устаревшее". Очевидно, что слово *мужик* в таком значении постепенно выходит из обихода современного человека. *Мужик* в значении 'мужчина' или 'муж' употребляется как просторечие [3, с. 369].

В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова подчёркивается, что мужик – это крестьянин в устах господ (прежде), а также в крестьянском быту. В том же языке господ это грубый и невоспитанный человек вообще [4]. Причём такие значения с пометами "разговорное", "пренебрежительное", "устаревшее" указаны в первую очередь. Далее идут дефиниции с нейтральным значением и пометой "просторечное", обозначающие представителя мужского пола и супруга.

Рассмотрим происхождение слова *мужик* и расширение его семантики с течением времени. Этимологический словарь Л. В. Успенского утверждает, что в древнерусском языке "мужик" являлся производным словом от лексемы "мужь" ("мужчина") и содержал уменьшительно-ласкательное значение [5]. В этимологическом словаре Фасмера тоже говорится об этом [6]. Изначально обращение *мужик* применялось к малолетним мальчикам и означало подростков, которые ещё не имели права голоса в семье или на вече. Постепенно семантика слова расширялась, и обращение "мужик" стали применять по отношению ко всем несовершеннолетним людям, в первую

очередь по отношению к крепостным [5]. Впоследствии *мужиками* стали называть преимущественно представителей крестьянского сословия.

Простой народ всегда противопоставлял себя знатному сословию, стоящему ступенью выше на социальной лестнице. Такое противопоставление находит отражение в пословицах, в которых основным текстообразующим приемом является антитеза. За основу берётся определённый признак, в данном случае рассмотрим аспект социального положения, включающий условия жизни, быт, вовлечённость в трудовую деятельность, отношения между представителями разных социальных слоёв. Как правило, образ знатного человека, господина, барина имел негативную эмоциональную окраску. Подчёркивалось социальное неравенство, эксплуататорское отношение богатых к бедным: *Барину телятина жарена, а мужику – хлеба бушка краюха да в ухо; Барин за барина, мужик за мужика* [7].

В некоторых частушках аналогично используется слово *мужик* для изображения жизни деревенского человека. В этих небольших произведениях устной народной поэзии содержатся детали крестьянского быта, особенности жизнеустройства человека, привязанного к земле, живущего за счёт личного хозяйства. Из некоторых частушек мы узнаем, что мужики занимались земледелием, были ответственны за выплату налогов, существовали в тяжёлых условиях, голодали, не имели собственного удела земли:

*Ну и время, ну и да,  
Мужику совсем беда:  
Нету хлеба, нет земли,  
А за податью пришли* [8].

В устном народном творчестве чётко прослеживаются оппозиции "мужик – барин", "мужик – господин", "мужик – пан". В данном случае термин *мужик* действительно используется для обозначения представителя крестьянского сословия. Главными качествами мужика признаются разум, хитрость, трудолюбие, находчивость (вспомним белорусскую народную сказку "Как мужик царского генерала проучил"). От мужика обычно зависело положение семьи: *Мужик-то гол, да в руках у него кол: есть надежда, что будет и одежда* [7]. Незавидное социальное положение и финансовая нестабильность также отображены в устном народном творчестве: *Мужик богатый – как бык рогатый* [7].

Вернёмся к происхождению слова *мужик*. В. А. Ефремов в своей статье "Номинации мужчины в русском языке: от мужа к мужику" указывает, что данное слово возникло примерно в то же время, что и "мужчина" – около XV века [9]. Впервые встречается "мужик" в "Хождении за три моря" Афанасия Никитина. Начиная с середины XVIII века, обозначение "мужик" стало употребляться в качестве единицы ревизского учёта лиц мужского пола. С середины XIX века обозначение "мужик" стали использовать работники некоторых промышленных предприятий. Со временем

слово, по мнению В. А. Ефремова, прочно внедрилось в пролетарскую среду.

Таким образом, в XVIII – XIX вв. лексема *мужик* стала нейтральной и содержала в себе три смысла: ‘представитель мужского пола’, ‘женатый мужчина’ и ‘крестьянин’, представитель сельской местности. В тюрьмах *мужиками* поначалу называли жителей сельской местности, которые попадали в места лишения свободы. После Великой Отечественной войны эта номинация закрепилась за всеми мужчинами, отбывающими наказание. С приходом к власти большевиков произошло резкое разделение значения слов "мужчина" и "мужик". Мужиком стали называть грубого, неотёсанного человека и начали противопоставлять его "мужчине", который должен был быть умным и образованным, "настоящим". Как считает В. А. Ефремов, произошло образование оппозиции "мужчина – мужик", где последнему отводилась роль идеологического маргинала.

Уже после революции статус мужика становится престижным. *Мужик* был противопоставлен таким обращениям, как *буржуй* и *барин*. Неблагородное с первого взгляда "мужицкое" происхождение открывало массу карьерных возможностей, поэтому можно сказать, что "мужики" стали на некоторое время отдельным привилегированным сословием. В последнее время, как отмечает В. А. Ефремов, к слову "мужик" начинает возвращаться положительная оценка: "Настоящий мужик!", "Он честный трудяга, а главное – мужик!" [9].

Мы выделили некоторые контексты употребления лексемы "мужик" до 1917 года и после него. Рассмотрим образ мужика до 1917 года. Все контексты взяты из Национального корпуса русского языка [10].

В данных контекстах слово "мужик" употребляется в значении ‘крестьянин, подневольный человек, батрак, слуга, человек низшего непривилегированного сословия’: *Пришли прощаться со мной дворовые, кучера, кухонные мужики, дворники и даже совсем незнакомые люди...* (А. Н. Апухтин. Между жизнью и смертью (1892)); *Сегодня толстый помещик тащит мужиков к земскому начальнику за потрапу, а завтра, в торжественный день, ставит им полведра, а они пьют и кричат ура, и пьяные кланяются ему в ноги* (А. П. Чехов. Крыжовник (1898)); *Пусть секут, мужика секут же* (Б. А. Кистяковский. В защиту права (1909)).

Слово *мужик* применяется для указания на половую принадлежность человека: *Там в лавке она познакомилась с мужиком, который в ответ на её жалобы, что ничего достать нельзя, заверил ее, что он все достанет* (А. Н. Бенуа. Дневник (1917)); *Тройку лошадей нанял он на деревне, у богатого мужика* (И. А. Бунин. Грамматика любви (1915)); *Однажды вечером сторож Крамаренко, молодой, красивый мужик, подошел под окно квартиры смазчика Егоришина* (Максим Горький. Книга (1915)).

Образ мужика связывается с невоспитанным человеком, вероятно, это даже маргинальный элемент общества, отдельно упоминается о его при-

страсти к алкоголю: *Это был пропойца-мужик, возвращавшийся из кабака* (Л. Н. Андреев. Кусака (1901)); *Это – полусумасшедший бродяга, безобразный и грубый мужик, эпилептик, медиум и юродивый* (И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений (1909)); *Будни, а с деревни долетает песня, шум, пьяный мужик лежит поперёк дороги* (В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5 – 8 (1913 – 1932)).

Контексты, в которых зафиксирован образ мужика в русском коммуникативном пространстве, отличаются от тех, что были ранее. Естественно, эти контексты также могут включать в себя образы мужика-пьяницы и мужика-крестьянина, слуги, но встречаться они будут значительно реже либо применяться намеренно, для создания колорита эпохи прошлых лет. Зато возрастает частотность употребления образа мужика с позитивной семантикой. Это герой-ликвидатор аварии, знаменитая медийная личность или даже президент: *Некогда участвовал этот мужик в ликвидации чернобыльской аварии* (Не стронций, так водка // "Криминальная хроника", 2003.07.08); *И вот они вместе: здоровый мужик – президент, и рядом с ним вышагивавший маленький человечек...* (Оборотни первой волны // "Завтра", 2003.08.06); *Шикарный мужик вне возраста, красоты необыкновенной* (Сати Спивакова. Не всё (2002)); *Михалков показался мне нормальным русским мужиком* (Эльвира Савкина. Если впрягаюсь, то основательно // "Дело" (Самара), 2002.05.03); *За версту видно: перед ними солидный крутой мужик, возможно, знаменитый композитор или, бери выше, продюсер, знающий толк в инструментах* (Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)); *И пьёт, как самый заваливающий мужик, как брат покойный, Царствие ему Небесное* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // "Новый Мир", 2000).

Почему же в некоторых случаях для указания личности президента в публицистике используется термин *мужик*, а не солидное обозначение *мужчина*. К проблеме определения смысловых акцентов в паре гендерно маркированных номинаций "мужчина" и "мужик" обращалась Е. С. Гриценко. Исследователь отметила, что негативные коннотации лексемы *мужик* (грубый, неотёсанный) в современном языке немногочисленны. Зато нередки случаи употребления лексемы "мужик" с прилагательными, обладающими позитивной семантикой: *хозяйственный, честный, смелый, сильный, крепкий* [11].

Понятие "мужик" демонстрирует новый тип зрелой мужественности и соотносится на современном этапе развития языка с портретом серьёзного, семейного и умеренно патриотичного мужчины, который характеризуется преимущественно положительной оценкой, являясь эталоном маскулинности и брутальности. Отмечается тенденция к снижению частоты употребления слова *мужчина*, повышение частотности и постепенная нейтрализация слова *мужик* [11].

Подтверждением вышеизложенного является часто фиксируемая сочетаемость слова "мужик" с позитивно окрашенными атрибутивными лексемами. Такими лексемами являются настоящий: *Он в очередной раз всем доказал, что он политик от Бога, стойкий и решительный, настоящий мужик*; умный: *И уродился ведь – в ней, в России, – такой вот умный мужик*; нормальный: *Марианна сказала, что Демидов не при чем, и что он нормальный мужик*; богатый: *Этот институт – обыкновенное коммерческое предприятие, его финансирует один богатый мужик*; смелый: *Решительный, смелый мужик, работал министром внутренних дел*; сильный: *Приходили к нам в дом люди, с которыми он работал, очень яркие, сильные мужики, уверенные в себе и своём деле*; русский; крепкий; классный: *Босс у нас классный мужик, дай ему бог здоровья, землякам помогает где только может, тянет-потянет...*; приличный: *Приличный мужик. Крепкий такой, лет тридцати пяти. С утра, а при галстуке*; красивый: *Красивый мужик, во все времена и при любых обстоятельствах красивый*.

Как мы видим из приведённых примеров, "мужик" – это уже не характеристика типичного крестьянина или необразованного человека, невежды и грубияна. Мужиками называют серьёзных и состоявшихся в жизни людей, обладающих высокими интеллектуальными способностями, соблюдающими правила этикета, мужчин, опрятно одевающихся и уверенных в себе. Действия "мужиков", которые направлены на финансирование заведений, оказание помощи другим и участие в политической жизни, свидетельствуют о высоком статусе этих представителей мужского пола, по отношению к кому применено такое просторечное обращение. Мужик становится фигурой политического дискурса. Власть принимает активное участие в производстве и продвижении этого типа маскулинности.

Небезынтересным является анализ глаголов и глагольных сочетаний, окружающих слово "мужик" в интернет-дискурсе на просторах женских и мужских форумов, что позволяет чётко разграничить отношение мужчин и женщин к данному образу. В мужских форумах мужик является неким эталоном истинно мужских действий и поступков: *он занимается спортом, работает, решает сам, говорит правду, зарабатывает, обеспечивает, должен отвечать за свои поступки, гордится своей женщиной, действует* и т. д. В женских форумах картина прямо противоположная. Все негативные действия, которые может совершить человек мужского пола, женщины обычно закрепляют за словом *мужик*, а не за словом *мужчина*: *мужик изменяет, бьёт, ходит налево, пахнет потом, лежит перед телевизором, не работает, ходит гулять, ревнует; забывает то, что обещает* и т. д.

Таким образом, в женском сознании в большей степени, чем в мужском, закреплены архаичные взгляды, соотносящиеся с низким статусом мужика и устаревшей дефиницией 'невоспитанный, грубый и невежественный человек'.

Вызывает интерес сочетаемость слова *мужик* с прилагательным *русский*. Сочетание *русский мужик* обычно используется в позитивном смысле, актуализируя потенциальные семы 'сильный', 'надёжный', 'свой'. Однако в НКРЯ можно найти негативные контексты, которые демонстрируют недостатки *русского мужика*, связанные с чрезмерным пристрастием к алкоголю, не очень высоким интеллектом: *Как почти всякий русский мужик в таких ситуациях, Тихий был тяжеловат на мозги* (Виктор Ремизов. Воля вольная // "Новый мир", 2013); *Русский мужик, даже поэт, в пьяном виде бывает крайне неприятен* (Г. В. Андреевский. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920 – 930-е годы (2008)); *Да не может такое европейское безобразие вытерпеть русский мужик, который с утра наливается под завязку и оттого не способен не только работать, но и найти дорогу на ферму!* (Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)); *Да, русский мужик тёмн и необразован* (Валерий Лебедев, Константин Глинка, Юлий Андреев. Ум человека и ум нации // Интернет-альманах "Лебедь", 2003.10.12).

Контексты, которые наделяют отрицательной характеристикой интеллект русского мужика, довольно редки и в большинстве своём содержат продолжение, обладающее положительной коннотацией, например: *Да, русский мужик тёмн и необразован. Вместе с тем, выдающиеся русские внесли большой вклад в мировую культуру и без них она была бы не та. По моему скромному мнению, не было в мире более выдающихся писателей-философов, чем лучшие из русских* (Валерий Лебедев, Константин Глинка, Юлий Андреев. Ум человека и ум нации // Интернет-альманах "Лебедь", 2003.10.12).

Маркером отличий у русского мужика считается пристрастие к алкоголю: *У русских пристрастие к алкоголю в крови; Русский мужик – "наливай и пей"*. Несмотря на это, Т. Б. Рябова доказала в ходе анкетного опроса, проведённого в 2007 году, что при обсуждении качеств русского мужика вне контекста сравнения с западным мужчиной злоупотребление алкоголем упоминалось значительно реже [2]. Исследователь предположила, что злоупотребление к алкоголю у русских расценивается не только, как порок, но и в какой-то степени как достоинство: отсутствие излишней заботы о материальных благах, душевность, открытость.

Подведём итог вышесказанному. Коннотации слов *мужик* и *мужчина*, которые предлагают толковые словари, уже не совсем соответствует сегодняшним реалиям. Заметим, что лексема *мужик* обладает специфическим просторечным оттенком: по традиции так могут обозначить асоциальный элемент или представителя сельской местности в противовес деловому и интеллигентному мужчине.

Тем не менее возрастает тенденция к использованию слова *мужик* в контекстах *классный мужик*, *настоящий мужик*, превращая так называемого мужика в эталон маскулинности, брутальности.

В оппозиции "мужчина – мужик" в настоящее время только второй компонент имеет безусловно положительный смысл. Напротив, слово *мужчина* приобретает негативные (пренебрежительные) коннотации, например: *Дзержинск – город химиков и пуганых мужчин* [11]. Таким образом, на основании приведённых фактов вполне допустимо заявить о формировании в русском менталитете этнически специфичного концепта мужественности, который на лексическом уровне будет актуализироваться лексемой *мужик*, а не *мужчина*.

#### Список использованных источников

1. **Азимов, Э. Г., Щукин, А. Н.** Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : Издательство ИКАР, 2009. – 448 с. – Текст : непосредственный.
2. **Рябова, Т. Б., Цалко, Е. О.** "Русский мужик": о роли гендерных маркеров в национальной идентификации / Т. Б. Рябова, Е. О. Цалко [Электронный ресурс]. – URL: [https://riabova.files.wordpress.com/2014/02/riabova\\_tzalko\\_russkiy\\_muzhik.pdf](https://riabova.files.wordpress.com/2014/02/riabova_tzalko_russkiy_muzhik.pdf) (дата обращения 11.04.21). – Текст : электронный.
3. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – Москва : Высшая школа, 1993. – 944 с. – Текст : непосредственный.
4. **Ушаков, Д. Н.** Толковый словарь русского языка 2012 / Д. Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=30904> (дата обращения 12.04.21). – Текст : электронный.
5. **Успенский, Л. В.** Этимологический словарь школьника / Л. В. Успенский [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/m/мужик> (дата обращения 11.04.21). – Текст : электронный.
6. **Фасмер, М.** Этимологический онлайн-словарь русского языка / Макс Фасмер [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/ж/жена> (дата обращения 11.04.2021). – Текст : электронный.
7. **Берсеньева, К.** Русские пословицы и поговорки / Катерина Берсеньева [Электронный ресурс]. – URL: <http://maximalibrary.org/knigi/genre/b/230887?format=read> (дата обращения 10.04.21). – Текст : электронный.
8. **Мануйлова, О. А.** Экспрессивно-оценочная одноплановость народной частушки как жанровой формы художественной речи / О. А. Мануйлова [Электронный ресурс]. – URL: [https://superinf.ru/view\\_helpstud.php?id=4769](https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4769) (дата обращения 11.04.21). – Текст : электронный.

9. **Ефремов, В. А.** Номинации мужчины в русском языке: от мужа к мужику / В. А. Ефремов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.endic.ru/fasmer/Muzh-8358.html> (дата обращения 10.04.21). – Текст : электронный.

10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 12.04.21). – Текст : электронный.

11. **Гриценко, Е. С.** Язык как средство конструирования гендера / Е. С. Гриценко [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.diss.seluk.ru/di-mehanika/1633163-1-yazik-kak-sredstvo-konstruirovaniya-gendera.php> (дата обращения 10.04.21). – Текст : непосредственный.

**Бушев Александр Борисович**

*Тверской государственной университет  
e-mail: [Bushev.AB@tversu.ru](mailto:Bushev.AB@tversu.ru)*

УДК 811. 161. 1

## **СЛАВЯНСКО-ТЮРКСКИЙ БИЛИНГВИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО СЛОВА**

**Alexandre B. Bouchev**  
*Tver State University*

### **SLAVONIC AND TURKIC BILINGUISM: THE PROBLEMS OF FUNCTIONING OF THE RUSSIAN WORD**

*В статье обсуждаются современные языковые контакты в системе языков "тюркские-русский", системный характер ошибок в русском, связанный с интерференцией родного узбекского языка, специфика риторики тюркского ареала, примеры взаимодействия концептов в русскоязычной литературе Узбекистана.*

*Ключевые слова: русский в тюркском мире, языковая политика, двуязычие, интерференция, риторика тюркского ареала, концепты, русскоязычная литература Узбекистана*

*The article discusses modern linguistic interactions in the system of Turkic - Russian, the systemic character of mistakes in Russian which is connected with interference of the native Turkic tongue, the specifics of rhetoric of Turkic areal, the examples of interactions of concepts in Uzbekistan literature, written in Russian language.*

*Key words: Russian in the Turkic world, linguistic policy, bilinguals, interference, rhetoric of Turkic areal, concepts Uzbekistan literature in Russian language*

**1. Введение. Проблематика.** При изучении иностранных языков ставятся, как известно, множественные задачи. Изучение того или иного языка может восприниматься как изучение языка культуры, языка науки, язы-

ка приобщения к тем или иным ценностям. В современной социалингвистической ситуации на постсоветском пространстве работают новые внеязыковые факторы, формируются иные ареалы и ценности. Однако, социалингвистическая значимость русского языка остается существенной, о чем свидетельствуют наши контакты с тюркоязычными народами. В этих государствах ощутима потребность учить русскому языку молодежь. Неважное знание языка, неспособность к социокультурной эмпатии и межкультурному общению, культурный шок и отсутствие аккультурации искупаются на первых порах пониманием важности приобщения к русскому языковому ареалу.

К тому же есть опыт тюркских народов, находящихся в составе Российской Федерации. Накоплен положительный опыт тюркско-русского билингвизма, разработаны методики обучения русскому в национальной школе. Несколько лет назад РОПРЯЛ проводила свои конгрессы Казани, Уфе, где были представлены успехи национального обучения русскому [<http://ropryal.ru/reg5congress>].

Тюркские народы Средней Азии бывшего СССР достигли больших успехов. Работают в сотрудничестве с Турцией, с Азербайджаном. Они понимают необходимость знания русского языка для развития торговых связей, культуры. Социалингвистическая ситуация сегодня не такая, как прежде, когда тюркские языки были языками национальных окраин империи, когда было единое ментальное и государственное пространство.

Так, автор настоящей работы прекрасно помнит, как его научный руководитель в вузе устраивал для него семинары по тюркологии. Убеждал, что надо изучать языки другого строя: агглютинирующие, характеризующиеся сингармонизмом... Проведший годы в Башкирии, Казахстане, он знал и любил тюркские языки. Автор тюркские языки так и не выучил, но общее знакомство со строем этих языков пошло на пользу, до сих пор помнится базовый лексикон из двухсот слов.

**2. Материал и метод.** Материалом для статьи служит анализ коммуникации русскоязычных сайтов узбекских университетов и русскоязычная коммуникация с учеными Узбекистана. Отметим, что значительная доля материалов представлена на упомянутых сайтах на узбекском языке в латинской графике.

**3. Обсуждение материала.** Доказательность и универсальность тех или иных полученных выводов демонстрируются часто при нашем обращении к языкам другого строя. В современных тюркских языках бросаются в глаза слова "греко-латинского фонда", англицизмы, вкрапления из русских варваризмов типа *grants, marketing*. В тюркоязычной академической речи слышатся европейские слова: *конференция, республика, филология, кандидат, доктор, методика, кафедра, Пушкин, аттестация*. В повседневной речи тюркских народов обращает на себя внимание наличие заимствований (интеркаляций) из языка технологии. Показательно и об-

ратное влияние на русский язык. Известен фонд основных тюркизмов в русском языке, тюркские фамилии (работы Н. А. Баскакова, Н. А. Кононова, Н. К. Дмитриева и т. д.).

Показательны системный характер ошибок (интерференция языков) и специфика риторики.

Так, на одном из указанных сайтов была найдена рубрика "*автореферат*" – таким представлялось множественное число этого слова создателям рубрики. *А здесь можно прочитать интересные автореферат.*

*Гранты, marketing.* Иностранные слова типа "маркетинг" были написаны в английской графике среди русского текста.

*"Заместитель декана по духовной части"* – пример перевода без учета стилистической коннотации слова.

На факультете иностранных языков изучаются странные предметы: *интеграция языковых навыков, практика языковых аспектов, практическая грамматика, основной изучающий язык, язык средств массовых информационных, теоретическая грамматика Немецкого языка, направленная на профессию немецкий язык...*

Сайт информирует: Ведущие свою деятельность преподаватели кафедры иностранных языков в Андижанском государственном университете, начали свою деятельность в составе кафедрах английского языка и литературы, на кафедре немецкого языка и литературы, а также французского языка и литературы...

Большинство других факультетов имели описания в латинской графике – можно только угадывать знакомые слова типа педагогика, доцент, кафедра. Да, отказались они от кириллического ареала. Ведь кириллица – несомненная рука Москвы, что ни говори...

Показательно сравнение эволюционных изменений в языке, в речи, в коммуникации. Наиболее быстрый темп изменений отражают коммуникация и речь. Языковые изменения представляются ощутимыми в лексике. Это связано с технологическими, социальными успехами и ролью английского языка как новой латыни, ролью русского языка как языка приобщения к науке и культуре русской цивилизации. Изменения в речи проявляются в новых дискурсах и новом нормировании внутри известных дискурсов. Концептуальный план мышления отражает динамику изменений в мышлении пользователей языка. При это большинство понятий (концептов) интернациональны.

Покажем специфику риторики. Сайт об Андижане по-восточному рисует древние легенды: *"Возникновение города связано с именем туранской принцессы Адинажан, дочери Афросиаба, легендарного правителя древнего Турана. В поисках возможностей исцеления тяжело больная принцесса прибыла в одну из горных долин предгорья Тахти Сулейман, где ей удалось преодолеть свои тяжкие хронические недуги. В честь её исцеления в этой чудотворной долине с диковинной природой Афросиаб построил для прин-*

*цессы замок и заложил обширный сад. С тех пор эта местность, расположенная в низовьях горной речки Ошсай, стала называться Адинаджан, а город, воздвигнутый там впоследствии, был превращён Афросиабом в столицу его величественного Турана город Андижан".*

Украшение речи (азиянство в системе греко-римской риторики) известно еще в риторике античности. Показательна в русской культуре игра в восточные легенды, восточные сказки, поэзию Востока, скажем, аллюзивность у Есенина. Для этого совсем не обязательно знать язык. Расширение границ видения мира за счет восточного вектора быть важным в диалоге наших культур. Диалог культур важен: вспоминается Афанасий Никитин, совершивший свое легендарное "Хождение за три моря" в Индию и писавший на языках местных народов.

Мы знакомы с риторикой Индии, Китая, но плохо знакомы с риторикой восточного арала. На основе системного анализа китайских, византийских летописных источников, а также историко-сравнительного изучения разнородных фактических материалов в статье М. Х. Бахирова устанавливается и обосновывается формирование и функционирование искусства красноречия у тюркоязычных племен и народов в разные периоды истории, при этом в первую очередь рассматриваются евразийские хунны-гунны, которые во времена их пассионарного могущества на Востоке и на Западе создали свои державы. Восточные хунны не только враждовали и воевали с древними китайцами, но и имели с ними экономические и культурные связи, и именно благодаря этому у восточных хуннов еще до н. э. зародилось и получило развитие риторическое искусство. Эта традиция продолжалась и у западных гуннов, а позднее она получила своеобразное развитие в текстах речей правителей и беков, в дипломатических переговорах, письменных памятниках монологического склада у древних и средневековых тюрков. В их числе – Орхонские рунические памятники, в языке которых, участвует и даже превалирует риторический стиль [3]. Перед исследователем открывается интереснейший пласт риторики фольклора, литературы [1; 2; 4; 5] и риторики ислама.

Представим проблематику межкультурной коммуникации в литературе. В 2020 году автору данной статьи поступил автореферат исследования, красноречиво демонстрирующий межкультурную коммуникацию русскоязычной и восточных культур [6].

В фокусе внимания исследователя Н. А. Хайдаровой находится изучение особенностей исторической прозы, связанной с феноменом русской (русскоязычной) литературы в Узбекистане, представляющей собой синтез национальных картин мира, влияющий на динамику индивидуально-авторских и универсальных концепций, концептуальную сферу творчества.

Неудовлетворённость исключительно лингвистическим и традиционным литературоведческим анализом текстов писателя заставило исследователя обратиться к новейшей методологии - концепты, их динамика, уни-

кальность авторских концептов, отражение национальной картины мира, многоязычие, мультикультурность. Три последние фактора делают применение этой методологии на данном материале очень удачной. Особая значимость научной работы видится в том, что научно обоснована модель творческого сознания – тип "автора-транслятора", "автора-переводчика культур", отражающая специфику репрезентативного характера творческого мышления В. Г. Яна и его исторической прозы как составной части русскоязычной литературы Узбекистана. Это актуально для художественного взаимодействия народов, для понимания специфики истории наших народов, проникновения в менталитет Востока.

Согласимся с автором, что дискурс, как динамичная и активная среда, определяет специфику поэтики творчества В. Г. Яна. Трилогия как форма и исторический роман как жанр подразумевают динамичное повествовательное пространство, в котором выкристаллизовываются концепты творчества и их особенности. Это приводит к образованию концептосферы – концептуальной сферы постоянно воспроизводимых концептов, связанных со спецификой прозы В. Г. Яна. Отличительной чертой изучаемой системы концептосферы является ее функционирование на основе трех национальных картин мира – славянской (русской), восточной (тюркской) и монгольской.

В процессе рассмотрения концептосферы творчества В. Г. Яна была установлена категория, имеющая ключевое значение для характеристики художественной специфики исторической трилогии, а также определяющая динамику на уровне "макроконцепт-концепт" – категория пространства. Отдельные главы исследования представляют положения, выносимые на защиту (значимыми видятся подглавки о роли заглавия и эпитафия, роли категории пространства, концепт "дервиш", концепт "конь"). При разработке заглавий и эпитафий как конденсированной формы смысла произведения, были выявлены ключевые образы, мотивы, а также сформулирована стратегия их перехода на уровень художественных концептов. Интересна и значима приводимая автором таблица трансформации героя-дервиша в соответствии с тремя национальными картинками – славянской, монгольской и тюркской.

Специфика категории "пространство" и обусловленного ей макроконцепта "Пространство" была рассмотрена в индивидуально-авторской системе координат – в аспекте двух телесно-духовных начал "Человек" и "Животное", выраженных концептами "дервиш" и "конь". Сосуществование концептуальных сфер дервиша и коня создает особый тип полифонической ситуации, а в пространственном отношении способствует развитию мотива двоемирия. Они – основа лейтмотивного построения повествования В. Г. Яна. Раскрыт основной мотивный спектр трилогии Яна: мотивы потери и поиска Родины, мотив предательства, убийства и смерти, мотивы круговорота и бесконечного движения жизни и т. п. Представляют интерес

авторские построения, касающиеся концептов "природа ( степь)" и "город-лабиринт". Концепты "Природа" и "Город-лабиринт" в прозе В. Г. Яна отражают историю, традиции, шире – культуру определенной страны и народа в тексте. Они связаны с национальной принадлежностью героев, их образом мира, воспроизведенным В. Г. Яном. Ландшафтно-географическая специфика художественной прозы сосредоточена в особых типах сакрально-ценностных пространств (холм-курган, степь) и это воспринимается героями, как свидетельство их собственного присутствия в мире.

В процессе анализа был сформирован ряд предпосылок для идентификации исторической прозы В. Г. Яна в системе литературного процесса Узбекистана как текста-симбиоза, текста-транслятора иноментальных культур. Смело думать, что таких авторов, как Ян, в наших литературах немного. Описание динамики концептосферы на материале исторической трилогии В. Г. Яна позволило открыть новый теоретический аспект в изучении феномена русскоязычной литературы Узбекистана.

**Выводы.** Диалог русской культуры и культуры тюркоязычного ареала может и должен осуществляться при изучении языков, риторик, литератур. Показателен интерес тюркоязычных народов Средней Азии к русскому языку в современной социолингвистической ситуации.

#### **Список использованных источников**

1. **Адамбаев, Б.** Казахское традиционное ораторское искусство и речи, связанные с именем Срыма: автореф. канд. дисс. – Алма-Ата, 1962. – 15 с. – Текст : непосредственный.
2. **Имонжоджиев, С.** Навои и ораторское искусство / С. Имонжоджиев. – Текст : непосредственный // Звезда Востока. – 1968. – № 9. – С. 62 – 71.
3. **Бакиров, М. Х.** Искусство красноречия древнейших и средневековых тюрков. – URL: [https://kpfu.ru/docs/F170413156/08\\_Bakirov.rus.pdf](https://kpfu.ru/docs/F170413156/08_Bakirov.rus.pdf). – Текст : электронный.
4. **Конвисарова, Л. А.** История развития казахского и русского ораторского искусства: сопоставительный анализ. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42747403>. – Текст : электронный.
5. **Ахан, Б.** Общее и особенное в ораторском искусстве казахских биев, шешенов и жырау. – URL: [cyberleninka.ru/article/n/obshee-i-osobennoe-v-oratorskom-iskusstve-kazahskih-biev-sheshenov-i-zhyrau](http://cyberleninka.ru/article/n/obshee-i-osobennoe-v-oratorskom-iskusstve-kazahskih-biev-sheshenov-i-zhyrau). – Текст : электронный.
6. **Хайдарова, Н. А.** Динамика концептосферы в творчестве В. Г. Яна: автореф. дисс. Андижанский ГУ, 2020. – Текст : непосредственный.

*Герасименко Ирина Анатольевна*

*ГОУ ВПО "Горловский институт иностранных языков"*

*e-mail: iragerasimenko@mail.ru*

УДК 81 '373'2

## **КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИЭТНИЧНОГО ДОНБАССА**

*Irina A. Gerasimenko*

*Gorlovka Institute for Foreign Languages*

### **COGNITIVE AND DISCOURSE SPACE OF THE POLYETHNICAL DONBASS**

*В статье представлен анализ когнитивно-дискурсивного ландшафта Донбасса, отражающего лингвокультурные особенности, а также факторы, вызванные полиэтничностью региона. Определены языковые средства актуализации ключевых кластеров когнитивно-дискурсивного пространства современного Донбасса.*

*Ключевые слова: когнитивно-дискурсивное пространство, эргоурбоним, годоним, слоган, лингвокультурный, Донбасс, номинация*

*The article analyses the cognitive and discourse lands cape of the Donbass that reflects the linguistic and cultural peculiarities as well as the factors arisen out of the polyethnicity of the region. The linguistic means of actualization of the main clusters of the cognitive and discourse space of the modern Donbass are determined.*

*Keywords: cognitive and discourse space, ergonym, godonym, slogan, linguistic and cultural, Donbass, nomination*

Как известно, каждый регион имеет свой специфический, связанный с культурно-языковыми условиями когнитивно-дискурсивный ландшафт, свои языковые средства его актуализации. Когнитивно-дискурсивное пространство современного Донбасса как "сложная система, параметры которой заданы возможностью объединения дискурсов" [6, с. 156] имеет своеобразные черты, вызванные рядом факторов. Среди них факторы исторического, глобализационного, географического, культурологического, социально-политического (вызванного образованием Донецкой и Луганской Народных Республик) характера. Цель данной статьи – рассмотреть языковые средства актуализации онимного ландшафта современного Донбасса, отображающие лингвокультурную полифонию региона. Материалом исследования выступили топонимы, годонимы и эргоурбонимы, а также тексты наружной рекламы Донбасса.

Полиэтничность Донбасса обусловлена историческими условиями, в которых происходили процессы его становления и которые способствовали формированию многонационального и многоконфессионального состава

ва его населения. По данным Государственной службы статистики Донецкой Народной Республики на 02 марта 2021 года общая численность населения ДНР составила 2 миллиона 329 тысяч человек [2]. Соответственно, по данным Государственного комитета статистики Луганской Народной Республики на 01 марта 2021 года общая численность населения ЛНР составила 1 миллион 421 тысячу человек [3]. Народ республик – это более 120 национальностей, в числе которых русские, украинцы, белорусы, сербы, греки, армяне, таджики, азербайджанцы, татары, молдаване и др. При этом на 2014 год в национальном составе населения Донецкого региона русские являлись крупнейшей этнической группой (Донецк – 48,2% русских и 46,7 % украинцев, Енакиево – 51,4% русских и 45,3% украинцев, Макеевка – 50,8 % русских и 45,0 % украинцев) [5]. Ранее, в 2001 году, по результатам проведённой первой и единственной переписи населения Украины, в Донецкой и Луганской областях русский язык считался родным для 74,9% и 68,8 % населения, в то время как украинский язык – только для 24,1% и 30 % населения соответственно [4]. Как следствие, исторические и социальные процессы, обусловленные становлением и развитием Донбасса, а также лингвокультурные представления проживающих в данном регионе этносоциумов, ценностные стереотипы общества повлияли на формирование номинаций когнитивно-дискурсивного пространства ДНР и ЛНР.

Доминирующим кластером когнитивно-дискурсивного ландшафта Донбасса является дискурсивное поле ‘Россия’, ‘Русский’. Оно актуализировано в разных текстах современного Донбасса. Так, фамилии известных писателей и поэтов как прецедентные имена русской лингвокультуры широко представлены в годонимах Донбасса. В их числе номинации ул. *Тургенева*, ул. *Некрасова*, ул. *Гоголя*, ул. *Есенина*, ул. *Шолохова*, ул. *Вяземского*, ул. *Мамина-Сибиряка*, ул. *Радищева*, ул. *Добролюбова*, ул. *Сумарокова*, ул. *Брюсова*, ул. *Лебедева-Кумача*, пер. *Гайдара* и мн. др. В номинациях адресных линейных объектов также отобразились имена известных русских учёных, композиторов и актёров. Ср. : ул. *Дарвина*, ул. *Менделеева*, ул. *Вавилова*, ул. *Вернадского*, пер. *Рахманинова*, ул. *Леонида Утёсова* и др. Годонимия Донбасса представлена широким списком номинаций, которые восходят к названиям городов, регионов, рек и озёр России. В их числе ул. *Брянская*, ул. *Рязанская*, ул. *Новгородская*, ул. *Оренбургская*, ул. *Курская*, ул. *Таганрогская*, ул. *Новороссийская*, ул. *Иркутская*, ул. *Омская*, ул. *Пермская*, пер. *Самарский*, ул. *Сибирская*, ул. *Карельская*, ул. *Невская*, ул. *Ладужская* и мн. др.

Во внутригородской среде также популярны онимы, включающие русскую безэквивалентную лексику, которая содержит коннотации национально-культурного плана. Среди них лексемы *изба*, *лукошко*, *лавка*, *ряд*, *терем*, *авоська*, *купец*, *посад*, *спотыкач*, используемые, например, в следующих эргоурбонимах – названиях союзов, организаций, учреждений,

корпораций, предприятий, обществ, заведений, кружков и пр. Основу эргоурбонимикона Донбасса составляют внутригородские имена как официальные наименования, под которыми предприятия осуществляют свою коммерческую деятельность и совершают кредитно-финансовые операции. Ср.: ресторан "*Имба-читальня*", магазины "*Лукошко*", "*Мясная лавка*", "*Пивная лавка*", "*Бакалейная лавка*", "*Лавка сладостей*", "*Колбасный ряд*", "*Княжий терем*", супермаркет "*Авоська*", торговый дом "*Купец*", ЖК "*Петровский Посад*", этнокафе "*Спотыкач*" и др. Эргоурбонимикон Донбасса восходит к целому ряду прецедентных имён и текстов русской лингвокультуры. Ср. следующие номинации: магазин "*Совет да любовь*", рестораны "*Товарищ Сухов*", "*Плакучая ива*", "*Дубровка*", "*Рублёвка*", "*Коба*" и др. В эргоурбонимиконе современного Донбасса популярны устаревшие имена славянского и греческого происхождения: бакалейная лавка "*Любомирра*" (от антропонима славянского происхождения *Любомира*, обозначающего 'ладная' и 'мирная', 'хороший / добрый мир'), кофейня "*Прокофий*" (от греческого имени, обозначающего 'вынутый из ножен'). Широкий ряд лексических единиц русской лингвокультуры, зафиксированный в когнитивно-дискурсивном пространстве современного Донбасса, иллюстрирует его историческую и культурную связь Россией, отображает территориальную и языковую общность.

Наряду с фактами русской лингвокультуры, когнитивно-дискурсивнопространствосовременногоДонбассасохраняети черты украинской лингвокультуры, которые зафиксированы в широком спектре номинаций. Среди них топонимы и годонимы с компонентом *крынка*, который "является словообразовательным вариантом широко известного слова *криница* (в украинском языке – *крыниця*)" [6, с. 54]. Показательно, что среди украинских названий рек Донбасса "есть и такие, в которых тот же корень распространён и другими суффиксами: *Крынуша*, *Крынувата*, *Крынкувата* и т. д. Немало притоков носят названия *Криница* и *Криничка*" [6, с. 54 – 55].

Украинская лингвокультура отразилась и в эргоурбонимиконе Донбасса. Ср.: магазин спортивного питания "*Проминь*" (укр. *проми́нь* 'луч'), магазины "*Мрия*" (укр. *мрія* 'мечта'), "*Крапка*" (укр. *крапка* 'точка'), "*Тютюн*" (укр. *тютюн* 'табак'), "*Продовольча крамниця*" (укр. *крамниця* 'лавка'), рестораны "*Будьмо*" (укр. *будьмо* 'занас', 'выпьём') и "*Нова Зустріч*" (укр. *зустріч* 'встреча'), магазин "*Проминь*" (укр. *проми́нь* 'луч'), универсам "*Лія*" (укр. *Лія* 'Лия'), ресторанно-гостиничный комплекс "*Джерело*" (укр. *джерело* 'родник'), ресторан-фьюжен "*Первак*" (укр. *первак* 'первач, самогон' и англ. *fusion* – термин, обозначающий направление в искусстве, сочетающее западно-европейскую академическую музыку и неевропейский фольклор), предприятие по производству продовольственных товаров "*Молочно-колбасная Хата*"; рестораны "*Гуляй Хата*", "*Картопляна Хата*", суши-бар "*Япона Хата*"

(где укр. *хата* 'дом'). Факты украинской лингвокультуры также зафиксированы в широком списке номинаций линейных адресных объектов. Ср. следующие топонимы: ул. *Украинская*, ул. *Шевченко*, ул. *Леси Украинки*, ул. *40 лет Украины*, ул. *Криворожская*, ул. *Полтавская*, ул. *Киевская*, Киевский район, Парк скульптур "*Украинская степь*" и др. Как видим, ономастикон Донбасса хранит культуру не только русскоязычных, но и украиноязычных жителей региона, "традиции населяющих его народов" [1, с. 318].

Важно отметить, что когнитивно-дискурсивный ландшафт современного Донбасса исторически связан с культурой разных народов и народностей, населяющих полиэтничный регион. В формировании топонимии Донбасса в течение длительного времени участвовали многие народы, говорившие на языках разных систем. Среди них не только восточные и южные славяне (украинцы, русские, сербы), но крымские татары, греки (румеи и урумы), немцы, молдоване и др. Отсюда значительная пестрота этнопластов в донбасской топонимии, неоднородность целого ряда её древних названий, несущих на себе следы разноязычных влияний. Особенно ярко это отображено в номинациях *Азовское море*, *Саур-Могила*, *Старобешеве*, *Миус*, *Мокрые ялы*, *Шайтанка*, *Кашилагач* и мн. др. Перечисленные онимы восходят к названиям тюркского происхождения. Так, номинация *Азовское море* "является калькой крымско-татарского гидронима *Азавденгизи* 'Азовское море', имевшего изафетную структуру с определяющей частью – ойконимом *Азав*" [7, с. 9]. В свою очередь, тюркского происхождения и название одной из значительных вершин Донецкого кряжа *Саур-Могила*. Как пишет Е. С. Отин, "в её основе лежит тюркский народный географический термин, обозначающий особую разновидность географических объектов – возвышенности со сглаженной вершиной округлой формы" [7, с. 82]. Тюркского происхождения и топоним *Старобешеве*. Считается, что компонент *бешев* – это "перенесённый топоним: в бывшей Фулльской области Бахчисарайского каймаканства было село с тюркским именем *Бешев*. Название состоит из числительного *беш* 'пять' и существительного *эв* 'дом, жилище', т. е. 'пять домов'" [7, с. 94]. Гидронимы р. *Миус*, р. *Мокрые Ялы*, р. *Шайтанка* и др. также имеют тюркские корни. Так, название р. *Миус* образовано от "тюркского существительного со значением 'рог', 'угол', которое перешло в топоним" [7, с. 68]. В свою очередь, номинация р. *Мокрые Ялы* образована от тюркского слова *ялы* 'берег'. "Своим происхождением гидроним *Ялы* обязан крымским или ногайским татарам", – пишет Е. С. Отин [7, с. 71]. Относительно номинации р. *Шайтанка* есть мнение, что "в тюркской топонимии словом *шайтан*, которое выступает в роли определения со значением 'чёртов, -а, -о', часто характеризуются географические объекты, непривлекательные для человека, в освоении которых он испытывает большие трудности, малопригодные или совсем непригодные для хозяйственного использования, опасного для

жизни и т. д." [7, с. 109]. Тюркские корни сохранились и в номинации р. *Кашлагач*. Её название восходит к словосочетанию *кашлы агач* 'береговой лес', 'береговая роща', в котором *кашлы* – "прилагательное тюркского народного географического термина *каш* 'бровка', 'холм', 'берег', 'опушка', 'сторона' ('рубж'), *агач* 'дерево', 'лес', 'роща'" [7, с. 45 – 46].

Полилингвальность топонимикона Донбасса связана и с греческим языком. Так, в названии с. *Староласпа*, основанного "греками-урумами, переселившимися из Крыма" [7, с. 96], компонент ойконима *ласпа* имеет значение 'изначальный, первый'. В номинации с. *Стыла*, основанного греками-румелями, используется лексема, которая "в языке приазовских румеев соответствует *палы* 'столб' и *старицма* 'колонна'" [7, с. 98]. Наконец, с. *Чермалык* основано "греками-переселенцами селения *Чермалок*, говорившими на румейском наречии" [7, с. 108].

Донбасс как полиэтничный регион сохраняет в своих номинациях информацию о культурных ценностях разных народов и народностей. Особенно ярко это отображено в названиях линейных адресных объектов. Ср. годонимы ул. *Минская*, ул. *Молдаванская* и пер. *Молдаванский*, ул. *Кишинёвская* и пер. *Кишиневский*, ул. *Армянская*, ул. *Ереванская*, ул. *Таджикская*, ул. *Ташкентская*, ул. *Таллинская*, ул. *Рижская*, ул. *Латвийская* и др. Полиэтничность Донбасса инкорпорирована и в эргоурбонимию данного региона. В числе таких эргоурбонимов можно отметить следующие номинации: рестораны "*Армения*", "*Гюмри*", "*Иракли*", "*Грузинская кухня*", "*Нико Пиромани*", ресторан узбекской кухни "*Дастархан*", ресторан армянской кухни "*У Ашота*" и др. Эти и другие языковые знаки отображают лингвокультурную полифонию современного Донбасса, его облик и эстетические предпочтения. Бесспорным остаётся тот факт, что Донбасс – знаковый континуум, содержательная сторона которого создаёт информационное пространство.

Необходимо учитывать, что когнитивно-дискурсивный ландшафт полилингвального Донбасса как сложный лингвосоциальный и лингвокультурный феномен существует в когнитивном контексте 'Шахтёр', 'Шахтёрский / Горняцкий'. Осмысление Донбасса как шахтёрского и свободолюбивого края нашло отражение в знаменитых слоганах *Слава шахтёрскому труду* и *Донбасс никто не ставил на колени*. Концептуализация Донбасса как края, в котором живут трудолюбивые и с сильным характером люди, через механизмы репликации существует во множестве текстов общего регионального пространства. Среди них общественно-политические слоганы *Шахтерскому труду – почёт*; *Славься, шахтёрский труд*; *За свободный Донбасс*; *При длительном нажиме на Донбасс хрупкий уголь превращается в алмаз*. Концептуализация шахтёрской славы Донбасса и его свободы связана с доминирующим дискурсом этого региона – дискурсом Донецкого угольного бассейна, шахтёрского труда и борьбы за свободу своего края. Как следствие, в общественно-политических слоганах использу-

ются лексемы *родина* (*Выбери малой **родине** большую судьбу*), *независимость* (*Донбасс выбирает **независимость***), *сплочённость* (***Сплочённость** горловчан – залог восстановления и развития города*), *свободный* (*Донбасс был и будет **свободным**; За **свободный** Донбасс*), *народный* (*ДНР – республика **народной** экономики без олигархии и коррупции*).

С концептуальными полями 'шахтёр', 'Донбасс' соотносится и широкий набор годонимов (среди которых встречающиеся в Донецке и Горловке номинации *Шахтёрская площадь*, *бульвар Шахтостроителей*, *пер. Шахтный*, *улицы Шахтёров Донбасса*, *Шахтёрская*, *Шахтёрской Дивизии*, *Шахтёрской славы*, *Шахтинская*, *Шахтная*, *Горняцкая*, *Горная*, *Горноспасательная*, *Горнозаводская*, *Горнопромышленная*, *Донугольская* и многие др.). Как видим, региональная ономастическая лексика выступает источником социокультурной информации, является "маркерами ценностных стереотипов общества" [1, с. 318].

Концепты "донбасского" и "шахтёрского" кластеров явились "ономасиологическим основанием" для формирования следующих эргоурбонимов: гостиница *"Шахтарочка"*, СП *"Уголёк"*, ТРЦ *"Декор-Донбасс"*, стадион *"Донбасс Арена"*, кинотеатр *"Шахтёр"*, продуктовые магазины *"Шахтёр"* и *"Шахтёрский"*, Дворец культуры *"Кочегарка"*, ансамбль народного танца *"Шахтёрские огоньки"*, заслуженный ансамбль народного танца *"Горняк"*.

Итак, образ региона, его полиэтничность прорисовывается в различных текстах, в числе которых номинации адресных линейных объектов, внутригородских учреждений, общественно-политических слоганов. Однако современный Донбасс – это регион, который не только сохраняет культуру населяющих его народов и народностей. Это республики, подверженные различным глобализационным процессам. Языковые особенности данного явления требуют детального анализа, что и будет нами предпринято в дальнейшем.

### Список использованных источников

1. Герасименко, И. А. Лингвокультурная ситуация в сфере номинации внутригородских объектов современного Донбасса / И. А. Герасименко. – Текст : непосредственный // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сборник докладов участников Международного научного форума (г. Новозыбков, Брянская область, 23 – 26 октября 2019 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова, С. М. Пронченко. – Брянск : ООО "АВЕРС", 2019. – С. 318 – 324.
2. Государственная служба статистики Донецкой Народной Республики. – URL: <http://gosstat-dnr.ru/index.php> (дата обращения: 26.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
3. Государственный комитет статистики Луганской Народной Рес-

публики. – URL: [https://gkslnr.su/files/chisl\\_250321.pdf](https://gkslnr.su/files/chisl_250321.pdf) (дата обращения: 26.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

4. Государственный комитет статистики Украины. – URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/publications/#p1> (дата обращения: 19.02.20). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

5. Кто живёт в Донбассе? Национальная идентичность жителей ДНР. – URL: <https://eastandwest.me/2016/11/22/kto-zhivet-v-donbasse/> (дата обращения: 26.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

6. **Отин, Е. С.** Топонимия Донетчины / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2013. – 117 с. – Текст : непосредственный.

7. **Плотникова, С. Н.** Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия / С. Н. Плотникова. – Текст : непосредственный // *Magister Dixit* : научно-педагог. журнал Восточной Сибири. – № 2 (06). – 2011. – С. 152 – 158.

*Голева Наталья Михайловна*

*ФГАОУ ВО "Белгородский государственный национальный  
исследовательский университет"  
e-mail: [goleva@bsu.edu.ru](mailto:goleva@bsu.edu.ru)*

УДК 81'282, 2

## **МОДИФИКАЦИЯ ЛЕКСЕМ В ГОВОРАХ БЕЛГОРОДЧИНЫ**

*Natalya M. Goleva*

*Belgorod State National Research University*

### **MODIFICATION OF LEXEMES IN THE DIALECTS OF THE BELGOROD REGION**

*В статье рассматриваются случаи диалектной модификации лексем в говорах Белгородчины. Модификация прослеживается на различных языковых уровнях. Также отмечаются контаминированные варианты лексических единиц. Обогащению диалектного словаря способствует наличие субэтносов на территории края, пограничных с Украиной населённых пунктов. Это и является следствием расширения парадигмы номинаций.*

*Ключевые слова: диалектизмы, модификация, вариантность, контаминация, языковые уровни*

*The article studies the cases of dialectal modification of lexemes in the dialects of the Belgorod region. The modification can be traced at various linguistic levels. Contaminated variants of lexical items are also noted. The enrichment of the dialect vocabulary is contributed by the presence of subethnos in the territory bordering on Ukraine. This is a consequence of the expansion of the nominations paradigm.*

*Key words: dialectisms, modification, variability, contamination, language levels*

Диалектная лексика репрезентирует специфику языковой картины мира местного населения, помогает понять и охарактеризовать лингвокультурные и этнокультурные особенности той или иной территории страны.

Белгородская область – край, богатый не только разнообразной растительностью и животным миром, водными ресурсами, полезными ископаемыми, особенностями рельефа, но и самобытными говорами, уникальным лексическим составом.

Модификации в говорах наблюдаются на различных языковых уровнях.

На лексическом уровне вариантность заключается в наличии сдвига семантики слова. В говорах вообще и в белгородских говорах в частности необходимо знать исходное – первичное – значение лексемы, а другие наслоения значения можно проследить в контексте: *цеберка* (*циберка* / *цибарка*) – ведро, *доёнка* – ведро для доения коровы.

Работая с картотекой говоров Белогорья, выявляем дублетные лексемы, смысловая составляющая которых показывает, что семантическая доминанта является постоянной и одинаковой, а дополнительные оттенки значения реализуются в контексте, что и приводит к лексической модификации. Так, слово *бирюк* в белгородских говорах имеет следующие значения: 1) голодный волк, а поэтому и злой; часто приходит в деревню пожить; 2) злой человек; 3) одинокий человек, живущий на окраине села, поэтому всегда недовольный (на судьбу) / сердитый (от одиночества). Доминирует в данных вариантах признак *злой* / *сердитый*, и перенос происходит на основе сходства характера / повадок, внешних характеристик. Кроме многозначности, говорам присуща омонимия, когда нет семантической общности в лексемах, их смысл понимается только по контексту. Ср.: – Пашли *вауи* *вырзать* на балота. *Нада паднавить зауаратку* (ваги – специальные гибкие жерди, обычно ивовые, для закрепления проходов в изгородях). – *Кинулася рыбу узвесить, улять, а вауи нема, сасет забрал* (ваги – весы, безмен). Словом *гаман* в Новооскольском районе называют кисет для табака, а в Ракитянском районе – карман. В омонимические отношения вступают не только существительные, но и глаголы: *гваздать* (*ся*) – пачкать (*ся*), *гваздать* – делать небрежно, кое-как. Однако в этих словах можно усмотреть и сходство, в таком случае перед нами синкретичный случай многозначности и омонимии.

Собственно лексический уровень характеризуется множественностью номинаций у одного и того же предмета. Например, разными лексемами называется большая глубокая лопата. В одних говорах это *грабарка* (считаем, что этимология основывается на слове *загребать* / *грести*), а в других – *корцовка* (сходство по форме – от лексемы *корец*, что в говорах означает *кови* или приспособление с загнутыми концами для удаления золы из печи).

В говорах Белгородчины зафиксированы словообразовательные модификации при тождестве лексического значения: *головатый – головастый* – об умном человеке.

Часто на фонетическом уровне варианты образуются вследствие таких черт, присущих южновеликорусскому наречию, как соканье, яканье, шоканье, произношение Г фрикативного, произношение Т мягкого на конце глаголов 3 лица единственного и множественного числа: *щаю – чаю* (в значении *почему*), *яйсо – яйцо*, *улядят – улидят – улидя*. Варьируются отдельные фонемы или сочетание фонем, а также различные акцентологические формы: *вззурснул – зурснул (вззурстнул)*, *антихрист – анчихрист – аничихряст*, *бармаки – бурмаки* (вилы с закруглёнными (в виде шариков) концами; предназначены, как правило, для погрузки овощей), *когда – када*, *вытимиши – вытивиси*, *рябый – рябОй*. Отмечены и супплетивные пары: *кали – когда*, *нихай / хай – пусть / пускай*, *чи – или*.

Морфологические варианты наблюдаются в одном и том же говоре: в речи разных носителей говора расподобляется род номинации одного предмета, понятия. Например: *ярманка – ярманок (ярмарка)*. Морфологическая модификация влечёт за собой синтаксическую вариантность при согласовании существительного с прилагательным / причастием, глаголом в форме прошедшего времени и др. : – *Ярманок у йэтом уаду бауатый*. – *Ярманка работала увесь месяц*. Синтаксический уровень представлен также предложными вариантами: *у лесе – у лясу – в лесе – в лису*.

Такие случаи являются переходными, занимают промежуточное положение между языковыми уровнями и контаминируют следующие аспекты языка:

– лексику, фонетику и грамматику: *вокна – вокны – окны – окна* (производные: *ваконсы – аконсы* – мн. ч. *И аконса малинькия* – ед. ч.);

– лексику и словообразование. Зачастую изменение суффикса приводит к словообразовательным модификациям и изменению лексического значения: *зубастый* (наличие хороших зубов) – *зубатый* (о человеке, который со всеми ссорится, постоянно чем-то не доволен). Прибавление суффикса -к- к производной основе *зубат-* способствует образованию существительного *зубатка* со значениями: 1) о человеке (как правило, женского пола), у которого большие, торчащие или выпирающие зубы, 2) человек, который постоянно выясняет отношения, ссорится, 3) человек с крепкими зубами .

Такой процесс способствует как бы размыванию границ между уровнями языка.

Языковое своеобразие Белгородчины позволяет рассмотреть регион как территориальный культурологический феномен. "Специфическая – с региональными особенностями – культура включает в себя и особенное для населения данного региона речевое проявление" [1, с. 56-57].

Специфика Белогорья состоит в наличии субэтносов на территории края. Белгородская область граничит с тремя областями Украины, и это не могло не наложить определённый отпечаток на лексический состав говоров. Приграничными являются 9 районов нашего края, а это более 100 сельских поселений [2]. Поэтому диалектную картину в белгородских говорах делают разнообразной некодифицированные элементы разговорной речи – сплав украинских и русских вариантов местной лексики – суржикизмы. В одном и том же говоре параллельно сосуществуют *лук и цибуля, лестница и драбина, коротко – недовго, это – це – ето – енто, вулиця – улиса, вин – ён (он), кутёнок – щенок – цуценя, хорошо – гарно, воробей – горобец и др.*

В некоторых говорах (например, Прохоровский, Ракитянский районы) происходит деформация местного слова, которое произносится на "украинский лад": *зделав* (сделал, ср. : укр. зробивши), *конфита – канхвита* (конфета, ср. : укр. цукерка), *пишёл – пишёв* (пошёл, ср. : укр. пишовши).

Девушку в Белгородском районе называют *дивка*, в Корочанском районе – *дивчина; девацка (я), деваха и девка* (последние две лексемы соотносятся как с диалектными, так и с просторечными вариантами) [1, с. 82].

В последние десятилетия на развитие диалектной системы Белгородчины повлияли мощные миграционные процессы: в говорах появились неодиалектизмы – пришельцы из других регионов нашей страны и ближнего зарубежья. Так, белгородские носители диалекта употребляли выражение *пошёл за гаридами* (за огородами). Дело в том, что за двором / за домом у хозяина располагался огород. Там, где заканчивался огород, была тропинка тропинка, и селяне ходили не по улице, а именно по тропинке за огородами, часто сокращая путь, а иногда и время: там они реже встречались с односельчанами, поэтому меньше времени уходило на разговоры. По нашим наблюдениям, приезжие из Курганской области заменили привычное сочетание слов синонимичным – *пошёл задами* (то есть сзади / позади дома), а переселенцы из Киргизии употребляют предложное сочетание *по-над задами*. Формальная и предложная вариативность прослеживается в выражении *пошёл по-за задом*. Сложные предлоги присущи белгородским говорам (например, оскольским), но наречная лексема *задами* не является собственно белгородской. Зафиксированная вариативность прослеживается, например, в селе Солдатском Ракитянского района. Пришельцами в белгородских говорах являются слова-местоимения *ёный / евоный (яго – его), ёная / евоная (шье – её), ёные / евоные (йих – их)*.

Диалектные слова представляют собой ценное хранилище языковых особенностей нашего народа, отражают самобытность и черты культуры края, поэтому изучать, хранить эти лингвореликты – важнейшая задача современной науки и всех, кто не равнодушен к судьбе языка.

### Список использованных источников

1. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области): Коллективная монография. – Белгород, 2011. – 228 с. – Текст : непосредственный.
2. URL: <https://rg.ru/2006/07/14/belgorod.html>. – Текст : электронный.

*Грищенко Екатерина Сергеевна*

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"  
e-mail: [kate1933@yandex.by](mailto:kate1933@yandex.by)*

УДК 811.161.1'373. 612

## НАЗВАНИЯ ЕДЫ И НАПИТКОВ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ, В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Ekaterina S. Grishchenko*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### FOOD AND BEVERAGE NAMES, DERIVATIVES FROM THE NAMES OF PLANTS, IN RUSSIAN LANGUAGE

*В статье рассматриваются названия блюд и напитков, образованные от названий растений. Приводится классификация производных наименований по способу образования; основными способами являются морфологический (суффиксальный) и лексико-семантический, основанный на метонимическом переносе.*

*The article discusses the names of dishes and drinks formed from the names of plants. The classification of derivative names according to the method of formation is given; the main methods are morphological (suffix) and lexico-semantic, based on metonymic transfer.*

*Ключевые слова: названия растений, названия еды и напитков, производное слово, суффиксальный способ образования, лексико-семантический способ образования*

*Key words: plant names, names of food and drinks, derivative word, suffix mode of education, lexical-semantic way of education*

Названия растений представляют собой одну из тематических групп, входящих в основной словарный фонд языка. Важная роль, которую играют растения в жизни человека, обуславливает частотность использования их названий, а также наличие у этих названий большого смыслового и деривационного потенциала.

Растения, их части и блюда, из них приготовленные, используются человеком в пищу. Поэтому многие названия еды и напитков образуются от названий растений (или их частей). Наблюдения над способами образования названий еды и питья, производных от названий растений в русском литературном языке и диалектах, позволяют представить следующую

классификацию. (Диалектный материал извлечен из "Толкового словаря живого великорусского языка" в 4-х томах В. И. Даля [1]. Значения слов, известных в литературном языке, приводятся по "Словарю русского языка" в 4-х томах (гл. ред. А. П. Евгеньева); словообразовательная структура слова – по "Словообразовательному словарю русского языка" в 2-х томах А. Н. Тихонова [4, 5].)

подавляющее большинство рассматриваемых слов образованы морфологическим, в частности суффиксальным, способом. Среди этих производных мы разграничили названия напитков и названия блюд. В подгруппу названий напитков входят слова, образованные с помощью суффикса *-к-*, реже *-ик-* и имеющие общее значение "предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом" [3, с. 164; 2, с. 273]. Многие слова данного типа семантически мотивируются словосочетаниями с мотивирующим прилагательным в качестве определения, которые синонимичны этим существительным или (реже) не синонимичны им. Данные существительные называют различные виды наливок и настоек. К ним относятся следующие существительные:

*абрикос* → *абрикосовый* → *абрикосов-к-а* 'абрикосовая наливка'; *анис* → *анисовый* → *анисов-к-а* 'анисовая водка'; *берёза* → *берёзовый* → *березов-к-а* 'берёзовая водка; сок берёзы'; *брусника* → *брусниковый* → *брусников-к-а* 'брусничная наливка'; *вишня* → *вишнёвый* → *вишнев-к-а* 'водка, настоящая на вишнях, вишнёвая наливка'; *горох* → *гороховый* → *горохов-к-а* 'гороховая настойка, наливка'; *груша* → *грушевый* → *грушов-к-а* 'грушевая наливка'; *дуля* 'дерево и плод *rugus communis*' → *дулевый* → *дулев-к-а* 'наливка, винная настойка на дулях'; *ежевика* → *ежевиковый* → *ежевиков-к-а* 'ежевичная наливка'; *земляника* → *земляниковый* → *земляников-к-а* 'земляничная наливка'; *имбирь* → *имбировый* → *имбиров-к-а* 'настоянная на имбире водка, имбирная настойка'; *калина* → *калиновый* → *калинов-к-а* 'калиновая наливка'; *кизил* → *кизилевый* → *кизилев-к-а* 'кизильная наливка'; *клубника* → *клубниковый* → *клубников-к-а* 'клубничная наливка'; *княженика* 'куст и ягода *ribes arcticus*' → *княжениковый* → *княжеников-к-а* 'наливка на княженике'; *корень* → *корневой* → *корнев-к-а* 'настойка на горьких кореньях, на аире'; *костяника* 'растение *Rubus saxatilis*' → *костяниковый* → *костяников-к-а* 'костяничная наливка'; *крыжевник* → *крыжевниковый* → *крыжевников-к-а* 'наливка на крыжевнике'; *куманика* 'ягода ежевика, морошка' → *куманиковый* → *кумаников-к-а* 'куманичная наливка'; *малина* → *малиновый* → *малинов-к-а* 'наливка на малине'; *мамур* 'кустарник и ягода *rubus arcticus*' → *мамуровый* → *мамуров-к-а* 'мамуровая наливка'; *можжевельник* → *можжевеловый* → *можжевелов-к-а* 'водка, настоящая или перегнанная на можжевеловых ягодах'; *морошка* → *морошковый* → *морошков-к-а*, *морошев-к-а* 'морошковая наливка'; *перец* → *перцовый* → *перцов-к-а* 'перцовая настойка'; *персик* → *периковый* → *периков-к-а* 'периковая наливка, водка'; *розан* → *розановый* → *розанов-*

*к-а* ‘водочная настойка на розовых лепестках’; *рябина* → *рябиновый* → *рябинов-к-а* ‘наливка, водка на рябинных ягодах’; *слива* → *сливяный* → *сливян-к-а* ‘сливяная наливка, вино, водка, настоянная на сливах’; *сморода*, *смородина* → *смородовый*, *смородиновый* → *смородов-к-а*, *смородинов-к-а* ‘наливка из смороды’; *сосна* → *сосновый* → *соснов-к-а* ‘водка, настоянная на сосновых иглах или шишках’; *тёрн* → *терновый* → *тернов-к-а* ‘терновая наливка’; *черешня* → *черешневый* → *черешнев-к-а* ‘черешневая наливка’; *черника* → *черниковый* → *черников-к-а* ‘черничная наливка’; *верес* → *вересовой* → *вересов-ик* ‘можжевельный квас’; *клён* → *кленовый* → *кленов-ик* ‘кленовый сок’.

Реже отмечаются производные существительные с другими суффиксами: *-ник-*, *-ниц-*, *-овн-*, *-ад-*, *-иц-*, *-ниц-*, *-ух-*, *-як-*, *-ян-*, *-янк-*. Такие производные образуются непосредственно от существительного-названия растения:

*барбарис* → *барбарис-ник* ‘взвар барбарисовый’; *бузина* → *бузин-ник* ‘кисель с бузовыми ягодами’; *земляника* → *землянич-ник* ‘земляничный морс, сок’; *черника* → *чернич-ник* ‘черничная наливка’; *ячмень* → *яч-ник* ‘ячная водка’; *репа* → *реп-ниц-ы* ‘репный, репяной квас’; *брусника* → *брус-овн-я* ‘брусничный, ягодный сок’; *лимон* → *лимон-ад* ‘вода с лимонным соком и сахаром’; *липа* → *липовый* → *липов-иц-а* ‘липовый сок’; *берёза* → *берез-ух-а* ‘водка, настоянная на берёзовых почках’; *дерен* → *дерен-як* ‘питейный мёд, который варят с дереном’; *конопля* → *конопл-ян-а* ‘конопляное молоко для забелки пустых щей’; *слива* → *слив-няк* ‘сливяная наливка, вино, водка, настоянная на сливах’.

Вторую подгруппу составляют названия еды: первых блюд, каш, пирогов и сдобных изделий.

Как показывает языковой материал, названия первых блюд образуются в основном от существительных-названий растений с помощью суффиксов *-ниц-*, реже *-иньj-*:

*боркан* ‘корневой огородный овощ *daucus carotta*, морковь’ → *боркан-ниц-а* ‘морковная похлебка’; *горох* → *горош-ниц-а* ‘гороховая похлебка, иногда с ячной крупой’; *гриб* → *гриб-ниц-а* ‘грибная похлебка’; *картофель* → *картофель-ниц-а* ‘картофельная похлебка’; *репа* → *реп-ниц-а* ‘репная похлебка: вареную либо пареную репу разминают, мешают с солодом, иногда с толокном, наливают водой и ставят под крышкой в вольный дух’; *ботва* → *ботв-инь [j] -е* ‘свекольник; холодная похлебка на квасу из отварной ботвы, луку, огурцов, рыбы; баланда, холодец’.

Названия каш, пирогов и сдобных изделий образуются с помощью суффиксов *-ник-*, *-ик-*, *-к-*, *-ин-*, *-н-*, *-ух-*, *-ец-*:

*барбарис* → *барбарис-ник* ‘пирог барбарисовый’; *боркан* → *боркан-ник* ‘морковный пирог’; *гриб* → *гриб-ник* ‘пирог с грибами’; *дыня* → *дын-ник-и* ‘пшеничная каша с тыквой на молоке’; *жито* → *жит-ник* ‘ржаной печёный хлеб; ячный хлебец’; *калина* → *калин-ник* ‘калиновый пирог; тесто,

которое месится на калине»; *капуста* → *капуст-ник* ‘пирог с капустою’; *картофель* → *картофель-ник*, *картош-ник* ‘кушанье, блюдо из картофеля приготовленное: похлёбка, каша, пирог с картофелем’; *мак* → *мач-ник* ‘пирог с маком, намазанный маком с мёдом’; *малина* → *малин-ник* ‘малиновый мёд; бутылочный мёд, вскипячённый на малине’; *морковь* → *морков-ник* ‘морковный пирог’; *пшеница* → *пшенич-ник* ‘пшеничный пирог или хлеб; пирог, калач, булка из пшеничной муки’; *пшено* → *пшен-ник* ‘род пшеничного каравая; крутая каша на молоке и яйцах’; *репа* → *реп-ник* ‘каша из тёртой репы с крупкою; пирог с репою’; *репа* → *реп-ник-и* ‘вяленая, пареная в печи репа’; *пшеница* → *пшенич-к-а* ‘кукуруза, отваренная в коньях с коровьим маслом или с солью’; *горох* → *гороф-ин-а* ‘род лакомства, печенье из гороховой муки и гороха’; *пшеница* → *пшан-ин-а* ‘пшеничное тесто’; *репа* → *реп-н-я* ‘репная каша; репная похлёбка’; *мак* → *мак-ух-а* ‘сбоина, жмыхи, выжимки разных семян по выгнетке масла’; *липа* → *лип-ец* ‘мёд с липового цвета’.

Реже подобные названия образуются от прилагательных, производных от существительных-названий растений (*дуб* → *дубовый* → *дубов-ник* ‘дубовый лист для соленья огурцов’; *рожь* → *ржаной* → *ржан-ин-а* ‘ржаной печёный хлеб’).

Отдельную группу составляют названия еды и напитков, образованные лексико-семантическим способом, т. е. в данном случае одно слово называет и растение, и блюдо, приготовляемое из этого растения, а также само растение или его часть, употребляемые в пищу. Семантический перенос является метонимическим. В данную группу включаются существительные, являющиеся названиями разнообразных приправ и напитков.

*боб* – ‘толстый стручок какого-либо растения и съедомый боб растения; бобовая мука, из бобов, фасоли’; *борщ* – ‘растение *Acanthus* или *Негасцеум* прород щей, похлёбка из свекольной кваша на говядине, свинине или со свиным салом’; *бурак* – ‘растение *Beta vulgaris* и свекла квашеная; род борща или свекольной похлёбки’; *гвоздика* – ‘растение *Caryophyllus* и пряность в яствах’; *горчица* – ‘растение *Sinapis* и пряность в пище’; *имбирь* – ‘растение *Atotum Zingiber* или *Zingiber officiale* и пряный корень его идёт для пряности в пище; имбирное пиво, водица; имбирное варенье’; *какао* – ‘дерево *Theobroma Cacao* и напиток, приготовленный из плодов какао; шоколад’; *калган* – ‘растение *Maranta (Alpinia) galanda* и калгановая пряность; пряный корень калгана идёт в приправу; калганый пряник’; *каперс* – ‘растение *Sarraris spinosa* и цветочные почки каперсового куста, идущие на пряную приправу к пище’; *кофе* – ‘растение и напиток из бобов кофе’; *мускат* – ‘деревцо *Myristica moschata* и пряная приправа’; *салат* – ‘растение *Lactusa* и салат, подаваемый с приправою к жаркому; сырьё, разные растенья, плоды, коренья, приправленные уксусом и пряностями, подаваемые к жаркому; салатная подлива’; *свекла* – ‘растение *Beta vulgaris* и съедомый корень свеклы’; *тмин* – ‘растение *Carum carvi* и пряное семя

идёт в приправы печенья; тминная водка»; *хрен* – ‘растение *Cochlearia armoracea* и приправа к пище; хрен вареный; хреновая подлива»; *цикорий* – ‘растение *Cichorium intybus* и кофе, приготовленный из корня цикория»; *щавель* – ‘растение *Rumex acetosa* и щавельные щи»; *верба* – ‘деревья рода *Salix* и вербная каша: цвет вербы, сережки варят в каше и едят»; *вишня* – ‘дерево вида *Prunus Cerasus* и вишневая похлёбка»; *гречиха* – ‘растение *Polygonum Fagopyrum* и гречишный мёд, собранный с гречи, белый, как липец; гречневая крупа, мука»; *дуб* – ‘дерево *Quercus* и сок дуба; дубильный настой»; *жито* – ‘зерновое растение и житменные пироги; житная каша; житный хлеб»; *зверобой* – ‘растение *Hypericum perforatum* и зверобойная настойка»; *кунжут* – ‘растение *Sesamum* и кунжутное масло»; *лён* – ‘растение *Linum usitatissimum* и льняное масло, выбитое из льняного семени»; *любисток* – ‘растение *Levisticum* и любистковая настойка»; *олива* – ‘дерево *Olea europaea* и оливковое масло»; *орех* – ‘дерево *Juglans regia* и ореховый отвар»; *полба* – ‘растение *Triticum spelta* и полбенная крупа, каша»; *редька* – ‘растение *Raphanus* и редечный сок»; *репа* – ‘растение *Brassica napus* и репное масло»; *роза* – ‘растение *Rosa* и розовая водка; розовое масло (эфирное); розовое варенье»; *сморода* – ‘растение *Ribes* и смородиновое варенье»; *травя* – ‘однолетнее растение и травяной чай; настойка на травах»; *хмель* – ‘растение *Humulus lupulus* и хмельные напитки»; *чай* – ‘дерево *Thea bohea et viridis* и напиток из листьев чая»; *черешня* – ‘дерево *Prunus (cerasus) avium* и черешневое варенье»; *черника* – ‘растение *Vaccinium myrtillus* и черничный взвар; похлёбка»; *шалфей* – ‘растение *Salvia officina* и шалфейный настой»; *ячмень* – ‘растение *Hordeum* и ячменное пиво’.

Таким образом, большая часть наименований блюд и напитков, производных от названий растений, образуются морфологическим (суффиксальным) способом. Наиболее регулярно используются суффиксы *-к-, -ник-, -ниц-*. Единичными являются суффиксы *-овн-, -ад-, -ниц-, -ух-, -як-, -ян-, -ец-* и др. Лексико-семантическим способом на основе метонимического переноса чаще образуются названия наливок и первых блюд. В способах образования литературных и диалектных номинаций различия не выявлены.

### Список использованных источников

1. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 томах] / В. И. Даль. – Москва : Цитадель, 1998. – 4 т. – Текст : непосредственный.
2. **Земская, Е. А.** Современный русский язык. Словообразование : учебное пособие / Е. А. Земская [3-е изд., испр. и доп.]. – Москва : Флинта, 2011. – 328 с. – ISBN 978-5-89349-634-5. – Текст : непосредственный.
3. Русская грамматика : в 2 томах / редколлегия: Н. Ю. Шведова (главный редактор) [и др.]. – Москва : Наука, 1980. – Текст : непосредственный.

ственный. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 1980. – 788 с.

4. Словарь русского языка : [в 4 томах] / редколлегия: А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – Москва : Русский язык, 1985. – 4 т. – ISBN 5-200-02672-5. – Текст : непосредственный.

5. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : [в 2 томах] / А. Н. Тихонов. – Москва : Русский язык, 1985. – 2 т. – ISBN 978-5-17-082826-5. – Текст : непосредственный.

*Зуева Екатерина Александровна*

*УО "Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина"*

*e-mail: katarzyna.zujewa@mail.ru*

*УДК 811. 161. 1'27: 811. 161. 3'27*

## **РУССКО-БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ОБЛАСТИ СУФФИКСАЛЬНОЙ УНИВЕРБАЦИИ**

*Ekaterina A. Zueva*

*Brest State A. S. Pushkin University*

### **RUSSIAN-BELARUSIAN-POLISH LANGUAGE CONTACTS IN THE FIELD OF SUFFIXAL UNIVERBATION**

*В статье представлен анализ русско-белорусско-польских языковых контактов в области суффиксальных универбов. Определено, что суффиксальные универбы в белорусском языке заимствованы из польского и русского языков, выделяются универбы с немецким корнем и польским словообразовательным формантом. Выделены суффиксальные универбы с неопределенной этимологией. Установлено, что межъязыковые контакты в области суффиксальной универбации способствовали появлению универбов-синонимов в белорусском языке.*

*The article presents an analysis of Russian-Belarusian-Polish language contacts in the field of suffix departments. It is determined that suffix universities in Belarusian are borrowed from Polish and Russian, universities with a German root and a Polish word-forming formant are distinguished. Suffix universities with an undefined etymology are distinguished. It was established that interlanguage contacts in the field of suffix university contributed to the appearance of synonymous departments in the Belarusian language.*

*Ключевые слова: межъязыковые контакты, заимствование, этимология, универбация, универб, суффиксальный универб, синонимия*

*Keywords: interlingual contacts, loan, etymology, univerbation, univerbs, suffixal univerbs, synonymy*

Языковые контакты – одна из актуальных проблем языкознания. Важнейшей составной частью проблемы языковых контактов является исследование "взаимодействия генетически родственных славянских литературных языков, имеющих давнишнюю традицию взаимообогащения, сформировавшуюся в результате их культурно-исторической общности" [1, с. 244]

"Развитие системы белорусского литературного языка на протяжении XX в. в значительной степени обусловлено взаимодействием с соседними близкородственными русским и польским языками" [2, с. 49].

Влияние польского языка на белорусский началось в конце XIV в., когда после Киевской унии 1385 г. укрепился политический и военный союз ВКЛ с Польшей. Распространение польского языка в Беларуси начинается в середине XVI в., незадолго до Люблинской унии 1569 г. В XVIII в. в результате трех разделов Польши Беларусь была присоединена к России, что создало условия для распространения русского языка. В начале XIX в. важнейшей линией языкового развития на Беларуси стало соперничество между русским и польским языками. Законом от 1 декабря 1831 г. в судопроизводство и административное управление был введен русский язык. Языковая ситуация в Беларуси развивалась и изменялась.

"Близкородственный характер русского, белорусского и польского языков проявляется в большом сходстве их словообразовательных систем. Так в трех языках функционируют в основном одни и те же способы образования слов, большинство словообразовательных формантов обнаруживает генетическое родство и имеет формальное и смысловое сходство, а в ряде случаев и тождество" [3, с. 68 – 69]. Данное замечание демонстрирует процесс суффиксальной универбации, широко распространенный в славянских языках, что подтверждается исследованиями украинских, польских, чешских, словацких болгарских, сербских и др. славистов. По замечанию Е. А. Земской, "этот способ словообразования действует в разных славянских языках (например, в чешском и словацком, <...> в польском) и хорошо изучен" [4, с. 11]. Г. П. Нецименко отмечает, что "масштабы использования универбации в различных славянских языках неодинаковы (в чешском и словацком языках она представлена шире, чем, например, в русском" [5, с. 118].

Мы ставили целью рассмотреть белорусско-польские языковые контакты в области суффиксальной универбации. Материалом исследования послужили русские и белорусские суффиксальные универбы, зафиксированные толковыми, этимологическими и переводными словарями.

Анализ языкового материала показывает:

I. Суффиксальные универбы в русском и белорусском языках являются прямыми заимствованиями из польского языка:

1. Старопольского языка: рус. *пивница* (разг.) – погреб для хранения пива (НБТСРЯ. т. 2, с. 98) ← (~ *пивной погреб*) = бел. *піўніца* (РБС, т. 2, с. 537) ← (~ *піўны пограб*) => заимствование из старопольского языка

*piwnica* ‘шынок, пиварня, вінны склеп’, ‘склеп пад будынкам для захоўвання прадуктаў для іх ахалоджвання’ (ЭСБМ, т. 9, с. 149 – 150); рус. *медный таз* (БРС, т. 2, с. 420) ≠ бел. *мядніца* (абл.) ← *медны таз* (ТСБМ, т. 3, с. 190) => заимствовано из старопольского *miednica*. Старорусское слово *медница, медяница* ‘медная посуда’ (XI в.) существовало самостоятельно (ЭСБМ, т. 7, с. 131 – 132).

2. Литературного польского языка: рус. *бумажная фабрика* (БРС, т. 2, с. 897) ≠ бел. *паперня* (уст.) ← *папяровая фабрыка* (ТСБМ, т. 4, с. 20) => из польского *papiernia* (ЭСБМ, т. 8, с. 155); рус. *венгерка*<sup>1</sup> ← *венгерский танец* (НБТСРЯ, т. 1, с.) = бел. *венгерка*<sup>3</sup> ← *венгерскі танец* => из польского *węgiarka* (ЭСРЯ, т. 1, с. 290); рус. *ветчина – просоленное копченое мясо свиного окорока* (МАС, т. 1, с. 159) ← (~ *ветхое мясо*) = бел. *вяндліна* ← *вэнджане прасоленае мяса, сала* (ТСБМ, т. 1, с. 600) => из польского *wędlina* (ЭСБМ, т. 2, с. 301), также следует признать вероятным объяснение от *ветхий*. Менее убедительно сближение с польским *wędzić* ‘коптить мясо’, *wędlina* ‘ветчина, копчености’ (ЭСРЯ, т. 1, с. 307 – 308); рус. *камяница 2* ← *каменное строение* (БРС, т. 2, с. 128) = бел. *камяніца 1* ← *каменны будынак* (ТСБЛМ, с. 339) => из польского *kamienica* (ЭСБМ, т. 4, с. 231); бел. *вяндлярня* *вянглярня* (РБС, т. 1, с. 665) – *збудаванне, дзе вэндзяць мяса, сала, рыбу* (ТСБМ, т. 1, с. 600) ← (~ *вяндлярны / вянглярны цэх*) = рус. *коптильня – специальное заведение или цех для копчения* (МАС, т. 2, с. 101) ← (~ *копильный цех*) => из польского *wędliarnia* (ЭСБМ, т. 2, с. 301); рус. *наличка* (разг.) ← *наличные деньги* (НБТСРЯ, с. 587) = бел. *гатоўка* (разм.) ← *наяўныя, назапашаныя грошы* (ТСБМ, т. 2, с. 40) (← *гатовыя грошы*) => заимствование из польского *gotówka* (ЭСБМ, т. 3, с. 72); рус. *переломка* (прост.) – *ружье с откидывающимся стволом* (НБТСРЯ, т. 1, с.) ← (~ *переломное ружье*) = бел. *ламанка* (разм.) ← *пераломнае ружжо* (ТСБМ, т. 3, с. 17) => польское *łapanka* ‘ординарное охотничье ружье’ (ЭСБМ, т. 5, с. 219); рус. *пистонка* (разг.) ← *пистонное ружье* (НБТСРЯ, т. 2, с. 104) = бел. *пістаноўка* (разм.) ← *пістоннае ружжо* (ТСБМ, т. 4, с. 259) => польское *pistonówka* (ЭСБМ, т. 9, с. 146).

II. Суффиксальные универбы белорусского языка имеют немецкий корень и польский словообразовательный формант, пришли посредством польского языка: рус. *двустволка* и *двухстволка* ← *двуствольное охотничье ружье* (МАС, т. 1, с. 372) = бел. *дубальтоўка* (разм.) ← *паляўнічая стрэльба з двума стваламі* (ТСБМ, т. 2, с. 205) ← (≈ *дубальтовая стрэльба*) => заимствовано из польского *dubeltówka* от *dubeltowy* ‘двойной’ => немецкое *dupel* (ЭСБМ, т. 3, с. 159); рус. *кнут, свитый из трех веревочек* (БРС, т. 1, с. 836) ≠ бел. *дратаванка* (разм.) ← *дратаваная пуга* (ТСБМ, т. 2, с. 197) => заимствование из польского *tratować* ‘топтать’ (а это из немецкого *treten*) (ЭСБМ, т. 3, с. 149); рус. *кожевня* (устар.) – *мастерская по выделке кож* (МАС, т. 2, с. 68) ← (~ *кожевенная мастерская*) = бел. *гарбарня* ← *гарбарны завод* (ТСБМ, т. 2, с. 29) => белорусское слово заим-

ствовано из польского *grabarz*, которое из средне-верхне-немецкого *gerwer*, образованного от глагола *gerwen, garwen, gerben* ‘выделывать кожу’, отсюда и *грабарня* (ЭСБМ, т. 3, с. 56).

III. Выделена группа неопределенных заимствований, т. е. не до конца ясно из русского или польского языка пришел суффиксальный универб в белорусский язык: рус. *маевка* (устар.) – 1. В России до 1917 г. : собрание рабочих в первые дни мая, в знак протеста против эксплуатации. ← (~ *майская демонстрация*). 2. Весенняя увеселительная прогулка за город (НБТСРЯ, с. 513) = бел. *маёўка* – 1. Нелегальный сход рабочих у дарэвалуцыйнай Расіі ў дзень 1-га Мая (звычайна за горадам). ← (~ *майская дэманстрацыя*). 2. Вясенняя загарадная прагулка, гуляне на ўлонні прыроды (ТСБМ, т. 3, с. 83) => заимствовано из русского или польского языка, где является новообразованием (конец XIX в. – начало XX в.) (ЭСБМ, т. 6, с. 158).

IV. Существование в белорусском языке двух суффиксальных универбов-синонимов, один из которых по происхождению является русским, а второй польским: рус. *визитка*<sup>2</sup> (разг.) ← *визитная карточка* (НБТСРЯ, с. 131) = бел. *візітоўка* (разм.) и *візітка* (разм.) ← *візітная картка* (СНСБМ, с. 98) => *візітоўка* заимствовано из польского языка *wizytówka* (СНСБМ, с. 98). => *візітка* заимствовано из русского языка, которое образовалось путем номинации от *визитная карточка* при помощи суффикса *-ка* (ЭСБМ, т. 2, с. 133); рус. *открытка* – 1. Специальная почтовая карточка для открытого письма. 2. Карточка такого формата с художественным изображением (ТСБМ, т. 2, с. 684) ← (~ *открытое письмо*) = бел. *адкрытка* – паштовая картка для адкрытага пісьма; паштоўка (ТСБМ, т. 1, с. 145) ← (≈ *адкрытае пісьмо*) и *паштоўка* ← *паштовая картка* (ТСБМ, т. 4, с. 147) => *паштоўка* из польского *rocztówka* (ЭСБМ, т. 8, с. 262), *адкрытка* из русского языка.

Встретился случай заимствования русским языком универба из белорусского языка: рус. *ватник* (разг.) ← *ватная куртка / безрукавка* (МАС, т. 1, с. 139) = бел. *ватоўка* ← *ватовая куртка* (ТСБМ, т. 1, с. 470) => исходя из географии, русское диалектное слово взято из белорусского. В белорусском языке или образование от *ватовы* ‘з ваты’, или прямое заимствование из польского *watówka*. Данную последнюю версию поддерживает и то, что ударение прилагательного *ватовы* точно соответствует польскому *watówy* (ЭСБМ, т. 2, с. 75 – 76).

рус. *перловка* (разг.) – 1. Крупа из ячменя в виде ровных круглых зёрен. ← (~ *перловая крупа*). 2. Пища, приготовленная из ячменной крупы. // Каша из ячменной крупы. ← (~ *перловая каша*) (НБТСРЯ, с. 825) ≠ бел. *ячнья крупы*, обл. *панцак*, обл. *груца*; *ячная каша, груца* (РБС, т. 2, с. 530) => *пярлоўка* – ‘ячнья крупы’. заимствование из русского *перловка*, также из польского *kaszaperłowa* из немецкого *Perl-graupen* (ЭСБМ, т. 10, с. 304).

Таким образом, русско-белорусско-польские языковые контакты

наблюдаются в области суффиксальной универбации; в белорусском языке выделяются суффиксальные универбы, являющиеся прямыми заимствованиями из польского языка, универбы с немецким корнем и польским формантом, суффиксальные универбы неопределенного происхождения (или польские, или русские), наличие в белорусском языке двух универбов-синонимов с одинаковым значением, но разного происхождения (один – польского, второй – русского); суффиксальная универбация в русском, белорусском и польском языках имеет общие черты, словообразовательный инвентарь в области суффиксальной универбации в русском и белорусском, белорусском и польском языках могут совпадать, наличие сходных элементов обусловлено их происхождением из одного источника и межъязыковыми контактами.

### Список сокращений и условных обозначений

**рус.** – русское; **бел.** – белорусское; ~ – возможный универб; **БРС** – Беларуска-рускі слоўнік : у 3 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Беларус. энцыкл. – 2003. – 3 т. ; **МАС** – Словарь русского языка : в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985 – 1988. – 4 т. ; **НБТСРЯ** – Новейший большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; под ред. С. А. Кузнецова. – М. ; СПб. : Рипол-Норинт, 2008. – 1534 с. ; **РБС** – Русско-белорусский словарь : в 3 т. / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т языкознання імя Я. Коласа. – Мінск : Беларус. энцыкл. – 2002. – 3 т. ; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. савец. энцыкл., 1977 – 1984. – 5 т., 6 кн. ; **ЭСБМ** – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : у 14 т. / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Навука і тэхніка. – 1978 – 2017. – 14 т. ; **ЭСРЯ** – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – М. : Прогресс. – 1986 – 1987. – 4 т. ; = – совпадение; ≠ – отличие; => – отсылка к этимологии.

### Список использованных источников

1. **Николаева, О. М.** Из истории изучения русско-белорусских языковых отношений / О. М. Николаева. – Текст : непосредственный // Русский язык в Белоруссии / А. Е. Михневич, Л. А. Мельников, В. М. Свежинский [и др. ] ; под ред. А. Е. Михневича. – Минск : Наука и техника, 1985. – С. 240 – 271.

2. **Лукашанец, А. А.** Беларуская мова ў XXI стагоддзі: развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання / А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 396 с. – Текст : непосредственный.

3. **Лукашанец, А. А.** Словообразование / А. А. Лукашанец. – Текст : непосредственный // Русский язык в Белоруссии / А. Е. Михневич,

Л. А. Мельников, В. М. Свежинский [и др. ]; под ред. А. Е. Михневича. – Минск : Наука и техника, 1985. – С. 68 – 76.

4. **Земская, Е.** Активные процессы в русском словообразовании нашего времени / Е. Земская. – Текст : непосредственный // *ActaNeophilologica*, 2006. – VIII – С. 9 – 21.

5. **Нещищенко, Г. П.** Тенденции языковой экономии как фактор динамики литературной нормы в славянских языках / Г. П. Нещищенко. – Текст : непосредственный // *Славянские языки и культуры в современном мире. Труды и материалы Межд. науч. симпозиума в МГУ.* – Москва, 2009. С. 117 – 118.

**Кириченко Кристина Николаевна**

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: [crislalila201@gmail.com](mailto:crislalila201@gmail.com)*

УДК 398. 33

## **КОММУНИКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВОЙ "КОРОНА"**

**Kristina N. Kirichenko**

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### **IN COMMUNICATIVUM SENSUM LINGUA UNITATES CUM GENERANDI EX "CORONAM"**

*В статье осуществляется попытка осмысления коммуникативного значения новых слов, получивших распространение в период пандемии коронавирусной пневмонии. В основу исследования положен анализ и систематизация наименований, зафиксированных в сети Интернет.*

*The article attempts to comprehend the communicative meaning of new words that have become widespread during the coronavirus pneumonia pandemic. The study is based on the analysis and systematization of names recorded on the Internet.*

*Ключевые слова: лексема, коммуникативное значение, новообразования, новofраземы*

*Key words: lexeme, communicative meaning, neoplasms, novofrasesemes*

Известно, что все процессы, оказывающие минимальное или основательное влияние на человека и общественную систему в целом, сказываются на состоянии языковой системы. Все события, которые "переживал" земной шар, "переживал" и язык. Так и случилось во время пандемии новой коронавирусной инфекции. Впервые COVID-19 (в разговорной речи употребляют *ковид, коронавирус, коронавирусная пневмония, коронарка*) появился в конце декабря 2019 года в Китае, в городе Ухань. А уже в 2020

году распространился по всему миру, затронув все сферы общественной жизни: экономику, политику, образование, культуру и др. Вирус разделил жизнь людей на "до" и "после".

Пока люди привыкали к "новой" жизни, в их речи появились лексемы, расширившие их словарный запас. Назовём группу описываемых слов – это новообразования с производной базой *корона-*. Данные слова появляются в заголовках газет, различных Интернет-изданий, СМИ ("Коронавты" с планеты Уфа: медики, лечащие больных коронавирусом, рассказывали о буднях). [MKSETURL]. Коронавирусный сленг проник в анекдоты и шутки: "*Когда придёт третья волна, "лучшие люди страны" уйдут в бункера до лучших времён. И вот тут главное – заварить выход, ну, чтоб не заразить их ненароком*". "*Археологи будущего назовут нашу цивилизацию "масочной"*", "*А гриппа в этом сезоне не было. Видать, тоже ковидом заболел*". Стали популярны новofраземы, трансформированные пословицы и поговорки: "*Коронавирусная жена и мужу не мила*", "*Больной лечится, а самоизолированный бесится*", "*На маску надейся, а сам не плошай*". А про новую "болезнь" написано несколько десятков книг научного и псевдонаучного содержания (Прокопенко И. "Коронавирус Вирус-убийца" и др.).

Появившиеся неологизмы небезынтересны лингвистам. Так, по данным российского агентства международной информации "РИА Новости" от 17 ноября 2020 года сообщалось: "Учёные-лингвисты Уральского федерального университета (УрФУ) совместно с коллегами из Финляндии, Швеции и Испании выявили новые слова, появившиеся в период пандемии коронавируса" [РИА URL], поэтому образовавшийся "коронаяз" должен стать официально фиксированным для сохранения исторической памяти "масочной" эпохи.

*Цель работы* – зафиксировать коммуникативное значение новообразований с производной базой *корона-*. Согласно концепции монографии И. А. Стернина, М. Ю. Саломатиной "Семантический анализ слова в контексте": "Коммуникативное значение – обобщение различных зафиксированных в контекстах наборов актуализированных и наведённых сем" [5, с. 25].

Источниками для "поиска" неологизмов послужили газета "Московский комсомолец", журнал "Призыв", Яндекс. Новости и т. д.

Ссылаясь на Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, определили, что первичное узуальное лексическое значение номинации *корона* (от. лат. *corona* – венец) очерчено тремя ЛСВ:

1. Золотой венец с драгоценными украшениями как символ власти монарха. *Царская к. Возложить корону на кого-л.* (короновать). *Шахматная к.* (о звании чемпиона мира по шахматам). // Изображение такого предмета на гербах, орденах и т. п. как символ наследственной власти. // То, что своей формой напоминает такой предмет. *К. волос. К. листья.*

2. Власть монарха; государство, правительство в монархических странах. *Сложить с себя корону. Сохранить корону. Бороться за корону.*

*Служить испанской короне. Быть под началом британской короны. Подданные российской короны.*

3. *Астрон.* Светлый ореол вокруг Солнца, видимый во время солнечного затмения. *Солнечная к.* " [2, с. 291].

В лингвистических словарях в настоящее время нет определения номинации *коронавирус*, поэтому мы обратились к словарю "Микробиология: словарь терминов" Фирсова Н. Н. Согласно этому словарю: "Коронавирус – это семейство РНК-содержащих вирусов". [3, с. 55]. Лексема *коронавирус* является заимствованным словом, первоначально оно происходит от латинского *Coronaviridae*. Краткая форма "корона" образуется путём исключения корневой основы "*вирус*".

В качестве доказательства того, что "корона" и краткая форма "корона" являются омонимами, приведём результаты опроса, проводимого Интернет-порталом *sakh.com* среди пользователей-жителей Сахалина с 12.04.2020 по 19.04.2020 г. :

- Коронавирус – 33% (288)
- Царизм – 14% (123)
- Украшение – 27% (239)
- "Тойота" – 18% (157)
- Другое – 9% (79) [SAKHURL].

В настоящее время слово, которое раньше ассоциировалось с властью монарха, теперь вызывает у людей страх, боязнь, ужас.

Тема изучения новообразований с производной базой *корона-* была поднята в статье "Русская языковая картина мира в период коронавирусной пандемии" Л. А. Араевой, М. И. Федосеева [1, с. 6-7]. В ней внимание сосредоточено на лексике и словообразовании. Рассмотрены языковые единицы, связанные с понятийной сферой "Помещения для больных" и отмечены расширенные значения лексем.

Результатами нашего анализа являются приведённая ниже выборка языковых единиц с производной базой *корона-*.

1) Языковые единицы, маркированные медицинской сферой употребления:

- **Корона́вт**, а, мн. ы, ов, м. 1. Медработник, выезжающий к людям, больным COVID-19. *Коварный вирус не щадит никого: ни пациентов, ни самих коронавтов.* (gtrk. tv.)

- **Корони́ал**, а, мн. ы, ов, м. 1. Ребёнок, рождённый в период пандемии коронавирусной инфекции. *В Петербурге появились "корониалы".* (Интернет-портал "Город+".)

- **Коронави́русить**, ию, иешь, иет; несов. 1. Находиться на самоизоляции. *А что делать дома, как не "коронавирусить"?* (Интернет-портал "3-info". 2. Болеть COVID-19. *"Коронавирусить", по-ходу, мы теперь будем ежегодно.* (Информационный портал "Newsland".)

- **Корóванный**, ая, ое. 1. Человек, болеющий COVID-19. Ленинградская панорама: "корованный" год. (Газета "Всеволожские вести" 16.04.2021, №28 (2535).)

- **Коронасóмния**, и, мн. и, ий. 1. Бессоница у людей, переболевших новой коронавирусной инфекцией. *В Казахстане... местные тоже столкнулись с коронасомнией...* ("The Village").

- **Коронакóпия**, и, мн. ы, ов. 1. Совокупность мест, через которые можно заразиться COVID-19. *Рукопожатие – это один из видов коронакопии.* (Интернет-портал "Мед. ру".)

2) Языковые единицы, маркированные связью с понятийной областью "Человек":

- **Коронóик**, а, мн. и, ов, м. 1. Человек, помешанный на заболевании COVID-19, склонный во всём видеть признаки коронавирусной инфекции. *В палате может лежать один короноик и два пневмотика и значит через сутки там уже три короноика.* (Информационно-развлекательное сообщество "Пикабу")

- **Корона-диссидéнт**, а, мн. ы, ов, м. 1. Человек, не верящий в существование COVID-19. *Ряды "корона-диссидентов" в последнее время по понятным причинам поределели, но ряд их тезисов так никто и не опроверг.* (газета "Московский комсомолец", 20.01.2021, №4.)

- **Короназавísимость**, и, мн. и, ей, ж. 1. Чрезмерное приобретение товаров первой необходимости во время пандемии и карантина. *"Короназависимость": зачем россияне скупают продукты во время пандемии коронавируса.* (Информационное агентство "ФедералПресс" 16.03.2020.)

- **Коронапофигíст**, а, мн. ы, ов, м. 1. Человек, игнорирующий социальные меры, проводимые в период пандемии новой коронавирусной инфекции; не верящий в существование COVID-19. Кроме того, россияне придумали названия для целых категорий людей: коронапофигисты, карантье..., голомордые... (Интернет-портал "+1".)

- **Коронаскéптик**, а, мн. и, ов, м. 1. Человек, подвергающий сомнению всё, что связано с новой коронавирусной инфекцией. *Джон Магуфули скончался 17 марта на 62-м году жизни из-за проблем с сердцем, однако СМИ, в частности, ВВС, указали, что он умер от COVID-19, будучи "коронаскептиком".* (Интернет-портал "Евразия Daily".)

- **Коронаоптимíст**, а, мн. ы, ов. 1. Человек, который не отчаялся во время пандемии новой коронавирусной инфекции. *Причём весной сравнивали обычно коронаскептики, сейчас сравнивают коронаоптимисты.* (Рамблер-новости.)

2) Языковые единицы, маркированные связью с понятийной сферой "Общество":

- **Коронасвáдьба**, ы, мн. ы, еб, ж. 1. Брачный обряд, заключённый между двумя людьми, возникший в период пандемии коронавирусной ин-

фекции. *Да и рассказывать о коронесвадьбе потом можно будет что угодно. Свидетелей не было, никто ничего не опровергнет.* (Сетевое издание "Призыв" 04.06.2020.)

• **Коронаразвóд**, ы, мн. ы, ов, м. 1. Расторжение брака, заключённого между двумя людьми, возникшее в период пандемии коронавирусной инфекции. *Первый бум "коронаразводов" был зафиксирован в марте в Китае и достиг рекордной отметки как минимум в двух китайских городах – Дачжоу и Сиане.* (Интернет-портал "Jana".)

• **Коронапа́уза**, ы, мн. ы. 1. Карантин, вызванный пандемией COVID-19. *Во время коронапаузы создатели картины занимались созданием сценария второго сезона, который, как утверждается, будет сниматься в параллель с первым.* (OvideO. ru.)

• **Корона-кр́изис**, а, мн. ы, ов, м. 1. Кризисное состояние мировой экономики, вызванное пандемией COVID-19. *Из-за корона-кризиса в последний год всё больше и больше людей начинали инвестировать в ценные бумаги и торговать на американской фондовой бирже.* (Интернет-портал "Детали".)

• **Коронапока́липсис**, а, мн. ы, ов, м. 1. Описание катаклизмов, связанных с коронавирусной пандемией. *Коронапокалипсис, угроза глобализации и возможная отмена Олимпиады.* (Блог-платформа "Живой Журнал".)

• **Коронабезу́мие**, я, мн. и, ий, ср. 1. Атмосфера, настроения, возникшие из-за пандемии COVID-19. *Демонстранты требовали отменить обязательное ношение масок, назвав это коронабезумием.* (Информационный портал "Тут. by".)

• **Коронафóбия**, и, мн. и, ий, ж. 1. Совокупность психических расстройств, происходящих с тревожными людьми из-за новой коронавирусной инфекции. *Интересно, что в первый месяц у белорусов появилась "коронафобия".* (Информационный портал "Newgrodnо. by".)

• **Коронапа́ника**, и, мн. и. 1. Реакция людей на пандемию. *"Коронапаника": идеи, которые могут помочь перестать бояться болезни.* (Платформа "Яндекс. Дзен".)

Новые условия жизни сказываются на состоянии языка. Язык отражает всё происходящее в жизни социума. Особенность новых слов с производной базой *корона-* состоит в том, что они вошли в систему языка, несмотря на небольшой период существования. Являясь производными словами, образуют широкий спектр производности для потенциальных языковых единиц. Наиболее продуктивными новообразованиями являются сложные слова (*коронавирусить, коронасомния, коронакопия, коронадиссидент, короназависимость, коронапофигист, коронаскептик, коронафобия, коронаоптимист, коронапаника, коронасвадьба, коронаразвод, коронапауза, корона-кризис, коронапокалипсис, коронабезумие*), менее

продуктивными суффиксальные производные (*коронавт, корониал, коро-  
ванный, короноик*).

### Список использованных источников

1. Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сборник тезисов Международной научной конференции, посвящённой 90-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной, 28 – 29 октября 2020 г. – Москва : РУДН, 2020. – С. 6 – 8 – URL: <file:///C:/Users/ADmin/Downloads/Сборник%20конференции%20С.А.%20Хаврониной%20окончательно.pdf> (дата обращения: 14.04.2021). – Текст : электронный.

2. Голованова, Е. И. О словаре эпохи пандемии "коронавируса" / Е. И. Голованова; С. И. Маджаева. – Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – № 7 (441). – С. 48 – 57. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-slovar-e-pohi-pandemii-koronavirusa/viewer> (дата обращения: 14.04.2021).

3. Северская, О. И. Ковидиоты на карантитулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик / О. И. Северская. – Текст : электронный // Коммуникативные исследования. – 2020. – № 4. – С. 887 – 906 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kovidioty-na-karantikulah-koronavirusnyy-slovar-kak-diagnosticheskoe-pole-aktualnyh-diskursivnyh-praktik/viewer> (дата обращения: 14.04.2021).

4. Новые слова и словари новых слов. 2020 : Сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2020. – С. 28 – 32, 45 – 62, 63 – 70, 126 – 138. – URL: <https://iling.spb.ru/periodicals/neolex/2020/book.pdf> (дата обращения: 14.04.2021). – Текст : электронный.

5. Стернин, И. А. Семантический анализ слова в контексте / И. А. Стернин; М. С. Саломатина. – Воронеж : Истоки, 2011. – С. 25. – URL: [http://sterninia.ru/files/757/4\\_Izbrannye\\_nauchnye\\_publicacii/Semasiologija/Semanticheskij\\_analiz\\_slova\\_v\\_kontekste.pdf](http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Semasiologija/Semanticheskij_analiz_slova_v_kontekste.pdf) (дата обращения: 14.04.2021). – Текст : электронный.

6. Кузнецов, С. А. Современный толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : НОРИНТ, 2001. – 291 с. – ISBN5-7711-0103-6. – Текст : непосредственный.

7. Фирсов, Н. Н. Микробиология: словарь терминов / Н. Н. Фирсов. – Москва : Дрофа, 2006. – С. 55. – URL: <http://eb.arsu.kz:81/pdf/foreign/a13021520.pdf> (дата обращения: 14.04.2021). – Текст : электронный.

8. Яндекс. Новости: служба автоматической обработки и систематизации новостей компании Яндекс : сайт. – Москва, 2000 – . – Обновляется в течение суток. – URL: <https://yandex.ru/news/> (дата обращения: 14.04.2021). – Текст : электронный.

9. РИА Новости: информационное агентство : сайт. – Москва, 2014. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 14.04.2021). – Текст : электронный.

10. Сахком: информационное агентство : сайт. – Москва, 1998. – Режим доступа: для всех пользователей. – URL: <https://sakh.com/> (дата обращения: 14.04.2021). – Текст : электронный.

*Клемпач Ольга Андреевна,  
Черненко Мария Александровна,  
Стародубец Светлана Николаевна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"*

*e-mail: [klempach.olga@gmail.com](mailto:klempach.olga@gmail.com), [chernenoctmarya@yandex.ru](mailto:chernenoctmarya@yandex.ru)*

*УДК 481 / 482*

## **"СЛОВАРЬ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ" П. А. РАСТОРГУЕВА КАК ФЕНОМЕН ДИАЛЕКТОЛОГИИ XX ВЕКА**

*Maria A. Chernenok,  
Olga A. Klempach,  
Svetlana N. Starodubets*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### **"DICTIONARY OF FOLK DIALECTS OF THE WESTERN BRYANSK REGION" BY P. A. RASTORGUEV AS A PHENOMENON OF DIALECTOLOGY OF THE TWENTIETH CENTURY**

*Статья посвящена 140-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора П. А. Расторгуева и его трудам. Представлен анализ ареального маркирования иллюстративного материала "Словаря народных говоров Западной Брянщины" от буквы от "А" до "Г".*

*Ключевые слова: диалектология, диалектное слово, словарная статья, П. А. Расторгуев*

*The article is devoted to a brief biography, Doctor of Philology, Professor P. A. Rastorguev and his works. The article presents an analysis of the "Dictionary of Folk dialects of the Western Bryansk region" from the letter from "A" to "G", where the localities with the greatest use of dialects of the Western Bryansk region are recorded.*

*Keywords: dialect word, dictionary entry, P. A. Rastorguev*

Словарь П. А. Расторгуева "Словарь народных говоров Западной Брянщины" [1] включает лексику Западной Брянщины, которая была собрана профессором в 267 населенных пунктах указанной территории. Ма-

териал представляет собой большую ценность в плане изучения языковых контактов близкородственных языков, в частности русско-белорусской интерференции, которая отчётливо отражается в зафиксированной здесь лексике.

Павел Андреевич Расторгуев родился 18 июня 1881 года по старому стилю в городе Стародубе Черниговской губернии (ныне Брянской области).

Исключительные особенности и настойчивое трудолюбие студента были отмечены профессорами, и по окончании университета в 1908 году П. А. Расторгуева оставляют на кафедре славянской филологии. С 1921 года он работает в вузах Москвы преподавателем, а в 1924 году ему присваивают звание "профессор".

Павел Андреевич Расторгуев часто выступал с научными сообщениями на конференциях. Им были прочитаны такие доклады, как: "Говоры восточных уездов", "Об изучении Белорусской диалектологии" и др. Отдельное внимание профессор обращает на изучение говоров той территории, где соприкасаются зоны распространения трёх славянских языков: белорусского, русского и украинского языков. Это нашло отражение в работах П. А. Расторгуева: "Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии" (1927) [2]; "Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров" (1927) [3] и др.

Как отмечает С. Н. Стародубец, "благодаря пути, намеченному П. А. Расторгуевым, лингвокраеведческое направление развивается и во второй половине XX в.", а "подход к изучению брянских говоров как южновеликорусских остаётся базовым и в современной лингвистической науке" [4, с. 3].

Наибольшее внимание Павел Андреевич Расторгуев уделял редактированию рукописи "Словаря народных говоров Западной Брянщины", который был задуман им в 1903 году, опубликован только в 1973 году после смерти учёного. Рукопись названного словаря в настоящее время хранится в Новозыбковском краеведческом музее.

Составлялся словарь на основе материала, который был собран самим исследователем и студентами Новозыбковского пединститута. Данный словарь явился завершающимся этапом фронтального изучения говоров.

"Словарь народных говоров Западной Брянщины" построен традиционно: диалектные слова расположены в алфавитном порядке, заголовочное слово с ударением, краткая грамматическая характеристика, необходимые стилистические пометы, дефиниция, речения, которые иллюстрируют употребление диалектизма.

Всего в словаре 8 тысяч слов, которые были записаны в следующих населенных пунктах: Мглине, Новом Ропске, селе Чуровичи, Гордеевке, селе Манюки, Стародубе и других.

Проанализировав маркеры пяти населенных пунктов (Россуха, Губастово, Мглин, Клинцы, Манюки) в буквах от "А" до "Г", мы выяснили, что наибольшая часть диалектизмов зафиксирована в населенном пункте Россуха (37%): *адвѣдать* – навестить кого-нибудь больного, *бальны́* – больной, *вѣна* – приданое, *гáнки* – крыльцо или ступенька крыльца, в Мглине (28%): *аханькі́* – междометие, уменьшительное к ах, *блискать* – сверкать, *вілашник* – угол возле печи, где ставят ухваты, чепелу, кочергу, *гліва* – сорт груши, в Губастово (22%): *абагну́цца* – нагнуться, *абра́зник* – место, где стояли иконы, *глагальі чытаць* – повторять уже читанное несколько раз, а наименьшая часть диалектных слов маркирована употреблением в населенных пунктах Манюки (7%) и Клинцы (6%). Манюки: *абгаво́рья* – пересуды, плохая молва *виришава́ць* – ходить по домам и произносить вирши, поздравления с праздником; Клинцы: *адтря́ха* – бездельник, отчаянный, *видно́сенька* – очень хорошо видеть [4, с. 25-72].

Таким образом, "Словарь народных говоров Западной Брянщины" Павла Андреевича Расторгуева охватывает лексику Западной Брянщины, собранную автором в различных населенных пунктах указанной территории. По типу словарь приближается к толковому и является ценным справочником при изучении ряда вопросов истории восточнославянских языков.

#### Список использованных источников

1. **Расторгуев, П. А.** Словарь народных говоров Западной Брянщины : материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев. / Авт. вступ. статьи Н. Д. Расторгуева и Е. М. Романович. АН БССР. Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. – Минск : Наука и техника, 1973. – 295 с. – Текст : непосредственный.
2. **Расторгуев, П. А.** Говоры восточных уездов Гомельской губернии в их современном состоянии / П. А. Расторгуев. – Минск, 1926. – 24 с. – Текст : непосредственный.
3. **Расторгуев, П. А.** Северско-белорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров / П. А. Расторгуев. – Ленинград : Ин-т белорусск. культуры, 1927 (гос. Академич. тип.). – 224 с. – Текст: непосредственный.
4. **Стародубец, С. Н.** Имя профессора П. А. Расторгуева как символ славянской лингвокультуры в пограничном регионе / С. Н. Стародубец. – Текст : непосредственный // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства: материалы Международной научной конференции в 2-х частях / Под ред. В. В. Мищенко, В. Н. Пустовойтова, С. Н. Стародубец. – Брянск : РИО БГУ, 2014. – С. 3 – 5.

*Красовская Нелли Александровна*

*ФБОУ ВО "Тульский государственный педагогический университет  
имени Л. Н. Толстого"*

*e-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru*

УДК 81'22

## **ПРОБЛЕМЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ДИАЛЕКТНОГО МАТЕРИАЛА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

*Nelly A. Krasovskaya*

*Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy*

### **PROBLEMS OF MAPPING LEXIC DIALECT MATERIAL AND ITS INTERPRETATION**

*В предложенной статье автор поднимает вопросы, отражающие сложность составления лингвистических карт, посвященных территориальному распространению лексических единиц. Определяются объективные и субъективные сложности процесса подготовки карт. Помимо этого, большое место в статье отводится возможностям научной интерпретации материалов лингвистических карт.*

*Ключевые слова: атлас, лексические карты, лингвогеография, системные отношения в лексике*

*In the proposed article, the author raises questions that reflect the complexity of drawing up linguistic maps dedicated to the territorial distribution of lexical units. The objective and subjective difficulties of the process of preparing maps are determined. In addition, a large place in the article is given to the possibilities of scientific interpretation of the materials of linguistic maps.*

*Key words: atlas, lexical maps, linguo-geography, systemic relationships in vocabulary*

Изменения в языке, с одной стороны, с другой стороны, отражение в языке культуры, истории, человека, побуждают лингвистов непрестанно искать способы фиксации лексического материала. По сравнению с единицами других уровней языковой системы лексические единицы очень подвижны: меняется мир, меняется человек – меняется лексика.

Одним из способов фиксации языкового материала, помимо словарей, словников и др., являются атласы и входящие в их состав карты.

Традиции составления лингвистических атласов уходят корнями в XIX век, когда в Европе начали появляться первые диалектологические карты. В отечественном языкознании идеи лингвистической географии в основном складываются в начале XX века.

Лингвистические атласы создаются только при большой подготовительной работе. Так, обращаясь к опыту создания "Лексического атласа русских народных говоров" (ЛЯРНГ), можно говорить о том, что со време-

ни возникновения идеи до момента выхода тома "Растительный мир" (2017) прошел не один десяток лет.

Любой лингвистический атлас имеет в основе программу, которая и становится организующим началом для сбора материала. В нескольких словах охарактеризуем проект "Лексический атлас русских народных говоров". Создание Атласа курируется тремя профильными институтами РАН: Институтом лингвистических исследований, Институтом славяноведения, Институтом русского языка им. В. В. Виноградова. На сегодняшний день Атлас насчитывает 1064 пункта, программа Атласа включает более пяти тысяч вопросов только по основным темам, расширенная программа представляет собой более объемный массив вопросов. В 2004 году увидел свет пробный выпуск ЛАРНГ, а в 2017 году был издан том "Растительный мир", в настоящее время к изданию подготовлен том "Животный мир". Ежегодно издаются материалы научного семинара ЛАРНГ, проводятся совещания, посвященные анализу актуальных проблем составления Атласа.

Однако столько плодотворная работа по составлению карт Атласа не может не вызывать вопросов, связанных со сбором материала, его подготовкой, анализом. Обозначим некоторые проблемы, которые возникают при картографировании лексического материала.

Первая группа проблем ощущается уже на этапе сбора данных: сама организация сбора лексического материала для картографирования – сложный процесс. В идеале тот или иной научный, учебный центр должен охватить всю территорию, которая к нему относится (на основании территориальной, формальной или иной близости). Естественно, охватить все районы, которые должны быть подвержены картографированию, не всегда удастся (в силу различных объективных и субъективных причин). Именно поэтому сбор материала в населенных пунктах разных районов растягивается на несколько лет только по одной теме.

Сложности фиксации информации для картографирования бывают связаны и с подбором информантов, и с обилием материала, который заложен в Программу собирания сведений. Желательно находить для беседы информантов более пожилого возраста, постоянно проживающих в сельской местности, и т. д. Однако сегодня мы наблюдаем объективные трудности в подборе информантов. Пожилые люди очень часто не могут вести долгие беседы, а за короткий отрезок времени невозможно собрать всю необходимую информацию по программе-вопроснику.

Вторая группа проблем связана с обработкой собранного лексического материала. Первичная обработка проводится на кафедрах вузов или в иных центрах, которые занимаются сбором диалектной информации. На первом этапе обработки обычно отсеивается бракованный материал, расшифровываются записи, точно с вопросами программы соотносятся ответы, теперь уже заполняется электронная форма ответов. Однако на этом этапе воз-

можны технические неудачи, которые в дальнейшем могут привести к серьезным последствиям: неправильное оформление лексемы, различного рода опечатки, неверная постановка ударения, ошибки в номерах вопросов.

Затем, после первично обработки, материалы попадают в Словарный отдел ИЛИ РАН, где и подвергаются окончательной систематизации и обработке. Материалы в бумажном виде распределяются по картотекам, сканируются. Материалы в электронном виде распределяются по определенным базам данных.

Третья группа проблем связана с составлением карты. Важно из всего массива лексем отобрать те лексические единицы, которые действительно являются ответом на указанный вопрос программы, которые встречаются хотя бы в трех населенных пунктах картографируемой территории. Безусловно, на карте могут отмечаться и единичные лексемы с картографируемыми корнями, и единичные лексемы с некартографируемыми корнями. Однако прежде всего представляют интерес те лексемы, которые образуют ареалы. С этим же этапом работы связана и целая серия технических моментов: как сделать так, чтобы не пропустить ни одного пункта при картографировании, как сделать так, чтобы не ошибиться в индексе материалов и в соотношении его с алфавитным списком картографируемых лексем. Наконец, на последнем этапе – этапе создания карты и редактирования комментария – важно еще раз проверить возможные ошибки в нанесении значков на карту, в их конфигурации и заливке, в том, что они должны совпасть с материалами индекса, а материалы индекса должны совпасть с алфавитным списком.

Ряд исследователей оценивает работу, связанную с составлением Атласа, очень высоко. Среди тех ученых, которые откликаются на проблемы Атласа, пытаются оценить научные возможности создаваемых карт, можно назвать таких лингвистов, как Т. И. Вендина [1], А. С. Герд [2], Л. Я. Костючук [3], С. А. Мызников [5] и др.

Однако Атлас задает векторы размышления, связанные не только с подготовкой карт, но и с возможностями интерпретации тех данных, с которыми могут знакомиться все желающие, изучая карты Атласа. Вопросы интерпретации научного материала, получаемого в результате анализа лексических карт, во многом связаны с личными научными интересами лингвистов, предметом их научных изысканий. Однако мы постараемся найти те направления интерпретации лингвистического материала карт Атласа, которые, по нашему мнению, могут стать универсальными и вписаться в парадигмы и направления современной лингвистики.

Помимо того, что карты дают возможность представить ареалы распространения довольно большого количества лексических единиц, они же способны указывать на системность лексических единиц. Стоит указать на то, что картографируемый материал в широком смысле слова предстает перед исследователями как материал системно организованный. И дело тут

не только в распределении лексического материала по тематическим группам, такое распределение было заложено изначально составителями в Программе сбора сведений для ЛАРНГ, но и в том, что карты позволяют представить лексический фонд как систему, в которой проявляются парадигматические и эпидигматические отношения и др. Можно говорить о том, что каждая карта, представленная в Атласе, – это иллюстрация системности. Например, лексические карты, называющие один и тот же объект действительности, одну реалию, представляют в широком смысле синонимические отношения между лексемами. Прекрасной иллюстрацией системных отношений может стать карта № 50 Л 41 Гнилое дерево (автор М. В. Флягина) [4, с. 199], на которой демонстрируются синонимические отношения в лексике. Все слова, образующие ареалы на данной карте, имеют значение ‘гнилое дерево’, то есть одинаковы в плане содержания, а план выражения существенно отличается: *гнилец, гнилуха, дряблина, ситовина, трухляк* и др.

Помимо этого, анализ ряда карт может приводить к выявлению многозначности или омонимии. Ведь карты Атласа различны: среди них определяются лексические, семантические, словообразовательные, мотивационные. Именно семантические карты позволяют выявить ряд особенностей, связанных с организацией и особенностями семантики русских слов, представленных на картах. Можно остановиться на довольно точной карте №9 СМ 9 Употребляются ли и в каких значениях *елошник, елошняк, елишник, елишник, елиняк, елиньяг?* (автор Н. А. Красовская) [4, с. 48], на которой можно видеть противопоставление указанных слов в значениях ‘еловый лес, еловые дрова’ – ‘ольховый лес, ольховые дрова’. На севере в основном приведенные лексемы имеют значение ‘ольховый’, на юге – ‘еловый’.

Остановимся также на карте №8 СЛ 6 Лес, роща с преобладанием деревьев одной породы (автор Т. И. Вендина) [4, с. 45], в которой отражены ареалы названий совокупности деревьев одной породы, в которых присутствуют синонимичные суффиксы: -ник, -няк, -ак, -аг, -ук, -нюк, -арь, ач и др. Интересно, например, отметить, что ближе к югу и юго-западу увеличивается концентрация лексем с суффиксами -к-а, -к-и (*грядика, куртика*).

Помимо интерпретации лексического материала, отраженного на картах Атласа, с точки зрения системного подхода, можно сделать много интересных наблюдений, связанных с репрезентацией материала карт с точки зрения лингвокультурологической. Ведь большая часть лексического фонда того или иного этноса связана с отражением им истории, мировоззрения, культуры народа.

Так, исходя из анализа лексических карт, можно сделать вывод о том, как интерпретируется природа человеком, какими смыслами наделяется окружающий человека мир. Здесь большую роль играют не только сами лексемы и значения, репрезентированные на картах, но и иллюстрации, представленные в комментариях. Они позволяют понять, для чего нужны

растения человеку, какие из них являются очень важными для него, что изготавливают из растений и мн. др. Так, к карте Л 44 Шишковатый нарост на стволе дерева (авторы Л. Я. Костючук, Л. И. Налетова) [4, с. 209] встречаем следующий комментарий: Отец мой из *паккулы* пепельницы делал. Гриб такой (п. 18). Подобные речения дают возможность узнать об использовании природных материалов в жизни человека. Аналогичные речения встречаем во многих картах: На дереве *губка* вырастает, эту *губку* сбивают, варят с золой, долго кипятят в щелоку, она будет мягкая (п. 70). А вот *чагу* от берёзы полезно от желудка пить (п. 144). [4, с. 212]. Интересно отметить, что, например, отношение к природе проявляется и в мотивационных признаках слова, которые также находим на карте. В этой связи вспоминается карта, посвященная распространению слова, называющего березу. Среди наименований этого дерева интересны такие, как *весёлка*, *невеста*, *чистуха* [4, с. 231] (автор М. В. Флягина). В комментариях к карте встречаем такой иллюстративный материал: Она белая, ствол чистый, так и зовут *берёзой-чистухой* (п. 346). Больно хорошо париться *чистушкой*, она и у нас, на берегу много *чистушки* (п. 48).

Сложность составления карт Атласа, картографирования лексического материала в целом связаны с рядом объективных причин, о которых мы говорили выше. По нашему мнению, несмотря на нивелирование многих диалектных систем, самой актуальной проблемой для подготовки карт Атласа остается проблема сбора материала. На наш взгляд, необходимо корректировать методы и приемы фиксации материала в полевых условиях, продумывать формы ведения бесед с информантами, актуализации их лингвистической памяти.

Можно говорить и о том, что объективные и субъективные сложности при сборе материала и составлении карт Атласа несколько не влияют на научный потенциал карт, на возможности их прочтения и интерпретации. В данном случае мы имеем в виду анализ не только территориальной, ареальной ситуации, но и всех тех возможностей более глубокого раскрытия проблемы существования слова, о которых говорили выше. Карты в этом случае дают поле для самых многообразных научных обобщений.

### Список использованных источников

1. Вендина, Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и лексика природы как объект лингвогеографического изучения / Т. И. Вендина. – Текст : непосредственный // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / Ин-т лингв. исслед. РАН. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – С. 136 – 157.

2. Герд, А. С. О специфике тем Программы сбора материалов для ЛАРНГ / А. С. Герд, А. Н. Левичкин. – Текст : непосредственный // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015

/ Ин-т лингв. исслед. РАН. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – С. 174 – 178.

3. **Костючук, Л. Я.** Специфика формирования легенды к карте (из опыта работы с лексико-семантическими группами народных наименований) / Л. Я. Костючук. – Текст : непосредственный // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / Ин-т лингв. исслед. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. – С. 417 – 427.

4. Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ): Т. 1. Растительный мир. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. – 736 с. – Текст : непосредственный.

5. **Мызников, С. А.** Полевые исследования для ЛАРНГ и некоторые проблемы пермско-русского взаимодействия на территории Удмуртии / С. А. Мызников. – Текст : непосредственный // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. – С. 174 – 178.

**Крюк Екатерина Константиновна**

ФГБОУ ВО "Московский государственный университет  
имени М. В. Ломоносова"  
*e-mail: [kate31105@gmail.com](mailto:kate31105@gmail.com)*

УДК811. 161. 1, 811-112

## **ВЛИЯНИЕ УКРАИНСКОГО, БЕЛОРУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ НА ТЕКСТЫ ИЛЫ КОПИЕВСКОГО РУБЕЖА XVII – XVIII ВЕКОВ**

**Ekaterina K. Kryuk**

*M. V. Lomonosov Moscow State University*

### **THE INFLUENCE OF THE UKRAINIAN, BELARUSIAN AND POLISH LANGUAGES ON THE TEXTS OF ILYA KOPIEVSKY AT THE TURN OF THE 17TH-18TH CENTURIES**

*В статье описано, какое влияние оказали украинский, белорусский и польский языки на тексты Илы Копиевского и как это отражает его языковую компетенцию; а также какие особенности его текстов могли быть связаны с влиянием церковно-славянского языка. Это исследование важно для изучения русского языка на рубеже 17 – 18 веков, в том числе в том числе в социо-культурном контексте.*

*The article describes the influence of the Ukrainian, Belarusian and Polish languages on the texts of Ilya Kopyevsky and how this reflects his linguistic competence; what features of his texts were associated with the Church Slavonic language. This research is important for the study of the Russian language at the turn of the 17-18 centuries, including in the social and cultural context.*

*Ключевые слова: Илья Копиевский, русский язык XVIII века, диахроническая лингвистика, история русского языка, XVIII век, церковно-славянский язык*

*Keywords: Il'ja Kopievskij, Russian language of the 18th century, diachronic linguistics, history of the Russian language, XVIII century, Church Slavonic.*

Переводческая и книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского – значимое явление для русской культуры петровского времени. С одной стороны, важно само наличие изданий на "славянорусском" языке, приходящих из Амстердама. Особо стоит отметить, что они носили светский характер. С другой стороны, важен язык его переводов, ориентирующийся на церковнославянский язык (точнее, на его гибридный регистр, если следовать терминологии В. М. Живова [5, с. 31 – 33; 6, с. 64 – 69], или на грамматическую норму сниженного типа, по терминологии М. Л. Ремневой [11, с. 31 – 32]), но уже указывающий на значительные изменения в литературном языке. Кроме того, Копиевский использует некоторое количество украинизмов, полонизмов и белорусизмов, что объясняется особенностями языковой компетенции переводчика.

Илья Федорович Копиевский (или Элиаш Копиевич, как он сам иногда подписывался) родился в 1651 году на территории княжества Литовского (по разным версиям либо близ города Ляховичи (современная Брестская область, Беларусь), либо недалеко от Мстиславля (современная Могилевская область, Беларусь) [1; 2; 4; 8, с. 13 – 25; 10, с. 245 – 246]. Поэтому по территории рождения родным языком Копиевского был, скорее всего, белорусский.

Также он должен был знать польский язык. В привилегии, данной ему Генеральными Штатами на печатание "Латинской грамматики", Копиевский назван "поляком, жившим в то время в Амстердаме – *polonus inpraesentiarum habitans Amstelodami*" [9, т. 1, с. 13], и сам он в письме к А. Г. Франке подписывался как *Verbi Dei Minister polonus* - "служитель слова Божия, поляк", но возможно, что здесь имеется в виду его происхождение из Польши, а не национальная принадлежность. Генрих Лудольф в одном из писем говорит, что Копиевский – литвин. Также Готфрид Вильгельм Лейбниц (в то время - президент Королевского прусского общества в Берлине) называет Копиевского литовцем. В то время Великое Княжество Литовское объединяло части населения и территорий современных Польши, Белоруссии, Литвы, Украины, России. Соответственно, и поляк, и литвин, и белорус были жителями одного государства, соответственно Копиевский знал польский язык как государственный язык страны. Этому есть еще одно подтверждение: в 1708 году Брюс писал к Петру, что Копиевский живет у него без всякого дела, так как он в немецком языке неискусен, а лучше бы ему переводить польския книги..." [9, т. 1, с. 18]. Кроме того, "встречаемые у него полонизмы, были, как известно, в ходу у всех малорусских ученых XVII и начала XVIII столетий" [9, т. 1, с. 13 – 14] (скорее всего по той же причине в книгах Копиевского встречаются и украинизмы).

В течение 6 лет (с 1660 по 1666) он обучался в Москве: в 1660-м году в период похода князя И. А. Хованского на Ляховичи один боярский сын насильно увез Копиевского в Россию, в Новгород. Мальчик сбежал и в течение 6 лет (до 1666 года) жил и учился в школе в Москве, под покровительством царя Алексея Михайловича. За это время он, вероятно, выучил русский язык. Потом он был отпущен домой.

После возвращения домой учился, а затем и с 1674 года преподавал в кальвинистской Слуцкой гимназии.

Таким образом, наличие в текстах переводов Копиевского элементов украинского, белорусского и польского языков напрямую связано с его биографией и языковой компетенцией и вписывается в общую культурную и языковую ситуацию в России рубежа XVII – XVIII веков.

После этого Копиевский переехал в Амстердам. Точных данных об этом переезде у нас нет. Вероятнее всего, это было продолжение обучения, так как известно, что выдающихся выпускников Слуцкой гимназии, которые "посвящали себя духовному званию или же деятельности педагогической", отправляли в Европу [3, с. 17]. Там Копиевский завершил своё образование и стал кальвинистским священником (он сам подписывался, например, в прошении Петру I в декабре 1699 года как "Илюшка Федоровъ Ко́пиевскій, духовнаго чина веры реформатскія и собору амстеродамскаго") [9, т. 1. с. 526].

В Амстердаме Копиевский занимался по велению царя обучением русских молодых людей, изданием книг, в том числе переводных, на "славяно-русском языке".

Для того чтобы показать, какие заимствования из славянских языков встречаются у Копиевского, мы возьмем 3 прозаических текста: 1) "Краткое собрание Льва Миротворца, августейшаго греческаго кесаря, показующее дел воинскихъ обучение" (1699 г.), представляющее собой наставление, как вести войну (выдержки из "Тактики" византийского императора Льва Мудрого (или Философа) (конец IX – начало X в.) и книги "Simonis Starovolsci Institut orumrei militaris libri VII", изданной Лудовиком Эльзевиром в Амстердаме в 1641 году); 2) "Притчи Ессоповы", предназначенные для обучения школьников и содержащие латинский текст и параллельный перевод, и 3) приложение к басням "Гомерова брань или бои жаб или лягушек и мышей" (1700 г.).

В представленных текстах мы выделили следующие заимствования.

#### 1. В области фонетики:

а) ы/и на месте h. В «Кратком собрании» таких случаев 16 (например, многіѣбѡ ты(м) число(м) погибоша, тымъ оутѣшас#, дабы мѣли чы(м) покрѣпитис#, тыми мѣстами, тымъже путе(м)), при этом встречается 1 случай употребления с h (ниже тѣхъ). В «Притчах Ессоповых» таких примеров 3 (Притча на тѣхъ людѣи, при этом 4 раза в подобном контексте употребляется тѣхъ; тымже образомъ). В «Гомеровой брани» примеров не встрети-

лось. С одной стороны, такая мена гласных – украинская черта. В то же время в белорусском языке местоимения «тот» и «что» имеют в творительном и предложном падеже форму «тым», «чым»;

б) переход «г», «к», «х» в «з», «ц», «с». В «Кратком собрании» таких случаев 12 (например, в сеи книзѣ, но жаеаьт преводникъ се# книги; да оубо"тс# мнози т#, но многіе сипостаты; многіе бw; друзи, врази, но аки слиги), в «Притчах Ессоповых» - 7 (например, велицы съ малыми, въ нѣкое рѣцѣ, при этом слово послиси имеет и вариант послухи, т.е. без перехода), в «Гомеровою брани» - 3 (нарѣцѣ, станемъ вси накрѹтомъ березѣ, вомнозѣ оудивл#еть м#). Подобный переход может быть как архаичной церковнославянской чертой, так и украинизмом (в украинском языке "г", "к", "х" переходят в "з", "ц", "с" перед окончанием "и") или белорусизмом;

в) отверждение мягкого «р». В «Притчах Ессоповых» 1 пример (аѣ тѹю потераль), в «Гомеровою брани» - 3 (хвалиш# брѹхомъ твоимъ, хот#ше ити разорати иародъ, съ клешн#ми кривыми). Это черта белорусского языка (она проявляется уже в начале XVI века в переводах Г. Скорины [7]);

г) произношение «шч» на месте «щ». Эта черта белорусского языка встречается 6 раз в «Кратком собрании» (бидитли передавшчики ^сипостатов, но при этом 2 раза употребляется передавтиковъ; непошчадилъ, кормшчик, шчоть (3 раза)) и 1 раз в «Притчах Ессоповых» (шчен#та);

д) характерное для польского языка обилие шипящих звуков в исследуемых текстах почти не встречается. Так, всего 2 слова (кирцишъ («Краткое собрание») (этот вариант имени употребляется 2 раза, при наличии варианта кирции), іwвишова ("Притчи Ессоповы")) употреблены в польской огласовке.

## 2. В области морфологии:

а) звательный падеж существительных в исследуемых текстах (7 случаев в "Кратком собрании", 3 - в "Притчах Ессоповых", 7 - в "Гомеровою брани") не совпадает с именительным. Можно предположить, что это влияние украинского языка, также возможно, что это архаичная церковнославянская черта, которая появляется в тексте как маркер книжности. В редких случаях сохраняется звательный падеж и в белорусском языке;

б) деепричастия на –чи. В «Кратком собрании» таких форм 25 (например, аѣ бы былw и(з)вѣстнo сїе холст#нои wдежде мое' wдаючи wсе(м), wгне(м) бы(м) сожегль всю; прежде всh(x) пшкки на берега(x) ставити, недаючи приступи къ берегу(м) сипостато(м)). В «Притчах Ессоповых» таких форм не встречается. А в «Гомеровою брани» - только 1 раз: ситофагъ егда оузрѣ сїе, хромаючи ^wполченї# ^враташес#. Подобный формы характерны как для украинского, так и для белорусского языка;

в) глагольное окончание –мо в 1-м лице множественного числа настоящего времени – черта украинского языка. Эти формы встречаются в "Кратком собрании" 3 раза (мы во им# гднѣ идѣmw; аѣ не во(з)може(м) сила-

ми промысло дѣлаемо; и силы тво# побѣдимъ, и казни твою поберемо), в "Притчах Ессоповых" и "Гомерової брани" их нет;

г) окончание – еви в дательном падеже существительных. Такая форма встречается только 1 раз в "Притчах Ессоповых": рече коневи осель. Это либо украинизм, либо церковнославянизм.

3. Есть в текстах и лексические заимствования. Например, из украинского: скоримже дѣлом хопилас# (схватила) за ежиновыи кисть; егуже тернѣмъ склата (исколотая) кровію исътече; инїи тридовъ ихъ, нетрид#с# оуживають (пользуются); оуставиша (установили) домовагг пѣвн# оубити; онже "кв долгошїи есть; ни какова ради пожитки (прибыли, пользы, выгоды); наджида# (поджидая, ожидая) оужины. Из белорусского: пѣвень (петух) (слово употреблено 2 раза, при этом в других местах текста использованы другие варианты слова: кур, пѣтель). Слово пастка (капкан, западня, мышеловка), дважды встречаемое в «Гомерової брани» (Но двУхъ шлѣв боус# "стреба и кошки, и лестно# пастки; жестосердіи людїе пасткою оумУчиша) есть и в польском, и в украинском языке. Стоит отметить, что при переводе в «Притчах Ессоповых» слова «Drachma» (драхма, денежная единица) Копиевский использует слово гривна. Гривна как денежная единица в это время была распространена в Польше (польская гривна, она же марка).

Как показывают приведенные примеры и статистика, в "Кратком собрании" больше всего заимствований. Почему? Кроме того, что этот текст значительно больше по объему, чем "Притчи Ессоповы" и "Гомерова брань", важно отметить следующее. Во-первых, "Краткое собрание" было написано на год раньше. Во-вторых, как уже отмечалось, "Притчи Эссоповы" (и "Гомерова брань" как приложение) предназначались для обучения школьников грамматике, поэтому, видимо, Копиевский больше следил за чистотой языка, а в "Кратком введении" смысл был намного важнее, чем форма, поэтому там и встречается большое количество фонетических и морфологических заимствований.

Почему польских заимствований меньше всего? Можем предположить, что раз Копиевский хорошо знал этот язык (см. выше свидетельство Брюса, приведенное Пекарским), то ему легче было отслеживать полонизмы в языке и не употреблять их. А белорусский язык был его родным, поэтому, возможно, он не всегда мог вычлениить его элементы.

Использование украинизмов, белорусизмов и полонизмов в текстах Копиевского рубежа XVII-XVIII веков говорит о его языковой компетенции. Также оно отражает переломный момент в развитии русского языка, когда еще только начинает формироваться русский литературный язык нового типа.

### Список использованных источников

1. **Бегунов, Ю. К.** Копиевский Илья Федорович / Ю. К. Бегунов. – Текст : непосредственный // Словарь русских писателей XVIII века. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – С. 122 – 123.
2. **Быкова, Т. А.** Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тесинга / Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. – Текст : непосредственный // Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – янв. 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. – Москва ; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 318 – 341.
3. **Глебов, И.** Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617 – 1630 – 1901 гг. / И. Глебов. – Вильна : Типография А. Г. Сыркина, 1903. – Текст : непосредственный.
4. **Дурович, Л.** Древнейший источник парадигматики современного русского литературного языка / Л. Дурович, А. Съёберг. – Текст : непосредственный // Russian Linguistics. – Том. 11. – 1987. – С. 254 – 278.
5. **Живов, В. М.** Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. – Москва, 1996. – 593 с. – Текст : непосредственный.
6. **Живов, В. М.** Очерки исторической морфологии русского языка XVII – XVIII вв. / В. М. Живов. – Москва, 2004. – Текст : непосредственный.
7. **Кондрашов, Н. А.** Славянские языки : учебное пособие для студентов филол. спец. пед. ин-тов / Н. А. Кондрашов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Просвещение, 1986. – Текст : непосредственный.
8. Описание изданий гражданской печати: 1708 – янв. 1725. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1955. – 627 с. – Текст : непосредственный.
9. **Пекарский, П. П.** Наука и литература в России при Петре Великом / П. П. Пекарский. – Санкт-Петербург, 1862. – Текст : непосредственный.
10. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1887. – 941 с. – Текст : непосредственный.
11. **Ремнёва, М. Л.** История русского литературного языка / М. Л. Ремнёва. – М. : Издательство МГУ, 1995. – 400 с. – Текст : непосредственный.
12. Языки мира. Славянские языки. / РАН. Институт языкознания; ред. колл. : А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. – Москва : Academia, 2005. – 656 с. – Текст : непосредственный.

**Кураш Сергей Борисович,  
Струков Виктор Викторович**

*УО "Мозырский государственный педагогический университет  
имени И. П. Шамякина"  
e-mail: text2005@mail.ru*

УДК81'373. 215 : 7. 046. 1

## **ЛЕКСЕМА БОЛОТО КАК МИФОЛОГЕМА, СИМВОЛ И КОНЦЕПТ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ**

**Sergej B. Kurash,  
Viktor V. Strukov**

*Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin*

## **THE LEXEME SWAMP AS A MYTHOLOGEME, SYMBOL AND CONCEPT IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE SOUTH- EASTERN POLESIEIN HABITANTS**

*В статье обобщаются сведения о специфике функционирования лексемы болото в языковом сознании белоруса-полюсука. Отмечается, что она не просто представлена в качестве ядра достаточно широкого лексико-семантического поля в номинативной функции, но и функционирует в качестве мифологемы, аксиологически амбивалентного символа, этнокультурно маркированного концепта, фиксируемого в разных коммуникативных сферах – от хозяйственно-бытовой до медийной и художественной.*

*Ключевые слова: болото, Полесье, мифологема, символ, концепт, картина мира.*

*The article summarizes information about the specifics of the functioning of the lexeme swamp in the linguistic consciousness of the Belarusian-Poleshuk. It is noted that it is not only presented as the core of a fairly wide lexico-semantic field in the nominative function, but also functions as a mythologeme, an axiologically ambivalent symbol, an ethnoculturally marked concept, fixed in various communicative spheres - from household to media and art.*

*Key words: swamp, Polissya, mythologeme, symbol, concept, picture of the world*

Одним из ключевых концептов в концептосфере жителей Юго-Восточного (Мозырско-Припятского) Полесья является *болото*, а за ними самими прочно закрепилась перифрастическая номинация *люди на болоте*, в особенности после выхода в свет одноименного романа Ивана Мележа в 1962 году, входящего в цикл "Полесская хроника", и снятого по этому произведению одноименного художественного фильма известного режиссёра Виктора Турова (1981). С тех пор начинается "самостоятельная жизнь"

данной перифразы в коммуникативном пространстве, прежде всего – Беларуси [4].

По одной из версий именно болотистая местность, обозначавшаяся словами с балтским корнем *-pol-* / *pal-* / *-pel-* (*Pala, Pelesa, Pelysa* в литовском и латышском языках – болотистый лесок [9, с. 34-35]), легла в основу топонима *Полесье*, хотя нельзя не признать и того, что этот регион устойчиво отождествляется в коллективном языковом сознании и с болотами, и с лесами.

Известно, что болота – весьма значительная по территории часть Полесья, неотъемлемый атрибут его природы, устойчивый ассоциатив к самому топониму *Полесье*, а Мозырско-Припятское Полесье – одно из наиболее заболоченных мест, где данный показатель составляет от 20 до 70 % территории [9, с. 45].

Поэтому вполне естественным является особое отношение полешуков к болотам, воплотившееся в мифологизацию, символизацию и концептуализацию последнего.

В мифологической картине мира белорусов болото – это пристанище целого ряда представителей потустороннего мира, демонических сил, таких, как "Лазавік, Кадук, лознікі, Хапун, Балотнік, Багнік, Аржавеннік, балотніцы, паветрыкі" [12, с. 147]. "Балота і ўсякую тхлань стварыў Чарнабог, таму ў іх пануюць толькі нядобрыя духі і багі. Беларус сцеражэцца, але не баіцца балотных духаў, бо ён здольны з нішчыцых, асушыўшы балота" [12, с. 148]. Более подробно см. [3].

С болотом связан ряд интересных легенд, бытующих в Юго-Восточном Полесье и поныне. Одна из них – о происхождении аиста – была записана в начале 2000-х гг. в нескольких местных вариантах: *Аднажды Бог сабраў у мешок усіх лягушак, жаб, змей, яшчарыц і даў чалавеку, каб тот іх аднёс далёка і выбрасіў. І сказаў мешок не адкрываць. Чалавек адышоў да балота. Як любавітны, ён захацеў узначь, што ляжыць у мяшкі, і развязаў. Усе лягушкі, змеі, жабы навываўзлі з мяшка, і чалавек прыняўся іх лавіць. Усіх злавіць ён так і не змог. Ён прыйшоў к Богу і сказаў, што паінярэсаваўся, што ляжыць у мяшке. Тады Бог раззлаваў на няго і сказаў: "Хадзіць табе па балоту і сабіраць лягушак, змей, жаб". Чалавек гэты прэўраціўся ў аіста і да сёх пор сабірае па балотах тое, што не змог злавіць* (г. Туров, Житковичский р-н). Аналогичная легенда зафиксирована и в других населенных пунктах: *Аіст – гэта быў чалавек. Бог так зрабіў, каб быў буськом. Загадаў Бог чалавеку: "Насі мяшка і не развязаў. А вон не вутрымаў і развязаў. А там была ўсяка пропасць, гады. І распаўзліся, хто куды, вулезлі з мяшка. І Бог яму сказаў, што будзеш буськом, пакуль не пазбіраеш не свеце ўсё* (д. Вересница, Житковичский р-н); *Быў ён чалавек, а калі-то Бог сабраў усю нечыць у кораб і даў яму, каб занёс і выкінуў. А ён захацеў паглядзець, і ўсе вужы, гадзюкі, жабы навывлазілі, а ён іх лавіў. Вярнуўшыся да Бога, расказаў, што заглянуў. І ён ска-*

заў: "На табе крылля, дзюбу і будзеш іх лавіць усю жызн" (д. Ст. Высокое, Ельскі р-н) [6].

Мифологічныя прадставленні полешукова болота леглі ў аснову сімвалізацыі апошняга як месца, "звязанага з дзейнасцю нячыстай сілы", "звычайнага знаходжання Чорта" [3, с. 19], царства д'явола: "Паводле старажытных павер'яў, ён і яго анёлыпасляняўдалагапаў станніа супраць Бога былі скінуты з неба на зямлю, дзе трапілі ў балота, лес, поле, паселішчы людзей. Тыя з іх, што трапілі ў балота, найбольш варожастваяцца да чалавека. Касмаганічная сімволіка балота звязана і з рэальнымі яго ўласцівасцямі – гэта беспарадкавая сумесь зямлі і вады, першасных элементаў, з якіх утварыўся будучы Космас" [10, с. 118].

Об'ём лексіко-семантычнага поля "болота" таксама не раз абрацал на сябе ўважанне, прычём як іследавателёў-лінгвістаў, так і путешественнікаў-любятелёў. Так, першымі канстатуіруецца, што ядро даннага лексіко-семантычнага поля саставляюць лексемы, "назваваючыя болота па тэм ілі іншым своятствам, прызнакам; перыферыю абразуюць лексемы, звязанныя с панятнем "болота" семантычскімі, мотывацыйнымі, функцыянальнымі адношэннямі (сема 'болота' не являецца асновнай в структуе іх лексічэскага значэння) (...) Кроме того, широко представлены мотывацыйныя сувязі лексемы *болото*..." [2, с. 88 – 89]. В работах беларускіх лінгвістаў прыводзяцца разлічныя реестры номінацый разнавідностей болот: "аддыхля 'вязкое болото', адхлянь 'бездна', алёс 'низкая болотистая местность, поросшая кустами', імшара 'моховое болото', аржа 'болото с водой, имеющей окись железа', асошкі 'болото, которое летом обычно высыхает', бубен 'болото, которое трясется, качается, выгибается, когда идешь', жыраво 'трясина' и др. " [5, с. 247]; "алёс, багна, бездань, віць, валага, волага, гаць, гала, дрыгва, дрыгвянік, імшара, імшарына, імшарышча, машара, мраіва, мроіва, мярэча, небель, нетра, роіста, слата, тапіла, тхлянь, твань і інш. " [10, с. 117].

На то же самое обращают внимание и неспециалисты, в частности, люди, путешествующие по региону: "...езда по полесскому автобану М10 скучнее зимних вечеров без Интернета: руль от Пинска прямо, круиз-контроль на "сотке". Пейзаж неизменен: болото, лес; лес, болото. На этой дороге становится понятно, почему у эскимосов несколько десятков слов, обозначающих снег, а в белорусском языке так много слов для обозначения болота: "амшарына", "багна", "бездань", "дрыгва", "непраходзь", "плавун", "твань", "тапіла"..." [7].

Основной особенностью концептуализации лексемы болото в белорусском коммуникативном пространстве, и в первую очередь – в самом Полесье, является амбивалентность, причём как в отношении этнокультурного содержания, так и в практическом аспекте: "Для белорусов болото в своём этнокультурном значении, в символической и хозяйственной функциях амбивалентно (негативное и позитивное). С одной стороны, это нечи-

стое место (потому что там живёт черт), это переходный, граничный статус болота между небом и землей в мифопоэтической картине света и поэтому туда отсылают в заговорах болезни: на ўсі стораны брасаець, на мхі, на балоты, на гнілэя калоды, на цямнэя лясы ("Ад хвароб жывёл"). С другой стороны, в своём видовом разнообразии болото выступает в жизни сельчан важным хозяйственным ресурсом, например, именно болотный мох являлся обязательным элементом в построении дома: *Трэба быў мох на стопку Невялікая балацявіна, з лапкімо, а было тагомоху – хоць вёскай вазі: чысты, доўгі, як лён* (А. Кудравец "Сачыненне на вольную тэму") [5, с. 248]. Ср. также: "З неадзначнасцю ўяўлення ў прапаходжане балота можна паставіць і адсутнасць адзінай аксіялагізацыі гэтага вобраза. Балота сінтэзуе разбуральныя і крэатыўныя ўласцівасці і выступае ў комплексе як з негатыўна, так і пазітыўна асэнсаванымі фрагментам ісветабудовы – напрыклад, у восеньскіх песнях балота згадваецца разам састаноўча ацнёнымі вобразамі крыніц, лугоў, вадзіцы" [1, с. 479].

Та же амбивалентность в концептуализации болота отражена в белорусской паремиологии: "Паремиологические справочники зафиксировали более 60 устойчивых единиц с компонентом *балота*. Концепт болота реализуется в них как прямое значение (*Шчыруе, як бусел на балоце; Вароны на балоце – будзе гаспадар на рабоце*), так и различные национально-культурные коннотации: местоительство черта (*Балота без чорта не бывае, На кожнае балота чорт знойдзеца* и др.); родное место, дом (*Кожны кулік на сваім балоце вялік* и др.); мусор, "грязные" вещи (*Золата і ў балоце свеціцца* и др.)" [5, с. 249].

В то же время в медийном пространстве "лексема "болото" чаще всего метафоризируется в значении 'всё, что характеризуется застоём, отсутствием живой деятельности, моральным падением': *калхознае, апазіцыйнае, бюракратычнае, таталітарнае балота; І якое жа хлівае балота – 31, 6% увогуле не змаглі даць уцямнага адказу!*" [5, с. 249], что сближается с её восприятием в русском языковом сознании, где "болото – образ рутины, косности, застоя. Поэтому, например, у Вознесенского болотам, "предательским и рутинным", противопоставлен полет: "Если хочешь полета – учти болота" ("Испытание болотохода")" [8, с. 52].

Позитивная же часть аксиологизации болота белорусами ближе к финской лингвокультуре, где "болото – нечто "вполне хорошее" (...) настолько место тления, сколько место сохранения"".

В концептосфере белорусской литературы *болото* также один из доминантных образов, а в ряде произведений и у ряда авторов – ключевой концепт. Для прозы это "Людзі на балоце" (І. Мележ), "Дрыгва", "У палескай глушы", (Я. Колас), "Палескія рабінзоны" (Я. Маўр) і інш. Болото – не просто элемент пейзажа, фон развёртывания событий. Это и то, что обуславливает характер и поступки главных героев, и спасительное место для местных жителей и гиблое для врагов, это и обиталище мистических сил и

явлений, это и уникальный в природном отношении уголок земли, но в то же время и соперник человеку в деле мелиорации, так же оцениваемой весьма неоднозначно.

Освоение болота человеком и экологическая тематика широко отражены и в белорусской поэзии, где также представлена амбивалентная концептуализация рассматриваемой лексики. С одной стороны: *На балотахнашых / забушусенажаць* (П. Броўка); *Дзе быліадныбалоты, / – У інакшыдзень / Заішасцелі ў пазалоце / Жыта і ямень* (А. Куляшоў). С другой: *Балота – і свет, і сусвет* (А. Пысін); *Мы цябе так асушаем, Палессе, / Потымваўсіхнябёс / Пыл перасохлыпрыбіць / Хоць увесь твой, / Пэўна, не хопіць слёз* (Р. Барадулін) и т. п.

Таким образом, лексема *болото* в языковом сознании белоруса, и в первую очередь полешука, – представлена не только в номинативной функции в качестве ядра достаточно широкого лексико-семантического поля, но и в качестве мифологемы, аксиологически амбивалентного символа и этнокультурно маркированного концепта, одного из семиотических центров языковой и поэтической картины мира, отражённой в разных коммуникативных сферах – от хозяйственно-бытовой до медийной и художественной.

#### Список использованных источников

1. **Васільчук, А. А.** Вобраз балота як чынік прыродна-ландшафтнага кода беларускага фальклору / А. А. Васільчук, І. А. Швед. – Тэкст : непасрэды // Сборник научных работ студентов Республики Беларусь "НИРС 2011". – Минск, 2012. – С. 478 – 482.
2. **Демешкина, Т. А.** Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта "болото") / Т. А. Демешкина. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 62. – С. 85 – 103.
3. **Коваль, У. І.** Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы: Даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі / У. І. Коваль. – Гомель : БелАНТДІ, 1995. – 180 с. – Тэкст : непасрэды.
4. **Кураш, С. Б.** "Людзі на балоце": фразеологізацыя бібліоніма в камунікатывном прастранстве беларускага і рускага языков (по матэрыялам інтэрнет-істочніков) / С. Б. Кураш, В. А. Бобрык, В. В. Струков. – Текст : непосредственный // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. статей. Вып. 3; редкол. : В. И. Коваль (отв. ред.). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – С. 64 – 66.
5. **Леванцевич, Л. В.** Концепт "Болото": лингвокультурологическое содержание / Л. В. Леванцевич. – Текст : непосредственный // Современные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы: сборник статей участников II Международной научно-практической конференции (23 марта 2020 г.) ; науч. ред. Л. Н. Набилкина, отв. ред. Д. Л.

Морозов; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2020. – С. 246 – 251.

6. Лексика календарной обрядности в говорах Мозырско-Припятского Полесья: отчёт о НИР (промежуточ.) ; Гомельский гос. ун-т имени Ф. Скорины. – Гомель, 2008. – 75 с. – Библиогр. : с. 72 – 74. – № ГР 20073563.

7. Людзі на балоце – 2. *Три дня в стране белорусских басков и болот* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.abw.by/novosti/rb/167140> (дата обращения: 14.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

8. **Мечковская, Н. Б.** Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и уч-ся лицеев. – 2-е изд., испр. / Н. Б. Мечковская. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 207 с. – Текст : непосредственный.

9. Полесье. Материальная культура / В. К. Бондарчик, И. Н. Браим, Н. И. Бураковская и др. ; редкол. : В. К. Бондарчик, Р. Ф. Кирчив (отв. ред.) и др. ; АН УССР. Львовское отделение Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рылского. – Киев : Наук., думка, 1988. – 448 с. – Текст : непосредственный.

10. **Садоўская, Г. Д.** Балота ў люстэрку беларускай мовы і этнакультуры / Г. Д. Садоўская. – Тэкст : непасрэдны // Мова і літаратура : матэрыялы 72-й навук. канф. студэнтаў і аспірантаў філал. ф-та БДУ, Мінск, 28 крас. 2015 г. ; пад рэд. К. А. Тананушкі. – Мінск : РІВШ, 2015. – С. 117 – 122.

11. Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. статей. Вып. 3; редкол. : В. И. Коваль (отв. ред.). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – С. 64 – 66. – Текст : непосредственный

12. **Шамак, А. А.** Міфалогія беларусаў / А. А. Шамак. – Мінск : Інстытут культуры Беларусі, 2013. – 256 с. – Тэкст : непасрэдны.

*Листова Татьяна Александровна*

*Институт этнологии и антропологии РАН*

*e-mail: [Listova.ta@mail.ru](mailto:Listova.ta@mail.ru)*

УДК 39, 2-28

## **САКРАЛЬНОСТЬ СЛОВА В МОЛИТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

*Tatiana A. Listova*

*Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences*

### **THE SACRED WORD IN THE PRAYER PRACTICES OF THE RESIDENTS OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER**

*Доклад посвящен изучению одного из вариантов религиозного поведения – молитвенной практике. Молитва была и остается действенной формой обращения за помощью к святым персонажам, содержание и формулы текстов в целом одинаковы на всем пограничье, что соответствует идентичности православной ментальности двух народов.*

*Ключевые слова: Российско-белорусское пограничье, молитва, сакральность, святые, ангел, защита*

*The report is devoted to the study of one of the variants of religious behavior – prayer practice. Prayer was and remains an effective form of appealing for help to the holy characters, the content and formulas of the texts are generally the same throughout the borderlands, which corresponds to the identity of the Orthodox mentality of the two peoples.*

*Key words: Russian-Belarusian borderland, prayer, sacredness, saints, angel, protection*

Исторические условия формирования населения российско-белорусского пограничья обусловили наличие здесь идентичной, при разной степени вариативности, материальной и духовной культуры, а также языка. Типологическое и содержательное сходство культур на пограничных смежных территориях размывало значимость существовавших административных границ и чувства принадлежности к разным этносам [1] Установившиеся с 1991 г. государственные границы определенным образом повлияли на укрепление этнонациональной самоидентификации жителей пограничных территорий каждой страны, но не привели к разрушению трансграничности культурных явлений, что всегда было и остается одним из оснований неизменности вектора центростремительных тенденций во взаимоотношении народов.

К безусловно объединяющим факторам относится православная вера, которая всегда была основной религией русских и никогда не уходила полностью с белорусского пограничья, вернув свое определяющее значение после ликвидации унии в 1839 г. В советское время русские и белорусы в равной мере перенесли гонения на веру, сохраняя при этом традиции

православной культуры. О религиозных проявлениях в годы советской власти и чувстве православной идентичности жители агрогородка Ляды вспоминают: "Ощущали ли себя православными в то время, когда церкви не было? – естественно. Ведь и не было церкви, а все эти обряды, вот освящение яблок, освящении духовой воды на Троицу, куличей. Мама ездила в Дубровно освящать, там давно Троицкая церковь работала. Мы все крещены. Тяжело на всенощную, тяжело. А сейчас наши дети с удовольствием ходят на всенощную. Таких много". На вопрос о том, чувствуется ли принадлежность к разным этносам в вопросах исповедании веры, пожилая женщина дала характерный для пограничья ответ: "Я не разделяю, я вне политики" (Дубровенский р-н Витебской обл.).

Общность религии жители по обе стороны границы относят к наиболее важным объединяющим факторам. Экспертную оценку настроений в обществе дал священник из пгт. Россоны Витебской обл. На вопрос о том, не смущает ли некоторым образом местных жителей тот факт, что почитаемая в храме икона Казанской Божьей Матери относится к числу "русских" икон, он пояснил: "У нас в Белоруссии очень правильная позиция общества в том, что у нас нет деления в плане религиозном, что Россия – это одно, а Белоруссия – другое. Мы считаем себя едиными с Россией в плане религиозного устройства". В настоящее время редкий сельский дом по обе стороны границы обходится без икон двух наиболее любимых в народе святых – Николая чудотворца и Богородицы, а также Иисуса Христа. Свод наиболее распространенных и почитаемых икон Богородицы подтверждает сохраняющееся единство православного мира русских и белорусов пограничья, и в то же время показывает исторически сложившиеся региональные отличия. Сохранению чувства единой религиозной общности на соседствующих территориях способствуют специальные службы и молебны, проводимые совместно священнослужителями пограничных районов. Такие службы устраиваются обычно прямо на границе при перезахоронении павших воинов, установке памятников и других мероприятиях, посвящённых, в основном, событиям Великой Отечественной войны.

Практика исповедания веры включает конкретные поведенческие проявления, трансформирующиеся во времени, но сохраняющие наиболее значимые доминантные особенности. К таковым относится молитвенная практика, назначением которой было соединение верующего с миром святости. Молитвенные обращения, демонстрирующие уверенность в существовании высшей реальности, стали органичной составляющей ментального миропонимания русских и белорусов. Внешняя атеистичность жизни в советское время не означала ликвидацию этого пласта духовной культуры, что объясняется не только инерционной природой традиции, но и сохранением священного смысла произносимых слов.

В настоящей статье меня будут интересовать следующие аспекты молитвенной практики: идентичность или специфика репертуара по разные

стороны границы; сохранение и трансляция текстов в советское время вплоть до настоящего момента; ситуации произнесения молитв; наиболее распространенные сюжеты. Основным источником исследования служат полевые материалы, собранные автором в пограничных регионах в два последних десятилетия. Молитвенный репертуар, судя по записям дореволюционного времени и результатам исследований последних лет, можно условно разделить на следующие категории:

1. Канонические молитвы;

2. Так называемые народные молитвы, в основе которых часто лежит канонический текст;

3. Молитвы фольклорного характера, содержание и функции которых полностью соответствуют православному учению и могут сами быть ценным источником при характеристике религиозности русских и белорусов.

В любом варианте молитва – это обращение за помощью к святым силам. Каждое слово несет заряд святой сакральности, оно не просто апеллирует к небесным помощникам, но одновременно актуализирует их соучастие в земных делах верующего. Пожалуй, нигде произнесение слова не имеет такой сакральной силы как в актах моления и благословения, возможно только в заклинании противоположного действия – в проклятии.

Знание молитв, уверенность в их помощи сохранялись в представлениях и религиозной практике жителей сельской местности и небольших городов все советское время, трансляция их происходила как устным путем, так и в письменном виде, в основном, рукописном варианте. По обе стороны границы до сих пор бережно хранятся тетрадки с молитвенными текстами, служащими часто единственным источником овладения православной культурой. Сам акт переписывания из тетрадки в тетрадку воспринимался не только как богоугодное дело, но и как священнодействие, а написанное слово молитвы было своего рода каналом, соединяющим человека с объектом обращения. Народная религиозность наделяла сакральным свойством не только произнесенные, но и написанные слова, бумажка с молитвой воспринималась как охранный оберег. Отправляя сыновей в армию, женщины давали им с собой переписанные молитвы<sup>1</sup>. Причем имело значение не только то, что написано, но и чьей рукой. Часто такие молитвы просили написать особо богомольных бабушек. Можно отметить небольшой нюанс в специфике произнесения и записи молитв на белорусском пограничье. В первом случае явно звучит особенность речи белорусов, тогда как рукописные варианты могут показывать более русифицированный язык. Это позволяет предполагать, что основным источником распространения молитвенных текстов являются русские соседи, в пользу такого предположения говорит и распространенность аналогичных текстов на территории всей России. Сказанное не исключает возможность самостоятельного появления молитвенных текстов в белорусском пограничье.

Из канонических молитв наибольшей сакральной силой наделялись молитвы "Отче наш", "Живые помощи" ("Живый в помощи вышнего", псалом 90), "Да воскреснет Бог" (псалом 67). Две последние молитвы даже пожилые люди редко могут процитировать наизусть, но им обязательно находилось место в рукописных молитвенниках и их же чаще всего брали с собой в ситуациях, казавшихся опасными. В постсоветское время чтение канонических молитв, прежде всего "Отче наш", все более входит в стереотип религиозного поведения пожилых людей. В качестве типичного для данной группы людей восприятия места и значения молитвы в своей жизни приведу высказывание женщины из с. Заборье Красногорского р-на Брянской обл. *"Мы не знаем: есть Бог или нет, но верим. И Отче ("Отче наш") надо всегда читать, так доктор в больнице сказал. Я Отче выучила, раза по 3-4 читаю. Похожу, похожу и сама с собой "Отче наш". И мне легче"*. С открытием церковей и продажей церковной атрибутики получило распространение приобретение специальных поясов с молитвами, главным образом с молитвой "Да воскреснет Бог". Нередко написанные от руки или распечатанные тексты этих молитв даже молодые люди вкладывают в портмоне или в карманы.

В религиозной культуре русских и белорусов присутствовало твердое убеждение в том, что молитва быстрее доходит до Бога, если она произнесена в храме, как месте его незримого присутствия. Но на аналогичную реакцию свыше можно было надеяться и при молитвенном обращении вне храма. Уверенность в вездесущности Божьей, которая охватывала и согревала все пространство, в котором существовал верующий человек, определяла индивидуальные религиозные практики, позволяющие оптимизировать связь с небом. Так, по словам жительницы агрогородка Столбун Ветковского р-на Гомельской обл. Белоруссии в советское время *"в церковь, как была, ходила, а не была – выносила хлеб на крышу – Господня молитва освящает всех всюду"*. Обрести желаемый контакт с Богом посредством молитвенной практики в уединении считает возможным и молодая жительница агрогородка Новые Самотевичи Костюковичского р-на: *"Я так молюсь. Иду в лес, сажусь на пенечек, и чтобы меня никто не слышал, не видел, наедине с собой. Смотрю в небо и что-то к Богу. Зачем мне посредник?! Лицо Иисуса представляю, живое или парит где-то. Я понимаю, что Бог – это что-то нематериальное"*. Подобная практика основана на воспитанном церковью убеждении в том, что божественный свет озаряет и согревает все сущее на земле. В разных вариантах эта убежденность сказывается в религиозных проявлениях русских разных регионов России. Приведу молитву из Рязанской обл. *"На утреннем восходе сам Христос выходит. Всех нас благословляет, миром помазует. Благослови меня, Господи, рабу Александру, с моими чадами по земле пойти, счастье найти и талант приобрести"* (с. Тимгенево Сасовского р-на).

Большую популярность на всем пограничье, как и вообще в России, имел и имеет свод молитв, который в науке еще до революции определяли как "святые на страже", поскольку в них не просто призывались на помощь все святые силы, но в молитвенном тексте говорящий утверждал свое нахождение в пространстве их воздействия. Приведу наиболее простой и наиболее распространенный вариант молитвы такого рода, который часто знают даже дети, с функциональной направленностью защиты себя и всего дома на сакрально опасное ночное время. *"Спать ложуся, на Бога отдаюся. Бог у дверей, ангелы по окнам, а Божья Матерь надо мною накрыла пеленою". Это кто-то научил* (д. Гоголевка Монастырщинского р-на Смоленской обл.). Аналогичные молитвы используют и белорусы: *"Ложусь спать, сам Господь в головах, ангелы по баках, ангелы мае храницели, беражице мяне з пауначы, да белага веку. Аминь"* (д. Кругавец Добрушского р-на Гомельской обл.).

Основной корпус молитв указанного жанра посвящен защите в пути. Содержание текстов может ограничиваться простой констатацией присутствия святой силы. *"Молюсь своими словами. В основном молюсь Николаю чудотворцу, а уж там помогает или нет... Меня так научила женщина, со мной работала. Вот на себя: "Валя на пути, Господи, приди. Ангелы по бокам, святой Николай Вале путь освящает". Три раза и перекрестится. И дети также читают. И за них, когда они в пути или на экзаменах"* (г. Дубровно Могилевской обл.). Даже при знании канонических молитв и признании их особой сакральной наполненности, короткие призывы за святым ограждением по-прежнему пользуются популярностью и входят повсеместно в религиозную практику. Старая жительница д. Красная площадь Хиславичского р-на Смоленской обл. дала картину формирования ее молитвенного репертуара. *"Как учили молитвы – когда коров пасем. Ходим вокруг. Когда пасли скотинки, там и учили молитвы. Никто не мешает. Ходим кругом коров, листаем и запоминаем. "Отче наш" с детства учили и помнили, отец за обедом учил. А еще: "Иду в путь, Господь со мной будь. Божья Матерь или впереди и путь освяти, а ты, Николушка, иди позади и путь освети" – это теперешняя"*.

В более развернутых молитвах в дорогу звучит не только обращение к святым покровителям, но и характерная для народной религиозности вера в защитные свойства круга. Приведу одну из таких молитв из рукописного сборника.

*Иже крестом ограждаемся  
Крестом беса отгоняем  
Отойди бес от этого дома  
Мати Божия стояла  
Иссу Христа награждала  
Беса закликала широкой рукой  
Ангел надо мною*

*Божья молитва  
Богам наражденная  
Куда ни пойду  
Не буду побежденная  
Пошли мне в помощь  
Духа святого  
да праславляю  
Имя твое святое  
Мати Божия окружи меня  
Своим золотым кругом  
Помяни господи царя Давида  
Всю кротость его*

*Христос воскрес, а бес исчез. Аминь.* (пос. Рассвет Добрушского р-на Гомельской обл).

В молитвах из репертуара рукописных сборников говорящий обычно утверждает свою защищенность от нечистой силы. *"Я куда не пойду, не буду побижженная я в поли, в доми, в пути, в дароги. Памяни госпади цара Давида и усю его крепость, что путь показав и свет основав. Благослови госпади во всяком мести амин"* (агрогородок Корма Добрушского р-на Гомельской обл.).

В молитвенном обращении говорящий не только просит защитить пространство своего бытия, но утверждает неподвластность действия здесь злой силы, поскольку в нем уже обитает Бог и его помощники. Молитвы такого рода могут включать и заговорные элементы. Привожу дословно текст из рукописной тетрадки из агрогородка Корма Добрушского р-на Гомельской обл. *"Даждь мне ум не заблудны (разары?). Господни узы с которыми я звязана от юности ...для дома посеред двора маей избы, в избе престол Хрест. Стаит апостол Петр и спрашивая чем твой двор огражден терновым лесам Божию печатью кто к избе подойдет тому сон и вода в глаза".* Сакрально-святую энергетику молитв, способных даже на расстоянии действовать на носителей нечистого начала, в религиозной практике могли использовать для определения лиц, нанесших порчу. *"Если ведьма испортила и начали молитвами отчитывать, она обязательно придет в этот дом. Ей деваться некуда"* (с. Старая Гута Унечского р-на).

В число святых покровителей могут включаться и силы природы, что характерно для народного мифологического мышления, одухотворявшего окружающий землю космос. *"Солнце освяти, месяц озари сам Господь Бог пути мне сохрани в мене будя много врагов я их ни боюсь Исус Христос в пути мать божжжая с ним и я с ними ангилы стучать а усим урагам на мене молчать. Амин"* (агрогородок Корма Добрушского р-на Гомельской обл.).

Изучение религиозности русских и белорусов пограничья показывает, что в последние десятилетия особую популярность получил образ ангела-

хранителя, как индивидуального защитника человека. Молитвы к нему входили, как правило, в состав рукописных сборников советского времени, возросшее почитание его находит отражение в молитвенном репертуаре настоящего времени по обе стороны границы. *"Ангел хранитель храни мою душечку с вечера за полночи с полночи до свету с свету до конца веку сохрани господи от поганого человека от обидчика закрой госпади своим цехам. Амин"* (агрогородок Корма Добрушского р-на Гомельской обл.). Обращение к ангелу обязательно входит в похоронно-поминальный цикл стихов. *"Ангел мой, хранитель мой, сохрани меня от наглой смерти, дай мне дары прежде конца покаяние, сохрани мое тело на земли, а душу на небе"* (г. Лиозно Витебской обл.).

Содержание молитв с обращением к этому святому персонажу может отличаться вариативностью, как и в целом входящие в народную ангелологию сюжеты, сохраняя при этом общую уверенность в близости ангельской помощи. *"Еду я в дорогу, дай мне три ангела на подмогу. Один ангел дорогу устилает, другой ангел душу сохраняет, третий ангел делами моими управляет. Аминь. Ангел на дороге, Господь на пути, святой Никола угодник дорожку освяти. Матерь Божия иди впереди. Охраняй и защищай меня всегда в дорожке и в пути"* (с. Старая Гута Унечского р-на Брянской обл.). В молитвенную организацию защитных барьеров включался обычно и главный символ христианства – крест: "Ложусь спать со Христом, ограждаюсь крестом, крест со мной, крест передо мной. И все ангелы со мной (д. Огородня Гомельская Добрушского р-на Гомельской обл. старо-обрядцы).

Эффективность актуализации святых персонажей может быть достигнута не только произнесением специальных молитвенных формул, аналогичную роль, как считают и сейчас, могут иметь обращенные к высшим силам слова, сказанные "от себя". Само по себе наименование святого персонажа устанавливает нужный канал связи и транслирует обращенные к нему слова, действенность которых подкрепляется традиционными охраняемыми актами: *"Как гроза начинается, научили меня женщины: встать, помолиться Богу перед иконой и каждое окошко перекрестить и попросить: "Спаси и помилуй, Господи" три раза. И каждое окно и двери. И гроза утихает"* (агрогородок Малятичи Кричевского р-на Могилевской обл.). Иногда произвольно сказанные слова приобретали более устойчивую форму и транслировались по поколениям как своего рода устная семейная традиция: *"В дорогу мама говорила: "На сто врагов с одним Господом Богом" – выйди и скажи такие слова. Или если плохо, ну, если что"* (агрогородок Малятичи Кричевского р-на Могилевской обл.).

Возможно, сказанные "от себя" слова могли иметь даже большую силу, поскольку произносились в экстремальных ситуациях в состоянии духовно-эмоционального напряжения. С целью наглядной демонстрации того, насколько активно вплетаются религиозные представления в пове-

дневную жизнь, приведу автохарактеристику своей практики пожилого жителя с. Старый Кривец Новозыбковского р-на Брянской обл. . По собственному признанию, мужчина довольно абстрактно воспринимает божественную силу и не считает себя безусловно верующим человеком. При этом, уверен в помощи ангела-хранителя, и эта вера основана на примерах из его собственной жизни. *"Приведу несколько случаев, когда, кажется, что надо в это верить. Говорят, у каждого есть свой ангел хранитель. Ну, я думаю, может, и есть. Ну, я выезжаю на дорогу с пассажирами и говорю пассажирам: "Ангел хранитель, будь со мной, я за тобой". Другой пример. Однажды я куда-то спешил, документы все спрятал куда-то, все обыскал, нигде не найду. А нельзя же без документов! Потом я говорю: "Мой ангел-хранитель, покажи старому дураку, где документы мои". И пошел к плите, в плите сковородка, под сковородкой их сразу и нашел. Когда молодой был, не помню, чтобы обращался к Богу. Тогда, наверное, было больше ветра в голове"*.

Уверенность в сакральности молитвенных текстов (в любом варианте), в действенности их помощи относится к константным составляющим религиозности русских и белорусов. Современное состояние данного жанра характеризуется не только сохранением традиционных текстов, но и постоянным их обновлением, новой интерпретацией, новыми формами выражения, при сохранении общей функциональной направленности.

#### **Список использованных источников**

1. Граница, идентичность, культура: этнография белорусско-русского пограничья / отв. ред. Р. А. Григорьева, Н. Г. Деметер, А. В. Гурко ; Ин-т этнологии и антропологии РАН; Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАНБ. – Москва : ИЭА РАН, 2020. – 360 с. – Текст : непосредственный.

*Маковский Антон Олегович*

*УО "Минский государственный лингвистический университет"*

*e-mail: mao-iroc@yandex.ru*

УДК 81'27, 81'44

**РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СИСТЕМУ  
НОМИНАТИВНЫХ СРЕДСТВ РУССКОГО И  
БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ:  
НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ**

*Anton O. Makovsky*

*Minsk State Linguistic University*

**ROMANIC AND GERMANIC INFLUENCE ON THE RUSSIAN AND  
BELARUSSIAN NOMINATIVE SYSTEM:  
NEW FACTS ABOUT COMMON KNOWLEDGE**

*В статье описаны особенности и основные предпосылки проникновения романо-германских номинаций на различных этапах развития русского и белорусского языков, представлен анализ специфики влияния романских и германских номинаций на лексическую систему языков-реципиентов.*

*The article describes the features and basic prerequisites for the penetration of Romanic and Germanic nominations in the Russian and Belarusian languages at various stages of their development. It presents the analysis of the influence of Romance and Germanic nominations on the lexical system of recipient languages.*

*Ключевые слова: языковой контакт, номинации, номинативные средства, иноязычное вкрапление, заимствованное слово*

*Key words: linguistic contact, nominations, nominative means, foreign language inclusion, borrowed word*

Географическое положение Беларуси и России определяет их активные отношения с другими европейскими странами, которые стали основой языковых контактов славянского и европейского этносов. Термин "языковой контакт" обозначает взаимодействие диалектов одного языка, языков разных социальных групп в рамках одного языка, близкородственных языков и разных по структуре языков [7, с. 27]. С. В. Семчинский классифицировал языковые контакты по направлению и степени влияния на следующие типы: одностороннее влияние на одном лингвистическом уровне языка; двустороннее влияние на одном лингвистическом уровне языков; одностороннее влияние на разных языковых уровнях одного языка; двустороннее влияние на разных лингвистических уровнях языков [13, с. 26]. Речевое взаимодействие оказывает влияние на все языковые уровни систем языков-реципиентов. Однако, наиболее подвержено язычному влиянию лексический уровень, активно пополняющийся ино-

язычными номинациями. Анализ степени такого воздействия на системы номинативных средств языков-реципиентов может помочь определить особенности развития данных языков.

Исторически языковые контакты русского и белорусского народов со странами запада характеризуются сходной периодикой и предпосылками. Итальянско-русские культурные контакты берут начало ещё в средневековье. "Данные о приезде итальянских купцов в Москву и поездках на юг купцов-москвичей зафиксированы уже в XIV в." [14, с. 77]. В XV веке были установлены первые русско-итальянские дипломатические контакты [8]. В конце XVI в. венецианские купцы положили начало прямым экономическим связям Италии с Москвой [14, с. 77]. Белорусско-итальянские языковые контакты обусловлены присоединением Речи Посполитой к католическому миру. "Словарь Гжегожа Кнапского, изданный в 1621 году, содержал 124 лексических единицы итальянского происхождения" [14, с. 79]. С конца XVI в. Польский и латинский языки доминируют в официальной и научной сферах ВКЛ. Польский язык до 20-х гг. XVIII века выступал поставщиком европейских научных, юридических, административных, технических и светских слов и понятий в славянский мир [3, с. 60]. Еще одним источником проникновения заимствованной лексики из стран Западной Европы стало обучение населения наших стран за рубежом.

Немецкие номинации встречаются в письменных памятниках русской культуры XIII – XIV вв. (*пискуп, провст, ратьман, рытор, шпильман*) [11]. Немецкие слова начали проникать в белорусский язык в XIII веке в результате прямых контактов белорусов с немецкими колонистами. В. С. Сёмуха отмечает, что в XIII – XVI вв. из немецкого языка были заимствованы такие слова, как *бровар, ваза, ліхтар, дах* и др. Торговые отношения с немцами продолжались и в последующие века. Многие немецкие слова этого периода были заимствованы через посредничество польского языка. [8, с. 16]. В конце XVI – XVIII вв. через польский из немецкого были заимствованы слова: *варштан, грунт, кафля, цэгла*. Другим фактором интенсификации немецких заимствований стало активное переселение еврейского населения на территорию современной Беларуси. Из идиш в белорусский язык перешли слова коммерческой сферы (*гандаль, рахунак*). Период конца XVI – начала XVII века стал пиком заимствования западноевропейской лексики [2, с. 12].

С начала XVIII века механизмы контактирования русской и белорусской культур сближаются полностью, так как после вхождения территории современной Беларуси в состав Российской империи, затем в Союз Советских Социалистических Республик, русский язык становится языком-медиатором для белорусского. Петровские реформы XVIII в. также отразились на лексическом составе наших языков. В данный период активно заимствовались немецкие номинации из военной сферы (*юнкер, вахта, ефрейтор, генералитет, лозунг, цейхгауз, гауптвахта, штурм*), и из речи

инженеров и мастеров (*дрель, верстак, стамеска, вакса, клейстер, рапиль, клапан, винт, кран, слесарь*) [6, с. 30].

В XX – XXI вв. большинство итальянских номинаций в русском и белорусском языках относятся к сфере финансов (*авизо / авиза, валюта / валюта, инкассатор / инкассатар*) и кулинарной (*капучино / капучина, пицца / пица, лазанья / лазанья, бариста / барыста*). Развитие информационного обмена с немецкоязычными странами способствует проникновению в языки-реципиенты номенклатурной лексики, терминов международной политики, экономики, торговли, права (*вотировать / ваціраваць, функционер / функцыянер, инвестиция / інвестыцыя, рента / рэнта, кредит / крэдыт* и др.).

Однако в XX – XXI вв. темпы заимствования итальянских и немецких номинаций снижаются. На смену им приходит волна заимствования английских номинаций. Анализ иноязычных номинаций в современных русском и белорусском языках, проведённый на основе корпуса из 1636 единиц, собранных на материале "Белорусско-русского толкового словаря новых слов и новых значений слов" В. И. Уласевич и Н. М. Давгулевич выявил, что английские номинации составляют абсолютное большинство (85%), немецкие и итальянские – 10% и 5% соответственно. Современная ситуация англо-русского и англо-белорусского языкового общения может быть представлена как "перстрат", основная масса новейших концепций в области культуры, науки проникает в наши языки из английской культуры. Так, А. И. Дьяков пишет, что распространению американских фантастических фильмов способствовало внедрение англицизмов: *киборгизация и киборг* [5, с. 40]. Мощный стимул распространения английских номинаций – использование авторитетными людьми. А. И. Дьяков приводит пример введения слова *драйв* в значении, "энергетика" главой канала ОРТ на игре "КВН", после чего музыкальный термин стал активно использоваться в русском языке [5, с. 42]. Потребительская сфера – ещё один источник заимствования англицизмов. "Большое разнообразие видов косметики привело к заимствованиям таких английских номинаций, как *мейк-ап, пилинг-крем, лифтинг-крем, вейниш-крем* [5, с. 38]. Популярность культуры фаст-фуда привела к тому, что наряду с ранее заимствованным англицизмом *сэндвич* стали использоваться такие англицизмы, как: *гамбургер, фишбургер, чизбургер, чикенбургер*. С появлением новых технических средств появились термины, для их обозначения (*иммобилайзер, триммер, термомот*). Новые строительные материалы вошли в нашу культуру вместе с обозначающими их англизмами: *сайдинг, молдинги* т. д. Терминология компьютерных технологий активно пополняется новыми терминами английского происхождения (*сайт, баннер, браузер*). В связи с ситуацией билингвизма в Беларуси и тесной интеграцией Беларуси и России, большинство современных иноязычных номинаций заимствуется бе-

лорусским языком через медиацию русского языка, дублируя русские варианты.

Анализ современных романо-германских номинаций в русском и белорусском языках показал, что в большинстве случаев (84 %) введение иноязычных номинаций в наши языки обусловлено новизной понятия и служит заполнению языковых лакун путём замещения описательных оборотов целостными лексемами. Так, заимствованное слово *инсайдер* / *інсайдар* заменяет описательный оборот "лицо, имеющее доступ к конфиденциальной информации". Степень освоения таких единиц достаточно высока, что связано с причинами языковой экономии, так как описательный оборот представляет собой решение антиномии "говорящий – слушающий" в пользу последнего, а замена ее одним словом – в пользу говорящего [4, с. 34]. Однако наряду с такими безэквивалентными номинационными единицами можно выделить номинации, имеющие в наших языках однословные соответствия, причём имеются как частичные соответствия (5%), так и полные (11%). Частичные соответствия характеризуются семантическими или стилистическими расхождениями с иноязычной номинацией. Так, номинации *авиолайнер* / *авіялайнер* соответствует номинация *самолёт* / *самалёт*. Но номинация *авиалайнер* / *авіялайнер*, обозначая "пассажирский самолет с большим количеством кресел и статусом комфорта", является гипонимом номинации *самолёт* / *самалёт*. Некоторые номинации имеют стилистические расхождения с их соответствиями, так номинация *фанат* более стилистически экспрессивна нежели номинация *поклонник* / *прыхільнік*. Расхождения могут быть в терминологическом использовании номинации. Так, номинация *респондент* / *рэспандэнт*, соответствуя номинации *опрашиваемый* / *апытваемы*, используется в терминологических контекстах. Данные различия обеспечивают сохранение иноязычных номинаций в языках-реципиентах. Таким образом, иноязычные номинации сохраняются в языке-реципиенте в силу двух основных причин: заполнение лакун; соблюдение принципа языковой экономии. Существование иноязычных номинаций, имеющих полные исконные соответствия не обосновывается ни одной из них, однако анализ романо-германских номинаций показывает, что 11% таких номинаций имеют либо полные исконные соответствия либо полные соответствия иным иноязычным номинациям, заимствованным в более ранний период. Наибольшее количество таких единиц (178) зарегистрировано среди английских номинаций. Главной причиной сохранения таких единиц можно считать увеличение числа носителей и изучающих английский язык, что повышает престиж заимствованных слов. Л. П. Крысин называет такое явление "повышением ранга": слово, относящееся в исходном языке к обычному объекту, в языке-реципиенте начинает относиться к объекту более значительному [10, с. 61]. Престиж заимствованной лексики проявляется в так называемой выразительности новизны, что означает восприя-

тие иностранных слов как отражение статуса человека, который их употребляет [12, с. 152]. Использование англицизмов подчёркивает уровень осведомленности, превосходство группы людей, использующих такие номинации. Это объясняет включение в русский и белорусский языки таких номинаций, как *спич* / *спіч*, *прайвеси* / *прайвесі*, *тинейджер* / *тынэйджар*, *девайс* / *дэвайс*, *релиз* / *рэліз*. Некоторые такие номинации сохраняются в языке-реципиенте даже несмотря на нарушение условий лингвистической экономии: они имеют полные эквиваленты в языке-реципиенте, которые к тому же более кратки. Так, двусловная номинация *снэк-бар* / *снэк-бар* полностью соответствует однословной исконной номинации *закусочная*. Сохранение таких единиц обусловлена сугубоэкспрессивностью новизны. Сюда же можно отнести и названия некоторых профессий (*клинер* – *уборщик*, *мерчандайзер* – *товаровед*, *менеджер* – *продавец*). Так, неоправданные заимствования часто используются для создания маркетингового эффекта позитивации имиджамалопрестижных заведений и профессий. Характерной чертой речи современной молодежи стало частое использование английских заимствований и процесс активного вхождения английского языка в молодежный сленг (*пранк* / *пранк*, *чильть* / *чыліць*, *флексить* / *флексіць*, *рофлить* / *рофліць*), что также объясняется влиянием выразительности новизны.

Таким образом, процесс заимствования номинаций напрямую связан с процессами глобализации и включением наших языков в мировые интеграционные процессы. Однако нынешняя тенденция к заимствованию имеет две исторические линии: с одной стороны – это объективные потребности, вызванные изменением образа жизни, с другой – тенденция копирования американского стиля жизни. Поэтому появление многих английских номинаций вызвано не столько необходимостью, сколько психологическими причинами, связанными со стремлением показать свою принадлежность к "прогрессивному социальному классу". Однако, перенасыщение речи англицизмами может приводить к коммуникативным сбоям, нарушая принцип речевого общения "говори ясно".

### Список использованных источников

1. Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск: Аверсэв, 2013. – 253 с. – Тэкст : непасрэдны.
2. Булыка, А. М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV – XVIIIстст. / А. М. Булыка. – Мн. : Навука і тэхніка, 1980. – 256 с. – Тэкст : непасрэдны.
3. **Виноградов, В. В.** История русского литературного языка / В. В. Виноградов. – Текст : непосредственный // Виноградов В. В. Избранные труды. – Москва, 1978.

4. **Винокур, Г. О.** Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур. – Москва, 1996. – Текст : непосредственный.
5. **Дьяков, А. И.** Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А. И. Дьяков. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 35 – 43.
6. **Ещеркина, Л. В.** История проникновения германизмов в структуру русского языка / Л. В. Ещеркина. – Текст : непосредственный // Управление в современных системах. – 2015. – №2 (6). – С. 29 – 32.
7. **Жлуктенко, Ю. А.** Лингвистические аспекты двуязычия / Ю. А. Жлуктенко. – Киев : Вища школа, 1974. – Текст : непосредственный.
8. **Казакова, Н. А.** Известия русских летописей о Западной Европе XV – начала XVI в. / Н. А. Казакова. – Текст : непосредственный // Вспомогательные исторические дисциплины, IX. – Ленинград, 1978. – С. 195 – 222.
9. **Карскі, Е. Ф.** Беларусы. Уводзіны да вывучэння мовы і народнай славеснасці. / Е. Ф. Карскі. – Варшава, 1903. – 159 с. – Текст : непосредственный.
10. **Крысин, Л. П.** Иноязычные слова в современной жизни / Л. П. Крысин. – Текст : непосредственный // Русский язык конца XX столетия. – Москва, 1996. – С. 56 – 68.
11. **Мещерский, Е. В.** История русского литературного языка. 2002. [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Linguist/meshch/08.php/](https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/meshch/08.php/) – Дата доступа: 01. 03. 2021. – Текст : электронный.
12. **Розен, Е. В.** Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. – Москва, 1991. – Текст : непосредственный.
13. **Семчинский, С. В.** Семантическая интерференция языков / С. В. Семчинский. – Киев : Высш. шк., 1974. – 256 с. – Текст : непосредственный.
14. **Щербач, И. М.** Итальянская лексика в русском языке XII – XVII вв. : исторические условия языкового контактирования / И. М. Щербач. – Текст : непосредственный // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2005. – № 1. – С. 76 – 80.

**Мартысюк Павел Григорьевич**

Минский филиал ФГБОУ ВО "Российский экономический университет  
имени Г. В. Плеханова"  
*e-mail: Pr\_martis@yahoo.com*

УДК 130. 2 / 3

## **МИФОСЕМАНТИКА СЛОВА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**Pavel G. Martysyuk**

*Minsk branch of the Russian University of Economics  
named after G. V. Plekhanov*

### **MYTHOSEMANTICS OF THE WORD: CULTURAL ASPECT**

*Статья посвящена культурологическому анализу слова, представленного в качестве важнейшего культурного феномена. В тексте раскрывается сакральная природа слова в его мифологическом измерении. Указывается на то, что в повседневном измерении слово не обладает искомой полнотой бытия, а по сему имеет ограниченные возможности.*

*The article is devoted to the cultural analysis of the word presented as the most important cultural phenomenon. The text reveals the sacred nature of the word in its mythological dimension. It is pointed out that in the everyday dimension the word does not have the desired fullness of being, and therefore has limited capabilities.*

*Ключевые слова: слово, миф, мифосемантика, начало, героический эпос*

*Key words: word, myth, mythological semantics, beginning, heroic epic*

Под культурной семантикой принято понимать область науки о культуре, занимающуюся изучением культурных объектов с точки зрения выражаемого ими смысла. В свою очередь, мифологическая семантика распространяется на культурные объекты, содержащие мифологические смыслы. В качестве рассматриваемого культурного феномена, восходящего к мифу, в представленном тексте выступает слово. Если говорить о диапазоне смысловых возможностей слова, то можно сделать вывод, что в его сущностных характеристиках, по большей части содержится неисчерпаемый когнитивный потенциал.

В мифорегиозной традиции слово зачастую наделяется сверхъестественными характеристиками и, как правило, выносится за пределы повседневного обустройства жизни. В сакральном измерении культуры оно наделяется вневременным смыслом, демонстрирует универсальную природу, погашающую в едином целом возможные противоречия [2, с. 12].

Это становится заметным при обращении к античной культуре, в контексте которой функции демиурга распространяются практически по всем направлениям деятельности: на ремёсла, поэзию, науки, вещания и т. д. В

понимании античного сознания, искусство обладает внутренней пассивностью. Оно прямо вложено богами, и это не метафора, как, например, обращение к музам у современных поэтов. Об этом свидетельствуют первые строки "Илиады" Гомера:

"Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,  
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал..."  
[Илиада, I, 1 – 2].

По представлению Гомера, поэтическое вдохновение исходит от богов. Свою заслугу эпический поэт видит лишь в том, что он "сам себя научил пению" [Одиссея, XXII, 347 – 348].

Традиционное представление о богах как "вдохновителях" поэтического творчества и взгляд на поэта как на человека, устами которого говорит само божество, характерно и для Гесиода. Его поэма "Труды и дни" начинается со слов:

"Вас, пиерийские Музы, дающие песнями славу,  
Я призываю..."

А вот его строки из "Теогонии":

"С муз, великонских богинь, мы песню свою начинаем".

Не только Гомер и Гесиод не могут шагу ступить без Аполлона и муз, таковы все греческие поэты. И, подобно Пиндару, каждый из них с полным правом может назвать себя "пророком муз", так что уже не он поёт, а сама муза, он же только оформляет это пение хорами и лирой" [1, с. 11 – 12].

О божественной природе слова мы можем судить на примере библейского текста. "И сказал Бог... И стал свет..." У всемогущего Творца вселенной мысль или слово и осуществление этой мысли или дело совершенно тождественны между собой, так как для него не существует никаких препятствий, которые могли бы помешать выполнению зародившегося желания. Отсюда, Его слово есть закон для бытия: "Той, рече и быша, Той повеле и создашася" (XXXII, 11).

Слово у Филона Александрийского рассматривается с тройкой точки зрения: как бессамостная энергия Божества, как душа и связь мира (стоический логос), как тварно-личный посредник между Богом и миром. Оно определяется как разум Божий, идея всех идей, образ Божества, первородный сын Божий, второй бог ( $\theta\epsilon\omicron\varsigma$  в отличие от  $\acute{o}\ \theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ ); оно есть, далее, первообраз вселенной, мирозидательная сила, душа, облекающаяся телом мира; наконец, оно – верховный архангел, посредник, наместник Бога, царственный первосвященник.

В эпических сказаниях народов мира слово наделяется магическими свойствами. Благодаря магической природе слова появляется возможность управлять временем, поворачивать его вспять. Герой Калевалы Вяйнямейнен в споре с молодым Ёукахайненом, прибегая к магическому песнопению, ставит своего противника в весьма затруднительное положение, по-

гружая его по шею в болото. Но в последующем, используя святые слова, ему удастся вернуть ситуацию в исходное положение.

Слово способно оказать магическое воздействие и на природные объекты. Как только запел мудрый Вайнямейнен.

"Всколыхнулись озера,  
Горы медные дрожали,  
Камни твердые трещали,  
Со скалы скала свалилась,  
Раздроблялися утесы".

На примере данного отрывка текста мы можем судить о сверхъестественной силе слова, способного властвовать не только над физическим миром, но и обращать время вспять.

В древнегреческой философии слово принято связывать с понятием логоса. Лóгос (от др. -греч. λόγος – слово, мысль, смысл, понятие, причина, число) – понятие древнегреческой философии, означающее одновременно "слово" (высказывание, речь) и "понятие" (суждение, смысл).

Понятие "логос" было введено в греческую философию Гераклитом. Так как этот термин созвучен с житейским обозначением "слова", сказанного человеком, он использовал его чтобы иронически подчеркнуть огромную разницу между Логосом как законом бытия и человеческими речами.

Будучи представленным в качестве понятия слово переживает ограничение в раскрытии и выражении смысла. Как утверждает А. Потебня, "слово выражает не все содержание понятия, а один из признаков, именно тот, который представляется народному воззрению важнейшим... вместе с лексическим ростом языка затемнялось первоначальное впечатление, выраженное словом, подобно тому как теряли и теряют смысл грамматические формы по мере удаления от времени полного своего развития" [3, с. 5].

По мере усиления позиций логоса, слово постепенно утрачивает свои мифические, магические свойства, но при этом по-прежнему сохраняет универсальные возможности и неиссякаемые потенции воздействия на сознание слушателя. По большей части это касается тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла. Зачастую слова, имеющие самый неопределенный смысл, оказывают самое большое влияние на собравшихся.

Важное значение для говорящего имеет языковая культура, связанная с умением из всех богатств родного языка выбрать именно те средства речевого воздействия, которые помогут сделать речь эффективнее, доходчивее, выразительнее. Чем глубже и обширнее знания в области общего языка, тем выше культура речи. Правильная речь может передать не только любую мысль, но и самые тонкие оттенки мысли и чувств.

В заключении следует отметить, что в сакральном (мифологическом) измерении слова сокрыто неразличённое единство противоречий, в последующем определяющее развитие и совершенствование речевой культуры. Устранение противоречий внутри речевой культуры, а также сохранение её конструктивного опыта неизменно приводят к реактуализации первоначального смысла слова. Соотношение слова и мифа, языка и мировидения, проблемы антропоцентрической установки в языке, языковой картины мира, поэтического языка – данный спектр проблем находится в центре внимания культурологии.

#### **Список использованных источников**

1. **Мартысюк, П. Г.** Феномен творчества : теоретико-методологические материалы / Ю. А. Гусев, П. Г. Мартысюк. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2012. – 116 с. – Текст : непосредственный.
2. **Мартысюк, П. Г.** Феномен начала как источник динамики культуры / П. Г. Мартысюк. – Текст : непосредственный // Человек. Культура. Образование. – 2019. – № 2 (32). – С. 9 – 21.
3. **Потебня, А. А.** Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня ; сост., подг. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. – Москва : Лабиринт, 2000. – 480 с. – Текст : непосредственный.

*Мельникова Ольга Николаевна*

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"  
e-mail: [olsen\\_74\\_1@mail.ru](mailto:olsen_74_1@mail.ru)*

*УДК811. 161. 1'373. 611: 811. 16'373. 611*

## **О СЕМАНТИКЕ ПРОДОЛЖЕНИЙ ПРАСЛАВЯНСКОГО КОРНЯ \*NUD- В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ**

*Olga N. Melnikova*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### **ON THE SEMANTICS OF THE CONTINUANTS OF THE PROTO-SLAVIC ROOT \*NUD- IN RUSSIAN AND OTHER SLAVIC LANGUAGES**

*В статье исследуется внутренняя форма слов, восходящих к праславянскому корню \*nud-. Этимологический анализ рассматриваемых лексем позволяет выявить систему генетически соотносимых значе-*

*The article examines the internal form of words that go back to the Proto-Slavic root \*nud-. The etymological analysis of the considered lexemes makes it possible to identify a system of genetically corre-*

ний, на основе которых формируется модальная семантика необходимости, а также подтвердит общезыковую семантическую закономерность формирования абстрактных значений на базе конкретных и обнаружит новые семантические связи.

Ключевые слова: лексема, семантика, модальность, внутренняя форма, этимологическое гнездо

lated meanings, on the basis of which the modal semantics of necessity is formed, as well as to confirm the general linguistic semantic regularity of the formation of abstract meanings on the basis of concrete ones and to discover new semantic connections.

Keywords: lexeme, semantics, modality, internal form, etymological nest

Лексико-семантический уровень языка представляет собой сложно организованную систему единиц. Структурная организация этой системы, закономерности ее устройства и функционирования определяют разнообразие аспектов исследования. При изучении семантики в качестве одного из способов реконструкции соответствующего фрагмента языковой картины мира выступает исследование этимологических гнёзд, поскольку функционирование лексических единиц любого типа обусловлено особенностями их происхождения, внутренней формой. В лексике любого языка имеется определённое количество слов, семантическая структура которых не может быть объяснена на основе действующих в языке моделей образования слов. Структурные и семантические изменения слов в истории языка приводят к затемнению первичной формы и значения слова. В слове, по мнению А. А. Потебни, мы должны различать "...внешнюю форму, т. е. членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, которым выражается содержание" [3, с. 124]. Таким образом, выявление внутренней формы слова, или этимологического значения, помогает понять закономерности мыслительной деятельности носителя языка.

Реконструкция первичной формы и значения слова выступает в качестве предмета этимологического анализа. Этимологизация предполагает изучение фонетического, семантического и словообразовательного аспектов слова. Предметом рассмотрения в данной статье является семантика континуантов праславянского корня *\*nud-*.

Исходная семантика рассматриваемого этимологического гнезда отличается диффузностью и выражает достаточно широкий спектр значений, как правило, отражающих негативное физическое состояние. Праславянские лексемы *\*nuda*, *\*nuditi* соотносятся с гот. *nauths* 'нужда, принуждение', др. -в. -нем. *nōt* 'притеснение; нужда, бедность', др. -инд. *nudāti* 'толкает вперед, погоняет' [15, с. 36].

Анализируя семантику данной лексической группы, А. А. Потебня приходит к выводу, что изначально "нужда есть гонение, состояние гонимого или то, что гонит" [4, с. 477]. С другой стороны, праслав. *\*nuditi* связывается с лит. *panūsti* 'почувствовать желание, захотеть', др. -сакс. *niud*

‘требование, желание’, англос. *nīed* ‘желание, тоска, рвение’. По предположениям этимологов, обе германские группы генетически связаны и восходят к гнезду и. -е. *\*nāu-* / *\*neu-* / *\*nī-* ‘мучить, изнувать’ [15, с. 34-36]; сравн. также [5, с. 617; 13, с. 89; 16, с. 47-48; 18, с. 359]. Следовательно, исконная для рассматриваемых слов семантика связана с отражением представлений о стеснённом положении / состоянии, ограничении свободы.

О диффузности исходной семантики свидетельствует разветвлённая семантическая структура восточнославянских продолжений рассматриваемого корня, объединённых наличием отрицательной оценочной семы, сравн. : др. -русск. *нудити* ‘принуждать, заставлять’, ‘чинить насилие, притеснять; подавлять, одолевать’, *нуда* ‘тягость’, ‘короста, чесотка’, ‘паразитические насекомые’ [8, с. 438-439], русск. *нуда* ‘неволя, принуждение, крайнее стеснение, гнёт’, *нудить* ‘принуждать, понукать, неволить, заставлять; погонять, торопить’ [1, с. 559], русск. устар. *нудить* ‘принуждать, заставлять’, ‘утомлять, изнувать’ [7, т. 2, с. 703], диал. *нуда* ‘скука, тоска’, ‘жара, духота’, ‘общее название кровососущих насекомых (комаров, мошкар, оводов и т. п.)’, ‘нечистота, грязь на теле (короста, прыщи, вши)’, ‘метель, вьюга; плохая погода’, *нудить* ‘тревожить’, ‘утомлять, мучить’, ‘тосковать’, ‘тошнить’, ‘придираками, притеснениями выводить из терпения’, *нудиться* ‘выполнять трудную и продолжительную работу, выбиваться из сил’, ‘вести трудную жизнь’ и др. [6, с. 309-311], бел. *нудзіць* ‘тошнить’, ‘понуждать’, ‘скучать’, *нуда* ‘нечистота на теле, голове; вши’, ‘нищета, голод’, ‘плач, тоска’, ‘беспокойный, досадитель’ [2, с. 342], диал. *нудзіць* ‘ныть, болеть’ [10, с. 236], *ныдзіць* ‘ныть, кланяться’, ‘задышаться (без кислорода)’ [12, с. 217], *нужа* ‘мухи (а также насекомые вообще)’ [17, с. 220], укр. *нуда* ‘скука, тоска, томление’, ‘тошнота’, *нудити* ‘наводит скуку’, ‘томить, мучить’, ‘принуждать’, ‘тошнить’ [9, с. 572]. Повидимому, семантика приведённых соответствий может быть определена в самом общем виде как ‘физическое состояние или воздействие негативного характера’.

Сходные представления лежат в основе развития модальной семантики долженствования в словах *нужный* ‘такой, без которого трудно, невозможно обойтись, необходимый’, *нужно* ‘необходимо, следует, надо’ [7, т. 2, с. 704]. Этимологически родственными для данных слов являются лексемы *нужда* ‘потребность в ком-, чём-либо, необходимость чего-либо’, *нуждаться* ‘испытывать потребность в ком-, чём-либо’ [7, т. 2, с. 703]. Лексема *нужда* восходит к праслав. *\*nudja* (производному с суффиксом *\*-ja* от *\*nuditi*), сравн. значения восточнославянских соответствий: др. -русск. *нужа* ‘принуждение, воздействие силой, притеснение’, ‘труд, напряжение, усилие’, ‘сила, мощь, напор’ и ‘сила принуждения, неизбежность’, ‘потребность, необходимость’, ‘причина, закономерность (о законах природы)’ [8, с. 440-441], русск. *нужда* ‘гнёт, угнетение, неволя, наси-

лие', 'недостаток во всём, в житейских средствах' и 'надобность, потребность, необходимость' [1, с. 559-560].

Модальное значение необходимости в семантической структуре русских лексем, исторически родственных праслав. *\*nuditi*, также обнаруживает связь с исходным значением 'лишить возможности действовать свободно, подчинить своей воле', сравн. : *вынудить* 'заставить сделать, выполнить что-либо; принудить', 'добиться, достигнуть чего-либо принуждением', *вынужденный* 'совершаемый по принуждению или по необходимости, в зависимости от каких-либо обстоятельств' [7, т. 1, с. 353], *принудить* 'заставить что-либо сделать' [7, т. 3, с. 583].

Связь значений 'принуждение' и 'необходимость' подтверждают и лексические соответствия в других славянских языках, сравн. ст. -слав. *нужда* 'насилие, принуждение' и 'необходимость, нужда', болг. *нудя* 'принуждаю', ст. -чеш. *núže* 'насилие; мучение, страдание', 'предписание явиться в суд' и 'необходимость, нужда' [15, с. 37].

Таким образом, модальные значения лексем с рассматриваемым корнем в различных славянских языках позволяют говорить о синкретизме рассматриваемой семантики. Кроме того, значения ряда соответствий свидетельствуют о наличии в семантической структуре модального компонента желательности, сравн. значения ст. -слав. *нждитисл* 'стараться, стремиться' [15, с. 34], др. -русск. *нужа* 'старание в достижении чего-либо (с постоянным трудом, лишениями)' [8, с. 440], русск. диал. *нудиться* 'иметь желание' [6, с. 310].

Продолжениями рассматриваемого корня являются также лексемы, объединённые семей негативного эмоционально-психического состояния, сравн. др. -русск. *нудьнии* 'трудный, тягостный' [11, с. 472-473], русск. *нудный* 'докучающий чем-либо, вызывающий скуку, наводящий тоску; скучный', *нуда* 'нудный человек', *нудиться* 'скучать, томиться от безделья', *нудность* 'свойство по прилагательному *нудный*', *нудно* 'о чувстве скуки, тоски, испытываемом кем-либо' [7, т. 2, с. 703], бел. *нудны, нуднасць*, укр. *нудний, нудність* с аналогичными значениями, чеш. *nuda* 'скука', *nuditi* 'нагонять скуку', а также с. -хорв. *нудити, нућати* 'предлагать, угощать', словен. *nuditi* 'предлагать, давать' [14, с. 580]. По мнению П. Я. Черных, значение 'скучный' возникло на базе значения 'принуждённый' [14, с. 580].

Таким образом, внутренняя форма номинаций, входящих в этимологическое гнездо с корнем *\*nud-*, характеризуется высокой степенью семантической близости. Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о том, что рефлексy праславянского корня *\*nud-* обнаруживают связь с исходным значением 'принуждение'. В основе внутренней формы рассмотренных номинаций лежит синкретичное представление о стеснённом физическом состоянии. Как следствие, вторичные значения характеризуются наличием

отрицательной оценочной семы, связанной с отражением представлений об ограничении свободы действия.

#### Список использованных источников

1. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. – Т. II. – Москва : Русский язык, 1990. – Т. II. – 785 с. – Текст : непосредственный.
2. **Насовіч, І. І.** Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – Мінск : БелСЭ, 1983. – 792 с. – Тэкст : непасрэдны.
3. **Потебня, А. А.** Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Москва : Просвещение, 1993. – 551 с. – Текст : непосредственный.
4. **Потебня, А. А.** Слово и миф / А. А. Потебня. – Москва : Правда, 1989. – 624 с. – Текст : непосредственный.
5. **Преображенский, А. Г.** Этимологический словарь русского языка: В 2 т. / А. Г. Преображенский. – Т. I. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – 717 с. – Текст : непосредственный.
6. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. – Вып. 21. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-е, 1986. – 360 с. – Текст : непосредственный.
7. Словарь русского языка: В 4 т. / Ин-т русского языка АН СССР; Гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Русский язык. – Т. 1: А – И. – 1981. – 698 с. ; Т. 2: К – О. – 1982. – 736 с. ; Т. 3: П – Р. – 1984. – 752 с. – Текст : непосредственный.
8. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Ин-т русского языка АН СССР; Гл. ред. Д. Н. Шмелёв. – Вып. 11 – Москва : Наука, 1986. – 458 с. – Текст : непосредственный.
9. Словарь украинского языка / Под ред. Б. Д. Гринченко. – Т. 2. – Киев : Изд-во АН Укр. ССР, 1958. – 728 с. – Текст : непосредственный.
10. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. / Уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч і інш. ; Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Т. 3. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 536 с. – Текст : непосредственный.
11. **Срезневский, И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. / И. И. Срезневский. – Т. II. – Москва : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – 1802 с. – Текст : непосредственный.
12. Тураўскі слоўнік: У 5 т. / Склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін і інш. – Т. 3. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 311 с. – Тэкст : непасрэдны.
13. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер ; Пер с нем. и доп. О. Н. Трубачёва / Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – Т. 3. – Москва : Прогресс, 1987. – 830 с. – Текст : непосредственный.

14. **Черных, П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотип. – Т. 1. – Москва : Русский язык, 1999. – 624 с. – Текст : непосредственный.

15. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачёва. – Вып. 26. – Москва : Наука, 1999. – 118 с. – Текст : непосредственный.

16. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* / Рэд. В. У. Мартынаў. – Т. 8. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 343 с. – Тэкст : непасрэдны.

17. **Янкова, Т. С.** Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны / Т. С. Янкова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 432 с. – Тэкст : непасрэдны.

18. **Brückner, A.** Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1974. – 806 s. – Текст : непосредственный.

*Милютина Юлия Васильевна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"*

*[e-mail: julchik-sed@bk.ru](mailto:julchik-sed@bk.ru)*

УДК 408. 7 (БР.)

## **СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА В БРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ**

*Yulia V. Milutina*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### **WORDFORMATION STRUCTURE OF NAMES OF MALE PERSONS IN BRYANSK DIALECTS**

*В статье представлен анализ суффиксального способа словообразования наименования лиц на материале словарей брянских говоров. Показано словообразование имен существительных мужского рода в сопоставлении с аналогичными процессами в других говорах и в литературном языке.*

*Ключевые слова: диалектное словообразование, суффиксальный способ, брянские говоры, словообразовательные модели, наименования лиц мужского пола*

*The article presents an analysis of the suffix method of word formation of the names of persons based on the material of dictionaries of Bryansk dialects. The article shows the word formation of masculine nouns in comparison with similar processes in other dialects and in the literary language.*

*Keywords: dialect word formation, suffixal method, Bryansk dialects, word-forming models, names of male persons*

Диалектные словообразовательные ресурсы можно считать составляющими словообразовательного потенциала русского языка. Изучение его способствует решению некоторых вопросов современного языкознания, в частности, разграничению синхронии и диахронии в словообразовании, сопоставлению фактов словообразования литературного языка и общенационального, поскольку, "выступая в единстве пространственных и временных характеристик, словообразовательный потенциал языка концентрирует в себе одновременно три уровня связей и отношений: отражающие прошлое (ресурсы), репрезентирующие настоящее и ориентированные на будущее [5, с. 33]. В области словообразования, как отмечает В. В. Виноградов, особенно наглядно выступают внутренние законы развития языка. Образование новых слов происходит по тем моделям, по тем словообразовательным типам, которые уже установились в языке или вновь возникают в связи с выделением новых основ с использованием новых аффиксальных элементов [3, с. 155].

Наименования лиц в брянских говорах осуществляется по разнообразным словообразовательным моделям. В брянских диалектах отражаются как общенародные модели словообразования, так и модели, характерные только для местных говоров. Образования наименований лиц свидетельствуют об определенной степени продуктивности той или иной модели. Продуктивная словообразовательная модель предполагает большое количество образований. Говоря о продуктивности и непродуктивности словообразовательных моделей, В. А. Королькова высказывает убеждение, что продуктивными в сфере существительных со значением наименований лиц следует признать те модели словообразования, которые отличаются прозрачностью своей структуры, легкостью, простотой воспроизведения, а также регулярными, отчетливо выраженными суффиксами [6, с. 69]. Именно признак лица, как отмечает Т. В. Бахвалова, присущ лишь части существительных, обладающих признаками предметности и конкретности. Признак лица выделяет, отграничивает группу агентивных субстантивов и во многом обуславливает её лексико-грамматическое своеобразие [1, с. 7].

Процессы словоизменения и словообразования, как известно, различаются тем важным признаком, что первый не приводит к нарушению тождества слова, второй же, словообразование обязательно ведет к нарушению этого тождества и образованию нового слова. При этом современная наука понимает под образованием нового слова не только формальное (в смысле формы слова) нарушение тождества, но и семантическое.

Специфика диалектного словообразования на уровне отдельных говоров, диалектов, и, как отмечает А. С. Герд, заключается не в наличии в них каких-либо экзотических моделей, суффиксов или приставок по отношению к литературному языку или другим диалектам, а, во-первых, в соединении суффиксов с теми основами, с которыми они не сочетаются в языке литературном или в других диалектах. Во-вторых, эта специфика выража-

ется в относительной свободе образования индивидуальных, часто неустойчивых временных образований под влиянием отсутствия строгой нормы, характера разговорной речи и пр. [4, с. 47].

К наиболее продуктивным суффиксам этой группы в современном русском литературном языке и в брянских говорах относятся существительные мужского рода с суффиксом **-ник**, имеющем значение "лицо или предмет, производящий действие или предназначенный для осуществления действия, названного мотивирующим словом" [9, с. 183]. В производных существительных с суффиксом **-ник** можно выделить три основные лексико-семантические группы: 1. "Лицо, названное по должности, выполняемым функциям, положению"; 2. "Лицо, названное по действию"; 3. "Лицо, названное по образу жизни". Среди брянских наименований лиц функционируют лишь лексемы, относящиеся к третьей группе. В "Толковом словаре русского языка" С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой и "Словаре брянских говоров" зафиксировано слово *ба́бник* "любитель ухаживать за женщинами" [10, I, с. 24], образованное от основы существительного *баба*. Данный номинатив имеет аналогичное значение, но сопровождается пометой "прост. неодобр." [7, с. 94]. Субстантив *лапотник* "человек, который ходит в лаптях, чаще крестьянин" [7, с. 319] образован от основы существительного *лапоть*, которая, в свою очередь, произведена от лексемы *лапа* с помощью суффикса *-ть* (>*-оть*) [12, с. 234]. Номинативы образованы по продуктивной словообразовательной модели: "основа существительного + суффикс **-ник**-" [9, I, с. 142] : *баб* (а) + **-ник**- → *бабник*; *лапоть* + **-ник**- → *лапотник*.

В брянских говорах встречаются слова, отсутствующие в современном литературном языке и принадлежащие только местным диалектам: *колёсник*, *огорóдник*, *жíteльник*. Номинатив *колёсник* имеет значение "человек, вертевший колесо на пенько-прядильном заводе", образован от основы существительного *колес-о* по продуктивной словообразовательной модели: "основа существительного + суффикс **-ник**" [9, I, с. 167]. *Огорóдник* (местный вариант *горóдник*) называет "человека, занимающегося огородничеством" [8, с. 77]. Оно образовано от основы существительного *огород* с помощью темы *-ь* от *огородити*, префиксальной формы к *городити* посредством суффиксов *-и* и *-ти* от основы существительного *городь* [12, с. 305]. Агентив *жíteльник* "коренной, исконный житель" [10, V, с. 73] – от основы существительного *житель*.

Существительные с суффиксом **-ик** имеют следующее значение: "предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом" [9, I, с. 166]. Лексема *бездéльный* в литературном языке называет человека, ведущего праздный образ жизни [7, с. 40] и в брянских говорах [10, I, с. 39]. Слово образовано от основы прилагательного *бездельный*, которая произведена, в свою очередь, от слова *дело* префиксально-суффиксальным способом [11, I, с. 282].

*Безобразник* – "человек, поступающий непристойно, нарушающий общественный порядок" [10, I, с. 39]. Данный номинатив образован от основы прилагательного *безобразн-ый*, которое, в свою очередь, образовалось префиксально-суффиксальным способом от основы существительного *образ* [11, I, с. 684]. *Бесстыдник* – "человек, лишенный совести, поступающий непристойно" [10, I, с. 39]. Слово образовано от основы прилагательного *бесстыдн-ый*, созданного с помощью префикса *бес-* и суффикса *-н* от мотивирующей основы *стыд* [11, II, с. 190].

Дериваты с данным формантом и нулевым окончанием, восходящие к словосочетаниям прилагательного с наименованием лица, продуктивны в брянских говорах. Экспрессивность подобных образований определяется, на наш взгляд, семантикой производящих прилагательных, которым свойственно дополнительное словообразовательное значение интенсивности проявления признака, названного производящей основой. Так, *базáрником* в брянских говорах называют того, кто торгует на рынке [10, I, с. 25]. Исследуемое слово произведено от производной основы прилагательного *базарн-ый*, образовавшегося, в свою очередь, посредством прибавления суффикса *-н-* к производящей основе существительного *базар*, которое является древнерусским заимствованием из тюркских языков: в татарском языке, например, *базар* – "рынок", в персидском – "крытый рынок" [12, с. 32]. В брянских говорах известен агентив *бездóльник* в значении "несчастливый человек", человек "без доли" [10, I, с. 39]. Он образован от производящей основы прилагательного *бездóльн-ый* [11, I, с. 308], которое, в свою очередь, ведет свое начало от производящей основы существительного *доля* с использованием префиксально-суффиксального способа производства (префикса *без-* и суффикса *-н*). Аналогично образовано и слово *бездóмник* – от производной основы прилагательного *бездомный*. Номинатив *беззаконник* "человек, нарушающий законы нравственности" образован непосредственно от производной основы известного в литературном языке имени прилагательного *беззаконный*, которое, генетически восходит к основе существительного *закон*.

Лексема *безземельник* "деревенский житель, не имеющий собственного участка земли" [10, I, с. 40] образована, на наш взгляд, от производной основы прилагательного *безземельн-ый* посредством суффикса *-ик*. Словообразовательная цепочка выглядит следующим образом: *земля* → *безземельн-ый* → *безземельн-ик*. Брянское слово *безлошáдник* в значении "крестьянин, не имеющего в своем хозяйстве лошади; бедняк" [10, I, с. 40] образовано от производной основы прилагательного *безлошадн-ый* по образцу предшествующего слова.

В словарях брянских говоров зафиксирован отсутствующий в литературном языке агентив *безжéнник* "неженатый, холостой мужчина" [10, I, с. 39]. Можно утверждать, что брянское слово образовано от основы записанного нами в новозыбковском говоре прилагательное *безжéнный*. Здесь,

возможно, сыграла роль, как и во многих других случаях, аналогия, чрезвычайно развитая в литературном языке, но в еще большей степени – в территориальных говорах. Образцом вполне могли стать и названные выше лексемы: *бездомник*, *бездольник*, *беззаконник* и др.

Номинатив *безлю́дник* "нелюдимый человек, избегающий общения с другими людьми; себялюбец" [10, I, с. 40] образован от основы прилагательного *безлюдный* посредством этого же суффикса [11, I, с. 561]. Аналогичным образом созданы лексемы: диалектная *безря́дник* – от *безря́дн-ый* [10, I, с. 40], общенародные *безу́мник* – от *безу́мн-ый* [10, I, с. 41] и *безбо́жник* – от *безбо́жн-ый* [10, I, с. 38].

Таким образом, в нашем исследовании мы отметили, что наиболее активным способом образования имен существительных мужского пола является суффиксальный. В брянских говорах наиболее продуктивны суффиксы: *-ник* (*лапотник*, *властник*, *огородник*, *колесник* и др.), *-ик* (*бездольник*, *бездомник*, *безземельник*, *безлошадник*, *беззаконник* и др.).

#### Список использованных источников

1. **Бахвалова, Т. В.** Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров) : учебное пособие / Т. В. Бахвалова. – Орел : ОГПИ, 1993. – 130 с. – Текст : непосредственный.
2. Брянский областной словарь / Под ред. Н. И. Курганской. – Брянск, 2007. – 381 с. – Текст : непосредственный.
3. **Виноградов, В. В.** Вопросы современного русского словообразования / В. В. Виноградов. – Текст : непосредственный // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. Избр. труды. – Москва : Наука, 1975. – С. 155 – 165.
4. **Герд, А. С.** Из словообразования брянских говоров (имена существительные с суффиксами с детерминативом – g-) / А. С. Гердт. – Текст : непосредственный // Брянские говоры : сборник статей. – Ленинград, 1975. – С. 47 – 55.
5. **Каде, Т. Х.** О ресурсах словообразовательного потенциала имен существительных в русском языке / Т. Х. Каде. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы VI республиканской научной конф. – Самарканд, 1999. – Ч. 1. – С. 32 – 39.
6. **Королькова, В. А.** Наименования лиц по внешним признакам и физическим особенностям в смоленских говорах / В. А. Королькова. – Текст : непосредственный // Смоленские говоры – Литературный язык – Культура : сборник научных трудов. – Смоленск : СГПУ, 2003. – С. 69-75.
7. **Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2001. – 944 с. – Текст : непосредственный.
8. **Расгоргуев, П. А.** Словарь народных говоров Западной Брянщины

(Материалы для истории словарного состава говоров) / П. А. Расторгуев. – Минск : Наука и техника, 1973. – 296 с. – Текст : непосредственный.

9. Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. – Москва: Наука, 1980. – Текст : непосредственный.

10. Словарь брянских говоров / составители: Т. Г. Аркадьева, Т. А. Бабешкина, А. С. Герд и др. – Вып. 1 – 5. – Ленинград, 1976 – 1988. – Текст : непосредственный.

11. **Тихонов, А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт. / А. Н. Тихонов. – Москва, 1985. – 856 с. – Текст : непосредственный.

12. **Шанский, Н. М.** Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – Москва, 1971. – 527 с. – Текст : непосредственный.

*Михайлова Татьяна Витальевна,  
Михайлов Алексей Валерианович*

*ФГБОУ ВО "Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева"  
e-mail: ta\_rada@mail.ru, avm\_2006\_64@mail.ru*

*УДК 81-13, 306*

## **СИБИРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: "ИНАКОВОСТЬ" ЧУЖИХ ПО ДАННЫМ ТЕКСТОВ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ**

*Tatiana V. Mikhaylova,  
Alexey V. Mikhaylov*

*Reshetnev Siberian State University of Science and Technology*

### **SIBERIAN BORDERLANDS: "OTHERNESS" OF STRANGERS ACCORDING TO TEXTS AND DIALECT DICTIONARIES**

*В данной работе рассматривается актуальная оппозиция сибирской ментальности на материале речи сельских жителей. Материалом для исследования послужили лексикографические источники (словари сибирской диалектной речи), авторские записи из экспедиции 2020 г. по Енисею. Противопоставление своего и чужого производится на основании ряда признаков (отнесенность к иному этносу, иной вид занятий, происхождение из другого населенного пункта, отнесенность к коренным или пришлым жителям и пр.).*

*In this paper, the actual opposition of the Siberian mentality is considered on the basis of the speech of rural residents. The material for the study was lexicographic sources (dictionaries of Siberian dialect speech), author's notes from the expedition of 2020 on the Yenisey. The opposition of one's own and another's is made on the basis of a number of characteristics (belonging to a different ethnic group, a different type of occupation, origin from another locality, belonging to indigenous or alien residents, etc.).*

*Ключевые слова: инаковость, сибирское пограничье, оппозиция своего и чужого.*

*Key words: otherness, Siberian borderland, opposition of one's own and another's*

Проблема пограничного возникает всякий раз, когда встречаются разные культуры и этносы. Она актуальна и для постоянного взаимодействия оседлых общностей различного масштаба в "мирное" время. Со времени, когда русские начали движение в Сибирь и на Дальний Восток, прошло много веков, однако граница взаимодействия не самоустранилась, она осталась на месте и теперь проходит в каждом населенном пункте, иногда на улице, и даже внутри каждой семьи с хотя бы отчасти смешанным этническим населением.

Восприятие и самовосприятие сибиряков включает в описание этой группы людей различного вида оппозиции по сверхпризнаку 'свой' – 'чужой, иной'.

Маркеры инаковости проходят по границе признака "сибирскости". Персона определяется прежде всего по признаку отнесенности к постоянным (исконным, коренным) жителям Сибири, непостоянным (недавним, временным, командированным) жителям или вовсе не имеющим отношения к Сибири.

Материал для работы взят из опыта собственных исследований авторов, из словарей диалектной лексики Сибири, из других лексикографических работ. Цель работы – рассмотреть проявления противопоставления "инакие" vs "свои", представленного в сибирских говорах и современных сибирских региолектах. Методика анализа "инаковости" и "свойскости" в контекстах основывается на определении существенного признака для рассматриваемого контекста.

Мы обнаруживаем ряд характеристик, в ряде случаев противоположных, приписываемых попеременно "сибиряку" и "несибиряку": 'обходительность (в общении)' – 'грубость (в общении)': "Ах, мужик, дурак ты, **неотес сибирский**" [8, с. 121].

Понятие "коренного сибиряка" является важным в сибирском мировоззрении.

В оппозиции сем 'коренной (житель Сибири)' – 'некоренной' реализуются дополнительные значения и их противопоставления.

Среди них степень "сибирскости" или, по-другому, степень оседлости, занимает важное место. Этих степеней можно обнаружить несколько.

Положительной коннотацией в восприятии более ранних поселенцев обладает, очевидно, сочетание сем раннего поселенчества и безвыездного пребывания в Сибири, ср. 'первые (русские северные) переселенцы', в отличие от последующих большей частью южнорусских "волн" – "я не из хохлов, я в **сибиряках** жила" [8, с. 71], 'постоянное проживание в Сибири' – "сроду никуда не ездила. ...**живу** тут семьдесят годков **безвыездно**" [8, с. 71].

Со- и противопоставление 'сибирский' – 'российский' ( 'несибирский'): "всякого приезжего с Урала здесь называют **россейскими** людьми"; "мы-то **чалдоны**, а они **россейские**, пришлые. Наши лапти не носили, да и не видали..."; "в деревнях у нас жили **россейские** и чалдоны; .... Мы-то хлеб рукам не месили, а **россейские**-то рукам валят: чудны какие-то"; "**россейски** – что значит с России. Желторотым дразнили нас **россейски**" [7, с. 48]; "когда населяли Сибирь **российскими**, у их речь друга, обряды" [7, с. 49]; "**чалдон** синепупый, желторотый, **чалдоны** только чай да чай, синепупые, верно, что чай пьют. **Лапотоны** [русские из европейской части России, носившие лапти] больше варили хлебну да всё, чай не пили" [7, с. 112].

К этому же противопоставлению отнесем: "**старожитель** – это здешний, что родился здесь. ...**старожилы**, значит, старые жители, тутошние: В Суховой **старожители** живут, это деревня, а ву Струково – **поселенцы с России**, это участок"; "...У меня папа здесь вырос и папины родители здесь жили – во **старожители** какие" [7, с. 180 – 181]; "а эти **чалдоны** да подобрали **лапотонок**. Шура, невестка, говорит: "Вот **лапотонка** ваша толстопята. Хотя я чисто разговаривала, не касалась [не была похожа, не относилась. – Т. М., А. М. ] к **лапотонам**" [7, с. 152].

В дополнение к противопоставлению старожилов Сибири и новоприбывающих поселенцев противопоставляются как места обитания Сибирь и Россия, что можно объяснить и тем, что Сибирь еще не воспринимается вполне как российская территория, и тем, что Сибирь целенаправленно понимается как не-российская территория (свободная от ее недостатков, утеснений?).

Для обозначения "коренных" сибиряков используется ряд лексем: **чалдон, чистый чалдон, закаленный чалдон, головной сибиряк, кержак, сельдюк** (русскоязычные жители Туруханского края, выговаривающие С как С' и даже С'', близкое к Щ, например, слово **сельдь** примерно как [с'шч'ел'л'д'], при этом еще указывается на их приверженность в еде и предпочтение **туруханской селедки**), указываются и признаки, характерные для них, – **челдонская хватка, говорить по-чалдонски**.

Лексема **чалдон** и производные от нее, а также сочетания на их основе вполне типичны: "давно высланные в Сибирь из европейской части России. **Закалённые чалдоны** – давнишние старожилы, привезены, высланы. – Панка-то – это **закаленная чалдонка**, говорит-то она **по-чалдонски**"; "А нас тут зовут **чалдон желтопупый** или кацапы [в данном случае из контекста непонятно, идет ли речь о взаимном противопоставлении местных русскоговорящих старожилов и приезжих с Украины. – Т. М., А. М. ]" [8, с. 216].

Появляется и прозвище в поле зрения носителей говора: "**Чо-почо, паря** – отец мой так **чалдонов** называл" [8, с. 132].

Отмечаются свойства чалдонов: **чалдонская хватка**, **говорить по-чалдонски**: "пойми, у нас **чалдонская хватка** – начал, доведи дело до конца [8, с. 209]; "это вот брат его, тот **чистый чалдон**, он и говорит **по-чалдонски**" [8, с. 216].

Лексема **сибиряк** встречается в сочетаниях, усиливающих ее значение: "**вечный сибиряк**", "тут **головные сибиряки**, старожилы" [8, с. 177].

Лексема **кержак**, обозначающая коренного жителя Сибири, в ряде случаев в восприятии носителей говоров противопоставляет **кержаковсибирякам** и **чалдонам**: "кто как зовут, кто **кержаки**, кто **сибиряки**", "**кержаки** в Сибири жили, тунгусы жили, юраки", "у нас здесь кержаки живут, чалдоны тоже", "кержаки жадны, куска хлеба не дадут" [6, с. 126].

**Сельдюк**: "**сельдюки** – местные жители // дружили с ними / [это кто старожил здесь] // любители рыбы / печень налима / макса это / мороженная печень // или поймашь тугуна [4, с. 38].

Очень показательно самоименование [эндоним] **лопотанка** 'человек, ходящий в лаптях', перен. 'малоимущая': "сама я **лопотанка**, колхозница, переселенка" [6, с. 158].

Специфично в сибирских говорах, которые представлены жителями, некогда по своей динамичности оказавшимися в Сибири, восприятие динамичности как негативного свойства.

Передвижение оценивается отрицательно, ср. : "**поехать в Москву за песнями**"; "чо ты **поедешь с редких кустов в густые кусты**? чо тебе плохо здесь?" [8, с. 141]; "**умотался в никола** 'неизвестно куда', ничо не знаю про его" [8, с. 205].

Оценивается негативно и кончина не в своем доме: "**умереть не на своей лавочке**" [8, с. 205], ср. также номинацию лиц с семантикой движения: "**бродячая поселыга** 'сосланные в Сибирь', они живут большей частью различными темными делами, скитаясь всю жизнь из одного места в другое" [8, с. 148].

На этом фоне ср. положительную оценку места и нахождения в нем: "Туруханск для меня / Ощущение дома / Нет суеты"; "мой брат не мог жить здесь / ему нужно двигаться", "раньше люди были лучше // кто родился здесь и прожил всю жизнь" [4, с. 38].

Интересно также и то, как характеризуются некоторые способы работы: "**немецкий угол**" 'способ заделки угла в деревянной постройке, при котором концы бревён не выступают из сруба'. [8, с. 202], "**русский угол**" 'способ заделки угла в деревянной постройке, при котором концы бревён выступают из сруба' [8, с. 202].

Контакты с представителями других народов рождают наблюдения и за видами одежды и головных уборов: "**татарка**" 'зимняя шапка из сукна, обшитая мехом' [7, с. 236], "**бурятский чай**", "**хурча**": "Мама рассказывала, в войну сходила в Ангасолку, дак ангасольские, говорит, чудные какие-то. Родиха, говорит, родит, – бабка ей **хурчу** даёт. ...**Хурчу**, **бурятский**

**чай**.... Зерно сжарят, его заваривали.... А потом с молоком. [1, с. 353 – 354], **"арса"**: "у бурят меняли **арсу**. На огородно, на морковку, капусту там. Оне же огород-то не сеяли [2, с. 449].

К такому же типу именований, подчеркивающих инаковость, отнесем и шутивное прозвище **"арсаеды"**: "Буряты там. Они ничё. Хорошие были, весёлы, арсы напьются да тарасуну и всю ночь ёхорят. ...бригадир уж кричит: **Арсаеды, подъём! Сети выбирать**" [3, с. 450. ]

Таким образом, рассмотренные маркеры инаковости обладают для жителя Сибири и носителя "сибирского территориального сознания" неким особенным значением. Признак "сибирскости" проявляется в вариациях восприятия жизни, в степени оседлости, способе организации семейной жизни, способах хозяйствования, конечно же, в способах организации взаимодействия с высшими силами и т. п.

В любом случае, осознание пограничности бытия (сосуществования с разными этническими и в целом "иными" группами) в Сибири, возможно, несколько более остро переживалось и переживается в силу естественной организации пространства жизни.

#### **Список использованных источников**

1. **Афанасьева-Медведева, Г. В.** Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. / Г. В. Афанасьева-Медведева ; научн. ред. Ф. П. Сороколетов. – Иркутск, 2007. – Т. 1. – 576 с. – Текст : непосредственный.

2. **Афанасьева-Медведева, Г. В.** Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. / Г. В. Афанасьева-Медведева ; научн. ред. В. М. Гацак, Ф. П. Сороколетов. – Иркутск, 2009. – Т. 3 – 544 с. – Текст : непосредственный.

3. **Афанасьева-Медведева, Г. В.** Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. / Г. В. Афанасьева-Медведева ; научн. ред. В. М. Гацак, Ф. П. Сороколетов. – Иркутск, 2008. – Т. 4 – 544 с. – Текст : непосредственный.

4. **Михайлов, А. В.** Материалы к словарю рефлексивов Енисейской Сибири: антропонимы и топонимы в восприятии сибиряка / А. В. Михайлов, Т. В. Михайлова, С. В. Ускова, Е. А. Чижова ; СибГУ им. М. Ф. Решетнева. – Красноярск, 2020. – 122 с. – Текст : непосредственный.

5. **Петроченко, М. Н.** Семантический компонент "свой / чужой" в фольклорном и диалектном бытовом текстах : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мария Николаевна Петроченко ; Томский государственный университет. – Томск, 2005. – 227 с. – Текст : непосредственный.

6. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / Ред. -сост. Белоусова Г. Г. и др. – Красноярск : Изд-во КГПИ, 1992. – 344 с. – Текст : непосредственный.

7. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Т. 4 (Р – Т) / Под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт); ред. кол. ; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2008. – 296 с. – Текст : непосредственный.

8. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск : Наука, 1983. – 232 с. – Текст : непосредственный.

*Никитевич Алексей Васильевич*

*УО "Гродненский государственный университет имени Я. Купалы"*

*[e-mail: anikit@inbox.ru](mailto:anikit@inbox.ru)*

*УДК 811. 161. 1*

## **СЛОВАРЬ В. Н. ДОБРОВОЛЬСКОГО В СВЕТЕ ИДЕЙ ПЕРЦЕПТУАЛЬНОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ**

*Alexey V. Nikitevich*

*Yanka Kupala State University of Grodno*

### **"SMOLENSK REGIONAL DICTIONARY" BY V. N. DOBROVOLSKY FROM THE PERSPECTIVE OF PERCEPTUAL DIALECTOLOGY**

*В статье рассматриваются некоторые специфические особенности словарных дефиниций диалектных слов в Смоленском областном словаре В. Н. Добровольского. Анализ данного фрагмента диалектной лексикографии свидетельствует о том, что содержание какой-то части словарных толкований, комментариев есть результат фиксации обыденного языкового сознания, взаимодействия носителя языка с языком.*

*Ключевые слова: диалектная лексикография, когнитивно значимая диалектная лексика, фрагменты словообразовательных гнезд*

*The article considers some specific peculiarities of dictionary definitions of dialectal words in "Smolensk regional dictionary" by V. N. Dobrovolsky. The analysis of the given fragment of dialectal lexicography indicates that the content of some part of dictionary interpretations and comments is the result of fixing everyday linguistic consciousness, of the interaction of a native speaker with the language.*

*Keywords: dialectal lexicography, cognitively significant dialectal vocabulary, fragments of derivational nests*

Как свидетельствует история нашей науки, в процессе развития структурной лингвистики (равно как и классической диалектологии) так и не удалось в полной мере разграничить язык и носителя языка (объективное и субъективное (идушее от субъекта, носителя)). В этой связи достаточно любопытными представляются некоторые попытки обобщить опыт работы диалектологов, в том числе и зарубежных. Ср. : "Традиционная диалекто-

логия, ориентированная на "предельную объективность", исключала из своего поля зрения метаязыковые высказывания диалектоносителей. Диалектологическая практика показывает, что и обычные информанты, соответствующие всем установленным критериям, охотно высказываются о языке, рассуждают о тех или иных языковых явлениях. Факты вербализации метаязыкового сознания наивными пользователями языка имеют столь широкое распространение, что традиционные диалектологи не могли их полностью игнорировать" [1, с. 54 – 55]

Проанализированный в достаточном объеме диалектный лексикографический материал в рамках одного словаря и одного автора [5], позволяет сделать вывод о том, что содержание какой-то части словарных определений, толкований, комментариев есть результат не только работы специалиста-лексикографа, но и *результат отражения своеобразного взаимодействия носителя языка с языком!*

Рассмотрим ряд примеров толкований диалектных слов из словаря В. Н. Добровольского.

*Обрешиться* 'Решиться на что-либо после колебания'.

В процессе коммуникации, безусловно, актуальны следующие ситуации: 1) *решиться на что-либо без колебаний*; 2) *решиться на что-либо после колебаний*. Вероятно, некоторые компоненты, как правило, не входят в семантику производного префиксального глагола в системе слов литературного языка. Поэтому префиксальные производные от глагола *решиться* совсем немногочисленны. В [10, т. 2, с. 39 – 40] отмечены следующие префиксальные глаголы: *вырешить (ся)*, *вырешать (ся)*, *перерешить*, *перерешать (ся)*, *порешить*, *предрешить*, *предрешать (ся)*. В Большом толковом словаре, к примеру, для глагола *порешиться* даются следующие дефиниции: *Порешиться* (простореч.) 1. 'Принять решение; решиться', 2. 'Получить то или иное решение, исход', 3. 'Поступиться чем-либо, лишиться чего-либо', 4. 'Прийти в упадок, запустение' [9, т. 10, с. 1374]. Как видно, приводимый в Толковом словаре просторечный глагол *порешиться* в 1-м значении фактически дублирует основное значение, а в 3-х других выступает в иных значениях, не предполагающих семантического приращения "после колебания". Можно рассмотреть также просторечный глагол *вырешать (вырешить)* 'Решать окончательно, выносить окончательное решение' [9, т. 2, с. 1195].

Возвращаясь к толкованию в словаре В. Н. Добровольского диалектного глагола *обрешиться* и задавая забавный и казалось бы, не имеющий ответа вопрос (почему именно приставка *об-*?) можно гипотетически предположить следующий ответ: *обдумать + решиться!* = *обрешиться!*

Вряд ли в классической лексикографии при толковании значений мы встретим такие добавления, как "после колебания", "после долгого молчания". Однако реальность подобных ситуаций совершенно очевидна, и тот факт, что подобные семантические приращения включены лексикографом

(вероятно, с подачи информанта) в толкование значения слова, далеко не случайны и во многом показательны. Ср., к примеру, *проречить* 'Проговорить после долгого молчания'.

В целом ряде случаев при чтении дефиниций диалектных слов возникает вопрос, в какой мере сформулированные толкования лексического значения объективны, а в какой – результат субъективного восприятия информанта? Ср. :

*Сенатик* 'Умный малый; имеющий претензию на ученость; философ, иногда с насмешкой' [5, с. 825]. Рассматривается на фоне слова *сенатор*.

*Себячить* 1. 'Действовать в свою пользу, следуя эгоистической точке зрения'. 2. 'Действовать по личному расположению в чью-либо пользу'.  
*Матка не сынам, а дачце себячит*.

*Расхриста (расхристанный)* 'Ходящий (-ая) с не застегнутой рубашкою, обнаженной грудью'. *Расхристой ходишь людям на смех*.

*Разсмехнуться* 'Поделиться смехом'. *Между собой они разсмехнулись*.

*Приўзаяутный* (о комарах) 'Живущий в затишье и надоедающий там'.

В свое время еще И. А. Бодуэн де Куртенэ оперировал такими понятиями, как "языковые представления", "чутье языка народом" [2, т. 2, с. 56 – 66], Л. В. Щерба также говорил о "лингвистическом инстинкте", "языковом чутье" [11, с. 70 – 78]. И в свете последних исследований, относящихся к области так называемой "народной лингвистики" [4], изучением различных проявлений обыденного сознания [3], совершенно очевидно, что нам приходится иметь дело с метаязыковым сознанием носителя языка, которое, безусловно, есть результат его когнитивной деятельности, *результат формирования наиболее значимых для него когнитивных (языковых) структур*, в частности, того, что может пониматься, как такие фрагменты языковой семантики, *которые "достойны" (!) однословного обрамления*, как наиболее емкой и обычной формы отражения понятий. Мы думаем, что "внутренняя форма слова как живой механизм обыденного метаязыкового сознания" [8, с. 57] зачастую обнаруживается в подобных лексикографических источниках. В чрезвычайно информативном и потому ценном для нас словаре В. Н. Добровольского об этом свидетельствуют многочисленные развернутые интерпретации характеристик лица, явлений, ситуаций в составе определений к диалектным словам. Ср. :

*Пустодом* 'Ветреник, не старающийся о хозяйстве'

*Пустодомка* 'Хозяйка-ветреница, не старающаяся о хозяйстве' [5, с. 750].

*Пошикивать* 'Поговаривать секретно'

*Рохнуть* 'Млеть над кем-нибудь, выражать любовь жестами, голосом'.  
*Это матка рохнет, так и рохнет над сыном*.

Вне зависимости от реальности либо лексикографических фантазий, плодов интуитивизма и пр. значение 'Выражать любовь жестами, голосом' представляется актуальным и значимым.

*Попихалка* 1. 'Работник или работница, не имеющие своего почина в работе, которых нужно постоянно заставлять', 2, 'Понуждение к работе, понудитель, понудительница'.

Некоторых мы называем *безынициативными людьми*, но из этого еще не следует, что... их нужно постоянно заставлять.

*Попихайло* 'Человек ленивый, любящий пользоваться чужим трудом'

*Понукала* 'Работник или работница, которых нужно постоянно заставлять'. *Надели мне понукайлы да попихайлы, все их надо торчать носом* [5, с. 665].

Существенно, что в лексической системе определенная часть семантики "объединений единиц в виде словосочетаний", как правило, реализуется во фразеологии (ср. : *вынимать душу, за душу берет*). Очень специфические значения, не укладывающиеся в прокрустово ложе однословных единиц (формально). Однако в говорах зачастую обнаруживаются "слова" со столь сложной, комбинированной семантикой, что по содержанию могут напоминать фразеологизмы, либо достаточно протяженные синтаксические структуры. Ср. :

*Раздушать* 'Разлучать с душою, изнувать, вынимать душу' [5, с. 771].

*Подкосаться* (к кому) 'Сблизиться с кем с хитрою целью'. Ср. *косить под кого* (в смысле 'изображать из себя кого, что-л.').

*Поцеловать* 'Поцеловать; удивить кого враждебным действием'. *Во меня сегодня Петрок поцеловал – взял ведро за траву* [5, с. 691].

По поводу '...удивить кого враждебным действием': для нас более привычно *проявить враждебность* ("проявить / обнаружить враждебное действие"), но никак не "удивить"! Если попробовать "переписать" на современный лад приведенный в словаре контекст, то получится нечто вроде: *"Во меня сегодня Петрок неприятно удивил* (но где способ передать враждебность?)...своей враждебностью.

Существенно, что *речь идет не просто об анализе восприятия языка его рядовым носителем* (перцептуальная диалектология) как дополнительной информации к собственно лингвистическому анализу содержания языковых единиц, *речь идет о том, что результаты активности метаязыкового сознания носителя языка и есть еще один возможный ключ к пониманию закономерностей развития и пополнения номинативного состава языка*, поскольку содержание многих (хотя далеко не безупречных (но это момент, с точки зрения деривации совершенно второстепенный!) с точки зрения оформления в литературном языке) диалектных слов актуально в принципе, когнитивно значимо [6, с. 33 – 40]. При этом вольно или невольно актуализируется извечный для лингвистики вопрос: что такое языковое значение, каким когнитивным структурам, в принципе, оно может

соответствовать? Сопоставление фрагментов словообразовательных гнезд в литературном языке с привлечением диалектного материала может дать очень интересные результаты [7, с. 128]. Рассмотрим еще один показательный в этом отношении пример, диалектное слово *пришиб* 1. 'Бойкое, часто посещаемое место'. *Хата на пришибе* (сравни: *дом на отшибе*), 2. 'Место, пригодное для сборища'. *Тут самый пришиб волков* [5, с. 727].

Ср. в [9] : *Отшиб*, а) 'В стороне, в отдалении от других'. *Новенькая тесовая пятастенка Волчихи стояла совсем на отшибе*. Аник. Гараська-диктатор; б) 'Перен. Обособленно от других, отчужденно'. *Я чувствовал себя в своей юрте на отшибе*, в своеобразном положении, точно на острове, кругом которого в мгlistом туманном море кипела своеобразная деятельность пиратов. Корол. Марусина заимка [9, т. 8, с. 1705 – 1706].

В данном случае хорошо просматривается семантическая связь между литературным *отшиб* и диалектным *пришиб*: антонимичность семантики, вносимой префиксами, совершенно очевидна, причем дефинициям в словаре В. Н. Добровольского могли бы соответствовать "более приемлемые" для научной лексикографии в традиционном смысле такие определения, как: 1. 'Часто посещаемое место' и 2. 'Место, пригодное для собраний'. Однако существенно то, что оба значения когнитивно значимы и только в говорах представлены в виде отдельного слова!

В составе следующего деривационного фрагмента заслуживают внимания все слова. Ср. :

*Познокоть* 'Отрощенный ноготь' [5, с. 641].

*Познить* 'Содействовать к опозданию, к позднему окончанию работы; удерживать до вечера'

*Позниться* 'Приводить дела к вечеру; опаздывать'. *Не будем позница – кидай работу*.

*Познота* 'Позднее время'

*Позненько* 'Весьма поздно'.

В БАС нет глаголов *познить*, *позниться*, но есть *припоздниться* 'Простореч. Задержаться, замешкавшись; опоздать' [9, т. 11, с. 684]. В некоторых источниках содержится более точная формулировка значения: 'Прибыть позже, чем требуется, чем ожидалось'. Если посмотреть на фрагменты дефиниции, то можно сказать, что глагол *опоздать* не является точным соответствием глагола *припоздниться*, а "задержаться, замешкавшись" – структура, большая, чем слово. Поэтому диалектный глагол *познить* с учетом его толкования ('Содействовать к опозданию, к позднему окончанию работы; удерживать до вечера'), безусловно, заслуживает самого пристального внимания.

Даже если все эти любопытные и весьма необычные с точки зрения традиционной лексикографии фрагменты дефиниций есть лишь следствие особенностей подхода (с позиций нашего времени) В. Н. Добровольского к обработке и представлению диалектного материала (к примеру, отсутствие

каких-то единых формул толкования и т. д.), в любом случае мы имеем дело с удивительным синтезом деятельности специалиста и рядовых носителей языка, элементами подлинно народной лексикографии.

### Список использованных источников

1 **Александров, О. А.** Диалектология восприятия: инновации в зарубежной лингвистике / О. А. Александров. – Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 3. – С. 52 – 57.

2 **Бодуэн де Куртенэ, И. А.** О психических основах языковых явлений / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Текст : непосредственный // Бодуэн де Куртенэ. Избранные работы по общему языкознанию. – Москва, 1963. – Т. 2. – С. 56 – 66.

3 **Голев, Н. Д.** Словарь обыденных толкований русских слов: концепция проект, опыты реализации / Н. Д. Голев. – Текст : непосредственный // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово, 2010. – Ч. 3. – С. 205 – 264.

4 **Гулида, В. Б.** Конференция "Народная лингвистика": взгляд носителей языка на язык / В. Б. Гулида. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2013. – № 5.

5 **Добровольский, В. Н.** Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. – Смоленск : Типография П. А. Силина, 1914. – 1021 с. – Текст : непосредственный.

6 **Никитевич, А. В.** Очерки по диалектному словообразованию: [монография] / А. В. Никитевич; Учреждение образования / Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. – Гродно : ЮрСа-Принт, 2020. – 126 с. – Текст : непосредственный.

7 **Никитевич, А. В.** Словообразовательное гнездо как объект лингвистического моделирования / А. В. Никитевич. – Текст : непосредственный // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина), 28 – 30 сентября 2016 г., г. Нижний Новгород. – С. 125 – 130.

8 **Ольховская, А. И.** Внутренняя форма слова как феномен обыденного метаязыкового сознания / А. И. Ольховская. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2017. – № 4. – С. 57 – 69.

9 Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1950 – 1965. – Т. 1 – 17. – Текст : непосредственный

10 **Тихонов, А. Н.** Словообразовательный словарь: в 2 т. / А. Н. Тихонов – Москва : Русский язык, 1985. – Т. 1 – 2. – Текст : непосредственный

11 Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба. – Текст : непосредственный // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1958. – Т. 1. – С. 54 – 91.

*Ничипорчик Елена Владимировна*

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины  
e-mail: evnich@gmail.com*

*УДК811. 161. 1'371: 398. 91*

## **ПРАГМАТИКА РУССКОГО ПРОВЕРБИАЛЬНОГО СЛОВА: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ**

*Elena V. Nichiporchik*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### **PRAGMATICS OF THE RUSSIAN PROVERBIAL WORD: TO THE QUESTION OF THE FUNCTIONAL SIGNIFICANCE OF THE EVALUATIVE SEMANTICS**

*Поднимается вопрос о значимости характера оценки, которая отражена в содержательных аспектах пословиц, для формирования их функционального потенциала. Анализируются констативные и перформативные употребления русской пословицы "Первый блин комом". Вводятся понятия отсроченного и актуального перлокутивного эффекта, связанные с различием видов коммуникативных взаимодействий.*

*The question is raised about the significance of the nature of the value, which is reflected in the content aspects of proverbs, for the formation of their functional potential. The constative and performative uses of the Russian proverb "Pervy blin comom" are analyzed. The concepts of a delayed and actual perlocutive effect, associated with various types of communicative interactions, are introduced.*

*Ключевые слова: пословица, оценка, контекст, интенция, перлокутивный эффект*

*Keywords: proverb, value, context, intention, perlocutive effect*

Стимулом для рассуждения об интенциональных значениях, или смыслах, которые способны реализовать в речи пословичные выражения с явными формами выражения оценочных значений, является тезис о том, что оценка, представляя категорию модусного типа, предполагает возможность "различной интерпретации говорящим определенного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельного смысла" [1]. В свете сказанного, вопрос о прагматической функции, которую может реализовать паремия в речи, детерминированности этой функции содержа-

нием паремиологической единицы, ставится в плоскость решения проблемы о природе смысла – его объективном или субъективном характере.

На наш взгляд, интерпретация предельного смысла пословичного выражения – а это ответ на вопрос, зачем (с какой целью) передаваемое содержание встраивается в речь, – не может быть абсолютно независимой от исходных смыслов – понятийного содержания, заложенного в провербиальную единицу и адаптированного коллективным сознанием. К числу факторов, оказывающих влияние на прагматические потенции паремии, относятся, по нашему мнению, характер отраженной в содержании паремии оценки; логичность / паралогичность в оперировании средствами выражения оценочных значений, абсолютность / относительность выраженной в паремиологической единице оценки; соответствие / несоответствие детерминирующих оценку условий (в случае относительной оценки) принятым в социуме ценностно-нормативным системам [2, с. 43]. Есть и другие значимые в плане реализации тех или иных предельных смыслов дифференциальные семантические признаки паремий, уже описанные нами в системе [2, с. 43]. Важным является также и то, сохранена или утрачена пословицей форма предложения, не подверглась ли паремия таким трансформациям, которые лишают ее способности воплощать отдельное коммуникативное намерение.

В рамках одной статьи нет возможности проиллюстрировать закономерности проявления всех этих факторов. По этой причине остановим свое внимание на верификации зависимости интенциональных значений паремии от характера отраженного в ее содержательных аспектах оценочного отношения. Ограничимся анализом контекстуальных употреблений одной из достаточно востребованных в речи пословиц *Первый блин комом*. В качестве источника фактического материала был использован Национальный корпус русского языка [3].

Пословица *Первый блин комом* относится к ряду провербиальных единиц фабульного типа, то есть отражает развитие некоторой ситуации. Оставляя в стороне спорные моменты, связанные с интерпретацией внутренней формы данной паремии, подчеркнем, что современными носителями языка пословица воспринимается в значении – ‘первая попытка обычно бывает неудачной’ [4, с. 30]. Течение ситуации представлено как слабо подконтрольное воле человека, поэтому логично предположить, что интенцией пользователя пословицы может быть выражение огорчения, связанного с неудачей, утешения или обоснования утешения в поддержку человека, потерпевшего фиаско, либо выражение оправдания, в том числе самооправдания, возможно употребление пословицы и с целью осуждения, упреждающего оправдание неудачника. Это и есть та часть прагматического потенциала, которая без труда прогнозируется, детерминируется оценочным модусом паремии и ее содержанием.

Что же показывают контекстуальные употребления пословицы? Данные Национального корпуса убеждают нас в том, что как при констативном, так и при перформативном использовании пословицы ее оценочные значения сохраняют свою актуальность и влияют на характер иллюкутивной силы, которой наделяется пословица в речи.

Деление высказываний, взятых в контексте своего употребления, на констативы – высказывания сообщения – и перформативы – высказывания, направленные на изменение положения дел, а следовательно, рассчитанные на перлокутивный эффект (реакцию адресата), – предложенное Дж. Остином [5], достаточно условно, что, впрочем, отмечал и сам Дж. Остин, говоря о невозможности четкого разграничения констативных и перформативных речевых актов. Причина видится в том, что передача любой информации в конечной итоге мотивирована целью: передача информации ради самой передачи информации кажется бессмысленной. Ссылаясь на Дж. Росса, Н. Д. Арутюнова указывает, что в генеративной грамматике в глубинной структуре любого повествовательного предложения усматривается перформативная формула "Я говорю тебе, что...", по сути нивелирующая различие между коммуникативным актом и социальным действием [6].

Таким образом, при характеристике монологических высказываний, констативных в своей основе, и в особенности опосредованных письмом, то есть формально не соответствующих стандартным представлениям об интеракции, нужно иметь в виду, что ожидание перформативного эффекта у продуцентов подобных высказываний тоже есть, в данном случае уместно говорить об отсроченном перлокутивном эффекте.

К такому выводу нас приводят наблюдения над контекстуальными употреблениями паремий в монологических речах: в художественных текстах – в речи нарратора, в публицистических – в речи журналиста, освещающего и комментирующего события, и др. При констативном употреблении, по определению С. Н. Авериной, паремия используется для того, чтобы "подвести некоторую референтную ситуацию под паремический стереотип" [7, с. 17]. Как показывают наблюдения, цель использования паремии в констативном коммуникативном регистре заключается не только в так называемой моделирующей функции. К примеру, в приведенном ниже отрывке из очерка В. Овечкина "День тракториста" назначение пословицы *Первый блин комом* видится, прежде всего, в обозначении, описании референтной ситуации: *Пригласительные билеты на праздник разослали не только трактористам, комбайнерам, механикам, но и их женам. <... >Но первый блин комом. Дальше пошло не совсем так, как было задумано. Помешал дождь* [В. Овечкин. День тракториста]. В то же время здесь нельзя говорить о чистой дескрипции: функция паремии дескриптивно-оценочная. Выраженная в пословице оценочная семантика облигаторно воссоздает элементы, входящие в структуру оценочной модальной рамки, в

том числе объективирует наличие субъекта оценки – оценивающего лица. Следовательно, нарратор, несмотря на то что избирает роль отстраненного от происходящего рассказчика, все же не является таковым, выражая в proverbially "слове" свою ценностную позицию, в данном случае неодобрительное оценочное отношение к тому, каким получился праздник. Более того, данная авторизация проливает свет на идею произведения, вскрывает намерения нарратора сформировать у читателей картину мира, соответствующую его убеждениям. Подтверждается наличие установки автора на такой перлокутивный эффект (в данном случае отсроченный перлокутивный эффект) в финальной части произведения. В конце очерка один из персонажей, а именно секретарь райкома партии, выражает свою оценку первого опыта проведения дня тракториста, явно перекликающуюся с оценкой, вынесенной самим нарратором в начале очерка: *Лиха беда – начало. А, в общем, ничего, товарищи! Удался праздник. Но в другой раз сделаем лучше!* [В. Овечкин. День тракториста].

Что же мы видим в других случаях употребления поговорки *Первый блин комом* в констативном коммуникативном регистре? Как показывают наблюдения, и в других контекстах proverbially оценка объективирует "присутствие" субъекта оценки, позволяет дешифровать его эмоции (огорчение, досаду, неудовлетворение, сожаление, отчаяние, стыд или, реже, ожидание положительного исхода дела в перспективе) и интерпретировать значимость эмоциональной составляющей интенций пользователя паремии как установку на соответствующий перлокутивный эффект: *У меня сделалась лихорадка и колотье в ушах – болезнь, конечно, не важная, но, однако, она мешала моим и служебным и учебным занятиям. Первый блин шел комом; я только начал уроки, только подал просьбу об определении меня на службу, и сейчас же слег. В это время, помимо болезни, со мною случилось еще две неприятности...* [Н. Лесков. Детские годы]; *Мы же добываем информацию с остальных олимпийских арен, и она – чтобы выглядела убедительней и чтобы был эффект присутствия – тоже идет за подписью нашего спецкора. Первый блин вышел комом: телефон в его гостиничном номере молчал. На следующую ночь попытки другой стенографистки дозвониться до Шевцова тоже не увенчались успехом* [Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание]; *Когда мы просмотрели пленки, подтвердилось только последнее: ракета действительно ушла за горизонт и упала на расстоянии около 300 километров от старта. Авария. Первый блин комом. Но зато старт цел!* [К. Феоктистов. Траектория жизни].

Если поговорка употребляется как относительно автономный речевой акт в диалогической речи, то proverbially оценка становится основанием для выражения интенций говорящего, рассчитывающего на получение неотсроченного перлокутивного эффекта от адресата речи. К таким интенциям, прогнозируемым логикой вещей, а точнее, логикой коммуникативных взаимодействий по факту реализованной ситуации, связанной с неуда-

чей, относятся утешение (1), оправдание (2), осуждение (3), предостережение (4): *"Что бывает?" – спросил я тупо. Никогда в жизни я не испытывал такого унижения. "Первый блин комом!" – сказала она. В довершение моего стыда она тщательно вытерла – на мне и на себе – липкое и неприятное, то, что из меня вылилось. Она гладила и утешала меня, как маленького [Б. Хазанов. Праматерь] (1); – Абсолютно. – Что ж... – попробовал пойти на мировую Служкин. – Как говорится, **первый блин комом**... – Нет, Виктор Сергеевич, – с ледяным торжеством осадила его Угроза. – Для школы такая установка неприемлема [А. Иванов. Географ глобус пропил] (2); Нет, не ожидал я от вас; вы мастерски прикидывались скромником; и она-то отличилась, поблагодарила за воспитание и за попечение! Глафира Львовна всю ночь проплакала. – Письмо в ваших руках, – заметил Круциферский, – вы из него можете увидеть, что оно первое. – **Первый блин, да комом**. А что, в этом первом письме вы просите ее руки, что ли? – Я не смел и думать. – Как это на одно так смелы, а на другое робки? [А. Герцен. Кто виноват?] (3); Да! Так когда же ваша племянница встанет? – вдруг спросил Гуляев. – С неделю ещё пролежит? Вот когда встанет, мы ей это дело и поручим, как вы думаете, Аркадий Альфредович? – **А не получится первый блин комом?** – осторожно спросил прокурор. – <...>Выпускница может и не справиться [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей];*

Итак, результаты анализа убеждают нас в том, что отрицательная оценка, которая находит отражение в содержательных аспектах пословицы *первый блин комом*, облигаторно проявляет себя в виде оценочного модуса, окрашенного, как правило, негативными эмоциями пользователя паремии, в констативных речевых актах, а также выступает основанием для реализации при перформативном употреблении таких интенций, как утешение, оправдание, осуждение, предостережение. В случае встраивания пословицы в пространный контекст монологической речи (в художественный нарратив, в публицистическую речь, опосредованную письмом) перлокутивный эффект определяется как отсроченный. При употреблении пословицы в качестве диалогической реплики пользователь паремии ожидает, как правило, неотсроченный во времени – актуальный – перлокутивный эффект.

### Список использованных источников

1. **Болдырев, Н. Н.** Категории как форма репрезентации знаний в языке / Н. Н. Болдырев. – Текст : электронный // Концептуальное пространство языка : [сб. науч. тр. ]. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – URL: <http://www.boldyrev.ralk.info/dir/material/167.pdf>. (дата обращения: 01.03.2021). – Режим доступа : свободный.

2. **Ничипорчик, Е. В.** Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический

аспекты : автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук / Елена Владимировна Ничипорчик; Белорусский государственный университет. – Минск, 2016. – 54 с. – Текст : непосредственный.

3. Национальный корпус русского языка : [сайт]. – Москва, 2003 – 2020. – URL: <http://www.ruscorgo.ru>(дата обращения: 03.03.2021). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

4. Словарь русских пословиц : ок. 1 000 единиц / В. М. Мокиенко, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов [и др. ]; под ред. В. М. Мокиенко. – Москва : Астрель : АСТ, 2007. – 381 с. – ISBN: 978-5-17-041886-2, 978-5-271-15851-3. – Текст : непосредственный.

5. **Остин, Дж.** Как совершать действия при помощи слов / Дж. Остин. – Текст : электронный // Остин Дж. Избранное / перевод с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. – Москва, 1999. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000713/st000.shtml> (дата обращения : 05.03.2021). – Режим доступа : свободный.

6. **Арутюнова, Н. Д.** Перформатив / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – ISBN 5-85270-031-2. – С. 372 – 373.

7. **Аверина, С. Н.** Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Светлана Николаевна Аверина ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2005. – 159 с. – Текст : непосредственный.

*Петракова Христина Сергеевна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: [hristina327@gmail.com](mailto:hristina327@gmail.com)*

УДК81`28

## **ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА "ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ПРИРОДОЙ", В ГОВОРАХ ЖУКОВСКОГО И НОВОЗЫБКОВСКОГО РАЙОНОВ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Khristina S. Petrakova*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### **THEMATIC GROUP "LEXICONS RELATED TO NATURE" IN GOVORI ZHUKOVSKY AND NOVOZYBKOVSKY DISTRICTS OF THE BRYANSK REGION**

*Исследовательская работа посвящена изучению лексико-семантических и этнолингвистических особенностей тематической группы (далее – ТГ) "Лексика, связанная с природой" в диалектах Жуковского и Новозыбковского районов Брянской области.*

*Ключевые слова: диалекты, брянские говоры, тематическая группа "Лексика, связанная с природой"*

*The research work is devoted to the study of lexical-semantic and ethnolinguistic features of the thematic group. "Vocabulary associated with nature" in the dialects of Zhukovsky and Novozybkovsky districts of the Bryansk region.*

*Key words: dialects, Bryansk dialects, thematic group "Vocabulary associated with nature"*

Русский язык – один из самых богатых языков мира. Его величие заключается в огромном словарном запасе, широкой многозначности слов, богатстве синонимов, неисчерпаемых возможностях словообразования, многочисленностью словоформ, особенностями звуков, подвижностью ударения, четком и стройном синтаксисе, разнообразии стилистических ресурсов. Следует различать понятия *русский литературный язык* и *русский национальный язык*. Литературный язык – это высшая форма национального языка, принимаемая ее носителями как образцовая. Национальный язык – язык русского народа – охватывает все сферы речевой деятельности людей, независимо от образования, воспитания, места жительства, профессии; он включает в свой состав диалекты, специальную лексику, жаргоны, то есть русский национальный язык неоднороден: в его составе функционируют особые его разновидности.

В данной исследовательской статье мы рассмотрим тематическую группу диалектов "Лексика, связанная с природой" в говорах Жуковского и Новозыбковского районов Брянской области. Обратимся к словарю Т. В.

Жеребило "Словарь лингвистических терминов": "Диалект [греч. *dialektos*] – местное или социальное наречие, говор, являющиеся разновидностью общенародного языка" [4, с. 91]. В этом значении термин "диалект" синонимичен русскому термину "говор". Диалектом также называют совокупность говоров, объединенных общностью языковых черт.

Исследованием брянских говоров занимались такие ученые-лингвисты, как: Е. О. Бойцова, Е. П. Гарбузова, Н. Г. Голанова, Е. Ф. Карский, В. А. Козырев, В. И. Макаров, К. М. Небера, А. Д. Нечаев, А. О. Полевой, П. А. Расторгуев, А. М. Родионова-Нащокина, Ю. В. Седойкина, Н. Н. Соколов, О. С. Тарико, В. И. Чагишева и др. Диалекты со временем стираются из памяти местных жителей. Именно поэтому труды данных исследователей являются для нас ценным материалом по языковому своеобразию Брянской области. К тому же эти работы составляют основу для многих современных исследований лингвокультурной ситуации в славянском пограничье.

Актуальность научно-исследовательской работы обусловлена несколькими причинами.

Во-первых, по сей день сохраняется интерес к русским говорам, так как они являются одним из источников знаний о прошлом народа.

Во-вторых, Брянская область – это регион, граничащий на западе с Беларусью, а на юге с Украиной, что создает неповторимое этническое восприятие жителей, которые определяют современное развитие национальной культуры в данной местности. При этом необходимо отметить, что данные "районы юго-запада Брянщины <...> относятся к расположенной на левом берегу Днепра части так называемого Восточного (или Левобережного) Полесья (включающем также Чернигово-Сумскую зону Украинского и Гомельскую область Белорусского Полесья) и характеризуются особым этническим своеобразием и уникальной традиционной и материальной культурой" [1, с. 3].

В-третьих, человек, прибывший из одного населенного пункта в другой, достаточно часто сталкивается с проблемой недопонимания речи местного населения.

В качестве материалов для исследования послужили диалектные лексические единицы, составляющие ТГ "Лексика, связанная с природой", отобранные методом сплошной выборки из "Брянского областного словаря" (Брянск 2011), а также материалы фольклорно-диалектологической практики студентов филиала БГУ им. акад. И. Г. Петровского в городе Новозыбкове последних лет.

Представления человека об окружающем его мире, в частности о природе, формируют глубинную основу системы его ценностей. Погода и климатические условия всегда влияли на поведение человека и его восприятие. Для Брянской области характерны различные природные явления благодаря своему географическому положению. Собственно, это и нашло

отражение в диалектах, где каждое слово описывает отдельное явление природы. Человек, познавая окружающий мир и собственное бытие, обращается своей мыслью к тому, что представляется ему жизненно важным, – к природе, к условиям своего существования.

Особый интерес у исследователей вызывают говоры пограничных славянских регионов, в которых остались проявления живого древнерусского языка, его архаические черты, которые характерны для языков восточных славян и их народной культуры.

В современных лексикологических исследованиях рассмотрение лексики по тематическим группам является широко признанным. В большей степени это связано с тем, что отличительной особенностью лексики является ее непосредственное обращение к реальной действительности.

Итак, в данной тематической группе можно выделить несколько подгрупп:

1. Название различных видов рельефа местности (названия различных возвышенностей, оврагов), лесов (различных по породам деревьев, густоте, величине, месту нахождения), полей, лугов, водоемов: рек, ручьев, озер, прудов (различия их по величине, глубине, характеру берегов).

2. Название растений: деревьев (различия по породам, названиям частей дерева, спиленных деревьев), кустарников, ягод, грибов, трав, цветов.

3. Название зверей (виды, различия по полу, возрасту, окраске), птиц, рыб, насекомых.

4. Метеорологические представления: название погоды (хорошей – плохой, весенней – летней – зимней и т. д.), характеристика атмосферных явлений (тучи, облака, дождь, снег, роса, туман, ветры; календарь, сутки и части суток, неделя и дни недели, месяцы, времена года, периоды праздников).

Брянщина, в современных ее границах, представлена разнообразным и характерным для Центральной России рельефным очертанием, лесистой местностью, полями, лугами и водоемами. Все эти особенности, относящиеся к первой подгруппе тематической группы, нашли свое отражение в местных диалектах.

Слово *буй* мы можем услышать на территории Новозыбковского района. Люди употребляют его в нескольких значениях: во-первых, для описания возвышенного открытого места, доступного всем ветрам [*Ня стой на бую, замерзнешь*], а во-вторых, чтобы передать чувство боли, ломоты [*У мяня буй в нагах, так и ломить, неверна, пагода сменница*] [6, с. 38]. В русском литературном языке эта же лексема имеет другое толкование. В "Академическом толковом словаре русского языка" Л. П. Крысина: "буй – это плавающий сигнальный знак, устанавливаемый на якоре для обозначения опасных мест (мельей, подводных камней и т. д.)" [5, с. 471]. Также данный номинатив зафиксирован в "Толковом словаре Белорусского языка" и име-

ет два значения – как в русском литературном языке, так в русском диалектном [7, с. 122].

Схожим по смыслу и употребляющимся в той же местности, является лексема *взв́алье* [*Жыли мы на взв́альи, харашо была, на гароди вада не стаяла*] [5, с. 48]. В данном случае респондент говорит о том, что живет на холме.

Лексическая единица *брóвка* зафиксирована на территории д. Никольская Слобода Жуковского района. Это возвышенный край дороги, тропинки, обочины [*А Кол'ка на правой брóвке не ездывал*].

Слово *карма́нка* употребляется в местных говорах в основном в значении – "болотистое место" [*Где исключительная балота, то места называюцца карма́нка*] [6, с. 140].

Номинатив *вiр* в Новозыбковском районе обозначается как глубокое место в озере или реке или же это омут, водоворот [*У вiр пападешь, закружить и загиниш*] [6, с. 50]. Также водоворот местные жители называют *коловертью*. А вот топью в том же районе Брянской области называют *дру́зой* [*Такая дру́за была, што скот тапцуся тут*] [6, с. 95].

В говоре города Новозыбкова зафиксированы два синонима *калю́га* и *калю́жа*, которые обозначают небольшое болотце. Слово *калюжа* нашлось в "Толковом словаре украинского языка" с обозначением углубления в почве, заполненного водой [2, с. 515].

*Криву́листыми* местное население Новозыбковского района называют извилистые берега [*Берях э́тат криву́лыстый*] [6, с. 176].

Человека на протяжении всей его жизни окружают растения. Одни из них распространены повсеместно, другие – в отдельных регионах, на определенных территориях. Растения для носителя народного языкового сознания – "сфера его существования", источник практической пользы (применение в народной медицине) и эстетического наслаждения. Пограничное положение Брянской области также способствовало формированию своеобразных диалектных форм в названиях растений.

*Ду́линой* в г. Новозыбкове и его районе называют дерево груши, а соответственно *дўля* – это груша. Также это слово зафиксировано в "Толковом словаре" С. И. Ожегова с пометкой "разг.":

Лексема *стрека́ва* в говорах Жуковского района обозначает крапиву. Отсюда пошел глагол *обстрека́ться*, что значит обжечься крапивой [*Стрика́ва дюжа стрика́цца*] [6, с. 328]. Но в Новозыбковском районе местные жители, говоря о крапиве, используют другое слово – *жигáть* [*Ня лесь, крапива жигáя больна*] [6, с. 104].

Слово *цубы́лки* в Жуковских говорах зафиксировано как "стебли крупных травянистых растений". Синонимами данного слова являются номинативы *боды́лье*, *бут*, *бы́лки*, которые мы можем услышать на территории уже Новозыбковского района [*Сухий бут сабирали и кастры палили*] [6, с. 39].

Так, на территории Новозыбковского района имеются некоторые названия растений: репейник, лопух – *бодюльник*, растение чистотел – *бородáвник* (назван из-за своей способности лечить бородавки и раны), тысячелистник – *серпорéзник*, лопух – *ша́почник*.

Заметным является различие в названии крыжовника. В Жуковском районе данное растение зафиксировано под номинативом *кружóвник* [*Мама сварить мне кампоту с кружовника*]. Юрий Нагибин в своем произведении "У Крестовского перевоза" использовал данное слово: "...и вдруг, покрывая все летние шумы, высоко и жалобно разносится вопль разносчика: "Сморода красная!. . Кружовник!"". В то же время в Новозыбковском районе оно распространено под номинацией *агрéст* [*У маём сади ёсть смарода и агрест, я як варення варю, ще малины к им добауляю, наслажы штоп была*] [6, с. 15].

В той же местности распространенным культурным цветочным растением является астра. В связи с этим в говоре местного населения появилась лексема *áйстра* [*У ету летку у мяне цвятоу багата, ёсть и айстры, и гаргини, и пивоны*] [6, с. 15]. Водным растением является кувшинка, которая растет в водоемах. За счет своего местонахождения и способности жить и развиваться в водной среде народ прозвал *плаву́ном* [*Плавуноу на нашам возири багата*] [6, с. 256].

Население Новозыбковского района клюкву называют *журавíной* [*Журавины – ягады кислыи, а канпот из ых харошый получаицца*] [6, с. 107], а в говорах Жуковского района черную маленькую ягоду обозначают *калю́кой* [*Калюка – ягатка черниньякая, усиго адну калюку нашла*] [6, с. 134].

Также из речи жителей г. Новозыбкова зафиксирована такая лексическая единица как *багу́н*. Так называют болотное растение багульник [*Багун растеть як елка, ен сырыи миста любить, запах имея и у чай можна багун дабаулять*] [6, с. 19]. Подобные описания багуну приводит знаменитый лингвист В. Н. Добровольский, приводя фразу из рассказа респондента в "Смоленском областном словаре": "У яго у галаве багун: тварить неведама што" [3, с. 20].

На территории района закреплены слова *гу́ски* и *гу́ска*. Первый номинатив имеет только множественное число и называет осенние поздние грибы [*Гусак набрала седни целаю карзину*] [6, с. 83]. Второе слово имеет два значения: 1) лилия [*Гуски на вутрянним холадиня вочинь раскрываюцца*] [5, с. 83], 2) гусыня [*Птицы у меня на дворе многа: и куры, и индюки, ёсть и гуска з гусаком*] [5, с. 83]. А гриб мухомор иногда из-за тех же самых мух, которые являются в народных представлениях злыми силами, называют "духомор" [*Духаморау у нас у леси багата, да йих нильзя сабирать, яны ядавитыя*] [6, с. 98].

Растение дурман называют *дурнопьян*. Оно получило свое название из-за способности вызвать галлюцинации, сильное отравление и неприятный запах [*Савсим аглумела, бутта дурнапьяну напшоась*] [6, с. 98].

Значимой темой для изучения современных лингвистов-исследователей является система представление людей о животном мире, их составе, отличительных внешних и поведенческих признаках. Лексика животного мира относится к числу тематических групп, изучение которых давно и весьма успешно осуществляется на материале различных языков мира, но вновь и вновь обнаруживает свою актуальность на тех или иных этапах эволюции гуманитарного знания.

На территории г. Жуковки и Жуковского района общепринятой диалектной формой слова птица является номинатив *птушка* [*Птиц по-разному называли: гуси, куры, а дикія - птушки*] [6, с. 291]. Схожими по корневому строению являются такие диалекты Новозыбкова и Новозыбковского района как "*птушенёнок*", "*птушонок*", обозначающие слово "птенец" [*У птушки бывають птушыняты*] [6, с. 290]. В диалектах Жуковского района кукушку принято называть *зезюля* [*Зязюлі кукують в началі лета*] [6, с. 121]. В говорах Новозыбкова и его района самца и самку аиста называют *бўселом* и *бўслою*. [*У бусла крепка дюпка большая*] [6, с. 39].

В окрестностях Новозыбкова воробей обозначен номинативом *верёбей* [*Вирябей, вирябей, ня ганяй голубей*] [6, с. 45]. Производным от него является слово чаще множественного числа *вербушаты*.

Других птиц в этой местности принято называть так: *гранок* – деревенская ласточка [*Гранки хату любяць, абы сенцы раскрыу, так и летяць*] [6, с. 79], *каченя* – утенок [*Качаняты у ваду, а курица крыльямі хлопаць, квоччць*] [6, с. 146], *кочет* – петух [*Качата распелися сядьні*] [6, с. 173].

Брянщина богата своим лесным животным миром. "Толковый словарь живого великорусского языка" В. И. Даля дает довольно пестрый набор толкований того, кто такой *бирюк*, в зависимости от региона. Прежде всего, это волк, в переносном смысле – угрюмый человек. Данный диалект активно используется жителями окрестностей города Новозыбкова. Наравне с ним используется диалект *волчийный*

Номинация *ведмёдъ* старорусское и украинское название медведя. Буквально означает "ведающий мед", а в настоящее время медведь – "мед ведающий". В данном слове произошла метатеза, т. е. взаимная перестановка слогов или звуков на почве диссимиляции или ассимиляции [*Вядь-меди узимку у бярлоги сять, а улётку на лесу ходють*] [6, с. 44]

Домашние животные – это неотъемлемая часть жизни человека. Вовлеченность названий домашних животных в процессы диалектного словообразования позволяет понять, какие признаки этих животных оказываются наиболее существенными для диалектного языкового сознания, что позволяет лучше изучить мироощущение русского народа. *Козенёй* и *козленёй*

в Новозыбковском крае называют маленького козлёнка [*Казляня малая, ниразумная, лезить усюдах*] [6, с. 154]. Главным любимцем всех домочадцев является кошка. Её детёныша, котёнка, жители г. Жуковка называют *кошонок*. Также верным другом человека является собака. От существительного "щенок" в Брянских говорах образуются морфемные производные: названия незрелых существ – *щенёнок, щеня* [*У сабаки щанятки, у кошки - катятки*] [6, с. 377].

Диалекты также не обошли и животноводство. В данном случае новозыбчане используют диалект *крол*. Эта номинация происходит от польск. *królik* ("маленький король": *król*) – кролик. Лошадь в крестьянском хозяйстве играла важную роль, т. к. выполняла тяжелую трудную работу. Жеребёнка, детёныша лошади, в Брянской местности называют *лошонок*.

Наиболее распространенными насекомыми в данном регионе являются: *катерешка* – бабочка, чаще капустница, *кобылка* – кузнечик, *мурашка* – муравей, *циркун (циркун)* – сверчок.

Смена времен года, климатические и погодные явления влияют на жизнь людей и на их поведение, а потому занимают особое место в восприятии мира человеком. Для Брянской области характерны различные природные явления благодаря ее географическому положению. Это нашло свое отражение в брянских диалектах, где каждое состояние погоды имеет свои оттенки.

Жуковское население в пасмурную, сумрачную погоду употребляет лексему *суморочный* – пасмурный, сумрачный [*Сяди день якийсь сумарашный*] [6, с. 331], а в легкую морозную погоду – *свяжесвата* [*Сивоня на улице свяживата*]. Молодней в данной местности называют молнию [*Как блестять маладья, страина, первая маладня блестя рана*] [6, с. 208]. [*Улетку липа цвятеть, яе цвяты – харошая лякарства*] – так здесь говорят про летнее время [6, с. 52].

Слова *болочить* и *хмариться* являются синонимами и широко используются в речи людей Новозыбковского района. Эти глаголы применяют в том случае, когда небо заволакивают тучи [*З вутра балачить, хмарить – к даждю, видать*] [6, с. 30], соответственно номинация *хмара* – это темное облако, тучи [*Штось хмары ходють, видать, доц будя*] [6, с. 358].

Иными метеорологическими явлениями служат: *весняный* – весенний [*Весняный воздух такой чистый, так легка дышать!*] [6, с. 47], *ветрило* – сильный ветер [*Як задуить вятрила, холодна становицца*] [6, с. 47], *солнейко* – солнце [*Соннейка рана усходя*] [6, с. 320].

К календарным диалектам Новозыбковской местности можно отнести такие как: *недэля* – воскресенье [*Сын у няделю приедя*] [6, с. 230], *юнь* – июнь [*Летам аддыхали юнь, юль, август*] [6, с. 378].

Таким образом, лексика брянских говоров испытала влияние белорусского и украинского языков, прежде всего их пограничных говоров, в результате чего граница между тремя языками представляет собой переход-

ную зону, совмещающую в себе особенности всех взаимодействующих языков и определяющую специфику лексико-семантических групп, входящих в тематическую группу "Лексика, связанная с природой".

### Список использованных источников

1. **Белугина, О. В.** Специфика функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ольга Владимировна Белугина ; Смоленский государственный университет. – Смоленск, 2016. – 24 с. – Текст : непосредственный.

2. **Бусел, В. Т.** Великий тлуманчий словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / В. Т. Бусел; Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ ; Ізпіні: ВТФ "Перун", 2005. – 1728 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://bookree.org/reader?file=584353&pg=1> (Дата обращения: 26.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

3. **Добровольский, В. Н.** Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. – Смоленск : Типография П. А. Силина, 1914. – 1022 с. – Текст : непосредственный.

4. **Жеребило, Т. В.** Словарь лингвистических терминов / Жеребило Татьяна Васильевна. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2005. – 376 с. – Текст : непосредственный.

5. **Крысин, Л. П.** Академический толковый словарь русского языка : / авт.-сост. Л. П. Крысин, А. С. Кулева, И. В. Нечаева, Л. Л. Шестакова и др. – Москва : Языки славянской культуры (ЯСК), 2016. – Том 1. А – ВИЛЯТЬ. – 671 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=472921> (Дата обращения: 25.03.2021). – Текст : электронный.

6. **Курганская, Н. И.** Брянский областной словарь / Под ред. Н. И. Курганской. – Брянск, 2011. – 381 с. – Текст : непосредственный.

7. **Капылов, І. Л.** Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / уклад. : І. Л. Капылоў [і інш. ]; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2016. – 968 с. [Электронный ресурс]. – URL: [https://knihi.com/none/Tlumacalny\\_slounik\\_bielaruskaj\\_litaraturnaj\\_movy.html#1](https://knihi.com/none/Tlumacalny_slounik_bielaruskaj_litaraturnaj_movy.html#1) (Дата обращения: 26.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

*Полуян Елена Николаевна*

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"  
e-mail: alena.paluian@mail.ru*

УДК 811. 161. 3'27

## **БЕЛОРУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ**

*Elena N. Poluyan*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### **BELARUSIAN MENTALITY: PERCEPTION OF SPACE AND TIME**

*В статье на примере пословиц и поговорок белорусского и русского языков рассматриваются представления белорусов о пространстве и времени, влиянии природно-географического и климатического факторов на формирование этих представлений. Анализируется природно-календарная направленность мышления белорусов, взаимосвязь времени и работы.*

*The article uses the example of proverbs sayings of the Belarusian and Russian language to consider the ideas of Belarusian about space and time, the influence of natural-geographical and climatic factors on the formation of the said ideas. The article analyzes the natural calendar orientation of the Belarusians' thinking, the relations between time and work.*

*Ключевые слова: ментальность, пространство, время, белорусы, пословица, поговорка, календарный модус мышления*

*Keywords: mentality, space, time, Belarusians, proverb, saying, calendar mode of thinking*

Представления как белорусского, так и русского народа о пространстве и времени формировались на протяжении столетий под влиянием разных факторов, в том числе и природно-географического. Нашим предкам были свойственны локализация места проживания, сильная привязанность к родной земле и одновременно определенная отчужденность по отношению к другим местам. Понятие Родины у белорусов реализовывалось в таких архетипах, как родной край, куток, хатка, а для обозначения пространственных понятий чаще употребляются слова с центробежным, периферическим значением – край, сторона. В качестве примера можно привести множества пословиц и поговорок: Дзе хвоя ні стаіць, а ўсё свайму бору шуміць. У сваім гародзе роўны ваяводзе. На сваім падворку і сабака адважнейшы / і певень смялейшы. І верабей на сваім падворку спраўны. У сваёй хаце і вуглы памагаюць. У сваёй хаце і качарга помач. У сваёй хаце і дзіркі грэюць. У роднай старонцы самі мелюць жаронцы. Ідзі ў родны край, там і пад елкаю рай [1].

Аналогичные представления можно встретить и в пословицах и поговорках русского народа: Всякая сосна своему бору шумит. Всякий кулик свое болото хвалит. Где кто родится, там и пригодится. Дома и стены помогают. Родной край – сердцу рай. У нас на Рязани и свинья в сарафане [1].

В то же время в других краях следует соблюдать принятые там нормы и правила поведения: З сваёю цаною на кірмаш не едуць. У чужую парафію са сваім звычайем не прыходзь. У чужой бажніцы свечкі не папраўляй. Кожнае сяльцо мае сваё нараўцо (белор.). В чужой монастырь со своим уставом не ходят. В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив. Что двор, то говор. Что город, то нор, что деревня, то обычай (русск.) [1].

В белорусском менталитете, в отличие от русского, нет предрасположенности к бескрайним просторам, безграничному раздолью (Простору на все четыре стороны много), а, наоборот, больше распространены такие архетипы местной природы, как лес, болото и поле: Балота не будзе без чорта. Лес чуе, а поле бачыць. Слухай, дуброва, што лес гаворыць. Жыве кулік, дзе прывык, і кожны роднае балота хваліць [1].

В русских песнях мы чаще встречаемся с образами широкой долины, бескрайней степи: Вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью; Степь да степь кругом / Путь далек лежит; Ах ты, степь широкая / Степь раздольная [2].

Представления белорусов о времени существуют в тесной связи с пространственными ориентациями: Не за нас свет пачаўся і не за нас скончыцца. Есть много высказываний, отражающих изменчивость, необратимость течения времени, его важность для жизнедеятельности человека: Усё свой час мае. Час не чакае (белор.). Время за нами, время перед нами, а при нас нет. Всякое время переходчиво. Времени не поворотишь. День да ночь, сутки прочь. Время, что вода, течет не замечаешь. Потерянного времени не догонишь. Вчерашнего дня не воротишь (русск.) [1].

Во многих высказываниях как в русском, так и белорусском языках употребляется не абстрактное понятие "время", а конкретный временной промежуток: На год сем прыгод, а на вяку – без ліку. Што гадзіна, то навіна. Што ні гадзінка, то новая прычынка. У адзін дзень сем перамен. Учарашняга дня не дагоніш (белор.) Век долог – всем полон. Что ни день (час), то новость. Где день, где ночь, тут и сутки прочь. Упустишь минуту - потеряешь час (русск.) [1].

Так как жизнь наших предков сильно зависела от природно-сезонных циклов, то сформировался "календарный модус" мышления. Ярким подтверждением тому служит народный календарь – закрепленный по дням годовой круг событий, обычаев, обрядов, явлений природы, суеверий, примет.

Отражением природно-календарной направленности ментальности белорусов можно считать и то, что название каждого месяца отражает особенности природных или климатических явлений: студзень, люты, сакавік, красавік, май, чэрвень, ліпень, жнівень, верасень, кастрычнік, лістапад, снежань. В современном русском языке названия месяцев имеют латинскую основу. Но есть и народные названия, мотивированные, как и у белорусов, природно-климатическими особенностями: январь – просинец (наступает прояснение – синеют небеса); сечень (сечет зиму пополам), перезимье; февраль -- свадебник для пернатых и четвероногих; март – зимобор, протальник, весновой, капелюжник, грачевник, березень; апрель - первоцвет, цветень, снегогон, ручейник, березень, березозол, лукавец, капризник, парилец; май - травник, росеник (из-за обильной росы); июнь – хлеборост, скопидом (копит урожай хлеба на весь год), разноцвет, светлояр, румянец года; июль – сенозарник, макушка лета; страдник (время тяжелой работы в поле), липень, липец, грозник (от многочисленных гроз); август – жнивень, серпень, хлебосол, капустник, разносол, межняк (как межа между летом и осенью), зарев, зорничник; сентябрь – хмурень, ревун, заревник; октябрь – грязник, листовой, желтень, капустник, хлебник, древопилец, свадебник ; ноябрь – полузимник, листовогой, листопад, грудень, мочарец (обильные дожди), снеговой и полузимник (от первого снежка в начале месяц переходит к настоящим сугробам и морозам), бездорожник, запевка зимы, канун зимы, ворота зимы, сумерки года (рано темнеет), солнцеворот (быстро уменьшается день); декабрь – ветрозим, студень, лютовой (время холодов) [3].

Но кроме привычных нам названий месяцев существовала традиция называть месяц по главному календарному празднику: "... Коляды (студзень), Стрэчаньне (люты), Вялікі Пост, альбомарац (сакавік), сьв. Юр'я (красавік), май (май), Пятроўка (чэрвень), сьв. Ілья (ліпень), Спасаўка (жнівень), Другая Прачыстая, альбоверасень (верасень), Пакрова (кастрычнік), Піліпаўка (лістапад і снежань, да Раждства Хрыстова)" [4, с. 280]. То же мы видим и в русском языке: январь – васильев месяц, май – ярец (в честь бога Ярилы) [5]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что названия месяцев связаны также и народными праздниками, ритуалами, традициями.

В прошлом существовало деление дней недели на благоприятные и неблагоприятные, тяжелые для работы, постные и скоромные, счастливые и несчастливые, женские (среда, пятница, суббота и воскресенье) и мужские (понедельник, вторник и четверг), будние и праздничные. Например, благоприятными, счастливыми днями считались вторник и четверг, а тяжелыми, неблагоприятными – понедельник и пятница: У панядзелак работы не пачынай і ў дарогу не выязджай (белор.)В дорогу отъезжай во вторник либо в субботу. Не давайте в понедельник деньги в долг – это к убыткам. Вторник – благоприятный день для всех начинаний. В субботу

хорошо переезжать в новый дом, отправляются в путешествие (русск.). "Панядзелак лічыцца нешчаслівым, нехарошым днём. Хто родзіцца ў гэты дзень, то будзе гультаяваты, хоць і скупы, але бедны, будзе задзірака, ні з кім у ладу не пражыве" [6, с. 93]. "Працавітыя і ўдачлівыя людзі нараджаюцца ў аўторак". "Чацвер – добры дзень. Хто ў гэты дзень родзіцца, той будзе белацелы, з рэдкімі зубамі. Пражыве ён вельмі доўга" [6, с. 92]. "Пятніца – нехарошы дзень. Хто ў гэты дзень родзіцца, то будзе п'яніца, гультай ці злодзей, але не будзе багаты" [7, с. 147]. "Усе горкія п'яніцы, вечныя лайдакі-"варугі" і наогул гультаі нараджаюцца ў пятніцу-куратніцу" [6, с. 92]. "У "скрысенне" нараджаюцца ўсе тыя, хто сваімі дастаткамі выклікае зайздрасць не толькі старонніх, але нават і сямейнікаў" [6, с. 92]. В словаре В. Даля приведено несколько развёрнутых пословиц, в которых через одно главное событие промаркирована сущность каждого дня недели: "Воскресенье – свято, понедельник – черный, вторник – повторник, среда – постница, четверток – перечит, пятница – корячится, суббота – делу почин.

В понедельник – на могильник, во вторник – на кокорник, в среду – на переды, в четверг – на коты, в пятницу – на мельницу, в субботу – на работу, в воскресенье – на веселье.

В понедельник я банюшку топила. Во вторник в баньку ходила, в среду в угаре пролежала, в четверг буйну голову чесала, в пятницу добры люди не прями, в субботу родителей поминали, в воскресенье на веселье погуляла" [8].

Также в ментальности белорусов прослеживается тесная связь между временем и работой. В повседневной жизни важно помнить о важности работы и своевременном её выполнении: Работа і корміць, і поіць. Кожная работа сваю пару знае. Што сёння зробіш, то заўтра як знойдзеш. Сей у пару – збярэш хлеба гару. Перш папрацуй, а тады й патанцуў. Была нядзеля – і мы дудзелі, цяпер серад – працуй грамада. Калі на лянок, а калі – у танок. Гульня, ды не штодня. Годзе цалавацца, пара і на хлеб старацца. Лепей цяпер, чым у чацвер. Сон на заўтра адкладзі, а справу сёння зрабі. Яду (абед) на вечар адкладзі, а сёння бульбу пасадзі. Сёння зробіш – заўтра як знойдзеш (белор.). Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Одно нынче лучше двух завтра. Лето работает на зиму, а зима на лето (русск.) [1].

Круглы год наши предки много работали: Прыйшла вясна – ужо часу няма, прыйшло лета – бярыся то за тое, то за гэта; надышла восень – яшчэ работ восем. Но при этом работать надо было старательно и не спешить: Не глядзі, каб сора, а глядзі, каб добра. Завіхайся, але не спяшайся. Не за дзень Вільня станавілася. За адным цягам дрэва не сячэш. Будзе час – будзе й квас, не ўсё за зараз. Вялікае дрэва паволі расце. З малога дойдзе да вялікага (белор.)Делай дело не спеша, была бы слава хороша. Москва не сразу строилась (русск.) [1].

Жизненный опыт подсказывал обратить внимание на начало любой работы, от чего зависело ее успешное завершение: Добры запеў – усяму пачатак. Які пачатак, такі й канчатак. Як ля парога, такая й дарога. Цяжка пачаць, ды лёгка канчаць. Як ёсць пачатак, то будзе й канчатак. Без зачатку і канца б не было. Без падпалу і дровы не гараць (белор.). Хорошее начало – половина дела. Лиха беда начало (русск.) [1].

Таким образом, на формирование представлений о пространстве и времени большое влияние оказали природно-географический фактор, климатические особенности места проживания, отличительные черты народной культуры, языка, обычаев, обрядов, традиций. Для белорусов характерна предрасположенность к локализации места проживания, привязанность к родной земле. Та же черта характерна и для русских. Но им еще свойственно ощущение широты и безграничности окружающего пространства. Для менталитета обоих народов характерен "календарный модус мышления", восприятие течения времени как необратимого и неторопливого процесса. Кроме того, белорусская ментальность характеризуется определенной ориентацией на прошлое, на древние обычаи, акцентированием внимания на начало и завершение действий и явлений.

#### Список использованных источников

1. **Санько, З.** Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 218 с. – Тэкст : непасрэдны.
2. URL: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** (дата обращения: 02.04.2021). – Режим доступа: свободный. Текст : электронный.
3. <https://gamesaved.ru/slavyanskie-nazvaniya-mesyacev-mudrost-kalendaryu-predkov-proishozhdenie/> (дата обращения: 02.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
4. Рэчыцкае палессе / часлаў пятковіч; уклад., прадм. У. Васілевіча; пер. с пол. Л. Салавей і У. Васілевіча. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2004. – 672 с. – Тэкст : непасрэдны.
5. URL: <https://antimiles.ru/vine-diseases/russkii-narodnyi-kalendar-drevnie-nazvaniya-dnei-nedeli-i-mesyacev-u.html> (дата обращения: 02.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
6. Жыцця адвечны лад : беларускія народныя прыкметы і павер'і / уклад., прадм. і пер. У. Васілевіча. Кн. 2. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 670 с. – Тэкст : непасрэдны.
7. **Сержпутоўскі, А. К.** Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 301 с. – Тэкст : непасрэдны.
8. URL: [https://dslov.ru/txt/81/t81\\_34.htm](https://dslov.ru/txt/81/t81_34.htm) (дата обращения: 02.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

*Пронченко Сергей Михайлович*

ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
*e-mail: s.m.pronchenko@yandex.ru*

УДК 82'396, 81'42

## САКРАЛЬНОСТЬ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА В ОБРЯДОВОМ ДИСКУРСЕ ЮГО-ЗАПАДА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

*Sergey M. Pronchenko*

*Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky*

## SACRALITY OF DIALECT WORD IN THE RITE DISCOURSE OF THE SOUTH-WEST OF THE BRYANSK REGION

*В данной публикации проанализирован сакральный (божественный, религиозный, мистический) смысл некоторых диалектных слов, употребляющихся в обрядовом дискурсе юго-запада Брянской области, с опорой на областные словари и энциклопедические издания по славянской мифологии.*

*This publication analyzes the sacred (divine, religious, mystical) meaning of some dialect words used in the ritual discourse of the south-west of the Bryansk region, based on regional dictionaries and encyclopedic publications on Slavic mythology.*

*Ключевые слова: диалектное слово, сакральность, обрядовый дискурс, брянско-гомельское приграничье*

*Keywords: dialect word, sacrality, ritual discourse, Bryansk-Gomel border*

У лексемы *КУТ* в областных словарях фиксируется, с одной стороны, значение 'парадный угол в комнате, в избе' [8, с. 163; 4, с. 145], а с другой стороны – значение сакральное – 'правый угол комнаты, где находятся иконы' [8, с. 164; 2, с. 178]. Ср. :

– А иконы должны стоять в углу?

– Да, *імянна в уулу*. Ну вот у мяне іко́на там, у том ууле. <...> *На ууал на́да іко́ну стана́віць*.

– В любой угол?

– Ну вот, *напрыме́р, у мене́ у Дубраўке стаяла... стая́л дом сюда́, так, тудá хот был. На э́там ууле́, на пра́ваю ру́ку. Стая́ли іко́ны, и усё э́та бы́ла. <... > На куте́, на куте́* (Записано от Р. Ф. Булановой 1938 г. р., г. Новозыбков; переселенка из деревни Дубровки Новозыбковского городского округа Брянской области).

В сакральном значении лексема *кут* ('угол, где находятся иконы, почётное место') функционирует в рассказах жителей юго-запада Брянской области о таинстве крещения:

*Дятéй жэ мы хрысті́ли. Пахры́стиш, а тады́ сабира́иш ужо́ усі́х роді́чэй. Сабира́ісся, уа́товіш абéт, усё и называ́иш на хрэ́збыны. Фси*

*прыходзяць. Там варылі кашу... в гаршкú. Ну так я б варыла. Мать варя кашу у гаршкú. И кашу эту тады кумавья ётые сядяца на кутé. Ну и разбивають* (Записано от Е. М. Злобовой 1941 г. р., с. Каташин Новозыбковского городского округа Брянской области);

*А баба [повитуха]... еé [на крестинах] сёдыть на кут. Во. Баба сядить на кутé, кумавья сядят на кутé, адны, друуие там, напрымёр. Ёсли анí жанатые* (Записано от Н. И. Пастушенко 1939 г. р., с. Вихолка Новозыбковского городского округа Брянской области).

В рассказах о праздновании крестин сакральное значение получает диалектное слово *МАХОТКА*. Приведём примеры.

**Р. Ф. :** ... *варыли кашу абизатыльна на крстыны. <...> Дóма варыли кашу. Я, напрымёр... Чий дитёнак – дак варять. <...> Варыли кашу, дéлали застóлье.*

**А. Г. :** *А патóm кум ужó яé бье. Станóвять еé на стол ужó, пóсли, як ужó абéдаять, станóвять ужó на стол тую кашу. И тады ужó, ёсли ты хрыстыú, ты хрёсный, ты ужó далжон яé разбítь. <...> Патóm ужó лóуди, ужó вси тамака ууляки, хто скóльки ужó на кашу лóжат туды ужó на стол дёнуу. Не, пóсли [того, как разобьёшь кашу], да, пóсли. Як ужó кум разабьёт кашу. <...>*

**Р. Ф. :** *Ну усяудá кашу варыли у чэрапняной махóтке, штоп яна разби-ва́лася* (Записано от Р. Ф. Булановой 1938 г. р. и А. Г. Мужчиной 1922 г. р., г. Новозыбков; переселенки из деревни Дубровка и селá Верещаки Новозыбковского городского округа Брянской области).

Из данных фрагментов видно, что лексема *каша* ≈ лексеме *махотка*. В брянских говорах *махотка* – ‘небольшой глиняный горшок для приготовления пищи’ [11, с. 52; 4, с. 159; 2, с. 196]. В "Краткой энциклопедии славянской мифологии" отмечается, что наряду с кувшином *горшок* – это "наиболее ритуализированный предмет домашней утвари" [12, с. 214]. В рассказе об особенностях родильно-крестильного обряда это диалектное слово наполняется новым значением, идущим от лексемы *каша* (каша – символ благополучия, здоровья, достатка): "каша и хлеб испокон века считались ритуальной пищей и обязательной частью жертвоприношений различным божествам плодородия..." [12, с. 214]. Характерно, что Н. И. Пастушенко, одна из старейших носительниц традиционной культуры юго-запада Брянщины, рассказывая об особенностях проведения родильно-крестильного обряда, отмечает:

*Кашу патóm раздел... раздаёт, штоп камары не кусáли. Фсех. Фсем раздаёт кашу на сталé и с аскóлка с тэя гаршкá наливáють вóтку. Вытítь, штоп зубы ня балéли. С аскóлачка гаршкá. Штоп ни у ко́уа зубы не балéли: ни у малышзй, ни у рóжыницау. Ну ни у кауó. Штобы ва усём, хто здесь ууляя, и у гастéй... А черяпóчки ётые, навёрна, складáют жэ у... забирáють – и у кладóуку* (Записано от Н. И. Пастушенко 1939 г. р., с. Вихолка Новозыбковского городского округа Брянской области).

Рождественская каша – *КУТЬЯ* – также обладает сакральным значением: кутья – каша из пшеничной или ячменной крупы, которую едят с мёдом, разведённым водой. П. А. Расторгуев отмечает, что ели её "только два раза в год – в канун христианских праздников Рождества и Крещения. Канун Нового года назывался богатой кутьёй" [4, с. 146]. Приведём примеры.

*Я вот жыла в Адэси. Там абязательна на Раждяство вярять куттё. Варыли и у нас [в Дубровке]. Но там как-то па-инбму. Там, ув Адэси, пшаницу талкли, мак, арэхи эти, мёд, а хоть эта сахар. Эта была такая куттё развёдена. А вот. И пякли пирату. И вот каждая крёсная абизательна атнясе, далжна атнясти куттё эту (у платочык завязать пирох и куттё) и уацяять крёсника. Ну а в Дубраўки так не дэлали. Вот када вёдиши вёчарам над Раждяство, дак усё идуць на ўлицэ с узялкамы. Абизательна у бэльй платочык нада эта усё увязать и итти (Записано от Р. Ф. Булановой 1938 г. р., г. Новозыбков; переселенка из деревни Дубровки Новозыбковского городского округа Брянской области);*

*На Раждяство – адна, на Хряцёнке – друга и на Василя – трэття. Да, тры куттё. <...> На Раждяство вярять пшённаю, маслам мазали. На Хряцёнке варыли дубоўку, яшную кашу (ну ячмень). Тую ужэ алеем (ну патсолничным маслам) мазали. На Василя – эта ужэ баўтая куттё. Как хочеш: хочеш з изюмам, хочеш з маслам. Варыш любую кашу, тольки ня ячённаю. Када были каровы, то лажыли сёна на кут нямношка. Ставили куттё эту. Патом зверьху збирали куттё и сёна эта давали скату: карове, свинням там. Я ня знаю зачём. Так дэлали, и мы так научилися (Записано от Р. В. Антроповой 1933 г. р., с. Старый Вышков Новозыбковского городского округа Брянской области).*

Сакральные значения обнаруживаются у диалектизмов *БАБА*, *БАБКА*, *БАБУШКА*, *ВОЛХВИТКА*. Анализ значений данных лексем показывает, что слова *баба*, *бабка*, *бабушка* многозначны.

*Баба* (*бабка*, *бабушка*) – 1. Повитуха, акушерка. 2. Знахарка [10, с. 14, 20–21; 4, с. 46; 7, с. 23; 2, с. 16–17]. "Краткая энциклопедия славянской мифологии" отмечает, что *баба* – это "распространённое у всех славян слово, обозначающее женщину, старшую в роде, семье, нередко – вообще замужнюю женщину, а иногда также лекарку, знахарку, повитуху и т. п. (ср. русское "бабничать", "бабить" – "принимать роды", "лечить, заниматься знахарством, ворожить")" [12, с. 43]. Ср. также: *баба* – покровительница детей [3, с. 28].

Приведём в качестве примера следующие фрагменты.

– Когда приглашают на родины?

– *Как рибёнак вот раждяица. Бабушка хаділа первая. Прынясуць ей хлеп. Нясуць хлеп. Хлеп. уольй [один] хлеп ня носять. Йменна там палатёнчика якоя. Заматала, прынясла. Хлеп-соль прынясла. Што ты будиши бабушкай у миня. Фсавитухай. Во. Павитухай. Эта ужэ када раділа. Ну*

твая ма́ма панясе́т како́й-то жэ́нщины, тако́й, как я, ста́ршай ужэ́, што́п **ба́бай** я бы́ла. Ку́мавя́м хлeп жэ́ но́сиш. Ку́ма́м жэ́ хлeп жэ́ но́сиш.

– А что баба делает на крестинах? Зачем она нужна?

– <... > **А ба́бушка**, як пэ́рвая прыхо́дя на ради́ны... Мне... ка мне прыхади́ла **ба́бушка**, прына́сила титра́ть и каранда́ш. у́стни́ца са́мо сабо́й па́лэжыт вон там на пэ́чку. Во. Свякро́ви маё́й адде́льна дава́ла у́стни́цу. Там или па́чку пячэ́ння, или там канхвэ́т па́чячку. Во. Адде́льна. Фэ́ адде́льна свя... Мне адде́льна тош дава́ла у́стни́цаў. Во. А са́ма па́том титра́дачку у малы́ш забира́ет, прыно́сит пилэ́начку. Ло́жыт яўо́ на пелэ́начку. Во. В ру́чку дае́т каранда́шык и титра́тку. Младэ́нцу. "Што́п бы́ў, – у́аваря́, – у́мниньким". Во. "Што́п ве́ликим чилавэ́кам бы́ў". Во э́та так мне ма́я **ба́бушка**, што́ миня́ ба́била. Вот. Э́та так а́на мне ма́йм дэ́ткам у́авары́ла. И, пра́ўда, маё́ хлэ́пцы, вот сы́ны маё́, а́ни у́чи́лись на "чяты́ры" и "пя́ть". Вот. Ха́рашо́ у́чи́лся. Дэ́тки ха́рашо́. Абы́чяй на́да зна́ть (Записано от Н. И. Пастушенко 1939 г. р., с. Вихолка Новозыбковского городского округа Брянской области).

Лексемы *баба*, *бабка* в значении 'знахарка, ворожея' оказываются синонимичными словам *волхвитака*, *волховка* [9, с. 76–77; 6, с. 46; 2, с. 55]:

Ну вот так вот бы́ли и **валхвита́ки**, ка́торые валхви́ли ха́рашо́. Ну шапта́ли. По́льзу лю́дям дава́ли.

Ну я стаю́, а боль у руке́. Стаю́ пла́чу. Ну а и́че люде́й ма́ла так зна́ла у Ду́браўке. А́дна ста́ру́ха и у́аво́ре: "Малади́чка, чя́ў ты пла́чэши?". Я у́аварю́: "Ой, у мене́ стра́шна ба́ли́ть рука́" – "А што́ у тибя́ на руке́?" – "Да, – кажу́, – нары́ў". Я́на и у́аво́ре: "Зна́иши што́? Иди́-ка ты́ ик Ку́ли́нки". А я у́аварю́: "А у́де та́я Ку́ли́нка?" – "**Ба́ба** Ку́ли́нка. Иди́, – кажу́, – вон у тэ́й дво́р". Ну я прышла́. Вот. А ба́ба та́я сляпа́я, ня ви́дела ужэ́ ничо́ўа. "Хто́ там прышо́ў?". А́на слы́шыт, што́ хто́-та прышо́ў. Я у́аварю́: "Бап, э́та я" – "Ну чя́ў ты, дэ́тачка, прышла́?" – "Ба́б, у мяне́ стра́шна ба́ли́ть рука́" – "Иде́ твая́ рука́? Дава́й сюды́, сади́сь, – ка́жа, – на у́рупку [В брянских говорах гру́ба, гру́бка – комнатная печь с лежанкой]. Я се́ла, а́на дава́й мне э́ту ру́ку па́рла́дила и па́чыта́ла ма́ли́твы. <...> Ну э́та **ба́бушка**, ка́ли мне па́чыта́ла ма́ли́твы (я, канэ́шина, я ни запо́мнила), дак... наўтра ма́я пра́рва́ла рука́. Наўтра. Да ве́чяра ищэ́ пабы́ла я́на, и наўтра пра́рва́ла рука́ (Записано от Р. Ф. Булановой 1938 г. р., г. Новозыбков; переселенка из деревни Ду́бровка Новозыбковского городского округа Брянской области).

Диалектное имя собственное также может выступать в сакральном значении. Так, на территории юго-запада Брянщины употребляется оним *Сороки* – 'день Сорока мучеников севастиийских (22 марта)'. Как отмечает П. А. Расторгуев, "в народном календаре этот день занимал особое место" [4, с. 247]. Было принято изготавливать из теста фигурки жаворонков, выпекать их и есть, а также размышлять о самопожертвовании, нетерпимости к предательству. "Жаворонков" оставляли на окнах, заборах, чтобы птица в

хозяйстве была здорова. Жаворонок – "одна из "чистых" птиц, сочетающая в своей символике небесное и хтоническое, божье и богоборческое начала; символ весны" [5, с. 157]. Согласно поверьям поляков, жаворонка – "божьей" птицу – "запрещалось употреблять в пищу, а убивать считалось грехом" [5, с. 157]. Приведём пример:

*Вот Сора́к бува́я два́ццать фтарбо́у ма́рта. <...> И пті́чак пяклі́. Ну вот ужэ́ жаваро́нак до́лжан прыляте́ть. Ляпи́ли ис те́ста, ё́ли. Ну мо́жна и ве́шать [птичек на забор]. Ну а бо́льшы вот пяклі́ из э́тага те́ста, ууаца́ли и са́мы ё́ли. Э́та на Со́раки. <...> Э́та Со́рак му́ченикаў. Вот. На э́тый пра́зник асо́ба не де́лали та́ких ууля́ний* (Записано от Р. Ф. Булановой 1938 г. р., г. Новозыбков; переселенка из деревни Дубровка Новозыбковского городского округа Брянской области).

Как видно, обрядовый дискурс юго-запада Брянской области насыщен диалектными словами с сакральным значением. Этот тип значения необходимо подробно изучать для формирования более полного представления об особенностях функционирования диалектных слов на территории юго-западных районов Брянской области.

#### **Список использованных источников**

1. Архив диктофонных аудиозаписей звучащей речи, сделанных С. М. Пронченко и М. А. Мухиной в 2010 г. в ходе полевых лингвокультурологических исследований Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области.

2. Брянский областной словарь / авторы-составители : Е. П. Гарбузова, Т. И. Клименко, М. Н. Кобытева, Н. И. Курганская, Л. Т. Лошманова ; отв. ред. Н. И. Курганская ; Министерство образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО "Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского". – Изд. второе, испр. и доп. – Брянск : [б. и. ], 2011. – 361 с. : 30 см. – 400 экз. – ISBN 978-5-904808-02-0. – Текст : непосредственный.

3. **Бычков, А. А.** Энциклопедия славянской мифологии / А. А. Бычков ; ред. О. Равданис. – Москва : АСТ, 2010. – 352 с. – ISBN 978-5-17-042979-0. – Текст : непосредственный.

4. **Расторгуев, П. А.** Словарь народных говоров Западной Брянщины : материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев ; ред. канд. филол. наук Е. М. Романович ; [авт. вступ. статьи Н. Д. Расторгуева и Е. М. Романович] ; Академия наук Белорусской ССР, Институт языкознания им. Якуба Коласа. – Минск : Наука и техника, 1973. – 295 с. : 20 см. – Библиогр. в подстроч. примеч. – 1400 экз. – Текст : непосредственный.

5. Славянская мифология : энциклопедический словарь : А – Я / Российская акад. наук, Ин-т славяноведения ; [редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) и др. ]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Международные отноше-

ния, 2002. – 512 с. : ил. ; 25 см. – 5000 экз. – ISBN 5-7133-1069-8. – Текст : непосредственный.

6. Словарь брянских говоров / составители : Е. В. Алексеева, Т. Г. Аркадьева, Л. А. Бальясникова и др. ; научные редакторы : В. А. Козырев, В. И. Чагишева ; Министерство просвещения РСФСР, Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени А. И. Герцена. – Вып. 3. *ВЗЛЕЗТЬ – ВЯНУТЬ*. – Ленинград : [б. и. ], 1983. – 92 с. – 1000 экз. – Текст : непосредственный.

7. Словарь брянских говоров / составители : Т. Г. Аркадьева, Т. А. Бабешкина, А. С. Герд и др. ; редактор : В. И. Чагишева ; Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени А. И. Герцена. – Вып. 1. *А – бояться*. – Ленинград : [б. и. ], 1975. – 76 с. – 1000 экз. – Текст : непосредственный.

8. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин ; Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – Вып. шестнадцатый. Куделя – Лесной. – Ленинград : Наука (Ленинградское отделение), 1980. – 376 с. – 6500 экз. – Текст : непосредственный.

9. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин ; Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – Вып. пятый. Военство – Выростковый. – Ленинград : Наука (Ленинградское отделение), 1970. – 344 с. – 4200 экз. – Текст : непосредственный.

10. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин ; Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – Вып. второй. Ба – Блазниться. – Москва – Ленинград : Наука, 1966. – 316 с. – 4500 экз. – Текст : непосредственный.

11. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин ; Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – Вып. восемнадцатый. Масленичек – Мутарсливый. – Ленинград : Наука (Ленинградское отделение), 1982. – 376 с. – 6600 экз. – Текст : непосредственный.

12. **Шапарова, Н. С.** Краткая энциклопедия славянской мифологии : около 1000 статей / Н. С. Шапарова. – Москва : ООО "Издательство АСТ": ООО "Издательство Астрель": ООО "Русские словари", 2001. – 624 с. : 27 см. – Предм.-имен. указ. : с. 551 – 557. – 6000 экз. – ISBN 5-17-009469-8. – Текст : непосредственный.

**Скачкова Валентина Александровна**

Гомельский филиал УО Федерации профсоюзов Беларуси

"Международный университет "МИТСО"

e-mail: vska8@tut.by

УДК811. 161. 3

**ЛЕКСИКА ГОВОРОВ ГОМЕЛЬЩИНЫ  
(НА ПРИМЕРЕ АГРОГОРОДКА ПОКОЛЮБИЧИ)**

**Valentina A. Skachkova**

*Gomel branch of the International University "MITSO"*

**VOCABULARY OF HOMEL DIALECTS  
(ON THE EXAMPLE OF THE AGRO-TOWN OF POKOLYUBICHI)**

*Целью статьи является исследование некоторых региональных языковых особенностей речи жителей Гомельщины (на примере агрогородка Поколюбичи – до 2007 года находился в статусе деревни). Научная новизна исследования заключается в представлении лексических единиц, ранее не фиксируемых составителями региональных диалектных словарей. Анализируется история происхождения этих слов.*

*Ключевые слова: среднебелорусские говоры, региональные языковые особенности, носителя диалекта, белорусско-российское пограничье, варианты лексики*

*The purpose of the article is to study some regional linguistic features of the speech of the residents of the Gomel region (on the example of the agrotown of Pokolyubichi – until 2007 it was in the status of a village). The scientific novelty of the research consists in the presentation of lexical units that were not previously recorded by the compilers of regional dialect dictionaries. The history of the origin of these words is analyzed.*

*Keywords: middle Belarusian dialects, regional language features, dialect speakers, Belarusian-Russian borderlands, lexeme variants*

Агрогородок Поколюбичи расположен северо-восточнее Гомеля. По письменным источникам это поселение известно с XVI века как деревня в Речицком повете Минского воеводства Великого княжества Литовского, на большаке Рогачёв – Гомель, во владении Чарторыйской [1]. В агрогородке в настоящее время проживает более трёх тысяч жителей. Коренное население – преимущественно белорусы. После печальных черныбыльских событий Поколюбичи приросли населением из деревень Ветковщины, выселенных по причине радиационного загрязнения. В Гомельский регион, в том числе в Поколюбичи, переселялись армяне, вынужденные уезжать из родных мест вследствие армяно-азербайджанского конфликта 1988 – 1994 годов.

Молодежь агрогородка Поколюбичи говорит на русском языке или на смеси русского и белорусского языков. Люди среднего и старшего возраста являются носителями местного говора, отличного от русского, но имеющего ярко выраженные фонетические и лексические особенности белорусского языка. В речи услышим твёрдые звуки [p], [ч], отчетливо проявляющееся сочетание [шч] (в русском языке мягкий согласный [щ]), звук [ў], сочетание [хв], [х] вместо [ф] [хвартух], [Хв'эдар], [хунт], [кохта], смягчение [з], [с] перед мягкими согласными [с'н'эдан'н'э], [з'в'эз'ц'і]. Нормативное для белорусского литературного языка яканье не всегда проявляется в первом предударном слоге. Например, наблюдаем проявление яканья в словах – *звяно, пясок, вянок, вясло, гняздо, мяжа*. Но встречаем так называемое жиздринское яканье (название по г. Жиздра Калужской обл.). При нем в соответствии с ударными [e], [o], [a] в первом предударном слоге произносят [i], если в ударном слоге находится гласный [a] : [з'імл'а], [с'істра], [в'існа], [м'іжа], местоимение – [іна] (нормативные белорусские варианты – [з'амля], [с'астра], [в'асна], [ў'ана]).

В речи местных жителей сохранились лексические единицы, наблюдаемые автором этих строк только на данной территории. Представляем некоторые из них.

*Прыбылка*. *Прыбылка* – это паводок, наводнение. До семидесятых годов двадцатого века каждую весну, после схода снега, жители Поколюбич наблюдали потрясающее зрелище – воды реки Сож буквально *прибывали*, приближались к деревне, заполняя собой все прилегающие окрестные луговые пространства, подходили к домам. В семидесятые годы на территории Гомельского района активно проводились мелиорационные работы, были прорыты каналы, возведены заградительные валы, и вода теперь не может подойти так близко к деревне. Но память о той *большой воде* сохраняется, слово *прыбылка* не забыто.

Единица образована суффиксальным способом (суф. -л-, -к-) от глагола *прыбываць*. Это достаточно продуктивный способ словообразования как в белорусском, так и в русском языках, сравним: в белорусском языке – *лічылка, сажалка, капалка*, в русском языке – *рыбалка, косилка, сушилка, носилки*. Схожий по способу образования грамматический вариант находим на Туровщине – *прібутка* ‘вада, якая прыбывае’ (*Прібуткаідзе*. Альшаны) [6]. На всей остальной территории Беларуси в говорах для обозначения понятия ‘разлив воды’ наблюдаем самые разнообразные варианты: *паводка, павадка, паводні, павадні, паводак, павадак, паводдзе, пवादзь, разводдзе, навадненне, разліў, разліва, заліў, залива, лея* [4]. В других славянских языках также не находим каких-либо фонетических, грамматических вариантов, хоть чем-то схожих, со словом *прыбылка*, сравним: укр. *повінь, затоплення, наводнення, повідь*; польск. *powódź*; словен. *poplava*; словац. *povodňových*; чеш. *povodeň*; хорв. *poplava*, болг. *наводнение*.

Сільнік. Строение, предназначенное для хозяйственных нужд, именуется в деревне Поколюбичи *saraj*. Чаще его строят параллельно дому. Таким образом образуется *dvor* – прилегающая к дому и сараю территория. *Saraj* раньше традиционно делили на две части – *xleu* для содержания животных (корова, поросята) и *padnavecy* или *silynik* (в речи жителей услышим два варианта) для хранения необходимых в хозяйстве инвентаря (лопаты, вилы, грабли), инструментов (топоры, молодки, гвозди и проч.), дров, торфа для отопления дома и прочих нужд. Здесь же могли хранить некоторые припасы еды, например, просоленное сало, яйца, корм для скота (комбикорм и проч.). Эта часть сарая не предполагает размещение, временное или постоянное, ночевку людей.

Слова *padnavecy* фиксируют нормативные словари белорусского языка, также эту часть строения или пристройку называют *пуня, saraj* [4], но вот *silynik* не находим ни в нормативных, ни в диалектных источниках.

Фонетические варианты *сёльник, сёльник* обнаруживаем в словаре В. И. Даля. Вариант *сёльник* Тверской губернии, вариант *сёльник* в Псковской и Ярославской губерниях – в значении ‘холодный чулан, кладовая, клеть под одну связь с избой, с ходом из сеней; под ним подклеть, или хлев’. В Московском регионе это также ‘брачное ложе молодых, в клетки, или где-либо отдельно’. Псковский вариант *сёльница* – это сеник, сеновал [3]. Можем предполагать, что *сёльник (silynik)* – вариант Поколюбич) восходит этимологически к глаголу *селить, заселять*. Псковским вариантом *сёльница* ‘сеник, сеновал’ подсказывает, что возможно в *сёльнике* было сено, и здесь в теплое время года, летом, в душное время, можно было ночевать.

Как слово *сёльник (silynik)* оказалось на территории Беларуси? Возможно, это следы миграционных процессов, переселение русских старообрядцев в XVII веке на территорию Гомельщины, первоначально в Ветку, а после расселение по близлежащим регионам. Вариант *silynik* (с ударением на втором слоге) – это наложение местных особенностей произношения на русский вариант.

Кітайкі. *Кітайкі* ‘обрезки, остатки тканей’, существительное, употребляемое только в форме множественного числа. Кітайка – первоначально, шёлковая, затем хлопчатобумажная лёгкая вещь, производившаяся в Китае, и массово ввозившаяся в Россию в XVIII – начале XIX века. В первой четверти XIX века импорт был полностью вытеснен российским производством [1]. В Поколюбичах *кітайкі* (используется только форма множественного числа) – это любые остатки тканей, необязательно шелковые и хлопчатобумажные, разнообразные по качеству и расцветке.

Если в семье кто-то, чаще женщина, занимался шитьём, в доме постепенно накапливались остатки, кусочки тканей. Бережливые хозяйки их не выбрасывали, использовали для разных нужд. В детстве автора этих строк из таких обрезков – *кітаяк* – девочки-подростки шили своим куклам наря-

ды. *Китайки* выпрашивали у мам и, заполучив наиболее яркие и привлекательные, хвастались потом перед подружками расцветками этих кусочков или уже сшитыми из них нарядами для своих кукол-любимец.

Каза. Основное значение этого слова *коза* (бел. *каза*) и в русском, и в белорусском языках всем известно – это домашнее парнокопытное животное. В говорах Беларуси *казой* называют еще ‘маленькія саначкі для перавозкі дроў’; ‘загон, які займае жывёла’; ‘прылада для асвятлення’; ‘памылка, якая дапушчана пры снаванні красён’ [5].

В Поколюбичах *казой* называли также приспособление, предназначенное для катания по снегу, из выгнутой особым образом железной трубы. Для устойчивости ногв нижней части этой трубы приваривали небольшие плоские кусочки металла, на них становились. Катались дети на такой конструкции по принципу самоката, одной ногой стоя на *казе* и отталкиваясь другой ногой, или же, встав двумя ногами, съезжали с горок. Владелец *казы* ловил завистливые взгляды детворы, потому что даже такую простую конструкцию не каждый имел возможность заполучить.

На российском сайте Большой вопрос. анонимный автор подробно описывает такое приспособление. Про название пишет следующее: "Однозначно ответить, как назывался данный ‘аппарат’, – сложно. Везде его именовали по разному. Во времена моего пионерского детства такие конструкции называли ‘скобой’, ‘скрепкой’, ‘трубчаткой’, ‘гнутыми санками’ и даже ‘вторчерметом'" [2]. В Поколюбичах название конструкции *каза* возникло из внешних ассоциаций формы и использования предмета.

Таким образом, исследование даже небольшой группы слов, подтверждает факт не только постоянного и надёжного белорусско-русского языкового контакта, но и итоги длительного исторического развития восточнославянских говоров на базе праславянской основы, общего предка для современных славянских говоров.

Социолингвистическая ситуация приграничных территорий представляет собой отличительный языковой феномен, требующий особенного исследовательского внимания [7].

Также важно, что в говорах Беларуси и поныне можем находить лексические единицы, не фиксируемые ранее нормативными источниками и собирателями диалектного материала.

Исследование даже небольшой группы единиц подтверждает очевидность наличия в говорах вариативности, в то же время как в нормативном языке эта вариативность не столь выразительна, утрачивается или акцентируется внимание на каком-то более приемлемом для большинства варианте.

### Список использованных источников

1. Academic. ru. – URL:<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1601018> (дата обращения 10.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
2. Большой вопрос. ru. – URL:<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2818712-что-это-за-необычное-приспособление-для-катанья-со-снежных-горок.html> (дата обращения 10.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
3. **Даль, В.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Том 4: Р – Я / В. И. Даль. – Москва : РИПОЛ классик, 2006. – 669 с. – Текст : непосредственный.
4. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: У 5 тамах. Том 2. Сельская гаспадарка. карта 75Мінск: Фонд фундаментальных даследаванняў Рэспублікі Беларусь, 1994. – 499 с. – Текст : непосредственный.
5. Слоўнік беларускіх гаворак паўднёва-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5-ці т. Том 2 / Уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч і інш. ; Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – С. 359. – Текст : непосредственный.
6. Тураўскі слоўнік: У 5-ці т. Том 4 / [Склад. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Текст : непосредственный.
7. **Хазанова, К. Л.** Славянскі сінкрэтызм у мове фальклору Гомельшчыны / К. Л. Хазанова. – Тэкст : непасрэдна // Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья : материалы международной научно-практической заочной конференции, Витебск, 2 февраля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол. : И. М. Прищепа [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 206 – 209. – Текст : непосредственный.

**Смирнова Светлана Анатольевна**

Северный (Арктический) федеральный университет

имени М. В. Ломоносова

e-mail: saa29@mail.ru

УДК 81. 161. 1'373

## **МИКРОСТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЯ СВЯТОЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

**Svetlana A. Smirnova**

*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov*

### **MICROSTRUCTURE OF THE NAME "SVIATOI" ("HOLY / SAINT") IN HISTORICAL DICTIONARIES OF RUSSIAN LANGUAGE**

*В статье приводятся результаты лексикографического анализа имени святой: характеризуются зоны словарной статьи, типы дефиниций, комментируются количественные и качественные изменения в семантической структуре единицы. В качестве источников исследования привлекаются толковые исторические словари.*

*The article presents the results of the lexicographic analysis of the name "sviatoi" ("holy / saint"): the zones of the dictionary entry, the types of definitions are characterized, the quantitative and qualitative changes in the semantic structure of the unit are commented. Explanatory historical dictionaries are used as a source.*

*Ключевые слова: наименование, святой, исторические словари, словарная статья, толкование, количественные и качественные изменения*

*Keywords: name, saint, historical explanatory dictionaries, vocabulary entry, dictionary entry, interpretation, quantitative and qualitative changes*

В современной русистике существенное внимание уделяется лексикографическому аспекту, в рамках которого изучаются языковые единицы с точки зрения их «представления» в произведениях словарного типа. В этом случае исследователи используют издания, где в лаконичной форме аккумулируются лингвистические сведения, в качестве источника материала научного изыскания. В предлагаемой статье рассматривается микроструктура имени *святой* на основе данных двух лексикографических трудов, где содержится информация исторического характера. Первый источник – «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского – представляет собой собрание лексического материала древнейших памятников русской книжности, что позволяет установить объем и содержание имени *святой* до XIV века включительно. Конкретизировать сведения первого источника, а также проследить судьбу анализируемой лексемы до XVIII века помогает «Словарь русского языка XI – XVII веков».

В работе И.И. Срезневского заголовочная зона включает форму местоименного прилагательного **СВАТЪИИ**, в графической структуре которого находит отражение письменный узус древнерусской (киевской) эпохи: наличие букв «юс малый», «еры» (редуцированный Ъ), конечного И, восходящего в древнему указательному местоимению единственного числа мужского рода. Автор квалифицирует имя как полисемичное, указывая у него 8 толкований. Далее приведем их, сохраняя основное графическое оформление (начертание букв «ять», «ер», «ерь», «и десятиричное», окончания -аго в форме родительного падежа полных прилагательных): 1) «Всесовершенный, исполненный святости (о Богѣ); 2) чистый, непорочный, праведный; 3) (в значении существительного) праведникъ, угодникъ Божій; 4) освященный; 5) относящийся к учению православной церкви; 6) ведущій к святости, освящающій; 7) священный (о церковных праздникахъ и предметахъ, относящихся к религии и богослужению); 8) святой, святѣйшій, какъ титулъ высшихъ чиновъ духовенства» [3, с. 307 – 310]. В словарной статье исконной частеречной характеристике лексемы *святой* соответствуют семь значений, и только одно (см. толкование 3) отражает явление субстантивации. Зона толкования представляет собой синонимическую (1, 2, 3, 4, 6, 7, 8) или описательную (5, 6) дефиницию.

И.И. Срезневский определяет основное значение слова *святой* как ‘Всесовершенный, исполненный святости (о Богѣ)’; в иллюстративной зоне приводит сочетания, где адъектив является компонентом нерасчлененного понятия, т.е. верифицирует воплощение божества в символических формах (термин В.В. Колесова) *Святой Дух, Святой Боже, Святая Троица*. Все лексико-семантические варианты (далее ЛСВ) имени *святой*, а также примеры устойчивых сочетаний, включенных в иллюстративную зону, соотносятся с двумя сферами: «Религия» – *Святая Троица, святые дары, Святая Богородица / святая дѣва, святые бесплотные силы, святые святители, святой отец* и под.; «Церковь» – *святой хлеб / потир, святая церковь, святое крещение, святые книги, святой владыко / митрополит* и пр.

В словаре иллюстративную зону представляют контексты из памятников книжности древнерусского периода: из Остромирова Евангелия, Повести временных лет, Поучения Владимира Мономаха, Изборника 1073 г., Сборника Святослава 1076 года, жалованных грамот, агиографических текстов (переводных и русских) и др. Контексты проявляют толкования, так как поясняют знания о святом, типичные для христианской религиозной картины мира. Поясим свою точку зрения.

В Четвероевангелии субстантив и адъектив *святой* встречается 43 раза, при этом Бог, ангелы, пророки, святые угодники, освященные и священные предметы выступают в качестве носителя сакрального признака. Так, например, в высказывании *Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя: посему и рождаемое*

*Святое наречется Сыном Божиим* [1, с. 1082] имя святой функционирует в составе символических форм *рождаемое Святое, Святой Дух, Святой Божий* и реализует смысл ‘Всесовершенный, Бог’. В предложении *гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли* [1, с. 1052] верифицируется смысл ‘уподобившиеся Богу’. В примерах *вышедши из гробов по воскресении Его, вошли во святой град* [1, с. 1052]; *когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте...* [1, с. 1044] и под. *святой*-прилагательное выражает смыслы ‘священный с Богом’ и ‘имеющий отношение к Богу’.

Каноническое представление о святом находит отражение в словарных дефинициях лексикографического труда И.И. Срезневского, где содержание толкования практически тождественно контекстуальному смыслу: 1) ‘Всесовершенный, Бог’; 2) ‘чистый, непорочный, праведный как Бог’; 3) ‘праведник, угодник Божий’; 4) ‘освященный, очищенный Богом от греховности’; 5) ‘относящийся к учению о Боге’; 6) ‘ведущий к Богу’; 7) ‘священный, предназначенный для богослужения’; 8) ‘посвященный Богу’.

В «Материалах...» И.И. Срезневского толкования лексемы *святой* обогащаются имплицитно: дополнительные семантические признаки извлекаются из иллюстративной зоны, куда включается комментарий нетолковательного характера. Например: «Сватыи Боже – начальные слова церковнаго ꙗ́сноꙗ́нїя (как названїе молитвы)»; «Сватыи дары, сватыя тайны – сватыя тайны Тѣла и Крови Иисуса Христа» [3, с. 307] и под. Подобные пояснения даются устойчивым формулам *Святая църкъвь, Сватыи съборъ, Сватыи отьци = сватии сватители, Сватоѳе правило, Святая къниги, Святая словеса, Святая мѣста, Святая гора, Святая сватыхъ = Сватоѳе сватыхъ, Сватыи днь, Святая недѣля, Святая пасха, Сватыи патокъ, Святая субота.*

Итак, в историческом издании И.И. Срезневского семантическая структура имени *святой* выглядит так: (1) единицы тематической группы (далее ТГ) «Всевышний» – источник святости; (2) лексемы ТГ «Богородица», «Чины бесплотных» – проводники святости; (3) наименования ТГ «Церковные сооружения», «Структурные подразделения церкви», «Православные праздники», «Богослужение» и пр. – воплощение святости; (4) ТГ «Церковные книги», «Церковное образование» и под. – свидетельства святости; (5) именованя ТГ «Святые Божии», «Духовенство, иноки», «Церковные обряды и таинства, ритуальные действия» – путь, ведущий к святости.

Во втором лексикографическом источнике заголовочная зона содержит семантические дублиеты **СВЯТОЙ (-ЫЙ)**, т.е. наблюдается изменение, касающееся правописания: в великорусский (московский) период фиксируется параллельное функционирование буквы «еры» и «о», литера «юс малый» заменяется буквой «я», указательное И – «и краткой». Авторами данная единица оценивается как полисемичная, однако отмечается моди-

фикация количества лексико-семантических вариантов в сторону их увеличения. Толкования выглядят так: 1) святой (как имманентный признак Бога, небесных сил); 2) обладающий святостью, чистый, непорочный, праведный; 3) *в знач. сущ. Святой, м. и Святая, ж.*; 4) посвященный в духовный сан или принявший монашество (о духовных особах, монахах); тж. при титуловании; 5) православный, крещеный; 6) священный (посвященный Богу и освященный – о святых: реликвиях, предметах, постройках, местах и т.п.); 7) основанный на правилах веры; обладающий священным авторитетом, освящающей силой (о христианских догматах, заповедях, о событиях религиозной истории и связанных с ними периодах, праздниках, обрядах, таинствах и т.п.); 8) связанный со святым, принадлежащий святому; святой; 9) связанный с Богом, божественный; 10) От чего-л. Чистый, свободный (от какого-л. порока) [2, с. 210 – 213]. В цитируемом материале зона толкования представляет собой синонимический (5), описательный (4, 7) или комбинированный (1, 2, 6, 8, 9, 10) тип дефиниции. Можно говорить об особой морфологической дефиниции у ЛСВ 3, где отсутствует значение слова, а указываются его грамматические признаки (часть речи – имя существительное, категория рода). Грамматическая зона является компонентом подзнания у ЛСВ 4: «*В знач. сущ. святой, м. Духовное лицо, монах*» [2, с. 211].

В «Материалах...» И.И. Срезневского ЛСВ 1 – 3 соотносятся со сферой «Религия», ЛСВ 4 – 8 – со сферой «Церковь»; во втором лексикографическом произведении наблюдается увеличение лексико-семантических вариантов, относящихся к церковной (ЛСВ 4 – 8, 10) и религиозной сферам (ЛСВ 8, 9).

В обоих трудах совпадает нумерация у ЛСВ 1 – 3, однако выделение других значений имеет ряд отличительных особенностей. Авторы словаря XI – XVII веков не включают значения, указанные И.И. Срезневским: ‘освященный’; ‘относящийся к учению православной церкви’; ‘ведущий к святости, освящающий’. Меняется также нумерация некоторых ЛСВ: ‘священный’ (в первом источнике ЛСВ 7, во втором – 6); ‘святой как титул высших чинов духовенства’ (в первом источнике ЛСВ 8, во втором – 4). Кроме того, приводятся новые толкования, касающиеся именованний ТГ «Паства» (ЛСВ 5 – ‘православный, крещеный’), лексем ТГ «Церковные сооружения», «Структурные подразделения церкви» и под. (ЛСВ 7 – ‘основанный на правилах веры’), наименований ТГ «Святые Божии» (ЛСВ 8 – ‘связанный со святым, принадлежащий святому, святой’ и ЛСВ 10 – ‘чистый, свободный (от какого-л. порока)’); слов ТГ «Всевышний, Бог» (ЛСВ 9 – ‘связанный с Богом, божественный’). В некоторые толкования вводятся дополнительные компоненты (ЛСВ 1 – ‘как имманентный признак Бога, небесных сил’, ЛСВ 4 – ‘о духовных особах, монахах’ и под.) или указываются подзнания (ЛСВ 2 – ‘в названиях церкви, монастырей, икон, праздников’, ЛСВ 3 – ‘об изображении святых’ и др.). Наличие почти в

каждом толковании подзначения, включение в дефиницию фрагментов, манифестирующих новые семантические признаки лексического значения, изменяет объем и содержание имени *святой*.

В иллюстративной зоне второго словаря цитируются фрагменты Остромирова Евангелия, Священного Писания, Поучения Владимира Мономаха, Сборника Святослава 1076 года, житий, сказаний, посланий, новгородской и московской летописи, а также сочинения Ивана Пересветова и др. В зоне приводятся устойчивые формулы, зафиксированные в издании И.И. Срезневского (*святой Дух / Боже, святая Троица; святая Богородица / дѣва; святая вода, святое мѣсто* и под.), и новые (*святой Спас / Отче / муж / мученик; святые инокини; святое людство; святое масло, неделя святого поста, святые мощи, святая милость* и пр.). Можно утверждать, что до XVIII века *святой*-прилагательное сочеталось с различными субстантивами-именованиями Всевышнего, Божьей Матери, с номинациями чинов «Небесной» и «Земной Церкви», с наименованиями церковной утвари и предметов поклонения и т.д. В этом случае лексема *святой* входила в состав нерасчлененного сакрального понятия.

Во втором источнике содержится значительная по объему зона идиоматики, обозначенная знаком ромба, например: «Святая гора – а) об Афоне; б) о горе Сион; тж. образно о церкви» или «Святая мѣра – о ветхозаветном священном сикле – храмовой мере веса и достоинства монет, была на 1/7 выше народной меры» [2, с. 213]. В ромбовой зоне комментируются такие устойчивые выражения, как Святая земля, Святая Русь, Святая святых = святая святых, Святое писание, Святой градъ, Святые ворота, Святые двери, Святые книги, Святые мѣста, Святые отцы.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ микроструктуры двух исторических словарей русского языка позволяет заключить следующее.

Лексико-семантические варианты имени *святой*, зафиксированные исследователями, до XVIII века соотносились со сферами «Религия» и «Церковь». Структуру данного слова можно представить в виде семантической системы, где выделяется источник святости (ядерный смысл 'Всевышний'), проводники святости, воплощения и свидетельства святости, путь, ведущий к святости.

Структурные модификации словарной статьи второго лексикографического источника находят отражение в изменении номера ЛСВ, увеличении числа ЛСВ сферы «Церковь». Количественные изменения имеют несколько направлений: включение в микроструктуру семантических дублетов лексемы *святой*, пополнение объема устойчивых сочетаний.

Семантические изменения прослеживаются в трансформации типологии дефиниций, в формулировании новых толкований и в обогащении денотативного содержания значения имени прилагательного *святой*. Последний процесс осуществляется эксплицитно за счет того, что в само тол-

кование вводятся новые семы или указываются подзначения, а также имплицитно – дополнительные семантические признаки фиксируются в иллюстративной и идиоматической зонах.

### Список использованных источников

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва, 1991. – С. 1011 – 1160. – Текст : непосредственный.
2. Словарь русского языка XI – XVII веков / под ред. Г. А. Борисовой. – Москва : Наука, 2002. – Вып. 23. – С. 210 – 213. – Текст : непосредственный.
3. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х т. / И. И. Срезневский. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 3. – С. 307 – 310. – Текст : непосредственный.

*Станкевич Александра Александровна*

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"  
e-mail: [astankevich@gsu.by](mailto:astankevich@gsu.by)*

*УДК 811'42: 398. 61 (=161. 1): 398. 61 (=161. 3): 502*

## РУССКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ О ПРИРОДЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

*Alexandra A. Stankevich*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### RUSSIAN AND BELARUSIAN FOLK RIDDLES ABOUT NATURE: STRUCTURAL AND SEMANTIC PARALLELS

*Статья посвящена сопоставительному анализу русских и белорусских народных загадок. Анализируется тематика, содержание и языковая форма выражения сопоставляемых загадок, отмечается сходство и отличие образов, создаваемых кодирующим загаданные объекты предметом, описываются структурно-семантические модели загадок-метафор и загадок-описаний.*

*Ключевые слова: загадки-метафоры, загадки-описания, метафорический эквивалент, кодирующие образы, зашифрованный предмет, структурно-семантическая модель*

*The article is devoted to the comparative analysis of Russian and Belarusian folk riddles. The article analyzes the subject matter, content, and linguistic form of expression of the compared riddles, notes the similarity and difference of the images created by the object encoding the riddled objects, and describes the structural and semantic models of riddles-metaphors and riddles-descriptions.*

*Keywords: riddles-metaphors, riddles-descriptions, metaphorical equivalent, encoding images, encrypted object, structural and semantic model*

В составе малых фольклорных жанров особое место занимают загадки, отличающиеся завуалированной формой изложения содержания, небольшим текстовым объёмом, лаконичностью и афористичностью выражения, стремлением к изобразительной выразительности и образности.

По предположению исследователей, загадки относятся к одному из самых древних фольклорных жанров. Они "возникли, когда человек полностью был еще во власти природной стихии < . . > и были результатом богатого жизненного опыта в обобщении явлений окружающей действительности" [1, с. 5, 9]. Прагматическая направленность дискурса загадок обусловила их когнитивную функцию – развитие познавательной деятельности человека, формирование навыков его мышления и поэтического взгляда на мир. "Загадывание и отгадывание загадок – это своеобразное поэтическое состязание, игра в метафорические образы, проверка человека на его способность мыслить поэтически" [2]. В загадках "нашли выражение творческая фантазия, сообразительность, остроумие народа, его поэтические способности" [1, с. 10].

Целью настоящей статьи является сопоставительный анализ русских и белорусских народных загадок, имеющих совпадающие образы и близкую семантику. Источником фактического материала явились сборники русских [3] и белорусских народных загадок [4].

Как отмечают исследователи, в основе загадки, как и любого художественного образа, лежит сопоставление различных реалий, предметов, явлений и действий на основе похожих, близких внешних или внутренних качеств и свойств. "Предмет загадывания, названный в отгадке, в самой загадке заменен другим предметом или явлением, которому приписаны свойства и качества предмета загадывания" [5, с. 107].

Сопоставляемые русские и белорусские народные загадки разнообразны по тематике, содержанию и форме. Тематика русских и белорусских народных загадок сконцентрирована вокруг повседневной жизни их создателей, она посвящена явлениям окружающей действительности, предметам труда, быта и характеристике человека. В центре ее загадки о природе – о небе и небесных светилах, природных явлениях, о земле и воде, реалиях животного и растительного мира.

Немногословный характер выражения закодированного содержания требовал от создателей загадок тщательного отбора языковых изобразительно-выразительных средств, которые бы не только создавали образность и выразительность дискурса загадки, но и способствовали расшифровке загаданного предмета. В связи с этим первостепенное место в системе словесно-образных средств народной загадки занимает иносказание, которое в семантическом плане выполняет роль образа, наводящего на разгадку задуманного предмета. Иносказательное описание зашифрованного предмета обусловило активное использование в загадках метафорических образов.

Метафорическое моделирование семантики народных загадок в русском и белорусском фольклоре основано на различных типах образно-переносного словоупотребления при описании предмета, замещающего загаданный денотат. Наиболее часто встречаются загадки-метафоры, в основе которых различные типы переносов – зооморфные: *"Сивые кабаны все поле облегли. Туман"* [3, № 203] – *"Два кабаны ўсё поле занялі. Туман"* [4, № 302]; орнитоморфные: *"Летит орлица по синему небу, крылья распластала, солнышко застлала. Туча"* [3, № 250] – *"Ляціць арліца па сіняму небу, крылы распластала, сонца застлала. Хмара"* [4, № 197]; фитоморфные: *"Вся дорожка осыпана горошком. Звёзды"* [3, № 24] – *"Уся дарожка ўсыпана гарошкам. Зоркі"* [4, № 83] и антропоморфные метафорические образы: *"Сестра к брату в гости идет, а он от сестры прячется. Солнце и месяц"* [3, № 133] – *"Сястра да брата ў госці ідзе, а брат ад яе хаваецца. Сонца і месяц"* [4, № 48].

Во многих русских и белорусских загадках образ, кодирующий загаданный предмет, основан на опредмечивании, когда зашифрованный в загадках объект уподобляется конкретному предмету, его семантическому эквиваленту. Метафорическими эквивалентами загаданных явлений могут быть различные виды изделий из ткани: *"Серое суконце лезет в оконце. Лучи солнца"* [3, 181] – *"Глянь праз акно, відаць сіняе палатно. Неба"* [4, № 3]; одежда: *"Синенька шубенка весь мир покрыла. Небо"* [3, № 8] – *"Семдзесят адзёжак, ды ўсе без засцёжак. Качан капуста"* [4, № 661]; головные уборы: *"Синяя шапка вся в заплатках. Звёзды на небе"* [3, № 11] – *"Стаіць палка, а на той палцы шапка. Грыб"* [4, № 509]; названия посуды: *"По синему небу тарелка плывет. Месяц"* [3, № 107] – *"У горадзе-гарадзе плыве талерачка на вадзе. Сонца"* [4, № 34]; кухонной утвари: *"Сито бито, золотом обито. Небо"* [3, № 9] – *"Вісіць сіта круглавіта, залатое, навітое. Сонца"* [4, № 11]; ёмкости: *"Золота кубышка на море не тонет и в огне не горит. Солнце"* [3, № 113] – *"За лясамі, за гарамі, за вялікімі марамі залатая дзяжа кісне. Сонца"* [4, № 36]; приспособления: *"Красное коромысло через реку повисло. Радуга"* [3, № 330] – *"Чырвоная карамысла праз рэчку павісла. Вясёлка"* [4, № 218]; орудия труда: *"Из окошка в окошко – золотно веретешко. Лучи солнца, свет"* [3, № 184] – *"З акна ў акно – залатое верацяно. Прамень сонца"* [4, № 46].

Продуктивными как в русском, так и белорусском фольклоре являются загадки - описания. В отличие от других типов загадок, в них не называется замещающий, или кодирующий, объект. Структурно-семантическая модель такой загадки включает указание на различные признаки, качества, действия и состояния загадываемого объекта. Такая модель подсказывает алгоритм отгадки. В качестве признаков зашифрованного предмета называются цвет, форма, объём, размер, расположение загадываемого предмета, особенности его действия: *"Круглолица, белолица во все зеркала глядится. Луна"* [3, № 96] – *"Кругленька, бяленька, усяму свету міленька. Сонца"* [4,

№ 5]; "Красная рубашка, белый тюлелей. Малина" [3, № 1850] – "Красная шапка, белая галоўка. Малина" [4, № 815]; "И тонок и долог, а сядет – в траве не видать. Дождь" [3, № 324] – "Высокі і тонкі, а з травы не відаць. Дождж" [4, № 206]; "Взглянешь – заплачешь, а краше его на свете нет. Солнце" [3, № 147] – "Глянеш – заплачаш, а ўсе яму рады. Сонца" [4, с. 24]; "Придет в дом – не выгонишь колом. Пора придет – сам уйдет. Свет" [3, № 178] – "Як зайдзе ў дом, не выганеш калом. А пара прыходзіць – ён і сам уходзіць. Прамень сонца" [4, № 45].

Во многих русских и белорусских загадках о природных явлениях полностью совпадают образы, создаваемые кодирующим загаданные объекты предметом: "Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогат. Небо, звёзды, месяц" [3, № 70] – "Поле не змерана, авечкі не лічаны, пастух рагаты. Неба, зоркі, месяц" [4, № 62]; "Катится катушка, ни зверь, ни птишка, ни камень и ни вода, не отгадаешь никогда. Небо и солнце" [3, № 141] – "Кацілася катушачка – ані звер, ні птушачка, ані камень, ні вада, не адгадаеш нікагда. Сонца" [4, № 23]; "Мету, мету – не вымету, несу, несу – не вынесу, пора придет – сама уйдет. Лучи солнца, свет" [3, № 177] – "Мяту, мяту – не вымету, нашу, нашу – не вынашу, як пара прыйдзе – само яно выйдзе. Праменні сонца" [4, № 37]; "На поляне синей пасется конь сивый. Месяц" [3, № 83] – "На паляне сіняй пасецца конь сівы. Месяц" [4, № 52]; "Без рук, без ног дверь отворяет. Ветер" [3, № 210] – "Без рук, без ног дзверы адчыняе. Вецер" [4, № 179]; "Летит – не птица, воет – а не зверь. Ветер" [3, № 237] – "Ляціць, а не птушка, вые, а не звярушка. Вецер" [4, № 194]; "Один льет, другой пьет, третий растет. Дождь, земля, трава" [3, № 306] – "Адзін лье, другі п'е, трэці зелянее ды расце. Дождж, зямля, трава" [4, № 213].

Совпадение образов в загадках русского и белорусского народов дает основание предположить, что такие загадки были созданы еще во время единства восточных славян.

В других случаях образы, совпадающие в русских и белорусских загадках о природе, имеют определенные отличия, касающиеся разных ассоциаций с семантическими эквивалентами загаданных предметов: "Синенька шубенка весь мир покрыла. Небо" [3, № 8] – "Сіняя дзяружка ўвесь свет пакрыла. Неба" [4, № 2]; "В синем мешочке белых пуговок полно. Звёзды на небе" [3, № 14] – "У сінім мяшочку шмат белых парасят. Неба і зоры" [4, № 59]; "На зарю зарянској катится шар вертлянский, никому его не обойти, не объехать. Небо и солнце" [3, № 140] – "Па гары гаранскај каціўся шар варханскі, ніхто яго не аб'едзе і не абыдзе. Сонца" [4, № 38]; "По синему морю белые гуси плывут. Туча" [3, № 253] – "Пушыстая вата плыве куда-та. Воблака" [4, № 202].

Встречается также в русско-белорусском сопоставительном материале значительное количество загадок, в которых одно и то же природное явление описывается через различные образы. Так, например,

метафорическими эквивалентами солнца в русских загадках могут быть *девушка*: "Красная девушка в окошко глядит" [3, № 154]; *животное*: "Белый бык в подворотню глядит" [3, № 156]; *фрукт*: "Золотое яблочко по серебряному блюдечку катается" [3, № 139]; *одежда*: "За лесом за густым висит платье золотое" [3, № 164]; *строение*: "Посередине моря стоит золотая камора" [3, № 165]; *ёмкость*: "Кринка масла в небе вязла" [3, № 167], а в белорусских загадках – *птица*: "Вышэй аблакоў чырвоная птушка лятае. Сонца" [4, № 8]; "Ходзіць курка-жаўтушка на сене і не шаптае. Сонца" [4, № 29]; *посуда*: "Вісіць сіта кругавіта, залатое, навітое. Сонца" [4, № 11]; "У новым гарадзе плыла міска на вадзе. Сонца" [4, № 34]; *животное*: "Бегала ліска каля лесу блізка: ні следу спазнаць, ні ліску дагнаць. Сонца" [4, № 14]; *съестные запасы*: "Сярод хаты (клеці) сала вісіць. Сонца" [4, № 49]. В основу образа, кодирующего загаданный денотат, положены признаки *блестящий, круглый, желтый, рыжий, белый*.

Месяц и в русских, и в белорусских загадках ассоциируется с различными животными – *быком, коровой, жеребцом, козлом*: "Белоголовая корова в подворотню смотрит" [3, № 77]; "Лысый бык под ворота глядит" [3, № 78]; "З высокай дарогі глядзіць бычок крутарогі" [4, № 53]; "Авец поўны хлявец, а казёл толькі адзін. Зоркі і месяц" [4, № 75]. Инвариантная сема в содержании этих образов – *остроконечный*.

В ряде русских и белорусских загадок месяц кодируется также названиями различных мучных изделий – *хлебом, ватрушкой, ковригой, лепешкой, блином*: "Как за нашим за двором висит ватрушка с творогом" [3, № 98]; "За дедушкиной клетушкой висит хлеба краюшка" [3, № 100]; "Над поповой клетью коврига висит" [3, № 101]; "Над домом у дорожки повисло пол-лепешки" [3, № 102]; "То блин, то полблина, то та, то эта сторона" [3, № 103]; "Разасланы кажух, рассеяны гарох і бохан хлеба ляжыць. Неба, зоркі, месяц" [4, № 71]. Образ хлеба является одним из самых распространенных в фольклоре славянских народов.

Метафорическим эквивалентом дневного света, лучей солнца в русских загадках являются образы *белой кошки, пресного молока, серого сукна*: "Белая кошка лезет в окошко" [3, № 182]; "Пресное молоко на пол льют, ни ножом, ни зубами соскоблить нельзя" [3, № 176]; "Серое суконце лезет в оконце" [3, № 181], в белорусских загадках – образы *белого быка, белой птицы, сивого коня*: "Белы бык у акно тык" [4, № 355]; "Белая птушка ўвесь свет абляцела" [4, № 353]; "Ні стуку, ні грукі, сівы конь на дварэ" [4, № 357]. Ключевым признаком в этих образах является понятие *белый, светлый*.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что во многих русских и белорусских загадках полностью совпадают или имеют незначительные отличия образы, создаваемые замещающим загаданные объекты предметом, что дает возможность предположить о

создании таких загадок еще во время единства восточных славян. Значительное количество русских и белорусских загадок, посвященных одним и тем же предметам, включает разные образы, кодирующие загаданный денотат, что свидетельствует о национально-культурной маркированности дискурса загадок, отражающих особенности народного восприятия окружающего мира.

#### Список использованных источников

1. Гурскі, А. І. Беларускія народныя загадкі / А. І. Гурскі. – Тэкст : непасрэдны // Загадкі / Рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – С. 5 – 20.
2. Лазутин, С. Г. Поэтика русского фольклора : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / С. Г. Лазутин. – Москва : Высш. школа, 1981. – 221 с. [Электронный ресурс]. – URL:[http://www.infoliolib.info/philol/lazutin/2\\_1.html](http://www.infoliolib.info/philol/lazutin/2_1.html). – Дата доступа: 03. 03. 2021. – Текст : электронный.
3. Загадки. Памятники русского фольклора / Издание подготовила В. В. Митрофанова. – Ленинград : Наука, 1968. – 255 с. – Текст : непосредственный.
4. Загадкі / Рэд. А. С. Фядосік ; АН БССР. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Беларус. нар. творчасць. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 448 с. – Тэкст : непасрэдны.
5. Митрофанова, В. В. Русские народные загадки / В. В. Митрофанова. – Ленинград : Наука, 1978. – 180 с. – Текст : непосредственный.

*Толочко Дмитрий Михайлович,  
Черенко Станислав Александрович*

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"  
[e-mail: czaropka@gmail.com](mailto:czaropka@gmail.com)*

УДК 271. 2 (476)-9-536. 42

## ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЕСТНОГО ЗНАМЕНИЯ НА РУСИ

*Dmitry Tolochko,  
Stanislau Czaropka  
Francisk Skorina Gomel State University*

## TRANSFORMATION OF THE SIGN OF THE CROSS IN THE RUS'

*В представленной статье изучается вопрос о важнейшем элементе религиозной практики - крестном знамении. Авторы прихо-* *This article examines the question of the most important element of the cult practice - the sign of the cross. The*

дят к выводам, что в Беларуси и Украине, в отличие от России, эволюция формы крестного знамения непосредственно не связана с церковной реформой московского патриарха Никона. Она началась значительно раньше и проходила в более мягких формах.

*Ключевые слова:* двоеперстие, троеперстие, христианство, крестное знамение, Православная церковь

*authors conclude that in Belarus and Ukraine, unlike in the Rus', the evolution of the sign of the cross is not directly related to the church reform of Patriarch Nikon of Moscow. It started much earlier and took place in milder forms.*

*Keywords:* double-handedness, triple-handedness, Christianity, the sign of the cross, the Orthodox Church

В религиозной практике существенного числа христианских церквей крестное знамение представляет собою жестовое выражение исповедания веры. Однако вопрос о времени появления и форме знака креста в культовой практике с древности и до нашего времени является предметом дискуссии. По указанной проблеме существует довольно обширный нарратив, который, однако, обходит стороной специфику данного вопроса на белорусской земле [1]. Процесс клерикализации общества на постсоветском пространстве в конце XX – первые два десятилетия XXI в. способствовал повышению интереса населения Беларуси, России и Украины к истории христианства в целом и церковной истории в частности. В связи с этим исследование причин и времени эволюции крестного знамения в Беларуси представляется довольно важным как с научной, так и с общественной точек зрения.

Впервые о практике совершения использования знака креста сообщают античные источники, которые относятся к рубежу II – III вв. В частности, христианские апологеты Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан и Василий Великий считали, что крестное знамение появилось ещё в апостольский период [1, с. 4]. Тертуллиан, живший на рубеже II-III ст., свидетельствует следующее: "Мы, христиане, опечатываем наши лбы знаком креста" [13]. Однако при этом, загадкой остаётся форма крестного знамения. Вероятно, одним из первых способов совершения этой жестовой молитвы было единоперстие, то есть имитация знака креста большим либо указательным пальцем на лбу. Эта форма крестного знамения совершалась правой рукой не только на лбу, но и на разных частях тела: на лице, на груди, губах, глазах, руках, плечах. Постепенно единоперстие распространилось повсеместно в Римской империи, о чём свидетельствуют такие христианские писатели периода античности как Епифаний Кипрский, блаженный Иероним, Иоанн Златоустный, Григорий Двоеслов, Иоанн Мосх и Андрей Критский [1, с. 36-37].

Однако в VIII-IX вв. в Ромейской империи единоперстие стало вытесняться новой формой крестного знамения – двоеперстием. Наиболее раннее свидетельство об употреблении ромеями двоеперстия принадлежит перу несторианского митрополита Илиеал-Джаухари. Он, пытаясь прими-

речь монофизитов и православных с несторианами, отмечает: "Касательно их расхождения о крестном знамении. Кто-то из них делает крестное знамение одним перстом, начиная с левой стороны и ведя к правой, а кто-то двумя перстами и начинает с правой стороны и ведёт к левой... Яковиты, делают крестное знамение одним перстом и начинают с левой стороны и ведут к правой... Несториане и мелькиты делают двумя перстами и начинают с правой стороны и ведут к левой..." [6, с. 36-37]. Таким образом, форма крестного знамения становилась видимым знаком конфессиональной принадлежности внутри господствующего в Византийской империи христианства. Двоперстие стало визуальным контраргументом ортодоксальных христиан против монофизитства в исповедании двойственной природы Христа. В связи с поддержкой двоперстия официальной церковью, единоперстие имело шансы сохраниться лишь у несогласных с официальной церковью монофизитов.

Однако среди восточнославянских племён перипетии борьбы первых форм крестного знамения не были актуальны. С распространением в X в. христианства на Руси такой вид крестного знамения как единоперстие не появился, так как к этому времени он практически исчез в византийском обряде. Тем не менее, отголоски этого раннего варианта крестного знамения всё же появились на территории современной Беларуси в XIV в. связи с началом распространения католицизма и издания соответствующего привилея князя Ягайло [15, s. 1-2]. В римском обряде католической церкви единоперстие, как вариант крестного знамения, сохранилось до настоящего времени в виде так называемого "малого креста". Перед чтением Евангелия католический священник совершает "малый крест" одним пальцем сначала на Библии, а затем вместе с прихожанами на челе, губах, и сердце.

На Руси, получившей крещение от византийских священников, первой известной формой крестного знамения, стало двоперстие. Однако в XII—XIII в. двоперстие в Ромейской империи, которая являлась не только духовным центром православного христианства, но и административным центром Киевской митрополии, стало стремительно уступать новой форме крестного знамения – троеперстию, которое могло иметь западное происхождение. Дело в том, что в католической церкви вплоть до XVI в. наряду с римским сосуществовали иные литургические обряды и, соответственно, разнообразные практики крестного знамения. В начале XIII один из самых могущественных римских пап Иннокентий III в. писал: "Креститься следует тремя перстами ... Некоторые, однако, крестятся слева направо" [9, p. 75-76]. Эти слова подтверждает французский теолог Иоанн Белет: "... как должно совершаться крестное знамение ... Некоторые считают, что слева направо... Другие, однако, говорят, что следует креститься справа налево..." [10, p. 75-76]. Тем же вопросом задаётся Сикард Клермонский: "Как мы должны креститься... Некоторые считают, что крестное знамение должно

совершаться слева направо... Другие, однако, крестятся справа налево..." [12].

На землях Руси троеперстие появляется в XIV в. в период, когда уже существовали две Руси – Русь Литовская и Русь Московская. Судьба новой формы крестного знамения в этих двух стандартах Руси оказалась неодинаковой. Это отличие во многом связано с тем, что православное население названных регионов находилось не только в составе разных государств, но и разных церковных юрисдикций, что естественным образом влияло на формирование специфических элементов во многих аспектах религиозной жизни, в том числе и культовой практике. С начала XIV в. стала очевидной тенденция к разделению Киевской митрополии, что во многом определялось международным положением в Восточной Европе в период позднего средневековья. Ещё в 1317 г. появляются попытки создания Литовской митрополии с центром в Новоградке [11, р. 72, 143]. Борьба за контроль над киевскими митрополитами в конце концов привела к расколу митрополии. В конце 1459 г. в Москве состоялся поместный собор, на котором было провозглашено, что "совершилось разделение ... церковью Московскою и Киевскою" [4, с. 40]. Таким образом, в XV в. завершился сложный процесс разделения Киевской митрополии и выделения из неё митрополии Московской. Если в Литовской Руси вопрос о форме крестного знамения не носил принципиального характера, то в Руси Московской он приобрёл именно такой характер.

В Российском государстве и Московской митрополии, а затем и патриархии по вопросу троеперстия возобладала консервативная точка зрения, оно, после Флорентийской церковной унии константинопольской (греческой) церкви с римской, стало восприниматься как символ унии с католической церковью. На прошедшем в 1551 г. в Москве поместном Стоглавом соборе запрещалась любая форма крестного знамения, кроме двоеперстия: "Аще ли кто двема персты не благословляет... да будет проклят... Иже кто не знаменуется двема персты, якоже и Христос, да есть проклят" [7, с. 133].

Одновременно с этим на белорусских и украинских землях ВКЛ, а затем и Речи Посполитой троеперстие имело не только распространение, но и поддержку со стороны руководства Киевской митрополии. Ещё в 1418 г. киевский митрополит Григорий Цамблак, находясь на Констанцском соборе, где провёл литургию, осеняя себя тремя перстами [14, s. 136, 139]. В середине XVII в. Киевский митрополит Пётр Могила пишет: "Должно изображать крест правою рукою. Полагая на чело три большие перста" [5]. Вместе с тем, в Малом катехизисе он же пишет: "Совокупити три персты правыя руки; сиречь великаго и малаго, и третиаго что подле малаго ..." [2]. О широком распространении среди православного населения Речи Посполитой троеперстия свидетельствует и тот факт, что после раскола в Киевской митрополии на Брестском церковной соборе в 1596 г. на сторонников и противников церковной унии с Католической церковью, вопрос о

троеперстии как основной формы крестного знамения среди сторонников унии вообще не подымался [8, с. 75].

В XVII в. в Русском государстве, несмотря на строгость постановлений Стоглавого собора, постепенно происходила эволюция крестного знамения. Лаврентий Зизаний в своём "Беседовнике" вопреки определению собора, вместо груди и области сердца предписывал возлагать крестное знамение класть на живот [3]. Об этом же писал в 1644 г. и Стефан Зизаний.

Определённая унификация крестного знамения на землях бывлой Киевской Руси произошла во второй половине XVIIв. Никонианская реформа по сравнению с полутысячелетней практикой и решениями Стоглавого собора принципиально изменила практику осуществления крестного знамения в Московской Руси. Троеперстие решительно вводилось в культовую практику, жёстко вытесняя двоеперстие, сторонники которого подвергались жестоким репрессиям. Православной население Речи Посполитой эти репрессии не затронули, так как белорусские и правобережные украинские земли находились в составе другого государства и в иной церковной юрисдикции – Константинопольском патриархате. Более того, значительная часть белорусов и украинцев уже восприняла троеперстие и, после перехода в 1686 г. киевских митрополитов под власть Московского патриарха, лишь укрепила позиции троеперстия в России. Двоеперстие, как когда-то единоперстие в Византии, осталось в кругах несогласных с ортодоксальной церковью масс.

### Список использованных источников

1. **Голубинский, Е. К.** Нашей полемике со старообрядцами / Е. Голубинский. – Текст : непосредственный // Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией. – Апрель 1892. – Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегирёвой, 1892. – 72 с.

2. Катехизис Малый. Собрание краткие науки об артикулах веры, ради учения и ведения всем православным христианам, наипаче же детям учащимся. – URL: [https://txt.drevle.com/text/katehisis\\_small](https://txt.drevle.com/text/katehisis_small) – Дата доступа: 02. 01. 2021. – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

3. **Лаврентий Зизаний Тустановский.** Катехизис большой. – URL: <https://1slovo.sobornik.ru/text/kathehisis/kathehisis.htm/kathehisis02.htm>– Дата доступа: 02. 01. 2021. – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

4. **Макарий (Булгаков).** История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. История Русской Церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240 – 1589). – Москва : Изд-во Свято-Преображенского Валаамовского монастыря, 1996. – 592 с. – Текст : непосредственный.

5. Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной. – URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/3803>. – Дата доступа: 02. 01. 2021. – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

6. **Селезнёв, Н. Н.** Средневековое сочинение о конфессиях сирийского христианства и его использование в русской церковно-исторической науке / Н. Н. Селезнёв. – Текст : непосредственный // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2010. – Т. 11. – Вып. 3. – С. 28-37.

7. Стоглавъ. – Казань: Въ тип. Губернскаго правленія, 1862. – 434 с. – Текст : непосредственный.

8. **Чаропка, С. А.** Берасцейская царкоўная ўнія і раскол у "Грэкарускай царкве" Рэчы Паспалітай / С. А. Чаропка. – Текст : непасрэдны // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2020. – №4 (121). – С. 74 – 78.

9. Innocentii papae, hoc nominae tertii. De sacro altaris mysterio. Liber II. Caput XLIII. – Lovanii, 1566. – 203 p. – [Electronic resource]. – URL: [http://De sacro altaris mysterio.](http://De_sacro_altaris_mysterio.) – Папа Innocentius (III). – <https://books.google.ru/books?id=5M87AAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. – Date of access : 02. 01. 2021. – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

10. **Iohannes Beleth.** Summa de Ecclesiasticis Officiis: Praefatio. Additiones. – Brepols Publishers, 1976. – 183 p. – Текст : непосредственный.

11. **Miklosisch, F., Müller, I.** Acta et diplomata Graeca aevi. Volumen 1. Acta patriarchatus Constantinopolitani Tomus prior / F. Miklosisch, I. Müller, - Vindobonae, Carolus Gerold, MDCCCLX (1860). – 607 p. – URL: <http://anemi.lib.uoc.gr> – Date of access: 02.01.2021. – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

12. Sicardi Cremonsis episcopi Mitrале. De Officiis Ecclesiasticis Summa. - Turnholti: Typographi Brepols Editores Pontificii. – URL: <https://archive.org/details/mitralesivedeof00petrgoog/page/n8/mode/2up>. - Date of access : 02.01.2021. – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

13. Tertulliani liber De Corona Militis – [Electronic resource]. – URL: [http://www.tertullian.org/latin/de\\_corona.htm](http://www.tertullian.org/latin/de_corona.htm). – Date of access : 02.01.2021. – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

14. Ulrichs von Richental Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418. Tübingen: Litterarischer Verein in Stuttgart, 1882. – 260 s. – URL: <https://archive.org/details/ulrichsvonriche00richgoog/mode/2up>. – Date of access : 02.01.2021. – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

15. Zbior praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudziez rozprawy sejmowe o tychze prawach od roku 1544 do roku 1563. – Poznań, 1841. – S. 1 – 2. – Текст : непосредственный.

**Фелькина Ольга Антоновна,  
Ярмошевич Анастасия Викторовна**

УО "Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина"  
e-mail: felkina@yandex. ru, nastaarosevic@gmail. com  
УДК811. 161

## **ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА "ДОРОГА" В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ**

**Olga A. Felkina,  
Anastasia V. Yarmoshevich**  
*Brest State University named after A. S. Pushkin*

### **LINGUOCULTUREMA "THE ROAD" IN EAST SLAVIC LANGUAGES**

*Статья посвящена исследованию лингвокультурема "дорога" в русском, белорусском и украинском языках. В пространственной модели мира путь / дорога является важнейшим элементом. Кроме того, дорога понимается как единица времени, приобретает метафорические значения. Содержание концепта "дорога" и его роль в восточнославянских культурах устанавливается на основе русских, белорусских и украинских фразеологизмов с компонентом "дорога" и его синонимами.*

*The article is devoted to the study of the linguoculturema "road" in the Russian, Belarusian and Ukrainian languages. In the spatial model of the world, the path / road is the most important element. In addition, the road is understood as a unit of time, it takes on metaphorical meanings. The content of the concept "road" and its role in the East Slavic cultures is established on the basis of Russian, Belarusian and Ukrainian phraseological units with the component "road" and its synonyms.*

*Ключевые слова: лингвокультурема, концепт, фразеологизм, языковая картина мира*

*Keywords: linguoculturema, concept, phraseology, linguistic picture of the world*

Концепт пути, дороги – это универсалия мировой культуры. Как отмечает Ю. М. Лотман, "Семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры. Природа этого явления связана с самой спецификой пространства. Неизбежным фундаментом освоения жизни культурой является создание образа мира, пространственной модели универсума" [4, с. 205]. В мифопоэтическом представлении пространства центр (дом) и путь / дорога оказываются его основными элементами. Поэтому восточнославянских концептуальных и вербальных картинах мира понятия *путь, дорога* занимают весьма важное место.

Над символикой дороги, содержанием концепта "путь / дорога" размышляли различные ученые. Так, С. Г. Дрыга описала содержание концеп-

та "путь", основными репрезентантами которого являются лексемы *путь* и *дорога*, в национально-культурной индивидуально-авторской картинах мира (А. С. Пушкина и С. А. Есенина) [1]. В. В. Колесов рассмотрел системное соотношение четырёх составов концепта "дорога", лексически представленных словами *дорога*, *путь*, *тропа*, *стезя*, опираясь на данные "Словаря эпитетов русского литературного языка" и художественные тексты [2]. Н. В. Шестеркина и В. И. Рогачев исследовали образ дороги на материале русских народных загадок [13]. Е. Г. Хомчак построила когнитивную модель концепта *дорога* в русской языковой картине мира на материале словарей, художественной литературы и по результатам ассоциативного эксперимента [11]. Символику дороги на материале украинской фразеологии описали В. Д. Ужченко и Д. В. Ужченко [9]. А. Москальчук установила содержание концепта "дорога" в индивидуально-авторской картине мира украинского писателя В. Шевчука [5]. Вместе с тем концепт "дорога" в белорусской картине мира пока не изучен, нет и сопоставительных исследований, позволяющих оценить степень совпадения содержания этого концепта в восточнославянских языках, чем и определяется новизна нашей работы.

Для русск. *дорога* / укр. *дорога* / бел. *дарога* фиксируются следующие общие значения: 'полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения', 'путешествие, пребывание в пути' [6, с. 172; 7; 8, с. 170], 'направление, путь следования, маршрут' [10, с. 172; 7; 8, с. 170]. Только в русском и украинском словарях отмечено значение 'место для прохода, проезда, путь следования' [6, с. 172; 7]; только в русском – *перен.* 'средства достижения какой-н. цели, жизненный путь' [6, с. 172]; только в белорусском – значение 'расстояние, которое нужно проехать или пройти' [8, с. 170]; только в украинском – значение 'правильное направление для движения' [7]. Однако наблюдения над восточнославянской фразеологией и анализ сочетаемости анализируемых слов показывают, что последние четыре значения есть во всех рассматриваемых языках. Правда, значение 'средства достижения какой-н. цели' в белорусском и украинском языках более характерны для слова *шлях* [7; 8, с. 759]. Но, например, значение 'расстояние, которое нужно проехать или пройти' обнаруживается в сочетаниях типа русск. *дальняя дорога*, *сократить дорогу* / *путь*, укр. *далека дорога*; значение 'жизненный путь' – в укр. *дороги розходяться* / *розійшлися* чий-небудь, *топтати стежку* чию-небудь 'повторять чью-нибудь судьбу', бел. *ісці* / *пайсці дарогай* каго, чыёй, *ісці сваёй дарогай*, *дарогі разыйшліся* и т. п.

Репрезентантами концепта "дорога" являются также лексемы *путь*, *дорожка*, укр. *шлях*, *стежка*, *доріжка* и др., бел. *шлях*, *сцёжка*. По мнению Е. Г. Хомчак, "Понятия *путь* и *дорога* неразрывно связаны в теле одного смыслового единства – концепта, но представляют собой разные его аспекты" [11, с. 302]. С. Г. Дрыга утверждает: "Наблюдения над семанти-

ческими, этимологическими, функциональными и др. особенностями позволяют графически оформить представления о *дороге* в виде *полосы, ленты, полотна*, а о *пути* в виде *направленной линии, вектора*" [1, с. 14]. В то же время, по утверждению О. А. Черепановой, в последние два века наблюдается концептуальное и семантическое сближение лексем *путь* и *дорога*, распространение семантики слова *путь* на его синоним *дорога* [12, с. 35]; это подтверждается и на нашем фразеологическом материале.

Таким образом, *дорога* у восточных славян понимается в пространственном аспекте и как полоса (протоптанное, освоенное человеком пространство), и как направление движения, а также как расстояние от одной точки до другой. Кроме того, понятие *дорога* включает временной аспект – это время, потраченное на перемещение из точки в точку (метонимический перенос), а также время человеческой жизни (метафора – перемещение из точки "рождение" к точке "смерть").

Понимание *дороги* как полосы вызывает, с одной стороны, ассоциации с длинными кусками ткани: русск. *скатертью дорога*, укр. *скатертю дорога, запрядувати дорогу* кому-небудь, *щоб дорога (доріжка) слалася, щоб шлях слався* кому-небудь. С другой стороны, "утоптанность" дороги делает ее символом твердости, что проявляется во фразеологизмах укр. *хоч об (суху) дорогу бий* 'очень черствый, твердый', *ударений об дорогу* 'глупый, придурковатый', *щоб вас било об дорогу*, бел. *убітае дарогі плуг не бярэ*. Казалось бы, твердость, надежность – положительные качества дороги, однако выражения типа русск. *избитая дорога*, укр. *уторована (утерта, утоптана, протоптана, бита) дорога* именуют неодобрительную окраску, поскольку говорят об общеизвестном, банальном способе действия, образе жизни. В христианской традиции высоко оценивается как раз преодоление трудностей, тернистый путь, а в современном обществе высоко ценится свобода и креативность, так что проторенная дорога вызывает скорее отрицательную оценку. С негативной коннотацией употребляются и фразеологизмы типа русск. *идти по пути наименьшего сопротивления*, укр. *іти шляхом найменшого опору*. В белорусском фразеологическом словаре единицы такого рода не зафиксированы [3]. Зато, кроме уже упомянутого *убітае дарогі плуг не бярэ*, в белорусском языке есть фразеологизмы *араць дарогу* 'говорить или делать какую-либо глупость', *баранаваць нагамі дарогу* 'идти, волоча ноги'. Таким образом, в белорусской картине мира более актуально противопоставление дороги пахотной земле, а в русской и украинской – нехоженым, новым путям.

Полоса дороги – место оживленное, что-либо ценное здесь быстро найдут и подберут, поэтому *дорога* приобретает символическое значение 'место, где нет ничего ценного': русск. *на дороге не валяется*, укр. *на дорозі не валяється, хоч на дорогу викинь*, бел. *як (бы) гарох пры дарозе, на дарозе не валяецца*.

Ограниченность дороги в одном из направлений вызвала появление фразеологизмов русск. *встретиться на узкой дорожке*, бел. *сустракацца / сыходзіцца / сустрэцца / сысціся*) на вузкай дарожцы / сцежцы.

Понимание *дороги* как направления во фразеологии восточнославянских языков представлено наиболее широко. Можно выделить несколько типов фразеологизмов, в которых используется этот семантический компонент:

1) *дорога* понимается как маршрут: русск. *знать дорогу куда, забыть дорогу куда, к кому*, укр. *забувати / забути дорогу*, бел. *забываць / забыць дарогу* да каго, куды;

2) *дорога* понимается как судьба, направление жизни, предначертанное свыше или выбранное самим человеком: русск. *идти своим путем / своей дорогой, пути / дороги расходятся / разошлись, катись своей дорогой, проходи своей дорогой*, укр. *дороги розходяться / розійшлися* чий-небудь, *топтати стежку* чию-небудь ‘повторять чью-нибудь судьбу’, бел. *ісці / пайсці дарогай* каго, чьёй, *ісці сваёй дарогай, дарогі разышліся*;

3) *дорога* понимается как цель, направление деятельности: русск. *выйти / выходить на дорогу вступить / становиться на путь* чего-либо, *находить дорогу / путь к сердцу, столбовая дорога* ‘главное направление в развитии кого-либо или чего-либо’, укр. *виходити на вірну дорогу*, бел. *станавіцца / стаць на шлях* чаго, які;

4) *дорога* понимается как возможность, средство достижения цели; такие фразеологизмы подразделяются на три подгруппы:

– со значением возможности / невозможности, легкости / трудности достижения цели: русск. *все дороги открыты, тернистый путь*, укр. *вільна дорога, відкрита дорога, колючкувата дорога*, бел. *дарога адкрыта, усе дарогі адкрыты, дарога адрэзана, усе дарогі адрэзаны*;

– со значением помощи или создания препятствий в достижении цели: русск. *выводить / вывести на дорогу / путь, давать / дать дорогу – становиться / стоять поперек дороги / пути, преградить / преграждать дорогу* и др., укр. *дати дорогу, уступитись комусь із дороги – заступати дорогу, стати поперек дороги, перетинати дорогу*, бел. *на дарогу наводзіць / навесці, адкрываць / адкрыць дарогу – станавіцца / стаяць на дарозе / на шляху, заступіць дарогу* и др. ;

– со значением преодоления препятствий в достижении цели: русск. *выбиваться / выбиться на широкую дорогу*, укр. *пробивати собі дорогу, пробити грудьми дорогу, прокладати дорогу, промостити собі дорогу*, бел. *выбівацца / выбіцца на (сваю) дарогу, прабіваць / прабіць сабе дарогу* и др.

Целый ряд фразеологизмов демонстрирует понимание *дороги* как верного или ошибочного выбора нравственного ориентира: русск. *ступить / выйти на кривую дорогу (дорожку; кривой путь), быть на плохой / неверной дороге, ступить на плохую / опасную дорожку, встать на скользкую*

*дорожку, катиться по скользкой дорожке*, укр. *на слизькій дорозі, збиватися з дороги, збочувати з дороги (зі шляху)*, бел. *збівацца з дарогі, зварочваць / зварнуць з дарогі, ісці па крывой дарожцы, станавіцца / стаць на слізкую дарожку* и др. В таких фразеологизмах признаками неправильно выбранной линии поведения становится либо кривизна дороги, либо ее опасность для передвижения (плохая, скользкая, опасная), то есть в основе метафоры лежит невозможность или сложность достижения цели.

Оба образа *дороги* – как полосы и как цели – сливаются во фразеологизмах со значением ‘часто ходить куда-либо’: русск. *протоптать дорожку, не зарастет тропа*, укр. *топтати / протоптувати стежку / доріжку, стежечки топтати, не заростає / не заросте стежка*, бел. *не расце сцежка*.

Восприятие *дороги* как отрезка времени привело к формированию трех значений, отраженных во фразеологизмах:

1) время, потраченное на перемещение из точки в точку: русск. *всю дорогу*, укр. *всю дорогу, цілу дорогу*, бел. *ую дарогу*;

2) время человеческой жизни (это значение преимущественно выражается лексемами *путь, шлях*): русск. *жизненный путь*, укр. *життєвий (життьовий) шлях*, бел. *жыццёвы шлях*;

3) ‘путь души в загробный мир’: русск. *стоит на смертной дороге, в дорогу собирается*, кому-либо *Господь открыл дорогу*, укр. *збирається в дорогу, уже на дорозі, іде в дорогу до дому, відправитися в дорогу, бути на божій / останній дорозі*, бел. *у апошнюю дарогу, на божай дарозе* и др.

На основе анализа восточнославянских фразеологизмов с компонентом *дорога* и его синонимами можно сделать вывод, что содержание соответствующих лингвокультурем в сопоставляемых языках в целом совпадает. *Дорога* понимается в пространственном, временном аспектах, а также метафорически (как жизнь, как образ жизни и др.). В пространственном аспекте *дорога* – это и зримая полоса, ограниченный кусок пространства, и направление, вектор движения, а также как расстояние от одной точки до другой. Наиболее многочисленны во всех трех языках фразеологизмы, в которых *дорога* означает направление (фразеологические единицы со значением выбора цели и средств ее достижения, преодоления препятствий на пути к цели и др. ; большинство таких единиц используются метафорически). Как полоса уплотненной земли *дорога* в белорусской языковой картине мира противопоставлена пашне, в русской и украинской фразеологических системах такое противопоставление не актуализировано, хотя в украинском сознании *дорога* выступает символом твердости, жесткости. В то же время *дорога* как полоса представляется местом, где не может быть ничего ценного, а потому, по сути, противопоставлена дому. Во временном аспекте *дорога* чаще понимается метафорически – как путь от рождения до смерти.

### Список использованных источников

1. **Дрыга, С. Г.** Концепт "путь" в русской языковой картине мира : специальность 10. 02. 01 "Русский язык": автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Г. Дрыга ; Кубан. гос. ун-т. – Ставрополь, 2010. – 24 с. – Текст : непосредственный.
2. **Колесов, В. В.** Путь-дорога / В. В. Колесов. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – Т. 159, кн. 5. – 2017. – С. 1200 – 1213.
3. **Лепешаў, І. Я.** Слоўнік фразеалагізмаў : у 2т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 2 т. – Тэкст : непасрэдны.
4. **Лотман, Ю. М.** Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 464 с. – Текст : непосредственный.
5. **Москальчук, А.** Концепт "дорога" у структурі художньої картини світу В. Шевчука: традиційні та індивідуально-авторські складники / А. Москальчук. – Текст : электронный // Синопис: текст, контекст, медіа. – 2015. – № 3 (11). – URL: <https://synopsis.kubg.edu.ua/index.php/synopsis/article/view/162> (дата обращения: 20.06.2020).
6. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка : ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – Москва: Оникс – Мир и Образование, 2008. – 976 с. – Текст : непосредственный.
7. **Словник української мови. Академічний тлумачний словник (1970 – 1980) :** в 11 т. – Текст : электронный. – URL: <http://sum.in.ua> (дата обращения: 15.12.2020).
8. **Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы :** больш за 65 000 слоў / І. М. Бунчук [і інш. ] ; Акад. Навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с. – Тэкст : непасрэдны.
9. **Ужченко, В. Д.** Фразеологія сучасної української мови : навч. посібник / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – Текст : электронный. – Київ : Знання, 2007. – 494 с. – URL: [http://schoollib.com.ua/ukr\\_lang/1/54.html](http://schoollib.com.ua/ukr_lang/1/54.html) (дата обращения: 12.02.2021).
10. **Ушаков, Д. Н.** Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва : Альта-Принт – Дом. XXI век, 2008. – 1239 с. – Текст : непосредственный.
11. **Хомчак, Е. Г.** Когнитивная модель концепта *дорога* в русской языковой картине мира / Е. Г. Хомчак. – Текст : непосредственный // Грані сучасної лінгвістики : колективна монографія (на українській, російській та англійській мовах) : в 2 т. / за ред. О. Г. Фоменко, В. К. Харченко. – Запоріжжя : Класич. приват. ун-т, 2013. – Т. 1. – С. 284 – 304.

12. **Черепанова, О. А.** Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах / О. А. Черепанова. – Текст : непосредственный // Материалы XXVIII межвуз. научн. -метод. конф. преподавателей и аспирантов. – Вып. 7. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 29-36.

13. **Шестеркина, Н. В.** Мифопоэтика дороги (на материале народных русских загадок) / Н. В. Шестеркина, В. И. Рогачев. – Текст : непосредственный // Вестник славянских культур. – 2020. – Т. 58. – С. 138 – 150.

*Черненко Мария Александровна,  
Стародубец Светлана Николаевна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: [chernenockmarya@yandex.ru](mailto:chernenockmarya@yandex.ru)*

УДК 481 / 482

## **ИДИОЛЕКТ РЕСПОНДЕНТА ЗЛЫНКОВСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Maria A. Chernenok,  
Svetlana N. Starodubets*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### **THE IDIOLECT OF THE RESPONDENT OF THE ZLYNKOVSKY DISTRICT BRYANSK REGION**

*В работе представлен анализ идиолекта Шою Анастасии Васильевны, установлены его базовые лексические особенности.*

*Ключевые слова: языковая личность, диалектная языковая личность, идиолект, диалектная лексика, южное наречие.*

*The article reflects the problem of language personality, which is particularly relevant today, since this study is important for the implementation of many problems of communicative linguistics, as well as for the formation of age-related linguistics.*

*Keywords: language personality, dialect language personality, idiolect, dialect vocabulary, southern dialect*

В настоящее время проблема "языковой личности" является одной из важных в лингвистике. Следует отметить, что в современном языкознании наибольший интерес представляет конкретная языковая личность, специфика её языка. Нужно разграничивать понятия "языковая личность" и "диалектная языковая личность".

Следует отметить тот факт, что изучением диалектной языковой личности занимается научный коллектив филологов филиала Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского в городе

Новозыбкове. Данной теме были посвящены работы С. Н. Стародубец "Специфика этнолингвистического описания языковой ситуации в пограничном регионе" [10], С. М. Пронченко "Диалектные особенности в произведениях устного народного творчества Новозыбковского района Брянской области" [5], С. М. Пронченко, М. А. Мухиной "Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области" [6].

Под языковой личностью в лингвистике понимается "общность способностей и характеристик человека, которые обуславливают создание и восприятие им речевых произведений, языковая компетенция, которая характеризуется точностью отражения действительности, степенью структурно-языковой сложности, при этом интеллектуальные характеристики языковой личности выдвигаются на передний план" [3, с. 141].

"Диалектная языковая личность – это личность носителя диалекта и его речевой портрет, который включает в себя мировоззрение, языковые особенности местности, социальные и культурные аспекты" [2, с. 164].

В современной лингвистике при описании индивидуальных особенностей речи так же часто используется такой термин, как "идиолект". "Идиолект – это "совокупность формальных и стилистических особенностей, которые характерны для речи отдельного носителя данного языка" [4, с. 171].

Для выявления особенностей речи жителей Злынковского района Брянской области мы обратились к языковой личности, ранее проживавшей в городе Злынка, Шои Анастасии Васильевны 1935 года рождения. Методом интервьюирования определены ключевые особенности речевого портрета респондента, основанные на анализе лексического материала.

Обратимся к текстовому фрагменту, который иллюстрирует особенности речи жителя Злынковского района Брянской области.

Наиболее яркими представляются лексические особенности речи респондента.

Жительницей Злынковского района Брянской области была употреблена следующая диалектная лексика: *чамонь* (*С картошки с мёрзлой алáдушки такие пяклі, назывáлись чамонь*). Анастасия Васильевна рассказывает, что её бабушка была повитухой, к ней приходили на второй день Рождества, так как она принимала роды: *Хаділа, принимáла она роды, и к ней на вторóй день Рождествá был прáздник. Бабіны назывáлися и там, эта сáмое, у них собирáлися эти все, у котóрых она роды принимáла и там они и пéли, и танцáвали, а мы сядéли на пéчке, слúшали да смотрéли*. Также в речи респондента было отмечено слово *галушки*: Был *Сброки*. Пяклі эти сáмые... птйчак, уáлушки и патóm, ésta сáмое, máма покойная пяклá. Также было зафиксировано диалектное слово "*ярки*".

Нами был проведен анализ диалектных слов, которые были использованы языковой личностью в речи. Для анализа мы обратились к "Словарю

народных говоров Западной Брянщины" П. А. Расторгуева [7], "Словарю русских народных говоров" [9], к "Словарю брянских говоров" [8] и к "Толковому словарю живого великорусского языка" В. И. Даля [1]. Отметим, какие значения были зафиксированы в данных словарях.

Анастасия Васильевна в своей речи употребляла диалектное слово "чамонь" (М. А. : Что такое чамонь? / Анастасия Васильевна: Ну, это с картошки с мёрзлой алáдушки такие пяклí. Назывáлись чамонь.)

Проанализировав "Словарь народных говоров Западной Брянщины" П. А. Расторгуева [7], мы обнаружили, что слово чамонь в нём не представлено. В "Толковом словаре живого великорусского языка" В. И. Даля [1] данное слово также не зафиксировано. В "Словаре русских народных говоров" [9] и в "Словаре брянских говоров" [8] лексема не зафиксирована.

Таким образом, данное диалектное слово является уникальным фактом народного языка юго-запада Брянщины.

Респондент употреблял также диалектизм галушки: *Пяклí эти сáмые... птíчак, галушки и патóm, ésta сáмое, máма покóйная пяклá.* Диалектное слово галушки находим в "Словаре брянских говоров" [8]:

"Галушки, -шек. мн. (ед. галушка и ж.). 1. Кушанье, приготовленное из сваренных в воде или печеных кусков теста; клецки. Галушки к праздни-кам пакли: у воду, как зькипит, теста кладём, валёчьками накаваем и ножыкём режыш, и аджариш, и в воду. Тр. Селец. Галушки – картошку мелка нарезать, сварить, у горячую воду, и теста ложычкой чирпаешь, и у суп. Почеп, Селище. 2. Лепешки из гречневой крупы: Я подьслаю галушки. Почеп, Писарево. 3. Куски слипшейся в тесте муки. Муку – и варам заварють, штоп не было галушек. Пог, Джугоровка. 4. Лапша домашнего приготовления. Галушки – лапша, дома делают. Почеп, Сетелово" [8, с. 6].

Также в "Словаре русских народных говоров" [9] находим:

"Галушки, мн. 1. "Постные клецки". Ряз., Оныт 1852. 2. Лапша. Лапша с салом. Акм., 1895 – 1896. "Лапша, нарезанная крупными короткими кусками. Дон., 1929. 3. Печеные комочки из теста, которые употребляют в пищу в сочельник. Галушки только на кутью пекут, с сытой их едят. \*Йонав. Лит. ССР, 1963. – Укр. Галушки" [9, с. 120].

Мы видим, что слово галушки является многозначным. Респондентом оно употребляется в третьем значении согласно "Словарю брянских говоров". Слово характерно для речи жителей Брянской области.

Также диалектное слово "ярки" было употреблено в речи респондента (Анастасия Васильевна: Да, рисовáли, скóка, три и три и адnú и становíлись и прыгáли, а потом ў ярки мы ўуля́ли. / М. А. : А это что такое? / Анастасия Васильевна: А ésta, я́мочки во выкав́ривали мы, скóка нас тáма, трое ти чётвера человек и мы мя́чик и катаём и ў чью́ я́рачку в ёту упаде́ть ésta мя́чик, тот ésta мя́чик хватаёт и бросаёт, а эти́ ўсе астальны́е разбе́гаются...).

В "Словаре народных говоров Западной Брянщины" П. А. Расторгуева [7] и в "Толковом словаре живого великорусского языка" В. И. Даля [1] данный диалектизм не обнаружен. Это говорит нам о том, что диалектное слово является уникальным фактом народного языка.

Таким образом, в "Словаре народных говоров Западной Брянщины" П. А. Расторгуева [7], диалектизм "*галушки*" был зафиксирован в "Словаре русских народных говоров" [9] и в "Словаре брянских говоров" [8]. Диалектные слова "*чамоны*" и "*ярки*" не обнаружены в привлечённых лексикографических источниках.

Также нами было установлено, что в речи жительницы Злынковского района присутствуют слова, которые остаются в пределах языковой нормы.

Изучив диалектные особенности говора Злынковского района, фиксируем: доминируют черты, характерные для южновеликорусского наречия. Предложенный диалектный материал отражает лексические особенности народного языка респондента, позволяет констатировать, что речевой портрет Анастасии Васильевны оригинален. Респондент является носителем народно-речевой культуры юго-запада Брянской области.

#### Список использованных источников

1. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль – Москва : Терра – TERRA, 1995. – Текст : непосредственный.

2. **Карасик, В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477с. – ISBN 5-88234-552-2 – Текст : непосредственный.

3. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с. – ISBN 978-5-382-01071-7 – Текст : непосредственный.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – изд. 2-е, доп. – Москва : Наука, Флинта, 2003. – Текст : непосредственный.

5. **Пронченко, С. М.** Диалектные особенности в произведениях устного народного творчества Новозыбковского района Брянской области (по материалам полевых исследований) / С. М. Пронченко. – Текст : непосредственный // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция : научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24 – 26 мая 2018 г.) / под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Брянск : ООО "АВЕРС", 2018. – С. 598 – 604. – Текст : непосредственный.

6. **Пронченко, С. М.** Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области : сборник материалов полевых исследований / С. М. Пронченко, М. А. Мухина. – Санкт-

Петербург : ЛЕМА, 2016. – 207 с. – ISBN 978-5-00105-031-5. – Текст : непосредственный.

7. **Расторгуев, П. А.** Словарь народных говоров Западной Брянщины : материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев / Авт. вступ. статьи Н. Д. Расторгуева и Е. М. Романович. АН БССР. Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. – Минск : Наука и техника, 1973. – 295 с. – Текст : непосредственный.

8. Словарь брянских говоров / Под ред. В. А. Козырева, В. И. Чагишевой. 5 выпусков. – Ленинград , 1976 – 1988. – Текст : непосредственный.

9. Словарь русских народных говоров. – Москва – Ленинград, Санкт-Петербург : Наука. – Вып. 1 – 46... – 1965 – 2013. – Текст : непосредственный.

10. **Стародубец, С. Н.** Специфика этнолингвистического описания языковой ситуации в пограничном регионе / С. Н. Стародубец. – Текст : непосредственный // Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с Россией государств : научные доклады участников Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 25 – 26 октября 2017 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Брянск : ООО "АВЕРС", 2017. – С. 4-8.

*Шевченко Кирилл Владимирович*

*ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет"*

*Филиал в г. Минске, Республика Беларусь*

*e-mail: shevchenkok@hotmail.com*

*УДК 811. 16 (437. 4) "19"*

## **РУССКОЕ СЛОВО КАК ИДЕОЛОГЕМА В ИСТОРИОСОФИИ ГАЛИЦКО-РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ В XIX В.**

*Kirill V. Shevchenko*

*Russian state social University, Minsk Branch*

### **RUSSIAN WORD AS IDEOLOGEM IN HISTORIOSOPHY OF THE GALICIAN-RUSSIAN MOVEMENT IN THE EASTERN GALICIA DURING XIX CENTURY**

*Отличительной чертой языковой ситуации в Восточной Галиции в XIX веке являлась приверженность значительной части галицко-русской интеллигенции к русской культуре и политика этноязыковой инженерии австрийских и польских властей, направленная на ассимиляцию галицких*

*Major distinguishing feature of the linguistic situation in Galician Rus in XIX century was the Austrian and Polish policy of ethnic and linguistic engineering aimed at assimilation of the local Rusyns and their separation from the Russian culture and Russian literary*

*русинов и на их отрыв от общерусского культурного наследия и русского литературного языка. Первоначально австрийские власти и польская администрация пытались добиться этой цели путём административного преследования русского литературного языка в Галиции и безуспешных попыток навязать латиницу галицким русинам. Более успешной оказалась ставка австрийских и польских властей на введение украинского фонетического правописания в 1890-е годы, с помощью чего удалось разбить языковое единство галицких русинов с Россией и постепенно насадить в ранее преимущественно русофильской Галиции украинскую идентичность.*

*Ключевые слова: Австрия, Галиция, галицкие русины, этноязыковая инженерия*

*language. Initially Austrian and Polish administration was trying to reach this goal by administrative pressure against Russian literary language and by imposing Latin graphic into Rusyn literature. Due to resistance of Galician-Russian intelligentsia, those attempts proved to be unsuccessful. However, forceful introduction by phonetic Ukrainian graphic instead of traditional etymological one by Austrian and Polish authorities proved to be more successful and led to linguistic separation of Rusyns from Russia and to spreading Ukrainian identity in previously mostly Russophile Galicia.*

*Key words: Austria, Galicia, Galician Rusyns, ethnic and linguistic engineering*

Земли исторической Галицкой Руси, являвшиеся самой западной частью восточнославянского этнокультурного пространства, уже в 1340-е гг. были захвачены польским королём Казимиром Великим и включены в состав Польши. Галицкая Русь, таким образом, значительно раньше остальных частей исторической Западной Руси оказалась в составе польского государства и подверглась ассимиляционной политике польских властей, что оказало колоссальное влияние на последующее культурно-языковое развитие Галиции.

Галицко-русские деятели XIX в. подчёркивали тесную историческую связь и цивилизационное единство галицких земель с остальной Русью. Влиятельный печатный орган галицко-русской интеллигенции львовская газета "Слово", провозглашая принадлежность русинов Галиции к единому русскому народу, писала в январе 1884 г. : "Народ русский был, есть и будет один... То одно великанское дерево имеет два главных корня: в северном Новгороде и южном Киеве, а мы – ветвь того дерева" [10, с. 3]. Уже с первых десятилетий польского господства Галицкая Русь стала подвергаться системной ассимиляционной политике польских властей. С целью скорейшей полонизации коренного православного галицко-русского населения использовались различные конфессиональные, этнокультурные и социально-экономические рычаги, включая административную поддержку немецкой и еврейской миграции в города Галиции. Известный галицко-русский просветитель и церковный деятель И. Наумович сравнивал Галицкую Русь и русинов с несчастным христианским ребёнком, похищенным у родителей бродячими цыганами и заточенным в тёмную пещеру без света

и свежего воздуха [11, с. 21]. Этот мрачный образ стал символом многовекового польского господства над Галицкой Русью.

Отдавая себе отчет в неблагоприятных последствиях этого господства, галицко-русские деятели стремились избавиться от чуждого культурно-языкового влияния и вернуться к своим "русским корням", что ярко проявилось во время галицко-русского национального возрождения в XIX в. "Наша Западная Русь, отторгнутая от своего исторического средоточия, подчинилась вредному влиянию. Мы пришли в политическом, церковном, социальном и языковом отношении в ужасное расстройство, - писал в 1884 г. в популярной львовской газете "Слово" галицко-русский общественный деятель Т. К. Блонский. – Наша Русь потеряла высшие сословия; осталась только тёмная масса мужиков и духовенство, пронизанное полонизмом" [8, с. 1].

Вполне закономерно поэтому, что с началом галицко-русского национального возрождения в первой половине XIX в. его отличительной чертой стала ориентация галицко-русских будителей на высокоразвитый русский литературный язык и русскую культуру в целом. Данное явление всегда было характерно для галицко-русского народа в лице его наиболее выдающихся представителей. Русский политический эмигрант В. Кельсиев, побывавший в Восточной Галиции в 1860-е гг., писал в своих воспоминаниях: "Галичина – маленький русский мир, оторванный от общей русской жизни и ведущий пять веков жизнь борьбы и усилий к слиянию воедино с остальной, забывшею его, Русью. Галичина имеет важное значение как наглядное, вопиющее доказательство необходимости единства русских племён и как довод, что собирание Земли Русской – не интрига правительства и не ухищрение дипломатов, а просто инстинкт Русского Народа..." [6, с. 162].

В языковом вопросе представители галицко-русского возрождения исходили из того, что "наш простонародный говор не чистый, но испорченный заимствованием чужих слов и форм, русскому языку не свойственных... Наши литераторы начали свой галицко-русский язык очищать, обобщать и дополнять" [8, с. 1]. Символично, что один из первых представителей галицко-русского возрождения, известный историк Д. И. Зубрицкий был убеждённым сторонником использования русского литературного языка в галицко-русской письменности. Свой капитальный труд по истории Галиции Д. И. Зубрицкий написал на русском литературном языке, отдавая себе отчёт в том, что это будет негативно воспринято австрийскими и польскими властями.

Естественная культурно-языковая ориентация галицких русинов на Россию и русскую культуру изначально искусственно тормозилась польскими властями. С разделами Речи Посполитой и с включением Галиции в состав Австрии в 1772 г. русины Галиции стали объектом этнокультурной инженерии Вены, которая отразилась в языковой политике Вены. Извест-

ный галицко-русский учёный, профессор Львовского университета Я. Ф. Головацкий обращал внимание на то, что "австрийцы допускали для всех народностей соплеменные научные пособия. Без всякого прекословия введены были не только немецкие и итальянские учебники, напечатанные за границей в Германии и Италии, но допущено употребление сербских, румынских и польских книг, напечатанных в Белграде, Бухаресте, Варшаве и Познани, только для одних русских в Галичине и Венгрии правительство не допустило ни одного учебника из России и не позволило даже пользоваться сочинениями русских писателей. Приказано было составлять учебники на галицко-русском (рутенском) жаргоне, а пока выработается своя литература, оставить преподавание на немецком языке" [5, с. 53]. Отличительной чертой языковой ситуации в Галицкой Руси было постоянное давление на галицко-русский язык и литературу со стороны польской администрации, стремившейся любыми путями полонизировать галицких русинов. В качестве методов полонизации предполагалось как введение польской латиницы в местную письменность, так и растворение галицко-русской литературной традиции в польской литературе.

С вхождением Галиции в состав Австрийской империи традиционная польская политика ассимиляции галицких русинов была развита австрийскими властями с учётом интересов Вены. По словам галицко-русского учёного Я. Ф. Головацкого, "австрийцы всеми мерами старались не допускать сношений русских галичан с Россией и не позволяли им пользоваться русской литературой. Немецкая администрация боялась сознания в народе письменного единства с Россией, а римско-католическая иерархия опасалась сближения галицких униатов с русским православием" [5, с. 53]. Указывая на последовательность политики австрийских властей, стремившихся к максимальному культурно-языковому отрыву русинов от русского литературного языка, львовское "Слово" констатировало в 1884 г. : "Будучи уже под Австрией, нас правительственные мужи подозревали и почему-то невзлюбили... Кто дерзал писать по-русски, хотя бы весьма плохо, падал в подозрение москалефильства и подвергался надзору; издать печатью какой-нибудь русский букварец было ужасною дерзостью" [8, с. 1].

Очередной виток этноязыковой инженерии, организованный австрийскими властями и польской администрацией Галиции во главе с Голуховским в 1859 г., предполагал отмену кириллицы и перевод галицко-русской письменности на латиницу. Современник этих событий, галицко-русский учёный Я. Ф. Головацкий писал впоследствии, что "план Голуховского был широко задуман; принимались меры к истреблению кириллицы и уничтожению всяких связей со славяно-русским миром" [5, с. 79]. Свою инициативу перевода письменности русинов Галиции на латиницу в 1859 г. наместник Галиции польский граф А. Голуховский объяснял необходимостью ограничить влияние русского литературного языка, популярность которого среди русинов, по мнению Голуховского, представляла угрозу

для Австрийского государства. Только принципиальная позиция ведущих представителей галицко-русской интеллигенции сорвала очередную этноязыковую агрессию со стороны австрийской и польской администрации. "Единомыслие и горячая привязанность ко всему, что русское, одушевляла патриотов наших, когда в 1859 г. печальной памяти граф Голуховский вознамерился ввести в наше письмо латинские буквы: как один муж встали они на защиту нашей исторической, прадедовской азбуки и благодаря их решительность и энергии, это нападение на нашу народную святость оказалось безуспешным" [2, с. 2] - комментировала в январе 1892 г. эти события газета "Галицкая Русь".

С изобретением украинской фонетической письменности П. Кулишом, созданной в противовес русской этимологической письменности, австро-польские этнокультурные технологи в Галиции получили новое эффективное орудие для отрыва русских галичан от русского литературного языка. Австрийские власти, преследуя политические цели, энергично способствовали распространению "кулишивки" в Галиции, что было призвано вырвать галицких русинов из лона общерусской культуры и русского языка, создав предпосылки для последующего переформатирования их идентичности. Это соответствовало традициям австрийской политики этнокультурной инженерии в отношении славянских народов, цель которой заключалась в подрыве этноязыкового единства славян и в их максимальном отделении от России в культурно-языковом отношении.

В 1892 г. при поддержке польских политиков школьная рада Галиции, идя навстречу предложениям местных украинофильских обществ, приняла решение о введении украинского фонетического письма ("кулишивки") в систему местного образования, включая учебники для народных школ и средних учебных заведений, что вызвало недовольство среди галицко-русского населения. Помимо научно-просветительских и культурных галицко-русских обществ в кампании протеста приняли участие и многочисленные галицкие сельские общины. По словам галицко-русского общественного деятеля О. А. Мончаловского, "необходимость введения фонетического правописания... основана на чисто политических мотивах, чтобы Червоная Русь не употребляла такого правописания, какое употребляется в России, именно этимологического" [7, с. 87]. Ещё в 1884 г. печатный орган галицко-русской интеллигенции львовская газета "Слово" крайне критически отзывалась о языковых новшествах украинофилов и о фонетическом правописании. Украинофильская партия, по словам этой хорошо информированной газеты, "набиралась из ополченных русских фамилий. Они начали простонародный язык шпиговать чудовищными словами и формами, взятыми нарочно с чужбины... Чем причудливее было слово, тем лучше, - писало львовское "Слово" в январе 1884 г. – Принимая украинизм и вымышленный сумбур в язык литературный, они приняли и избоб-

ретённую Кулишем фонетику... Из такой смеси вышел гадкий хаос ..." [9, с. 2].

Грубое административное навязывание чуждого галицким русинам фонетического правописания вызвало массу критических публикаций в галицко-русской прессе, рассматривавшей новый этноязыковой эксперимент австрийских и польских властей как продолжение неудавшейся в 1859 г. "голуховщины". По словам газеты "Галицкая Русь", "представители Галицкой Руси мужественно отклонили проект Голуховского, стремящийся к замене русских букв латинскими... Проект замены русских букв латинскими упал, но не упало желание оторвать Галицкую Русь от исторических основ развития её литературы. Одним из средств к достижению этой затеи имеет служить введение фонетики в русское письмо..." [3, с. 1]. "Галицкая Русь" прозорливо предсказывала, что введение фонетики – только начало, одно из звеньев в "целой цепи дальнейших реформ на организме нашей народности" [3, с. 1].

Борьба вокруг введения фонетического правописания быстро перешла языковые рамки и приобрела колоссальный общественный и церковный резонанс. Весьма критически галицко-русские деятели отзывались о позиции в языковом вопросе тогдашнего главы греко-католической церкви Галиции митрополита С. Сембратовича, который в унисон с властями одобрил введение "ненавистной и вредоносной фонетики" [4, с. 2]. Перипетии вокруг введения фонетики дали основание авторитетной галицко-русской газете "Галичанин" сделать вывод о том, что цели польских политиков в отношении русского народа в Галиции на протяжении столетий были неизменны. По словам газеты, эти цели заключались "в порабощении русского народа, в его ополячении и олатинщеньи. Тактика тех политиков всегда коварная, но изменяется по обстоятельствам и по времени... На нашей земле те политики желали бы видеть одних лишь украинофилов, но только таких, которые представляли бы ни что иное, как первую фазу преобразования русского народа в польский. Они хотят в галицко-русском народе видеть украинцев, отдельный народ, но такой народ, - подчёркивал львовский "Галичанин", - который бы вечно служил шляхетской Польше" [4, с. 3]. Борьба галицко-русского населения против введения фонетики продолжалась несколько лет, но, как отмечал О. А. Мончаловский, "не помогли прошения к императору, представления, внесённые русской партией в министерство, и протесты против введения фонетики, поддержанные 50 тысячами подписей русского населения Галичины". В начале XX в. галицко-русские депутаты австрийского парламента Марков и Глебовицкий "требовали для русского языка прав гражданства наравне с прочими языками монархии. Присланные в 1908 г. в львовский сейм и венский парламент многочисленные (около 70. 000) петиции отдельных лиц и обществ о признании за русским языком в Галиции прав гражданства в школе, администрации и суде были оставлены правительством без всякого внимания"

[1, с. 44]. Галицко-русские активисты продолжали борьбу за русский литературный язык даже на скамье подсудимых. В ходе судебного процесса над группой галицких русофилов накануне Первой мировой войны в марте 1914 г. один из подсудимых, известный галицко-русский общественный деятель и публицист С. Бендасюк заявил, что "национальное единство русского народа от Тисы до Камчатки" является для него "непоколебимым принципом" [12, с. 2].

Вопреки массовым протестам галицко-русского населения, украинское фонетическое правописание было не только оставлено в учебных заведениях Галиции, но и введено на территории соседней Буковины. По мере того, как выпускники галицких школ, воспитанные на украинском фонетическом алфавите, вступали в общественную жизнь, сфера применения русского этимологического письма сужалась за счет расширения сферы украинского фонетического правописания. По мнению современных галицко-украинских исследователей, именно благодаря новому поколению, воспитанному на "фонетике", некогда русофильская Галиция быстро превратилась в "украинский Пьемонт". Окончательное торжество украинской идентичности в Галиции было связано с трагическими событиями Первой мировой войны, когда галицко-русская интеллигенция стала жертвой массовых преследований со стороны австро-венгерских властей и в значительной степени была физически уничтожена в австрийских концлагерях и в ходе многочисленных внесудебных расправ.

#### Список использованных источников

1. **Белгородский, А. В.** Галиция – исконное достояние России / А. В. Белгородский. – Москва : Издание Товарищества И. Д. Сытина, 1914. – 114 с. – Текст : непосредственный.
2. Галицкая Русь. – Львов, 26 января (7 февраля) 1892. – № 21. – 4 с. – Текст : непосредственный.
3. Галицкая Русь. – Львов, 30 января (11 февраля) 1892. – № 24. – 4 с. – Текст : непосредственный.
4. Галичанин. – Львов, 25 марта (6 апреля) 1895. – № 69. – 6 с. – Текст : непосредственный.
5. **Головацкий, Я. Ф.** Заметки и дополнения к статьям г. Пыпина, напечатанным в Вестнике Европы за 1885 и 1886 годы / Я. Ф. Головацкий. – Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1888. – 189 с. – Текст : непосредственный.
6. **Кельсиев, В.** Галичина и Молдавия. Путевые письма / В. Кельсиев. – Санкт-Петербург : Печатня В. Головина, 1868. – 218 с. – Текст : непосредственный.
7. **Мончаловский, О. А.** Литературное и политическое украинофильство / О. А. Мончаловский. – Львов: Типография Ставропигийского Института, 1898. – 231 с. – Текст : непосредственный.

8. Слово. – Львов, 3 (15) января 1884. – № 1. – 4 с. – Текст : непосредственный.
9. Слово. – Львов, 7 (19) января 1884. – № 2. – 4 с. – Текст : непосредственный.
10. Слово. – Львов, 10 (22) января 1884. – № 3. – 4 с. – Текст : непосредственный.
11. Сочинения Протоиерея И. Наумовича. Повести и рассказы из галицко-русской жизни. Том II. – Петроград, 1914. – 275 с. – Текст : непосредственный.
12. Ѓыю – М Зкфяу 11 иўятф 1914ю – Ѓыдц 69ю – 6 сю – Текст Ж непосредственныйю

**Шабулдаева Наталья Ивановна,  
Мырадова Махым**

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"*

*e-mail: shabuldaeva@mail.ru, mahymmyradova.1994m@gmail.com*  
УДК811. 161. 1'367. 625'373. 612

## **ГЛАГОЛ МЫСЛИТЬ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

***Natalia I. Shabuldaeva,  
Makhym Myradova***

*Francisk Skorina Gomel State University*

## **THE VERB *TO THINK* AND ITS DERIVATIVES IN RUSSIAN LANGUAGE**

*В статье комплексно описан глагол мыслить и его производные с точки семантики, происхождения, частотности, словообразовательных связей, возможности использования в устойчивых сочетаниях. Установлена принципиальная значимость данного глагола и его производных для современного состояния русского языка.*

*Ключевые слова: название, семантика, способ словообразования, функционирование, частота использования, пословица*

*The article comprehensively describes the verb to think and its derivatives from the point of semantics, origin, frequency, word-formation and syntagmatic connections, the possibility of using it in stable combinations. The fundamental significance of this verb and its derivatives for the current state of the Russian language has been established.*

*Keywords: name, semantics, word formation method, functioning, frequency of use, proverb*

Мышление выделяет человека из всего сотворённого мира, делает человека кем-то особенным. Каждый язык в соответствии с ментальностью народа выработал арсенал слов, обозначающих мыслительную деятельность. Располагает значительным количеством лексем с данной семантикой. Доминантными в синонимическом ряду таких глаголов являются *думать* и *мыслить*. Глагол *думать* рассмотрен одним из авторов в отдельной статье [2, с. 42].

Целью данной статьи является описание глагола *мыслить* и его производных в русском языке. В соответствии с этим ставятся следующие задачи: 1) установление значения данного глагола и его производных в русском языке; 2) выяснение происхождения глагола *мыслить* в русском языке; 3) выявление производных от глагола *мыслить* и установление их частеречной принадлежности; 4) установление способов образования для каждого производного; 5) выяснение частоты использования в русском языке глагола *мыслить* и его производных; 6) выяснение, используется ли глагол *мыслить* и его производные (и какие именно) в устойчивых выражениях.

Глагол *мыслить* является многозначным, имеет три значения. Основным для него является значение 'рассуждать, сопоставляя явления объективной действительности и делая выводы' *Логически мыслить. Мыслить образами. Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать*. Пушкин, Элегия [4, с. 315]. Некоторые подсеммы, входящие в данное значение, перешли в разряд устаревших: 'думать, размышлять о ком-, чем-л. -' *И долго юноша над ним Стоял раскаяньем томим, Невольно мысля о былом. Лермонтов, Боярин Орша*; 'думать, полагать, считать' (Чермный:) *Глеб Мироныч, Как мыслишь ты?* (Посадник:) [Там же].

**Глагол мыслить** известен многим славянским языкам: восточнославянские языки: русск. *мыслить*, укр. *місли́ти*; южнославянские: ст. -слав. *мысли́ти*, *мысльъ* βούλεσθαι, φρονεῖν, болг. *мі́сля*, сербохорв. *ми́сли́ти*, *ми́слим*, словен. *misliti*, *míslim*, западнославянские: чеш. *mysliti*, слвц. *mysliet'*, польск. *myśleć*, в. -луж. *myslić*, н. -луж. *mysliś*. Данный глагол является производным от *мысль*, род. п. -и, укр. *ми́сль*, др. -русск., ст. -слав. *мысль* ж. *δίανοια*, *λογισμός*, болг. *мі́сьл*, сербохорв. *ми́цао*, род. п. *ми́сли*, словен. *mísel*, род. п. *mísl*, чеш. *mysl*, слвц. *mysel*, польск. *myśl*, в. -луж., н. -луж. *mysl'*. По мнению М Фасмера, оно родственно многим индоевропейским словам: лит. *maudžiū*, *maudžiaū*, *maūsti* 'тосковать по, страстно желать', *āpmaudas* 'досада', гот. *gamaudjan* 'напоминать', *ufarmaudei* ж. 'забвение', греч. *μῦθος* м. 'речь', *μῦθεομαι* 'говорю, беседую, обдумываю', ср. -ирл. *smíainim* 'думаю' (\**smoudniō*), нов. -перс. *mōye* 'жалоба' (у из d), *must* - 'то же' [6, с. 25].

Количество производных исследуемого глагола установлено по "Словообразовательному словарю русского языка" А. Н. Тихонова [5, с. 642-644]. Производные от него слова делятся на однозначные и многозначные.

К глаголам, имеющим одно значение, относятся: *мылться, вымыслить, замыслить, измыслить, помыслить, примыслить, размыслить, смыслить, умыслить* (всего 9), а многозначными являются *домыслить, разномыслить, праздномыслить* (всего 3). Глагол *разномыслить* не приводится в толковых словарях, имеет только два вхождения в материалах НКРЯ, употреблённые более ста лет назад: *Публицисты, так называемые прогрессивные, и публицисты реакционные по основным вопросам так разномыслят, что не могут с успехом опаривать друг друга аргументами и даже словами.* (П. Б. Струве. Романтика против казенщины (1899)); *Что-нибудь одно: если Фрёлх был основателем секты "назаренов", то ему нечего было радоваться, что его правоверный ученик не разномыслит с ним* (В. Д. Бонч-Бруевич. Назарены в Венгрии и Сербии (1901)) [3]. Производное *праздномыслить* имеет одно значение [1], отличается такой же минимальной употребительностью. НКРЯ выдаёт четыре вхождения, два из которых использует М. Е. Салтыков-Щедрин в одном произведении: – *Положим, что капитал и небольшой, – праздномыслит Иудушка, – а все-таки хорошо, когда знаешь, что про черный день есть; Зато в кабинете, один на один с самим собою, он чувствовал себя полным хозяином, имеющим возможность праздномыслить, сколько душе угодно.* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (1875-1880)). Ещё два употребления фиксируются уже в начале XXI века, но в обоих случаях цитируются М. Е. Салтыков-Щедрин и А. С. Пушкин.

У существительных *мыслитель, недомыслие* обнаружено по одному значению, а существительное *мышление* имеет несколько.

Прилагательное *мыслимый* зафиксировано словарями как однозначное. Производное прилагательное *мыслительный* приводится в лексикографических источниках в качестве многозначного.

Всего от глагола *мыслить* образовано 12 глаголов (*мылться, вымыслить, замыслить, измыслить, помыслить, примыслить, размыслить, смыслить, умыслить, разномыслить, праздномыслить*); 3 существительных (*мышление, мыслитель, недомыслие*); 3 прилагательных (*мыслимый, мыслительный, мыслящий* (причастие-прилагательное)).

Производные от глагола *мыслить* слова образуются разными способами, что отображено в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Способ словообразования	глаголы	существительные	прилагательные
префиксальный	9	-	-
префисально-суффиксальный	-	1	-
суффиксальный	-	2	3
постфиксальный	1		-
лексико-синтаксический	2	-	-
всего	12	3	3

Таблица 2

Способ словообразования	Производные
префиксальный	глаголы: <i>вымыслить, домыслить, замыслить, измыслить, помыслить, примыслить, размыслить, смыслить, усмыслить.</i>
префиксально-суффиксальный	существительные: <i>недомыслие.</i>
суффиксальный	существительные: <i>мышление, мыслитель.</i> прилагательные: <i>мыслительный, мыслимый.</i>
постфиксальный	глаголы: <i>мыслиться.</i>
сращение	глаголы: <i>разномыслить, праздномыслить.</i>

Глагол *мыслить* довольно употребителен в русском языке. В материалах Национального корпуса русского языка обнаружено 1677 документа и 2796 вхождений. В текстах предыдущих периодов развития русского языка он также фиксируется. В древнерусском подкорпусе найдено 7 документов и 14 вхождений с этим глаголом: *почиль в тебе моласа благому боу. нь не вьмь что мыслить мѣрдыи бѣ сътворити. азъ ти покажю мѣтвѣника* (Чудеса Николы // Рукопись Российской национальной библиотеки Ф. п. I 46 конца XII в). **В старорусском подкорпусе** найдены 13 документов и 20 вхождений для глагола **мыслить**: *И учаль Государь мыслить з братомъ своимъ с Княземъ Владимиромъ Андрѣевичемъ и з бояры...* (Книга глаголемая летописец Федора Кирилловича Нормантского (1474 – 1560 гг.) (1650-1700).

Производные от него слова имеют разную частоту использования. Наиболее употребительным глаголом по данным НКРЯ является *размыслить / размышлять* (1027 документов и 1374 вхождения). Остальные глаголы используются реже, например, глагол *помыслить* имеет 447 документов, 579 вхождений; глагол *мыслиться* – 59 документов, 111 вхождений; глагол *измыслить* – 55 документов, 57 вхождений, а *праздномыслить* и *разномыслить* – по 2 документа и столько же вхождений и т. д.

Наиболее употребительными существительными являются *мышление* (1153 документа и 3081 вхождение) и *мыслитель* (747 документов, 1168 вхождений). Остальные существительные используются несравненно меньше, например, *недомыслие* – 74 документа и 76 вхождений.

Наиболее употребительным прилагательным является *мыслящий* (375 документов и 450 вхождений). Далее идут прилагательные *мыслительный* 91 документ, 134 вхождения) и *мыслимый* (48 документов, 56 вхождений).

В пословицах употребляются глаголы *мыслить* и *смыслить* (*Богатый мыслит о золоте, а нищий о милостыне. Умный не тот, кто болтает, а тот, кто мыслити говорит. Не смыслит Вавила ни уха, ни рыла*). Из производных существительных от глагола *мыслить* в пословицах не обнаружилось ни одного. Но довольно часто используется производящее слово *мысль* (*Быстрее мысли ничего нет. Брови нависли – дума на мысли. Брови нависли – злота на мысли. Кривится рот – кривятся мысли. Пьяного речи –*

*трезвого мысли. Трезвого дума, а пьяного речь. Курчавый волос – кудрявые мысли*). Производные прилагательные в пословицах не зафиксированы.

Изучение глагола *мыслить* показало его довольно высокую словообразовательную активность, значительную частотность использования. Его многозначность свидетельствует о способности передавать разные оттенки мыслительной деятельности человека.

#### Список использованных источников

1. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь русского языка. – URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-80976.htm> (дата обращения: 14.02.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

2. **Мырадова, М.** Глагол *думать* и его производные в русском языке / М. Мырадова. – Текст : непосредственный // Дни студенческой науки : материалы XLIX студенческой научно-практической конференции (Гомель, 14 – 15 мая 2020 года). – Гомель, 2020. – С. 122. – Текст : непосредственный.

3. Национальный корпус русского языка : [сайт]. – Москва, 2003 – 2020. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.02.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

4. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., исправленное. – Москва : Русский язык, 1985. – 797 с. – Текст : непосредственный.

5. **Тихонов, А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка : [словарь] / А. Н. Тихонов. – Москва : Русский язык, 1985. – Т. I – 856 с. – Текст : непосредственный.

6. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотипное. – Москва : Прогресс, 1987. – Т. III. – 832 с. – Текст : непосредственный.

# РУССКОЕ СЛОВО КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛАВЯНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

*Атаманова Наталья Викторовна,  
Щербакова Анна Сергеевна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"*

*e-mail: atamanova2001@list.ru, shcherbakova\_anna\_2000@mail.ru*

*УДК 801. 3*

## ЛЕКСЕМА "ДУША" В ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОЛЕКТЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ДУХОВНОГО МИРОВИДЕНИЯ ПОЭТА-ФИЛОСОФА

*Natalya V. Atamanova,  
Anna S. Shcherbakova*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### LEXEMA "SOUL" IN A POETIC IDIOLECT F. I. TYUTCHEVA AS A REPRESENTATIVE OF THE SPIRITUAL WORLDVIEW OF THE POET-PHILOSOPHER

*В статье представлена попытка реконструировать духовный портрет Ф. И. Тютчева и выявить своеобразие его духовного мировидения на основе контекстуального анализа лексемы "душа", определены специфические особенности ее семантики в тютчевской поэзии, рассмотрена связь души с ценностно-значимыми категориями бытия, доказана идея тождественности поэтической и духовной личности поэта-философа.*

*Ключевые слова: поэтическая языковая картина мира, поэтическое мировидение, духовность, душа, Тютчев.*

*The article presents an attempt to reconstruct the spiritual portrait of F. I. Tyutchev and identify the features of his spiritual worldview based on the contextual analysis of the lexeme "soul", the specific features of the semantics of the lexeme "soul" in Tyutchev's poetry are identified, its connection with value-significant categories of life, the idea the identity of the poetic and spiritual personality of the poet-philosopher is proved.*

*Key words: poetic linguistic picture of the world, poetic worldview, spirituality, soul, Tyutchev.*

Масштабные исследования творчества и мирозерцания Ф. И. Тютчева, проводившиеся в разное время, привели к появлению ряда формул, к числу которых, несомненно, можно отнести представление о поэте не только как о философской, но и языковой, поэтической и духовной личности [1; 7; 8].

Особое внимание в современном тютчеведении отводится исследованию духовного мира поэта и его отражению в поэтических контекстах. Причем неоднократно отмечается, что уникальность такого явления, как поэзия Ф. И. Тютчева, обусловлена "ее связью с глубинной духовной природой как самого языка, так и творческой личности, для которой процесс выражения себя в слове и через слово был одновременно сверхличной потребностью и внутренней необходимостью" [7, с. 84]. Творчество поэта настолько срослось с его личностью, что воспринимается нами как выражение его дум, душевных переживаний, внутренних противоречий и философии. Более того, идея тождественности поэтической и духовной личности Ф. И. Тютчева объясняет общеизвестный факт: "... о нем и как о поэте, и как о личности надо судить в первую очередь по его стихам. Если они говорят одно, а биографические справки – другое, приоритет в смысле внутренней достоверности следует отдать стихам" [4, с. 84].

Безусловно, духовный портрет Ф. И. Тютчева, реконструкция его духовного мира будут неполными без изучения лексических единиц, репрезентирующих в своей семантике элемент духовности. В поэтических контекстах Ф. И. Тютчева роль таких единиц выполняют лексемы *душа* (152), *дух* (42) и образованные от них прилагательные *душевный* (8), *духовный* (8), а также индивидуально-тютчевское *душеспасенье* (1) [5].

Ведущим концептом в ряду представленных единиц является лексема *душа*, в ней сосредоточена внутренняя жизнь человека, его чувствования, желания, воля, сокровенные мысли и их настрой [6]. Тем самым душа концентрирует в себе внутреннее "я" человека, его духовно-нравственные установки. Именно такие ее общечеловеческие свойства нашли отражение в тютчевском понимании души, становящейся "своего рода хранилищем и вместилищем всех ценностно-значимых категорий бытия" [3, с. 12].

Душа, по Ф. И. Тютчеву, присуща как человеку, так и природному миру, являясь первоэлементом того и другого. Будучи первоэлементом человека, она всегда сосредоточена внутри, в глубине сердца: *"О вещая душа моя, О сердце, полное тревоги, – О, как ты бьешься на пороге Как бы двойного бытия!.."* <216> [9]. Глубинные процессы, происходящие в душе и скрытые в ней, не лежащие на поверхности, привлекают поэта. Вероятно, поэтому он чаще всего отдает предпочтение таким сочетаниям, как *"для души"* (*"Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный Был для души моей родимым краем"* <150>, *"И благодатна будет тень Для очарованной души"* <196>, *"Залог всего, что свято для души"* <241>), *"в душе"* (*"Увлечена, в душе уязвлена"* <184>, *"Как дорог мне был твой привет, Как им в душе я умилен"* <250>, *"Она в душе вас крепко полюбила"* <241>).

Причем подобные конструкции всегда носят положительную коннотацию, определяя отношение автора к душе как вместилищу гармоничного, духовного, удовлетворяющего начала. В связи с этим душа связана с такими абстрактными понятиями, как *теплота, радость, любовь, сомненье,*

*горесть, грусть: "Как полно всё душевной теплоты!"<298>, "Душу божьего творенья Радость вечная поит"<17>, "Своею чуткой, любящей душой"<239>, "В груди тоска, в душе сомненье"<33>, "И горесть вечная в душевной глубине!"<10>, "Невольной грустью душу осенила!"<66>.*

Представление о душе как о некоем элементе, связанном с жизнью, теплотой повторяется в разных стихах: *"Вам душу согреет и жизнь оживит"<25>, "Что греет душу и живет"<28>.*

Душа в поэзии Ф. И. Тютчева тесно связана с такими ментальными понятиями, как *память, воспоминанье*. Если что-то возникает в памяти, то обязательно проходит через душу, фиксируется в ней, а затем отражается в сознании человека: *"Минувшее повеяло мне в душу"<35>, "И мудрено ль, что память о высоком Невольной грустью душу осенила!"<66>, "Воспоминанье их мне душу одолело!"<87>, "К протекшему душою улетал"<18>, "Нет дня, чтобы душа не ныла, Не изнывала б о былом"<280>.* Если же этого не происходит, то для нее *"еще страшней Следить, как вымирают в ней Все лучшие воспоминанья"<304>.* В этом плане человеческая душа превосходит человека: предсмертная мука, "истома смертного страданья" переживается ею более явственно.

Описывая проникновение прошлого в душу, поэт использует такие глаголы, как *обвеять, повеять* (*"Нам на душу отрадное дохнет, Минувшим нас обвеет и обнимет"<152>, "О, дай болящей исцеленье, Отрадой в душу ей повеет"<384>), дохнуть, вдохнуть* (*"Как душу всю свою она вдохнула Как всю себя перелила в меня"<275>), обдать* (*"И душу нам обдаст как бы весною"<152>).* Душа при этом выступает как нечто отвлеченное, гармоничное, вселяющее надежду и приподнимающее "страшный груз" прошлого.

Душа у Ф. И. Тютчева является локусом временного – прошедшего и настоящего, поэтому роль внешнего фиксатора играют и объекты реального мира, например, отвлеченные понятия *смех* (*"Как безумья смех ужасный, Он всю душу мне потряс"<107>), думы* (*"Бесценный грунт небес, печальная земля, – Всё на душу раздумье наводило"<78>).*

Природа, как и человек, обладает душой в поэзии Ф. И. Тютчева. Подтверждением тому являются строки: *"... природа: Не слепок, не бездушный лик – В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть язык"<121>.* Душой наделены здесь как абстрактные понятия (*"Душой весны природа ожила"<37>), так и конкретные* (*"Что в дерево вливала душу"<12>).* Нередко душа человека соприкасается с душой природы, и это как нельзя четко представлено в антиномии "человек – морская волна" [2, с. 87]. Душа и морская волна – это, согласно тютчевскому мироощущению, "два проявленья стихии одной"<192>. Обычно человеческая душа слаба перед законами природы. У человека возникает желание *"потопить душу свою" в обаянье морских волн<265>, "схоронить на дне морском"<200>.*

Исход всегда один: *"Душа впадает в забытьё, И чувствует она, Что вот уносит и её, Всесильная волна"*<231>.

Душа воспринимается Ф. И. Тютчевым как одушевленная абстракция, существующая вверху и не всегда доступная человеческому взору: *"К крылам души, парящим над землею, Не скоро нам телесные найти"*<88>, *"Души, парящей над толпой"*<186>. Она непостижима – "элизиум теней", бессмертна (*"И в страшную минуту роковую Всё той же будет, чем была"*<239>). Поэт наделяет ее человеческими возможностями: умением видеть (*"Очам души моей"*<89>), говорить (*"Как часто высказать себя Душа сия хотела"*<68>), петь (*"Душа не то поет, что море"*<272>), страдать (*"Как ни страдай она, любя, – Душа, увы, не выстрадает счастья, Но может выстрадать себя"*<264>), любить (*"Одной заветной отдалась любви И ей одной дышала и болела"*<264>), вспоминать (*"Нет дня, чтобы душа не ныла, Не изнывала о былом"*<280>).

Движение души в небесное пространство воспринимается как соприкосновение с бессмертным, вечным, неизведанным: *"О, как тогда с земного круга Душой к бессмертному летим!"*<26>. Влияние внешнего мира на душу может иметь разный характер. Чаще оно негативное, носит пагубные последствия: *"Толпа, нахлынув, в грязь втоптала То, что в душе её цвело"*<187>. Человек *"в душе своей, как в бездне, погружен"*<166>, *"в душе уязвлен"*<184>. Нередко бывает и обратный процесс: *"Из тяжкой вырвавшись юдоли И все оковы разреши, На всей своей ликует воле Освобожденная душа"*<329>. Человеческая душа стремится к гармонии или порой способна сама создавать гармоничность окружающего пространства: *"Но если бы душа могла Здесь, на земле, найти успокоенье..."*<188>, *"Душа его возвысилась до строю"*<201>. Чаще всего гармонии душа обретает в небесном пространстве: *"Как души смотрят с высоты На ими брошенное тело"*<230>.

Описывая душу, поэт подчеркивает разные ее состояния: с одной стороны, она очарованная<196>, святая<241>, безоблачная<281>, борющаяся<293>, восхищенная<18>, цветущая<187>, освобожденная<329>, просветлевшая<140>, в ней *"высокий строй"*<201>, *"неисчерпаемый запас"*<347>, с другой – болящая<348>, болезненно-греховная<188>, измученная<202>, мертвенная<267>, отчаянная<272>, усталая<383>.

Ф. И. Тютчев выделяет разнообразные свойства души, присущие как человеку, так и природному миру. Одним из них является родство душ, или, по Ф. И. Тютчеву, *"их съединенье, сочетание, роковое слиянье"*<181>: *"Породнись душа с душой!"*<17>, *"Союз души с душой родной"*<181>. Посредством лексемы *душа* поэтом отмечается духовное единство народа: *"За вами понесутся вслед – Всех русских душ торжественный привет"*<369>. Всё родное, родственное для поэта откладывает свой отпечаток на душе (*родные душе места*<215>, *поэзия*<69>, *любовь*<229>, *всё милое*<116>).

Тютчевская душа обладает противоположными субстанциями, в частности поэт одновременно отмечает ее пустоту ("*Распленье души и пустота*"<225>) и полноту ("*Есть целый мир в душе твоей Таинственно-волшебных дум*"<73>). Особую значимость для него приобретает такой признак души, как глубина. Это свойство души выражается в сочетаниях "*всей душой*" <247>, непосредственно лексемами *глубина*, *глубь* ("*Во всех души своей дрожащих глубина*"<86>, "*Лейся в глубь моей души*"<109>). Тютчевская душа – целостная субстанция: "*Душа, душа, которая всецело Одной заветной отдалась любви*"<264>. Поэт воспринимает ее как абстракцию, обладающую таинственностью: "*В святилище души твоей*"<186>.

Таким образом, анализ семантики лексемы *душа* в поэтических контекстах Ф. И. Тютчева позволяет утверждать превалирование в ней живого, одухотворенного, жизненного начала, что проявляется не только в существовании души в мире человека и объектах природного мира, но и обнаружении в ее структуре свойств и качеств человека, самого поэта.

#### Список использованных источников

1. **Атаманова, Н. В.** Исследование феноменальности и уникальности Ф. И. Тютчева как языковой поэтической личности / Н. В. Атаманова // Дискуссия. Политематический журнал научных публикаций. № 12 (30) декабрь 2012. – Екатеринбург, 2012. – С. 168 – 172. – Текст : непосредственный.
2. **Атаманова, Н. В.** Философские предпосылки формирования отвлеченности в языке поэзии Ф. И. Тютчева / Н. В. Атаманова // Язык и культура: Материалы Международной научной конференции. Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко. 27 – 29 сентября 2012 г. Вып. 15. Том III (157). – Киев : Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – С. 86 – 92. – Текст : непосредственный.
3. **Калашникова, А. Л.** Образ души в художественном мире Ф. И. Тютчева: Автореферат дис. ... канд. филол. наук / А. Л. Калашникова. – Екатеринбург, 2015. – Текст : непосредственный.
4. **Козырев, Б. М.** Письма о Тютчеве / Б. М. Козырев // Литературное наследство: Ф. И. Тютчев. Т. 97. В 2-х книгах. – Москва : Наука, 1988. Кн. 1. – С. 70 – 131. – Текст : непосредственный.
5. **Конкорданс полного собрания стихотворений Ф. И. Тютчева. А – Я** / Сост. Н. В. Атаманова, А. Л. Голованевский; под общей редакцией доктора филол. наук, проф. А. В. Антюхова / А. Л. Голованевский, Н. В. Атаманова. – Брянск : Курсив, 2013. – Текст : непосредственный. Частотность лексем, употребляющихся в поэтических контекстах Ф. И. Тютчева, указывается по данному источнику в круглых скобках.
6. **Словарь русского языка: В 4-х т.** / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1981 – 1984. – URL: <http://>

slovari (дата обращения: 15.04.2021). – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

7. **Тильман, Ю. Д.** Культурные концепты в языковой картине мира (на материале лирики Ф. И. Тютчева): дис. ... канд. филол. наук / Ю. Д. Тильман. – Москва, 1999. – Текст : непосредственный.

8. **Тынянов, Ю. Н.** Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. – С. 38 – 51. – Текст : непосредственный.

9. **Тютчев, Ф. И.** Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев. – Ленинград : Советский писатель, 1987. – Текст : непосредственный.

*Ахраменко Петр Евгеньевич*

*УО "Мозырский государственный педагогический университет  
имени И. П. Шамякина"  
e-mail: [piter2105@yandex.ru](mailto:piter2105@yandex.ru)*

УДК 81'282. 2

## **ЛЕКСИКА РОМАНА И. МЕЛЕЖА "ЛЮДИ НА БОЛОТЕ" И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

*Pyotr Y. Akhramenko*

*Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin*

### **THE VOCABULARY OF THE NOVEL "PEOPLE IN THE SWAMP" BY I. MELEZH AND THE PECULIARITIES OF ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN**

*В статье рассматриваются особенности употребления лексических средств, используемых в романе И. П. Мележа "Люди на болоте". Обращается внимание на то, что отбор лексем обусловлен дискурсивным полем описываемого, в связи с чем как в оригинальной белорусскоязычной форме романа "Люди на болоте", так и в переводе его на русский язык используется диалектная лексика.*

*The article deals with the peculiarities of the use of lexical means used in the novel "People in the Swamp" by I. P. Melezh. Attention is drawn to the fact that the selection of lexemes is determined by the discursive field of the described, and therefore both in the original Belarusian-language form of the novel "People in the Swamp" and in its translation into Russian, dialect vocabulary is used.*

*Ключевые слова: диалектная лексика, типы диалектизмов, языковые средства, реплики героев произведений.*

*Keywords: dialect vocabulary, types of dialectisms, language means, replicas of the characters of the works*

И. П. Мележ, наш полесский классик, известен далеко за пределами Беларуси. В феврале 2021 года мы отмечали юбилей – 100-летие со дня рождения талантливого писателя. И. П. Мележ – автор многочисленных

рассказов. Наиболее известным его произведением является трилогия "Полесская хроника". Его первая часть, роман "Люди на болоте", интересен своим содержанием, сюжетом, композицией – всем; но более всего притягателен особенностями своего языка. За этот роман в 1962 году Иван Мележ стал лауреатом литературной премии имени Якуба Коласа [1]. Особенности языка романа является, прежде всего то, что в нем очень много диалектизмов. Вначале, при работе над русским литературным вариантом романа, И. Мележ не хотел включать в него диалектизмы, заменял их на литературные формы. Но потом понял, что при этом переводе роман теряет свое "лицо". И он стал употреблять в ткани русского текста белорусские полесские диалектизмы и увидел, что, по словам И. Мележа, текст "расцвел", "заблестел", "засверкал" новыми красками.

Как известно, лексика современного русского языка с точки зрения сферы своего употребления распадается на две большие группы. Одну группу образуют общенародные слова – лексика, известная и употребляемая всеми говорящими на русском языке. Другую группу составляют слова, ограниченные в своем бытовании, например, определенной диалектной языковой средой.

Диалектная лексика является лексикой внелитературной, лексикой устной разговорно-бытовой речи какой-либо части народа, объединенного территориальной общностью.

Диалектизмы, будучи употребленными в художественной литературе, осознаются как чуждые литературному языку, но, употребленные в определенных стилистических художественно-выразительных целях в художественных текстах, несут на себе большую смысловую и стилистическую нагрузку.

Известный языковед Н. М. Шанский говорил: "Многие из лексических диалектизмов отражают далекое прошлое нашего языка и являются по происхождению исторически народными словами, сохранившимися лишь на отдельных территориях. Такое сохранение старых, исконно русских слов или их прежних значений объясняется устойчивостью отдельных языковых явлений и специфическими особенностями их развития в народных говорах. Например: *веред* (нарыв, болячка), *беремя* (охапка), *солодкий*, *долонь* (ср. *ладонь*; гладкое место для тока), *борошно* (ржаная мука), *сором* (срам), *живот* (пожитки), *зобать* (есть; производное *забота*), *пахать* (в значении "махать", %). *опахало*), *жуда* (ужас, страх; производное *жуткий*), *скаря* (скряга, ср. того же корня *скарעד*), *осерело* (горло, пасть) и др." [4, с. 32].

И. Мележ, выросший в Хойникском районе, как настоящий художник слова, не мог не использовать в своих произведениях те языковые средства, которые служили "визитной карточкой" Хойникского района. Для этого он использует такой прием, как использование в тексте романа диалектной лексики, которая отражает быт и уклад полешуков, их языковой

портрет. В романе "Люди на болоте" использование диалектизмов является не только средством создания местного колорита, но и персонификации героя. Писатель тонко и бережно вводит в повествование слова из диалектного запаса, из живой разговорной речи народа для создания художественного образа.

Жители деревни Курени жили замкнутым кольцом, следствием этого, вероятно, и является устойчивость хойникского диалекта. Из поколения в поколение, из рода в род передавались в крестьянских семьях принципы чести, добропорядочности, трудолюбия, почитания старших, любовь к родной земле, к родителям. Высокая сознательность, непримиримость к лодырям, вера в Бога – отличительная черта не только жителей деревни Курени, но и в целом всего белорусского народа.

С малых лет дети работали на земле, смотрели за хозяйством, помогали своим родителям по хозяйству.

Когда И. Мележ давал характеристику своим персонажам, он стремился использовать диалектную лексику с целью отражения реальности через мировосприятие крестьянина-работника, тем самым делая язык произведения характеристикой, языковым портретом героя. А в произведении начинала звучать живая народная речь:

*А что глаза у тебя такие – дак мне это, правду сказать, по душе. Таких ни у кого больше нет! И сам ты – хороший, только что молчаливый, хмурый. Все одно как **гребуешь** девками, или боишься!* [3, с. 33]

Диалектную лексику И. Мележ вводит в реплики героев романа. Речь главных героев богата различными типами диалектизмов (фонетическими, словообразовательными, грамматическими и лексическими).

В языке оригинале нашли свое отражение, например, такие фонетические особенности, характерные хойникским говорам, которые в переводном русском тексте приобретают яркость и выразительность:

1) Наличие гласного звука у на месте гласных русских литературных звуков [ы, и, о], : *кабулка, забуўся, прыбутак, кумпанія* ит. д.

Сравните: *Ён супоню дома забуў!* [2, с. 23]; и в тексте перевода: *Он супонь дома забыл* [3, с. 21].

– *Глядзі, недалёко. Штоб на бандзітаў не нарвацца! Чуў я, у Мокуці ўчора булі...* [2, с. 31].

2) Наличие гласного йотированного звука [э] на месте звука [э] : *етай, етаго? етакі, ету.*

– *Дзядзечко, хадзем к нам!*

– *Чаго это? – Васіль няветліва адварнуўся* [2, с. 30].

3) характерно отражена в романе и такая фонетически особенность хойникского говора, как наличие гласного звука [э] на месте звука [а] :

– *Харчоў. І кеб хутко!*

– *Як умею... Эх, – Руды нявесела пачухаў патыліцу* [2, с. 68].

А также наличие гласного звука [з] на месте гласного [о на конце наречий времени:

– *Вазьмі шчэ. Ці от рэдзькі ўкусі...*

– *Наеўся ўжэ...* [2, с. 38]

При переводе на русский язык диалектизмы приобретают свою особую неповторимость, яркость, эмоциональность:

– *Боішся?* - ласково улыбається Ганна и добавляет – *Я злая, если что не по мне! Хведька страсть как боится!* [3, с. 37]

– *А что ж! Не гневи бога, Митрыхван. Жывем, хлеб жуем – кормят, поят и на работу не осень...* [3, с. 103]

– *Не-а, мне не трудно. Мне легко дается. Особенно – письмо. По письму я самый первый в классе... только арифметика подводит...* [3, с. 89]

В качестве словообразовательных диалектизмов в языке романа "Люди на болоте" используются наречия с суффиксом -о-: *блізка, ціхо, дружненько, непагано, добранько.*

– *Ціхо, бо ты, старое верацяно!* – *зазваваў ён нарэшыце* [2, с. 88].

Лексические диалектизмы используются автором для наименования местных названий предметов и реалий:

– *Давай я ралцы зраблю!* [2, с. 32]

И. Мележ как средство стилизации текста использует и грамматические особенности диалектизмов:

– диалектная форма глагола "есть" – усеченная форма "е":

*У нас е запалка, – радасна наведаміў Хведзька, забегачы наперад Васіля* [2, с. 30].

Диалектизмы представлены разными частями речи – это **глаголы**: *успёся, буў; наречия*: *ціхо, добро, маленько, адсоль, датуль, ужэ; имена существительные*: *чалавеча, мамо, бацько; слова категории состояния*: *трэ: Каня трэ хутчэй прывесці! местоимения*: *ету, етакі; служебные части речи*: *кеб, ей, вунь, бо.*

Диалектизмы придают особенную образность, живость, яркость речи главных героев романа. Это явление можно наблюдать независимо от того, является ли текст-оригинал или перевод. Например, сравните:

Примеры из текста оригинала: *Васіль думае, шукае, што ей сказаць.*

– *У Карча вараны жарабец нагу на цвік насадзіў. . Кульгае... Корч ездзіў у мясцечко па дохтара...*

*... І што – будзе ён бегаць, жарабец той?*

*Кажуць, будзе. Але, мабуць папарваў на сабе валасы стары Корч... пакуль супакоілі, – са злой радасцю дадаў Васіль.*

*Ганна неспадзеўкі прамовіла:*

– *Ты бо зайздросціш?*

*Я? Не... – асёкса Васіль. – Е чаго?* [2, с. 46]

В русскоязычном переводном тексте романа автор использует диалектную белорусскую лексику как средство характеристики своих героев, характеризуя их социальный статус:

*Не бавься слишком... – не удержалась, попросила вслед мать [3, с. 37].*

*Чего с ним **вожжаться?! – нетерпеливо воскликнул один, стоявший поодаль. – Развиднеет скоро. Кокнуть и- все!** . [3, с. 53]*

Диалектная лексика используется писателем в речи персонажей для реалистического создания их образов и их характеров. Речь персонажей помогает читателю понять их духовный мир, жить их жизнью.

Колоритный язык Василя и Ганны помогает читателю увидеть широкое полотно народной жизни, реальные события того времени:

*Она помолчала.*

*- Василь, а **мо** тут станем? – промолвила мать. – Вместе с ... ? Местинка, гляди, какая [2, с. 24].*

*Лежи ты, нуда! Чего **всперся** ни свет ни заря? [3, с. . 18]*

Именно через язык своих героев И. Мележ показал характерные черты белорусских полешуков, показал миру наш национальный характер, его душевную широту.

#### **Список использованных источников**

1. Люди на болоте. Иван Мележ. Награды : [сайт]. – URL: <https://www.livelib.ru/book/1001419657-lyudi-na-bolote-ivan-melezh> (дата обращения: 02.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

2. **Мележ, I.** Людзі на балоце / I. Мележ. – Мн. : Маст, літ., 1991. – 400 с. – Текст : непосредственный.

3. **Мележ, И.** Люди на болоте / И. Мележ. – Мн. : Маст. лит., 1987. – 387 с. – Текст : непосредственный.

4. **Шанский, Н. М.** Русский язык. Лексика. Словообразование / Н. М. Шанский. – Москва : Просвещение, 1975. – 240 с. – Текст : непосредственный.

**Большаков Александр Дмитриевич**

ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский  
государственный университет им. Н. И. Лобачевского"  
e-mail: barsikapfff-2@mail.ru

УДК 811. 163. 1+81'35

## **"КОРПУС БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ" В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ КОДИФИКАЦИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА**

**Alexandr D. Bolshakov**

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod –  
National Research University

### **THE "CORPUS OF LITURGICAL BOOKS" FROM THE POINT OF VIEW OF PROBLEMS OF CODIFICATION OF CHURCH SLAVIC LANGUAGE**

*Имеющиеся в диатопных и диафазных раз-  
новидностях церковнославянского языка  
разночтения в значительной степени пре-  
пятствуют его кодификации. Отсутствие  
кодификации, т. е. четких и непротиворе-  
чивых нормативных предписаний, пред-  
определяет наличие разночтений. В услови-  
ях такого порочного круга стабилизиро-  
вать систему может только внешнее  
вмешательство. При определенных услови-  
ях таковым может стать реализация про-  
екта "Корпус богослужебных книг".*

*Discrepancies existing in diatopic  
and diafasic sorts of Church Slavic  
texts hinders from codification of  
them. Absence of codification (exact  
and consistent normative instruc-  
tions) predetermines presence of  
discrepancies. Only external inter-  
vention can stabilize system in this  
vicious circle. Realization of project  
the "Corpus of liturgical books" can  
become this intervention in some  
conditions.*

*Ключевые слова: церковнославянский язык,  
антистих, графика и орфография, омони-  
мия, вариативность и инвариант, книжная  
справа, кодификация*

*Keywords: Church Slavic language,  
principle of antistich (anti-verse),  
graphic and orthography, homony-  
my, variability and invariant, book  
correction, codification.*

Начало XXI в. было отмечено знаменательным событием: в 2001 г. стартовал проект «Корпус богослужебных книг», который подразумевает полное переиздание в компьютерном наборе всего литургического корпуса Русской Православной Церкви. Уже вышли в свет Типикон (2002), Часослов (2004), Служебник (2004), Триодь Постная (2008), Октоих (2011–2014), Триодь Цветная (2010–2021), Апостол (2015), Псалтирь Следованная (2016), выдержавшие по несколько переизданий. Выпускаются также издания отдельных служб и треб, где чинопоследования представлены «наряду»: например, службы Пасхи и Светлой седмицы (2014), последования венчания (2016), панихиды (2019) и др.

Это, казалось бы, совершенно утилитарное предприятие потенциально может иметь далеко идущие последствия. Раньше всего: это обозначает принципиально новый этап в книгоиздательстве на церковнославянском языке. В Российской империи богослужebные книги издавались в основном в столичных синодальных типографиях Москвы и Санкт-Петербурга. Судя по указам Священного Правительствующего Синода, в Российской империи деятельность любой провинциальной типографии должна была быть сведена лишь к тиражированию подготовленных в них изданий, «чтобы розни и особаго наречия [в реализующемся в тексте конкретного издания церковнославянском языке – А.Б.] *никакого не было*» [26, с. 787]. Безусловно, для стандартизации текста и стандартизации языка вообще это подразумевало серьёзный положительный эффект.

В дальнейшем в силу объективных исторических причин славянское книгоиздание в России переживает состояние глубочайшего упадка. После восстановления патриаршества в 1943 г. тексты на церковнославянском языке издаются в минимальном объёме и в подавляющем большинстве случаев – только репринтным способом, т.е. воспроизводят состояние церковнославянского языка, актуальное на кон. XIX – нач. XX вв. В кон. XX в. в связи с изменениями историко-культурной и информационно-технологической конъюнктуры расширение как круга церковных издательств, так и репертуара их изданий принимает взрывной характер.

А.Г. Кравецким и А.А. Плетнёвой [9, с. 19–24] – вслед за Н.И. Толстым – периодизация новейшей истории церковнославянского языка русского извода описывается как «*довольно последовательная смена периодов централизации <...> и децентрализации*» [24, с. 53]. С этой точки зрения реализация проекта «Корпуса...» может означать наступление очередного периода централизации, поскольку на Издательский Совет (преемник бывшего Издательского отдела Московской Патриархии), как и в ситуации XVIII–XIX вв., возложена задача проведения экспертной оценки книг, в т.ч. присвоение соответствующих грифов богослужebным изданиям [17].

Другим ключевым, а в историко-лингвистическом смысле даже ещё более важным моментом является сам факт *новонаборного*, а не репринтного издания литургического корпуса. Это, во-первых, допускает возможность устранения совершенно очевидных ошибок дореволюционных тиражей (о втором существенном следствии позже мы скажем отдельно). В качестве примера можно привести ставшую «хрестоматийной» среди клирошан опечатку в Пс. 54:16 в составе часа́ шестаго. В репринтном Часослове читаем: да прии́детъ же смерть на т̑ из да сни́дуть во г̑дъ жи1ви [28, л. 60об]. Общая идея стиха ‘пусть они погибнут’ выражена через вполне обычный для ветхозаветной поэтики *hendiadys*, членами которого являются две перифразы. Безусловно, составляющие какой-либо конструкции должны относиться к тому же грамматическому лицу, что и вся конструкция, однако 2Sn т̑S противоречит 3Pl сни́дуть, причем не только по

лицу, но также и по числу. В новонаборном Часослове вызванное опечаткой недоразумение устранено и мы читаем: да приидеть же смерть на нс из да снидуть во ѣдъ жи<sup>1</sup>ви [27, с. 100] – как и в дореволюционных Библии [3, л. 716а], Псалтири [19, с. 97], иерейском молитвослове [4, л. 67] и др. То же и на Шестопсалмии – в тексте псалма читаем: ѣще поминахъ т<sup>5</sup>с на постели моей, на ѣтреннихъ поучах<sup>у</sup>сз въ т<sup>5</sup>с, ѣкв бл<sup>ѣ</sup>ь ѣзси<sup>2</sup> пом<sup>о</sup>щникъ м<sup>о</sup>й, из въ кр<sup>о</sup>вѣ крил<sup>у</sup> тво<sup>ѣ</sup>ю возраду<sup>ю</sup>сз [28, л. 34об] (*3Pl* вопреки однозначному контексту *ISn*), тогда как в реплике – поучахсз [28, л. 34об] (в Иерейском Молитвослове [4, л. 34об–35] и Каноннике [7, л. 35об–36] в обоих случаях читается верная форма). Переиздание Часослова эту ошибку, увы, сохраняет [27, с. 48].

Однако, во-вторых, возможность компьютерного набора позволяет не только устранять те или иные ошибки. Известно, что одной из ключевых особенностей церковнославянского языка является широкое применение дифференцирующего принципа орфографии – т.н. принципа антистиха, который даже называют «*иконой Православия*», *стремящейся к однозначному соответствию между планом выражения и планом содержания*» [18, с. 550б]. Инвентарь его сравнительно невелик: для устранения большей части случаев числовой омонимии (а именно она составляет основную область применения антистиха) используются 4 дублета (ѣ, ѡ, ѣ, з) и камора (†), однако следует признать, что этим однозначность плана выражения исчерпывается.

Дело в том, что конкретный алгоритм употребления этих средств фактически отсутствует, точнее рекомендации излагаются настолько непоследовательно, неопределённо и несистемно, что вывести из них какую бы то ни было результирующую порой весьма и весьма затруднительно. Например, в редакции иером. Алипия (Гамановича): «*В надежах двойственного и множественного чисел для отличия их от созвучных им падежей единственного числа в основах или флексиях слов вместо о ставится ѡ, вместо е ставится ѣ, а где нет этих гласных, то ставится обличенное ударение <...> При наличии в слове о и е предпочтение обычно оказывается ѡ, впрочем много зависит от писателя, который может выбрать ѡ или ѣ или обличенное ударение в зависимости от того, какой знак будет более удобным*» [1, с. 45–46] (в том или ином виде эта формулировка повторяется большинством учебных и справочных пособий, сам же владыка повторяет, хотя и с некоторыми уточнениями, К. Козьмина [8, с. 12]). Форма *дobleственнейша* в таком случае может быть записана и как *днблественнейша* (приоритет омеги), и как, например, *дobleственнейша* (выбор писателя). Даже наиболее обстоятельное руководство Д.Д. Соколова и современный опыт Л.И. Маршевой не дают однозначного и непротиворечивого правила.

В свою очередь находящиеся в употреблении церковнославянские тексты подчас только запутывают картину. Так, например, несмотря на

требование расподобления ближе к концу слова (по Д.Д. Соколову [23, с. 14]), мы имеем нѣмѡщи [4, л. 4; 7, л. 1об; 28, л. 14 и т.д.]; несмотря на требование однократного расподобления (косвенно выводимо из предыдущего требования; у Л.И. Маршевой указано напрямую [12, с. 17]) – кѡлѡна [5, гл. 6, п. 8], неизслѡдѡванназ [27, с. 19]. В таком случае графико-орфографическая вариативность возрастает экспоненциально: например, форма *естества* может иметь 3 варианта расподобления, *естественна* – 7, *естественнейша* – 15, *преестественнейша* – 63.

В этом свете наборный характер изданий приобретает ещё бóльшую актуальность: если репринтные издания воспроизводят (и тем самым узаконивают) имеющуюся вариативность, то теперь появляется возможность эту вариативность упорядочить. Надо сказать, что это касается не только согласования между собой тех или иных деклараций антистиха и конкретных их применений: на других уровнях языка мы можем наблюдать аналогичные явления. Например, в не связанной с антистихом орфографии: тѡщъ [3, л. 689б, 1527б] и тѡщъ [2, л. 125; 19, с. 18]. В фонетике: ѡтверженіе [6, л. 32] и ѡтверженіе [6, л. 154об], пдежду [3, л. 296а] и пдеждою [3, л. 162а, 650б], чужде [3, л. 970б] и чуждо [3, л. 827б, 1176б], изжденуть [3, л. 1289а; 16, л. 13] и иззженуть [4, л. 78; 7, л. 71; 28, л. 68], раждегуть [3, л. 1082а *bis*] и разжегѡ [3, л. 886б, 958б, 1135б] (в т.ч. и в пределах одной фразы: сѢ, вси2 вы2 ѡгнь раждизаете из ѡкрѣплете пламень: ходите свѣтомъ гнѡ вашего из пламенемъ, ѡзгоже разжегѡсте [3, л. 932а]. В лексике: верхъ ѡнѡкъ [4, л. 202; 7, л. 173об] / гнѡлѡвъ [15, л. 218об-І; 13, л. 345об] твои1хъ, гдѡ; из иззбави насъ тѡ всѡмъ нужды из печали [6, л. 117об; 15, л. 8-ІІ] / скѡрби [25, л. 65об]. В морфологии: ѡслѡши ны2, бѡе, спси1телю нашъ, ѡпованіе всѡхъ концевъ [3, л. 620б; 19, с. 111] / концевъ [22, с. 38] земли2; ѡкѡ ви1дѡстѡ [3, л. 1357а; 21, л. 100] / ви1дѡста [4, л. 97; 7, л. 83об] ѡчи мои2 спсѡніе твоѡ; вѡчце, приими2 молибтвы [15, л. 8-ІІ] / моли1тву [15, л. 12-І] рѡбъ [14, л. 266об] / рабнѡвъ [6, л. 117об; 15, л. 8-ІІ] твои1хъ. В синтаксисе: ѡ ѡже ѡѡти1тисѡ, ѡ ѡже снисходи1ти, ѡ ѡже бѡти, ѡ ѡже низпослати, ѡ ѡже просвѡти1тисѡ vs. ѡ иззбавитисѡ [25, 63об].

Большинство приведѣнныхъ примеровъ такъ или иначе затрагиваетъ саму церковнославянскую языковую систему. ѡтверженіе – явный русизм; пдеждою и чуждо в корне противоречатъ церковнославянской фонологии (равно какъ и бѡгѡрѡдичѡ [6, л. 50], вѡнѡнѡвъ [6, л. 156]) [11]; ви1дѡста и рабнѡвъ канонизируетъ разрушеніе падежно-числовыхъ парадигм; если ѡ ѡже + *inf.* – синтаксическая калька, то ѡ + *inf.* – антимерия. Можетъ показаться, что примеры тенденциозны и утрированы, однако ѡтверженіе в сущности своей равносильно, например, *золотой, один, лью*, что мы и наблюдаемъ: локавшихъ, локавшими, полѡчетъ, лѡчетъ [3, л. 300а],

т0пчушихъ [3, л. 593б], т0пчуть [3, л. 907а], т0пчушь [3, л. 923б], шепчуть [3, л. 383а], њжереліе [3, л. 100б, 113б, 666а], пролей [19, с. 119]; если иЗзженуть объясняется морфемной узнаваемостью, этим же можно оправдать и \*рекци2/\*ректи2 (ср. почерпсти2 [3, л. 336а], погребсти2 [3, л. 24б и др.]).

С учётом упомянутых выше центростремительных процессов и новых технических возможностей не будет преувеличением утверждать, что участники проекта «Корпуса...» находятся в условиях, аналогичных условиям справщиков XVII в. Так, в области того же антистиха может быть избран, например, приоритет иерархии (по Алипию (Гамановичу)) или позиции (по Д.Д. Соколову) графем, возможность (по Е.А. Кузьминовой [10]) или невозможность (по Л.И. Маршевой) комбинаторики, что естественным образом обеспечит изоморфизм диатопных и диафазных разновидностей церковнославянских текстов, а значит, в перспективе, подготовит необходимый базис для создания адекватной научной грамматики не в виде инвентаризации возможных вариантов, а в виде чётко сформулированных алгоритмов и императивов, следование которым при подготовке новых текстов (ещё не переизданных или вновь составленных) и ознаменует собой кодификацию церковнославянского языка и стандартизацию церковнославянских текстов. В противном же случае мы вынуждены будем признавать правоту д. И. Реморова: *«никакой узус [диатопных и диафазных церковнославянских текстов – А.Б.] не является отклонением от нормы»* [20, с. 29], что будет означать принципиальную невозможность кодификации церковнославянского языка.

#### Список использованных источников

1. **Алипий (Гаманович)**, иером. Грамматика церковно-славянского языка. – Москва, 1991. – Текст : непосредственный.
2. Апостол. Репринтное издание. – Москва, 2001. – Текст : непосредственный.
3. Библия. – Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1900. – Текст : непосредственный.
4. Иерейский молитвослов. – Москва : Синодальная типография, 1900. – Текст : непосредственный.
5. Ирмологий. – Киев : Типография Киево-Печерской Лавры, 1890. – Текст : непосредственный.
6. Ирмологий. – Москва : Синодальная типография, 1881. – Текст : непосредственный.
7. Канонник. – Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1879. – Текст : непосредственный.
8. **Козьмин, К.** Грамматика церковно-славянского языка нового периода. – Москва, 1903. – Текст : непосредственный.

9. **Кравецкий, А. Г., Плетнёва, А. А.** История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX в.). – Москва, 2001. – Текст : непосредственный.

10. **Кузьминова, Е. А.** Принцип антистиха в славянской грамматической традиции / Е. А. Кузьминова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2011. – № 5. – С. 36 – 55.

11. **Людоговский, Ф. Б.** Фонологическая система современного церковнославянского языка / Ф. Б. Людоговский. – Текст : непосредственный // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. – Казань, 2006. – Т. 1. – С. 17 – 19.

12. **Маршева, Л. И.** Орфография церковнославянского языка. Теоретический очерк. Упражнения. – Москва, 2013. – Текст : непосредственный.

13. *Миния праздничная (Анфологион).* – Москва : Синодальная типография, 1914. – Текст : непосредственный.

14. *Миния. Месяц август.* – Киев : Типография Киево-Печерской Лавры, 1893. – Текст : непосредственный.

15. *Миния. Месяц июний.* – Киев : Типография Киево-Печерской Лавры, 1893. – Текст : непосредственный.

16. *Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Репринтное издание.* – Москва : Сибирская благовонница, 2001. – Текст : непосредственный.

17. Об издательской деятельности Русской Православной Церкви // Журнал № 114 заседания Священного Синода от 25. 12. 2009 г. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/976629.html>. – Текст : электронный.

18. *Православная энциклопедия. Т. II.* – Москва, 2001. – С. 549 – 553. – Текст : непосредственный.

19. *Псалтирь.* – Москва : Синодальная типография, 1913. – Текст : непосредственный.

20. **Реморов, И.,** диак. Практическая аксиология церковнославянского языка / И. Реморов. – Текст : непосредственный // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. – Вып. 3 (9). – 2007. – С. 23 – 32.

21. *Священное Евангелие.* – Москва, 1984. – Текст: непосредственный.

22. *Служебник.* – Москва, 2003. – Текст : непосредственный.

23. **Соколов, Д. Д.** Справочная книжка по церковнославянскому правописанию. – Санкт-Петербург, 1907. – Текст : непосредственный.

24. **Толстой, Н. И.** История и структура славянских литературных языков. – Москва, 1988. – Текст : непосредственный.

25. *Требник.* – Москва : Синодальная типография, 1884. – Текст: непосредственный.

26. **Харламович, К. В.** Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. – Казань, 1914. – Текст : непосредственный.

27. Часослов. – Москва: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. – Текст : непосредственный.

28. Часослов. – Москва : Синодальная типография, 1860. – Текст : непосредственный.

**Боровская Ирина Анатольевна**

*Гомельский государственный медицинский университет  
e-mail: borovskaya.ira@yandex.by*

УДК 808. 26 – 08 + 882. 6 – 1- 08 (075. 8)

## **ЦВЕТОВАЯ ЭСТЕТИКА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ О ХРИСТЕ**

**Irina A. Borovskaya**

*Gomel State Medical University*

### **COLOR AESTHETICS IN RUSSIAN POETRY ABOUT CHRIST**

*Цветовосприятие в художественном тексте предопределено характером ассоциативных связей. Использование колоронимов автором проявляется в художественном произведении через выбор слов, определяющих творческую манеру. В статье на фактическом материале рассматривается использование колоронимов в поэзии русских авторов религиозной тематики.*

*Color perception in a literary text is predetermined by the nature of associative links. The use of coloronyms by the author manifests itself in a work of art through the choice of words that determine the creative manner. The article examines the use of coloronyms in the poetry of Russian authors of religious themes based on factual material.*

*Ключевые слова: категория, цвет, свет, мироощущение, система цветообозначения*

*Key words: category, color, light, attitude, color designation system*

Исследование системы цветопередачи многими зарубежными и отечественными лингвистами позволяет утверждать о таком направлении в языкознании, как "лексическая колористика". Цветовая и световая лексика обладает существенным семантическим, синтагматическим и избирательным потенциалом, имеет большое значение в плане отражения определенных фрагментов языковой картины мира художника и обеспечение эстетического диалога между автором и читателем. Анализ цветопередачи даёт возможность определить особенности употребления в художественном тексте соответствующих цветов, характер ассоциативных связей, которые при этом возникают.

Категория цвета и света связана с психической и эмоциональной сферой писателя, поэта, глубокими текстовыми микроструктурами. Цветовая лексика, являясь определённой знаковой системой, в художественном тексте выступает как своеобразная эстетическая парадигма, которая отражает специфику авторского восприятия.

Цветовую и световую лексику (колоронимы и люксонимы) рассматривают в соответствующих семантических полях "Цвет" и "Свет" [2, с. 5]. Определение специфики использования цветовой и световой лексики объединены в отдельные семантические поля с точки зрения этно-, психо-, теролингвистики.

Интерес к цвету возникал ещё в античности. Аристотель, Платон, Гераклит и многие другие философы стремились понять его природу, осмыслить символический характер цвето- и световидения. Позже цвет стал объектом исследования физики, искусствоведения, языкознания.

Изучение функционирования цвета с точки зрения разных направлений науки имеет существенную значение для понимания лингвистической сущности колоронима. Например, оптическая, термическая характеристика цвета, которые рассматриваются в физике, служат основой для определения языковых особенностей несобственных качеств цвета в художественном произведении.

Использование поэтом цветовой и световой лексики, творческое переосмысление её семантического потенциала, является важным элементом достижения художественной образности и выразительности. Видение мира в цвете – одно из наиболее мощных ощущений человека. Необходимо обратить внимание и на тот момент, что в сознании человека легко запоминаются цвета: зрительное восприятие цвета нетрудно вызвать, называя определённое слово. Поэтому языковые средства обозначения цвета, доступны не только разуму, но и чувствам, обладают большими изобразительными возможностями.

Исследования со стороны психологии позволяют утверждать о специфике цветовых ассоциаций читателя, служат базой для лингвистической интерпретации приёма цветовой гармонии и дисгармонии. В такого рода работах в той или другой степени проявляются экстралингвистические компоненты световидения. Г. Цойгнер анализировал воздействие цвета на человека, в частности, ассоциаций, которые вызываются цветом. Он достаточно подробно рассматривал проблему цветовой синтесии и цветовых ассоциаций в зависимости от характера личности реципиента. Исследователь отмечает различную силу воздействия цвета в зависимости от характера, темперамента и духовного состояния человека [2, с. 11].

Морис Дерибере основательно исследует характер восприятия объекта с определенной окраской или осветлением в зависимости от поры года, суток многих других причин, что, безусловно, имеет важное значение для понимания цветовых и световых восприятий в художественном тексте [5, с. 37].

Согласно объекта исследования М. Дерибере, М. Минорт изучал характер света в зависимости от фактуры и отдалённости соответствующей окрашенной реалии. Его исследования имеют большое значение в первую

очередь для создания лингвистической теории цветового и светового контраста.

Элементы психолингвистики нашли своё отражение в работах Ж. Агостона, который заостряет внимание на особенностях восприятия изолированного цвета, его эстетики, анализирует психологическое воздействие цвета на человека в зависимости от цветотона, цветовых комбинаций [1, с. 24].

С собственнолингвистической стороны история цветовосприятия рассматривалась Н. Бахилиной, которая проследила развитие значений колоронимов, начиная с первых известных письменных памятников в восточнославянских языках. Исследователь привела многочисленные древние варианты названий цвета, определила использование колоронимов в зависимости от жанра произведения [3].

Исследование системы цветообозначения художественного текста даёт возможность рассуждать не только об особенностях языка определённого произведения, но и о специфике цветовосприятия писателя, о воздействии цветовых комбинаций на восприятие произведения читателем. Но восприятие художественного произведения должно обеспечиваться экстралингвистическими условиями, через своеобразный синтез знаний разных областей человеческой деятельности.

Исследования особенностей создания образа, механизма реализации особых художественных приёмов должно проходить с учётом жанровых особенностей произведения. Как правило, стихотворные, прозаические и драматические тексты характеризуются использованием различных художественных приёмов, стилистических фигур, где одним из компонентов выступает цветовая лексема. Поэтому считаем важным не только исследование частотности определённого колоронима в произведении, но и осмысление структуры цветообраза в каждом конкретном случае.

Колоронимы и люксонимы всегда являются художественным материалом, исполняют изобразительную функцию, они фигурируют не просто в качестве логического определения, а используются как средство создания образности. Так, традиционное для белорусов "белый снег" отражает, в первую очередь, колористику природы нашей страны [6, с. 55]. В то же время данная синтагма у народов Севера вызывает другие ассоциации, потому что для обозначения различных оттенков снега утром, днём, вечером они используют двадцать названий оттенков белого цвета.

Белый цвет в культурной эстетике Востока отождествляется с чистотой, духовностью, возвышенностью и поднимается на более высокий уровень развития. По мнению Бондарчук А. И., "запрет Исламом изображения людей способствовало тому, что цвет стал одним из главных выразительных средств. В Коране свет, а также наиболее яркие и светлые

цвета являются символами божественного начала, но, как и в христианстве, не отождествляется с Богом" [4, с. 1083].

Исследование цветовых предпочтений европейцев и азиатов позволяет утверждать, что ряд различных факторов воздействует на выбор того или иного колоронима или люксонима, но создание цветовой и световой эстетики.

Мироощущение мастера определяется в художественном произведении через слово, выбор и употребление которого определяет как творчество художника, его стиль, отличный от других, так и его творческую личность.

Предметом нашего исследования выступили колоротивы в сборнике "Христос в русской поэзии XVII – XX вв. ".

В научной литературе выделяют 2 группы цветообозначения: абсолютные (основные) и цвета оттенков (различные по способу передачи оттенков). Среди основных существует раздел на хроматические и ахроматические. Хроматические определяют как семь цветов радуги, спектры цвета. Ахроматические – это чёрный, белый и серый.

В статье нами проанализировано употребление абсолютных колоронимов в поэтических текстах русских авторов на материале сборника "Христос в русской поэзии", где собраны авторы периода XVII – XX веков. Необходимо сразу отметить, что колоронимы не очень распространены в данном сборнике, но нам было интересно проследить использование такого рода лексем именно в произведениях религиозной тематики.

Восприятие цвета может иметь различные аспекты: психологический, личный и культурологический. Чёрный цвет передаёт сумрак, темноту, горе, в подсознании каждого человека несёт отрицательный коннотативный смысл: *Куда уйти от чёрных дум?* (7, 223); *Устами жадного удава Иуда славит чёрный грех* (7, с. 282); *Весь надеян чёрной мглой* (7, с. 174).

Цвет несёт огромную смысловую нагрузку. Цвет-переживание встречается в цитируемых ниже строках и ярко передаёт концепцию Божьего мироздания, образ Христа и роль человека во времени и просторе. Чёрный цвет несёт отрицательную коннотацию, светлый цвет – это лексемы со светлой коннотацией (*голубой, светлый* и др.):

*В час, когда я сердцем с Тобюю*

*И на ближних зла не таю,*

*Небо чистое, голубое,*

*Вижу я, как будто в раю.*

*В чёрный день болезни и горя*

*Мой горячий лоб освежит*

*Воздух с берега светлого моря,*

*Где доньне твой след лежит.*

*И когда забываю Бога  
В темном мире злобы и лжи  
Мне спасенье – эта дорога  
Средь полей колосющейся ржи (7, с. 329).*

В данном микроконтексте мы наблюдаем цветовой контраст, где использованы ахроматические цвета: *зло, черный день, темный мир злобы и лжи – небо чистое, голубое; рай, светлое море, спасенье.*

Образ Христа создаётся при помощи светлых цветов (*белые, прозрачные, серебряные, розовые*): *За лебединой белой долей (7, с. 278); Христос лучистый и нежный ушел (7, с. 324); Проснулось солнце за холмами В венце сверкающих лучей.* Эквивалентом дневного света, символом света, выступает белый цвет, который ассоциируется с жизнью. Белый цвет – оттенок серебра, а серебро – цвет луны, которая своим светом очищает и воздействует на землю: *У Христа – серебристые руки (7, с. 319); И спит серебряный Кедрон, В туман прозрачный погружен (7, с. 223); И в глубине его струями Гремит серебряный ручей (7, с. 224).*

Кроме того, наблюдается и использование хроматических зелёного, изумрудного, синего, жёлтого цветов: *И изумрудную листвою Его, как друга обнимает (7, с. 225); И кругом дуга зазеленели (7, с. 230); Синий сумрак гляделся в окно (7, с. 266); А ветер желтый прах крутил у ног (7, с. 344).*

Довольно часто в строках наблюдается ахроматический багровый цвет, который вызывает чувство тревоги, предчувствия беды: *Свет факелов багровых Неясно освещает двор (7, с. 232); Был вечер поздний и багровый (7, с. 258); Кипел и клочкотал багрец На трех крестах во мгле белеют трое... (7, с. 319).*

Анализируя вопрос разработки цветовосприятия художественного текста в научной литературе, можно сделать следующие выводы: проблема цветосприятия в художественном тексте существует и широко разрабатывается учёными. Всесторонний анализ цветообозначений позволяет осмыслить глубинные микроструктуры, которые существенно расширяют его смысловое пространство, а механизм реализации художественных приёмов должен происходить с учётом жанровых особенностей произведения. Аспекты восприятия цвета разнообразные: психологические, личные, культурологические. В русской поэзии XVII – XX веков раскрытие образа Христа сопровождается использованием хроматических и ахроматических колоронимов. Цвета- ‘переживания’ чаще всего раскрывают тему последнего пути Иисуса.

### **Список использованных источников**

1. **Агостон, Ж.** Теория цвета и ее применение в искусстве и дизайне / Ж. Агостон. – Москва: Мир, 1982. – 184 с. – Текст: непосредственный.

2. **Бабіч, Ю. М.** Колеравая і светлая эстэтыка ў мове твораў Я. Коласа : Манаграфія / Віцебск : УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2002. – 127 с. – Текст: непосредственный.

3. **Бахилина, Н. Б.** История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – Москва: Наука, 1975. – 292 с. – Текст: непосредственный.

4. **Бондарчук, А. И.** Семантика цвета в аспекте межкультурных визуальных коммуникаций [Текст] / А. И. Бондарчук // Молодой ученый. – 2014. – № 3. – С. 1081 – 1085. – Текст: непосредственный.

5. **Дерибере, М.** Цвет в деятельности человека : научное издание / М. Дерибере / сокр. пер. с фр. А. М. Григорьева ; предсл. А. Щипанова. – Москва: Стройиздат, 1964. – 183 с. – Текст: непосредственный.

6. **Лапацінская, В.** Колеравыя функцыі эпітэтаў ў творчасці паэтаў 60-сяцінікаў / В. Лапацінская. – Тэкст : непасрэдны // Беларуская-рускі-польскае супастаўляльнае мовазнаўства / 36. навуковых арт. / 7 Міжнародная навук. канф. – Віцебск. – 2006. – С. 410 – 412.

7. Христос в русской поэзии XVII – XXвв. / Сост., вступ. ст., подг. текста и примеч. Б. Н. Романова. – Москва : Новый ключ; Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001. – 384 с. – Текст: непосредственный.

*Головачева Ольга Алексеевна,  
Саловская Яна Викторовна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: [golovacheva-olga@mail.ru](mailto:golovacheva-olga@mail.ru), [sal.yana@rambler.ru](mailto:sal.yana@rambler.ru)*

*УДК 811. 11*

## **КНИЖНАЯ ЛЕКСИКА В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. С. ЛЕСКОВА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*Olga A. Golovacheva  
Yana V. Salovskaya*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### **BOOK VOCABULARY IN THE EARLY JOURNALISM OF N. S. LESKOV: FUNCTIONAL AND SEMANTIC ASPECT**

*В данной статье рассматриваются книжные единицы, представленные в ранних публицистических текстах великого русского писателя Н. С. Лескова. Изучение языка выдающегося мастера слова является значимым для понимания*

*This article examines the book units presented in the early journalistic texts of the great Russian writer N. S. Leskov. Learning the language of an outstanding master of words is significant for understanding the author's picture of the*

картины мира автора. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о функционировании лексических единиц книжного стиля в статьях информационно-аналитического плана.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, книжные единицы, публицистика, ранний период творчества

world. The conducted research allows us to make a conclusion about the functioning of lexical units of the book style in articles of an information-analytical plan.

Key words: N. S. Leskov, book units, journalism, early period of creativity

В публицистических текстах наряду с нейтральными широко используются лексические единицы книжного стиля, т. к. они реализуют функцию сообщения и поддерживает необходимую стандартизацию. По мнению Г. Я. Солганика, "играющая существенную роль в пополнении газетных слов ...книжная лексика не имеет специфической газетно-публицистической окраски" [8], что усматривается в статьях Н. С. Лескова, который широко вводит в публицистические труды единицы книжного стиля. К их числу традиционно принадлежат имена существительные с характерными суффиксами отвлеченного характера (-ний-, -ость, -ств-, -изм, -изн, -ист, -тор, -овщин- и др.): *безобразие, неуважение, оскорбление, презрение, отправление, равнодушие, заключение, требование, умерщвление, народонаселение, упущение, дозволение, преобразование жестокосердие, преследование, легкомыслие и др.*; *беспечность, неопрятность, суетность, бестактность, уклончивость, неспособность, поспешность, бесцеремонность, негодность, смертность, подозрительность; рукоприкладство, уродство, хлебопашество, спиритуализм; эгоизм, дороговизна, цивилизатор и др.*

У единиц книжного стиля могут быть реализованы семы пейоративного регистра, что показательно демонстрируют существительные в публицистических текстах Н. С. Лескова: *колонист, эксплуататор, обломовщина, тирада, эгоизм, дороговизна и др.*

Многочисленны в публицистике книжные лексемы, амбивалентные по отношению к эмотивным семам. Коннотативные семантические компоненты реализуются только в определенном контекстном окружении (*испарение, обучение, принятие условие, разрешение, правление, положение, движение, проведение, образование, развитие, средоточение, монументальность, склонность, привязанность, чувство, человечество, количество, начальство, средство, ручательство, свидетельство, устройство, правительство, делопроизводство; организм, землевладелец, протекция, корпорация, развитие, эманация и др.*), нередко это проявления эвфемизации:

Оставляя места **заключения** и обращаясь к местам **обучения**, мы встретим и здесь то же грустное **презрение к человеческой плоти**, ту же **беспечность** о народном **здоровье** [4, "Заметка о зданиях"] // ... ограничимся только указанием на то, как **хозяйничала** компания в землях, водах и людях [4, "Внутреннее обозрение. Окончание 60-летнего срока"].

Слово *хозяйничать* в лексикографических справочниках отмечено как обладающее потенциальной положительной коннотацией (1. Вести хозяйство; 2. Хлопотать по дому), так и проявляющее ярко эксплицированную пейоративную отмеченность (3. Распоряжаться не по праву, чиня произвол) [3].

Стилистически нейтральные единицы, структурирующие синонимический ряд (*в землях, водах и людях*) синтагматически связанных с указанным глаголом субстантивов усиливают оценочную напряженность и слова *хозяйничать*, и контекста в целом.

Производное прилагательное *ригористский* от заимствованного субстантива *ригоризм* – "чрезмерная строгость, прямолинейность в соблюдении нравственных принципов, в поведении" [5, с. 591] – в тексте Н. С. Лескова демонстрирует более широкое, чем в узусе, коннотативное наполнение, что проявляет и контекстное окружение – адъектив *кроткий* в метафорическом употреблении и устойчивый оборот *подать руку*:

*Для соединения же с теми, на которых не действуют **ригористские** приемы, она не придумала никаких кротких мер, способных склонить этих народов к подаче руки русским* [4, "Внутреннее обозрение. Окончание 60-летнего срока"]. Данные контексты показательно иллюстрируют наблюдение Г. Я. Солганика и О. А. Головачевой о большой роли в публицистическом слове эмоционального, приобретающего в газетных жанрах оценочный характер [9; 1].

В группе книжных слов немногочисленные имена прилагательные (*правительственный, ипотечная (операция), мочевые (испарения), епархиальное (начальство), эстетический, казенный, буквальный, разносторонний, дополнительный, наружный, гигиенический*) и глаголы (*дисконтировать, администрировать, страждать, соблюдать, расходовать, призывать, равнодушеествовать, происходить, указывать, оказывать, воследовать, сознавать, заявить, свидетельствовать, расходовать и др.*), а также синтагмы (*минеральные богатства, нравственный пример, состоя на хлебах, климатические условия, собственной персоной, поземельная общинная собственность*).

Широко представлены в статьях Н. С. Лескова коллокации книжного характера, в процессе функционирования в речи многие из которых приобрели статус фразеологизированных единиц. Большая часть таких выражений сохранила стилевую соотнесенность книжного характера и выполняет номинативную функцию: *нельзя не согласиться, материальное благосостояние, умственное развитие, обратить внимание, вступать в брак, просвещение народа, влияние духовенства, административные меры, всемирная история, правительственные реформы, сокращение штатов, государственная служба, акционерное общество, предложение своих услуг, человеческие нужды, духовные пастыри, устранение недостатка, рабочие руки, исторические причины, уделить внимание, места заключения, от-*

*хожие места, общественная жизнь, настоящее время, железный купорос, жилые здания, медицинская помощь, народное хозяйство, точка зрения.*

В статьях информационно-аналитического характера нами отмечены различные пейоративно оценочные выражения *обличительная литература, вредное вмешательство, жалкие лбы, совершенное безучастие власти, экономическая безурядица, фарисейское низкопоклонство, непроходимое невежество, духовная нищета*, а также однословные единицы, в совокупности с фразеологизированными выражениями рисующие мрачные картины деградации социума, например:

*Креолы и алеуты развращены, пьянствуют, отдают на поддержку своих жен, ужасно страдают от сифилиса и цинги* [4, "Внутреннее обозрение. Окончание 60-летнего срока"] // ... *угнетенное положение московских гостинодворских мальчиков и приказчиков ... это живо сохранившийся остаток кабального холопства древнекабальных времен нашего отечества* // *Такова-то вот жизнь ... торгового мальчика у иного купца, доводящего его пятилетним взвошиванием до людей, то есть до способности обезмыслиться, обезличиться и завернуться в узкую рамку аршинной жизни прасольства или лабазничества* [4, "Торговая кабала"].

Данная лексика и фразеология широко используется в публицистических текстах вследствие того, что представляет собой "резервуар, из которого формируется собственно газетная лексика, принципиальное отличие которой заключается в усилении или развитии оценочной окраски" [8, с. 94].

В текстах Н. С. Лескова широко используются лексические единицы книжного стиля, включающие в свою структуру оценку, которая доминирует преимущественно в аналитической авторской публицистике 60-х годов, например: *бесчиние* – "нарушение чина, приличия, пристойности, нравственности, вежества, своеволие" [2, Т. 1, с. 152], *дерзость* – "свойство дерзкого, т. е. непочтительного, грубого" [6, Т. 1, с. 391], что согласуется с мнением Л. Г. Смирновой: "В публицистическом стиле оценочность является специфической стилевой чертой, поскольку обуславливает воздействие текста на адресата сообщения" [7, с. 26].

Лексические единицы с пейоративной оценочностью определяют прагматическую направленность текста, например:

*Не знаем мы, когда прорвется этот отератительный круговорот опошления русского торгового люда, а думаем, что не скоро* [4, "Торговая кабала"].

Негативная узуальная оценка, доминирующая в публицистике, может быть эксплицирована с помощью лексических единиц, которые содержат в своем составе компоненты незаконности, преступности деяния, например, *злоумышленный* – "исполненный злого умысла, преступный" [6, Т. 1, с. 614], *преступление* – "общественно опасное деяние, нарушающее существующий правопорядок" [6, Т. 3, с. 385], *возмутительный* – "вызываю-

щий негодование, недовольство" [6, Т. 1, с. 201], *мерзкий* – "вызывающий отвращение, гадкий" [6, Т. 2, с. 253] :

*Это уже есть преступление, имеющее много общего с членовредительством* [4, "О маленьких людях"] // *Насколько основательны все эти подозрения в народе и насколько уместны опасения, что поджоги имеют связь с последним мерзким и возмутительным воззванием, приглашающим к ниспровержению всего гражданского строя нашего общества, мы судить не смеем* [4, "По поводу заметки "Нашего времени" о волонтерах и пожарных командах"].

Таким образом, лексемы книжного стиля в публицистике Н. С. Лескова выступают как средство номинации и оценочности; единицы с оценочным компонентом показательно демонстрируют нравственное нездоровье российского социума и указывают на необходимость скорейшего разрешения социальных, экономических и других проблем.

#### Список использованных источников

1. **Головачева, О. А.** Нравственные проблемы публицистики Н. С. Лескова 60-х годов XIX века. Языковые средства отражения позиции автора. – Брянск, 2010. – 96с. – Текст : непосредственный.
2. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. – Тт. 1 – 4. – Москва, 2006. – Текст : непосредственный.
3. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва : Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 26.03.21). – Текст : электронный.
4. **Лесков, Н. С.** Полное собрание сочинений в 30 томах. – Москва, 1996. – Текст : непосредственный.
5. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – Москва : Русский язык, 1984. – 797 с. – Текст : непосредственный
6. Словарь русского языка в 4-х тт. – Москва : Русский язык, 1988. – Текст : непосредственный
7. **Смирнова, Л. Г.** Лексика с оценочным компонентом значения в современном русском языке. – Смоленск, 2008. – 267 с. – Текст : непосредственный.
8. **Солганик, Г. Я.** О языке газеты. – Москва, 1999. – Текст : непосредственный.
9. **Солганик, Г. Я.** Стилистика текста: Учебное пособие. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 251 с. – Текст : непосредственный.

*Гулакова Елена Сергеевна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: [LenokGulakova@yandex.ru](mailto:LenokGulakova@yandex.ru)*

УДК801. 3

## **ПЕЙЗАЖ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА "АСЯ" В АСПЕКТЕ ОТРАЖЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ**

*Elena S. Gulakova*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### **LANDSCAPE IN THE STORY OF I. S. TURGENEV "ASYA" IN THE ASPECT OF REFLECTION OF SLAVIC AND WESTERN EUROPEAN LITERARY TRADITIONS**

*В данной статье проанализированы пейзажные зарисовки в повести И. С. Тургенева "Ася" как элементы индивидуально-авторской языковой картины мира. Отмечены особенности славянского и западноевропейского пейзажа сквозь призму его восприятия героями повести. Изучено влияние пейзажа на персонажей, прослеживается взаимосвязь окружающей обстановки с происходящими в повести событиями. В результате исследования было выяснено, что развёрнутые описания природы создают эмоциональный фон произведения, подчеркивают психологическое состояние героев, придают рассказанным воспоминаниям более глубокий смысл.*

*Ключевые слова: И. С. Тургенев, природа, пейзаж, чувства, стилистика текста, психологическая функция, славянские традиции*

*This article analyzes landscape sketches in the story "Asya" by I. S. Turgenev as elements of the individual author's linguistic picture of the world. The features of the slavic and western European landscape are noted through the prism of its perception by the heroes of the story. The influence of the landscape on the characters is studied, the relationship of the environment with the events taking place in the story is traced. As a result of the study it was found that detailed descriptions of nature create the emotional background of the work, emphasize the psychological state of the characters and give the recollected memories a deeper meaning.*

*Key words: I. S. Turgenev, nature, landscape, feelings, text stylistics, psychological function, slavic traditions*

Иван Сергеевич Тургенев по праву считается одним из лучших пейзажистов мировой литературы. Описания природы являются важной частью художественного мира его произведений. Пейзажи Тургенева не просто натуралистически верны и подробны, они несут определенное эмоциональное значение. Нередко внутренний мир героев передаётся писателем не прямо, а через обращение к природе.

В повести "Ася" пейзаж занимает значительную часть произведения. И. С. Тургенев даёт очень чёткие, точные картины природы, города, не упуская ни одной малейшей детали.

Главный герой – господин Н. Н. любит бесцельно путешествовать, но окружающие красоты его не радуют, а к природе он относится весьма категорично: *"Природа действовала на меня чрезвычайно, но я не любил так называемых ее красот, необыкновенных гор, утесов, водопадов..."* [1, URL].

Действие повести происходит в Германии, на берегу величественной и красивой реки Рейн. Описание города З. представлено рассказчиком детально. Город расположен *"у подошвы двух высоких холмов"*. Он привлекал героя *"своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн"* [1, URL]. Вечером по его узким улицам любили гулять "белокурые немочки", а некоторые не уходили домой даже с наступлением ночи, когда *"луна поднималась из-за острых крыш стареньких домов и мелкие камни мостовой четко рисовались в ее неподвижных лучах"* [1, URL]. Многообразие эпитетов в зарисовках делает описание западноевропейского города более наглядным и образным. Несмотря на скромность рейнского пейзажа, он величав и таинственен, хотя в его описании много отголосков славянских традиций.

Несмотря на то, что в начале повествования герой заявлял, что он не обращает внимания на красоты природы, господин Н. Н. любит бродить в ночное время и наблюдать за влиянием луны на город: *"...луна, казалось, пристально глядела на него с чистого неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно, весь облитый ее светом, этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом"* [1, URL]. Природа выступает в данном описании как живое существо. Изображая луну и город, рассказчик использует приём олицетворения, поэтому объекты пейзажа как будто становятся настоящими участниками событий.

Продолжая описание города, господин Н. Н. замечает: *"Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по черному гляncу речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высовывали свои завитые усики из-за каменных оград..."* [1, URL]. Образность в данной зарисовке создаётся с помощью многочисленных эпитетов ("*высокая колокольня*", "*бледное золото*", "*тоненькие свечки*", "*каменные ограды*" и др.) и метафор ("*чёрный глянец речки*").

Описание вечернего города в начале повести как будто противопоставляется внутреннему настроению главного. Спокойствие и безмятежность, царящие под ночным небом, не сочетаются с его фальшивыми переживаниями о безответной любви к гордой вдове.

Немаловажную роль в описании пейзажа играют запахи, так как автор передаёт окружающую атмосферу, используя не только зрительное впечатление, но другие органы чувств. Ведь у природы есть свои особые запахи, ощущая которые, человек испытывает определенные эмоции. В повести "Ася" запахам отводится особое место. Рассказывая о городе, герой обращает внимание на сладкий запах лип, благодаря которому хотелось дышать полной грудью.

Направляясь однажды домой, господин Н. Н. почувствовал давно знакомый аромат. Он остановился и увидел *"небольшую грядку конопли"*. Герой мгновенно вспомнил родину и затосковал по ней (*"степной запах мгновенно напомнил мне родину"*) [1, URL].

Господин Н. Н. любит сидеть *"на скамье под одиноким огромным ясенем"* и смотреть на величественную реку [1, URL]. В течение всего повествования рассказчик не один раз возвращается на это место. Ясень – это дерево, символизирующее возрождение и обновление. Герой как будто подобен этому растению. Господин Н. Н., блуждая по городу, устал от мечтаний и одиночества, он словно ждёт перемен, которые должны произойти на его жизненном пути. Кажется, что *"маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзенным мечами"* [1, URL], которая выглядывает из ветвей этого могучего дерева, намекает на предстоящие события. Именно здесь, на этой скамейке под великим ясенем, господин Н. Н. в дальнейшем узнаёт от Гагина о нелёгкой Асиной судьбе. Уже в конце повести, когда главный герой прощается с городом и уже полюбившимися ему местами, он бросает взгляд на маленькую мадонну, а она *"всё так же печально выглядывала из темной зелени старого ясеня"* [1, URL].

Гагин и Ася живут за городом *"в винограднике, в одиноком домишке..."* [1, URL]. Новые знакомые главного героя также одиноки, как и господин Н. Н. Тропинка к дому Ганина и Аси была узкой и извилистой, что еще раз подтверждает их отдалённость от других людей. Эту крутую дорожку можно сравнить с непростой судьбой главной героини, жизнь которой с детства была полна перемен и испытаний.

После встречи господина Н. Н. с Асей описание окружающей главного героя природы становится еще более прекрасным. Особого внимания заслуживает пейзаж, развернувшийся перед героем, когда он первый раз отправляется в гости к Ганину и Асе: *"Вид был, точно, чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелеными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката...Внизу было хорошо, но наверху еще лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха"* [1, URL]. Рассказчик в данном описании фиксирует все детали, использует широкую палитру красок и употребляет художественные средства, чтобы с максимальной точностью передать все подробности того вечера. Примечательно, что при описании пейзажа автор использует

различные цвета. Так, вечер, изображенный рассказчиком, сначала огнистый, затем он сменяется ясным и алым, после становится бледным и смутным и переходит в ночь ("*День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь*") [1, URL]. Автор отмечает постоянные перемены в природе, как будто проводя параллель с характером Аси. Она была также подвижна и непостоянна: "*Ни одно мгновение она не сидела смирно*" [1, URL].

Автор еще раз обращается к описанию луны: "*Наконец луна встала и заиграла по Рейну; всё осветилось, потемнело, изменилось*" [1, URL]. В семантической структуре данной лексемы актуализируются семы "сияние" и "свет". Этот лунный свет является пророческим в судьбе главной героини. Слова, которые прокричала Ася вслед уплывающему на лодке господину Н. Н. : "*Вы в лунный столб въехали, вы его разбили!*" – предвещают будущую трагедию, так как разбить или разрезать отражение луны в реке считается плохой приметой [1, URL].

Дикая яблоня и крапива – растения, которые росли во дворе старой башни. Автор говорит именно об этих растениях не случайно. Яблоня является символом молодости. Растение ассоциируется с главной героиней – юной девушкой, которая большую часть своей жизни проводит в уединении. Крапива символизирует уколы любви, она является приметой жизни, полной отчаяния. Этот знак как будто предвещает события, связанные с судьбами главных героев. Символична и ветка гераниума, брошенная из окна: она свидетельствует о любви Аси к господину Н. Н. Это свежая сила чувства, которая со временем высохнет в буквальном смысле, но останется горьким напоминанием о той любви.

Природа очень часто созвучна настроению героев. Это отмечает и сам господин Н. Н. в одной из глав повести: "*Настроение моих мыслей прихотилось как раз под стать спокойной природе того края*" [1, URL].

Стоит заметить, что, когда господин Н. Н. проводит три дня наедине с собой, он мало говорит о своих чувствах, но зато, используя прием перечисления, широко описывает то, что он видел и ощущал: "*тонкий запах смолы по лесам, крик и стук дятлов, немолчная болтовня светлых ручейков с пестрыми форелями на песчаном дне, не слишком смелые очертания гор, мурдые скалы...*". [1, URL]. Даже спустя много лет рассказчик с теплотой вспоминает эти незабываемые моменты.

Таким образом, пейзаж в повести И. С. Тургенева "Ася", являясь частью сюжетного строения, играет важную роль в описании обстоятельств и помогает лучше прочувствовать атмосферу той жизни. Несмотря на то что кульминационными в произведении становятся пейзажные зарисовки немецкого города, они повторяют особенности русского пейзажа и доказывают взаимосвязь западноевропейских и славянских традиций в индивидуально-авторской манере повествования.

### Список использованных источников

1. Тургенев, И. С. Ася / И. С. Тургенев // [ilibrary.ru](http://ilibrary.ru): Интернет-библиотека Алексея Комарова. – URL: <https://ilibrary.ru/text/15/p.1/index.html> (дата обращения: 02.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.

*Гурина Наталья Михайловна*

*УО "Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина"*

*e-mail: huryna.n@gmail.com*

*УДК 811.161.1'38:806.631.5*

## ВКЛАД МЕТАЯЗЫКОВЫХ ЛЕКСЕМ В ИДИОСТИЛЬ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

*Natalia M. Huryna*

*Brest State University named I. S. Pushkin*

### CONTRIBUTION OF METALANGUAGE LEXEMES IN THE IDIOSTYLE OF ARSENY TARKOVSKY

*В статье рассматривается индивидуальный стиль Арсения Тарковского в лингвистическом аспекте. С помощью количественных методов анализируются метаязыковые лексемы слово, стихи, речь, язык, словарь и определяется их вклад в создание идиостиля поэта.*

*Ключевые слова: идиостиль, троп, метаязыковые лексемы, лингвистический анализ, количественный метод*

*The article reviews the lexical features of Andrei Tarkovsky's individual style. Metalinguistic lexical items like 'word, poems, speech, language, vocabulary' and their role in poet's individual style are being analyzed with the help of quantitative methods.*

*Key words: individual style, trope, metalinguistic words, linguistic analysis, quantitative method*

Печальная доля – так сложно,  
Так трудно и празднично жить,  
И стать достояньем доцента,  
И критиков новых плодить...

А. Блок

Жизнь Арсения Тарковского охватывает почти весь XX-й век, но разговор о нем заходит при изучении поэзии 60-70-х гг. Его не назовешь хрестоматийным поэтом, хотя он имел (и сегодня имеет) свой круг читателей. Он не стал фигурой массовой культуры, как его современники из фильма "Таинственная страсть", хотя широкая известность пришла к поэту после

выхода фильма его сына "Зеркало (1974), в котором автор сам читает свои стихи.

В данном сообщении будет представлен лингвистически ориентированный подход к изучению идиостиля поэта в рамках специального вузовского курса по проблемам поэтики для магистрантов, обучающихся по специальности "Языкознание". В рамках этого спецкурса рассматривается значение творчества А. Тарковского для понимания языка поэзии XX века.

Представляется, что можно знакомить студентов с именем Арсения Тарковского как можно раньше, даже на первом курсе при изучении некоторых лексических тем. Например, домашнее задание по теме "Прямое и переносное значение слова" в курсе "Введение в языкознание" предполагает самостоятельный поиск метафор и метонимий, студенты могут самостоятельно искать тропы, обратившись к полюбившимся стихам. Кстати, в известном сборнике лингвистических задач профессора Б. Ю. Нормана есть таинственная строчка из стихотворения "Мщение Ахилла", которую цитировали студенты 90-х, но сегодняшние первокурсники уже не узнают: *"Мертв лежит он в чистом поле"* [1, 255].

Далее при работе с одаренными детьми можно использовать произведения Арсения Тарковского при подготовке к написанию отзыва, тем более что однажды авторы, отвечающие за подбор текстов для отзывов на республиканской олимпиаде по русскому языку, использовали стихотворение А. Тарковского "Словарь".

Можно использовать стихи этого поэта при изучении методических тем, в частности при обучении лингвоанализу поэтического текста, выбрав доступные для понимания школьников произведения. Для школьников могут быть предложены стихотворения на тему поэта и поэзии. Правда, философская лирика с трудом поддается интерпретации, поэтому следует произвести выборку, например, можно взять произведение "Имена" для обучения лингвоанализу поэтического текста.

На практическом занятии мы рассматриваем, какими изобразительными средствами создается образ лирического героя, а в рефератах магистранты выполняют разбор понравившегося стихотворения, используя в качестве образцов лексический анализ стихотворения Владимира Короткевича "Дзяўчына пад дажджом", выполненный профессором А. Е. Супруном, и многоуровневый лингвистический анализ стихотворения С. А. Есенина "О красном вечере задумалась дорога. . ." профессора В. А. Масловой.

В данной работе производится экспликация и характеристика круга поэтических представлений, связанных с метаязыковой лексикой в творчестве Арсения Тарковского. Отдельные группы лексических единиц играют существенную роль в формировании идиостиля поэта. Под идиостилем понимается "совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя" [2], а метаязыковые средства – это лек-

сические и фразеологические единицы, с помощью которых люди говорят и пишут о языке.

Центральным метаязыковым понятием и лексемой у А. Тарковского является лексема *слово*. Слово – фундаментальный концепт культуры. Семантика этой лексемы позволяет раскрыть тему сверхценности поэтического творчества. Откуда человеку дается поэтический дар? Контекстуальный анализ позволяет ответить следующим образом: *Не я словарь по слову составлял, а он меня творил из красной глины* [1, ] Однокоренные лексемы участвуют в создании противопоставления мира горнего и мира дольного. С одной стороны, творец приобщен к "словарию царя Давида", ему ведомо "горящее слово пророка". С другой – творчество рассматривается как ремесло, каждодневная работа, "кладка слов": *"Оставлю в каждом звуке и в каждой запятой натруженные руки и трезвый опыт свой"* [1, 75]. Откуда он черпает вдохновение? *В текущем словаре земли. У поэта чудесный дар понимать язык всего живого в природе: Как я хочу вдохнуть в стихотворенье весь этот мир, меняющийся обличье...* [1, 50].

У него есть дар невербального общения: *Слышу круглого яблока круглый язык...* [1, 73]. *А когда-то во мне находили слова люди, рыбы и камни, листва и трава...* [1, 74]. Поэт – инструмент для творчества: *И стал жильем певучих сил, какой-то невесомой скрипкой.*

В указанном сборнике преобладают две постоянные темы поэтической медитации: природа и культура. Мир филологической культуры близок Арсению Тарковскому, поэтому второй по частотности метаязыковой единицей является слово "стихи". Как и его собрат по цеху И. Бродский, А. Тарковский написал стихотворение в жанре послания "К стихам", в котором он их называет птенцами, наследниками, собеседниками, а также истцами, душеприказчиками и гордецами, строя ряд однородных членов по принципу контраста. Есть в сборнике и строки, выходящие за рамки неконвенционального отношения к знаку: *"Слово – только оболочка, плёнка, звук пустой..."*, что не характерно для поэтического мира А. Тарковского.

Третий по частотности метаязыковой концепт – "речь". Поэт не раз писал, что он завоевал право на *"прямую свободную речь"*. Он ценит дар *"прямой разумной речи"*. В несвободное сочетание "прямая речь" вставляются определения, чтобы в контексте играло прямое и переносное значение слова. Можно, пожалуй, найти еще одного поэта XX века, для которого "язык" – важнейший концепт в поэтической картине мира. Это упомянутый выше И. Бродский. Как пишет Н. Б. Мечковская, "в картине мира Бродского цифра и буква, число и слово выступают как два главных определителя фрагментов бытия, как два источника мировидения и две постоянных темы поэтической медитации" [3, 106].

В отличие от номинаций мира природы, филологическая лексика А. Тарковского в чисто количественном отношении не так многочисленна и

не так густо заполняет собой стихотворное пространство, но ее абстрактный характер как нельзя лучше подходит к философской лирике поэта. Стремление А. Тарковского увидеть мир в его связях с речью, словом, письмом сказывается не только в насыщенности его текстов филологической лексикой, но в том, что для него метаязыковые представления являются важными: *Я клинописной хвалы не пишу все равно... [1, 91]; И клинопись одна на всех...* Это мировидение человека, которому буквы, звуки, книги ближе или известны так же, как и мир природы и остальной нефилологической культуры.

А. Тарковский уменьшил серьезность в оценке своих занятий стихотворчеством, он самоироничен, полагая, будто время великих поэтов и "золотой век" поэзии прошли. Остались лишь неясные письмена, знаки, запятые, шрифт: *Где твердый знак и буква "ять" с "фитую"? / Одно ушло, другое изменилось, / И что не отделялось запятой, / То запятой и смертью отделилось [1, 165].* Выявление ключевых, базисных метафор в творчестве поэта и их изучение чрезвычайно важны для описания его художественной системы и адекватного понимания текстов. Метафора не только характеризует стилистическую систему автора и выполняет определенные семантические функции, но, повторяясь из текста в текст, задает перспективу развития художественного мира поэта: *Ты помнишь рифмы влажное биенье? [1, 193]; Душа и не глядит на рифму конопляную... [1, 241]; . Где выюгу на латынь переводил Овидий... [1, 207].*

Изучая идиостиль поэта, вслед за Т. А. Вороновой используем количественные методы. В ее исследовании [4] поэтический словарь подвергся количественному анализу, мы укажем существительные по убыванию частоты: земля (122), дом (84), город (83), жизнь (74), душа (69), вода (62), окно (50), кровь (49), время (44), небо (44). В нашей работе из всего круга номинативов мы отобрали четыре единицы с метаязыковым значением: "язык", "словарь", "речь", "стихи". Частотный анализ показал, что лексемы располагаются последующим образом: слова (58), стихи (29), речь (19), язык (10), словарь (7). Эти слова подчеркивают связь с классической поэтической традицией, с творчеством других авторов: *И могла бы Алкеева лира / У меня оказаться в наследстве [1, 161].* Верность античной культуре он выражает метонимически, когда утверждает, что предпочел гекзаметр "новомодным размерам". В русской поэзии эта традиция не прерывается, ее подхватили Иосиф Бродский и Александр Кушнер, который писал: *Я заражен нормальным классицизмом...* В "бессмертном словаре России" эти поэты по праву стоят рядом.

### Список использованных источников

1. **Тарковский, А. А.** Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. Стихотворения / А. А. Тарковский. – Москва : Художественная литература, 1991. – 462 с. – Текст : непосредственный.

2. **Пищальникова, В. А.** Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект: учеб. пособие / В. А. Пищальникова. – Барнаул : Тюмен. гос. ун-т, 1992. – 74 с. – Текст : непосредственный.

3. **Мечковская, Н. Б.** Метаязыковые мотивы в поэтике Иосифа Бродского / Н. Б. Мечковская. – Текст : непосредственный // Слово в диахронии и синхронии: Сб. науч. ст. к 80-летию профессора М. Г. Булахова. – Минск : БГПУ им. Максима Танка, 1999. – С. 104 – 112.

4. **Воронова, Т. А.** Принципы словаря лирики А. Тарковского: автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10. 02. 01 / Т. А. Воронова; Воронежск. гос. ун-т. – Воронеж, 2007 – 22 с. – Текст : непосредственный.

*Дмитриева Юлия Леонидовна*

*ГОУ ВПО "Горловский институт иностранных языков"*

*e-mail: iksta\_aravar@mail.ru*

*УДК 81'42: 811. 161. 1*

## **ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ РОДНОГО КРАЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. РУСАНОВА "ТРИ ЦВЕТА ДОНБАССА"**

*Julia L. Dmutrieva*

*Gorlovka Institute of Foreign Languages*

### **LANGUAGE IMAGE OF THE NATIVE LAND IN THE WORK OF RUSANOV "THREE COLORS OF DONBASS"**

*В статье дан обзор направлений исследования языкового образа, приведены основные дефиниции данной единицы метаязыка. Автор рассматривает образ как единицу лингвокультуры. В работе указаны основные когнитивные признаки анализируемого образа, базовые метафорические модели образа Донбасса, выявлены и описаны средства объективации образа родного края в тексте донецкого поэта В. Русанова.*

*Ключевые слова: языковой образ, когнитивный признак, метафорическая модель, вербальный знак, лингвокультура, дефиниционная модель*

*The article provides an overview of the directions in the study of the linguistic image, the main definitions of this unit of the metalanguage are given. The author considers the image as a unit of linguoculture. The paper indicates the main cognitive features of the analyzed image, provides basic metaphorical models of the image of Donbass, identifies and describes the means of objectifying the image of Donbass in the text of the Donetsk poet V. Rusanov.*

*Key words: linguistic image, cognitive attribute, metaphorical model, verbal sign, linguoculture, definitional model*

Образ неоднократно становился объектом исследовательского интереса. Так, в лингвистике конца XX – начала XXI вв. языковые образы изуча-

ются в рамках нескольких направлений, в числе которых, согласно Е. А. Юриной, лингвостилистический и собственно лингвистический. Представители лингвостилистического подхода анализируют образный строй языка поэзии, выделяя и описывая индивидуально-авторские средства выразительности, на основе которых формируются основные типы образных моделей. При собственно лингвистическом подходе изучаются уже выделенные образы национальной культуры. Материалом такого исследования являются тексты разных функциональных стилей национального языка. Отметим, что методологическую базу лингвистического подхода составляют теория языковой и концептуальной метафоры, лингвоконцептуальные и лингвокультурологические исследования, теория лексической и фразеологической образности [9, с. 4–6].

Кроме указанных направлений языковой образ рассматривается в нескольких ракурсах (см. [5]). Во-первых, он определяется как способ структурирования информации о познаваемом феномене (или "способ квантования когнитивного пространства" [5, с. 14]) и как единица такого структурирования, аккумулирующая признаки объектов окружающего мира и вербализирующая их. Данный ракурс исследования образа сближает его с концептом, поскольку обе единицы метаязыка исследования определяются по одной дефиниционной модели "образ / концепт / – структура сознания человека (в т. ч. и языкового), которая хранит и накапливает информацию (как довербальную, так и собственно языковую) о познаваемой реалии".

Во-вторых, поскольку образ отражает деятельностно-практический аспект познания окружающей среды, его рассматривают как способ структурирования словаря. Единицей последнего признаётся ассоциативно-семантическое поле, способное наиболее полно представить объективированный языковыми единицами образ.

Наконец, в-третьих, образ воспроизводится при образовании метафор, служит для структурирования метафорического массива языка, является объектом анализа образного строя языка – "метафорического способа отражения действительности, ассоциативного функционирования лексики с целью выявления присущих им закономерностей" [5, с. 15].

Е. Г. Беляевская описывает три аспекта изучения образа в отечественной филологии. Во-первых, образ рассматривается как когнитивная единица, формирующаяся в сознании человека в результате отражения объектов онтологического мира. Во-вторых, образ определяется по модели "образ – объективация в литературном произведении идеи, сформировавшейся в сознании автора-творца". В-третьих, образ – интерпретация художественного произведения в сознании читателя и / или слушателя [1, с. 28].

Итак, в современных исследованиях нет принятого трактования образа. Его определяют и как категорию сознания и мышления, и как категорию текста, и как лексико-семантическую категорию. В ряде исследований образ совмещает несколько трактований. Например, Е. А. Юрина предла-

гает разграничивать образ<sup>1</sup>, т. е. первичный чувственный образ, и образ<sup>2</sup> – вторичный ассоциативный образ. Учёный отмечает, что такая дифференциация обусловлена традицией рассмотрения философско-психологического образа, а также дуплановостью его категориального содержания. Образ как единица тезаурусного уровня языковой личности описан Ю. Н. Карауловым, а как компонент семантики лингвокультуры – В. В. Красных. Мы под образом понимаем вербализованное восприятие действительности, фиксирующее базовые релевантные для человека и / или этноса признаки объекта онтологического мира. "Образ рассматривается нами и как единица лингвокультуры этноса, которая позволяет сформировать целостное, адекватное реальности отображение познаваемого феномена в сознании человека, а также выполняет функцию эталона" [3, с. 51].

*Цель статьи* – выявить и описать средства объективации языкового образа родного края в стихотворении В. Русанова "Три цвета Донбасса".

Произведение поэта посвящено рассуждению о родном крае и людях, составляющих его основу. В. Русанов не только воссоздаёт субъективный образ Донбасса, но и описывает те черты, которые воспевались не одним поколением донецких писателей (см., например, произведения П. Беспощадного). Так, в стихотворении языковой образ родного края представлен как перцептивными когнитивными признаками, так и метафорическими моделями "край → человек", "край → объект материальной и духовной культуры". Ср. : *Чёрным золотом славен Донбасс – / работаю, не мот, не транжира. / Не словами, а делом, не раз / доказал – нет здесь места кумирам. // Над Донбассом разлита лазурь, / небеса отражаются в море. / Всё он видел – и штиль, и грозу. / Всё изведал – и радость, и горе. // И в суровые будни свои, / в эти дни, что окрашены алым, / будто Спас он стоит на крови, / но вовек не предаст идеалов. // В камне выбей, в веках запиши: / трудолюбие, честь и отвага – / это грани донбасской души, / это краски донецкого стяга [7].*

Языковой образ родного края в тексте эксплицирован онимом *Донбасс*, именами прилагательными *донбасский* и *донецкий*. Так, уже в названии края объективированы когнитивные признаки "пространство" и "наличие полезных ископаемых". Е. С. Отин отмечает, что вербальный знак *Донбасс* является сокращением *Донецкий (каменноугольный) бассейн* [6, с. 57–58]. Ср. : "Бассейн – область залегания каких-либо полезных ископаемых" [4]; "Камень – любая твёрдая горная порода в виде отдельного куска или сплошной массы" [Там же]; "Угольный – содержащий в себе уголь" [Там же].

Отметим, что образ родного края объективирован и в названии произведения топонимом *Донбасс*. Кроме того, заглавие "Три цвета Донбасса" отсылает читателя к цветовой палитре флага Донецкой Народной Республики (*краски донецкого стяга* [7]), а также эксплицирует представление о

цветовом спектре восприятия основных черт анализируемого образа. Так, колоратив *чёрный* соответствует цвету основного природного богатства края – угля. Ср. : *Чёрным золотом славен Донбасс* [Там же]. Данное эталонное сравнение зафиксировано и в словарной статье анализируемого вербального знака: "Чёрный – самый тёмный из всех цветов, имеющий цвет сажи, угля (выделено нами – Ю. Д.)" [4]. Лексема *золото* выражает степень ценности для населения края указанного полезного ископаемого, ведь именно на шахтах в основном трудятся жители Донбасса. Также сочетание *чёрное золото*, согласно М. П. Котуровой, может квалифицироваться и как часть синонимического ряда. Ср. : "В качестве синонимов к общепотребительным словам и терминам изобретаются все новые и новые контекстуальные синонимы, разнообразные перифразы (уголь – черное золото; врачи – люди в белых халатах; медицинская помощь – служба здоровья и т. д.)" [8, с. 263]. Соответственно, конструкцию *чёрным золотом славен Донбасс* рассматриваем как экспликацию признака "наличие полезных ископаемых" языкового образа родного края.

Другой цвет, указанный в произведении и присутствующий на государственном флаге Донецкой Народной Республики, – один из оттенков синего. Ср. : *Над Донбассом разлита лазурь, / небеса отражаются в море* [7]. В приведённом фрагменте текста выражен когнитивный признак "пространство" и отчасти дано его описание. Так, колоратив *лазурь* зафиксирован в языковом опыте этноса для номинации "светло-синего цвета, цвета неба и моря" [4]. Следовательно, в толковании уже зафиксированы эталонные, повторяющиеся в тексте произведения, объекты, обладающие данным цветом. Отметим, что рассматриваемый цвет, согласно О. В. Вовку, символ "лучезарного неба, синоним всего божественного, чистого и возвышенного" [2, с. 36]. В. Русанов сохраняет данное осмысление, используя предлог *над* для указания на расположение объекта, цвет которого назван в произведении. Кроме того, образ родного края у поэта описывается как бескрайнее пространство, его небо отражается в морской глади.

Наконец, третий из описываемых донецким поэтом цветов – алый. Данная лексема зафиксирована в толковом словаре со значением "ярко-красный" [4]. Ср. : *И в суровые будни свои, / в эти дни, что окрашены алым, / будто Спас он стоит на крови* [7]. Отметим, что в данном фрагменте имя прилагательное использовано не только для указания на оттенок цвета, но и на происходящее в жизни края – непрекращающиеся военные действия, которые продолжают уносить жизни мирного населения Донбасса.

Итак, в произведении языковой образ родного края объективирован как непосредственным названием *Донбасс*, так и производными именами прилагательными *донбасский*, *донецкий*, а также описана природа края (*Над Донбассом разлита лазурь, / небеса отражаются в море*) и его богатства (*Чёрным золотом славен Донбасс*). Однако при анализе языковых

средств экспликации рассматриваемого образа нами была выявлена тройная интерпретация данного образа. Во-первых, это чувственное восприятие Донбасса, выраженное вербальными знаками, описанными выше.

Во-вторых, родной край у В. Русанова описывается как объект материальной и духовной культуры жителей. Это выражено когнитивной метафорой "край → объект материальной и духовной культуры". Так, в тексте Донбасс сравнивается с храмом: *в эти дни, что окрашены алым, / будто Спас он стоит на крови, / но вовек не предаст идеалов* [7]. Вербальный знак *Спас* эксплицирует представление о, во-первых, "церкови в честь Спасителя" [4], т. е. объекте материальной христианской культуры. Во-вторых, рассматриваемая лексема используется для номинирования "каждого из трёх церковных праздников конца лета" [Там же]. Отметим, что числительное *три* употреблено и в заглавии стихотворения. Оно играет важную роль в русской лингвокультуре. Это "синтез, творческий потенциал, созидание и любовь" [2, с. 40], т. е. те черты, которые, по мнению автора текста, присущи жителям Донбасса. Этот список дополняется и другими "гранями души" родного края. Ср. : *трудолюбие, честь и отвага – / это грани донбасской души* [7].

В-третьих, в тексте образ родного края персонифицирован, что выражено с помощью метафорической модели "край → человек". Область её источника объективирована топонимом *Донбасс* и местоимением *он*. Область цели выражена как лексическими единицами, так и синтаксическими конструкциями. Ср. : *Чёрным золотом славен Донбасс – / работаю, не мот, не транжиря. / Не словами, а делом, не раз / доказал – нет здесь места комуирам. // Над Донбассом разлита лазурь, / небеса отражаются в море. / Всё он видел – и штиль, и грозу. / Всё изведаль – и радость, и горе. // И в суровые будни свои, / в эти дни, что окрашены алым, / будто Спас он стоит на крови, / но вовек не предаст идеалов. // В камне выбей, в веках запиши: / трудолюбие, честь и отвага – / это грани донбасской души, / это краски донецкого стяга* [7].

Кроме того, образ родного края описан В. Русановым как динамичный, изменчивый (от использования форм прошедшего времени *славен, доказал, разлита, видел, изведаль* до настоящего – *отражаются, стоит*, и будущего – *не предаст* и т. д.). В тексте произведения зафиксированы два социальных противопоставленных состояния: мир (добывается чёрное золото трудолюбивым народом) сменяется войной (ср. : *И в суровые будни свои, / в эти дни, что окрашены алым, / будто Спас он стоит на крови*). Кроме того, динамичность, изменчивость объективированы и в рядах *и штиль, и грозу; и радость, и горе*. Перечисленные периоды, состояния свойственны человеку, т. е. эксплицируют область цели метафорической модели "край → человек".

Итак, языковой образ родного края у автора включает когнитивные признаки "пространство" и "наличие полезных ископаемых", составляю-

щие чувственный образ Донбасса. Описание символики основных цветов "донецкого стяга" содержит индивидуально-авторские черты анализируемого образа (бескрайнее пространство, динамичность, указание эталонных характеристик, присущих жителям этой местности). Также языковой образ родного края включает две когнитивные метафоры "край → объект материальной и духовной культуры" (сравнительный оборот *будто Спас он стоит..., не предаст идеалов*, использование числительного *три*) и "край → человек" (языковые единицы *работяга, не мот, не транжира; Всё он видел – и штиль, и грозу. / Всё изведал – и радость, и горе; трудолюбие, честь и отвага – / это грани донбасской души*).

#### Список использованных источников

1. **Беляевская, Е. Г.** К проблеме конструирования языковых образов Е. Г. Беляевская. – Текст : непосредственный // Вестник МГЛУ. – 2011. – № 627. – С. 24 – 32.
2. **Вовк, О. В.** Энциклопедия знаков и символов. – Москва : Вече, 2006. – 528 с. – Текст : непосредственный.
3. **Дмитриева, Ю. Л.** Средства экспликации образа Горловки в современных медиатекстах / Ю. Л. Дмитриева. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: "Социальные и гуманитарные науки". – № 3 (27). – 2020. – С. 50–56.
4. **Ефремова, Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва : Русский язык, 2000. – URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 08.04.2021). – Текст : электронный.
5. **Илюхина, Н. А.** Метафорический образ в семасиологической интерпретации : монография. – Москва : Флинта, Наука, 2010. – 320 с. – Текст : непосредственный.
6. **Отин, Е. С.** Происхождение географических названий Донбасса. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с. – Текст : непосредственный.
7. **Русанов, В.** Война в Донбассе // Стихи. ру. – URL: <https://stihi.ru/avtor/brendarcher&book=3#3> (дата обращения: 08.04.2021). – Текст : электронный.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; члены редкол. : Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Флинта, Наука, 2011. – 696 с. – Текст : непосредственный.
9. **Юрина, Е. Ю.** Образный строй языка. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 156 с. – Текст : непосредственный.

**Мальцева Ольга Вадимовна,  
Бухарова Нина Викторовна**

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова  
*e-mail: lorrizy@gmail.com, petr10.11.09@gmail.com*

УДК 811. 161. 1'276. 3'342. 6 (477. 74-25)

## **ОДЕССКИЙ ШАНСОН КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН**

*Olga V. Maltseva,  
Nina V. Bukharova*

*I. I. Mechnikov Odessa National University*

### **ODESSA CHANCON AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON**

*В статье представлена лингвокультурная характеристика одесского шансона как особого вида, который легко выделяется из жанра русский шансон. На фонетическом и лексическом уровнях устанавливаются маркеры, которые позволяют отнести песни именно к одесскому шансону. Это, например, указание на Одессу и использование одесских топонимов. Благодаря широкой популярности подобных песен, такие названия, как Одесса-мама, Дерибасовская, Молдаванка, Пересыпь стали прецедентными именами.*

*The article presents the linguocultural characteristics of Odessa chanson as a special kind, which is easily distinguished from the Russian chanson genre. At the phonetic and lexical levels, markers are set which allow the songs to be specifically attributed to Odessa chanson. These are, for example, reference to Odessa and the use of Odessa toponyms. Due to the wide popularity of such songs, such names as Odessa-Mama, Deribasovskaya, Moldavanka, Peresyp have become precedent names.*

*Ключевые слова: лингвокультурология, русский шансон, одесский шансон, прецедентные имена*

*Key words: linguocultural studies, Russian chanson, Odessa chanson, precedent names*

В настоящее время лингвокультурология быстро развивается и становится фундаментальной наукой. Она возникла на стыке языка и культуры, так как мировоззрение человека формируется под воздействием культуры, в которой он родился, и языка, носителем которого является.

Одесса – уникальный город в плане языкового и культурного разнообразия, в основе которого лежит именно русская культура и русский язык. Даже если мы говорим об арго или воровском жаргоне, присущих, как думают многие, языку одесситов, то определяем их как составную часть национального русского языка. В городское койне попадают, как правило, наименее грубые и наиболее доступные для горожан элементы блатного арго. Некоторые арготизмы известны в других ареалах функционирования русского языка и зафиксированы разными словарями (*кадык, мент, киди-*

ла, чмо, разборки, плейтовать, пасти, шорох и под.), другие территориально ограничены (*блотик, выстроить, заученный*) [3, с. 354].

Русский шансон – собирательный термин, которым обозначают различные жанры русской музыки: городской романс, военные, эмигрантские и некоторые эстрадные песни [2]. По нашему мнению, *одесский шансон* является особым видом русского шансона, мы определяем его как песню, в которой имеются фонетические и лексические маркеры, связывающие текст песни с Одессой, а также может быть использована арготическая и под. лексика.

В сети Интернет обнаруживается огромное количество песен, относимых пользователями к *одесским*. Например, на сайте ODESSKIY.com указано: "Всего в коллекции: 829 одесских песен" [1], однако при более пристальном рассмотрении, оказывается, что многие песни просто повторяются под разными названиями, представлены вариантами или же в разных исполнениях.

Согласно исследованию профессора Е. Н. Степанова, самое сильное влияние на одесскую речь оказывают южнорусские диалекты и украинский язык. Об этом свидетельствует регулярное использование полумягких аллофонов губных, заднеязычных, а также фонем <в> / <в'>, вариативное использование фонемы <г>, артикуляционное сближение <ы> и <и>, ослабление редукции безударных создаёт фонетическую субституцию гласных. Чаще всего вспомогательную роль в формировании и функционировании некоторых фонетических подсистемных черт в русской речи одесситов играют еврейский, греческий, немецкий, итальянский, французский, молдавский, болгарский, польский, армянский языки. Переход носителей этих языков и их потомков к общению на русском языке [3, с 186].

В некоторых одесских песнях фонетические особенности передаются на письме. Особенно это заметно в текстах, представленных в Интернете. Дело в том, что записи в сети часто избегают, какого бы то ни было рецензирования, редактур и цензуры, а это позволяет сохраниться и фонетическим и лексическим особенностям. В нашем исследовании мы останавливаемся только на зафиксированных на письме фонетических нарушениях русской литературной речи, которые становятся маркерами принадлежности песни к одесскому шансону. Например:

СЕГОДНЯ СОНЕЧКА СПРАВЛЯЕТ АМАНИНЫ:

А *собирайтесь брунеты* и блондины,

А Мойша Рыжий будет речь держать:

Сегодня Сонечка справляет *аманины* –

Швея Одесса должна за это знать!

Одессу – маму *первернули* – гоп-ца-ца!

КАК НА ДЕРИБАСОВСКОЙ, УГОЛ РИШЕЛЬЕВСКОЙ

*Разнеслася* весть

ХОЛЕРА В ОДЕССЕ

На Дерибасовской *случилась* холера;  
Заговорили о холерном *вубриёне*;  
Что в подворотне где-то *видала* арабу;  
*захотелось*;  
*с-под* майонеза банки.

С ОДЕССКОГО КИЧМАНА

А третья засела в *глыбоке*;  
Зарой ты мое тело в *глыбоке!*

НА ДЕРИБАСОВСКОЙ ОТКРЫЛАСЯ ПИВНАЯ

На Дерибасовской *открылася* пивная,  
Там *собиралася* компания блатная;  
И *улыбнулася* в ответ красotka Роза;  
И так сказал, как говорят у нас *поэты*:

"Я б вам советовал беречь свои *портреты*" (судя по рифме, должно произноситься [рэ])

Тут *поднялася* катавасия такая...

И *подралася* вся компания блатная.

Как видим из представленных примеров, наиболее популярно изменение произношения постфикса *-сь* как *-ся* в глаголах (влияние украинского языка).

Также присутствуют:

– изменение фонетической окраски слова, основанное на редукции безударного: именины – *аманины*;

– взаимодействие [и] с [о] по аналогии [j] с [о] : о вибрионе – *вубриёне*;

– произношение твердого [р] на месте мягкого: брюнеты – *брунеты*, поэты – *портреты*;

– артикуляционное сближение [и] с [ы] : выдала – *видала*;

– редукция начального *и*: испортить – *спортить*, ис-под – *с-под*.

Данные примеры показывают, что в текстах одесского шансона сохраняются фонетические особенности, присущие русской речи г. Одессы.

На лексическом уровне мы также выделяем следующие особые маркеры для отнесения песни к одесскому шансону:

### 1. Название города и производные:

Раз в *Одессе*, в еврейском квартале;

Ах, *Одесса* прощай милый город;

*Одессу-мату* первернули – гоп-ца-ца;

Когда я уезжаю из *Одессы*;

Известной бандерши в *красавице-Одессе*;

Прибыла в *Одессу* банда из Амура;

Ах, *Одесса*, жемчужина у моря!

Кого вы ни спросите, Ответят *одесситы*;

*Одесские* каштаны прикроют наши раны;

## 2. Топонимика:

Как на *Дерибасовской*, Угол *Ришельевской*;  
Холера прёт уже по всей *Преображенской*;  
На *Мясоедовской*, в *порту*, на *Ланжероне*;  
Красивей всех была там Роза с *Молдаванки*;  
Об чей хребет сломали кий в *кафе Фанкони*;  
Есть на этой улице *больница*, Все её "*Еврейскою*" зовут;  
Натюрморты, Те, которые в *Аркадии* на *пляже*;  
Нет Одессы Без *Привоza* и без *Нового базара*;

3. **Антропонимы**, часто еврейского происхождения, или соотносимые с известными гражданами Одессы:

К нам подсадили даже *Мишу Водяного*;  
И как сказала тётя *Соня* с Молдаванки;  
Наш *Абрам* как-то странно вздохнул;  
Его с сыном и *Сарой* в дорогу;  
А *Мойша* Рыжий будет речь держать;  
Сегодня *Сонечка* справляет аминины;  
Там были девочки *Маруся, Роза, Рая*;  
Красивей всех была там *Роза* с Молдаванки;  
Но тут *Арончик* пригласил ее на танец;  
Тут подошел к нему маркёр известный *Моня*;  
Побочный сын мадам *Алешкер* тети *Песи*;  
Раз пошли на дело Я и *Рабинович*

4. Показателями одесского шансона также могут быть: **воровской жаргон (арготизмы), просторечие и обсценная лексика**. Однако по данным маркерам к одесским песням можно отнести любую уголовную лирику. По нашему мнению, всё же необходимо учитывать все маркеры, в первую очередь, название Одессы и производные, а также топонимию. Например:

### ХОЛЕРА В ОДЕССЕ

На *Дерибасовской* случилась холера  
Её схватила одна ... от кавалера.  
Чтоб в страшных муках всем нам не у...ся,  
Велели, чтобы ... хлоркой обмывали,  
Какого ... вы б хотели за бесплатно!  
Какую даму за ... вы б ни спросили,  
Где нам пришлось для государства ...ся,  
МУРКА (классический вариант)  
Светит в небе месяц, тихо спит *малина*,  
А в *малине* собрался совет:  
Это *уркаганы*, злые хулиганы;  
Даже злые *урки* все боялись Мурки;  
Как узнать скорее, кто же стал *шалавой*;

В тёмном переулке *перышком попишем*  
Или *дуру* вынем и *шмальнём*;  
Раз *пошли на дело*, выпить захотелось;  
Мы решили *смыться* и не *шухериться*;  
В тёмном переулке, где гуляют *урки*,  
Мы решили Мурку *завалить*;  
Ты *зашухерила* всю нашу *малину* –  
И теперь, *шалава*, отвечай!  
И теперь *маслину* получай!"

Что ж тебя заставило снюхаться с *лягавыми*.

**5. Нейтральная** (связанная с преступлениями) или **специальная** (связанная с морским делом) **лексика**, которая помогает создать одесский колорит в песнях. Например:

КАК НА ДЕРИБАСОВСКОЙ, УГОЛ РИШЕЛЬЕВСКОЙ

Шестеро *налетчиков*;

Пережить *налет*;

Но не идут *бандиты*.

КОГДА Я УЕЗЖАЮ ИЗ ОДЕССЫ

Была *кефаль* и *скумбрия* была;

С неаппетитной кличкой "*камбала*".

НА ДЕРИБАСОВСКОЙ ОТКРЫЛАСЯ ПИВНАЯ

Я б вам советовал *пришвартоваться* к Вере

Одесский шансон имеет очень высокую популярность не только на всём постсоветском пространстве, но и в дальнем зарубежье. Благодаря этому Одесса также широко популярна как город со своими колоритом, культурой и песнями. А одесские топонимы и антропонимы уже являются прецедентными именами.

#### Список использованных источников

1. Песни про Одессу. ODESSKIY. com: [сайт] – Одесса, 2009-2021. – URL: <http://odesskiy.com/pesni-pro-odessu/> (дата обращения 03.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
2. Русский шансон. Википедия : [сайт] – Wikipedia, 2021. – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский\\_шансон](https://ru.wikipedia.org/wiki/Русский_шансон) (дата обращения 22.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
3. **Степанов, Є. М.** Російське мовлення Одеси : [Монографія] / Є. М. Степанов. – Одеса : Астропринт, 2004. – 496 с. – Текст: непосредственный.

*Никулкина Ольга Геннадьевна*

*ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ", Брянский филиал  
e-mail: [sinbad1982@yandex.ru](mailto:sinbad1982@yandex.ru)*

УДК 811. 161

**"ОСЕННИЕ СУМЕРКИ ЧЕХОВА, ЧАЙКОВСКОГО И  
ЛЕВИТАНА": РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН И  
ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ  
ПРОСТРАНСТВЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Б. Л. ПАСТЕРНАКА  
"ЗИМА ПРИБЛИЖАЕТСЯ"**

*Olga G. Nikulkina*

*Russian Presidential Academy of National Economy  
and Public Administration*

**"AUTUMN TWILIGHT OF CHEKHOV, TCHAIKOVSKY AND  
LEVITAN": THE ROLE OF PRECEDENT NAMES AND  
PRECEDENT TEXT IN THE ARTISTIC SPACE OF B. L. PASTERNAK'S  
POEM "WINTER IS APPROACHING"**

*В статье анализируется роль прецедентных имён собственных и прецедентного текста, а также специфика их функционирования в художественном пространстве стихотворения Б. Л. Пастернака "Зима приближается". Установлено, что прецедентные имена собственные и прецедентный текст являются смысловыми доминантами и выполняют текстообразующую функцию в стихотворении.*

*Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентный текст, интертекст, коннотация, текстообразующая и смыслопорождающая функция*

*The article analyzes the role of precedent names of own and precedent text, as well as the specifics of their functioning in the artistic space of the poem B. L. Pasternak "Winter is approaching." It has been established that the precedent names of their own and precedent text are semantic dominants and perform the text-forming function in the poem.*

*Keywords: precedent name, precedent text, intertext, connotation, text-forming and detectional function*

В поэтическом тексте имя собственное поливалентно, оно несёт особую эмоционально-экспрессивную нагрузку [5; 6] и помимо номинативно-дифференцирующей функции выполняет также художественную функцию [9; 10]. Прецедентные имена и прецедентные тексты являются одним из способов передачи имплицитного смысла художественного произведения, доминантами, которые "стягивают вокруг себя содержание, переструктурируют его и тем самым организуют определённым образом семантиче-

ское пространство" [7, с. 56] и выступают текстообразующими скрепами [3].

Предметом исследования стали интертекстуальные включения, прецедентные имена собственные и прецедентный текст, их роль и особенности функционирования в художественном пространстве стихотворения Б. Л. Пастернака "Зима приближается".

Стихотворение "Зима приближается" (1943) входит в цикл "Стихи о войне" из книги "На ранних поездах", которая стала творческим итогом пребывания Б. Л. Пастернака в сентябре 1943 года в качестве военного корреспондента на Брянском фронте. Однако в стихотворении, написанном по заказу газеты "Литература и искусство" к октябрьской годовщине, тема войны не является доминантной. Последняя строфа, которая имела прямое отношение к заказанной теме, откровенно пародийная, не удовлетворила редакцию газеты и была опущена: *И полные листьев колдобины, / И наше октябрьское имя, / По нашей привычке особенной / Всего нам на свете родимей.* В последней редакции текст оканчивается: *Октябрь серебристо-ореховый, / Блеск заморозков оловянный. // Осенние сумерки Чехова, Чайковского и Левитана* [8, с. 47].

В контексте пастернаковской строки прецедентные однородные слованимы *Чехов, Чайковский и Левитан*, апеллирующие к выдающимся деятелям русской культуры рубежа XIX – XX веков, объединены определяющим словом *сумерки (осенние)*. Какие *сумерки* объединяют представителей литературы, музыкального искусства и живописи?

Нарицательное существительное *сумерки* в процессе онимизации стало обозначением уникальных произведений искусства: артионимом "*Сумерки*" (название произведения изобразительного искусства И. И. Левитана) и библионимом "*В сумерках*" (название книги рассказов А. П. Чехова), поэтому в поэтическом тексте Б. Л. Пастернака лексема *сумерки* (выступающая нарицательным существительным) имплицитно читается как прецедентный текст и является культурологическим кодом при интерпретации смысловой парадигмы стихотворения.

В августе 1887 года выходит сборник рассказов А. П. Чехова "В сумерках". ""В сумерках" – тут аллегория: жизнь – сумрак, и читатель, купивший книгу, должен читать её в сумерках, отдыхая от дневных работ", – писал А. П. Чехов [11, с. 92]. В авторском комментарии лексема *сумерки* употребляется как в прямом номинативном значении, так и в переносном – 'сумерки жизни'.

И. И. Левитан – выдающийся русский художник, мастер "пейзажа настроения". Любимым временем суток, по воспоминаниям друзей, у него были сумерки и поздний вечер. В 1890-х годах художник пишет "сумеречную" серию картин, в названии каждой из которых используется лексема *сумерки* или её производные: "На даче в сумерки" (1890-е), "Сумрачный день. Жнивья" (1890-е годы), "Лесистый берег. Сумерки" (1892), "Облач-

ное небо. Сумерки" (1893), "Деревня. Сумерки" (1897), "Остатки былого. Сумерки. Финляндия" (1897), "Сумерки. Замок" (1898), "Сумерки. Луна" (1899), "Сумерки. Луна" (1899), "Сумерки" (1899), "Сумерки" (конец 1890-х – 1900), "Сумерки. Стога" (1899), "Сумерки. Стога" (1899), "Сумрачно" (1899). Художник лаконичными средствами изобразил красоту привычных картин русской природы, поэтизировал повседневность, запечатлел на полотнах грань между светом и тенью, жизнью и смертью, гармонию в природе и предельность человеческого существования. Одна из последних картин "Сумерки. Стога" (1899), написанная в Ялте в доме А. П. Чехова, была подарена писателю. О последних работах И. И. Левитана А. П. Чехов рассуждал: "До такой изумительной простоты и ясности мотива, до которых дошёл в последнее время Левитан, никто не доходил до него, да не знаю, дойдёт ли кто и после" [4, с. 136]. Писателя и художника объединяла общность мироощущения и схожесть художественного метода, которая выражалась в лаконизме художественного языка в изображении пейзажа. А. П. Чехов ценил пейзажи Левитана, изображающие непритязательную русскую природу, особенно картину "Деревня" – "серенькую, жалконькую, затерянную, безобразную, но такой от неё веет невыразимой прелестью, что оторваться нельзя: всё бы на неё смотрел и смотрел" [Там же, с. 136]. Приведённое высказывание считаем актуальным в рамках исследования, поскольку, на наш взгляд, образ такой деревни создал Б. Л. Пастернак в анализируемом тексте. Среди подобных пейзажей протекает и жизнь чеховских персонажей. Подобно И. И. Левитану, писатель стремился к предельной точности и краткости в своих "словесных" пейзажах. "Левитановское начало" также присутствует и в качестве композиционного элемента в рассказе Чехова "Три года" (1895) (писатель останавливает свою героиню перед пейзажем И. И. Левитана "Тихая обитель").

"Музыкальные" пейзажи П. И. Чайковского дополняют картины русской природы. Языком музыки композитор в "Осенней песне" представил образ октября. В его произведениях угадываются убогие левитановские деревни и бесконечные чеховские дали.

"Чехов, Левитан и Чайковский – эти три имени связаны одной нитью. И, правда, они были певцами прекрасной русской лирики, они были выразителями целой полосы русской жизни", – писала О. Л. Книппер-Чехова [1, с. 600].

Таким образом, прецедентный текст *сумерки* является культурологическим кодом, отсылающим к названиям произведений А. П. Чехова, П. И. Чайковского и И. И. Левитана. Содержание лексемы *сумерки* расширяется за счёт коннотативных значений: 1) тёмное время суток, полумрак, 2) пограничное состояние между днём и ночью, 3) граница, рубеж между светом и тьмой, 4) пограничное состояние человека, 5) сумерки как тёмная сторона жизни, 6) название произведений искусства.

Мы рассмотрели культурологическое значение имён собственных и лексемы *сумерки*, обратимся к анализу их композиционной и смысловой роли в поэтическом тексте Б. Л. Пастернака.

Рамочная композиция стихотворения (повторение заголовочного комплекса *зима приближается* в начале текста и обращение к октябрьскому пейзажу в конце) актуализуют тему природы. Неторопливый ритм, спокойная интонация, простота формы, языка и композиции, не свойственные художественному методу раннего творчества поэта, использование преимущественно общеупотребительной лексики (исключение составляет просторечие *сызнава* и грамматический окказионализм *листанней*) отличают художественный строй стихотворения. Языковые образные средства такие, как метафоры *прихоть неба*, *холодные объятья распутицы*, *нив алфавиты*, *блеск заморозков оловянный*, перифразы *обитатели севера строгого*, *захолустные логова* (= домики), сравнительные обороты *накрытые ночью*, *как крышей* и *белая*, *как рукоделье* и прецедентное включение библейского происхождения *сим победиши* отражают эмоциональное восприятие действительности лирическим героем, способствуют смысловому наполнению доминантных лексем стихотворения (*Чехов*, *Чайковский*, *Левитан*, *сумерки*) и участвуют в создании эмоционального содержания произведения.

Изображение природы лаконичными языковыми средствами в стихотворении Б. Л. Пастернака созвучно с левитановскими и чеховскими пейзажами. Необходимо отметить влияние чеховского метода в творчестве Б. Л. Пастернака: "Я давно предпочитаю Лермонтову Пушкина, Достоевскому, даже Толстому Чехова" [2, с. 413]. В романе "Доктор Живаго" "чеховское начало" прослеживается как в репликах героев, так и в образе Юрия Живаго, одним из прототипов которого стал писатель и врач А. П. Чехов.

Хронотоп в четырех первых строфах точно не очерчен, пространство панорамно: лирический герой то расширяет пространство с точечных изображений "грустного" пейзажа (*захолустные логова*, *домишки*, *капризное небо*, *пристани в провинции или деревне*, *непроезжая грязь*, *холодные объятья распутицы*) до широких обобщений-символов (*Россия раскрыта волшебной книгой*, *пишется метелью*), то опять сужает его до *серебристо-орехового октября*. Глаголы несовершенного вида *очутятся* (домишки), *закурятся* (трубы), *сойдутся* (жизнелюбы) стирают временную точность и конкретность. Авторский взгляд "сверху" на происходящее охватывает широкие картины природы. Как нам представляется, этот метод описания созвучен с панорамным изображением природы на картине И. И. Левитана "Над вечным покоем". Лирическое "я" грамматически не выражено: отсутствуют формы личных местоимений и глагольные формы 1-го и 2-го лица. Встречается только один глагол в форме 1-го лица *люблю* (*Люблю вас, далёкие пристани / В провинции или деревне*). Лирический герой растворён во всём и сопричастен всему. Ощущение грусти репрезентируется на поверх-

ностном уровне текста через лексемы с оценочным значением *капризное (небо), домишки, захолустные логова, непроезжая грязь*.

В пятой строфе смещается вектор внутреннего пространства текста: *Обозы тяжёлые двигая, / Раскинувши нив алфавиты, / Россия волшебною книгою / Как бы на серёдке открыта* [8, с. 47]. С природного локуса лирический герой переносится в настоящее, основная тема – Россия в годы Великой Отечественной войны. Художественное пространство и время становятся конкретными, исторически достоверными: из коммуникативной модели "везде – всегда" читатель оказывается в парадигме "здесь – сейчас". Тема войны трактуется, как мы полагаем, автором как *сумерки* в истории России, её тёмная, трагическая страница. Россия в образе волшебной книги, раскрытой на середине, находится в переходном состоянии, в своих исторических сумерках, на границе между прошлым и будущим в драматичный период своей истории: *И вдруг она пишется заново / Ближайшею первой метелью, / Вся в росчерках полоза санного / И белая, как рукоделье* [8, с. 47]. Образ метели и белый цвет, являющиеся ключевыми в творчестве Б. Л. Пастернака, символизируют новую страницу в российской истории и культуре.

В последней седьмой строфе происходит возвращение к прежней коммуникативной модели. Время из исторического контекста опять переносится во внеисторический природный локус: *Октябрь серебристо-ореховый, / Блеск заморозков оловянный. // Осенние сумерки Чехова, Чайковского и Левитана* [8, с. 47]. Как сильная позиция текста заключительная строфа – это квинтэссенция всего стихотворения, в ней выразилось авторское мировоззрение. Она является смысловым центром текста, в ней скрещиваются музыкальный, литературный и художественно-изобразительный дискурсы, маркерами которых выступают поэтонимы *Чехов, Чайковский, Левитан* и завершается кольцевая композиция. Обращением к природе начинается и завершается поэтический текст, однако в финальной строфе тема природы поднимается на новый уровень. Тема сумерек в природе носит онтологический характер: бесконечный круговорот в природе, миропорядок и гармония противопоставлены дисгармонии в человеческих отношениях, связанной с нарушением морали и нравственных законов. Стихотворение "Зима приближается" – гимн вечной природной гармонии и торжеству подлинного искусства.

Таким образом, ключом к подтекстовой информации стихотворения являются интертекстовые связи, проявляющиеся на языковом и неязыковом уровнях и воплощённые в прецедентных онимах, а также в прецедентной лексеме (прецедентном тексте) *сумерки*. Так, вследствие интертекстуальных скрещений происходит актуализация нескольких планов содержания лексемы *сумерки* в художественной парадигме стихотворения "Зима приближается": 1) природного (*сумерки* – переходное состояние в природе); 2) антропоморфного (*сумерки* как тёмная сторона жизни человека);

3) культурологического (прецедентный текст *сумерки* отсылает к названиям произведений искусства), 4) исторического (*сумерки* – печальная страница в истории России, связанная с Великой Отечественной войной как некая грань между прошлым и будущим); 5) онтологического (*сумерки* как противопоставление гармонии в природе и дисгармонии в человеческих отношениях). Прецедентные имена и прецедентный текст организуют композиционный, тематический, языковой и смысловой уровни текста. Они выполняют текстообразующую функцию, номинация *сумерки* репрезентирует один из основных концептов текста. Прецедентные имена как средство сохранения достижений духовной культуры являются одновременно и способом выражения субъективной оценки и авторского мировоззрения.

#### Список использованных источников

1. А. П. Чехов в воспоминаниях современников. – Москва : Художественная литература, 1986. – 734 с. – Текст : непосредственный.
2. **Гладков, А. К.** Театр: воспоминания и размышления / А. К. Гладков. – Москва : Искусство, 1980. – 461 с. – Текст : непосредственный.
3. **Гудков, Д. Б.** Прецедентное имя и проблемы прецедентности : монография / Д. Б. Гудков. – Москва : ЛЕНЕНД (URSS), 2020. – 152 с. – ISBN 5971074741. – Текст : непосредственный.
4. И. И. Левитан: Письма. Документы. Воспоминания / Общ. ред. А. Фёдорова-Давыдова. – Москва : Искусство, 1956. – 336 с. – Текст : непосредственный.
5. **Никулкина, О. Г.** Имена собственные в стихотворениях Б. Л. Пастернака (к 130-летию со дня рождения писателя) / О. Г. Никулкина. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 2 (31). – С. 289 – 293.
6. **Никулкина, О. Г.** К вопросу об особенностях функционирования прецедентных имен собственных в художественном тексте (на материале повести А. П. Чехова "Дуэль") / О. Г. Никулкина. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2020. – № 4. – С. 203 – 209.
7. **Новиков, А. И.** Текст и его смысловые доминанты : монография / А. И. Новиков ; под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. – Москва : Ин-т языкознания РАН, 2007. – 224 с. – Текст : непосредственный.
8. **Пастернак, Б. Л.** Собрание сочинений: в 5 т. Т 2. Стихотворения 1931 – 1959 / Б. Л. Пастернак. – Москва : Художественная литература, 1989. – 703 с. – Текст : непосредственный.
9. **Рогалев, А. Ф.** Имя и образ: художественные функции имен собственных в литературных произведениях и сказках / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2007. – 224 с. – ISBN 978-985-6763-29-1. – Текст : непосредственный.

10. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : монография / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 122 с. – ISBN 5-88234-390-9. – Текст : непосредственный.

11. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 2. Письма, 1887 – сентябрь 1888 / А. П. Чехов. – Москва : Наука, 1975. – С. 337 – 514. – Текст : непосредственный.

*Папейко Анатолий Анатольевич*

*УО "Могилевский государственный университет  
имени А. А. Кулешова"  
e-mail: [anatoly\\_papeiko@mail.ru](mailto:anatoly_papeiko@mail.ru)*

*УДК 371. 68: 811. 161. 1*

## **ВТОРАЯ ЧАСТЬ ХРЕСТОМАТИИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ "АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА"**

*Anatoly A. Papeiko*

*Mogilev State University named after A. A. Kulshov*

## **THE SECOND PART OF THE TEXTBOOK ON THE DISCIPLINE "AUTHOR'S SONG: LANGUAGE FEATURES OF THE GENRE"**

*В статье рассмотрены особенности структуры, содержания, использования электронной хрестоматии по курсу "Авторская песня: языковые особенности жанра".*

*The article discusses the features of the structure, content, and use of the electronic anthology for the course "Author's song: language features of the genre".*

*Ключевые слова: авторская песня, презентация PowerPoint, электронное учебное пособие, хрестоматия*

*Keywords: author's song, PowerPoint presentation, electronic textbook, anthology*

В 2021 г. в Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова была издана с грифом Министерства образования Республики Беларусь вторая часть электронной хрестоматии по курсу "Авторская песня: языковые особенности жанра" (далее сочетание "авторская песня" сокращается до АП) [1]. Это четвертое высокостатусное издание в составе учебно-методического комплекса по названной дисциплине, в который входят также еще два электронных учебных пособия с грифом Министерства образования РБ [2; 3] и монография [4].

Подобно первой части хрестоматии, описанной в одной из предшествующих публикаций [5], данное пособие выполнено в виде презентации PowerPoint объемом 1000 слайдов и имеет следующую структуру:

- титульный слайд;
- предисловие;
- основная часть;
- содержание;
- составитель хрестоматии;
- благодарность;
- заключительный слайд.

Основная часть строится в соответствии с периодизацией АП, оговоренной в предисловии:

- АП "до авторской песни" (истоки жанра, начальный период);
- начало 1950-х гг. – середина 1960-х гг. ;
- конец 1960-х гг. – начало 1980-х гг. ;
- середина 1980-х гг. – начало 1990-х гг. ;
- середина 1990-х – конец 2010-х гг.

В рамках названных периодов представлено творчество авторов, не вошедших в предыдущее издание; по каждой из персон вначале приводится титульный слайд с фотоматериалами, затем – слайд с краткой биографической справкой, а далее следуют слайды с текстами произведений, которые сопровождаются соответствующей аудиозаписью.

Электронные учебные издания, особенно большого объема, необходимо сопровождать навигацией, позволяющей просматривать материал не только путем последовательного "пролистывания", но и посредством знакомства с любыми фрагментами в произвольном порядке. Навигация нашей хрестоматии позволяет перемещаться из любого слайда к подробному содержанию, в которое включены все структурные части и полные ФИО авторов каждого периода; от содержания можно переместиться к титульному слайду пособия, предисловию, начальному слайду периодов, первому слайду любого из авторов, сведениям о составителе хрестоматии, а также к слайду с благодарностью специалистам в области АП, оказавшим помощь в работе над изданием.

Заметим, что электронная форма пособия не только позволяет более наглядно в сравнении со стандартным "бумажным" изданием представить информацию за счет подключения аудиального канала восприятия, но и значительно расширяет возможности работы с текстами произведений. Так, файл демонстрации презентации дает возможность пользователю на любом слайде выделять те или иные фрагменты текста, подчеркивать, зачеркивать, создавать пометы, выбирать цвет ручки или фломастера для работы со слайдом, стирать или сохранять заметки, заменять старые надписи новыми и т. п.

Количество авторов, вошедших во вторую часть хрестоматии, составляет 110; общее число их произведений равно 760. Основными критериями отбора авторов для издания (помимо отсутствия среди персоналий первой части) являлись следующие:

- признание средой бытования АП;
- значимость автора для данного жанра;
- литературно-музыкальные (в первую очередь – поэтические) достоинства произведений;
- полное авторство (т. е. текст и музыка) плюс личное исполнение включая исполнение в составе дуэта или иного коллектива.

Исключением из последнего требования, т. е. совмещения в одном лице автора текста, автора музыки и исполнителя, является творчество представителей первого этапа развития АП – Д. Б. Кедрина (1907 – 1945) и Б. С. Смоленского (1918 – 1941), известных как замечательных поэтов, на чьи стихи в последующие десятилетия были написаны многие песни, являющиеся достоянием жанра АП.

"География" творчества, отраженная во второй части хрестоматии, достаточно широка. Так, в число авторов, представленных в данном издании, вошли (ФИО приводятся общим списком в алфавитном порядке; в случае эмиграции указана та страна проживания, которая является последней на момент вёрстки биографической справки): Аделунг Ю. Н. (Москва, Россия), Баль А. В. (Могилев, Беларусь), Баранов В. А. (Санкт-Петербург, Россия), Бачурин Е. В. (Москва, Россия), Белов Ю. В. (Санкт-Петербург, Россия), Бережков В. В. (Москва, Россия), Бляхман Б. Ю. (Беэр-Шева, Израиль), Бобриков В. А. (Минск, Беларусь), Болдырева Е. М. (Пановка, Россия), Борзов В. А. (Аллентаун, Пенсильвания, США), Боханцев С. Н. (Калифорния, США), Брусницына Г. И. (Москва, Россия), Вайханский Б. С. (Ашдод, Израиль), Варкалова Е. Д. (Вентспилс, Латвия), Васильев А. А. (Москва, Россия), Васильев Г. М. (Красноярск, Россия), Виноградов В. В. (Череповец, Россия), Витаков А. И. (Москва, Россия), Вихляев К. А. (Ялта, Россия), Войнер Г. В. (Санкт-Петербург, Россия), Володин М. Я. (Минск, Беларусь), Генкин А. А. (Санкт-Петербург, Россия), Гудкова Е. В. (Санкт-Петербург, Россия), Гурфинкель Е. Л. (Москва, Россия), Дикштейн Г. Е. (Чикаго, Иллинойс, США), Дулов А. А. (Москва, Россия), Дурицын В. М. (Москва, Россия), Духовской А. В. (Санкт-Петербург, Россия), Завгородний В. Г. (Мюнхен, Германия), Залеская О. Е. (Минск, Беларусь), Замураева Т. Н. (Псков, Россия), Захаренков А. Л. (Санкт-Петербург, Россия), Земсков А. В. (Иерусалим, Израиль), Зонов Л. Д. (Екатеринбург, Россия), Зубов В. И. (Санкт-Петербург, Россия), Исакевич Е. Г. (Санкт-Петербург, Россия), Ишунин А. А. (Курск, Россия), Казанцева Е. В. (Минск, Беларусь), Калинкин М. М. (Москва, Россия), Канер В. В. (Москва, Россия), Капгер В. А. (Санкт-Петербург, Россия), Карпачёв М. Е. (Иерусалим, Израиль), Касьян Е. В. (Львов, Украина), Кедрин Д. Б. (Донбасс, Украина), Канунников

С. В. (Москва, Россия), Климович В. Е. (Гомель, Беларусь), Козлов В. Г. (Алматы, Казахстан), Козловский А. В. (Москва, Россия), Корнеевец О. И. (Калининград, Россия), Крупп А. Я. (Минск, Беларусь), Кудрявцев А. Л. (Брно, Чехия), Курилов Д. Н. (Москва, Россия), Кусков В. Б. (Новосибирск, Россия), Кучумов А. В. (Москва, Россия), Левинзон И. А. (Москва, Россия), Лобанов А. В. (Санкт-Петербург, Россия), Лобановский А. Н. (Санкт-Петербург, Россия), Луферов В. А. (Москва, Россия), Малыгин И. М. (Ярославль, Россия), Медведенко А. А. (Петах-Тиква, Израиль), Мерман М. М. (Питсбург, США), Мирвис А. Б. (Вентспилс, Латвия), Митько Ю. А. (Минск, Беларусь), Михалёв И. П. (Москва, Россия), Моногаев В. Г. (Москва, Россия), Муратова Н. Ю. (Люберцы, Россия), Окунева Л. В. (Гомель, Беларусь), Охрименко А. П. (Москва, Россия), Панасенко И. Г. (Апатиты, Россия), Панкратова А. Я. (Москва, Россия), Панюшкин Ю. М. (Тольятти, Россия), Пархомчук З. Г. (Гомель, Беларусь), Перельгин И. Н. (Витебск, Беларусь), Пинигина О. В. (Москва, Россия), Полтева К. А. (Москва, Россия), Пономарёв С. Н. (Минск, Беларусь), Почтовалов Н. Н. (Петрозаводск, Россия), Приползин С. Ю. (Нижний Новгород, Россия), Растаев Д. В. (Бобруйск, Беларусь), Решетняк Е. В. (Москва, Россия), Сауленас А. Н. (Калининград, Россия), Семаков Л. П. (Москва, Россия), Семёнов С. Н. (Озёрный, Россия), Сердечная Л. С. (Смоленск, Россия), Сердюк Б. А. (Томилино, Россия), Симаковский И. Г. (Москва, Россия), Скоренко Т. Ю. (Москва, Россия), Смоленский Б. М. (Воронежская обл., Россия), Старченков Н. Н. (Тюмень, Россия), Стрелков А. Е. (Санкт-Петербург, Россия), Студёнова Ю. В. (Обнинск, Россия), Суворов С. Г. (Санкт-Петербург, Россия), Тараник Э. И. (Минск, Беларусь), Тарасов К. Б. (Москва, Россия), Терещенков С. И. (Смоленск, Россия), Третьяков В. А. (Москва, Россия), Трофим Б. В. (Минск, Беларусь), Трофимов А. А. (Москва, Россия), Хараш А. Л. (Мурманск, Россия), Хусаинов Ш. Х. (Ростов-на-Дону, Россия), Цывкин В. Р. (Сергиев Посад, Россия), Шемшученко В. И. (Всеволожск, Россия), Шенберг А. В. (Нижний Новгород, Россия), Широглазов А. Г. (Москва, Россия), Шмидова И. В. (Гомель, Беларусь), Щеглов Б. Г. (Москва, Россия), Щербина А. Э. (Москва, Россия), Юринов В. В. (Андреаполь, Россия), Юркевич Т. С. (Брест, Беларусь), Юрков В. В. (Санкт-Петербург, Россия).

Приведенный перечень свидетельствует о том, что общее количество стран проживания авторов составило 9, из них (число после названия страны обозначает количество авторов из данной страны; число с процентом в скобках обозначает их долю от общего количества авторов):

- Россия – 77 (84,7%);
- Беларусь – 17 (18,7%);
- Израиль – 5 (5,5%);
- США – 4 (4,4%);
- Латвия – 2 (2,2%);

- Украина – 2 (2,2%);
- Германия – 1 (1,1%);
- Казахстан – 1 (1,1%);
- Чехия – 1 (1,1%).

Выше мы уже говорили, что материал хрестоматии структурирован в соответствии с определенной периодизацией. Количественное наполнение каждого из этапов развития АП в представленном издании следующее (первое число обозначает количество авторов в рамках определенного этапа развития АП; число с процентом в скобках обозначает их долю от общего количества авторов):

- АП "до авторской песни" – 2 (2,2%);
- начало 1950-х гг. – середина 1960-х гг. – 12 (13,2%);
- конец 1960-х гг. – начало 1980-х гг. – 21 (23,1%);
- середина 1980-х гг. – начало 1990-х гг. – 30 (33%);
- середина 1990-х – конец 2010-х гг. – 45 (49,5%).

Такое распределение в целом соответствует структуре первой части хрестоматии, включающей 106 персоналий и вышедшей в 2016 г. [3], хотя во второй части наблюдается некоторый количественный сдвиг в сторону более поздних этапов развития АП. Приведем для сравнения цифровое наполнение первой части хрестоматии:

- АП "до авторской песни" – 2 (2,12%);
- начало 1950-х гг. – середина 1960-х гг. – 14 (14,84%);
- конец 1960-х гг. – начало 1980-х гг. – 20 (21,2%);
- середина 1980-х гг. – начало 1990-х гг. – 27 (28,62%);
- середина 1990-х – середина 2010-х гг. – 43 (45,58%).

При составлении хрестоматии нам необходимо было решить вопрос об источниках фактического материала, и в первую очередь – источниках текстов и фонограмм. Эта проблема была вызвана такой характерной особенностью АП, как вариативность текстов и исполнения, о чем мы упоминали в нашей монографии: известно, что разные варианты одного и того же произведения жанра АП могут существенно отличаться в текстовом, мелодическом, интонационном плане [4, с. 62 – 65]. В связи со сказанным мы использовали каждую возможность связаться лично с автором с целью получения песенного материала в текстовом и аудиальном варианте, и именно таким образом – из личных архивов авторов – нами были получены для хрестоматии многие произведения, в том числе нигде ранее не публиковавшиеся и не включавшиеся в официальные студийные аудио- и видеосборники (кассеты, диски, интернет-ресурсы и др.).

Составитель хрестоматии приглашает к конструктивному диалогу всех, кто связан с изучением и функционированием (написанием, исполнением, слушанием) произведений жанра АП, а также с теорией и практикой создания и использования электронных учебных пособий.

### Список использованных источников

1. **Папейко, А. А.** Авторская песня: языковые особенности жанра [Электронный ресурс] : хрестоматия / А. А. Папейко. – Электрон. данные. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – Ч. 2. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R); 12 см. – Сист. требования: PentiumII 300, 64 MbRAM, свободное место на диске 16 Mb, Windows 98 и выше, Adobe Acrobat Reader, DVD-Rom, мышь. – Загл. с экрана. – 4 экз. [Допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве электронного учебного пособия для студентов учреждений высшего образования по специальности "Русский язык и литература"].

2. **Папейко, А. А.** Авторская песня: языковые особенности жанра [Электронный ресурс] : учебное пособие / А. А. Папейко. – Электрон. данные. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 1 электрон. опт. диск (CD-R); 12 см. – Сист. требования: Pentium II 300, 64 Mb RAM, свободное место на диске 16 Mb, Windows 98 и выше, Adobe Acrobat Reader, CD-Rom, мышь. – Загл. с экрана. – 3 экз. [Допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве электронного учебного пособия для студентов учреждений высшего образования по специальности "Русский язык и литература"]

3. **Папейко, А. А.** Авторская песня: языковые особенности жанра [Электронный ресурс] : хрестоматия / А. А. Папейко. – Электрон. данные. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 1 электрон. опт. диск (DVD-R); 12 см. – Сист. требования: Pentium II 300, 64 Mb RAM, свободное место на диске 16 Mb, Windows 98 и выше, Adobe Acrobat Reader, DVD-Rom, мышь. – Загл. с экрана. – 4 экз. [Допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве электронного учебного пособия для студентов учреждений высшего образования по специальности "Русский язык и литература"]

4. **Папейко, А. А.** Авторская песня: жанровые особенности : монография / А. А. Папейко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 292 с. : ил. – Текст : непосредственный.

5. **Папейко, А. А.** Хрестоматия по дисциплине "Авторская песня: языковые особенности жанра" / А. А. Папейко. – Текст : непосредственный // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2015 г. : материалы научно-методической конференции (25 января – 4 февраля 2016 г.) / под ред. Е. К. Сычевой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 159 – 161.

*Печенкина Ольга Юрьевна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: [olya\\_bryansk@mail.ru](mailto:olya_bryansk@mail.ru)*

УДК 82'396, 81'42

## **"КРАСОТА" В ПОЭМЕ А. К. ТОЛСТОГО "ГРЕШНИЦА"**

*Olga Y. Pechenkina*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### **"THE BEAUTY" IN THE POEM BY A. K. TOLSTOY "THE SINNER"**

*В статье представлен анализ понятия "красота" в поэме А. К. Толстого "Грешница". Рассматривается изменение значения ядерной лексемы, дается сопоставление анализируемого явления в разных словарях. Описывается структура исследуемого понятия.*

*Ключевые слова: красота, значение, этимон, лексема, грешница, Иисус Христос*

*The analysis of the meaning "The Beauty" in the poem "The Sinner" written by A. K. Tolstoy is given in the article. The changing sense of the nuclear lexeme is discussed and the comparison of the analyzed phenomenon in different dictionaries is researched. The structure of the researching idea is depicted.*

*The Key words: the beauty, the meaning, etymon, lexeme, the sinner, Jesus Christ.*

Русская литература XIX в. полностью антропоцентрична, она базируется на стремлении личности осознать такие понятия, как добро и зло, вера и неверие, Бог и судьба, время и пространство, жизнь и смерть, грех и красота - всё, что связано с духовными характеристиками, поисками человека, стремлениями определить своё место в мире. Как говорит В. В. Зеньковский: "Русская философия не теоцентрична (хотя в значительной части своих представителей глубоко и существенно религиозна), не космоцентрична... она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории" [2, с. 18]. Нельзя не согласиться с ученым, но и отвергать тот факт, что русская литература этого периода во многом построена на религиозно-нравственных исканиях как авторов, так и их героев, было бы не верно. Религиозно-нравственная и философская тематика произведений А. К. Толстого была высоко оценена ещё его современниками. В. Соловьев в своих работах говорил о том, что все творчество А. К. Толстой посвятил борьбе "оружием свободного слова за право красоты", которая для него была ни чем иным, как формой истины, и за жизненные права человеческой личности. Особый интерес вызывает поэма "Грешница", в которой проблемы истины, красоты и свободы личности выходят на первый план. Сюжет, взятый автором из "Евангелия от Иоанна", был особенно популярен в 19 веке, к нему обращались разные поэты и писатели,

придавая произведению социальный аспект. Иисус Христос не обличает грешницу, но осуждает лицемерие, хамство, фарисейство, предлагая бросить камень тому, кто сам без греха. Общество, которое приводит на суд блудницу, оказывается ещё более виновным в злодеяниях, поэтому не имеет на это право. Если же быть точным, то в Евангелии говорится о том, что *"утром опять пришел в храм, и весь народ шел к Нему. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив её посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на неё камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышав [то] и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грешь"* [3, Ин. 8: 2-11]. Различные трактовки этого сюжета представлены в толкованиях на Евангелие, основными из них являются следующие: Господь во время разговора не просто писал на земле, а составил список всех человеческих грехов, что не позволило книжникам и фарисеям выступить в качестве судей; многие считают, что этим сюжетом показано, что грешные люди ищут обвинения на безгрешного Бога; в известной работе архиепископа Аверкия говорится, что нельзя этот сюжет трактовать как то, что Господь не осуждает греха, так как Христос пришёл "взыскать и спасти погибших", следовательно (что принципиально важно), Он осуждает грех, но не человека.

Совсем иной подход мы видим в поэме А. К. Толстого "Грешница", в которой автор не обращается к социальной теме, популярной в 19 веке, а на первый план выводит проблему красоты, как нравственного начала, которое способно изменить человека, привести к его возрождению. Если в Евангелии блудница противопоставлена обществу, которое готово предать её смерти, приводит на суд, то в произведении она является его частью, её никто не осуждает: "Так гости, вместе рассуждая, За длинной трапезой сидят; Меж ними, чашу осушая, Сидит блудница молодая..." [4, с. 508]. Очевидно, автор считает необходимым подчеркнуть, что она не противопоставлена обществу: "меж ними", то есть вместе, является "собеседницей". Она, как считают исследователи, выступает как символ грешного мира, в котором плотское удовольствие является жизненной ценностью; внешняя красота ценится больше красоты внутреннего мира. "Я верю только красоте", - возглашает героиня поэмы.

Так что же такое "красота"? Анализ современных словарей позволяет говорить о том, что ядерной лексемой лексико-семантического поля является "красота". Этимон слова восходит к XI веку. М. Фасмер утверждает, что образовалось слово от старославянской лексики "краса" [сравните: украинский, белорусский - "краса", старославянский - "краса", "χρόμος" в значении "краса, красота, красити, украшать"; болгарский, сербохорватский - "краса" в значении "змея" (эвфемизм); чешский, словацкий - "krasa" - "красота"; польский - "krasa"; нижнелужицкий - "křasa" - "великолепие"]. Славянское слово "краса" восходит к индоевропейской основе "- krot -s-", "kros-s-kras" и, вероятно, родственно древнеисландскому - "hrósa" - "хвалиться", новоисландскому - "hrós" - "слава", отсюда древнеисландскому "hróðr" - "слава", готскому "hrōþeigs" - "победоносный", древневерхне-немецкому - "hruom" - "слава"; литовскому "krósnis" - "печь", латышскому - "krāsns" - "печь"; может быть связано с латинским - "corpus" - "тело", с древнеиндийским - "kṛp" - "фигура, красота". Сближает слово "краса" с литовским "grōžis" - "красота", "gražūs" - "красивый", предполагая древнее колебание глухой; звонкий [6, т. 1, с. 367]. Похожая точка зрения представлена в работе Черных П. Я., где автор пишет о том, что "красота" в значении "то, что доставляет эстетическое наслаждение", "украшение", "слава" связано так же с понятием "пламя", "не по цвету огня, а, по-видимому, в связи с тем, что краса первоначально значило "жертвенный огонь" [8, т. 1, с. 440].

Ядерными лексемами поля красота также являются "красивый", "прекрасный". В историко-этимологических словарях М. Фасмера и П. Я. Черных говорится о том, что слово "красивый" образовалось от старославянских слов "краса" и "красный". Славянская лексема "красный" (отсюда "прекрасный") обозначает красивый (сравните: украинский - "красний" в значении "красивый").

Несколько иное толкование находим в словаре В. И. Даля, в котором дан не только лингвистический подход к определению значения слова, но и лингвокультурологический. С одной стороны, лексема красота представлена в статье "краса" (как и в этимологических словарях), с другой – имеет несколько иное определение: "...красота – свойство прекрасного, отвлеченное понятие красивого, изящество...Соединение истины и добра рождает премудрость во образе красоты..." [1, т. 2, с. 186]. На наш взгляд, в данной работе есть дополнение, существенно отличающее толкование слова, представленное в других словарях. В. И. Даль подчеркивает, что в "красоте" соединяются "истина" и "добро", которые составляют суть "премудрости". "Премудрость, - пишет автор словаря, - высшая мудрость, согласующая плотскую жизнь человека с бытием духовным..." [1, т. 3, с. 393]. Таким образом, несмотря на то, что "красота" определяется, как нечто "изящное", "отвлеченное понятие красивого", автор считает необходимым

уточнить, что высшая степень "красоты" - это соединение внешней красоты и мира духовного.

Д. Н. Ушаков расширяет значение, исключая те, которые представлены в словаре В. И. Даля, даны следующие: "1. только мн. Красивые места; то, что производит художественное впечатление...2. только ед. Красивая, привлекательная наружность...3. Красавица (устар.)... 4. только ед., в знач. междометия. Очень красиво, хорошо, ловко (простореч., часто ирон.)..." [5]. В словарях С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой; под редакцией А. П. Евгеньевой находим дополнительные значения: "всё, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение"; "красоты природы и местности", то есть, наблюдается соединение понятий красота и красивый. Однако, как утверждает Е. А. Черкашина, "произошел сдвиг в значении слова красота в сторону обозначения им внешности человека" [ 7, с. 38]. Это связано, на наш взгляд, с мировоззрением советского периода, в который создавались эти словари. Очевидно, что атеистическое восприятие действительности не позволяло представить религиозный взгляд на важные понятия. Поэтому значение, которое мы отметили в словаре В. И. Даля и которое ещё было зафиксировано Д. Н. Ушаковым, в советских словарях не представлено - "соединение истины и добра рождает премудрость, во образе красоты".

На наш взгляд, слово красивый уточняет и конкретизирует значение слова красота. Несмотря на то, что оно не представлено в поэме "Грешница", мы считаем необходимым рассмотреть и его, так как без него исследуемое понятие видится не совсем полным. Так, по данным словарей, слово красивый имеет следующие значения: 1) привлекающий внимание; 2) приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий; 3) имеющий привлекательные черты лица; 4) отличающийся стройностью и изяществом движений; 5) благозвучный; 6) имеющий полноту и глубину внутреннего содержания; 7) благородный, высоконравственный; 8) производящий впечатление. Очевидно, что "красивый" обязательно предполагает наличие "субъекта восприятия", в то время как "красота" представляется как понятие более высокого уровня, независимое от "наличия – отсутствия" того, кто оценивает её, то есть объективно существующее.

Поэма А. К. Толстого построена на сопоставлении блудницы и Иисуса Христа, но немаловажным является и образ Иоанна Крестителя. Каждый герой обладает своими характеристиками, раскрывающими понятие красота: это восприятие слуховое и зрительное. Блудница "окружена" шумом, который привлекает к себе внимание; лексемы: веселье, хохот, звон лютней, кимвалов грохот, шумный хор, музыка – указывают на это. Важно подчеркнуть, что автор использует такие слова, как грохот – "очень сильный, оглушительный звук, раскатистый шум", который издают кимвалы (парный ударный музыкальный инструмент); в античности кимвалы чаще всего использовались во время прославления бога Диониса, что обращает

внимание на атмосферу вокруг блудницы. Звон – "звук, производимый ударом, колебанием чего-н. металлического, стеклянного", издаваемый лютнями (струнный музыкальный инструмент). Все это, несомненно, привлекает внимание, но создает определенную дисгармонию вокруг блудницы. Одним из значений слова красивый является "благозвучный"; грохот, звон, хохот, на наш взгляд, реализуют противоположное значение. Зрительный образ создается с помощью лексем: нескромные уборы, прекрасна, глаза насмешливы и смелы, зубы белы, улыбка горяча, серьги, запястья, алмазы, краса, ланиты, роскошные волосы. Автор использует яркие сравнения: "Как снег Ливана, зубы белы, как зной, улыбка горяча"; метафоры "серьги и запястья...к утехам сладостным зовут", "сквозные ткани дразнят око". Особое внимание следует обратить на такие лексемы, как "прекрасна", "прелесть", "привлекает". Лексема "привлекательный" происходит от старославянских "влеку", "влечь" и связана с церковнославянскими корнями, употребляется в значении "волоку́". Этимон слова "волоку́" (украинский - "волоку", "волочи", белорусский - "волоку", "волокі", древнерусский - "волоку", "волочи", болгарский - "влекá", сербохорватский - "вўћи", "вўћем", словенский - "vléčem, vléči", чешский - "vleku, vléci", словацкий - "vlečiem, vliect"; верхнелужицкий - "wleky, wlec", нижнелужицкий - "(w)lasc", праславянский - "\*velkq") связан с литовским "velkù, viłkti" - "тащить", авестийскому - "varək" - "тащить", греческому - "έλω" - "тащу", латинскому - "sulcus" - "борозда", "sulcō, - āre" - "пахать", албанскому - "hëlk", "hek" - "тяну, срываю" [6, т. 1, с. 342]. То есть, можно говорить о том, что "привлекать" исторически связано с понятием "объекта", внимание которого нужно "привлечь". В словаре В. И. Даля находим следующее значение глагола "привлечь", от которого образовалось прилагательное "привлекательный": "привлекать что, кого - приволакивать, приволочь, притащить, притянуть, примчать волоком или таском... [1, т. 3, с. 403] Автор на первое место выводит значение, связанное с "некой силой, способной "кого-то, что-то" "притащить". Как представляется, именно оно реализуется в поэме, когда речь идет о грешнице, что подтверждает наречие "невольно" - "против собственной воли, по принуждению кого-то или чего-то". "Взирая на нее, навряд пред силой прелести опасной мужи и старцы устоят", - находим в тексте [4, с. 509]. "Сила прелести опасной" - разберем эти лексемы, важные для понимания исследуемого явления. Слово "прелесть" В. И. Далем трактуется, как "что обольщает в высшей мере; обольщение, обаяние; | мана, морока, обман, соблазн, совращение от злого духа; | стар. ковы, хитрость, коварство, лукавство, обман..." [1, т. 3, с. 393]. Такое же определение находим и в этимологических словарях, где прелесть представляется как производное от "лесть". В христианской традиции слово "прелесть" имеет отрицательную оценку, рассматривается как обман, ложное состояние, желание казаться лучше путем лжи, лести и обмана. Очевидно, именно этот смысл вкладывает в данное слово А. К. Тол-

стой. Блудница с помощью "прелести" привлекает внимание к своей внешней красоте, которая называется автором "прекрасной": "но дева падшая прекрасна". На наш взгляд, в данном словосочетании содержится некая антиномия. С одной стороны, "падшая" - это женщина, которая утратила репутацию (такое значение дают современные словари), однако автор соединяет его с понятием "прекрасна". Важно отметить, что в словаре В. И. Даля не находим определение данной лексемы, но значение глагола "пасть": "Понижаться, нисходить, или умаляться, не устоять, и уничтожиться, гибнуть, в прям. и переносн. знач. Человек падает, погрешает, не безгрешень" [1, т. 3, с. 7], соотносится с ним. Очевидна связь понятий "падение" и "грех": падение и грех называются "прекрасным", что, вероятно, считается определенной "нормой" общества.

Образ Христа противопоставлен героине, слово "прелесть" является ключевым: "То не пророка взгляд орлиный, не прелесть ангельской красоты..." [4, с. 511]. Если слово "прекрасна" характеризует как блудницу, так и Христа, то "прелесть" (как свойство) относится только к грешнице, так как Иисус Христос не может "прельщать, обманывать, обольщать...". Он не обладает яркой внешностью ("...поверх хитона упавая, одета риза шерстяная простою тканью стройный рост..." [4, с. 511]), его "красота" иного порядка ("...то, видно, богом муж избранный..." [4, с. 508]). Звуковые характеристики передаются с помощью лексем: дуновенье тишины, замолкнул говор, молчание глубокое. Гармоничная тишина возникает, когда появляется Христос. Автор использует такие слова, как "смирненное выражение", "мысль глубокая", "дивное чело". Особое внимание следует обратить на взгляд. Если у грешницы до встречи с Господом "глаза насмешливы и смелы", то взор Христа ("таких очей благих и ясных никто не видел никогда", "обвел сидящих тихим оком", "взор печальный") выражает внутреннюю красоту и силу: "и был тот взор как луч денницы". А. К. Толстой показывает "внутренний свет", который поражает блудницу: "она в том взоре благодатном и кару дням своим развратным, и милосердие прочла" [4, с. 512]. Господь ничего не говорит, его "прекрасные" уста не произносят ни одного слова, один Его взгляд изменяет всё вокруг. Красота внешняя оказывается тщетной, свет Христов "очищает" грешницу, "преображает" ее: "И в сердце сумрачном блудницы он разогнал ночную тьму; и все, что было там таимо, в грехе что было свершено, в ее глазах неумолимо до глубины озарено..." [4, с. 512]. Она наполняется внутренним светом ("озарено"), внутренней красотой. Здесь важно и противопоставление "свет – тьма". Сердце "сумрачное", "ночная тьма" - это состояние грешницы, которое очищается светом Христовым: "Стесненной груди слышен стон, бледнеет грешница младая, дрожат открытые уста, и пала ниц она, рыдая, перед святынею Христа" [там же]. Внешняя красота оказывается второстепенной, всё отступает перед истинной красотой Христа, в котором соединяется "истина и добро". Как представляется, автор не случайно снова использует

слово с корнем "пасть". Если в первом случае "падшая" указывает на "грехопадение", "нарушение нравственности", поклонение красоте внешнего мира и его законам; то в данном примере ("...пала ниц она, рыдая...") означает "не падение", а то, что грешница "обретает" высшую истину и красоту – "святыню Христа".

#### Список использованных источников

1. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1981. – Текст : непосредственный.
2. **Зеньковский, В. В.** История русской философии: В 2 т. / В. В. Зеньковский. Т. 1. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 541с. – Текст : непосредственный.
3. Святое Евангелие. – Санкт-Петербург : Христианская жизнь, 2013. – 575с. – Текст : непосредственный.
4. **Толстой, А. К.** Собрание сочинений. В 4-х т. / А. К. Толстой. Т. 3. – Москва : Художественная литература, 1963. – 598с. – Текст : непосредственный.
5. **Ушаков, Д. Н.** Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – URL: <http://slovari.gramota.ru>. – Текст : электронный.
6. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – Москва : Астрель: АСТ, 2007. – Текст : непосредственный.
7. **Черкашина, Е. А.** Концепт "красота" в русском языке / Е. А. Черкашина. – Текст : непосредственный // Вестник ТППИ. Раздел "Филология". – 2014. – С. 38 – 43.
8. **Черных, П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2т. / П. Я. Черных. – Москва : Русский язык, 1999. – Текст : непосредственный.

*Печенкина Ольга Юрьевна,  
Евстратова Олеся Александровна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: [olya\\_bryansk@mail.ru](mailto:olya_bryansk@mail.ru)*

УДК 82'396, 81'42

## **КОНЦЕПТ ЛЮБОВЬ В ПОЭЗИИ Э. АСАДОВА**

*Olga Y. Pechenkina,  
Olesya A. Evstratova*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### **THE CONCEPT "LOVE" IN THE POETRY BY E. ASADOV**

*В статье представлен анализ понятия "любовь" в поэзии Э. А. Асадова на примере сборника "Избранная лирика". Рассматриваются лексические репрезентанты исследуемого концепта в указанных текстах, дается сопоставительная характеристика таких понятий, как слово, концепт, лексема. Рассматриваются общезыковые лексические средства и индивидуально-авторские.*

*Ключевые слова: концепт, лингвокультурология, любовь, слово, понятие, лексема, репрезентант*

*There is an analysis of the concept "love" in the E. A. Asadov's poetry. We took an anthology "Selected Lyrics" as an example. Lexical representatives of the researching concept in the mentioned texts are considered in the given article. The comparable characteristics of the meanings "word", "concept" and "lexeme" is given. The general lexical and individually copyrighted means are discussed.*

*Key words: concept, cultural linguistics, love, word, meaning, lexeme, representative*

*"Любовь – не веселый бездумный бант  
И не упреки, что бьют под ребра.*

*Любить – это значит иметь талант,*

*Может быть, самый большой и добрый"*

*Э. Асадов*

Лингвокультурология – это новая отрасль знаний, которая изучает взаимовлияние языка и культуры. Ее предметом является отражение в языке фактов культуры, а основным понятием – "концепт". По словам Ю. М. Лотмана, это "как бы сгусток культурной среды в сознании человека".

Под концептом в русском языке понимается смысловая наполненность понятия в отвлечении от конкретно-языковой формы его выражения. Изучение содержания концепта предполагает обращение к анализу различных уровней языка. Приоритетным является лексический, на котором в знаковой форме наиболее очевидно прослеживаются культурные составляющие исследуемого явления. Концептом возможно считать только ту мысли-

тельную категорию, которая может быть словесно оформлена. Это ее основной вид. Если данное условие выполняется, тогда он способен принимать и невербальный облик.

Изучение авторских концептов является средством понимания творчества в целом. Как известно, большое влияние на творчество поэтов и писателей оказывают факты биографии и их произведения являются откликом на пережитые события. Но еще одним ключом к пониманию их произведений является мировоззрение писателя, которое неразрывно связано с его жизненным опытом. События, описанные в текстах, мы видим под углом зрения самого автора.

"Любовь" является одним из основных культурных и лингвистических концептов. Это понятие глобально, оно находится в одном ряду с такими концептами, как "человек", "жизнь", "слово", "пространство". Лексема любовь многозначна и содержательна, так как представляет собой одну из наиболее таинственных областей человеческих отношений. Существует множество споров вокруг определения этого чувства.

Согласно проведенному исследованию в области культурологии и психолингвистики, Л. Э. Кузнецова оформляет модель понятия, в котором "любовь – это, прежде всего, глубокое, обычно иррациональное чувство, переживаемое человеком и направленное на другого человека, преимущественно половое, вызывающее сильные переживания и предполагающее проявление уважения, заботы и нежности".

Исследователи отмечают следующие признаки семантической модели понятия любовь: 1) интегральный признак "ценность"; 2) центральное положение предмета любви в системе ценностей субъекта; 3) признак "положительность"; 4) немотивированность выбора объекта любви, его произвольность; 5) индивидуальность объекта любви; 6) сексуальная окрашенность (в видах эротической любви) [Каданцева2010, с. 3].

Концепт "любовь" формулирует представление о фундаментальных, основных ценностях и "экзистенциальных благах", в которых выражены принципы и жизненные цели, и стоит в одном ряду с концептами "счастье", "вера", "надежда". Он связан с формированием у человека "смысла жизни как цели, достижение которой выходит за пределы его непосредственного индивидуального бытия" [Воркачев; 2003, с. 367].

Лексикография составляет обширный пласт характеристик лексемы любовь.

Анализ лексикографических источников показывает, что на протяжении исторического развития русского языка толкование подверглось переосмыслению. В словарях представлены этапы формирования исследуемого явления. Аспектные словари расширяют понятие через синонимичные и антонимичные ряды, можем заметить, что "любовь" выступает прежде всего в значении качества личности, понимание же её как физического чувства уходит на второй план, а в некоторых - не раскрывается. Ассоциатив-

ный и тематический словари представляют любовь, как духовную и эмоциональную составляющую сознания человека.

В словарях советского периода любовь рассматривается как физическое проявление, отношения между людьми. Современные источники рассматривают её как эмоцию, чувство, принадлежащее духовному миру человека, привязанность, симпатия, расположение, увлечение, склонность.

Для Э. Асадова чувство любви было ключевым как в жизни, так и в творчестве. В ходе анализа сборника произведений поэта мы пришли к выводу, что почти все представленные стихотворения содержат в себе представления о любви, так или иначе репрезентируют концепт. Согласно лексикографическому анализу лексема любовь имеет 6 значений [Ожегов; 2012]. В стихотворениях Э. Асадова нами были обнаружены следующие значения, которые, как представляется, входят в структуру исследуемого концепта:

1. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности (между мужчиной и женщиной, между писателем и читателями, между хозяином и животным);
2. Глубокое эмоциональное влечение, сильное чувство к Родине, родителей к детям;
3. Предмет любви (тот или та, кого кто-нибудь любит, к кому испытывает влечение, расположение);
4. Интимные отношения, интимная связь
5. Пристрастие, увлечение чем-нибудь;
6. Состояние человека
7. Этап в жизни человека, что-то временное.

Первое значение (чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности) включает в себя три типа любви: между мужчиной и женщиной, между писателем и читателем, между хозяином и животным.

Компонент "взаимоотношения между мужчиной и женщиной" является ядерным. Он реализуется в большинстве произведений Э. Асадова.

Чаще репрезентируется он с помощью лексических средств, среди них основное место занимают синонимы, которые представлены в словарях, но встречаются и контекстные. Так, автор употребляет в качестве репрезентантов лексемы: *эдельвейс, море, соловьи, золото, огонь, звездопад*, для которых не характерно значение "любовь":

Сейчас все поймешь... я не против чудес,

Нет, я не то говорю... –

И вдруг протянула мне *эдельвейс!* –

Вот... Принимай... дарю!

*Звездами встыхнули небеса,*

Ночь в заревом огне...

Люди, есть на земле чудеса!

Люди, поверьте мне!

Второй компонент ("глубокое эмоциональное влечение, сильное чувство") расширяет содержание исследуемого явления и включает в его состав такие составляющие, как "чувство к Родине, родителей к детям". Лексемы, которые употребляет автор, имеют коннотацию теплых отношений, проникнутых переживанием.

*Родная моя, не смотри устало!*

*Любовь наша крепче еще теперь.*

Ну разве ты плохо меня воспитала?

Верь мне, пожалуйста, очень верь!

Репрезентантами компонента "предмет любви (тот или та, кого кто-нибудь любит, к кому испытывает влечение, расположение)" выступают лексемы: *любовь, счастье, песня, яркая вишня, добрый и верный пес, субстантиваты: любимая, самая главная.*

И странно чуть-чуть и славно:

Была для кого-то лишнею,

А стала вдруг *яркой вишнею,*

*Любимой и самой главной!* [Асадов; 2004, с. 61]

Для выражения значения: "любовь как интимные отношения, интимная связь" автор использует понятия, которые по большей части являются лексическими синонимами любви в значении *интимная связь*. Однако следует отметить, что Э. Асадов часто использует контекстные синонимы. Таким примером является слово зоология, которое в словарях не имеет значения *интимные отношения*.

Когда, ни душа, ни ума не трогая,

В подкорке и импульсах тех людей

Царила одна только *зоология*

На уровне кошек или моржей [Асадов; 2004, с. 27]

У Асадова зоология теряет свое значение "наука о животных" и обозначает интимные отношения, уподобляя людей животным.

*Кошачья вон страсть* и теперь "свободна",

Но есть в ней хоть что-нибудь от любви?! [Асадов; 2004, с. 28]

Компонент "пристрастие, увлечение чем-нибудь" реализован репрезентантами: *любовь к уединению, влюбленный в небо и голубей, любил поезда*. Во всех приведенных сочетаниях указывается, какое увлечение испытывает лирический герой.

Жил летчик с нелегкой судьбой своей,

С парализованными ногами,

*Влюбленный в небо и голубей* [Асадов; 2004, с. 294]

Любовь "как состояние человека" входит в ядерный компонент. Автор метафорически описывает чувства, испытываемые человеком. А тем, кто страдает, ревнует, спорит

В чьем сердце звенит и бунтует кровь,  
Страшиться того, что ушла любовь,  
Ну честное слово, никак не стоит!

Любовь "как этап в жизни человека, что-то временное" представляется лексическими синонимами, выраженными

- именами существительными – *страсти, страстишки, увлечения*;
- глаголами – *кокетничать, кружиться*;
- сочетаниями – *призрачное счастье, острые ощущения*.

Ведь, кружась меж планов и идей,

Мы нередко, честно говоря,

Тратим время попросту зазря

На десятки всяких мелочей.

На тряпье, на пустенькие книжки,

На раздоры, где не прав никто,

На танцульки, выпивки, *страстишки*,

Господи, да мало ли на что! [Асадов; 2004, с. 159]

Тема любви пронизывает творчество Э. А. Асадова, являясь лейтмотивом в каждом его стихотворении. Для обозначения любви автор чаще всего использует лексемы с корнем – люб-, высокочастотны *любовь* и *любить*, а также любовь выражается лексическими синонимами (*счастье, страсть, увлечение, влюбленность*). Часто в качестве обращений употребляются субстантивированные прилагательные, которые выражают чувство, называя объект любви *милым, любимым, возлюбленным*. Помимо однокоренных лексем автор вводит и окказиональные единицы, которые обозначают любовь непосредственно в контексте произведения (*эдельвейс, море, соловьи, золото, огонь, звездопад*).

С точки зрения частеречной принадлежности концепт реализуется главным образом словами, выраженными именами существительными: *счастье, ласка, страсть, нежность, забота, радость, увлечение*. Также репрезентантами выступают глаголы, однокоренные представленным лексемам. Для характеристики любви автор использует не только языковые эпитеты *большая, вечная, бездонная, красивая*, но и окказиональные: *любовь-з звездопад, радостно-хмельное, празднично-золотое*. Частотно употребление субстантивированных прилагательных *милой, любимый, родной*, которые используются для обозначения лица-объекта любви.

Характерной чертой творчества Э. А. Асадова является обостренное чувство справедливости, автор рассматривает не только спорные ситуации, но и точно передает переживания человека, оказавшегося в них. Именно чувство любви является ключом для разрешения сложных обстоятельств. Во всех значениях, рассматриваемых автором, любовь представляется как чувство светлое, меняющее человека в лучшую сторону. С ее помощью лирический герой находит правильный выход из непростых ситуаций.

### Список использованных источников

1. **Асадов, Э.** Избранная лирика / Э. А. Юсупянц. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. – Текст : непосредственный.
2. **Воркачев, С. Г.** Концепт как "зонтиковый термин" / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – Москва, 2003; Лексическая семантика (синонимические средства языка). – Москва : Наука, 1974. – С. 367.
3. **Каданцева, Д. С.** К вопросу о лингвокультурном аспекте концепта "любовь" / Д. С. Каданцева. – Текст : электронный. – URL: [https://pglu.ru/upload/iblock/7ba/uch\\_2010\\_vii\\_00025.pdf](https://pglu.ru/upload/iblock/7ba/uch_2010_vii_00025.pdf).
4. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – 28-е изд., перераб. – Москва : ООО "Издательство "Мир и Образование": ООО "Издательство Оникс", 2012.

*Распопова Татьяна Анатольевна,  
Рожковская Юлия Игоревна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: [volkova1111@yandex.ru](mailto:volkova1111@yandex.ru)*

УДК 372. 881. 111. 1

## ОПЫТ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

*Tatyana A. Raspopova,  
Julia I. Rozhkovskaya*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### EXPERIENCE OF DISCOURSE-ANALYSIS IN JUDICIAL LINGUISTIC EXPERTISE

*В статье на конкретном примере показано использование метода дискурс-анализа в судебной лингвистической экспертизе. Описаны пропозициональный и интенциональный план текста публикации.*

*The article on a specific example shows the use of the method of discourse analysis in judicial linguistic expertise. The propositional and intentional plan of the publication text is described.*

*Ключевые слова: дискурс-анализ, судебная лингвистическая экспертиза*

*Key words: discourse analysis, judicial linguistic examination*

Среди судебных лингвистических экспертиз особое место занимают дискурсивные экспертизы, в которых осуществляется "исследование вербальных и невербальных компонентов в реальной коммуникативной ситу-

ации: анализируется и печатный / расшифрованный устный текст и аудиовизуальный ряд, что предполагает учет жестикуляции, мимики и координация между визуальным рядом и вербальными компонентами" [2, с. 16]. Дискурсивные экспертизы, исследуя дискурс (текст) как результат речевого поведения, направлены на выявление пропозиционального содержания, интенций, статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных позиций коммуникантов. Поэтому на разрешение специалиста (эксперта) обычно предлагаются следующие вопросы:

- Каково смысловое содержание речевых событий разговоров (текстов)?

- Каковы цели и намерения коммуникантов?

- Содержатся ли в представленных разговорах сведения об осуществлении коммуникантами тех или иных действий?

- Можно ли исходя из смыслового содержания разговоров определить статусно-ролевое положение коммуникантов в той или иной группе, сообществе, криминальной среде?

- Можно ли из текстов сообщений, переданных в процессе разговоров, установить характер отношений между участниками коммуникативных актов? Следует ли из разговоров коммуникантов, что кто-либо из них занимает доминирующее положение, а также осуществляет организационно-распорядительные функции? и др.

Основным методом, применяемым в таких исследованиях, является дискурс-анализ, суть которого заключается в изучении языкового общения в совокупности с экстралингвистическим условиями его протекания.

При этом дискурс понимается как "связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте", "речь, погруженная в жизнь" [1, с. 136-137], как "целостная совокупность функционально организованных, контекстуализированных единиц употребления языка" [7; с. 57-58]. Итак, "дискурс-анализ изучает социокультурные, интерактивные стороны языкового общения" [7, с. 58].

Метод дискурс-анализа предполагает выявление пропозиционального и интенционального планов речевого материала.

Смысловое содержание отдельных высказываний сводится к выявлению их пропозиций через анализ грамматической структуры предложения-высказывания в категориях модальности, темпоральности; предметно-денотативного и коннотативного содержания отдельных языковых знаков. При этом учитывается не только конвенционально закрепленное значение языкового знака, но и его окказиональное, контекстуально обусловленное значение. Здесь следует обратить внимание на то, что "хотя выраженная в высказывании пропозиция не кодируется полностью лингвистически, ее извлечение прямо зависит от языковых значений произнесённых слов" и "выраженное эксплицитно в высказывании суждение - это результат

наполнения смыслом семантической репрезентации в соответствии с намерением автора" [7, с. 80]. Эксплицитная информация извлекается из высказываний путем уточнения референции, снятия лексико-грамматической двусмысленности и омонимии, компенсации эллипсиса, привязки дейктических выражений к ситуации речевого акта [7, с. 81]. Имплицировано выраженная информация (импликатура) извлекается из высказываний на основании всестороннего анализа экстралингвистического, ситуационного, акционального и психологического контекстов дискурса.

При осуществлении дискурса-анализа следует также учитывать отличие в выявлении поверхностного смысла отдельных коммуникативных блоков и речевых событий и глубинного смысла всего дискурса: "Смысловая интерпретация отдельных коммуникативных блоков на уровне взаимодействия высказываний и их элементов может выявить поверхностный смысл данных фрагментов текста. Глубинный же смысл связан со следующим этапом анализа, отражающим взаимодействие коммуникативных блоков в рамках целого произведения" [3, с. 292].

Цели и намерения коммуникантов закодированы в структуре их речевой деятельности и выявляются через анализ отдельных коммуникативных ходов и речевых актов, воплощенных в их конкретных высказываниях (вопрос, утверждение, просьба, приказ и др.).

Они могут быть вербализованы следующими языковыми и речевыми конструкциями, эксплицирующими целевое значение:

- 1) предложения с предикатами *цель, задача*, употребленными в своих основных, буквальных значениях;
- 2) конструкции с перформативными глаголами (глаголами действия) *сообщать, утверждать, просить, предлагать, обещать*, составляющих предикативное ядро высказываний;
- 3) высказывания с предикатами модального значения необходимости, желательности действия (*хотеть, желать, намереваться, собираться, рассчитывать* и др.);
- 4) сложноподчиненные конструкции с придаточными цели (*для того чтобы*);
- 5) побудительные конструкции императивного значения (побуждение к действию).

При этом, как указывает М. Л. Макаров, цели могут быть организованы иерархически. Выделяются стратегические, или глобальные цели, образующие вершину эпизода цели, и подчиненные им тактические, или локальные цели, соответствующие отдельным этапам, частным фазам целого коммуникативного события. Упорядоченность множества локальных целей обусловлена иерархической структурой когнитивной модели и относительно фиксированным характером ее отдельных частей, что позволяет участникам диалога на основании инференций программировать или планировать свои действия по реализации главной цели" [7, с. 123].

Дискурс-анализ речевого поведения позволяет выявить и статусно-ролевые отношения коммуникантов в группе. По наблюдениям Т. А. Распоповой, выявление ситуативно-коммуникативных позиций собеседников в дискурсе возможно на основании анализа наиболее распространенных в их речевом поведении типов речевых актов (констативы, директивы, комиссивы и др.) и экспликации доминирующего типа их дискурсов (информативный, директивный, оценочный и др.), реализуемого в коммуникативных обменах и отдельных коммуникативных ходах собеседников.

Так, реализация в речевом поведении преимущественно информативного дискурса, направленного на запрос, сообщение и обмен профессионально значимыми сведениями (вопросно-ответные коммуникативные обмены и ходы, речевые акты-запросы и сообщения) эксплицирует паритетные (равноправные) отношения и равностатусные позиции коммуникантов. На такой характер отношений указывает и отсутствие в речевом поведении коммуникантов жесткого директивного дискурса (приказы, указания, распоряжения, требования) [8, с. 91].

Исходя из вышеприведенных положений теории дискурса проиллюстрируем применение метода дискурс-анализа в исследовании текста листовки "Ветераны Газпрома против К. Степового" (Текст листовки представлен в книге [5, с. 49-50]).

**ВETERАНЫ ГАЗПРОМА ПРОТИВ К. СТЕПОВОГО**  
(Листовка)

*Газовики! Жители Ноябрьска! Мы, ветераны, проработавшие в системе "Газпрома" не один десяток лет, не можем безучастно смотреть на то, что сегодня происходит на родном для нас предприятии, в городе, в регионе в целом.*

*Нынешнему генеральному директору предприятия "Газпром добыча Ноябрьск" Константину Степанову должность досталась по наследству на блюдечке с золотой каемочкой. Он, кабинетный начальник, никогда не понимал, сколько сил и здоровья мы, ветераны, отдали для того, чтобы Степовой мог получить за свою непильную работу зарплату в 1. 5 миллиона рублей ежемесячно. Поэтому, как только он возглавил предприятие, "Газпром добыча Ноябрьск" перестал выплачивать своим пенсионерам матпомощь на ремонт жилья.*

*Сегодня Степовой рвется во власть. Он кандидат в депутаты окружной Думы. Все знают, что Степной увлекается банкетами, поражая всех своим вызывающим поведением. В прошлом году на торжествах по случаю юбилея Губкинского промысла он появился в сопровождении сразу двух любовниц и, напившись, изволил отплясывать с ними лезгинку в полураздетом виде.*

*Сегодня Степовой решил пролезть в окружную Думу, чтобы поруководить всем Ямалом. При этом он даже не пытается убедить нас, своих избирателей, проголосовать за него. Он рассчитывает получить вожде-*

ленный мандат, прикрывшись "Газпром" и "Единой Россией". Расчет сделан на то, что большинство жителей Ноябрьска с уважением относятся к своему предприятию и проголосуют за Степового только потому, что он газовик и единоклассник. Сам же кандидат во время предвыборной кампании укатил развлечься за границу со своей очередной пассией.

*Нужен ли нам такой депутат – молодой выскочка, нечистоплотный в личной жизни, высокомерный, лживый и черствый к нуждам людей?*

*Газовики, жители города, обращаются к вам как старшие товарищи: в наших общих интересах сказать дружное "НЕТ" Степовому. Если он проиграет выборы, в московском руководстве "Газпрома" поймут, что он не пользуется уважением, и заменят его на посту гендиректора более достойным человеком. От этого выиграет не только "Газпром добыча Ноябрьск", но и весь город.*

Данная листовка умаляет честь и достоинство К. Степового, порочит его деловую репутацию. Макропропозиция (глобальная тема) отражена в заголовке, который является "сильным местом" текста. Тема-рематические отношения заключаются в том, что темой являются сведения о Степовом как о генеральном директоре предприятия "Газпром добыча Ноябрьск", ремой – информация о стремлении этого лица занять должность депутата.

Поэтому фрагментарно можно разделить текст листовки на макротемы. Первая микротема- обращение-призыв некоего лица к ветеранам, жителям города Ноябрьска, заинтересованным судьбой "родного предприятия, региона". Вторая микротема- информация о нынешнем генеральном директоре предприятия "Газпром добыча Ноябрьск", о его везении и действиях со стороны третьего лица. Следующая микротема- информация о том, что Степовой стремится занять новую должность; описание его образа жизни. Четвертая микротема - "подготовка" Степового к выборам. Пятая микротема- вызов-вопрос, как побуждение к принятию решения. Шестая микротема- личная позиция третьего лица. Таким образом, структурно-семантическая организация локальных тем обеспечивает когерентность (семантическую связанность) и линейное развертывание глобальной темы дискурса (макропропозиции).

Каузативные отношения в листовке наблюдаются на уровне тезис-аргумент. Повествователь призывает ветеранов, жителей города и региона не голосовать за Степового, приводя в доказательство сведения из личной жизни генерального директора, что является правонарушением с точки зрения закона. В листовке ярко выражен когнитивно-прагматический аспект. Автор текста обладает определенной информацией о Степовом, составляющей пресуппозитивный план публикации.

В контексте листовки проявляется фрейм "депутат". Автор, описывающий поведение Степового, не наблюдает в его действиях надлежащих шагов в продвижении своей кандидатуры. Поэтому в данном случае фрейм не содержит сценария. Один из шагов предвыборной компании описан

автором текста - попытаться убедить избирателей в достоинстве своей кандидатуры. Однако единственно названный факт в процессе предвыборной агитации не находит подтверждения в действиях Степового.

Дискурс-анализ предполагает исследование "речевого потока", зафиксированного в устной или письменной форме. Приведенный образец текста в жанре листовки отражает речь одного участника коммуникативного события. Дискурс данного речевого события характеризуется временной протяженностью, поскольку предполагает ответную реакцию жителей Ноябрьска. Автор листовки призывает их к участию в судьбе города, заставляет задуматься о выборе депутата. Таковы интенции общественного деятеля, не равнодушного к региону. Так, автор заявляет лидерскую позицию, выраженную в открытом представлении своего мнения на основе анализа волнующего его вопроса. Однако роль читателя здесь не второстепенна. Автор издает листовку с целью призыва, который заключается в риторических обращениях ("Газовики!", "Жители Ноябрьска!").

Таким образом, дискурс-анализ необходим в судебно-лингвистических экспертизах целостных текстов, отличающихся признаками смысловой и формально-грамматической связанности. Он позволяет акцентировать внимание на значимых компонентах текста, определяющих общий замысел говорящего или пишущего.

#### **Список использованных источников**

1. **Арутюнова, Н. Д.** Дискурс / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136 – 137.
2. **Баранов, М. Т.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / М. Т. Баранов. – М. : Флинта: Наука, 2007. – Текст : непосредственный.
3. **Болотнова, Н. С.** Филологический анализ текста : учебное пособие / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 520 с. – Текст : непосредственный.
4. **Бринев, К. И.** Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К. И. Бринев. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с. – Текст : непосредственный.
5. **Вепрева, Т. И., Купина, Н. А.** Экспертный лингвистический анализ спорного текста : учеб. -метод. пособие / Т. И. Вепрева, Н. А. Купина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 148с. – Текст : непосредственный.
6. **Красина, М. Н.** Дискурс, дискурс-анализ и методы их применения в междисциплинарных проектах / М. Н. Красина. – Текст : непосредственный // Вестник ТеГУувс. Серия "Филология". – 2018. – № 2. – С. 159 – 165.
7. **Макаров, М. Л.** Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : ИТДГК "Гнозис", 2003. – 280 с. – Текст : непосредственный.

8. **Распопова, Т. А.** Определение статусно-ролевых, социально-профессиональных и ситуативно-коммуникативных позиций в дискурсивной судебной лингвистической экспертизе / Т. А. Распопова. – Текст : непосредственный // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2018 г. – Брянск : РИСО Брянского государственного университета, 2019. – С. 90 – 97.

*Репина Екатерина Борисовна*

*Институт лингвистических исследований РАН  
e-mail: 79778602925@yandex.ru*

УДК 81`2

## **СЛОВО КАК ПОГРАНИЧЬЕ: ПОЛЕМИКА ВОКРУГ "ПРИНАДЛЕЖНОСТИ" ГОГОЛЯ**

*Ekaterina B. Repina*

*Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences*

### **WORDS AS BORDERLANDS: CONTROVERSIES SURROUNDING GOGOL'S IDENTITY**

*В статье рассматривается, каким образом фигура писателя Н. В. Гоголя используется в современной полемике об истории России или Украины. С опорой на подход, проработанный в рамках лингвистической антропологии и литературоведения, предложено дополнительное направление исследований, нацеленных как на междисциплинарный, так и на межгосударственный диалог.*

*Ключевые слова: Гоголь, русская литература, лингвистическая антропология, монолингвальность, многоязычие*

*This paper deals with the controversy surrounding Nikolai Gogol, a famous writer of the 19th century. Having as a part of his biography some facts that are claimed to be either present-day Ukrainian or present-day Russian features, Gogol as other figures of the shared past is "being recruited to fight" for one or another idea of the mother tongue. Based on the approach developed at the intersection of linguistic anthropology and literary studies, this paper seeks to propose a way to enhance both interdisciplinary and interstate dialogues.*

*Key words: Gogol, Russian literature, linguistic anthropology, literary multilingualism, monolingual paradigm*

В декабре 2019 г. я встретила для консультации с молодой петербургской учительницей-словесницей Маргаритой (имя изменено). Как посетовала она, ее расстраивает, когда для ее учеников *колядующие парубки* из "Вечеров на хуторе близ Диканьки" Н. В. Гоголя становятся *дровами* (от "рубить"). Она решила для себя, что такие слова должны братья "из языковой среды".

Тогда я отметила для себя парадокс, который не хотела озвучивать из-за его очевидности: Маргариту удивляет, что петербургские дети не знают *украинские слова*. "Толковый словарь живого великорусского языка" В. Даля дал пищу для дальнейших размышлений: "**Цибуля** жен., южн., зап., твер., костр. снедный лук" [4, с. 591]. То, что это слово нужно искать на юге или на западе, я знала, опираясь на собственный опыт. То, что его можно было обнаружить где-то в Тверском или Костромском регионах – стало откровением. Однако вряд ли именно это имела в виду Маргарита. Мне кажется, скорее ее высказывания можно трактовать так: *ее язык* – это язык русского литературного канона. Это значит, когда в гоголевских "Вечерах на хуторе близ Диканьки" *парубки* расходятся по *хатам*, ребенок, в доме которого *читают*, сможет это понять – точно так же, как и другие обороты, не всегда похожие на его собственную *разговорную речь* (порой насыщенную "модными словами" вроде "*чилить*" и "*круто*").

Нуждается ли Гоголь в переводе? "Языковая", а то и "государственная" (в современном понимании) принадлежность классика неоднократно проблематизировались как в исследовательской литературе, так и в СМИ.

В. В. Виноградов в своих "Очерках по истории русского литературного языка XVII-XIX вв." (первое издание – 1934 г.) писал: "Язык Гоголя как писателя, пришедшего в Россию из другой страны – из Украины, не был целиком скован традициями и нормами старорусской аристократической речевой культуры: он пестрел диалектальными "неправильностями" [2, с. 379]. На первом плане здесь оказывается именно перемещение Гоголя как вполне различимый процесс, имеющий начало и конец, а "старорусской аристократической речевой культуре" противопоставляются "диалектальные неправильности" писателя, определяющие его индивидуальность.

В "Вечерах на хуторе близ Диканьки" сам Гоголь "по азбучному порядку" перечислил "те слова, которые в книжке этой не всякому понятны" ("*буряк* – свекла", "*дивчина* – девушка", "*парубок* – парень") [3, с. 10-11]. Примерно эти же слова предлагается выписывать в конспекте для занятия по русскому языку как иностранному как *украинизмы* ("слова, фразеологизмы, а также синтаксические и грамматические конструкции украинского языка, используемые в другом языке (литературном или разговорном)") [1].

В 2021 г. (в день рождения писателя – им принято считать 1 апреля по новому стилю) его происхождение и перемещения в очередной раз оказались в фокусе СМИ. Причиной для этого стали рассуждения, которые министр культуры и информационной политики Украины А. Ткаченко опубликовал у себя в социальных сетях. По его словам, "украинского Гоголя, что родился на Полтавщине, принудительно записали в русские": рассматривая его как российского писателя и "классика русской литературы", в украинских вузах его изучают на курсах зарубежной литературы – потому, что он писал по-русски [5]. Здесь, как видим, в тесный клубок сплетаются биографии XIX в. и границы начала XXI в., место рождения как индивидуальная

характеристика, языковые компетенции и образовательный процесс.

Анализируя работы немецкоязычных писателей, Я. Йылдыз предложила термин "постмонолингвальность". "Немецкость" авторов многими была поставлена под вопрос или, во всяком случае, потребовала бы дополнительного пояснения через некоторые факты биографии: среди рассмотренных ею Ф. Кафка (про него сказали бы, что он "родился в еврейской семье") и Э. С. Оздмар ("писательница турецкого происхождения"). Йылдыз использует "монолингвальность" для, в первую очередь, привлечения внимания к "мультилингвальным практикам", во вторую – для подчеркивания существования так называемой "монолингвальной парадигмы". Последняя, по ее словам, может быть описана как взаимосвязанные представления о языковой компетенции, с одной стороны, и национальном и / или этническом происхождении (и идентичности в более широком смысле), с другой. Согласно этому набору идей, всегда есть "родной язык" (нечто целостное и отделяемое от другого языка), который помещает индивида в границы четко определяемой этнической принадлежности, культуры и национального государства; любое "смещение" (или "смещение") маргинализируется [9, с. 2-4]. По словам исследовательницы, такой взгляд начал формироваться с конца XVIII в. благодаря мыслителям европейского Просвещения, но в большей степени его определили работы немецких философов-романтиков – в частности, И. Г. Гердера, Ф. Шлейермахера и В. фон Гумбольдта [9, с. 6-10]. Они же во многом задали то направление, в котором в дальнейшем двигалась наука о языке – а значит, предопределили некоторые формулировки.

Вспомним часто цитируемое изречение Гумбольдта: "Язык народа есть его дух и дух народа есть его язык – трудно представить себе что-либо более тождественное" [6, с. 6-7]. Сравним его, например, с цитатой из современного российского учебника этнологии: "Широко распространены лозунги "Язык – душа народа", "Исчезает язык – исчезает народ". Однако эмоциональная окраска таких лозунгов вступает в явное противоречие с действительностью, в которой мы обнаруживаем огромное количество "бездушных" народов: ирландцев, более века назад забывших свой "irish" и перешедших на английский язык; испаноязычных народов Южной Америки; австрийцев, говорящих на немецком языке и т. д." [7, с. 181].

Таким образом, понимание языка *как души* (не без исторических внутридисциплинарных оснований для этого) делает возможным и другое заключение: душа может быть лишь одна, существуют "бездушные" народы, если их "душа" уже была нанесена на карту где-то еще. Покидая университетскую аудиторию, лишаясь должных академических оговорок, такие суждения способны жить своей жизнью.

Опираясь на литературу и полевые материалы (относящиеся, в частности, к Сенегалу и к Балканам), лингвистические антропологи С. Гэл и Д. Ирвин показали три семиотических процесса, при помощи которых люди

конструируют идеологические репрезентации различий в классификациях коммуникативных практик [8, с. 972] :

- Иконичность (*iconicity*) – те черты, которые *индексально* указывают на группу, становятся ее *иконом*, "неотъемлемой природой".

- Рекурсивность (*recursiveness*) – различие, важное на одном уровне, может быть спроецировано на другой: два изображаемых объекта могут быть как противопоставлены друг другу, так и объединены для противопоставления некоему третьему.

- Стирание (*erasure*) позволяет изобразить объект как нечто гомогенное, не имеющее внутренних различий, будь то "единые мы" или "абстрактно монолитные они". Особенно это характерно для восприятия воображаемого "другого". Внутригрупповая вариативность часто игнорируется, но может восприниматься как угроза, когда такие "проблемные черты" начинают выстраиваться в альтернативную картину.

Как мы могли заметить, все эти три процесса легко "опрокидываются" на фигуру Гоголя как писателя: его происхождение, сама его речь через отдельные ее индивидуальные особенности "фиксируют его на карте", вписывая его в более крупные общности – и границы, которые очерчивают эти общности, нередко имеют большее отношение к политическому делению XXI в., нежели к восприятию художественного слова как общечеловеческой ценности. Все политическое нередко несет в себе дополнительный эмоциональный заряд, отправляя объект описания в неведомые выси. Задача исследователей – вернуть этот объект на жесткую почву.

#### Список использованных источников

1. **Белозубова, Н. И.** Изучение украинизмов на занятиях по русскому языку как иностранному (на материале повести Н. В. Гоголя "Сорочинская ярмарка") / Н. И. Белозубова. – Текст : электронный // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2011. – №9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-ukrainizmov-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-na-materiale-povesti-n-v-gogolya-sorochinskaya-yarmarka-1> (дата обращения: 05.04.2021). – Режим доступа : свободный.

2. **Виноградов, В. В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков / В. В. Виноградов. – Изд. 3-е. – Москва : Высшая школа, 1982. – 529 с. – Текст : непосредственный.

3. **Гоголь, Н. В.** Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Н. В. Гоголь. – Санкт-Петербург : СЗКЭО, 2021. – 416 с., ил. – Текст : непосредственный.

4. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Том 4. Р – V / В. И. Даль. – 3-е изд – Санкт-Петербург – Москва : Тип. М. О. Вольфа, 1882. С. 591. – Текст : непосредственный.

5. **Ткаченко, О.** URL: <https://www.facebook.com/oleksandr.tkachenko.ua/posts/3976009162466656> (дата публикации: 01.04.2021). – Ре-

жим доступа: свободный. – Текст : электронный.

6. **Шаклеин, В. М.** Лингвокультурология: традиции и инновации : монография / В. М. Шаклеин. – Москва : Флинта, 2012. – 301 с. – Текст : непосредственный.

7. Этнология / Т. А. Титова, В. Е. Козлов, Е. В. Фролова, И. А. Мухаметзарипов ; под ред. Т. А. Титовой. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 404 с. – Текст : непосредственный.

8. **Gal, S., Irvine, J. T.** The boundaries of languages and disciplines: How ideologies construct difference / S. Gal, J. T. Irvine. – Текст : непосредственный // Social Research. – 1995. – V. 62. – № 4. – P. 967 – 1001.

9. **Yildiz, Y.** Beyond the Mother Tongue: The postmonolingual condition / Y. Yildiz. – New York: Fordham University Press, 2011. – 292 p.

**Сергушкова Ольга Владимировна**

*VO "Мозырский государственный педагогический университет  
имени И. П. Шамякина"  
e-mail: [sergushkova\\_olga@mail.ru](mailto:sergushkova_olga@mail.ru)*

УДК 811. 161. 1

## **СПЕЦИФИКА КОНВЕРГЕНЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО- ЭКСПРЕССИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА**

**Olga V. Sergushkova**

*Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin*

### **SPECIFIC CONVERSION OF EMOTIONAL-EXPRESSIVE LANGUAGE UNITS IN THE TEXTS OF ART WORKS I. S. TURGENEVA**

*В статье доказывается, что конвергенция интенсифицирует воздействующую силу художественной речи, акцентуирует её эмотивность и выразительность. Названы разные типы взаимодействия эмоционально-экспрессивных языковых единиц, определены функции конвергенции, её роль в структурировании когерентности текста и активизации его интертекстуальных связей.*

*The article proves that convergence intensifies the influencing power of artistic speech, accentuates its emotiveness and expressiveness. Various types of interaction of emotionally expressive linguistic units are named, functions of convergence, its role in structuring the coherence of a text and activating its intertextual connections are determined.*

*Ключевые слова: конвергенция, эмотивность, экспрессивность, функция, когерентность*

*Key words: convergence, emotivity, expressiveness, function, coherence*

Сила воздействия всех описаний в произведениях И. С. Тургенева, их повышенная экспрессивность мотивированы конвергенцией риторических фигур и стилистических приёмов. Это одна из специфических черт тургеневского идиостиля. Конвергенция вообще свойственна речи художественной литературы. Но у И. С. Тургенева она особенно заметна, потому что, во-первых, в его текстах употребляется огромное количество самых разных экспрессивных языковых единиц; во-вторых, речь писателя отличается точностью и уместностью выбора средств выражения и их нерасторжимой, безупречной сцеплённостью для номинации объектов и событий в созданном писателем "возможном мире"; в-третьих, составленный нами каталог эмоционально-экспрессивных конструкций в текстах И. С. Тургенева, насчитывающий более 1000 проанализированных языковых единиц, содержит количественные показатели, которые позволяют сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев главными компонентами конвергенции оказываются константные для идиостиля И. С. Тургенева языковые средства.

Взаимосвязь языковых единиц проявляется у писателя по-разному:

1) в тексте может быть несколько экспрессивных языковых средств одного типа, выполняющих тождественные функции. Благодаря взаимодействию этих единиц усиливается прагматический эффект высказывания. Например, (1): ... *он посмотрел кругом...* < ... > "**Как хорошо, боже мой!**" – подумал Николай Петрович, и любимые стихи пришли было ему на уста... [3, с. 360], где в (1а) выделены маркеры экскламации, характерные для разных типов риторических восклицаний (РВ): здесь – РВ с наречием "как" и РВ, выраженное междометным сочетанием "боже мой". Названные показатели восклицательности употреблены в одном высказывании и объединены функцией структурирования яэмотивности [1];

2) чаще в решении общей коммуникативно-эстетической задачи участвуют разные экспрессивные средства. Например, (2): (2а) **О молодость! молодость! тебе нет ни до чего дела, ты как будто бы обладаешь всеми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тешит, даже печаль тебе к лицу,** (2б) *ты самоуверенна и дерзка, ты говоришь: я одна живу* – (2в) **смотрите!** (2г) *а у самой дни бегут и исчезают без следа и без счёта, и всё в тебе исчезает,* (2д) **как воск на солнце, как снег...** (2е) *И, может быть, вся тайна твоей прелести состоит не в возможности всё сделать – а в возможности думать, что ты всё сделаешь, – состоит именно в том, что ты пускаешь по ветру силы, которые ни на что другое употребить бы не умела, – в том, что (2ж) каждый из нас не шутя считает себя расточителем, не шутя полагает, что он вправе сказать* (2з) **"О, что бы я сделал, если б я не потерял времени даром!"** [4, с. 44], где многие языковые единицы успешно выполняют функцию оценочной характеристики, но такой выразительный и аксиологически амбивалентный вербальный "портрет" молодости возможен только при их кон-

вергенции, в которой участвуют: предложение в (2а), содержащая аверсию; повтор словоформ в (2а), (2б), (2г), (2е) и (2ж); лексические синонимы, в том числе контекстуальные в (2а), (2б) и (2ж); сравнения в (2д); элементы синтаксического параллелизма в (2б), (2г), (2ж) и изоколона в (2а); антитеза в (2е); императив в (2в); риторическое восклицание в (2г); междометие "о" в (2а) и (2з); авторское тире в (2б) и (2е);

3) наиболее выразительными являются тургеневские описания, в которых какое-либо языковое средство, как правило, константное для писателя, во многом определяющее его идиостиль, выступает как ведущее, другие же компоненты конвергенции поддерживают его, усиливая коммуникативно-эстетический смысл. Например, (3): (3а) *Впрочем, – прибавил Николай Петрович, потирая лоб и брови рукою, что у него всегда служило признаком внутреннего смущения, – я тебе сейчас сказал, что ты не найдёшь перемен в Марьине...* (3б) *Это не совсем справедливо.* (3в) *Я считаю своим долгом предупредить тебя, хотя... < ... >* (3г) *Впрочем, ты, конечно, будешь вправе осудить меня.* (3д) *В мои лета...* (3е) *Словом, эта...эта девушка, про которую ты, вероятно, уже слышал... // Фенечка? – развязно спросил Аркадий [3, с. 333], где в высказываниях (3а), (3в), (3д), (3е) для описания эмоционального состояния Николая Петровича очень удачно использован приём умышленно незавершенного предложения – апозиопезис, который на письме обозначается многоточием. А вводные слова "конечно", "словом", "вероятно" и повторяющееся "впрочем" в (3а) и (3г), выражающее "нерешительность, колебание, сомнение" [2, т. I, с. 224], призваны акцентуировать экспрессию и коммуникативно-эстетическое назначение указанного приёма; (4): (4а) *Лаврецкий посетил тот отдалённый монастырь, куда скрылась Лиза, – увидел её.* (4б) *Перебираясь с клироса на клирос, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смирненной походкой монахини – и не взглянула на него; только ресницы обращённого к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только ещё ниже наклонила она своё исхудалое лицо – и пальцы сжатых рук, перевитые чётками, ещё крепче прижались друг к другу.* (4в) *Что подумали, что почувствовали оба?* (4г) *Кто узнает?* (4д) *Кто скажет?* (4е) *Есть такие мгновения в жизни, такие чувства...* (4ж) *На них можно только указать – и пройти мимо* [3, с. 236], где усиливают выразительность всего микротекста повторы, элементы синтаксического параллелизма, которые обнаруживаются во всех, почти без исключения, тургеневских описаниях природы, портретов, ситуаций, раздумий; медитативные вопросы в (4в), а также медитативно-риторические вопросы (4г) и (4д). Но наиболее важную роль здесь играют такие экспрессемы, как апозиопезис, предложение и авторская пунктуация, особенно в последнем предложении, в котором тире является нормативно немотивированным знаком препинания. Но Тургенев не игнорирует правописание: в русской пунктуации есть раздел об авторских знаках, постановка которых мотивирована коммуникативно:*

авторским намерением, его когницией, значением в "авторском мире", в котором он естественен и необходим. Мы думаем, что, употребляя тире в данном микротексте, автор предлагает читателям не искать ответов на вопросы в конце романа – *Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет?*, потому что такие ответы всегда будут неточными. Свою точку зрения писатель акцентирует незаконченностью предложения (4е), полагая (с нашей точки зрения, в силу тонкости душевного склада), что в данном случае действительно "мысль изречённая есть ложь"... В конце незавершённого предложения-высказывания (4е) многоточие более чем любой другой знак соответствует внутренней цельности тургеневского "возможного мира", его когерентности, проявляющейся в когезии, то есть внешней цельности текста, структурируемой системой разных языковых средств, в том числе знаков препинания. В свете сказанного (4ж) воспринимается как мягкая, доверительно-деликатная авторская рекомендация всем его адресатам.

В своём исследовании мы старались использовать некоторые положения и подходы к изучаемому материалу, принятые в коммуникативной стилистике – относительно новой учебной дисциплине, изучающей регулятивность и эпифункцию художественной литературы, авторское прогнозирование результатов коммуникации, силу коммуникативно-эстетического воздействия индивидуальности творца, его собственной системы лингвоэстетических средств воздействия. Анализ конвергенции у И. С. Тургенева даёт богатый и новый материал для таких исследований. Так, в следующем фрагменте (из повести "Фауст") незримо присутствует сам автор, почему и конвергенция языковых единиц в нём представляется особенно сильной, значительной и характерной именно для И. С. Тургенева: (5): *Я читал для одной Веры Николаевны... Когда я кончил (интермеццо я пропустил: эта штука по манере принадлежит уже ко второй части; да из "Ночи на Брокене" я кое-что выкинул)... когда я кончил, когда прозвучало это последнее "Генрих!" – немец с умилением произнёс: "Боже! как прекрасно!"* [3, с. 18], где экспрессивность создаётся конвергенцией анаподотона – вставной конструкции хотя и не очень большой протяжённости, однако с характерным для этой фигуры повтором предикативной единицы "когда я кончил", инверсией в анаподотоне прямого дополнения "интермеццо"; элементами параллелизма; аллюзиями; РВ с маркером экскламации, а также субстантивированным прилагательным "последнее", приобретающим статус своеобразной аллюзии, очень важной для понимания тургеневского "Фауста". Данная лексема – одно из ключевых слов-понятий в интерпретации идейно-тематического содержания произведения и одно из главных языковых средств в структурировании когерентности данного текста как содержательно-смыслового целого, вписанного в контекст мировой культуры не только из-за такого же названия, какое имеет другое художественное произведение, получившее мировую известность, – "Фауст", но и бла-

годаря своему содержанию и смыслу, а также удачно подобранной языковой форме. Последнее слово, которое у Гёте произносит умирающая Гретхен, имя Фауста, её любимого, – "Генрих". История, поведанная людям гениальным немецким драматургом, разбудила душу тургеневской героини для любви. Но любовь погубила и её. "Последнее" для Веры Николаевны – приводимые ею перед кончиной слова Гретхен из заключительной сцены первой части бессмертного гётевского "Фауста". Об этом мы узнаём из завершающего повесть девятого письма Павла Александровича: *Вдруг она раскрыла глаза, устремила их на меня, взгляделась и, протянув исхудалую руку – Чего хочет он на освящённом месте, Этом... вот этом... произнесла она голосом до того страшным, что я бросился бежать.* {В подстрочнике автор даёт выделенное полужирным курсивом высказывание в оригинале: *Was will er an dem heiligen Ort, Derda... derdort... "Фауст", 1-я часть. Последняя сцена. (Примеч. И. С. Тургенева)*} [3, с. 31]. По сути, это тоже часть текста, которая вправе называться реминисценцией. Она значительно расширяет информационно-культурное пространство небольшого по объёму эпистолярного произведения И. С. Тургенева, в котором писатель обращается к сложным философским вопросам, сближающим два произведения, отделённые друг от друга почти столетием. Понимание и интерпретация трагической развязки отношений Веры Николаевны и автора писем Павла Александровича, в котором смешались черты и Фауста, и Мефистофеля, мотивированы влиянием на писателя философии Шопенгауэра. Данное заключение выводит нас на путь междисциплинарных исследований в области гуманитарных наук, что даёт возможность выявить глубинные причины повышенной экспрессии аллюзий и реминисценций в текстах писателя и новые факторы когерентности художественного и научно-философского текстов.

Таким образом, среди текстов И. С. Тургенева с разными типами конвергенции эмоционально-экспрессивных языковых единиц наиболее выразительными являются такие, в которых выделяются главные, ведущие риторические и стилистические фигуры и приёмы, определяющие специфику идиостиля писателя. Анализ более 1000 языковых единиц в текстах И. С. Тургенева показал, что константными в описаниях автора выступают восклицательные высказывания, аллюзии и сентенции, параллельные и вставные конструкции, риторические и медитативные вопросы, то есть конвергенция эмоционально – экспрессивных речевых конструкций обладает у И. С. Тургенева своими отличительными чертами. Конвергенция языковых средств выполняет множество функций: она усиливает эмотивность и экспрессивность речи, характеризует и оценивает героев, их поступки, душевное состояние, ситуации, события. Аллюзии, реминисценции, цитаты, столь часто доминирующие в конвергенции выразительных языковых единиц И. С. Тургенева, активизируют интертекстуальные связи его произведений, способствуют более успешному выполнению эпифунк-

ции художественной литературы как главного её назначения в духовной жизни людей.

Анализирующая сила русского слова предоставляет не только безграничные возможности интерпретации художественных текстов, но и доказывает необходимость их толкования, потому что, как писал Э. Сепир, "было бы ошибкой полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка". Слова гениального русского писателя И. С. Тургенева о "*великом, могучем, правдивом и свободном русском языке*" навсегда определили для нас понимание места и значения языка в нашей жизни, глубокое уважение к нему и радость бесконечного познания мира.

### Список использованных источников

1. **Сергушкова, О. В.** Риторические восклицания как эмоционально-экспрессивные единицы в художественных произведениях И. С. Тургенева / О. В. Сергушкова, Е. А. Зеро. – Текст : непосредственный // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч. - практ. конф. (г. Пенза, 26 – 28 марта 2020 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной, канд. филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. – С. 347 – 353.

2. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др. ]. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Рус. яз., 1981 – 1984.

3. **Тургенев, И. С.** Сочинения: В 2-х т. / И. С. Тургенев. – Москва : Худож. лит., 1980. – Т. 1. Повести и романы. 1856 – 1862. – 446 с.

4. **Тургенев, И. С.** Сочинения в 2-х т. / И. С. Тургенев. – Москва : Худож. лит., 1980. – Т. 2. Повести и романы. 1869 – 1876. – 448 с.

**Терешонок Елена Витальевна**

*Московский государственный университет  
имени М. В. Ломоносова  
e-mail: rliteresh@mail.ru*

УДК 81'751, 82'32

## **ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В РАССКАЗЕ Б. ЕКИМОВА "БЕЛАЯ ДОРОГА"**

**Elena V. Tereshonok**

*Moscow State University M. V. Lomonosov*

### **THE PROBLEM OF THE SPIRITUAL AND MORAL IDEAL IN B. EKIMOV'S "WHITE ROAD"**

*В статье анализируется идейно-художественная проблематика в рассказе Б. Екимова "Белая дорога", в контексте нравственно-философских размышлений писателя о духовном совершенствовании человека, поиске смысла и ценности бытия, значении истинной веры в жизни человека.*

*Ключевые слова: идейно-художественная проблематика, религиозно-философские размышления, онтологический конфликт*

*The article analyzes the ideological and artistic problems in B. Ekimov's short story "The White Road", in the context of the writer's moral and philosophical reflections on the spiritual improvement of a person, the search for the meaning and value of being, the meaning of true faith in human life.*

*Keywords: ideological and artistic problems, religious and philosophical reflections, ontological conflict*

В современном литературном процессе творчество Б. Екимова основывается на лучших традициях русской классической литературы и принадлежит направлению "деревенской прозы", которое, по словам критика В. Курбатова, является "последней великой литературной школой" [5; с. 164]. Творчество писателя обладает несомненной художественной ценностью, его произведения отличаются глубоким знанием жизни, реалистичностью изображения. Высокую оценку творчеству Б. Екимова дает В. Сердюченко в статье "Русская проза на рубеже третьего тысячелетия" [8; с. 95], в которой он называет Б. Екимова достойным преемником русской литературной традиции и ставит его имя в один ряд с русскими классиками Л. Н. Толстым, И. А. Гончаровым, И. С. Тургеневым.

Творчеству Б. Екимова посвящены критические работы И. Богатько "Серьезнее некуда – жизнь", А. М. Буланова "Живая и честная душа", В. Васильева "Высота Б. Екимова", Н. Б. Ивановой "Испытание правдой", А. Панковой "Казалось бы, обыденная жизнь", И. Роднянской "Род людской", В. Б. Смирнова "Не страшась выводов", Я. Удина "О прозе Б. Екимова".

Практически все критики отмечают художественную зоркость писателя, искренность и верность "правде жизни". К числу достоинств прозы Б. Екимова критик относит "демократизм, народность, абсолютную правдивость, нравственную чистоту авторской позиции и, что главное, изобразительный талант".

Рассказ является ведущей жанровой формой в творчестве Б. Екимова, в которой наиболее ярко проявились особенности авторского стиля, языка, индивидуальная писательская неповторимость. Б. Екимов развивает традиции чеховского рассказа, что выражается в их краткости, содержательности, сюжетно-композиционном построении. Автор обращается к ситуации прозрения, духовного перерождения личности, делая акцент на свободном выборе героя. Исследователь И. В. Великанова отмечает, что нередко произведения Б. Екимова "завершаются открытым финалом, свидетельствующим о неразрешимости противоречия" художественного конфликта. [2; с. 153].

В 90-е годы XX века Б. Екимов создает ряд произведений, которые, по словам И. В. Великановой, "и по своему содержанию, и по характеру художественного конфликта, приобретают онтологический характер. Главным для автора становится постижение глубинных оснований человеческой жизни, стремление понять меру истинной ценности бытия, осмыслить противоречие между безграничностью, бесконечностью Времени и ограниченностью человеческого существования" [2; с. 149]. Стремление постичь "вечные" законы бытия приводит писателя Б. Екимова к религиозно-философским размышлениям, которые находят свое отражение в рассказе "Белая дорога".

"Религиозные" тенденции в творчестве писателя основаны на его раздумьях о значении истинной веры в жизни человека, о любви к людям, способной сотворить чудо ради спасения близкого человека. В рассказе Б. Екимов обращается к типу героя, которого, по словам И. В. Великановой, "вслед за шукшинскими персонажами", можно назвать "человеком "вопрошающим". Исследователь отмечает, что героев В. Шукшина и Б. Екимова объединяет стремление "осознать основы человеческого бытия, постичь смысл жизни, ее тайну.... Нередко в глазах окружающих екимовские герои, подобно персонажам В. Шукшина, выглядят "чудиками"... . Однако при внимательном прочтении рассказов обоих писателей можно увидеть, что "странные люди" оказываются подчас нормальнее, чем окружающие, потому что сохранили в себе веру в добро, тягу к прекрасному. Главной чертой такого характера.... следует признать способность поступать вопреки требованиям практической пользы, реально ощутимой выгоды, стремление следовать велению души" [1; с. 49 – 50].

В рассказе "Белая дорога" автор выступает как повествователь и раскрывается как личность с богатым духовным опытом. Именно он помеща-

ется в центр повествования, основу которого составляют его религиозно-философские размышления.

Главный герой рассказа – глухой сапожный мастер Степа. Он жил "в округе станицы Голубинской, что на Среднем Дону" [4; с. 77] в далекие "тяжкие" двадцать первый – двадцать второй годы XX века после гражданской войны во времена голода и разрухи, когда "о новой обуви ... никто не помышлял. Перебивались ношеным старьем. И Степа-глухой был спасеньем для всякой семьи, даром Божиим. Во-первых, он брался чинить всякую рвань, ничего не отвергая.... А во-вторых, он не требовал за труды свои плату, работая лишь за харчи" [4; с. 77 – 78]. Никто не знал, "откуда он взялся такой малохольный ли, умом тронутый .... Своего пристанища, дома он не имел. Мешок за плечами – все имущество. Жил и кормился Степа в том доме, куда приходил работать. Жил, пока всю обувку не перечинит. На Степу-глухого была очередь, и в других домах уже ждали его.... Починив обувку, Степа собирал свои пожитки, шел в другой дом, никакой платы не прося" [4; с. 78]. Автор пишет, что некоторые люди, считая Степу "тронутым", "может для очистки совести", вручали за его труды бумажные деньги, которыми в ту послевоенную пору "игрались дети да старухи обклеивали ими крышки сундуков". Но Степа "брал их на полном серьезе, складывал в кiset" [4; с. 78].

Степа не искал ни личной выгоды, ни комфортных условий для себя. Рассказчик говорит: "Будь Степа помудрей, поразумней, он мог бы прожить и лучше, выбирая дома с достатком. Пусть хлебом богатых в ту пору сыскать было трудно, но были семьи, у которых всю зиму картошка не переводилась, кукуруза, тыква да свекла... . Сапожному мастеру можно было прожить. Но Степа хозяев не выбирал, ситно живут или впроголодь; он шел, куда звали. И порою неделю-другую сидел на голых желудевых лепешках. В таких семьях обычно и детишек больше, и обувка – дыра на дыре. Всегда худой и морщинистый, тогда он и вовсе усыхал, зубы от желудей чернели, но не уходил, пока последнюю пару ношенных-переношенных чириков не починит. За это его уважали, называя порой святым чело-веком, какие не от земли, а от неба" [4; с. 79].

Рассказчик повествует о блаженном человеке, но не в первом значении этого слова – "в высшей степени счастливый". В толковом словаре Д. В. Дмитриева [9; с. 1578] этот термин имеет несколько значений. Одно из них обозначает человека, ведущего себя странно, чудаковато, другое – глубоко верующего человека, по религиозным соображениям оставившего свою семью, имущество и скитающегося по свету с именем Христа.

Автор ничего не сообщает нам о вероисповедании своего героя. Но все дела и поступки говорят о его горячей вере и жертвенной любви к людям. Быть блаженным, значит – быть "благим", добрым и хорошим человеком. Часто те, кого почитают "помудрей, поразумней" в земном, житейском восприятии, оказываются не всегда мудры в духовной жизни. Бла-

женные же познали счастье близости к Богу и "странными" и необычными они кажутся лишь потому, что живут правдой Небесной.

Глухого Степу очень любили дети. Автор пишет: "Для них начинался праздник, когда он приходил в дом... Для ребячьей забавы Степа-глухой нарежет пахучих деревянных кубиков да колесиков, тележку смастерит, вырежет острым ножом куклу, солдатика, игрушечное ружье. Детишки вокруг него с утра до ночи кружатся, порой толкают, мешают. Но он их никогда не гнал" [4; с. 80].

О семье Степы и о нем самом "толком... никто и ничего не знал" [4; с. 80]. Рассказчик сообщает: "Степа никогда не смеялся, даже не улыбался. ...Говорили, что Степина семья, дети погибли ли, померли от войны, голода ли, болезней. Целые хутора тогда вымирали... Степа как все глухие был молчуном" [4; с. 80]. Автор рассказывает, что на всех хуторах станицы Голубинской: "в Усурах, Липолебедевском, Каменнобродском, Тепленьком, Липологовском – "Степу-глухого знал каждый, от старого до малого" [4; с. 77]. Он был нужен всем, его хотели видеть у себя в доме, его ждали. Порой можно было услышать, когда он задерживался в каком-то доме: "Вы Степу долго не держите, он другим нужен" [4; с. 80].

Как никто не помнил, "откуда взялся такой Степа", так и его уход тоже был странным: "И вот он пошел со двора. Мешок – за плечами.... А потом Степа пропал. Не видно и не слышно о нем. Стали спрашивать. Никто толком не знает" [4; с. 81]. Рассказчик говорит: "Лишь осенью, на исходе лета, Степу нашли в Пйсках. Видно, пошел он от Дона не кружной, торной дорогой, а напрямую, через Пйски. Такой вот белой дорогой, что тянется сейчас передо мной меж песчаных бугров. Прилег ли он на обочину или просто упал? И умер. Ни птица, ни зверь его не тронули. Так и лежал, пока не нашли его сухие мощи" [4; с. 81].

Рассказ имеет кольцевую композицию. Автор начинает повествование природным описанием: "Вот и осень. Ночи стали холодными. Пора с летом прощаться..." [4; с. 76]. И заканчивает: "Вечный ветер. Осень. ...Надо уезжать, прощаясь надолго – до следующего лета" [4; с. 81]. Художественное изображение писателем природного мира неотъемлемо от представления о мире вечном: "Какое просторное небо над Пйсками... Взглядом не окинешь. Глубокая, за жаркое лето выгоревшая синева, и перистые облака, словно белые каменистые гряды, тянутся из края в край" [4; с. 81].

Исследователь М. С. Герасимчук пишет: "Автор-рассказчик удивительно близок к природе и мастерски описывает тончайшие ее оттенки и самые малейшие изменения. Что бы не попало в его поле зрения, оно становится живым, ярким и насыщенным" [3; с. 44]. Изображаемые картины природы в рассказе способствуют раскрытию главной идеи произведения. Исследователь А. Ю. Мазаева отмечает: "Из всей совокупности процессов построения зрительного образа самым простым является процесс восприятия цвета, который может сводиться к оценке светлости, или видимой яр-

кости, цветового тона, или собственно цвета" [6; с. 131 – 132]. Мотив дороги присутствует в рассказе с самого начала и пронизывает весь рассказ, но "белая дорога" выделяется автором обособленно: "Тишина. И просторное небо. Люди здесь тоже редки. Но порой встречаются белые дороги, неведомо кем проложенные в сыпучих песках... Эти белые дороги завораживают. ...Белая колея петляет меж песчаных холмов, порой взбегая на них. Кто ее проторил, эту дорогу, и куда?... " [4; с. 76 – 77]. Белая дорога, как литературная метафора, символизирует жизненный путь человека, чистоту помыслов главного героя и смысл существования на этой земле. Жизнь глухого Степы заключалась в сострадании, любви к людям, желании им помочь, самоотдаче. И чем жертвенней была эта любовь, тем чище становился этот путь, тем выше была дорога в вечность.

Б. Екимов как писатель исповедует жизнеутверждающее философское мировоззрение, поэтому в его рассказах есть надежда и любовь к жизни, а в рассказе "Белая дорога" писатель размышляет о жизни вечной, как достичь ее и какие дороги к ней ведут. Автор пытается найти ответ на вопрос о том, как нужно прожить свою жизнь, чтобы пойти по "белой дороге": жить для себя или, отдать свою жизнь людям, как писал поэт Б. Пастернак [7; с. 512] : "Жизнь ведь тоже только миг, только растворенье нас самих во всех других как бы им в даренье". Рассказчик убежден, кто помогает людям, спасает других, отрекаясь от себя, становится святым, но уже в другой жизни. Рассказ имеет открытый, лирически одухотворенный финал, в котором воплощается авторский идеал о гармоническом единении духовного начала человека и природного мира, которое преодолевает границы смерти: "А может, он и вправду был святым, каких посылает Бог на помощь в горькие годы. А если это так, то, оставив не тело, но мощи свои на белой дороге, в Песках, ушел Степа той же белой дорогой, но иной, высокой. Вот она тянется по блеклому осеннему небу легкой перистой грядой, из края в край" [4; с. 82].

Таким образом, предметом художественного осмысления писателя в рассказе "Белая дорога" выступают нравственное совершенствование человека и испытания, предопределенные на этом пути. Углубление идейно-художественной проблематики рассказа способствует духовно-нравственным исканиям смысла и ценности бытия, жизни и смерти, что отражается в религиозно-философских размышлениях писателя о значении истинной веры в жизни человека, о любви и сострадании к ближнему, способных сотворить чудо ради спасения человека.

#### **Список использованных источников**

1. **Великанова, И. В.** Автор и герой в прозе Б. Екимова / И. В. Великанова. – Текст : непосредственный // Вестник ВолГУ. – Серия 8. – Вып. 10. – 2011. – С. 46 – 54.

2. **Великанова, И. В.** Конфликт и сюжет в повестях Б. Екимова / И. В. Великанова. – Текст : непосредственный // Вестник ВолГУ. – Серия 8. – Вып. 12. – 2013. – С. 147 – 153.
3. **Герасимчук, М. С.** Объект-ситуация в когнитивной модели зрительного восприятия в рассказах Бориса Екимова (циклы "Память лета" и "Житейские истории") / М. С. Герасимчук. – Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: психолингвистика в образовании. – 2014. – №2. – С. 44 – 49.
4. **Екимов, Б. П.** Возвращение: Рассказы о живой жизни / Б. П. Екимов. – Москва : Ника, 2016. – 352 с. – Текст: непосредственный.
5. **Курбатов, В.** Последний? Парад // Москва, 1995. – № 2. – С. 164. – Текст: непосредственный.
6. **Мазаева, А. Ю.** Фразеологическое поле "визуальное восприятие действительности" как объект словарного описания / А. Ю. Мазаева. – Текст : непосредственный // Вестник ОГУ. – 2006. – №11. – С. 129 – 132.
7. **Пастернак, Б. Л.** "Свадьба", из цикла "Стихотворения Юрия Живаго" // Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: Роман. Повести. Фрагменты прозы. – Москва: Советский писатель, 1989. – С. 512. – Текст : непосредственный.
8. **Сердюченко, В.** Русская проза на рубеже третьего тысячелетия / В. Сердюченко. – Текст : непосредственный // Вопросы литературы. – Июль – август, 2000. – С. 77 – 97.
9. Толковый словарь русского языка / Под редакцией Д. В. Дмитриева. – Москва : Астрель: АСТ, 2003. – 1578 с. – Текст: непосредственный.

***Тимошенко Наталья Павловна***

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"  
e-mail: [natka.tim@mail.ru](mailto:natka.tim@mail.ru)*

УДК811. 161. 1'42'37: 398. 8 (=161. 1)

## **РЕАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ**

***Natalia P. Timoshenko***

*Francisk Skorina Gomel State University*

## **IMPLEMENTATION OF THE SUBJECT SEMANTIC IN RUSSIAN FOLK SONGS**

*Автор исследует семантическую сторону предложения и способы реализации субъектного значения в языке русских народных песен, характеризует типы семан-*

*The author studies the semantic side of the sentence and the ways of implementing of the subject meaning in the language of the Russian folk songs, charac-*

тического субъекта, представленные в песенных текстах.

terizes the types of the semantic subject represented in song texts.

Ключевые слова: семантика, синтаксис, субъект, предложение, способ выражения, субъектность, субъектное значение

Keywords: semantics, syntax, subject, sentence, the ways of expression, subjectivity, subject meaning

Пути формирования смысла синтаксических конструкций, отношение высказывания к обозначенной ситуации – одни из основных вопросов, которые решает семантический синтаксис. Проблема связи между семантикой и синтаксисом вызывает много споров, но по-прежнему привлекает внимание лингвистов. На современном этапе развития семантического синтаксиса наибольший интерес представляет вопрос о соотношении семантики субъекта с различными формами грамматической репрезентации субъектной семантики в структуре простого предложения.

В современной лингвистической литературе семантический субъект понимается как "синтаксически независимый субстанциальный компонент субъектно-предикатной структуры, обозначающий носителя предикативного признака" [3, с. 133]. Эта семантико-синтаксическая категория неодинаково реализуется в предложениях различных типов. Вопрос о синтаксическом статусе форм, имеющих субъектное значение, остается открытым как в русском, так и в белорусском языкознании. В функциональном плане падежные формы с субъектным значением в традиционной грамматике и в современной синтаксической науке получали и получают различное и порой противоречивое толкование. Актуальность нашего исследования определяется неослабленным интересом современного синтаксиса к семантике синтаксических структур, к взаимоотношениям и взаимообусловленности формальной и содержательной сторон предложения.

Надо отметить, что в синтаксических конструкциях субъектное значение не всегда выступает в чистом виде. Возможна нейтрализация субъектного значения, осложнение путем наложения других семантических оттенков. Так, в конструкции *У вдовиньки доченька* [6, с. 150] словоформа 'доченька' является одновременно носителем субъектного (субъект наличия) и объектного (объект владения при субъекте владения 'у вдовиньки') значений. А. В. Бондарко констатирует: "С точки зрения дискретности / недискретности субъектного значения ("чисто субъектного" или сопряжённого с объектной и частично обстоятельственной семантикой) могут быть выделены два типа субъектности: 1) "чистая" и 2) "сопряжённая субъектность" [1, с. 120].

Субъектность первого вида представлена в таких конструкциях, как: *Я платочком-то махала<sup>1</sup>, чтоб мил воротился<sup>2</sup>* [6, с. 150]. Конструкции же типа *Было у вдовушки девять сынов* [6, с. 422], где функция субъекта наличия сопряжена с функцией объекта владения, относятся ко второму

типу субъектности. Надо отметить, что в таких предложениях рядом существуют два семантических субъекта: 'у вдовушки' (субъект владения) и 'девять сынов' (субъект наличия, существования).

Можно согласиться с мыслью А. Е. Михневича, согласно которой суть семантического синтаксиса "может быть раскрыта при сопоставлении двух одинаково оформленных, но в плане синтаксической семантики поразному интерпретируемых выражений (синтаксических омонимов)" [5, с. 1]. Рассмотрим две синтаксические конструкции: *Что не плачет ли, не тужит / Мой миленький по мне* [6, с. 135] и *Тому добро будет* [6, с. 23]. В данных построениях нас будут интересовать словоформы в Д. падеже 'номне' и 'тому'. В первой конструкции словоформа в Д. падеже выступает как семантический объект, а во второй – как семантический субъект. Если же сравнить существительные 'миленький' и 'добро', стоящие в И. падеже и являющиеся грамматическими субъектами (подлежащими), то можно прийти к выводу, что грамматический субъект 'миленький' совпадает с семантическим субъектом (это существительное обозначает лицо, которое способно к выполнению определенного действия), а грамматический субъект 'добро' не является семантическим субъектом, а входит в состав семантического предиката 'добро будет' (существительное 'добро' обозначает отвлечённое понятие, которое не способно выполнять конкретные действия, направленные на другие предметы). Отсюда следует, что семантическое различие между приведёнными конструкциями определяется принадлежностью словоформ, которые нас интересуют, к различным лексико-грамматическим разрядам. Богатая система падежных форм и предложно-падежных сочетаний, наделённых субъектным значением, составляет особенность синтаксического строя русского предложения. Выражение семантического субъекта косвенным падежом имени – одна из типичных черт русского синтаксиса. Субъект, по мнению многих синтаксистов, может быть выражен любой падежной формой или предложно-падежным сочетанием. Разница между синтаксемами объектного и субъектного значения заключается не в падежной форме, а в их семантике и синтаксической природе. Наблюдения показывают, что в двусоставных предложениях семантический субъект в косвенном падеже обычно лицо: имя собственное или местоимение, т. е. компонент с индивидуализированным, конкретным значением. Значит, "средством выражения субъекта могут быть разные падежные формы, значение которых устанавливается со стороны их отношения к предикату. Поэтому в значение субъекта включена семантика той падежной формы, которая в семантической структуре предложения оказывается в позиции субъекта" [2, с. 75]. Но выражение субъекта не подлежащим, а иными структурными носителями предикативного признака можно отнести к "периферии поля субъектности. Основанием для такого вывода служит явление "снижения ранга субъектности" [7, с. 68].

Следует отметить, что в семантической структуре предложений, представленных в русских народных песнях, наиболее часто реализуют себя следующие значения субъекта:

1. Субъект состояния, который выражается такими формами, как: а) И. падеж при глаголах или прилагательных, которые обозначают состояние: *Я на загнеточке сижу*, / *Кашки жду* [6, с. 28]; *Что не белая берёзонька / К земле клонится*<sup>1</sup>; / *Не шелкова травонька / Под ней расстиляется*<sup>2</sup> [6, с. 47]; *И кто у нас не женат, не женат?* [6, с. 157]; б) предлог у + Р. падеж при метафорических, фразеологически связанных способах выражения состояния: *У меня, молодой-младеньки, ой, сердце радо* [6, с. 171]; в) Д. падеж при безличных глаголах, инфинитивах, предикативных наречиях: *Не спалося красной девице* [6, с. 220]; *Там мне страшно показалось* [6, с. 220]; *Мне ночью, молодёшеньке, / Мне ночью мало спалося*<sup>1</sup>, / *Мне во сне много выделось*<sup>2</sup> [6, с. 220]; *Ей теплешенько, / Горячешенько* [6, с. 29].

2. Субъект изменения состояния, который по своей семантике приближается к субъекту состояния. Такой субъект представлен существительным (местоимением) в И. падеже при статуальных глаголах в предикате или в косвенном падеже при фразеологически связанных сочетаниях: *Мы поплачем-повоем* [6, с. 67]; *Я проснулась, испугалась* [6, с. 220]; *А мне будет перемена* [6, с. 158]; *У меня, у красной девушки, / Тоски-горя прибудет* [6, с. 209]; *У меня совьётся тоска неугасимая* [6, с. 351].

3. Субъект действия, который, как правило, реализуется в форме И. падежа: *Она лапти плетёт* [6, с. 67]; *Тёща для зятя пирог пекла* [6, с. 36]; *Красны девушки, Красны девушки / Венок плетут* [6, с. 47].

4. Субъект – носитель признака (квалитативный), который представлен существительным (местоимением) в И. падеже при предикатах, выраженных именными формами прилагательного значения: *Он не беден, не богат* [6, с. 67]; *Как и зрива-то гребёнкой*<sup>1</sup>, / *А и хвост-то дугой*<sup>2</sup> [6, с. 15]; *Как от сыра гора крута*<sup>1</sup>, / *Гора крута, лёли*<sup>2</sup>, *гора крута*<sup>3</sup> [6, с. 33]; *Хвостики у них востренькие* [6, с. 53].

5. Субъект владения (посессивный), который реализуется в предложно-падежной форме ‘у + Р. падеж’ при именительном посессивном объекте (с глаголом ‘есть’ и без него): *У хозяйина в дому / Велись бы ребятки, / Велись бы телятки, / Велись бы ягнятки, / Велись бы жеребятки, / Велись бы поросятки, / Велись бы козятки, / Велись бы цыплятки, / Велись бы утятки!* [6, с. 12].

6. Субъект наличия / отсутствия (экзистенциальный), который выражается существительным (местоимением) в следующих формах: а) И. падеж при экзистенциальных глаголах (есть, имеется, существует, присутствует, отсутствует): *Стоят санки у лисенки* [6, с. 29]; *Возле речки, возле мосту, / Возле речки, возле мосту трава росла* [6, с. 155]; *Как у*

наших у ворот / Стоит озеро воды [6, с. 163]; б) Р. падеж при отрицательных формах экзистенциальных глаголов и слове 'нет': *Да нету в камени-то ядра* [6, с. 178]; *Ни роду нет, ни племени / В чужой мне стороне* [6, с. 493].

7. Субъект функционирующий (функциональный), который представлен существительным в И. падеже при глагольных предикатах, обозначающих функционирование или способность к функционированию предмета: *Сады расцветают<sup>1</sup>, / Пташки распевают<sup>2</sup>* [6, с. 238]; *Летит сокол / Из улицы, / Слава!* [6, с. 24]; *Каркала ворона / Во всю голову* [6, с. 30 – 31].

8. Субъект восприятия (перцептивный), который выражается существительным (местоимением) в И. падеже при глаголах восприятия в предикате: *Выйду я на горку, / Гляну я под зорьку, Ай люли, я под зорьку* [6, с. 34]; *Я не слушаю тебя!* [6, с. 96]; *А я тебя, миленький, не узнала* [6, с. 98].

9. Субъект эмоциональных отношений (эмоциональный), который представлен существительным (местоимением) в И. падеже при глаголах отношений: *Меня красна девица невзлюбила* [6, с. 98]; *Я любить-то не люблю, / Отказаться не хочу* [6, с. 99]; *Он не хочет со мной, бедною, проститься* [6, с. 155].

10. Субъект речевого акта, который представлен существительным (местоимением) в И. падеже при глаголах речи: *Кому же мы спели<sup>1</sup>, / Тому добро<sup>2</sup>, / Кому вынется<sup>3</sup>, / Тому сбудется<sup>4</sup>* [6, с. 29]; *А нас мамочки домой кличут, / Домой кличут, лёли, домой кличут* [6, с. 33]; *С красной девицей / Молодеи разговаривает* [6, с. 48].

11. Субъект мыслительной деятельности, который выражается существительным (местоимением) в И. падеже при глаголах мышления в предикате: *А я подумую, да красна девица, / Подумую да раздумаюсь* [6, с. 195]; *Кабы знала я, ведала* [6, с. 277]; *Я умом-разумом, горюша, посмекаюся* [6, с. 356].

12. Субъект движения, который представлен существительным (местоимением) в И. падеже при глаголах движения в предикате: *Отец пошёл за рыбою<sup>1</sup>, / А матушка дрова рубить<sup>2</sup>, / А бабушка уху варить<sup>3</sup>* [6, с. 67]; *Овсей, Овсей / Шёл по дорожке* [6, с. 12]; *Мы ходили<sup>1</sup>, мы блудили / По святым вечерам<sup>2</sup>* [6, с. 14].

13. Субъект авторизирующей оценки, который представлен существительным (местоимением) в Д. падеже при характеристике, оценке определённых явлений, событий, вещей: *Нам холодная зима / Надоскучила* [6, с. 40]; *Не тяжела мне твоя сбруя ратная* [6, с. 398].

14. Субъект классификации (квалификационный). У В. В. Леонтьевой такой тип субъекта носит название субъекта тождества [4]. Такой субъект представлен существительным (местоимением) при именном предикате (без связки, со связкой), обозначающим класс предметов: *У Ивана жена –*

*небылица* [6, с. 35]; *А Масленица – семь денёчков* [6, с. 36]; *Как и первый узорец – / Светел месяц<sup>1</sup>, / Как другой-то узорец – / Красно солнце<sup>2</sup>, / Как и третий-то узорец – / Часты звёзды<sup>3</sup>* [6, с. 48].

15. Субъект сравнения, который реализуется в форме И. падежа при компаративе в предикате: *А тая редьчинка горче хрену* [6, с. 36].

Таким образом, семантико-синтаксическая структура предложения реализует план связи предложения с действительностью и одновременно конкретизирует план связи с мышлением, выражая не вообще субъект и предикат мысли, а его содержательно-формальные разновидности. В структуре предложений, представленных в русских народных песнях, семантический субъект наиболее часто реализуется в значении состояния, изменения состояния, носителя признака, действия, речевого акта. Перечень основных типов субъектных синтаксем подтверждает возможность выделить в разнообразных моделях предложений субъектный компонент как один из двух реально организующих модель предложения; прямую зависимость конструктивной роли субъекта от субъектной роли его референта во внеязыковой действительности; фиксированность грамматической формы субъекта с указанным типовым значением при условиях указанных синтаксических моделей.

#### Список использованных источников

1. **Бондарко, А. В.** Интерпретационные аспекты семантики субъекта (на материале русского языка) / А. В. Бондарко. – Текст : непосредственный // Съюставительно езикознание. – 1990. – № 4 – 5. – С. 117 – 121.
2. **Воронина, Д. Д.** Типы агенса и значения определённости, неопределённости и обобщённости / Д. Д. Воронина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1975. – №4. – С. 74 – 82.
3. **Золотова, Г. А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Москва : Наука, 1982. – 368с. – Текст : непосредственный.
4. **Леонтьева, В. В.** Семантический субъект и особенности его функционирования в тексте / В. В. Леонтьева. – Минск, 1999. – 20 с. – Текст : непосредственный.
5. **Михневич, А. Е.** Проблемы семантико-синтаксического исследования белорусского языка / А. Е. Михневич : Автореф. дис... доктора филологических наук: 10. 02. 01. – Минск, 1976. – 44 с. – Текст : непосредственный.
6. Русские народные песни / Сост. и вводн. тексты В. В. Варгановой. – Москва : Правда, 1988. – 576 с. – Текст : непосредственный.
7. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определённость / неопределённость / А. В. Бондарко, В. Гладров, И. Б. Доменина и др. ; РАН, Ин-т лингвистических исследований; Редколлегия: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – 304 с. – Текст : непосредственный.

**Трошина Наталья Викторовна,  
Тыранова Софья Валерьевна**

ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: Natalya\_troshina@mail.ru, sofya-tyranova@mail.ru

УДК 81

## **ЭКЗОТИЗМЫ В РАССКАЗЕ Ф. Ф. ТЮТЧЕВА "НА ЛИНИИ ВЕЧНЫХ СНЕГОВ"**

*Natalia V. Troshina,  
Sofya V. Tyranova*

*Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky*

## **EXOTICISM IN THE STORY OF F. F. TYUTCHEV "ON THE LINE OF ETERNAL SNOW"**

*В статье представлено описание экзотизмов, репрезентирующих быт курдов в рассказе Ф. Ф. Тютчева "На линии вечных снегов". Охарактеризованы лексико-семантические группы экзотизмов, обоснована значимость изучения экзотической лексики в бытописательных рассказах. Отмечена специфика представления Ф. Ф. Тютчевым экзотизмов через систему авторских комментариев.*

*The article describes the exoticism that represents the life of the Kurds in the story of F. F. Tyutchev "On the line of eternal snow". Lexico-semantic groups of exotisms are characterized, and the importance of studying exotic vocabulary in everyday life stories is justified. The specificity of F. F. Tyutchev's representation of exoticism through the system of author's comments is noted.*

*Ключевые слова: лексика, экзотизм, Ф. Ф. Тютчев, "На линии вечных снегов", авторский комментарий*

*Keywords: vocabulary, exoticism, F. F. Tyutchev, "On the line of eternal snows", author's commentary*

Язык художественной литературы имеет свои особенности. Одна из них заключается в том, что языковые средства могут использоваться автором для моделирования особой речевой среды. К таким средствам может быть отнесена лексика просторечная, диалектная, устаревшая, экзотическая и т. д. ; всё это богатство лексической системы русского языка применяется в художественных произведениях с целью наиболее полной реализации идейного замысла.

Цель нашей работы заключается в описании экзотизмов (их семантики, стилистической роли, специфики представления лексики в системе авторских комментариев), использованных для создания местного колорита в рассказе военного бытописателя Фёдора Фёдоровича Тютчева "На линии вечных снегов".

Под *экзотизмами* (от греч. *exotikos* – "чуждый, иноземный") понимаются "употребляющиеся в русском языке иноязычные слова, называющие явления жизни (быта, культуры и т. п.) других народов" [4, с. 47].

Рассматривая существенные признаки, которые характеризуют экзотизм, исследователи отмечают: 1) привязанность к языку "экзотической страны"; 2) формальное освоение; 3) семантическую "недоосвоенность"; 4) отсутствие равных по значению слов в принимающем языке; 5) ограниченность сферы употребления; 6) принадлежность к определенному системному ряду: "не может быть какого-то одного экзотизма вне системы; их несколько или даже много, причем каждый осознается как единица этой системы" [2, с. 4].

Особого внимания при анализе языка художественной литературы заслуживают *тюркизмы* ("восточные экзотизмы") – заимствования, составляющие объёмный пласт лексики русского языка. Язык многих художественных произведений, место действия которых отнесено на Восток, содержит тюркизмы. Колорит, самобытность и неповторимость Востока на протяжении многих веков привлекает писателей и поэтов, а использование экзотической лексики позволяет максимально передать местный колорит.

Проникновение в русский язык слов тюркского происхождения связано с некоторыми экстралингвистическими факторами: развитием торговых связей, взаимным культурным влиянием, военным взаимодействием. Тесные связи русского народа с тюркскими, несомненно, отразились в языковой системе нашего языка.

Одним из авторов, отразивших быт тюркских народов в своих произведениях, является Фёдор Фёдорович Тютчев, сын известного русского поэта Ф. И. Тютчева, русский офицер. В литературных кругах он был известен как военный писатель и журналист. Его современники отмечали "безупречный русский язык, беспретенциозность, красоту, пластичность изображения и редкую простоту замысла, рассказа ... " [6]. Военная деятельность Ф. Ф. Тютчева была сопряжена со службой в Закавказье, с созданием пограничной стражи в Западной Грузии, на границах с Турцией и Ираном. Будучи внимательным к любым мелочам, он изучал быт, обычаи и даже языки местных жителей. Всё это давало ему новые материалы для будущих произведений. Одним из таких рассказов, проникнутых мотивом бытописания и восточным колоритом, является рассказ "На линии вечных снегов", написанный в "кавказский" период в творчестве Ф. Ф. Тютчева. Произведение привлекает множеством деталей, отражающих мельчайшие подробности быта народностей Кавказа (в частности, курдов), их обычаев, национальных черт.

Экзотизмы, использованные в произведении "На линии вечных снегов", представлены несколькими лексико-семантическими группами (ЛСГ).

ЛСГ "Головные уборы" включает в себя лексемы *папаха*, *башлык*, *чалма*.

*Башлык* – "суконный теплый головной убор в виде широкого капюшона с длинными концами" [3, т. 1, с. 66]. *Папаха* – "высокая меховая шапка" [3, т. 3, с. 18]. Данный вид головного убора, традиционного для горских народов Кавказа, некоторых народов Средней Азии и казаков России, был атрибутом одежды не только местных жителей, но и служивших на пограничных постах русских солдат: "Впереди всех – солдат пограничной стражи в **папахе**, полушубке, валенках, с головой закутанный в **башлык**..." [5, с. 357].

Лексема *чалма* имеет следующее значение: *чалма* – "длинный кусок материи, обернутый несколько раз вокруг головы и служащий у мусульман мужским головным убором" [3, т. 4, с. 652]. Непривычный для славян головной убор поражает причудливостью формы, оригинальностью исполнения, что отмечает автор: "*На головах у них были надвинуты огромные чалмы из искусно перевитых, шелковых пестрых платков, с напущенной на лоб и глаза бахромой*" [5, с. 372].

ЛСГ "Предметы быта" включает лексемы *турсук*, *хурджины*, *кизяк*.

Внимание к деталям быта у Ф. Ф. Тютчева обусловлено тем, что он был не сторонним наблюдателем, а участником процессов, событий, о которых пишет. Его бытописание – результат непосредственного восприятия явлений, оперирования предметами. Поэтому иногда он стремится не просто дать номинацию, а описать значение слова. В этом плане ценны ссылки, замечания, которые делает автор. Так, в тексте рассказа встречается слово *турсук*: "*Курды, сударыня, зимой раз в день доят, по утрам только и сейчас же в турсуки сливают, чтобы, значит, квасить его*" [5, с. 363]. Словарная дефиниция лексемы дает представление об этом предмете: *Турсук* – "кожаный мешок для кумыса" [3, т. 4, 428]. Сам автор предлагает читателю развёрнутое описание, отражающее специфику использования предмета: "... *турсук* – кожаные мешки, в которые сливается молоко, причем баранье смешивается с коровьим. В этих мешках молоко бродит, и получается *котых*, так как мешки эти никогда не прополаскиваются, то и котых получается особенный, нестерпимый запах плесени и гнили; он отвратителен, хотя, будучи приготовлен чисто, в хорошей посуде, по вкусу не уступает нашей простокваше" [5, с. 362]. В описательный фрагмент включен еще один экзотизм – *котых*, при этом сам Тютчев указывает на то, что этот напиток не свойствен русскому быту, это подчеркивается использованием местоимения "нашей", включенного в потенциальную оппозицию "свой" ("наш") / "чужой".

Авторские комментарии сопровождают и слова *хурджина*, *кизяк* (*кисяк*): "*Вот, – и, говоря так, он вытащил из лежавших его ног хурджин бутылку водки "Сараджева"...*" [5, с. 363];

" – Отчего такой запах? – спросила она стоявшего перед ней солдата; тот покрутил носом, но промолчал, недоумевая, о каком запахе спрашивает барыня.

– От кисьяка-с – отозвался вахмистр... " [5, с. 362].

Тютчев поясняет, что *хурджины* – это "ковровые переметные сумки" [5, с. 363], а *кисьяк* – "бараний и коровий помет, употребляемый, после особо приготовления, в топливо" [5, с. 362].

Примечательно, что авторские пояснения в ряде случаев позволяют уточнить оттенки значения, которые имеет слово, что, несомненно, важно для понимания текста читателем. Так, входящая в ЛСГ "Праздники" лексема *бешкеш* в "Словаре тюркизмов в русском языке" Е. Н. Шиповой отмечена в значении "взятка, подношение" [7, с. 79]. Но в авторской интерпретации, которая отражает специфику употребления лексемы в речи курдов, *бешкеш* представляется как "подарок" [5, с. 372]: "*Вот, барыня, тебе от нас бешкеш, на новом месте пусть от этих барашков пойдет тебе богатство*" [5, с. 372]. Контекст и авторская сноска репрезентируют мелиоративную оценочность лексемы.

ЛСГ "Праздники" представлена также лексемой *тамаша*: "Когда царь корон надевал, мой давно старшин, нас тогда старшин много биль Москов, большой **тамаша** биль, очень большой" [5, с. 373]. Автор дает пояснение лексеме: это "праздник торжества" [5, с. 372].

Без чтения авторских комментариев, усиливающих изобразительно-выразительный потенциал экзотического слова, читатель-современник Ф. Ф. Тютчева, как правило, далекий от быта и обрядов кавказских народов, лишился бы существенной части содержательного богатства рассказа. И для читателя XXI века, имеющего в своем распоряжении массив лексикографических данных, поясняющие примечания автора оказываются ценными в случае омонимии, многозначности слов. Так, лексема *катер*, представляющая ЛСГ "Животные", требует пояснения с точки зрения семантики для адекватного восприятия современным читателем текста: "За солдатом, на светло-сером **катере**..." [5, с. 357]. Ф. Ф. Тютчев в сноске отмечает: *катер* – "мул" [5, с. 357]. То же значение отмечено в "Толковом словаре живого великорусского языка" В. И. Даля: *катер* – "кавк. ослик, лошак, помесь от осла и кобылы. Мул, от жеребца и ослицы, но ученые наши путают эти названия" [1, с. 98].

ЛСГ "Наименования человека" репрезентируется лексемой **султан**: "Как белы и чисты эти барашки, так чисты и белы наши мысли и чувства перед тобой и перед **султаном**, твоим мужем" [5, с. 372]. Примечательно, что спектр значений, представленных в толковых словарях ("титул верховного правителя в некоторых мусульманских странах, а также лицо, носящее этот титул", "украшение в виде стоячего пучка перьев или конских волос на головных уборах, обычно военных, а также украшение такого вида на головах лошадей"; "соцветие многих злаков, метелка из колосков"

[3, т. 4, с. 304]) не соответствует семантике слова в рассказе Ф. Ф. Тютчева. Автор отмечает, что *султаном* называют *офицера* [5, с. 372]. Такой вариант обращения местного населения к чужому человеку свидетельствует об особенном, уважительном отношении к офицерам.

Проведенный анализ позволяет говорить о специфике языка Ф. Ф. Тютчева в исследуемом произведении, которая проявляется в умелом включении экзотической лексики в ткань повествования. Погруженность автора в описываемый жизненный уклад позволила ему с детальной точностью зафиксировать явления, стоящие за номинациями-экзотизмами. А создание системы авторских комментариев, сопровождающих текст рассказа, способствовало усилению информативной составляющей рассказа "На линии вечных снегов".

### Список использованных источников

1. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. И – О / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, Медиа, 2006. – 779 с. – Текст : непосредственный.
2. **Зюрина, Т. П.** Экзотизмы и их использование в русской литературной речи: (Конец XVIII – первая треть XIX века) : автореферат дис... . кандидата филологических наук / Тамара Павловна Зюрина; 10. 02. 01. – Москва, 1995. – 15 с. – URL:[https://viewer.rusneb.ru/ru/000199\\_000009\\_000138274?page=2&rotate=0&theme=white](https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_000138274?page=2&rotate=0&theme=white) (дата обращения: 03.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Русский язык, 1985 – 1988, Т. 1 – 4. – Текст : непосредственный.
4. Современный русский язык : словарь-справочник : пособие для учителя / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант; под ред. П. А. Леканта. – 2-е изд. – Москва : Просвещение, 2005. – 303 с. – ISBN 5-09-014232-7. – Текст : непосредственный.
5. **Тютчев, Ф. Ф.** Кто прав? Роман, повести, рассказы / Автор вступ. статьи и коммент. Г. В. Чагин. – Москва : Современник, 1985. – 512 с. – Текст : непосредственный.
6. **Чагин, Г.** Русский военный бытописатель Федор Федорович Тютчев / Г. Чагин, С. Москаленко // Мир приключений. – Москва : Правда, 1990. – URL: [http://www.azlib.ru/t/tjutchew\\_f\\_f/text\\_0010.shtml](http://www.azlib.ru/t/tjutchew_f_f/text_0010.shtml) (дата обращения: 05.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
7. **Шипова, Е. Н.** Словарь тюркизмов в русском языке / ответ. ред. : А. Н. Кононов / Е. Н. Шипова. – Алма-Ата : Наука, 1976. – 444 с. – URL: [https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Шипова\\_Словарь%20Тюркизмов%20в%20русском%20языке%201976.pdf](https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Шипова_Словарь%20Тюркизмов%20в%20русском%20языке%201976.pdf) (дата обращения: 07.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

*Трощинская-Стенушина Татьяна Евгеньевна*

*Витебский государственный институт развития образования  
e-mail: [stepushyna@gmail.com](mailto:stepushyna@gmail.com)*

УДК 821. 161. 1'42

**"ПОСЛЕДНИЙ ЯЗЫЧНИК":  
ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА АВТОРА  
В ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ НАУМА КОРЖАВИНА**

*Tatyana E. Troshchynskaya-Stepushyna  
Vitebsk State Institute of Education Development*

**"THE LAST PAGAN": IMPLEMENTATION OF THE AUTHOR'S  
IMAGE IN THE PHILOSOPHICAL LYRICS OF NAUM KORZHAVIN**

*Статья посвящена исследованию образа автора в философской лирике Наума Коржавина – одного из ярких представителей русской литературы второй половины XX столетия, самобытного поэта, публициста, переводчика. Обосновывается гипотеза, что воплощение образа автора в философской лирике Н. Коржавина связано с многоплановой проблематикой его стихотворений и представляет собой дихотомию "я" – мир. Доказывается, что специфика воплощения образа автора в философской лирике поэта заключается в том, что он почти сливается с лирическим героем. Анализ вариантов авторского сознания в философской лирике Н. Коржавина выявил ее тематическое ядро (тема поиска смысла жизни, тема поэта и поэзии, любви к родине) и лейтмотивную систему образов (образ родины, образ врага).*

*Ключевые слова: автор, образ автора, философская лирика*

*The article is devoted to the study of the image of the author in the philosophical lyrics of Naum Korzhavin is one of the brightest representatives of Russian literature of the second half of the XX century, an original poet, publicist, translator. The hypothesis substantiated that the embodiment of the author's image in the philosophical lyrics of N. Korzhavin is connecting with the multifaceted problems of his poems and is a dichotomy of "I" – the world. The specificity of the embodiment of the author's image in the poet's philosophical lyrics lies in the fact that he almost merges with the lyrical hero. An analysis of the variants of the author's consciousness in N. Korzhavin's philosophical lyrics revealed its thematic core (the theme of finding the meaning of life, the theme of poet and poetry, love for the motherland) and the leitmotif system of images (the image of the motherland, the image of the enemy).*

*Key words: author, author's image, philosophical lyrics*

Проблема интерпретации образа автора стала привлекать к себе внимание ученых еще в середине XIX столетия. Например, в 1859 г. академик А. Н. Веселовский утверждал, что "человек и художник живут отдельно в пределах одного сознания", хотя в час творчества "художник все же рабо-

тает на человека" и "создает из заготовленных им материалов" [3, с. 384]. Мнение ученого соответствовало общим положениям литературной критики того времени, считавшей более важным то, что автор *уже* сказал в произведении, чем то, что он *хотел* сказать. В статье "Взгляд на русскую литературу 1847 года" В. Г. Белинский писал: "Может ли человек не отразиться в своем произведении как человек, как характер, как натура, – словом, как личность? Разумеется, нет, потому что и самая способность изображать явления действительности без всякого отношения к самому себе – есть опять-таки выражение натуры поэта" [2, с. 56]. Однако в целом проблема проявления в произведении личности писателя в критике тех лет не рассматривалась.

Роли личностного начала в литературном художественном творчестве посвящены научные исследования многих русских критиков и мыслителей первой половины XX вв. (Н. С. Гумилев, Л. В. Щерба, Б. М. Эйхенбаум и др.). В частности, Б. М. Эйхенбаум, первым серьезно занявшийся изучением выражения личного в поэзии, пишет в статье об А. Ахматовой: "В образе ахматовской героини резко ощущаются автобиографические черты. Но читатели не видят, что эти автобиографические намеки, попадая в поэзию, перестают быть личными и тем дальше отстоят от реальной душевной жизни, чем ближе ее касаются. Придать стихотворениям конкретно-биографический и сюжетный характер – это художественный прием. Лицо поэта в поэзии – маска. Чем меньше на ней грима – тем резче ощущение контраста" [12, с. 438].

Важнейшее значение в научной разработке вопроса об авторе имеют работы В. В. Виноградова и М. М. Бахтина. В научном творчестве В. В. Виноградова категория "образ автора" была одной из главных. Еще в 1927 г. Виноградов писал: "Я поглощен мыслями об образе писателя. Он сквозит в художественном произведении всегда. В ткани слов, в приемах изображения ощущается его лик. Это – не лицо "реального", житейского Толстого, Достоевского, Гоголя. Это своеобразный "актерский" лик писателя..." [4, с. 118]. Рассматривая "образ автора" в историко-литературном контексте, ученый искал некую совокупность компонентов, формирующих его: "Образ автора – это не простой субъект речи, чаще всего он даже не назван в структуре художественного произведения. Это – *концентрированное воплощение сути произведения*, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием целого" [4, с. 118].

М. М. Бахтин же считал, что автор отражает в произведении окружающий мир и свои впечатления о нем, но себя в этом мире он отразить не может ни при каких условиях. Из этого он заключает следующее: для того, чтобы отобразить себя, писатель должен встать в позицию *внеаходимости* по отношению к себе изображаемому, то есть он должен увидеть себя

как *другого*. Эта сложная абстрагирующая операция требует специфических литературных приемов, но в конечном итоге "я" как "другой", несомненно, будет отличаться от "я" подлинного [1, с. 112]. Таким образом, в теоретических воззрениях М. М. Бахтина мы видим подход к осмыслению проблемы автора через призму собственно художественного воплощения личностного начала в литературном произведении.

В 60-е гг. XX в. проблема образа автора рассматривалась в работах Л. Я. Гинзбург, где главным стал вопрос о соотношении категорий "авторская личность" и "лирический герой", а также "личность поэта" и "образ автора".

Особый этап в разрешении проблемы автора открывают работы Б. О. Кормана, опирающегося на труды В. В. Виноградова. В монографии "Изучение текста художественного произведения" ученый приводит следующие значения слова "автор": 1) обозначение писателя, реально существующего человека; 2) обозначение некоего взгляда на действительность, выражением которого является все произведение; 3) автор-повествователь в эпико-повествовательных произведениях; в лирике – особая форма выражения авторского сознания, отличная от лирического героя [10, с. 8].

Сегодня литературоведы принципиально разграничивают автора как личность реальную, биографическую и автора, отраженного в произведении, а в современном литературоведении прочно утвердилось мнение об образе автора как интегрирующей категории художественного произведения, которая "пронизывает" его структуру и определяет взаимодействие всех его элементов.

Данная статья посвящена исследованию воплощения образа автора в философской лирике Наума Коржавина – одного из ярких представителей русской литературы второй половины XX столетия, самобытного поэта, публициста, переводчика. Достоинно пройдя через множество испытаний – арест, допросы, ссылку, – Коржавин олицетворяет собой целую историческую эпоху. Режиссер документального фильма "Портреты эпохи. Наум Коржавин" Г. Катаев сказал: "Имя Коржавина стало синонимом бескомпромиссности в жизни и литературе. Он жил в труднейшую, страшную эпоху... Фигура Коржавина – увеличительное стекло, через которое эта эпоха становится видна более крупно, и время можно разглядеть в деталях" [6]. Неслучайно С. Рассадин писал, что "Коржавин был поэтом отчаянного вызова, противостояния, поэтом борьбы (которую я осмелюсь доморощено определить как героическую форму несвободы). Был поэтом независимости, которую отвоевывал и возвысил до уровня "высшей верности". В этом смысле Коржавин – поэт трагический" [8, с. 7].

А. И. Солженицын считал, что у стихов Коржавина при "не всегда безупречной форме всегда напряжённое содержание – политическое, историческое, философское", которое само по себе достигает высоты, потому что "честно, умно, ответственно, и всё просвечено душевным теплом, сер-

дечной чистотой автора, всё льётся от добрейшего сердца" [9]. Юлий Ким говорил: "Коржавин – один из самых честных и самых добродушных людей на свете" [9]. При этом Наум Коржавин был не только добрым и отзывчивым человеком – он обладал незаурядным интеллектом, широчайшей эрудицией, прекрасной памятью; среди его друзей были не только поэты, но и ученые, режиссеры, композиторы. Русский поэт Л. В. Лосев, описывая Эмку (как звали Наума друзья), прежде всего говорит о его уникальных мыслительных способностях: "Я ... любил слушать его, когда было время. Дивился его сильной памяти и уму. Если бы я хоть что-то понимал в шахматах, я бы сказал, что ум у него алексинский – многоходовый и неожиданный" [11].

Внутренний мир поэта такого таланта, эрудиции, душевных качеств не мог не отразиться в его философских стихотворениях – поэтических размышлениях, затрагивающих вечные вопросы бытия и подводящих к идее-обобщению: "Вступление в поэму" (1952), "Последний язычник" (1955), "По ком звонит колокол" (1958), "В трудную минуту (1950)", "Все это чушь – в себе сомненье" (1950), "Апокалипсис" (1968), "От созидательных идей" (1969), "К себе, к себе – каким я был и стал" (1970), "Злоба дня" (1971) и др.

Для более детального рассмотрения мы выбрали поэму "По ком звонит колокол", написанную в 1958 г. и вошедшую в сборник Тарусские страницы" (1961). Название поэмы является отсылкой к одноименному роману Э. Хемингуэя и является своеобразным посвящением писателю. Данное произведение было выбрано нами, так как в нем интересно образ автора представлен в разных формах, и нам показалось интересным проследить метаморфозы его воплощения.

В первых двух строфах рассказ ведется от 1-го лица с использованием местоимения единственного числа, как в большинстве произведений автора. Это создает у читателя ощущение сопричастности, близости к внутреннему миру лирического героя, его переживаниям:

*Когда устаю, – начинаю жалеть я  
О том, что рожден и живу в лихолетье,  
Что годы растрочены на постиженье  
Того, что должно быть понятно с рожденья* [8, с. 483].

В третьей строфе автор переходит к обобщению, идентифицируя себя с целым поколением, и вместо "я" появляется местоимение "мы":

*Не слух и не зрение - с самого детства  
**Нам** вера, как знанье, досталась в наследство...  
Высокая вера в иные начала. . .*

***Мы** знали: до нас так мечтали другие,  
Но всё **нам** казалось, что **мы** – не такие,  
Что **мы** не подвластны ни року, ни быту,  
Что тайные карты нам веком открыты* [8, с. 483].

В четвертой строфе лирический герой вначале дистанцируется от читателя, на себя и жизнь своего поколения как бы со стороны, т. е. превращаясь в из лирического героя в лирического повествователя. Средством языковой репрезентации авторского "я" здесь служит личный глагол 3-го лица прошедшего времени:

*Когда-нибудь вспомнят без всякой печали  
О людях, которые меры не знали* [8, с. 483].

Причем мы видим, что и глубина мысли, и образность рождаются благодаря грамматическим средствам: с помощью противопоставления категории лица и времени глаголов: "обезличенный" глагол настоящего времени "вспомнят" с ореолом отвлеченности, зыбкости (вспомнят ли?) сталкивается с жестким, конкретным личным глаголом прошедшего времени "не знали", употребленным в составе фразеологического оборота. Так в двух строчках мы видим противопоставление внутреннего "я" целого поколения поколению потомков. Но все же автор, ощущая себя частью эпохи, не теряет надежды, что его и его соратников все же не забудут потомки.

Далее, в этой же строфе автор "возвращает" лирического героя, и местоимения единственного и множественного числа появляются попеременно, иногда в рамках одной строфы. Таким образом, в поэме "По колу звонит колокол" авторское сознание выступает в нескольких разных формах: лирического повествователя, лирического героя, а также "я" самого поэта и "я" Другого (по М. М. Бахтину), вернее, Других – его единомышленников, поэтов-шестидесятников. Неоднократное употребление местоимения 1-го лица множественного числа в роли подлежащего имеет здесь особый смысл – подчеркнуть единение, неразрывную общность духовных соратников, людей одного поколения, которые, несмотря ни на что служат одной общей цели – остановить Зло на земле:

*Но мы – существуем!  
Но мы – существуем!  
Подчас подышаем, подчас торжествуем.  
Мы – опыт столетий, их горечь, их гуца.  
И нас не растопчешь – мы жизни присущи.  
Мы брошены в годы, как вечная сила,  
Чтоб Злу на планете препятствие было!  
Препятствие в том нетерпенье и страсти,  
В той тяге к добру, что приводит к несчастью.  
Нас все обмануло: и средства и цели,  
Но правда все то, что мы сердцем хотели* [8, с. 486].

По стихам, воспоминаниям, публицистике Н. Коржавина можно проследить эволюцию авторского "я" поэта. Резко отрицательное отношение к советской действительности обнаруживается уже в юношеских стихах Коржавина. Поэт пишет о терроре 1937 г., о перерождении партийных чиновников, об их лицемерии и бездушии. Неудивительно, что спустя много

лет, в 2005 г. Наум Коржавин снялся в документальном фильме, посвящённом эмигрантам из СССР под названием "Они выбирали свободу" (RTVi). Свои политические убеждения Коржавин определял так: "... По происхождению я – еврей. По самоощущению – русский патриот. По взглядам – либерал и государственный. Сторонник, по выражению русско-го философа XX века Федотова, "империи и свободы" [5].

Жизненное кредо автора сформулировано в стихотворении "Последний язычник (письмо из VI века в XX)" (1955). Стихотворение, в котором говорится о прошлом, в действительности обращено в будущее. Кто он такой, "последний язычник" Коржавина? Думается, это человек, который не шел на уступки ни новым веяниям, ни давлению людей и обстоятельств – человек, неподвластный, кажется, даже инстинкту самосохранения, ибо поддаться лжи и конъюнктуре означало бы для него обратное – саморазрушение, а не самосохранение. Он оставался верен себе и своему "язычеству", в то время как многие из его окружения давно переметнулись к победившим "христианам":

*Но подчищены книги. . .  
И вряд ли уже **вам** удастся  
Уяснить, как **мы** гибли,  
притворства и лжи не терпя,  
Чем гордились отцы, как стыдились,  
что есть еще рабство.  
Как мой прадед сенатор  
скрывал христиан у себя... [7, с. 123]*

Автор предсказывает и развал Советского Союза, и возможное крушение существовавшей тогда власти:

***Я** последний язычник  
среди христиан Византии.  
**Я** отнюдь не последний,  
кто видит,  
как гибнут миры [7, с. 124].*

В данном стихотворении повествование ведется от 1-го лица с использованием местоимений то единственного, то множественного числа, снова вступает в диалог с обобщенным читателем (*вряд ли уже **вам** удастся / Уяснить, как **мы** гибли*), выражает свое отношение к теме и проблематике стихотворения.

Особое внимание поэт уделяет теме времени. В одном из интервью он сказал: "Понимаете, нельзя выбросить сталинскую эпоху... Что надо петь гимны по старому – я с этим не согласен. Я не верю ни в какой социализм. Я вообще не верю в конечную цель. Я верю в то, что мы живем сейчас – это ценность. Мы отвечаем за себя. И главная ценность – это сказано не мной – Царство Божие внутри нас. А это ведь не цель, это каждый день надо" [6].

В подтверждение этим словам можно привести строки из известного стихотворения "Вступление в поэму" (1952):

*Время дано – это не подлежит обсуждению.  
Подлежишь обсуждению ты, разместившийся в нем.  
Мы в нем враждовали, дружили, боролись с тоской,  
И все бы мы были другие, чужие, во всякой эпохе другой.  
Есть время одно – это люди, живущие рядом, сейчас.  
Давай к нему бережней будем. Другого не будет у нас [7, с. 42].*

Кажется, что поэт порой излишне жесток к себе, ведь эволюционируя вместе с жизнью, он не может не откликаться на ее "болевы точки" и вызовы, как всегда четко формулируя свое поэтическое и жизненное кредо:

*Чтобы жить и любить,  
быть простым,  
но простым человеком –  
Я иду на тяжёлый, бессмысленный риск –  
И пишу... [7, с. 42]*

Таким образом, воплощение образа автора в философской лирике Н. Коржавина связано с многоплановой проблематикой его стихотворений и представляет собой оппозицию "я" – внешний (часто враждебный) мир. Характерной особенностью речевого воплощения образа автора является попеременное употребление местоимений 1-лица то в единственном, то во множественном числе, что, с одной стороны, манифестирует отдельность (иногда одиночество) лирического героя, с другой – подчеркивает его неразрывную связь со своим поколением единомышленников.

Таким образом, воплощение образа автора в философской лирике Н. Коржавина связано с многоплановой проблематикой его стихотворений и представляет собой оппозицию "я" – внешний (часто враждебный) мир. Характерной особенностью речевого воплощения образа автора является попеременное употребление местоимений 1-лица то в единственном, то во множественном числе, что, с одной стороны, манифестирует отдельность (иногда одиночество) лирического героя, с другой – подчеркивает его неразрывную связь со своим поколением единомышленников. В мотиве причастности к своему поколению проявляется раздвоенность сознания лирического героя: он постоянно ощущает свое одиночество, отъединенность от других и одновременно с этим он чувствует себя "человеком поколения", осознавая трагизм его существования.

Специфика воплощения образа автора в философской лирике поэта заключается в том, что он почти сливается с лирическим героем. Драматически сложное "Я" лирического героя состоит из "чужих Я" и "Я самого поэта": образ автора в стихотворениях Н. Коржавина рождается в результате слияния лирического, эпического и драматического начал, которое реализуется в основном с помощью противопоставления "я" лирического героя окружающему, враждебному для него миру, что обусловлено высо-

кой степени автобиографичности поэзии автора, вынужденного долгие годы противостоять давлению советского режима и цензуры.

Характеристика вариантов авторского сознания в философской лирике Н. Коржавина позволяет говорить о ней как об образовании (корпусе произведений) с довольно устойчивым тематическим комплексом (тема поиска смысла жизни, тема поэта и поэзии, любви к родине) и лейтмотивной системой образов (образ родины, образ врага (власть, диктатура и пр.)).

Поиск себя и своего места в мире, нахождение своего, личного, в предшествующем – мировом – опыте, желание быть (и оставаться) человеком в любых обстоятельствах – это и должно быть, по Н. Коржавину, смыслом жизни каждого человека.

### Список использованных источников

1. **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 444 с. – Текст : непосредственный.
2. **Белинский, В. Г.** Собр. соч. : В 9 т. / В. Г. Белинский. Т. 4. Москва : Художественная литература, 1979. – С. 56. – Текст : непосредственный.
3. **Веселовский, А. Н.** Собр. соч. А. Н. Веселовского / А. Н. Веселовский. Т. 2. Вып. 1. Серия I. Поэтика. – Ленинград, 1913. – 652 с. – Текст : непосредственный.
4. **Виноградов, В. В.** Поэтика русской литературы: Избр. тр. / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1976. – 511 с. – Текст : непосредственный.
5. **Горячева, Ю.** Правдоискатель Наум Коржавин: [сайт]. – 2016. – URL: <https://www.pereмены.ru/blog/19399> (дата обращения: 06.10.2020). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
6. **Катаев, Г.** Наум Коржавин : [сайт]. – 2018. – URL: [http://russia.tv/anons/show/brand\\_id/10637/episode\\_id/98077](http://russia.tv/anons/show/brand_id/10637/episode_id/98077) (дата обращения: 02.09.2020). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
7. **Коржавин, Н.** Время дано : Стихи и поэмы / Н. Коржавин ; послесл. Б. Сарнова. – Москва : Художественная литература, 1992. – 319 с. – Текст : непосредственный.
8. **Коржавин, Н.** На скосе века: Стихи и поэмы / Н. Коржавин ; предисловие С. Рассадина. – Москва : Время, 2008. – 624 с. – Текст : непосредственный.
9. Наум Коржавин. Отзывы: [сайт]. – 2018. – URL: <http://korzhavin.roet-premium.ru/o.html>. (дата обращения: 03.08.2020). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
10. **Корман, Б. О.** Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. – Москва: Просвещение, 1972. – 112 с. – Текст : непосредственный.
11. **Эйдельман, Д.** Наум Коржавин – политический поэт: [сайт]. – 2018. – URL: [https://relevantinfo.co.il/nahum\\_korzhaven/](https://relevantinfo.co.il/nahum_korzhaven/) (дата обращения: 02.11.2020). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

12. **Эйхенбаум, Б. М.** О поэзии / Б. М. Эйхенбаум. – Ленинград : Советский писатель, 1969. – 555 с. – Текст : непосредственный.

*Турилова Мария Валерьевна*

*Храм во имя Святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна,  
г. Калуга, Российская Федерация  
e-mail: mariaturilova@mail.ru*

УДК 070; 271; 811. 161. 1; 821. 161. 1; 908; 94

## **ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ПУБЛИЦИСТИКА КАК ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ О ПАМЯТНИКАХ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ**

*Mariya V. Turilova*

*St John the Holy Prophet, Forerunner, and Baptist of the Lord Church,  
Kaluga, Russia*

### **FICTION, NON-FICTION, AND MEDIA AS SOURCES OF INFORMATION ABOUT MEMORIALS OF MILITARY HISTORY**

*В статье представлен обзор примеров использования филологических средств при введении в культурный и экономический оборот памятников военной истории.*

*The article presents a review of examples of using philological means upon the cultural and economical introduction of objects of military history.*

*Ключевые слова: история, краеведение, пресса, русская литература, Русская Православная Церковь, русский язык*

*Key-words: history, local history, mass media, Russian, Russian literature, Russian Orthodox Church*

В статье представлен обзор примеров использования филологических средств при введении в культурный и экономический оборот памятников военной истории: авторы произведений художественной литературы, документальной прозы и публицистики, периодики и мемората, опираясь на наблюдения, устные свидетельства о событиях, архивные данные, труды историков, других учёных, рассказывают об исторических объектах и вызывают в сердцах читателей живой отклик.

Новые книги, статьи в СМИ, репортажи, телепередачи привлекают внимание к историческим событиям и местам. Содержание художественных и документальных произведений становится основой для музейных экспозиций и экскурсий, в том числе виртуальных, спектаклей и кинофильмов.

1. *Летописные свидетельства и жития.* В Троицком патерике, в разделе "Ученики и сподвижники прп. Сергия, в месяцесловах не означенные" (1896г. ; портал "Азбука веры", azбука. ru), упомянуты герои

Куликовской битвы воины-схимники прпп. Александр Пересвет, "бывший боярин Брянский", и Андрей Ослябя, "бывший боярин Любецкий", родом из древнего Любутска на р. Ока, входившего в XIVв. в Брянское княжество (то же в Большой российской энциклопедии). Память святых празднуется в дни Соборов Радонежских, Московских, Брянских, Тульских святых и 7 / 20 сентября, в день сражения прп. Александра Пересвета с Челубеем накануне Куликовской битвы, произошедшей 8 / 21 сентября, в Рождество Пресвятой Богородицы.

Перед сражением св. блгв. вел. кн. Димитрий Донской дал обет построить монастырь во имя Пресвятой Богородицы, если Господь и Божия Матерь помогут ему. Под руководством прп. Сергия Радонежского "на реке Дубенке" к северо-востоку от Москвы был основан Стромьинский монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Позже обет великого князя могли также связать с пограничным Любутском вблизи р. Дугна, входившим во второй пол. XIV – нач. XVIв. в составе Брянского княжества в мятежное Великое княжество Литовское, и воспринять как завет поставить монастырь-крепость на родине одного из святых воинов, чтобы прекратить междоусобицу, защитить Московское княжество от татар и других врагов.

Сейчас на месте древнего Любутска находится с. Троицкое Ферзиковского района Калужской области, входящее в сельское поселение "посёлок Дугна". В с. Дугнинский завод с кон. XIXв. существовала женская православная община в честь иконы Пресвятой Богородицы "Отрада и Утешение", преобразованная в монастырь в 1913г.

Руководитель отдела по делам молодёжи Калужского епархиального управления, настоятель храма во имя преподобных старцев Оптинских в пос. Дугна, духовник группы православных добровольцев (волонтёров) "ДобрАдел", военно-патриотического центра "Пересвет" иерей Андрей Беловинцев исследует историю обители и храмов Дугны, организует паломнические и образовательные поездки для школьников и взрослых, их участие в программе ВПЦ "Пересвет", включающей прохождение дистанции в верёвочном городке, катание на катамаране, посещение мест расположения войск в Великую Отечественную войну, экскурсию по Дугнинскому механическому заводу, посещение храма во имя прпп. Оптинских старцев.

*2. Летописи, научные и научно-популярные исследования, историко-художественные произведения, очерки, газетные и интернет-публикации.* В сентябре 2010г. в пос. Воротыньск Калужской области и Спасо-Преображенском Воротыньском монастыре в с. Спас прошла посвящённая 530-летию Великого стояния на р. Угре международная конференция, организованная Правительством Калужской области, Калужской митрополией РПЦ МП, КГУ им. К. Э. Циолковского. Доклады историков, археологов, географов, биологов, других специалистов, Спасо-

Преображенский монастырь и Успения Пресвятой Богородицы Калужская Свято-Тихонова пустынь, цветные фотографии украшенных миниатюрами страниц летописи на стенах монастырской трапезной и спектакль в исполнении учеников воскресной школы Спасо-Преображенского монастыря произвели на меня сильное впечатление.

В 2011 г. с несколькими группами школьников мы прочли летописный рассказ "О царе Ахмате как приходил на Угру" Шумиловского тома Лицевого летописного свода XVIв., опубликованный Е. В. Чайкиным [8]. Текст на старорусском языке, выполненный полууставом и проиллюстрированный летописными миниатюрами, сопровождается переводом на русский и английский языки и комментариями. На занятиях использовались также постер о Великом стоянии на реке Угре и карта объектов национального парка "Угра" в Калужской области. Школьники подготовили стенды к завершающей стендовой конференции и рассказали ровесникам об услышанном. Группа из Тульской области, живущая неподалёку от Куликова поля, запланировала летний поход в Калужской области по местам событий 1480 г.



Фото 1. Стенд группы 5 класса



Фото 2. Стенд группы 8 класса

В 2011 – 2014 гг. группы школьников, Калужская региональная общественная историко-краеведческая организация "Добрая воля", Калужское православное молодёжное движение при содействии туристско-информационного центра "Калужский край" совершили пешие походы, побывав в д. Шамордино, с. Воротынский, Спасо-Преображенском монастыре, Свято-Тихоновой пустыни, познакомились с житиями прпп. Тихона Медынского и Калужского и Никифора Калужского, летописным рассказом, историко-краеведческими очерками Д. И. Малинина, Г. М. Морозовой, публикациями на сайте монастыря [spasnaugre.ru](http://spasnaugre.ru), историческими повестями В. Н. Крупина, А. К. Ларина [5] и других.

Успения Пресвятой Богородицы Калужская Свято-Тихонова пустынь основана в последней трети XVв. прп. Тихоном Медынским и Калужским. Подробное описание монастыря представлено в труде архимандрита

Леонида (Кавелина) "Историческое и археологическое описание Тихоновой Калужской пустыни" (М., 1892). В 2011г. во Владимирском скиту построен храм в честь Владимирской иконы Божией Матери и прп. Сергия Радонежского. Открыт музей с диорамой "Великое стояние на реке Угре", выполненной Заслуженным художником Российской Федерации П. В. Рыженко. В 2017г. установлен памятник вел. кн. Иоанну III. Проведено несколько детских литературных конкурсов имени прп. Тихона Медынского и Калужского. Союз военно-исторических клубов "Батальон" ежегодно организует фестиваль "Великое стояние на реке Угре".

Спасо-Преображенский монастырь на р. Угра основан в кон. XVв. в благодарность Богу и Божией Матери за избавление от татар в 1480г., вероятно, прп. Никифором Калужским, учеником прп. Тихона, Медынского и Калужского чудотворца, на средства кн. Дмитрия Феодоровича Воротынского [4; 5]. Входит в Пояс Пресвятой Богородицы. Возрождается с конца XXв. Сейчас это подворье Казанского Девичьего монастыря в Калуге. В 2013г. создано краеведческое общество "Спас". Его участники ведут исследовательскую работу, выступают с докладами на конференциях, публикуют статьи в периодических изданиях и научных сборниках, содействуя реконструкции храмов, других историко-краеведческих объектов. В 2014г. на правом берегу р. Угра у д. Угра поставлен поклонный крест. Памятник русским воинам на левом берегу установлен в 1980г., к 500-летию события. Совместно с ДШИ г. Воротынский монастырь проводит ежегодный фестиваль детского творчества "Угра – Пояс Пресвятой Богородицы". В ноябре 2020г. в Калужском ТЮЗе прошла экспозиция "Великое стояние на реке Угре".

В 1998 – 2001 гг. научный сотрудник национального парка "Угра", археолог, кандидат исторических наук Г. А. Массалитина вела археологические раскопки Воротынского городища на р. Высса близ с. Воротынский. Мы с одноклассниками в них участвовали. В 1998г. в раскопе XIV – XVIвв. был найден крест-мошевик, переданный в областной краеведческий музей. Попадались и светлые кости. Здесь могли быть деревянная церковь, старше нынешнего Свято-Никольского храма, захоронения людей. Сейчас при подъёме на городище установлен информационный стенд, предложено поставить там поклонный крест. Рядом со Спасо-Преображенским монастырём, на окраине д. Городок, есть насыпные валы. В окрестностях, по некоторым свидетельствам, находилось "становище ханских жён". Эти объекты ещё ждут исследователей.

*3. Жития и жизнеописания, труды Русской Православной Церкви. С XIIв. в Карелию, на Кольский п-ов приходят монахи. В XIII – XVвв. на новых северных землях основано более 180 монастырей. С XVIв. русские экспедиции осваивали Русский Север, Сибирь и Дальний Восток, Северную Америку. О многих событиях рассказывают жития святых [2; 3].*

4. *Свидетельства очевидцев: документальные очерки и художественные произведения на их основе, публицистика и меморат.* Осмысление очевидцами событий XIX – XXвв. представлено в документальных очерках "Фрегат "Паллада"" (1855 – 1857) И. А. Гончарова, "Из Сибири" (1890), "Остров Сахалин" (1892 – 1895) А. П. Чехова, "Из рассказов о японской войне" (1905), "На японской войне" (1906 – 1907) В. В. Вересаева. Впечатления о Первой мировой войне, гражданской войне в России К. А. Федин художественно обобщил в романе "Города и годы" (1922 – 1924).

Дневники Императора Всероссийского Николая II (Романова) содержат записи о подготовке войск, участии России в Русско-японской и Первой мировой войнах, военных базах и смотрах полков, судах и военных укреплениях, фортах, госпиталях, военно-санитарных поездах. Из дневника 1914 г. : "31 октября. Пятница. [Ивангород. – М. Т. ] В 9 час. обошел роту Ее Вел. Гвар. Экип. и поблагодарил ее за службу. Поехал с комендантом далеко вперед и объехал позиции германцев. <... > В 2 1 / 2 обошел батальон кап. I р. Мазурова от Балт [ийского] и Черноморского экип. и поехал осматривать левый участок нашей боевой линии, там, где сидели австрийцы и откуда они были выбиты нашим гвар. корпусом. Деревни тоже в печальном положении. Видеть все это было захватывающе – рядом с окопами в поле и в лесу были разбросаны могилы наших героев с крестами и надписями на них. Погода была отличная, солнечная. На возвратном пути заехал на форт №6. Впечатления всего увиденного за оба дня самые сильные и глубокие. Каков комендант, таковы его штаб и весь гарнизон – особенно крепостная артиллерия. В 12 час. уехал из Ивангорода"; "20-го ноября. Четверг... . В 2 часа прибыл в Смоленск. Обычная встреча на станции. Поехал с Бенкендорфом в собор. Шпалерами стояла масса войск – около 36 тыс. чел. Посетил четыре лазарета и видел около 1 тысячи раненых и больных" [6].

Поэт С. А. Есенин выразил впечатления о службе в 1916г. санитаром в полевом Царскосельском военно-санитарном поезде №143 Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Фёдоровны и лазарете №17 вел. кнн. Марии и Анастасии в стихотворении "Младым царевнам" (1916).

В 2020 г. портал "Калуга 24" (kaluga24. tv) при поддержке еженедельной городской газеты "Калужская неделя" поднял тему "Калуга – город на костях", призывая почтить память погибших, установить мемориальные таблички на зданиях. Сообщается, например, что в "доме НКВД" (ул. Дзержинского, №74) велись допросы, в подвале здания в 20 – 30-егг. совершались расстрелы. (Несколько лет назад моя коллега, в прошлом учитель истории и руководитель поискового отряда, называла "расстрельной стеной" ограду соседнего строения №70, где преподавал К. Э. Циолковский, а теперь филиал школы №3.)

Известны концлагерь для военнопленных в Калужском Свято-Лаврентьевом монастыре в 20-е гг. XXв., польские концлагеря для пленных красноармейцев в 1919 – 1922гг., Козельский концлагерь для польских офицеров в Оптиной пустыни в 1939 – 1941гг. [7].

В феврале 2020г. информационный ресурс kaluganews. ru затрагивает ту же тему в отношении "безымянного" еврейского гетто, располагавшегося в Казанском монастыре во время немецкой оккупации Калуги в 1941г. : ученики расположенной поблизости школы-интерната №1 установили самодельную табличку с надписью "Здесь в декабре 1941 года находилось еврейское гетто. Вечная память безвинным жертвам фашизма" и приносили цветы. Однако воспоминания узников гетто, очевидцев событий, имена погибших и выживших опубликованы в 2012г. [1].

Пожилые монахини одного из православных монастырей в Израиле рассказывали об уничтоженной еврейскими солдатами в 1948г. арабской деревне Деир-Ясин. Публикация воспоминаний монахинь, комментарии военных историков позволят установить мемориал на месте гибели людей, открыть экспозицию в музее истории Израиля.

5. *"Книги о героях": документальные и художественные произведения.* "Книги о героях", подобно житиям святых, побуждают читателя подражать персонажам произведений: очерк Е. С. Ступина "Крылатый богатырь" о дважды Герое Советского Союза Б. Ф. Сафонове и подвиге лётчиков аэродрома в Мурманске (Тула, 1975), повесть В. П. Гербачевского "Начальник острова Врангеля" (М., 1982) об экспедиции под руководством Г. А. Ушакова (ср. многотомную "Историю великих путешествий" Ж. Верна (1864 – 1880), задуманную им "для юношества" (М., 1993)). Книга А. В. Кандидова "Исследователь Крайнего Севера, мореплаватель Василий Прончищев" (Калуга, 2008) включает повесть о русском исследователе Арктики XVIIIв., первооткрывателе п-ова Таймыр, и рассказ об экспедиции Д. Шпаро в 1999г. по маршруту Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции, поиске и исследовании могилы Василия и Татьяны Прончищевых на п-ове Таймыр. В с. Богимово Калужской губернии, родовом имении Прончищевых, летом 1891г., после поездки на о. Сахалин, работал А. П. Чехов.

Подвиг защитников города-героя Севастополь в Великую Отечественную войну отражён в сборнике "За родной Севастополь" (автор-составитель П. Е. Гармаш, М., 1975). В крепостях и других исторических объектах Севастополя, Екатеринбурга (Свердловска), Тюмени происходят события многих произведений В. П. Крапивина. Экскурсии по упомянутым в повестях и романах объектам и литературные музеи могли бы привлечь внимание школьников и взрослых к истории России. Будем надеяться, что изучение российской и всемирной истории принесёт добрые плоды.

### Список использованных источников

1. **Добычина, М. А.** Еврейское гетто в Калуге. Ноябрь – декабрь 1941. – Калуга : Гриф, 2012. – 166 с. – Текст : непосредственный.
2. **Ефимов, А. Б.** Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви / А. Б. Ефимов. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2007. – 688с. – Текст : непосредственный.
3. **Климент (Капалин), митрополит Калужский и Боровский.** Православие в Русской Америке: этапы становления. – Калуга : Калужская духовная семинария, 2020. – 252с. – Текст : непосредственный.
4. Книга плаголема "Описание о российских святых": С прибавлением полного списка русских святых / Публ. и доп. М. В. Толстого. Репринт изд. 1888г. – Москва : Изд-во Спасо-Преображенского Валаам. монастыря, 1995. – 314с. – Текст : непосредственный.
5. **Ларин, А. К.** Пояс Богородицы / А. К. Ларин. – Калуга : Манускрипт, 2004. – 192с. – Текст : непосредственный.
6. Николай II (Романов), имп. Дневники императора Николая II. – Москва: Орбита, 1992. – 736с. – Текст : непосредственный.
7. **Соколова, Л. И.** Лагерь польских военнопленных в Оптиной пустыни. Катюнь: мифы и реальность / Л. И. Соколова. – Текст : непосредственный // Оптинский альманах. Введен. ставропиг. муж. мон-рь Оптина Пустынь, 2013. – С. 63 – 69.
8. **Чайкин, Е. В.** Угорщина. Великое стояние на реке Угре / Е. В. Чайкин. – Калуга : Облиздат, 2000. – 120с. – Текст : непосредственный.

**Фомин Степан Сергеевич**

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: [stepfom2001@mail.ru](mailto:stepfom2001@mail.ru)*

УДК 81

### **ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ ЧЁРТ В БЫЛИЧКАХ БРЯНСКОГО КРАЯ**

**Stepan S. Fomin**

*Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky*

### **FUNCTIONING OF THE LEXEME "DEVIL" IN THE BYLICHKI OF THE BRYANSK REGION**

*В статье рассмотрены примеры употребления лексемы чёрт в быличках Брянского края, выделены устойчивые и нестабильные характеристики образа,*

*This article examines the examples of the use of the lexeme "devil" in the bylics of the Bryansk Region, identifies stable and unstable characteristics of its image, on*

на основании которых выделены особенности функционирования этого слова в фольклорном тексте.

Ключевые слова: былички, лексема *чёрт*, Брянский край

the basis of which the features of the functioning of this word in the folklore text are highlighted.

Keywords: *bylichki*, the token "devil", Bryansk region

В современной лингвофольклористике актуальным стало "исследование фольклора как составной части традиционной культуры, при этом язык фольклора рассматривается как воплощение народного миропонимания и мировосприятия, как средство постижения этнической ментальности и традиционно-культурных смыслов" [5, с. 43].

Особый научный интерес представляет исследование фольклорных текстов Брянского края, ведь "Брянский фольклор имеет уникальное значение в развитии культуры России, и обусловлено это географическим положением области: Брянщина граничит с Украиной и Беларусью" [4]. В быличках о чёрте эта специфика проявляется в ярко выраженной ритуальности обрядовых действий, характерной для сюжетов, содержащих советы и указывающих действия, способные отпугнуть нечистую силу [4]. Подобные примеры находим в сборнике под редакцией Глебова В. Д. : *Самое верное средство от чертей, чтобы они в дом не приходили, - это осиновый клинышек* [1, с. 26] // *Ладан в этом деле точно помогает: его нечисть не любит* [1, с. 45].

Лексема *чёрт* выбрана нами для исследования ввиду того, что её узусное значение представлено нечётко ("олицетворенье зла, враг рода человеческого; нечистый, некошный, чёрная сила, сатана, диавол, лукавый, лукашка, шайтан, шут, шиликун, шиш, шишига, отяпа, хохлик" [2, с. 333]), и, несмотря на то, что референтный образ несёт в себе определённые устойчивые, сложившиеся в этносе характерные черты указанной нечисти (рога, хвост, шерстяной покров, способность к перевоплощению), специфика функционирования лексемы в быличках Брянского края многообразна. Образ чёрта многоаспектен, из чего следует неоднородность сопровождающих его языковых средств репрезентации и реализации тех или иных функций слова-номинатора. Скорее всего, это обусловлено тем, что "у восточных славян чёрт (наряду с синонимичными книжными бесом и дьяволом) – родовое понятие, часто включающее всю нечистую силу ("нежить", "нечистиков"): водяных, леших, домовых и т. д." [6, с. 484].

Если проанализировать корпус текстов быличек Брянского края на материале сборника под редакцией Глебова В. Д., то можно выделить несколько типов представления названной выше нечисти носителями фольклорного сознания.

Сопровождающийся христианскими мотивами образ чёрта встречается в рассказе исполнительницы быличек Самусенко Евдокии Фёдоровны (с. Чаусы Погарского р-на; 79 лет, образование – 5 классов); он эксплици-

руется фразой *помощник дьявола*, главная цель которого – *человека от Бога отвести* [1, с. 25]. В другом тексте мы можем наблюдать контекстное противопоставление лексемы *чёрт* слову *Ангел*, что также указывает на христианский контекст функционирования анализируемого слова: *А нашептывает он всегда в левое ухо – у него привычка такая. А справа у человека Ангел: он добру учит* [1, с. 40]. Мотив искушения, который является "одним из типичных для древнерусской агиографии и религиозного искусства в целом" [3, с. 13], наличествует во многих быличках. Он выражается при помощи глагола *смуцать*, который присутствует в большинстве текстов с подобным мотивом, и словами *соблазны*, *уговаривать* в разных формах: *Вот он всякие соблазны да мерзости и придумывает* [1, с. 25] // *Пришёл однажды к нему чёрт и стал его уговаривать, чтоб своровал у соседа телёнка... опять смуцает, уговаривает* [1, с. 30] // *Дьявол, ... ему бы только человека смутить, с правильной дороги сбить* [1, с. 40]. В данной репрезентации лексема *чёрт* имеет отрицательную оценочность ввиду христианского понимания респондентами оппозиции указанной нечисти *Богуи Ангелам*, а также оценки её фольклорными исполнителями как *врага рода человеческого*, того кто сбивает человека с *правильной дороги*, подталкивает его к греху.

Чаще всего в текстах быличек встречается антропоморфный образ чёрта, предстающего в облике человека, или кого-то его напоминающего. Например, фольклорный исполнитель Северюхина Раиса Дмитриевна (п. Доманово Дятьковского р-на; 71 год, образование - 7 классов) характеризует увиденного ей чёрта фразой *маленький и толстенный человек* [1, с. 29]. В некоторых текстах изобличающим нечисть фактором становится её описание как чужака, выражающееся словами, объединёнными гиперсемой "чужой": *Идёт мужик из соседнего села домой... догоняет его другой мужик, незнакомый, не из наших мест* [1, с. 34] // *для верности всё же чужого в дом пускать не надо: а то мало ли до беды-то* [1, с. 38] // *чужой человек, не наш и странный какой-то; в нашей деревне такого никто не видел* [1, с. 41]. В приведенных контекстах денотативная составляющая лексемы *чёрт* репрезентирована посредством описательных конструкций, характеризующих человека, вызывающего подозрение ввиду оценки его местными жителями как *чужого*, *не нашего*, *нечистого*, что дополнительно придаёт слову негативную коннотацию.

В одной из быличек встречается оригинальное представление чёрта в облике *чёрного человека*: *Проходим вдоль речки, там, где большая саженка была, и вдруг видим: под деревцем в холодочке сидит какой-то чёрный человек и играет на гармошке... В деревне потом много разговоров было о чёрте* [1, с. 41]. В данном примере денотативная функция лексемы *чёрт* реализуется по отношению к нечистому существу на основе родовой принадлежности, что свидетельствует о высоком референтном потенциале анализируемого слова. Вопрос о корректности номинации *чёрного челове-*

ка данным субстантивом поднимается и в самом тексте былички: *некоторые считали, что это вовсе не чёрт был, а водяной. А по мне, так это одно и то же* [1, с. 41].

Во многих контекстах чёрт предстаёт в образе животного (*сорока, баран, кот*): *Завелась недалеко от их деревни странная сорока: чёрная-причёрная, как уголь* [1, с. 38] // *стоит на мосту баран. Странно как-то: никакого стада нет, а тут – баран, лоснится весь* [1, с. 40] // *по комнате кот ходит. Никогда такого не видывала: чёрный, весь лоснится и такой огромный – прям страх!* [1, с. 49]. В подобных примерах его особенностью является отличный от обычного зверя внешний вид. Проявляется это в цвете и качестве шерсти или оперения, а также размере, которые эксплицируются с помощью устойчивых прилагательных *чёрный, чёрный-причёрный, огромный* и глагола *лоснится*, который используется относительно к шерсти. Лексема *чёрт* в указанных примерах реализует денотативную функции в качестве средства номинации необычного животного, в облики которого скрывается нечистая сила. Также исполнители быличек придают ей эмоционально-экспрессивную оценочность как тому, что вызывает *страх, пугет*.

Исходя из рассмотренных выше контекстов можно определить, что лексема *чёрт* имеет широкий функционал бытования в быличках, который реализуется в обилии денотатов и оценки его восприятия. Наличие устойчивых признаков в образе чёрта, для которых характерны соответствующие лексические характеристики, по нашему предположению, объясняется общей для разных случаев номинаций референтных обликов чёрта гиперсемой "нечисть". То есть данная лексема имеет устойчивые характеристики, релевантные для любого случая её реализации ввиду однородности восприятия нечистых сил носителями фольклорного сознания. Но также имеются сильные расхождения в трактовке образа чёрта, объясняемые общей спецификой его бытования у восточных славян, что расширяет функциональный потенциал данной лексемы.

### Список использованных источников

1. **Глебов, В. Д.** Былички и бывальщины: Суеверные рассказы Брянского края / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и прилож. В. Д. Глебова. – Орёл – Брянск : Изд-во ОГУ. 2011. – 405с. – Текст : непосредственный.
2. **Даль, В. И.** Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка : современное написание : ок. 1500 ил. / В. И. Даль. – Москва : Астрель: АСТ: Хранитель, 2006. – 348, [4] с. : ил. – Текст : непосредственный.
3. **Задорина, А. О.** Мотив искушения в романистике Л. М. Леонова / А. О. Задорина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 12 – 16.

4. **Минкин, К. С.** Фольклор брянского пограничья как объект культурного пространства Российской Федерации (на примере жанра быличка) / К. С. Минкин. – Текст : непосредственный // *Материалы Международного молодежного научного форума "ЛОМОНОСОВ – 2020"*. 2-е издание, перераб. и доп. [Электронный ресурс]. – Москва : МАКС Пресс, 2020.

5. **Сердюк, М. А.** Актуальные проблемы изучения фольклорных текстов / М. А. Сердюк. – Текст : непосредственный // *Вестник ТГУ*. – 2009. – № 2.

6. *Славянская мифология : энциклопедический словарь*. – Изд. 2-е. – Москва : Международные отношения, 2002. – 512 с. – Текст : непосредственный.

*Юденкова Анна Викторовна, Ковалёва Елена Валерьевна*

*УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина"*

*e-mail: sajtmzr@mail. ru, alena. kavaliova@gmx. de*

УДК 81'42

## **РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА "БОЛОТО" В БЕЛОРУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

*Hanna V. Yudziankova, Alena V. Kavaleva*

*Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin*

### **REPRESENTATION OF THE SWAMP CONCEPT IN THE BELARUSIAN ARTISTIC DISCOURSE**

*В статье анализируется концепт "болото" как элемент национальной картины мира белорусов. Рассматриваются основные ассоциации и коннотации, анализируются особенности функционирования лексемы болото в художественном дискурсе, в частности произведениях, посвященных белорусскому Полесью.*

*Ключевые слова: концепт, болото, ландшафт, менталитет, Полесье*

*The article analyzes the concept of "swamp" as an element of the national picture of the world of Belarusians. The article considers the main associations and connotations, analyzes the features of the functioning of the lexeme swamp in artistic discourse, in particular, works dedicated to the Belarusian Polesie.*

*Key words: concept, swamp, landscape, mentality, Polesie*

Концепт как результат познавательной деятельности субъекта, с одной стороны, и как способ объективации этой ментальной сущности, с другой, в последние десятилетия является одним из приоритетных объектов лингвистики. Одно из ключевых мест в национальной картине мира белорусов

занимают концепт "болото", поскольку это важный природный ориентир и элемент ландшафтного кода.

Самые древние болота Беларуси – Полесские (их возраст около 11 тысяч лет). Многие художественные контексты объединены тематикой природной уникальности Полесского края, его лесисто-болотистой неповторимости: *Спакойна і навольна, як у зачарованым сне, утуліўшыся ў балоты, нясе Прыпяць сухадоламу Дняпру сваю багатую даніну. Не спяшаецца яна выносіць дабро палескіх балот. Можна, і надзею страціла яна вынесці хоць калі-небудзь гэта мора цёмна-ружовай вады з неабсяжных балот Палесся, і з гэтай прычыны яна такая навольная і флегматычная* (Я. Колас. Дрыгва); *Балоты – гэта ў нас, на Палессі, – удакладніў з усмешкай Шпакевіч. – А тут, бачыш, пяскі* (І. Чыгрынаў. Плач Перапёлкі). Существует мнение, что на территории современного Припятского Полесья много столетий назад находилось большое море, которое называлось Геродотовым: *Усе мы выйшлі з вады, мо з той самай, якой ужо і не стае сёння. І сёння іншыя ўжо не выйдуць з яе, таму што яе няма. Няма. А палешукі выйшлі з гэтага палескага мора Герадота. У гэтым моры – іх жыццё. З ім паляшук павязаны пупом сваім. Балота не толькі дрыгва яму, а і асяроддзе... сярэдзіна... средоточие... Средоточие...* (В. Казько. Неруш); *Калісьці, тысячы, а можна, і мільёны гадоў таму назад, тут было мора... Быў час – было мора, і прыйшоў час, калі мору не трэба больш быць. І мора пачало мялець, высыхаць... і першыя больш-менш значныя людскія паселішчы ў тым краі – Лою, Брагін, Юравічы, Мазыр, Тураў, Пінск – узніклі не дзе-небудзь, а на высокіх сухіх берагах рачулак, рэчачак і рэк* (Б. Сачанка. Вялікі Лес).

В белорусских художественных текстах наблюдается неоднозначное отношение к болоту. Этот образ-символ синтезирует в себе как разрушительную, так и креативную энергию. Болота грозят нам гибелью (*На рэшце дасяглі хвойніку і выбавіліся з д'ябальскіх абдымкаў багны. Косця, як вылез з балота на вузенькі пясчаны беражок, адразу знясілена ўпаў і ляжаў, бы ў непрытомнасці* (В. Быкаў. Балота), но в то же время манят, поскольку есть в них какая-то загадочная и пугающая тайна (*Сцеражыцеся дрыгвы, людзі, сцеражыцеся балот у начы, калі сінія агні збіраюцца і пачынаюць скокі на самых гіблых мясцінах. Там часта ў начы пабачыце вы дваццаць коннікаў на вараных дрыкгантах* (У. Караткевіч. Дзікае паляванне караля Стаха).

Болото – это беспорядочная смесь земли и воды, первичных элементов, из которых образовался Космос, поэтому опасное и нечистое место, где водятся черти [1, с. 41]. Издавна полешуки (как обитатели бескрайних лесов и болот) считались магами и колдунами, поэтому неслучайным является присутствие злых сил (*где болото – там и черт*) в произведениях, записанных на Полесье: *Бачыць чорт, што Палешук не лекаецца ні балота, ні ракі, ні лесу, от і давай ён усюдах пужаць чалавека, давай рабіць ему ўсялякую пакась, каб выгнаць яго з тае седзібы... Але Палешук*

*ідзе сабе на лесе да ўсе залысвае сакераю дзераўлякі; Астаўса тут чалавек і заўладаў Чортавым балотам. Давай гэто ён церабіць лозу, драць ее та на лапці, та на лычакі* (А. Сержпутоўскі. Чортава балота).

Широко распространена в художественном дискурсе и концептуальная метафора с негативной семантикой 'болото – духовное разложение личности': *Грошы часам знішчалііснае. Але што ні кажы, гэта яны ж рухалі шматлікімі сіламі на зямлі, гэта яны прымушалі многіх выдзірацца з балота адсталасці, напружваць розум і мускулы, змагацца* (У. Караткевіч. Каласы пад сярпом тваім); *Прыродна здаровым, зямным сваім розумам пан Даніла быў цвёрда перакананы, што свет не стаіць на месцы, што ёсць у ім і стаячая вада і плынь. Першае гніе і робіцца балотам, другая – з крыніцы робіцца ручайнай, ракою, морам, аблокамі* (У. Караткевіч. Каласы пад сярпом тваім); *Але злосць – кепскі дарадчык. Часам яна можа штурхануць высакароднага ў тое балота, у якім сядзіць яго подлы вораг* (У. Караткевіч. Хрыстос прызямліўся ў Гародні).

Большое внимание в белорусском художественном дискурсе уделяется раскрытию взаимодействия человека и природы, в том числе и проблеме осушения болот: *Палі, зарослыя пьрнікам, бо не было капеек на жалезную барану, варварская падсочка дрэў, знішчаная адкідамі ватнай фабрыкі рыба ў Пуцэйне, бярозавыя прысады і абсады якраз на вапенніках і пясчаных землях, дзе так патрэбна вада, бязглузда асушаныя балоты – ад рэзкага зніжэння вадзянога слою пасохлі навакольных лясы* (У. Караткевіч. Каласы пад сярпом тваім); *Значная частка адвечных балот Палескай нізіны асушана. Там, дзе была топкая дрыгва, каласуецца жыта, ячмень і пшаніца, цвіце сінявокі лён, расце бульба і буракі, квітнеюць маладыя сады* (В. Вольскі. Край лясоў, балот і казак); *Пайшоў Шахрай на спатканне з балотамі, пайшоў – як на вайну, і як жа лёганыка камары-камарыкі, дудары-дударыкі прабілі яго браню, а ніякай пашаны і павагі, адзіны здэк толькі* (В. Казько. Неруш).

Словосочетание "людзі на балоце" – широко известный прецедентный библионим – название одного из романов "Полесской хроники" И. Мележа: *Вёска тулілася ля берага вострава – платы агародаў дзе нідзе забягалі на куп'ёў з болатка. З другога боку, на поўнач, балоты крыху адступалі, дорачы людзя мясчанае поле. Адступалі балоты і на заходнім баку, дзе рунелі ці жаўцелі да краю лесу палі, так сама скупыя, няўдзячныя, хоць у іх глебе і было мени пяску. З поўдня балотыз ноў падбіраліся да саламяных, замшэлых радоў стрэх, але ў гэты бок ішла найбольш сувязь са светам, і тут на дрыгве была намошчана дарожка* (И. Мележ. Людзі на балоце). Поэтому неудивительно, что при запросе на данное словосочетание в сети Интернет лидируют сведения об одноименном романе (1962) и снятом по этому произведению одноименном художественном фильме В. Турова (1981), сравн. : *У мілагучным клёкаце балот, / Дзе Курані карэнні запусцілі, / Прырода-маці з клопатам расціла / Палескі працавіты свой народ* (В.

Головчик. Прысвячэнне раману "Людзі на балоце"); За акном праплываюць жоўта-зялёныя палі, квітнеючыя сады, акуратненькія драўляныя і цагляныя хаткі... Няспынна бягуць за гарызонт стужкі асфальтаваных дарог, і неба такое насычана блакітнае, з вялікімі падушкамі-аблокамі. Мы працягваем наша вандраванне па вёсках раёна, на гэты раз едем у цудоўныя мележаўскія мясціны – вёску Каранёўка. Так, менавіта тую, якая стала прататыпам Куранёў з "Палескай хронікі" (газета "Хойніцкія навіны", 03.06.2014). Один из главных героев романа Василь Дятел не скрывает своего негативного отношения к болоту: *Ён суняў каня далей, крокаў праз трыццаць, ля куста маладога арэшніку. Азірнуўся, акінуў позіркам даволі вялікае, акружанае з усіх бакоў лесам балома. На балоце там і тут кучаравіліся кусты лазы, якія дзе-нідзезрасталіся ў цэлыя астраўкі. Але Васіль не даўні якой увагі гэтым астраўкам, яго больш зацікавіла, што на балоце яшчэ было многа вады, часам цэлыя разводдзі. Вада была і на яго надзеле. "Чорт бы яе набраў!" – падумаў Васіль (І. Мележ. Людзі на балоце).*

Вместе с тем в белорусской лингвокультуре активно функционирует и свободное перифрастическое выражение, являющееся средством номинации жителей заболоченной местности: *"Людзі на балоце" Куды яшчэ далей расці? / Людзей з балома акультурыў, / Свой горад мае прыжыцці, / Багаты на стагоддзі, – / Тураў* (Р. Барадулін); В этом плане интересна следующая антитеза: *"В прошлом – люди на болоте, ныне – жители агрогородка"* ("Свіслацкая газета", 04.09.2012). Положительное и уважительное отношение человека к болотам, к пользе, которую они приносят, отражено в следующем примере: *Вообще болота – наше бесценное природное богатство, они занимают около 60% площади заповедника. Не зря Беларусь называют "легкими Европы". Болота играют важную роль в формировании микроклимата региона. Не случайно именно Березинский биосферный заповедник стал одной из первых природоохранных территорий* (газета", 09.02.2020).

Проведенный анализ показывает, что концепт "болото" относится к универсальному концепту в национальной картине мира белоруса и совмещает в себе черты национально-культурного, мировоззренческого и мифологического концептов. Восприятие болота, отраженное в художественных произведениях, коррелирует и с его восприятием в обыденном дискурсе.

#### Список использованных источников

1. Беларуская мифалогія: энцыкл. слоўн. / С. Санько [і інш.]; пад рэд. С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2004. – 596 с. – Тэкст : непасрэдны.

*Ючко Ольга Леонидовна*

*УО "Мозырский государственный педагогический университет  
имени И. П. Шамякина"  
e-mail: o.yuchko@mail.ru*

*УДК 811. 161. 1'373. 46: 821. 161. 1: 801. 82*

**НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК "ТРИГГЕР"  
ЛИТЕРАТУРНОГО СЮЖЕТА  
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. М. ШУКШИНА "СУРАЗ")**

*OlgaL. Yuchko*

*Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin*

**NEGATIVE-EVALUATIVE LEXEMES  
AS "TRIGGER" OF A LITERARY PLOT  
(ON THE BASIS OF THE STORY OF V. M. SHUKSHIN "SURAZ")**

*В статье на материале рассказа В. М. Шукшина "Сураз" рассматривается употребление литературными персонажами негативно-оценочной лексики в ситуациях эмоционального напряжения. Представлен анализ пейоративных лексических единиц как "триггеров" развертывающегося сюжета. Выявляются языковые и внеязыковые причины, приводящие к суицидальному финалу произведения.*

*The article examines the use of negative-evaluative lexemes by literary characters in situations of emotional stress on the basis of the story of V. M. Shukshin "Suraz". The analysis of pejorative lexical units as "triggers" of the unfolding plot is presented. The linguistic and non-linguistic reasons leading to the suicidal ending of the work are revealed.*

*Ключевые слова: лексика, эмоциональность, оценочность, "триггер", суицид*

*Key words: lexemes, emotionality, evaluativeness, "trigger", suicide*

Одним из средств воздействия на читателя художественных текстов является эмоциональность речи их персонажей, под которой понимается "отраженное и закрепленное в семантике слова чувство говорящего, его отношение к адресату или объекту речи" [1, с. 64]. Эмоциональность может быть как позитивно, так и негативно маркированной, и соответствующие языковые средства позволяют писателю прежде всего реалистично изобразить действительность и передать особенности речевого поведения литературного персонажа. Вместе с тем, использование эмоционально-оценочной лексики в тексте произведения дает возможность проследить ее влияние на развитие сюжета. Особую роль при этом выполняют употребляемые в тексте слова, которые условно могут быть названы своеобразными *триггерами* (англ. *trigger* 'защелка, спусковой крючок'), так или иначе воздействующими на ход событий. Остановимся на рассмотрении роли оценочных слов-"триггеров" в рассказе В. М. Шукшина "Сураз".

В данном случае стилистически сниженным является само название произведения, что становится понятным из комментария главного героя рассказа – деревенского жителя Спиридона Расторгуева: *Я – сураз. Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах один ухарь. Кожу по краю ездил, собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил.* Обратим внимание на то, что к диалектному слову *сураз* приведен более употребительный фразеологизм *принести в подоле* ‘родить вне брака’. В словаре В. И. Даля слово *сураз* фиксируется не только с уже названной семантикой (‘внебрачный ребенок’), но и с отвлеченным значением ‘бедовый случай, удар, огорчение’; кроме того, здесь же приведены однокоренные слова *суразый, суразный* со значением ‘видный, пригожий, казистый’ [2, с. 362]. Сходные сведения о рассматриваемом слове представлены и в “Словаре русских народных говоров”: *сураз* ‘внебрачный ребенок’; ‘несчастье, беда, потрясение’; приведенное здесь же слово *суразина* реализует достаточно разветвленную, “противоречивую” семантику: ‘некрасивый человек’, ‘грубый человек’, ‘нелепость’, ‘хороший порядок в работе’, ‘хорошие результаты, успех, прок от чего-либо’ [3, с. 273].

Предположение о том, что заглавие в данном случае является скрытой, неявной характеристикой Спиридона Расторгуева, не лишено оснований, поскольку этот персонаж (по-местному – Спирька) воспринимается как непростая, противоречивая личность. С одной стороны, мы видим такие унаследованные им от заезжего отца-“ухаря” черты, как конфликтность, агрессивность поступков, склонность к преступной деятельности (Спирька пять лет отсидел в тюрьме); с другой стороны, Спиридон известен в родной деревне как добрый и отзывчивый человек, готовый оказать людям бескорыстную помощь. Кроме того, он отличается внешней привлекательностью, пользуется успехом у женщин: *Пришел (из тюрьмы. – О. Ю.) – такой же размашисто-красивый, дерзкий и такой же неожиданно добрый. Добротой своей он поражал, как и красотой. Мог снять с себя последнюю рубаху и отдать – если кому нужна. Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера пластаться там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам.*

Знакомство с приехавшими в деревню на работу молодыми учителями – супругами Ириной Ивановной и Сергеем Юрьевичем – оказало большое влияние на жизнь главного героя: он не просто сталкивается с людьми другого типа, но и проявляет интерес к молодой женщине, стремится завоевать расположение Ирины Ивановны, видя в ней некое воплощение недосыгаемого для него идеального образа: *Пожимая теплую маленькую ладошку Ирины Ивановны, Спирька открыто, с любопытством оглядел всю ее, Ирина Ивановна чуть поморщилась от рукопожатия, улыбнулась, почему-то поспешно отняла руку, поспешно повернулась, пошла за стулом.*

Кульминацией произведения становится эпизод, в котором Спиридон целует Ирину Ивановну: *"Господи, мне больше пока ничего не надо – поце-*

дую, и все". И поцеловал. И погладил белое нежное горлышко... И еще поцеловал мягкие податливые губы. И тут вошел муж...

Возникает, таким образом, классический "любовный треугольник", и оскорбленный муж, вызывающий у Спиридона естественную неприязнь даже из-за внешности (*Такая досада взяла на этого опрятного, подтянутого, уверенного человека*), вначале лишь словесно выражает свое отношение к сопернику, называя его *лихим*, то есть смелым, решительным: *Лихой парень! Ну как, удалось что-нибудь?* Сергей Юрьевич решает ситуацию чисто по-мужски: выведя Спирьку из дома, он его жестоко избивает, чем, конечно, унижает его достоинство и высокую самооценку. Не менее унижительна и характеристика учителем Спиридона перед стариками (*Кота пакостливого поймал*), что фактически является его публичным оскорблением: *кот* – 'похотливый человек, сладострастник'; *пакостливый* 'такой, который пакостит, совершает мерзкие, отвратительные поступки'. Произнесенные в ходе драки ругательства Спиридона (*Пидор, гад, – хрипел Спирька, – что ты делаешь?*) говорят лишь о беспомощности главного героя, для которого единственным вариантом ответного поведения является использование вульгарной лексики. Здесь же Спиридон открыто угрожает Сергею Юрьевичу убийством, употребляя жаргонно-просторечный глагол *уработать* 'убить, уничтожить'. Учитель, с одной стороны, старается быть спокойным, но и не может удержаться от негативной характеристики соперника, чем опять-таки открыто унижает Спиридона, называя его подлецом, то есть низким, бесчестным человеком, негодяем: "*Я тебя уработаю, – неразборчиво, слабо, серьезно сказал Спирька*". "*За что? – спокойно спросил учитель. – "За что ты меня убьешь? . Подлец*".

Однако реализация задуманного Спирькой убийства Сергея Юрьевича неожиданно рушится, причиной чего становится защитное поведение его супруги – Ирины Ивановны: *И тут вдруг закричала Ирина Ивановна, да так ужасно, так громко, неистово, требовательно... "Не надо! О-о-о-й! Не надо! О-о-й!. . " И хотела схватить за ружье – на коленях – хотела... "Родно-ой!. . Не надо!" – выла маленькая женщина*. Несомненно, отрезвляюще-эмоциональное воздействие на Спиридона, держащего в руке заряженное ружье, оказала сама ситуация, разворачивавшаяся ночью в комнате, где спали супруги: женщина стоит на перед Спиридоном в унижительной для нее позе – коленях, на ней одета только ночная рубашка, и эта незащищенность, в прямом и переносном смыслах открытость женщины не могло не повлиять на поведение преступника: *Рубашка сбилась ей на спину, она не замечала того – хотела поймать ноги Спирьки.... Ирина Ивановна сидит в нижней рубашке, что одна ленточка съехала с плеча и грудка, матово-белая, крепенькая, не кормившая дите вся видна до соска*. Описанная ситуация является выразительной иллюстрацией известного утверждения о том, что сила женщина – в ее слабости.

Вместе с тем, роль позитивного "триггера" выполнило в этом случае и такое же необычное вербальное поведение героини: она умоляла Спиридона о пощаде, употребляя такое желанное для него слово *родной*, используемое в роли обращения со значением 'дорогой, милый'. Женщина при этом не просто кричала, а *выла*, то есть громко плакала, что подтверждается и употребленными обстоятельствами образа действия *ужасно, громко, неистово, требовательно*.

Рассуждая о морально-психологической ситуации, в которой он оказался, Спиридон приходит к роковому для него выводу о никчемности, бессмысленности собственной жизни: *Вообще, собственная жизнь вдруг опостылела, показалась чудовищно лишённой смысла*. Трагическая развязка произведения связана с разрушением личности героя. До встречи с супружеской парой учителей Спиридон Расторгуев позиционировал себя как настоящий мужчина, выражаясь современной разговорной речью, "крутой мужик", пользовавшийся при этом неизменным успехом у женщин. Столкновение с новой для него реальностью, ставшее причиной его полного поражения, заставляет Спиридона взглянуть на свою жизнь под другим углом. Размышляя о случившемся, он применяет по отношению к себе уничижительные характеристики *фраер* 'неопытный, наивный человек' и *тряпка* 'бесхарактерный, слабовольный человек', которые фактически развенчивают, "перечеркивают" образ смелого, решительного и грубоватобязательного молодого мужчины, "крутого мужика" и "дамского угодника". В результате Спиридон совершает самоубийство.

Таким образом, можно утверждать, что, наряду с внеязыковыми обстоятельствами, связанными с жизнью главного героя и чертами его характера, роковую роль в его судьбе сыграли слова-"триггеры", предопределившие принятое им трагическое решение.

#### Список использованных источников

1. Цоллер, В. Н. Экспрессивная лексика : семантика и прагматика / В. Н. Цоллер. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1996. – С. 62 – 71.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1980. – Т. 4. – 683с. – Текст : непосредственный.
3. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 42. – Санкт-Петербург : Наука, 2008. – 360 с. – Текст : непосредственный.

# РУССКОЕ СЛОВО В ФОКУСЕ СЛАВЯНСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА – РЕПРЕЗЕНТАНТА ДУХОВНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

*Антонова Елена Николаевна,  
Волкова Ольга Николаевна*

<sup>1</sup>ФГБОУ ВО "Государственный университет по землеустройству"  
*e-mail: stchl@yandex.ru*

<sup>2</sup>МБУ "Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной  
помощи" Суземского района Брянской обл.  
*e-mail: aurumgolden@yandex.ru*

УДК 811. 161. 1, 81'42

## РУССКОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

*Elena N. Antonova,  
Olga N. Volkova*

<sup>1</sup>State University of Land Use Planning

<sup>2</sup>Center for Psychological, Pedagogical, Medical and social assistance,  
Suzemsky district, Bryansk region

## RUSSIAN POETICAL PHRASEOLOGISM IN THE CONTEXT OF LINGUOCULTURE

*Статья представляет собой характеристику одного из аспектов изучения фразеологии – поэтическое изображение русской ментальности в условиях лингвокультуры на уровне устойчивых языковых единиц. Посредством анализа языковых структур фразеологического характера и только претендующих на устойчивость за счет воспроизводимости анализируются контексты с компонентом "русский" в поэтическом дискурсе.*

*Ключевые слова: художественный дискурс, лингвокультурологические особенности, фразеология, интертекст, русский поэтический текст.*

*The article is a description of one of the aspects of the study of phraseology - a poetic image of the Russian mentality in the context of linguistic culture at the level of stable linguistic units. by analyzing the linguistic structures of a phraseological nature and only claiming stability due to reproducibility, contexts with the "Russian" component in poetic discourse are analyzed.*

*Keywords: artistic discourse, linguistic and cultural features, phraseology, intertext, Russian poetic text.*

Лингвокультурологические исследования современных ученых актуализировали множество интересных фактов о ментальности русского дис-

курса. Работы филологов посвящались прозаическому и поэтическому текстам, их интертекстуальным особенностям и аксиологическим метаморфозам, концептуальному изображению мира и его фразеологическому переосмыслению. Однако дискурсивное изучение языка имеет безграничный потенциал, поэтому каждый филолог сможет найти интересное исследовательское направление.

Поэтическому дискурсу как многоликому лингвистическому феномену, вмещающему в себя текст, интертекст, различные концептосферы и т. д., посвящено немало исследований (см., например, работы Е. Н. Антоновой, О. В. Ломакиной [3, с. 78 – 83; 7, с. 254 – 260]). Помимо этого, ученые обращаются к поэтическому дискурсу [2, с. 199 – 203], в том числе на уровне аксиологии, онтологии, фразеологии в широком понимании языкового явления [5, с. 42 – 52; 6, с. 45 – 51; 9, с. 119 – 124].

Говоря о поэтической фразеологии как о типе художественного дискурса, мы должны в первую очередь помнить о ее лингвокультурологических особенностях, поскольку любая устойчивая структура – это мудрость, закаленная временем. В то же время лингвокультурная природа подразумевает наличие специфических кодов конкретной культуры, работающих на ментальном уровне. Так, роли фразеологических культурных кодов во взаимоотношениях между действительностью и знаком посвящено исследование М. Л. Ковшовой [4, с. 468 – 498], а дискурсивным особенностям в прагматическом ключе – статья О. В. Ломакиной [7, с. 254 – 260].

В настоящей работе преследуется цель освещения абстрактного качества русскости, проявляющегося в лингвокультурной ипостаси поэтического дискурса. С этой позиции были проанализированы некоторые стихи нового тысячелетия с лексемой "русский" в структуре, извлеченные из поэтического корпуса "Национального корпуса русского языка" [1]. Были подобраны контексты, обладающие прецедентностью, или рассматривались словосочетания с высоким потенциалом устойчивости.

Лингвокультурное изображение русскости зафиксировано в контексте стихотворения О. Г. Чухонцева "Вот Иона-пророк, заключенный во чрево кита..." (1997 – 2016) за счет фразеологизма "русский авось":

"Так что плыть нам и плыть, дни и луны мотая на ось,  
на еврейский кадиш уповать и на *русский авось*" [1].

Интересным авторским приемом является эксплицитное позиционирование в качестве однородных членов и имплицитное противопоставление "еврейского кадиша" и "русского авось". В "Большом словаре русских поговорок" В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной читаем: "**На авось**. Разг. В расчете на счастливую случайность, на счастливый исход; наудачу" [8, с. 12]. Данная единица имеет стилистическую помету "разговорное", однако в устной неофициальной речи носителей русского языка обычно фигурирует именно "русский авось", на который всегда все надеются. Представленный концепт является полноценным героем множества художе-

ственных текстов, в том числе рассматриваемого стихотворения. Вместе с тем "кадиш" представляет собой иудейскую молитву.

По-иному категория русскости проявляется в поэтическом тексте О. А. Юрьева "Славься, славься, русский бог... " / "Пэан русскому богу" (2013 – 2014). В каждой строфе данного сатирического стихотворения присутствует единица с явным потенциалом устойчивости "русский бог". Приведем последнее четверостишие:

"Дико стонет Бафомет

Потрясает буздыган.

*Русский бог* лежит в теньке

С "Медным всадничком" в руке" [1].

В завершительной строке наблюдается аллюзия к поэме А. С. Пушкина "Медный всадник". Деривационная особенность (изменение лексемы "всадник" в оригинале на слово "всадничек" в анализируемом стихотворении) не только создает ироничный эффект, но и образует прагматический ореол при фразеологизации с включенным принципом русскости.

В поэтическом тексте С. Г. Стратановского "На ладье лебединой..." / "Вяйнямёйнен и русский князь" (2009) неоднократно фигурирует языковая единица "русский князь". С одной стороны, перед нами исторический денотат, с другой – единица двухкомпонентная, то есть сигнификат, обладающий определенной степенью устойчивости. Приведем контекст:

"На ладье лебединой,

По реке долгой, длинной,

на север, лесами обильный,

*Русский князь* – витязь сильный

К Вяйнямейнену старому

приплыл со своей дружиной" [1].

Говорить о полноправном сформированном фразеологизме было бы неосмотрительно, однако цельность семантики налицо.

Новая эпоха в развитии социума способствовала созданию актуального фразеологизма "новый русский", зафиксированного в "Большом словаре русских поговорок" В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной: "Новый русский. 1. Разг. Представитель российской бизнес-элиты. 2. Жарг. студ. Шутл. Современный русский язык (учебный предмет)" [8, с. 586]. В художественном контексте данная устойчивая единица встречается, например, у С. Г. Стратановского – "'Новый русский' умоляет врача" (2004) [1].

В двух приведенных единицах наблюдается и лингвистическая антонимия (при наличии общего компонента), и противоборство различных исторических периодов в лингвокультурном аспекте.

Русскость ментальной общности вербализирована также посредством словосочетания "русский язык". Перед нами языковая единица со сложной семантической структурой: в прямом значении – оба компонента свобод-

ны, общий смысл складывается из их суммы; в клишированном понимании – перед нами единица, вмещающая колоссальный лингвокультурологический потенциал, в том числе и фразеологический. В качестве примера функционирования в поэтическом дискурсе приведем строки стихотворения "Марсиане в застенках Генштаба..." (2004) Г. М. Дашевского:

"Марсиане в застенках Генштаба  
и способствуют следствию слабо  
и коверкают *русский язык*" [1].

В данном случае представлен не только язык этнической группы, но и аллегорическое представление общества (присутствует ассоциативный спектр и приемы синекдохи).

Языковая единица "русский дух" в большинстве случаев образно изображает русского человека, в контексте лингвокультуры чаще всего воспроизводится именно с данной семантикой. Это находит отражение и в стихотворном тексте Д. Г. Новикова "Гуляй, душа, на Пасху где придется..." / "Пасха" (1986 – 2004):

"Так вышло, что не в шумной дискотеке  
тусуется на Пасху *русский дух*,  
а в том элитном клубе, где калеки  
предпочитают проводить досуг" [1].

Синонимичной данной (а в ряде контекстов и предыдущей), также претендующей на устойчивость, выступает языковая единица "русский народ", которую встречаем в тексте Д. Г. Новикова "Не играй ты, военный оркестр..." (1986 – 2004):

"...Это я не про *русский народ*.  
Всё в порядке, военный оркестр" [1].

Коррелирует с приведенной единицей (обычно на уровне детерминизма) словосочетание "русский бунт". В данном случае имеем дело не столько с фразеологизацией, сколько с образным переосмыслением реалий существующей действительности. Приведем в качестве примера стихотворение С. Г. Стратановского "Да, беспощадным, но не бессмысленным вовсе..." (2003):

"Да, беспощадным, но не бессмысленным вовсе  
Был *русский бунт*  
и какая была б безнадега  
Если б все мужики  
как Савельич любили сердечно  
Ихних жизней хозяев" [1].

Нарочитое использование грамматически ошибочной формы притяжательного местоимения в последней строке призвано подчеркнуть стихийность общественного явления и акцентировать внимание на семантическом потенциале рассматриваемой единицы.

Следующий контекст содержит единицу, основанную на каламбуре и оксюмороне (С. Г. Стратановский "Русский русофоб спешит к реке – топиться..." / "Русофобия" (2003)):

"Русский русофоб спешит к реке – топиться  
("Жить обрыдло в этих мерзостях всегдашних!")

Но одумался: есть выход – за граница

Или (вариант): сердечный, гневный жар

Высказать в стихах презрительно – кромешных" [1].

Еще не являясь фразеологизированной единицей, данное словосочетание примечательно сложной семантической организацией, оно является смысловым центром, вскрывающим острые социально-нравственные проблемы. Разговорный (с просторечными элементами) язык текста этому способствует.

Русский флаг опозитизирован, например, в глубоко социальном стихотворении В. Б. Кривулина "русский флаг еще вчера казался красным..." // "Мусор" (2000):

"*русский флаг* еще вчера казался красным  
а сегодня сине-красно-бел  
но приварок цвета не указ нам  
те же мы кого когда-то на расстрел..." [1].

Данный текст примечателен тем, что не имеет знаков препинания, помимо тире, не содержит заглавных букв. Формализация содержательной стороны основана на расстановке смысловых акцентов – соединение, объединение и отождествление разных этапов истории.

Изучение русскости поэтического дискурса в аспекте фразеологического учения представляет собой интересную филологическую область, основанную на глубоком лингвокультурологическом анализе и заслуживающую последовательных углубленных исследований.

#### Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка : [сайт]. – Москва, 2003 – 2021. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>(дата обращения: 12.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

2. **Антонова, Е. Н.** Аксиологический компонент в дискурсе поэтической фразеологии / Е. Н. Антонова. – Текст : непосредственный // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы международной научной конференции, 2018. – С. 199 – 203.

3. **Антонова, Е. Н.** Прагматика современного стихотворческого процесса в свете дискурса-анализа филологической поэзии / Е. Н. Антонова. – Текст : непосредственный // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы : материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, 2017. – С. 78 – 83.

4. **Ковшова, М. Л.** Фразеологические коды и их роль в семиозисе культуры / М. Л. Ковшова. – Текст : непосредственный // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : коллективная монография / М. Л. Ковшова. – Москва, 2016. – С. 468 – 498.

5. **Комовская, Е. В.** Двусоставные коммуникативные метамодели. Их отличие от минимальных и расширенных схем русского синтаксиса / Е. В. Комовская. – Текст : непосредственный // Филология и культура. – 2021. – № 2 (64). – С. 42 – 52.

6. **Комовская, Е. В.** Научные метамодели в современном русском языке (на примере сельско-хозяйственных терминов) / Е. В. Комовская. – Текст : непосредственный // Филология и культура. – 2020. – № 2 (60). – С. 45 – 51.

7. **Ломакина, О. В.** Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект / О. В. Ломакина. – Текст : непосредственный // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы международной научной конференции, 2018. – С. 254 – 260.

8. **Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г.** Большой словарь русских поговорок : [словарь] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : ЗАО "ОЛМА Медиа Групп", 2007. – 784 с. – ISBN 978-5-373-01386-4. – Текст : непосредственный.

9. **Сычева, Е. Н.** "Человеческая" афористика в поэтической онтологии Ф. И. Тютчева / Е. Н. Сычева. – Текст : непосредственный // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 3. – С. 119 – 124.

*Балаш Дарья Борисовна*

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"*

*e-mail: dar\_ya@list.ru*

*УДК811. 161. 1'42'371: 398. 92: 27-183. 5*

## **ОТПУСТИТЬ ДУШУ НА ПОКАЯНИЕ: ДУХОВНЫЙ КОД ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

*Daria B. Balash*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### **RELEASE THE SOUL TO REPENTANCE: THE SPIRITUAL CODE OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD**

*В статье анализируются семантические и прагматические связи фразеологизма "отпустить душу на покаяние". Работа* *The article analyzes the semantic and pragmatic connections of the phraseological unit "to let the soul go to repent-*

выполнена на материале Национального корпуса русского языка и лексикографических источников. Представлена семантическая реконструкция фразеологизма, репрезентирующего один из центральных концептов – "Душа".

Ключевые слова: семантическая реконструкция, фразеологизм, словарь, значение, душа, покаяние

ance". The work is based on the material of the National Corpus of the Russian Language and lexicographic sources. The semantic reconstruction of a phraseological unit representing one of the central concepts – "Soul" is presented.

Key words: semantic reconstruction, phraseological unit, dictionary, meaning, soul, repentance

"И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою" (Быт 2: 7) [2, с. 10], – так повествует Библия о появлении на свет человека. С тех давних пор человек остаётся человеком лишь в том случае, если в нём есть душа, и эта душа живая. В русском языке нашли отражение все перипетии душевной жизни. Наиболее полно их представляет "Толковый словарь живого великорусского языка" В. И. Даля. Приведём некоторые примеры: *душа-человек, сильная (слабая) душа; свет во храмине от свечи, а в душе от молитвы; жить с кем душа в душу; муж да жена одна душа; положить за кого душу* ('пожертвовать жизнью'); *заложить за кого душу* ('ручаться в важном деле'); *покривить душой; вертеть душою; душа не на месте. Не тужи по голове: душа жива! Душа замирает; отдать Богу душу. Искать чужой души* ('хотеть погубить ближнего'). *Это на твоей душе* ('ты виноват, дашь за это Богу ответ'). *У меня дело это на душе лежит* ('совесть упрекает или забота не дает покою'). *Отпусти душу на покаянье* ('не губи напрасно, дай пожить') [5].

Именно фразеологизм *пустить / отпустить душу на покаяние* и будет предметом исследования в данной статье. На базе лексикографических источников и данных Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), используя метод семантической реконструкции, проследим эволюцию значений словесного комплекса, запечатленную в русской языковой картине мира.

На синхронном срезе семантика фразеологизма довольно прозрачна. Последнее, по данным НКРЯ, употребление рассматриваемого словесного комплекса является контекстуальным свидетельством авторского восприятия и интерпретации "плодов покаяния": *Ну я могу, конечно, пойти сам лоб по церквам расшибать, и это было, **пустите, дескать, душу на покаяние**, но на это нужно время, а у меня же бизнес, я руковожу предприятием. Поэтому либо я церковь построю – может, кто помолится за мои грехи, – либо я тем, у кого украл, отдам. Хоть что-то* (Елена Борисова, Вениамин Симонов. Не оттолкнуть человека // "Эксперт", 2013) [4].

Концепт "Покаяние" широко представлен в работах лингвистов. Отметим основные характеристики: этимологически лексема *покаяние* восходит к и. -е. корню \*k<sup>h</sup>ōj-, от которого происходит и русская лексема *цена* [9,

с. 115 – 116]; *покаяние* является смысловым ядром современного словообразовательного гнезда с вершиной *каяться*; семантически русское слово *покаяние* восходит к греческому, а оно – к еврейскому, которое означает не только признание человеком совершённой ошибки, но и его полное обращение к Богу [1].

Концепт "Душа" также подробно описан в научных работах. Этимологически лексема *душа* является производным от праславянского \**duxъ* [8, с. 164]. Обе лексемы имеют значения 'душа' и 'дыхание', что напоминает о моменте создания человека. Далее лексемы семантически дополняют друг друга: *дух* – 'бесплотное, сверхъестественное живое существо', *душа* – 'бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей'; *дух* – 'память, чувство', 'сознание, мышление', *душа* – 'ум, разум', 'совесть'; *дух* – 'жизненное начало', *душа* – 'дух, влияющий в тело животного', 'жизнь', 'человек всякого пола и возраста' [7, с. 402 – 403; 8, с. 153 – 154, 164].

Лексема *отпущити* является производной от глагола \**pustiti*. Праславянское \**otъpustiti* (*se*) постепенно приобрело значения с различной коннотацией, например: 'освободить', 'дать уйти, не держать', 'уволить', 'прогнать, развестись (о браке)', 'отречься', 'признать нарушение закона; сознаться', 'пощадить, освободить от наказания', 'защитить', 'позволить, согласиться', 'успокоиться, уступить', 'простить (долг, вину, грех)', 'простить взаимно друг другу недоразумения', 'быть прощенным', 'произнести отпуст – заключительное благословение по окончании богослужения' [10, с. 77 – 80]. Отпуст – не только церковная молитва о благословении. В сербохорватском – 'освобождение, оправдание', в словацком – 'паломничество, богомолье' [10, с. 80 – 81]. Дар покаяния даёт возможность к оправданию, а молитва к Богу – способность к освобождению и реализации таланта жить.

Проанализировав семантику компонентов выражения *отпустить душу на покаяние*, можно сделать вывод: душа в человеке – дыхание жизни; если дышать суетой мира сего, душа загрязняется, ей необходимо очищение; когда человек чувствует нужду в переоценке жизненных ценностей, возникает потребность покаяния, первым шагом которого является признание своих ошибок и просьба о прощении; отрекаясь от прежнего образа жизни, человек соглашается исправиться, это помогает успокоиться и принять благословение на новое поведение. Так, отпуская душу на покаяние, предполагается изменение мыслей и поступков, очищение совести, то есть реставрация Образа Божиего, по которому человек создан.

Душевное состояние богомольцев после церковной службы описал М. А. Булгаков: *Мороз хрустел, курился. Расплавляло, отпускало душу на покаяние, и черным-черно разливался по соборному двору народушко* (М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923 – 1924)) [4].

По данным НКРЯ, представлено 4 контекста, в которых данное выражение использовано в значении 'дать / использовать время на покаяние'. Отметим контекст, в котором выражение прокомментировано. (Прокурор): – *Дела-то ведь, как вы мне докладывали, никакого? Нет, нет, давайте-ка отпустим их души на покаяние!* – *В том и беда, ваше превосходительство, что они не склонны принести покаяние.* – *Ну а если, однако, не в чем, а?* – *У каждого есть что-нибудь такое, в чем не мешаешь покаяться.* (К. А. Федин. Первые радости (1943 – 1945)) [4]. Дело не столько в том, что все люди грешны, сколько в том, что, покаяние подразумевает обращение человека к Богу. Сперва с просьбой о прощении, а потом – с благодарностью. Ведь если *душа с Богом беседует*, то человек *рад душию*, а значит – счастлив.

Так, старушка Вавиловна, которая в метель набрела на деревенскую избу, могла быть счастлива и благодарна Богу: – *Пустите, православные, душу на покаяние.* (*Садится в изнеможении на лавку*). – *Ишь ты, как тебя занесло-то! В самую мятель-то ты, значит, и попала...<...>* – *Не чаяла я уж живой-то быть; думала, помру, в чистом поле, не замолвивши грехов своих* (И. Ф. Горбунов. На большой дороге. Сцены из народного быта (1863)) [4].

Всего, по данным НКРЯ, выражение встречается 46 раз. Определим значения фразеологизма, реализованные в художественных контекстах и характеризующие различные жизненные обстоятельства:

– 'отпустите, не делайте зла': *А как нашли мой кошель, так вместе с карманом и вырвали. А в кошельке-то всего, почитай, гривен восемь было. Ну, думаю, теперь отпустят душу на покаяние, да не тут-то было!* (И. Д. Путилин. 40 лет среди грабителей и убийц (1889));

– 'отпустите, не виноват': *Церковный сторож я, батюшка, от Вла-сия, что в Гагаринском. Отпусти, Христа ради, душу на покаяние.* – *Иди, иди, не бойся!* (С. Я. Эфрон. Записки добровольца (1917 – 1925));

– 'простите': – *Виноват, ваше благородье!* – *вытягивался Цыбуленко во фронт и моргал глазами так, как будто хотел сказать: "отпустите душу на покаяние!"* – *Ну, ступай. Видно, от тебя сегодня толку не добьешься* (Д. С. Мережковский. Александр Первый (1922));

– 'не удерживать (долго)': *...но хозяин этой кунсткамеры был немолчим и отпустил мою душу на покаяние не ранее как перецупав спинки всех своих диковинок* (А. А. Бестужев-Марлинский. Фрегат "Надежда" (1833));

– 'оставить в покое': *Это вдобавок к предстоящему испытанию появления на съезде с гостевым билетом – господи, хоть бы соблюсти только приличие, прослушать доклад, чтоб кому надо знали – был, не игнорировал и отпустил душу на покаяние* (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов (1966) // "Знамя", 2002);

– ‘дайте выйти или пройти’: – *Ох, родимые... поотпустите, не передохнешь... дыхнуть хоть разок дайте... душу на покаяние...* (И. С. Шмелев. Богомолье (1930 – 1931));

– ‘“засело” в памяти, в сознании и заставляет задуматься’: *То, что сделал он, неведомый злодей лондонских трущоб с идеально заточенным ножом, не отпускает душу на покаяние, рассыпается тысячью отражений, и мы по-прежнему не в силах понять, какой неисправимый дефект скрыт в этом с виду правильном и удобном миропорядке* (Владимир Абарин. Дело было в Уайтчепеле (2003) // “Совершенно секретно”, 2003.03.02) [4].

Лексикографические источники тоже отмечают семантическую эволюцию рассматриваемого фразеологизма, первое упоминание которого встречается в 1847 г. в “Словаре церковнославянского и русского языка” в словарной статье слова душа: *“Отпустить душу на покаяние, значит дать время покаяться в грехах. Хоть душу отпусти на покаянье! Грибоед.”* [7, с. 402].

“Большой толково-фразеологический словарь” М. И. Михельсона указывает уже и прямое, и переносное значение: собственно – не погубите, дайте возможность покаяться и исправиться; иносказательно – избавьте, увольте. Ср. *Он взмолился мне: “отпусти душу на покаяние!” Я говорю: покайся, это твое дело, а живого уж не отпущу... и затем я его застрелил...* Писемский. Люди сороковых годов; *Отпустите, отпустите, отпустите хоть душу на покаяние – совсем прижали!* Гоголь. Ревизор; – *Длитъ споры не мое желанье. – “Хоть душу отпусти на покаянье”.* Грибоедов. Горе от ума [3].

По данным интернет-ресурса “Словари и энциклопедии на Академике”, фразеологизм представлен в следующих словарях:

– “Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений” под редакцией Н. Абрамова: *отпустить душу на покаяние – смотри “свобода”;*

– “Большой словарь русских поговорок” под редакцией В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (со ссылкой на другие словари): *отпустить (пустить) душу на покаяние – разговорное, устаревшее – пощадить кого-либо, смилостивиться над кем-либо;*

– “Словарь многих выражений”: *отпустить душу на покаяние – шутовское – отпустить, не трогать, оставить в покое кого-либо* [6].

Подведём итог. Фразеологизм *отпустить душу на покаяние* чаще используется в переносном смысле. Лексикографические источники предлагают несколько основных значений: ‘дать время покаяться в грехах’; ‘не губить, дать возможность исправиться’; иносказательно: ‘избавьте, увольте’; разговорное устаревшее ‘просьба пощадить, смилостивиться, не трогать, оставить в покое’. За период двухсотлетнего употребления в художествен-

ной литературе словесный комплекс сохранил все основные значения, приобрел новое, детализировал и дифференцировал оттенки.

Слово *душа* в языковой картине мира русского человека занимает одно из центральных мест. *Душа* является компонентом множества устойчивых сочетаний, которые репрезентируют духовные коды национальной культуры. Длительное устойчивое употребление фразеологизма *оттупить душу на покаяние* в художественных текстах разных авторов подтверждает востребованность этого духовного кода языковой картины мира.

### Список использованных источников

1. **Балаш, Д. Б.** Обоснование семантической близости лексем *покаяние* и *цена* / Д. Б. Балаш. – Текст : непосредственный // Материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых "XIII Машеровские чтения" / Витебский государственный университет имени П. М. Машерова. – Витебск, 2019. – С. 174 – 175.

2. Библия. Книги Священного Писания ветхого и Нового Завета. – Москва : Российское Библейское общество, 2006. – 1337 с. – Текст : непосредственный.

3. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона : [сайт]. – Издательство Директ-Медиа, 2001 – 2021. – URL: <http://enc.biblioclub.ru> (дата обращения: 29.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

4. Национальный корпус русского языка : [сайт]. – Москва, 2003 – 2020. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 04.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

5. Толковый словарь Даля онлайн : [сайт]. – Copyright (C) В. И. Даль 2008-2017. – URL: <http://slovardalja.net>(дата обращения: 28.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

6. Словари и энциклопедии на Академикe : [сайт]. – Академик, 2000-2021. – URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 04.03.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

7. Словарь церковнославянского и русского языка. Том I: [словарь]. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1847. – 439 с. – Текст : непосредственный.

8. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 5 : [словарь]. – О. Н. Трубачев. – Москва : Издательство "Наука", 1978. – 232 с. – Текст : непосредственный.

9. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 9 : [словарь]. – О. Н. Трубачев. – Москва : Издательство "Наука", 1983. – 197 с. – Текст : непосредственный.

10. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 38 : [словарь]. – А. Ф. Журавлев. – Москва : Изда-

тельство "Наука", 2012. – 248 с. – ISBN 978-5-02-037545-1. – Текст : непосредственный.

*Гомонова Инна Геннадьевна*

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"  
e-mail: [inna-gomonova@mail.ru](mailto:inna-gomonova@mail.ru)*

УДК 811. 161. 1'42: 398

## **РУССКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ПАРЕМИИ С УСТУПИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ**

*Gomonova Inna Gennadiievna*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### **RUSSIAN SENTENCES-PROVERBS WITH CONCESSIONAL MEANING**

*В статье анализируется выражение уступительного значения в русском паремийнике. Рассматриваются разные типы сложных предложений-паремий со значением уступки, выявляется их структурно-семантическая специфика. Наиболее подробно характеризуются паремии, имеющие структуру сложно-подчиненных предложений, как ядерные средства выражения уступительного значения.*

*The article analyzes the expression of the concessional meaning in the Russian proverbs. Different types of complex sentences-proverbs with the meaning of concession are considered, their structural and semantic specificity is revealed complex sentences with a subordinate connection are characterized in the most detail.*

*Ключевые слова: паремия, предложение, сложное предложение, уступка, уступительное значение*

*Keywords: proverb, sentence, complex sentence, concession, concessional meaning*

Уступительное значение не относится к числу базовых, подобно значениям причины, условия, времени, однако получает широкое распространение в русском паремийнике.

Отношения, выражаемые уступительными конструкциями, достаточно сложны. Особенность таких конструкций состоит в том, что они отражают те ситуации, в которых "логика нашего знания о мире вступает в противоречие с реальными фактами этого же мира" [3, с. 165]. Таким образом, уступительные отношения основаны на принципе "обманутого ожидания".

Значение уступки соотносит две ситуации, которые представляются несовместимыми, но сосуществующими, поэтому категория уступительности включает в себя семантический оттенок допущения. Согласно одним определениям, "уступительные конструкции выражают логическое противоречие между условием и следствием, то есть служат для выражения та-

ких отношений между действием и условием, когда условие, которое должно было бы препятствовать совершению действия, на самом деле все же не служит помехой к осуществлению этого действия" [2, с. 299]. С другой точки зрения "в уступительных конструкциях содержится логическое противоречие между причиной и следствием" [3, с. 164]. Иными словами, в основе второй группы определений лежит понимание уступки как нереализовавшегося следствия, которое должна была бы вызвать данная причина.

Сложноподчиненные предложения со значением уступки в русском паремийнике представлены конструкциями свободной и связанной структуры. В предложениях-паремиях свободной структуры для связи частей используются союзы с семантикой уступки. По характеру выражения значения такие предложения являются собственно уступительными. В уступительных предложениях-паремиях связанной структуры придаточная часть прикрепляется к главной при помощи сочетаний относительного местоименного слова и усилительной частицы *ни*. По характеру выражения значения такие предложения являются уступительно-усилительными.

Собственно уступительные отношения имеют место тогда, когда на логико-семантическом уровне наблюдается синтез двух компонентов: значения внутренней обусловленности или "недостаточного основания" и противительного компонента, имеющего значение "вопреки ожиданию". Основным союзным средством, выражающим отношения обратной обусловленности, в предложениях-паремиях свободной структуры является союз *хоть*. В паремиях преимущественно используется его разговорный вариант *хоть*. Чаще всего в предложении-паремии придаточная часть находится в препозиции к главной части.

В паремиях с союзом *хоть* может использоваться усилительная частица *и*, при наличии которой наблюдается переходность между сочинительной и подчинительной связью. Эта переходность поддерживается находящимися во второй части предложения сочинительными союзами *да*, *а*, выражающими противительные отношения: *Хоть шуба овечья, да душа человека* (Источник паремийологического материала для исследования: [1]); *Хоть мошна пуста, да душа чиста*; *Хоть ты лучше меня, да онуча моя*; *Хоть нет барыша, да слава хороша*; *Хоть чёртом зови, да хлебом корми*; *Хоть под небеса летай, а сове соколом не быть*; *Хоть три дни не есть, а с печи не лезть*.

Союз-частица *пусть* (*пускай*) несет экспрессивно-модальное значение допущения нежелательного или признания реального существования факта. Среди паремий наблюдаются единичные случаи употребления данного союза: *Пусть бы подрались, да отвязались!*; *Пусть бы не было муки в зарю, не переводился бы только печёный хлеб*.

Части сложноподчиненных предложений-паремий с союзом *хоть* разнообразны по структуре: *Хоть худ дом, а крыша крепка*; *Хоть криво впряг, да поехал так*; *Хоть чёрненька курица, да на яйцах сидит*; *Хоть с голоду*

*пухнем, да на воле живём; Хоть стыдно, да сытно; Хоть тресни синица, а не быть журавлём; Хоть хлеба и хороши, а пашню паши!; Хоть денег ни гроша, да походка хороша; Хоть нагишом, да в шапке.*

Наиболее активно в анализируемом материале представлены уступительные сложноподчиненные предложения свободной структуры, предикативные части которых соотносятся с инфинитивными предложениями с модальным значением желательности, возможности / невозможности, необходимости / отсутствия необходимости, выражаемым инфинитивом, который является предикатом второй (главной) части сложного предложения. По характеру придаточной части данные предложения относятся к предположительно-уступительным: *Хоть рыбы не есть, да в воду не лезть; Хоть обедни не застать, а от походки не отстать; Хоть падать, да не лежать; Хоть пловом плыть, да у милого быть; Хоть рубль платить, да за бок хватить; Хоть себе досадить, а недруга победить; Хоть ноги изломать, а двери выставить; Хоть топиться, а с мылом сходиться; Хоть биту быть, а за реку плыть; Хоть голодать, а добрым семенем засеять.*

Категориальные и структурные признаки уступительности особенно ярко проявляются именно в собственно-уступительных сложноподчиненных предложениях-паремиях, поскольку уступительные отношения реализуются в этих структурах наиболее однозначно.

В предложениях связанной структуры, которые характеризуются как уступительно-усилительные, присутствует семантический оттенок обобщенности, который актуализируется усилительной частицей *ни*. Грамматическими показателями обобщенно-уступительных отношений в паремийнике являются союзные слова *кто ни, что ни, как ни, какой ни, каков ни, чей ни, где ни, куда ни, когда ни, сколько ни*. Чаще всего в паремиях используются сочетания *как ни, сколько ни, что ни, где ни*: *Как ни верти, да дело верши!; Как ни дуйся лягушка, а до вола далеко; Сколько ни искать, а милости у людей не сыскать; Сколько ни бежать, а не миновать отдыхать; Что ни путь, то и крюк; Что ни живи, а всё вон гляди; Где бабка ни бери, а внука корми!; Где ладья ни рыщет, а у берега будет.* Другие союзные слова представлены единичными случаями: *Каков ни будь смирен, а норовок есть; Куда ни пойдёшь, а добра не найдёшь.*

Относительное местоимение или наречие выражает характер предмета, который может быть количественным – при употреблении сочетаний *как ни, сколько ни*, качественным – при союзном слове *какой ни*, пространственным – при употреблении сочетаний *где ни, куда ни, откуда ни*, временным – *когда ни* или пределом охвата – при сочетаниях *что ни, кто ни, чей ни*. Относительные местоимения при этом имеют обобщающее значение и не нуждаются в опоре на соотносительное слово. Поэтому в усиленно-уступительных предложениях нет позиции такого слова.

Предикативные части предложений-паремий связанной структуры, так же как и предложений свободной структуры, разнообразны по составу и могут иметь одинаковое либо различное строение: *Каков ни будь грозен день, а вечер настанет; Чей ни будь бык, а телёнок наш; Где ни поживёт, добра не наживёт; Где пичужка ни летала, а наших рук не миновала; Как ни мойся, белее снегу не будешь; Сколько ни мудри, а воли божьей не перемудришь; Сколько ни куковать, а к зиме отлетать; Как ни крой, швы наружу выйдут; Как ни плохо, а перебиться надо; Как волка ни корми, он всё в лес глядит.*

В обобщенно-уступительных предложениях-паремиях уступительные отношения реализуются не так однозначно, как в собственно уступительных: они осложняются дополнительными значениями (количественным, качественным, места, времени и др.), привносимыми относительным местоименным словом. Тем не менее такие паремии широко представлены в русском языке, во многом вследствие способности выражать значение обобщенности, которое является характерным признаком пословиц и поговорок.

Сложносочиненные и бессоюзные сложные предложения являются периферийным средством выражения уступительных отношений в русском паремийнике. Значение уступки оформляется в таких предложениях-паремиях как семантический оттенок, сопровождающий отношения сопоставления, противопоставления и несоответствия.

В сложносочиненных предложениях-паремиях с союзами *а* и *да* (в значении 'но'), как правило, присутствует указание на несовместимость, противоположность: *Родных много, а пообедать не у кого; Сидень сидит, а часть его растёт; Глазам-то стыдно, а душа-то рада; Красно говорит, а слушать нечего; Улица-то прямая, да хата кривая; Мал грех, да велика причина; Крут бережок, да рыбка хороша; Много было докуки, да не пришло в руки; Стар дуб, да корень свеж.*

Предметом характеристики в предложениях-паремиях, как правило, являются предикативные признаки; при этом в некоторых случаях одновременно противопоставляются и компоненты, несущие в себе значения субъектные, определительные или объектные: *Новых друзей наживай, а старых не теряй!; Немного читай, да много разумеи!; Едешь на день, а хлеба бери на неделю.*

Значение уступки на фоне противительных отношений выражается также в бессоюзных сложных предложениях-паремиях: *Телу простор – душе теснота; Муж в бедах, жена в гостях; Сегодня полковник, завтра покойник; Под носом взошло, в голове и не засеяно; Кафтан нов, дыры стары; Правом хорош, норовом негож; Большой вырос, ума не вынес.*

Определяющим свойством уступительных отношений в сложносочиненных и бессоюзных сложных предложениях-паремиях является то, что в них утверждается несовместимость двух ситуаций, их взаимоисключение и

одновременно констатируется совмещение, сосуществование этих ситуаций. В сложносочиненных предложениях-паремиях значение уступки реализуется во многом при помощи противительных союзов; в бессоюзных сложных предложениях-паремиях уступительность выражается благодаря содержанию частей и их смысловому взаимодействию.

Для сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений-паремий с уступительным значением, как и для сложноподчиненных уступительных предложений-паремий, основной структурной особенностью можно назвать свернутость синтаксических конструкций.

В целом уступительные предложения-паремии представляют собой единую систему, в которую они объединяются на основе категориальных, семантических и структурных признаков. Содержательная сторона пословичных структур, выражающих значение уступки, характеризуется разноаспектностью. Предложения-паремии с уступительным значением отражают такие категории русскоязычного коммуникативного сознания, как толерантность, неконфликтность, некатегоричность и неоднозначность.

#### **Список использованных источников**

1. **Даль, В. И.** Пословицы русского народа : сборник в 2-х т. / В. И. Даль. – Москва : Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 383 с. ; Т. 2. – 398 с. – Текст : непосредственный.

2. **Норман, Б. Ю.** Паремии с градуальным значением в русском языке / Б. Ю. Норман. – Текст : непосредственный // Jachnow, H, Kiklevic, A, Meckovskaja, N, Norman, B, Wingender, M, Kognition. Sprache und phraseologische / parömiologische Graduierung. – Wiesbaden : Harrasowitz Verlag, 2005. – С. 297 – 353.

3. **Черникова, Н. С.** Уступительные конструкции: отклонение от стандарта? (на материале английского языка) / Н. С. Черникова. – Текст : непосредственный // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 3. – Воронеж : ВГУ, 2004. – С. 163 – 169.

*Дубицкая Елена Валентиновна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: elen-dubickay@yandex.ru*

УДК 81

## **МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ИДИОМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

*Elena V. Dubitskaya*

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

## **MYTHOLOGICAL REPRESENTATIONS IN THE IDIOMS OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

*В статье рассмотрен такой код культуры, как миф (мифологема), нашедший отражение во фразеологических единицах русского языка. Определены понятия миф, мифологема, мифологическое сознание. Представлена связь внутренней формы и современного значения идиом через интерпретацию древних мифологических представлений.*

*Ключевые слова: миф, мифологема, мифологическое сознание, фразеологизм, внутренняя форма, код культуры*

*The article considers the code of culture as a myth (mythologeme), which is reflected in the idioms of the Russian language. The concepts of myth, mythologeme and mythological consciousness are defined. The connection between the internal form and the modern meaning of idioms through the interpretation of ancient mythological representations is presented.*

*Keywords: myth, mythologeme, mythological consciousness, phraseology, internal form, culture code*

Во все времена самая яркая идентифицирующая функция была присуща языку, который неразрывно связан с культурой народа. Изучением и описанием взаимоотношений между культурой и языком, народным менталитетом и языком занимается наука, возникшая на стыке культурологии и лингвистики и получившая название "лингвокультурология".

Язык хранит в себе знания о мире, историческую память о разнообразных значимых событиях в жизни человека, отражает мироощущение и мировосприятие. Для фразеологизма, являющегося строевой единицей языка, свойственна функция фиксации и накопления в семантической структуре фразеологической единицы социального опыта народа, отражения национальной духовной и материальной культуры. Фразеологизмы являются отражением и проявлением культуры, истории и современного состояния каждого народа, при этом в кумулятивном виде. По структуре фразеологические единицы, как правило, состоят из двух-пяти компонентов, но при этом, если погрузиться во внутреннюю форму фразеологизма,

тот образ, который лежит в основе значения, можно увидеть целую историю, ситуацию или миф, а может быть, и фантазию. Погружаясь в культурное пространство языка, внутренняя форма выступает своеобразным мотиватором культурной коннотации идиом и часто содержит элементы национально-культурного плана (иногда специфические, присущие только конкретному народу).

Фразеологизмы были и остаются в языке на протяжении всей его истории, свидетельством чему выступают древние памятники письменности, литературные произведения нового времени, а также живая разговорная речь. Во фразеологии запечатлён богатый общественный и исторический опыт народа, отражены мифологические представления человека о мироустройстве, иерархии, культуре, быте, трудовых практиках, взаимоотношениях между людьми, традиции, обряды, ритуалы и т. д.

"Культурно-национальное пространство" представлено настоящими кодами культуры: эталонами, стереотипами, ритуалами, обрядами, архетипами, мифами (мифологемами), символами, легендами и прочими знаками национальной и общечеловеческой культуры.

Вслед за В. А. Масловой, во фразеологии можно выделить несколько кодов культуры, являющихся источниками культурно-значимой интерпретации фразеологических единиц: 1) "безэквивалентная лексика и лакуны; 2) мифологизированные языковые единицы: обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закреплённые в языке; 3) паремиологический фонд языка; 4) эталоны, стереотипы, символы, ритуалы; 5) образы; 6) стилистический уклад языков; 7) речевое поведение; 8) взаимодействие религии и языка; 9) область речевого этикета" [3, с. 12].

В данной статье мы остановимся на отражении мифологических представлений древних людей во фразеологических единицах. Сразу отметим, что во фразеологическом фонде русского языка представлены идиомы не только с собственно славянскими мифологическими воззрениями, но и отразившие мышление древних греков, римлян, ассирийцев и других народов.

Но прежде определимся с понятиями "миф", "мифологема", "мифологическое сознание".

В литературе под мифом понимают сказания о происхождении всего сущего, о богах и героях, представления людей о мире, о месте человека в нём. Миф в философии – "это яркая и подлинная действительность, ощущаемая, вещественная, телесная реальность, совокупность не абстрактных, а переживаемых категорий мысли и жизни, обладающая своей собственной истинностью, достоверностью, закономерностью и структурой и в то же время содержащая в себе возможность отрешённости от нормального хода событий, возможность существования иерархии бытия" [5]. Таким образом, обобщив определения, под мифом мы понимаем древнюю форму познания и объяснения мира, выражающуюся в произведениях народной

фантазии, олицетворяющую действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевлённых существ (в образе богов, легендарных героев, духов, демонов), которые первобытным сознанием мыслятся вполне реальными, объясняющую происхождение и сущность мира, предназначение человека в существующем мире.

Важнейшей частью мифа является мифологема, т. е. персонаж или ситуация, "главный герой" мифа, который может переходить из мифа в миф [3, с. 14]. Некоторые под мифологемой понимают "свёрнутую сюжетность" [1, с. 29], которая заключается в отсутствии фабульности, так как смысловое содержание мифологемы не нуждается в развёртывании. "Мифологема имеет этническую, региональную специфику, так как при её конкретном воплощении испытывает влияние национальной картины мира" [2, с. 14].

Мифологическое сознание отличается синкретизмом, восприятием картин, рождённых творческим воображением человека, в качестве "неопровержимых фактов бытия", по выражению А. Ф. Лосева. Мифологическое сознание определяют как наглядно-образное мышление, в котором образы обладают "телесностью" и пластичностью, эти образы включены в жизнь, но при этом напрямую с ней не связаны. В мифологическом сознании нет отвлечённых абстрактных понятий, нет обобщений, в нём всё осознаётся и осмысливается. Мифологическое сознание порождает образы и живёт ими, исходит из них. В этом сознании много мистического, нет чётких границ между природой, человеком и животными – всё воспринимается как единый мир. В мифах отсутствует грань между естественным и сверхъестественным, объективным и субъективным; причинно-следственные связи подменяются связью по аналогии и причудливыми ассоциациями.

Рассмотрим фразеологизмы, внутренняя форма которых отражает древние мифологические представления. Таких фразеологизмов немало в русском языке: *ахиллесова пята, танталовы муки, между Сциллой и Харибдой, авгиевы конюшни, яблоко раздора, бочка данаид, Геракл (геркулес) на распутье, троянский конь, нить Ариадны, сизифов труд, прокрустово ложе* и др.

Фразеологизм *между Сциллой и Харибдой* – находится в сложном положении, из которого трудно выйти – восходит к древнегреческим мифам об аргонавтах и Одиссее. Сцилла (Скилла) – дочь Гекаты, шестиглавое чудовище, с тремя рядами острых зубов в каждой голове, с двенадцатью ногами. Обитала в Сицилийском проливе (между Италией и островом Сицилия), жила в пещере, откуда появлялась, чтобы съесть проплывавших мимо моряков. Харибда – дочь бога морей Посейдона, превращённая в гигантский водоворот, губящий корабли. Сцилла и Харибда располагались по обеим сторонам узкого пролива. Проход по этому проливу был чрезвычайно опасен для мореходов. Таким образом, положение, при котором смертельная опасность грозит с разных сторон, стало восприниматься как

эталон критической ситуации вообще; какая-либо реальная сложная ситуация отождествляется с той, которая представлена в мифологии [4].

*Прокрустово ложе* – мерка, под которую насильственно пытаются подогнать разнородные вещи – выражение восходит к древнегреческим мифам о жизни и подвигах Тесея. Путешествуя, Тесей пришёл к жестокому разбойнику Дамасту, которого называли Прокрустом (вытягивателем). Разбойник придумал особо мучительное наказание для всех, кто приходил к нему. Он укладывал жертв на свою постель, а затем слишком длинным гостям отрубал ноги, а слишком коротких вытягивал до нужной длины. Отсюда выражение "уложить в прокрустово ложе". Конец бесчинствам Прокруста положил Тесей, поваливший разбойника на его же ложе, которое оказалось слишком коротко для великана, и убивший его.

Однако в русском языке представлены не только фразеологические единицы, внутренняя форма которых восходит к древнегреческим и древнеримским мифам. Для нас больший интерес представляют древние мифологические воззрения славян и как они отразились в языке. В отличие от античной мифологии, а также мифов стран Востока, хорошо известных по художественной литературе и произведениям искусства, славянские мифы до нашего времени не дошли, поскольку в далёкую эпоху их создания и бытования, славяне ещё не знали письменности. Однако нам известны некоторые славянские традиции, связанные с язычеством, например, древний обычай в конце зимы сжигать чучело – воплощение мрачных злых сил или хоронить мифическое существо вроде Масленицы и Ярилы у русских и белорусов. Славянская мифология и религия слагалась из обоготворения сил природы и культа предков.

Своеобразие славянской мифологии, отражающей мировоззрение её создателей, заключалась в том, что их жизнь была большей частью непосредственно связана с миром низших духов, которые обитали повсеместно. Одни из этих духов обладали умом, доброжелательностью, силой, другие были хитры, коварны и злы. Древние полагали, что все эти существа – бегемоты, водяные, полевики, вилы и т. п., сопровождают человека со дня его рождения и до самой смерти и постоянно вмешиваются в жизнь. Славяне верили, что окружающие их добрые и злые духи помогали собирать обильный урожай или приносили болезни, сулили счастливую семейную жизнь, порядок в доме, а могли и наказывать за неблагоприятные поступки. Богов, которых было сравнительно немного и которые управляли природными явлениями и стихиями – грозой, огнём, дождями, славяне боялись и почитали, стараясь умиловить молитвами и жертвоприношениями. Эти славянские верования нашли отражение во фразеологизмах: *хватил кондрашка, трын-трава, скатертью дорога, сам чёрт не брат, ни богу свечка ни чёрту кочерга, на том свете, на седьмом небе, ко всем чертям, к чёрту на кулички, к чёртовой бабушке, пускать / пустить красного пету-*

ха, чур меня!, перуны блещут, метать перуны, после дождичка в четверг, мужичок с ноготок и др.

*Венчали вокруг ели (а черти пели) / венчать вокруг ели (раKITОВОГО куста)* – о невенчанной чете – выражение связано с языческим обрядом венчания, при котором молодой паре нужно было обойти вокруг ели или раKITОВОГО куста для освещения брака языческими божеcтвами. С принятием христианства обряд начал восприниматься скептически и подвергся осмеянию. В связи с этим фразеологизм приобрёл шутивно-иронический оттенок.

*Кикимора болотная* – о некрасивом, неопрятно одетом человеке; о нелюдимом, чуждающемся общества и угрюмом человеке (чаще – женщине) (говорится с презрением) – в выражении отразились ассоциации с женским персонажем русской мифологии – *Кикиморой*. Обычно её представляют в виде безобразной, неряшливо одетой и уродливой старухи в лохмотьях. Она – "домовой в юбке", ибо постоянно находится в доме. Одним из главных занятий Кикиморы являлось её пристрастие к прядению: она допрядывала за хозяйку, часто наказывала нерадивых прях тем, что путала или рвала пряжу, жгла кудель, оставленную на ночь без осенения крестом, и т. п. Кикимора зловредна: была по ночам горшки, портила хлеба, стучала крышками коробов, ощипывала кур и т. п., стремясь при этом навредить больше хозяйке, чем хозяину. Некоторые функции Кикиморы позволяют отождествить её с языческим божеcтвом дождя и плодородия, известным в Киевской Руси, – *Мокошью* (ср. этимологическое сближение *Кикиморы с мара, мора* "болото, стоячая вода" и именем *Мокошь*, связанным с корнем *мок-, мокр-*). Кикимора предпочитала обитать в сырых местах – отсюда выражение *кикимора болотная*, дома селилась в "подызбичах"-подвалах. Комплекс суеверных представлений о Кикиморе во многом сохранён соответствующими выражениями, как и негативное отношение к этому мифологическому персонажу.

Для понимания славянской мифологии особое значение имеют былины. Русские богатырские былины могут быть поставлены в один ряд с героическими мифами в других мифологических системах. Герои былин воспринимаются не только как личности, имеющие отношение к определённой исторической эпохе, но и прежде всего – как защитники, родоначальники, эпические герои. Отсюда – их единство с природой и волшебная сила, их непобедимость. Например, фразеологизм (*как*) *Илья Муромец* – о сильном, здоровом, богатырского сложения человеке (говорится с одобрением) – оборот образован семантическим переносом собственного имени Илья Муромец. Этот русский богатырь в народном эпосе (былинах) стал олицетворением силы, ума, храбрости, твёрдости духа. В летописях имя Ильи Муромца не упоминается ни разу, поэтому неизвестно, был ли у Ильи Муромца конкретный исторический прототип, или он представляет собой собирательный образ.

Славянская мифология представляет собой не отдельную область народного представления о мире и мироздании (как фантазия или религия), а находит воплощение даже в быту – обрядах, ритуалах, земледельческом календаре, сохранившейся демонологии (от домовых, ведьм и леших до банников и русалок). Поэтому, практически уничтоженная на уровне текстов до XI века, она продолжает жить в образах, символике, ритуалах и в самом языке, в частности во фразеологии.

Необходимо отметить, что мифы не являлись выдумкой, а представляли живую реальность для сознания людей. Не признавая реальности мифа, трудно рассчитывать на понимание национально-культурного своеобразия многих идиом современного языка. Мифологическая действительность для обычного человека более жизненна, чем научная действительность, поэтому мифологическое объяснение мира существует параллельно с научным его видением.

#### **Список использованных источников**

1. **Дмитриенко, М. В.** Мифологема "поэт" и ее концептуальные модели в русском поэтическом дискурсе XIX – XX вв. / М.В. Дмитриенко. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2009. – № 27(165). – С.29-33.

2. **Круталевиц, А. Н.** "Мифологема" в понятийном аппарате культурологии / А. Н. Круталевиц. – Текст : электронный // Культура и цивилизация. – № 1. – 2016. – С. 10 – 21. – URL:<http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016-1/1-krutalevich.pdf>. – Режим доступа: свободный.

3. **Маслова, В. А.** Введение в лингвокультурологию : учебное пособие. – Москва : Наследие, 1997. – 207 с. – Текст : непосредственный.

4. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/145/mezhdu-scilloj-i-haribdoj.htm>. – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

5. URL: <https://www.sites.google.com/site/virtualmuzej/mif-kak-zanr-literatury>. – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

**Маркелова Татьяна Викторовна,  
Петрушина Мария Владимировна**

АНО ВО "Институт современного искусства"  
e-mail: [tvmarkelova@mail.ru](mailto:tvmarkelova@mail.ru)

УДК 82 396, 81

## **ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ ДУХ И ДУША КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ЗНАК ОЦЕНОЧНОГО СЛОВА**

**Tatiana V. Markelova,  
Maria V. Petrushina**  
*Institute of Contemporary Art*

### **IDIOMS WITH COMPONENTS SPIRIT AND SOUL AS SEMIOTIC SIGNS OF EVALUATING WORDS**

*В исследовании представлено комплексное описание триады: фразеологизм – концепт – слово. Демонстрируется приобретение словом оценочной семантики под влиянием аксиологического устройства фразеологического оборота, его стереотипа и образа, взаимодействия в нем лингвистической и экстралингвистической действительности*

*Ключевые слова: фразеологизм, концепт, слово, фразеологическая семантика, оценка, прагматика*

*The study presents a comprehensive description of the triad: idiom - concept - word. The article demonstrates how the axiological structure, stereotype and image of the idiom affect the evaluative semantics of a word because of the interaction of linguistic and extralinguistic reality in it.*

*Key words: idiom, concept, word, phraseological semantics, evaluation, pragmatics*

Прямая соотносённость фразеологических единиц с внеязыковой действительностью позволяет рассматривать их как средство корреляции языка и культуры, в которой фразеологизм воспринимается как результат разного мировидения народа, окультуренное мировосприятие, а в языке он понимается как культурно "оязыковленная" ментальная структура, изучаемая антропоцентрической фразеологией [2; 3; 16], в центре которой стоит "человек как мера всех вещей" и его представления о ценностной оппозиции: *в духе – не в духе; подъем духа, – упадок духа; добрый дух – злой дух; с душой – без души; вкладывать душу – вымотать всю душу; души не чаять – не по душе* и др. . Актуальность фразеологизма в когнитивном плане, его воспроизводимость и регулярность в речевой практике определяют его право быть знаком прецедентного феномена [6; 8; 13] в лингвокультурном пространстве. Особую роль в формировании прецедентной природы играет прагматическая функция знаков-компонентов оборота – отношение субъектов к "вездесущим" словам *дух* и *душа*, связь которых обнаруживает сложные отношения лингвистической и экстралингвистической действи-

тельности в коммуникации. Например, в профессиональной коммуникации театрального искусства обнаруживается отношение субъекта к употребляемому знаку *дух* как оболочке, внешней форме, под которой скрывается внутренняя форма – *душа* и воздействие этого феноменального слова-знака на игру актера и режиссера в фундаментальном звене системы Станиславского - фразе "жизнь человеческого духа" как сути школы актёрского "переживания": "Переживание помогает артисту выполнять основную цель сценического искусства, которая заключается в создании "*жизни человеческого духа*", роли и передачи этой жизни на сцене в художественной форме" [14, с. 25]. Сравним выражение "Как лагерь, погруженный в сон, вдруг пробуждается от тревожного сигнала к наступлению, так и силы нашей *артистической души* сразу поднимаются и спешно готовятся к творческому походу" [14, с. 317]. Понятие *душа* было ключевым словом его системы, но скрывалось за понятием *дух* по причине невозможности выхода за рамки цензуры и получения разрешения в печать – "лит. ", нарушения принципов марксизма-ленинизма: *дух* оставался родным советским лозунгом - "окрылял и поднимал на высоту", а *душа* – "трепетала и порхала" (была вражеской "поповско-церковной" антиценностью). Языковое и неязыковое сплетались здесь в едином творческом порыве, внутренняя форма нуждалась в облечении во внешнюю, служила "тайной" системы К. С. Станиславского.

Таким образом, наличие оценочного элемента в интенционале значения слова и фразеологизма, лингвокультурная природа и прецедентный характер побуждают к рассмотрению его как средства "формирования аксиологической модели современного общества, в которой отражается и преобразуется оценочный механизм языка в рамках его функционально-семантического поля" [10, с. 9].

Главной проблемой остается появление оценочных значений у слова под влиянием его фразеологического ореола. Эти значения часто не отмечены в словаре, но "живут" в языковой действительности, приобретая оценочные коннотации за счет прагматической палитры фразеологического оборота, удачно располагаясь на оценочной шкале (см. примеры выше), в содержании знаков-функций: *хорошо – нормально – плохо*. Изучение "обратной" связи – **от фразеологизма к слову**, расширение оценочной семантики слова – важная лингвоаксиологическая задача, решение которой проливает свет на ментальное представление лексико-фразеологической парадигмы, ее преобразующее участие в коммуникации, аксиографии и фразеографии.

Для изучения аксиологического аспекта языка в качестве фрагмента действительности, закреплённого фразеологической системой, были выбраны концепты *дух* и *душа*, актуализируемые в текстах разных стилей и жанров, востребованные в коммуникации и реализуемые словами "дух" и "душа" и их фразеологическим окружением. Репрезентация сознания,

внутреннего мира, переживаний, психического мира, чувств, представлений о бессмертии и смерти, телесном и бестелесном часто апеллирует к близким и отличающимся членам этой семантической "пары" - "дух" и "душа", "уживающимся" в одном синонимическом ряду, несмотря на ономастиологические отличия. Продемонстрируем это на примере одного из знаковых лексикографических явлений века – "Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений" Н. Абрамова: ср. : дух см. душа, запах, зловоние, направление, настроение, обычай, сердце, смелость, стиль // **душа** – дух, сердце, грудь. См. воротила, глава, единица, руководитель, сердце, суть, человек [1, с. 672]. При этом отметим, что слово *дух* не является семантической доминантой синонимического ряда, такой чести удостоено только слово *душа*. По мнению Ю. С. Степанова, "...концепт "Душа" не отождествляется (не "синонимизируется") с концептами "Дух", "Сознание", "Человек, Личность", но тесно соприкасается с ними, - почему и может быть освещен через эти соприкосновения" [15, с. 717].

**Семантический объем духа и души** отражает динамику лексикографического развития, обусловленную, вероятно, этимологией процессуального происхождения с "первосмыслом" - глаголом-действием *вдыхать / вдвухать*. В контексте нашего исследования процитируем В. В. Колесова: "Душа - дыхание духа: Дух дышит идеже хошет" [7, с. 209]. Опора нашего семантического анализа - смысловая структура языковой единицы в учении ЛА Новикова, представленная как "внешний знак - внутренний знак - значение" [11, с. 22].

От "души" как "бессмертного духовного существа", "человека с духом и волей", у В. И. Даля [4, с. 503-504] - до "внутреннего, психического мира человека, его настроений, переживаний и чувств" - у С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [12, с. 183] до религиозно-философских дефиниций в словаре С. А. Кузнецова - "духовная сущность человека, нематериальная субстанция, внутренний мир, самосознание как свойство высокоорганизованной материи" [9, с. 289 - 290] -такова семасиологическая природа "души" - сущности женского пола и рода.

Сравним семантику слова "дух": у В. И. Даля это "бестелесное существо, обитатель невещественного, безплотный житель недоступного нам духовного мира" [4, с. 503]. И далее - у С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой - "сознание, мышление, психические способности, начало, определяющее поведение, действия" и два омонимических значения "то же, что дыхание" со стилистическими пометами "разг. " и "прост. " в семемах семантической структуры и "на духу" - "на исповеди" с пометой "устар. " [12, с. 183]. Продолжая лексикографическую триаду, отметим идентичность значения в словаре С. А. Кузнецова [9, с. 289 - 290]. Но приведенное сравнение ономастиологической природы касалось только первой базовой семемы и омонимического значения "духа". Подчеркнем, что вторые семемы в семантической структуре - "внутреннее состояние, моральная сила человека" -

практически совпадают у всех лексикографов. В. И. Даль трактует эту семему как "сила души, доблесть, крепость" с очевидной оценочной семантикой.

**Семантический объем слов-знаков *дух* и *душа*** отличается сочетанием иконической природы знаков и их символическим смыслом: "*Душа* как символическое обозначение "внутреннего мира человека" - хорошо известная метафора. Но символический смысл "души" глубже" [7, с. 269]. Итоговое определение "души как символа духа" подчеркивается философами и филологами, связывается с источниками более глубоких символов: "*Сердце символ души, душа - символ духа*" [5, с. 90]. Немотивированность символического знака играет значительную роль в развитии семантической структуры слов-концептов под влиянием массива фразеологических оборотов с одноименными компонентами в их составе.

Архисема человек - центральная в обоих знаках, объединяющая семантическую структуру "духа" и "души", включающая различные определения в их ипостаси. Отметим ценностный характер этих определений: *добрый дух, добрая душа - злой дух, злая душа*, подчеркнем также смертогенный потенциал лексем во фразеологизмах: *испустить дух, отдать душу*.

Фразеологизм с лингвокультурной природой и прецедентным характером, а также оценочным компонентом в интенционале значения, выступает *средством реализации коммуникативных и прагматических интенций говорящего*, позволяющих ему выразить своё ценностное отношение к сообщаемому – объекту ценности (лицу, предмету, явлению, событию), определив его положение на шкале оценки.

Поскольку фразеологизм обладает культурно-национальной спецификой, средством воплощения которой является образное основание, и отображает картину мира представителя национально-лингвокультурного сообщества, наполнение которой концептуально, он неминуемо связывается с концептом и представляет его стереотипное или эталонное, по Ю. С. Степанову, выражение: "Между тем, идеалистическая философия оперирует главным образом с концептом "Дух", а русская повседневная духовная жизнь обладает концептом "Душа", и эти концепты различны" [15, с. 717].

Стереотипным выражением концепта *дух* в смысле "сила" (моральная сила человека, коллектива) [12, с. 183] являются фразеологизмы *сильные духом* – "о людях, вселяющих бодрость, уверенность"; *воспарить духом* – "человек, вдохновившийся, воодушевленный чем-то значительным, важным, высоким"; *воспрянуть духом* – "преодолеть уныние, апатию, обрести бодрость, хорошее настроение", *быть в духе* – "в хорошем настроении", а также *собраться с духом, подъем духа, присутствие духа* и др. - на положительной шкале оценки. На отрицательной шкале оценки стереотипным выражением "дух" в смысле "слабость" становятся фразеологизмы *падать*

*духом, упадок духа* – "впасть в уныние, в отчаяние", *вышибить дух* – "ослабить почву под ногами", "ослабить", *быть не в духе* "в плохом настроении", а также *терять дух (присутствие духа)*, чтобы духу не было (выйти вон) и др. – на отрицательной шкале оценки. Дифференциальными признаками оборотов стали семы "настроение", "чувство", "состояние", "желание" в положительной зоне и "лишать", "изнулять", "усиливать", "захватывать" в отрицательной зоне. .

Будучи готовой речевой формулой, легко воспроизводимой языковой личностью при попадании в ту или иную стереотипную ситуацию, фразеологизм принимает на себя функцию признакового дейксиса, отражающую признаковый характер оценочной шкалы "очень", "сильно": *во весь дух, единым духом* и др. . Продемонстрируем также противопоставление оценочной фразеосемантики в оборотах с компонентом "душа": *с душой, по душе, по душам, всей душой, душа в душу, вкладывать душу, забирать за душу, наполнять душу, с легкой душой, с дорогой душой* – положительная оценка отражает "одобрение", "силу чувства", "легкость", "искренность", "откровение", "чистосердечие", "удовольствие", формирующие оценочную семантику слова "душа". Отрицательная оценка слова "душа" формируется в оборотах *не по душе, в чем душа держится, еле-еле душа в теле, душа не лежит, душа не принимает, заячья душа, чернильная душа, душа болит (горит, надрывается), душа уходит в пятки, душа перевернулась, душа разрывается на части* и мн. др., реализуясь семами "слабость", "беспокойство", "тревога", "трусость", "формализм", "неодобрение".

**Семантика, синтактика и прагматика духа и души** как семиотических знаков формируется аксиологической природой фразеосемантики оборотов. Слова-компоненты и фразеологизмы, реализующие лингвоспецифичные концепты *дух и душа, одновременно "отражают" и "формируют"* образ мышления носителей языка, что даёт основание говорить о **взаимобратной корреляции фразеологизма и концепта**. Аксиологический аспект выявляет объединяющее ценностное / антиценностное начало – "**сила**" и "**слабость**" для всей **триады "концепт – фразеологизм – слово"** для знаковых в русском языке лексем *дух и душа*.

### Список использованных источников

1. **Абрамов, Н.** Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. 8-е изд., стереотип. – Москва : Русские словари: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. – 672 с. – Текст : непосредственный.
2. **Алефиренко, Н. Ф.** Фразеологическое значение в свете когнитивной семиологии / Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры / под ред. В. М. Мокиенко. – Москва : Элпис, 2006.
3. **Багаутдинова, Г. А.** Проблемы аксиологической фразеологии / Г. А. Багаутдинова, Л. К. Байрамова. – Текст : непосредственный // Проблемы

семантики языковых единиц в контексте культуры / под ред. В. М. Мокиенко. – Москва : Элпис, 2006.

4. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – Москва : Олма-пресс, 2004. – Текст : непосредственный.

5. **Ильин, И. А.** Собр. соч. / И. А. Ильин. Т. 6 (в 3 кн.). – Москва, 1997. – Текст : непосредственный.

6. **Карасик В. И.** Языковые ключи / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2009. – Текст : непосредственный.

7. **Колесов, В. В.** Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с. – Текст : непосредственный.

8. **Красных, В. В.** "Свой" среди "чужих": миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 376 с. – Текст : непосредственный.

9. **Кузнецов, С. А.** Новейший большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов ; гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, Москва : РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с. – Текст : непосредственный.

10. **Маркелова, Т. В.** Аксиология как квинтэссенция современности: отражение и преобразование / Т. В. Маркелова. – Текст : непосредственный // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сборник статей по материалам международной научной конференции, посвящённой 1000-летию г. Ярославля: в 2 ч. – Ч. 2. – Ярославль : ЯГПУ, 2011. – С. 3 – 17.

11. **Новиков, Л. А.** Семиотика как наука о знаковых системах и общая лингвистика / Л. А. Новиков. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – 2003. – № 5. – С. 22.

12. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : ИНФОТЕХ, 2009. – 938 с. – Текст : непосредственный.

13. **Слышкин, Г. Г.** От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 128 с. – Текст : непосредственный.

14. **Станиславский, К. С.** Собр. соч. / К. С. Станиславский. В 8 т. Т. 2. – С. 25. – Текст : непосредственный.

15. **Степанов, Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : Академический Проект, 2004. – 992 с.

16. **Телия В. Н.** Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова и др. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телия. – Москва : Отчизна, 1995. С. 10–16.

*Сироткина Татьяна Александровна*

*БУ ВО "Сургутский государственный педагогический университет"*

*e-mail: [sirotkina71@mail.ru](mailto:sirotkina71@mail.ru)*

УДК 811. 161. 1

## **ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ЮГРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ**

*Tatiana A. Sirotkina*

*Surgut State Pedagogical University*

### **PHRASEOLOGISMS IN THE SPEECH OF THE RESIDENTS OF UGRA AS A REFLECTION OF THE NATIONAL MENTALITY**

*В статье рассматривается региональная фразеология ХМАО-Югры, которая является отражением национальной ментальности представителей русского этноса, проживающих на данной территории.*

*The article discusses the regional phraseology of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra, which is a reflection of the national mentality of the representatives of the Russian ethnos living in this territory.*

*Ключевые слова: фразеологизмы, Югра, ментальность*

*Key words: phraseological units, Ugra, mentality*

Сферами создания фразеологической образности являются, как известно, различные области практической жизнедеятельности народа, в рамках которой идет приобретение житейского опыта, выступающего мотивационной базой фразеологической семантики. Лингвисты говорят в этом случае о прототипических мотивационных моделях фразеологизмов, определяющих развитие их образной семантики, отражающих историю, культуру и образ жизни народа, носителя языка [3, с. 6129].

В региональной фразеологии Севера Западной Сибири так же, как и в других фразеологических системах, представлен человек, живущий на данной территории, описываются особенности внешнего вида и поведения, способы хозяйствования, бытовые реалии, видение окружающего мира.

Одной из сфер фразеологической образности является сфера природы. Человек, живущий на севере, знает, что живая и мертвая вода бывает не только в сказках. В местных реках зимой она тоже зимой бывает мертвой, реже – живой, когда со дна реки бьют источники, снабжающие ее кислородом: "*Живая вода там, где много ключей, на быстрине*" [2, с. 47].

Картина весеннего ледохода отражена во фразеологизме "пойти иглой": "*Он (лёд) уже иструх, пошел иглой*" [1, с. 99].

Окружающая человека природная среда описывается во всех деталях. Такие описания включают, например, характеристику рек и их берегов: "*Коренной берег то же, что агора. Остров Скрипуновский вон*" [2, с. 66].

Возможность не только человеку, но и животным выжить в суровых северных условиях оценивается с помощью таких фразеологизмов, как:

- кормовое место – место, где достаточно корма для птиц и животных: "При перелете птицы набираются, скопление птиц, кричат, едят, отдыхают, где-то там нашли *кормовое место*" [2, с. 66];

- под щётку отщипывать – под корень съесть траву на пастбище: "А сейчас заросло всё, а раньше коровы *под щётку отщипывали* всё" [2, с. 99].

Сфера "хозяйственная деятельность человека" включает в себя семантические пласты, связанные с:

- ловлей и хранением рыбы: "*Донный провяз*, его не ставят, его выкидывают из лодки, и он сам плывет по дну. Всё ловит, что на пути" [2, с. 44]; "Рыба *проходит сквозь пальцы*, проплывает между сетей, не ловится" [2, с. 111]; "Запрет, это когда не должен рыбачить, но добываешь. Садят рыбу в водоеме, живую, вот это садок назывался, а *рыба садковая*" [2, с. 113]; "*Зимовальную яму* я делал в картофельной яме для засолки рыбы, как ледник: снегу весной закидываешь до половины ямы, а потом спускаешь ящики" [2, 54];

- заготовкой сена: "*Пароконные волокуши* расположены между двумя лошадьми" [2, с. 94];

- наблюдениями за погодой: "Вот и смотришь, кака зима была, тако лето будет. И так говорили: *зима по лету, лето по зиме*" [2, с. 54].

Образная сфера "характеристика человека" включает в себя такие компоненты, как:

- внешний вид: "*Из под пятницы суббота* – это когда надеваешь одежду, а из-под нее другая одежда видна" [2, с. 57];

- физическое и психическое здоровье: "Вишь, у меня уж *выпадение памяти*, я ничего не знаю, я же стара" [2, с. 33]; "Когда тебе говорят, а ты ничего не понимаешь: *глухой, как пестерь*" [2, с. 36]; "На них хулиганы напали, избили, напугали сильно. А потом он *гусей погнал* [сошел с ума] – и жену убил. И меня чуть не убил" [2, с. 40];

- социальный статус (богатый, бедный): "Ничего не было. Из приданого была *рубаха с перемывахой*" [2, с. 111]; "*Кокоть, лапоть да сандаля* – это всё в общем значит "бедный человек, человек, которому нечего одеть" [2, с. 64];

- речевое поведение: "Ты чё *на всю голову* орёшь? Чё там?" [2, с. 81]; "*Иди ты в тим дырявый!* Говорят, когда злятся на кого-нибудь" [2, с. 57].

Сфера "представления о мире" отражает такие мировоззренческие установки, как:

- отношение к смерти: "Мне уж самой-то осталось, *полгроба из жопы торчит*" [2, с. 100]; "Могилевская губерния – умирать, от слова, могила, ушёл в ту сторону, на кладбище" [2, с. 78];

- желание уберечь ребенка или растения от сглаза: "Говорить надо про себя, чтобы не сглазили ребеночка или растение: "Соль тебе на язык, головешка в зубы" [2, с. 118].

Интересна для исследования обрядовая сфера региональной фразеологии, отражающая отдельные элементы, например, свадебного обряда: "Пойдем новобрачным *перекрывать дорогу*" [2, с. 95].

Однако особенно интересна, на наш взгляд, сфера промысловой фразеологии, в которой отражена история того или иного промысла Севера Западной Сибири, его современное состояние. Материалы, собранные А. М. Кашкаревой в Ханты-Мансийском, Березовском, Сургутском, Нижневартовском и других районах [1], включает фразеологизмы, связанные с:

- ямским промыслом: *бежать на колокольцах* (ехать на тройке с колокольчиками), *ехать на сквозных*, *ехать на протяжных*, *пойти напереходняка* (ехать, не меняя лошадей), *ехать на вершиной* (ехать верхом на лошади);

- санно-тележным промыслом: *давать жук* (трескаться, ломаться при гнущем ободе колеса), *на деревянном ходу*, *на железном ходу*, *державка головки*, *почва полоза*;

- народной медициной: *горькая трава*, *черная трава*, *березовая мочка*, *марьин корень*, *корень валериана*, *сердечные корни* (по наблюдениям А. М. Кашкаревой, компоненты растений в подобных сочетаниях приобретают "фармакологическое значение", указывая на ту часть растения, которая употребляется в медицинских целях);

- прядением и ткачеством: *беленая пряжа*, *небеленая пряжа*, *гладкий холст* (однотонный, без рисунка), *портяной холст* (прочный холст из льна первичной обработки);

- пчеловодством: *дадановский улей*, *многоярусный улей*, *роевая семья*, *семья медовик*, *сильная семья*, *слабая семья*, *спаренная семья*;

- сенокошением и сеноуборкой: *болотное сено*, *солонцовое сено*, *боровое сено*, *пашенное сено*, *луговое сено*, *красное сено*, *гнилое сено*, *едкое (неедкое) сено*;

- сбором грибов: *белый гриб*, *еловый груздь*, *осиновый гриб*, *собачий груздь*, *сухой груздь*, *сырой груздь*, *тополёвый груздь*, *черный груздь*.

Таким образом, в региональной фразеологии ярко репрезентируются такие черты региональной идентичности жителей Севера Западной Сибири, как хорошее знание природы региона, способов выживания в тяжелых климатических условиях, традиционных местных промыслов. В ней отражается менталитет русских жителей ХМАО-Югры, сложившийся за время пребывания этноса на данной территории.

### Список использованных источников

1. **Кошкарева, А. М.** Очерки сибирской словесности : учеб. пособие. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гум. ун-та, 2010. – 182 с. – Текст : непосредственный.
2. Русское слово на земле Югорской Югорской (опыт словаря старожильческих говоров Обь-Иртышского Междуречья). – Ханты-Мансийск, 2014. – 290 с. – Текст : непосредственный.
3. **Хайруллина, Р. Х.** Фразеологический образ: ментальная природа и языковое выражение / Р. Х. Хайруллина. – Текст : непосредственный // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 2. – С. 6129 – 6232.

*Столярова Анастасия Николаевна*

*УО "Мозырский государственный педагогический университет  
имени И. П. Шамякина"  
e-mail: [stolyarova\\_an@mail.ru](mailto:stolyarova_an@mail.ru)*

УДК 811. 161. 1'373. 7

## ТРАНСПОРТНАЯ МЕТАФОРА КАК ОСНОВА ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОФРАЗЕМ

*Anastasiya N. Stolyarova*

*Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin*

### TRANSPORT METAPHOR AS A BASIS FOR THE FORMATION OF NEOPHRASEMES

*В статье проанализированы основные тематические типы метафор, являющихся основой для неофразеологизации, выделены наиболее распространённые из них. Рассмотрена транспортная метафора как основа для фразеоморфоза и проанализированы некоторые ситуации, подвергшиеся метафорическому переосмыслению.*

*Ключевые слова: метафора, метафоризация, транспортная метафора, фразеологизация, неофразаема*

*The article analyzes the main thematic metaphor types which serve as a basis for neophraseologization, the most widespread of them are singled out. Transport metaphor as a basis for the formation of phrasemes is studied, some situations which were subject to metaphoric interpretation are analyzed.*

*Key words: metaphor, metaphORIZATION, transport metaphor, phraseologization, neophraseme*

Превращение свободного сочетания слов во фразеологизм, развитие фразеологического значения, отличного от прямого значения переменного словосочетания-прототипа фразеологической единицы, происходит в результате семантических преобразований, появления новых компонентов значения, коннотаций. "Семантическое обновление наступает обычно в

силу все более вольного, переносного употребления: от конкретного значения к абстрактному, от частного случая к обобщению" [1, с. 143]. Основным механизмом развития вторичных значений, позволяющим провести аналогии между явлениями реальности и "вписать" в них добавочные смыслы, является метафора. Она позволяет "обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы" [2]. Б. А. Ларин, наблюдая за закономерностями развития фразеологических единиц из переменных словосочетаний, делает вывод о том, что "самым существенным и решающим условием преобразования простого предложения в идиоматическое было семантическое обогащение, называемое метафоризацией, сущность которого в расширении и обобщении значения в сторону образной типичности" [1, с. 145]. О продуктивности метафоры во фразеологии высказываются многие лингвисты. Н. Ф. Алефиренко утверждает: "Во фразеологии единодушно признано, что метафора – основной источник фразеологизации" [3, с. 164]. По мнению В. Н. Телия, "метафоризация является универсальным средством пополнения языкового инвентаря – как лексического, так и грамматического, формирующегося в процессах вторичной номинации ..." [2]. Как отмечает А. В. Кунин, "метафорическое переосмысление является самым распространённым видом переосмысления" [4, с. 75].

Популярность метафоры объясняется её практически ничем не ограниченными потенциями. Использование метафоры позволяет не только сопоставить явления, имеющие хотя бы одну схожую характеристику, но и показать общее у разнородных существей, провести аналогии между явлениями окружающей среды и абстрактными понятиями, назвать прежде не существовавшие объекты, выразив при этом их оценку и передав эмоциональное отношение.

Весьма распространёнными являются классификации по тематической принадлежности метафоры, причём представляется возможным классифицировать её как по сфере-источнику метафоры, так и по сфере, к которой относится готовое переосмысленное образование. В. П. Москвин [5, с. 112 – 114], например, выделяет следующие возможные группы метафор: медицинские, спортивные, финансовые, военные, анималистические, антропоморфные, пространственные и др. Данный ряд является открытым, поскольку метафоризация способна охватывать все сферы действительности. На материале субстантивных метафор В. Д. Старичёнок разработал классификацию, в основе которой – характер соотносённости исходного и реципиентного лексико-семантического варианта и их общая смысловая направленность. Он выделяет следующие семантические типы метафор: соматический, локативный, внешнеподобный, темпоральный, акциональный, экзистенциональный, качественный, количественный, антропоморфический и др. Учёный обращает внимание, что современное развитие об-

щества способствует появлению новых типов метафор (технократическая, метафоры информационных технологий) [6, с. 20 – 132].

Из значительного количества существующих классификаций метафор, по нашему мнению, наиболее надежные результаты показывает классификация, в основе которой – мотивационная сфера метафоры. Исходя из её интерпретации, представляется возможным выделить те сферы действительности, которые имеют наибольшую значимость для современного человека и, следовательно, являются основой для переосмысления и обладают повышенной метафорической производительностью.

Н. Ф. Алефиренко пишет, что метафора – лишь первый этап на пути к появлению фразеологизма. Второй этап – собственно фразеологизация, когда "возникают новые коннотативные и потенциальные семы, которые и определяют сущность фраземы как качественно новой номинативной единицы" [3, с. 171]. Результатом метафоризации являются многозначные слова / словосочетания, а фразеологизация приводит к появлению различных по семантике фразем.

Материалом для исследования послужили неофраземы, отобранные нами из публикаций в сетевых изданиях Республики Беларусь, преимущественно "СБ. Беларусь сегодня". Критериями для отбора были определены такие показатели, как несколькословность и раздельноформленность, переосмысление исходного значения, семантическая целостность, новизна.

Анализ метафор, на основе которых образованы подвергаемые исследованию неофраземы, позволил выделить следующие их типы: транспортная (*ставить на автопилот*), анималистическая (*храмая утка*), антропоморфная (*открыть личико*), пищевая (*есть кактус*), компьютерная (*крутить ленту*), военная (*бить в одну цель*), математическая (*подводить под единый знаменатель*), физическая (*период охлаждения*), сельскохозяйственная (*в одном плуге*), спортивная (*войти в клинч*), игровая (*пазл складывается*), метафора природных стихий (*дать огня*), географическая (*дорожная карта*), пространственная (*потерять края*), предметная (*вброс на вентилятор*), техническая (*переключить рубильник*).

Самыми распространёнными типами метафор, по результатам анализа нашего материала, являются антропоморфная и транспортная. Доминирование антропоморфной метафоры объясняется антропометричностью метафоры как её базовой характеристикой. Человек – творец метафоры – соизмеряет сущее с тем, что ему наиболее знакомо и понятно. Собственное тело в данном отношении превосходит остальные предметные области. Широкое распространение транспортной метафоры как основы для образования фразем мотивировано особенностями современных реалий, которые характеризуются доступностью разнообразных видов транспорта, их стремительным развитием и быстрым ростом их количества. Кроме того, основное свойство транспорта – это движение, в котором отмечается множество возможных процессов – старт, набор скорости, движение на разных

скоростях, переключение передач, торможение, остановка, нарушение или соблюдение правил дорожного движения, общение с сотрудниками ГАИ и другими водителями и т. д. Более того, сама машина – это сложный механизм, состоящий из множества частей, работа которых должна быть согласована. Машину нужно заправлять, обслуживать, ремонтировать, обновлять; она может служить показателем достатка, может использоваться для перевозки и пассажиров, и грузов.

В основе транспортных метафор – ситуации управления транспортом, различные стадии его движения, некоторые виды транспортных средств. Рассмотрим некоторые неохрафаземы, основанные на транспортной метафоре.

В русском языке существует выражение *вписаться в поворот*, которое имеет значение ‘управляя автомобилем, совершать поворот в соответствии с изгибом дороги’ [7, с. 507]. Если машина вписывается в поворот, она проходит его и продолжает движение в намеченном направлении. Данная ситуация стала основой для метафорического переосмысления, в результате которого появилась неохрафаема со значением ‘успешно, без проблем перейти на новый этап, уровень’. Делясь мыслями о неизбежности ухода молодости и наступлении пожилого возраста, журналист прибегает к метафоре: *Главное тут, выражаясь терминологией автомобилистов, вписаться в поворот. Без потерь для себя заметить переход, где заканчивается одно и начинается другое* (СБ, 19.03.2019). Жизнь человека здесь – как движение машины по извилистой дороге: нужно суметь пройти все повороты, чтобы двигаться дальше.

Автомобильный тахометр – прибор, позволяющий контролировать работу мотора. Если его стрелка находится в красной зоне, это значит, что двигатель достиг пика своей мощности и работает в аварийном режиме. Обычно такой ситуации можно избежать, вовремя переключая передачи. Возможность провести параллели между работой прибора, процессом управления автомобилем и поведением человека привела к появлению фраземы *загонять стрелку тахометра в красную зону* ‘переходить границы дозволенного; усугублять ситуацию, доводя её до критической’: *В этой ситуации только сильный мог остановить конфликт, найти компромисс, а не загонять стрелку тахометра в красную зону, доводя ситуацию до абсурда* (Онлайнер, 24.05.2018).

Абстрагирование от конкретной ситуации, переход к обобщению частных характеристик, характерный для метафоры, наблюдается и во фраземе *переключиться на низкие передачи / понизить передачу*. В своём прямом значении данное выражение используется автомобилистами при изменении передачи на более низкую, что необходимо при снижении скорости автомобиля. При его метафорическом переосмыслении образуется фразема со значением ‘снизить активность, темп жизни’: *У всех есть вариант уйти в дикie леса или уехать на забытые всеми Аватарами пляжи Индии,*

стать дауншифтером и переключиться на низкие передачи (СБ, 24.08.2018).

Переосмыслению подвергаются и названия транспортных средств. Лексема *вертолёт* как средство для патрулирования территорий, более полного видения ситуации и контроля над ней становится материалом для семантических преобразований. В русском языке функционирует как варваризм *helicopter parents*, так и его переводные варианты *родители на вертолете* / *патрулирующие родители*: *Чтобы обозначить такое родительское поведение, даже появился термин **helicopter parents – родители на вертолете**, то есть такие родители, которые как будто патрулируют детей с воздуха. В статье американского издания я прочитала, что масштабы этого явления настолько увеличились, что многим американским компаниям приходится подстраиваться под "**патрулирующих родителей**" при приеме выпускников на работу* (ТутБай, 12.12.2019). Как пилоты вертолёта имеют возможность с высоты контролировать определённую территорию, так и *helicopter parents* – это родители, постоянно следящие за своими детьми, не выпускающие их из поля зрения.

Итак, тема транспорта представляет из себя богатый материал для переосмысления и справедливо становится источником большого числа метафор и неофразем. Метафорическое рассмотрение реалий, связанных с многоаспектным использованием транспортных средств, позволяет сопоставить новое и уже известное, провести аналогии, обобщить ситуацию применимо к новым условиям и таким образом создать новую номинацию.

#### Список использованных источников

1. **Ларин, Б. А.** История русского языка и общее языкознание : учебное пособие для студентов пед. ин-тов / Б. А. Ларин. – Москва : Просвещение, 1977. – 225 с. – Текст : непосредственный.
2. **Телия, В. Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия. – Текст : электронный // Библиотека МГУ им. М. В. Ломоносова : [сайт]. – 1988. – URL: [http://genhis.philol.msu.ru/article\\_66.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml) (дата обращения: 14.03.2019).
3. **Алефиренко, Н. Ф.** Фразеология и паремиология: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 344 с. – ISBN 978-5-9765-0838-5. – Текст : непосредственный.
4. **Кунин, А. В.** Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. ин. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – Москва : Высшая школа, Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. – 381 с. – ISBN: 5-06-002394-X. – Текст : непосредственный.
5. **Москвин, В. П.** Русская метафора: очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЛЕНАНД, 2006. – 184 с. – ISBN: 5-9710-0037-3. – Текст : непосредственный.

6. **Старычонак, В. Д.** Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў : манагр. / В. Д. Старычонак. – Мінск : БДПУ, 2007. – 190с. – ISBN: 978-985-501-369-4. – Тэкст : непасрэдны.

7. **Мокиенко, В. М.** Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : ЗАО "ОЛМА Медиа Групп", 2007. – 784 с. – ISBN: 978-5-373-01386-4. – Текст : непосредственный.

*Хазанова Кацярына Львоўна*

*Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны  
e-mail: hazanova@gsmu. by*

*УДК811'42'373: 664. 66: 398. 91 (=161. 3): 398. 91 (=161. 1)*

## **КАРАВАЙ У БЕЛАРУСКІХ І РУСКІХ НАРОДНЫХ ПАРЭМІЯХ**

*Katsiaryna L. Khazanava*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### **KARAVAY (LOAF) IN BELARUSIAN AND RUSSIAN FOLK PAREMIAS**

*В статье исследуются особенности употребления названия каравай в белорусских и русских пословицах и поговорках. Определяются семантика слова и связь обозначенного им понятия со свадебной и календарной обрядностью белорусского и русского народов. Рассматриваются полисемия лексемы и словообразовательная парадигма её производных в восточнославянских говорах.*

*Ключевые слова: пословица, поговорка, каравай, обряд, свадьба, фольклор, восточнославянские языки*

*The article research the features of the use of the name karavay (loaf) in Belarusian and Russian proverbs and sayings. The semantics of the word and the connection of the concept designated by it with hewedding and calendar rituals of the Belarusians and Russians are determined. The polysemy of lexemes and the word-formation paradigm of its derivatives in East Slavic dialects are considered.*

*Keywords: proverb, saying, karavay (loaf), ritual, wedding, folklore, East Slavic languages*

Вусная народная творчасць акумулявае лепшыя традыцыі мінулых стагоддзяў і захоўвае для сучасных і будучых пакаленняў духоўныя заповеды продкаў. Як паказваюць нашы назіранні, "аналіз унутранай формы асобных абрадавых лексем дазваляе высветліць заканамернасці светаўспрымання і светасузірвання носьбітаў дадзенай этнічнай культуры" [11, с. 206].

Вялікае месца ў традыцыйных абрадах усходніх славян займае *каравай* – 'абрадавы хлеб, часцей круглай формы'. Значэнне і важнасць

гэтай вядомай абрадавай стравы ў духоўнай спадчыне ўсходнеславянскіх народаўпаслядоўна і дэтальна даследаваліся этнографамі і фалькларыстамі [8]. Праведзеныя намі даследаванні сведчаць, што каравай быў і зараз застаецца "нязменным атрыбутам вяселля Украіны і Беларусі" [8, с. 80]. Неабходна заўважыць, што "ў беларускім, рускім і ўкраінскім вяселлі можна вызначыць агульныя і адметныя рысы, большасць з якіх мае старажытнае магічна-рытуальнае паходжанне, абумоўлена даўнімі язычніцкімі і пазнейшымі хрысціянскімі вераваннямі ўсходніх славян і так ці інакш фарміравалася і мянялася пад уплывам роўных аб'ектыўных гістарычна-сацыяльных абставін" [10, с. 184].

Каравай мае асаблівае месца ў беларускай вясельнай абраднасці. Па заўвазе А. А. Станкевіч, на Гомельшчыне "вясельны пірог, які называецца ў рэгіёне *каравай, пірог, вясельны пірог, хлеб*, з'яўляецца галоўным хлебабулачным вырабам на вяселлі" [8, с. 23].

Каравай таксама з'яўляецца важным атрыбутам каляндарнай абраднасці беларусаў. Каравай насілі на рунь на Юр'я (6 мая) [1, с. 93]. Выпякалася названая абрадавая страва з мукі новага ўраджаю на Багач, або Прачыстую (21 верасня) [1, с. 149].

Значнасць хлебабулачнага вырабу ў народных усходнеславянскіх традыцыйных абрадах абумовіла частае ўзгадванне караваю ў прымаўках і прыказках, дзе "закладзены велізарнае інфармацыйнае напаўненне, якое ўключае ісэнсавую інфармацыю, і канатацыю" [13, с. 155]. У беларускіх прыказках каравай сімвалізуе маёмасць, прыбытак: На чужой каравай рота (рот) не разяўляй (не разявай) [4, с. 353]. Аналаг прыведзенай беларускай прыказкі ў рускім фальклору мае працяг: На чужой каравай рот не разевай, а пораньшевставай да свой затевай [2, с. 89].

Рускі фальклор прапануе і іншыя цікавыя выслоўі, прывечаныя караваю: Мужик с одним яйцом каравай хлеба съест [5]. Некаторыя з прыказак маюць на мэце прадказаць надвор'е: Март сухой да мокры май – будет каша и каравай [5]. Адметна, што ў многіх выразях рускай мовы ўказанне на каравай не звязваецца з сямейнымі або каляндарнымі абрадамі, а ўжываецца з семантыкай 'ежа': Каравай – пастуху, крохи – скоту; Каравай для обеда, а мудроеслово – для ответа; Не ломайкаравай, а ножомрежь да ешь! [5]; Заработанный ломоть лучше краденого каравая [2, с. 89].

Большасць з прыведзеных выказаў звязвае назву каравай з хлебабулачным вырабам. Аднак маюцца і парэміі, дзе слова абазначае толькі круглую форму ежы: Хороша и честь, и слава, а лучшетогакаравай сала [2, с. 89].

Разам з тым у парэміях лексема каравай ўжываецца ў адцягненым значэнні 'маёмасць, узровень жыцця': Каравай не по рылу [2, с. 89].

Па звестках У. Даля, найменне каравай мае семантыку 'непачаты, цэльны хлеб', 'круглы ком', 'пшанічны хлеб на малацэ, з яйкамі і маслам'

[2, с. 89]. Гаворкі рускай мовы прапануюць семантычную дыферэнцыяцыю лексему: 'прэсны хлеб, праснак', 'круглы пірог з курьцай' [2, с. 89]; 'кавалкі здобнага цеста з лепшай пшанічнай мукі, смажаныя ў масле ў глінянай латцы'; 'запяканка з яйкамі, маслам і малаком' [6, с. 66]. У дыялектнай семантыцы слова пераважае сема 'выраб з мукі, цеста': 'аржаны хлеб', 'хлеб з ячменнай мукі', 'вялікі хлеб асобай выпечкі з салодкім смакам', 'пшанічны хлеб' [6, с. 64-65]. Аднак сустракаецца і іншае значэнне, якое, на наш погляд, з'яўляецца другасным, будучы вынікам метафарычнага пераносу па падабенству формы: каравай 'круглы падводны камень' [2, с. 89]; 'штосьці, што мае форму шару'; 'камень, валун'; 'форма згортвання шаля' [6, с. 66].

Большасць гаворак рускай мовы, як і беларускія гаворкі, трывала захоўвае абрадавую семантыку лексемы каравай. Слоўнікі фіксуюць разнастайныя абрады з гэтай назвай, звязаныя пэўным чынам з вясельнымі традыцыямі ўсходніх славян: каравай 'дзвявічнік, бо каравай падаецца на дзвявічнік' [2, с. 89], 'вяселле' [6, с. 66].

Менавіта як назву абрадавай стравы У. Даль зафіксаваў слова і ў прыказцы Мой каравай в печь перепёлкой, из печи коростёлкой [2, с. 89], якую, па словах даследчыка, "прыгаворваюць на вясельным святкаванні, калі вымаюць" [2, с. 89].

Пра непасрэдную спрадвечную сувязь лексемы каравай менавіта з вясельнымі традыцыямі сведчыць этымалогія слова. М. Фасмер выказаў меркаванне пра этымалагічную роднасць наймення каравай са словам коро́ва, што ва ўсходнеславянскіх дыялектах ужываецца з сямтыкай 'нявеста' [9, с. 332]. Адорванне караваем "мусіць быць чароўным сродкам, каб выклікаць пладавітасць, накштат таго, як бык сімвалізаваў жаніха" [9, с. 332].

У лексіцы вясельнай абраднасці ўсходніх славян адзначаецца і вялікая колькасць вытворных ад каравай найменняў. Як адзначае А. А. Станкевіч, "назвы, вытворныя ад лексемы каравай, складаюць своеасаблівую словаўтваральную парадыгму" [8, с. 29].

Сярод субстантыўных утварэнняў перш за ўсё выдзяляюцца агентыўныя намінацыі, што называюць дзеючых асоб, персанажаў вясельнага абраду. У гаворках Гомельшчыны жанчыны, што выпякаюць каравай, называюцца каравайніцы, караваіхі, каравайніхі [8, с. 23]. А мужчын, што ўносяць каравай на святкаванні, называюць каравайшчыкі [8, с. 24]. Назва каравайніца на Гомельшчыне ў выніку метаніміі набыла тэмпаральнае значэнне і таксама мае семантыку 'дзень, калі пякуць каравай' [8, с. 24].

Гаворкі рускай мовы захоўваюць найменні каравайнік (караваечнік) і каравайніца (каравайшчыца) з уласцівай для іх полісеміяй:

каравайнік 'той, хто разам з жаніхом вязе ў царкву і з царквы каравай', 'посуд канічнай формы для выпечкі каравая', 'вялікая крынка для малака' [6, с. 66]; 'вясельны чын, хто носіць каравай' [2, с. 89];

караваечнік 'хто пячэ каравай або гандлюе ім' [2, с. 89];

каравайніца 'тое, што каравайнік', 'посуд для аржаного цеста', 'адна з маладых жанчын, што кухарыць каравай напярэдадні вяселля', 'свацця, якая назірае за выпяканнем каравая', 'галінка, што ўпрыгожвае вясельны абрадавы хлеб' [6, с. 66-67];

каравайшчыца 'тое, што каравайніца' [6, с. 67].

Некаторыя субстантыўныя суфіксальныя ўтварэнні ад каравай уяўляюць сабой дэмінітыўныя найменні: каравайчык 'памяншальная назва вясельнай булачкі' [8, с. 29]. Адпаведнікі фіксуецца і рускімі гаворкамі: каравайчык 'пшанічная булка асобай выпечкі', 'здобны блін', 'невялікі салодкі пірог', 'невялікая гара, узгорак' [6, с. 67]. У рускіх гаворках таксама сустракаюцца вытворныя ад каравай дэмінітывы, якія з часам страцілі памяншальна-ласкальную канатацыю:

каравайка 'невялікі круглы хлябец, печаны ў чарэні, на блясе або ў спецыяльнай форме', 'прэсны хлеб з прасеянай мукі', 'посуд для такога хлеба' [6, с. 66];

каравайко 'пшанічны хлеб' [6, с. 66];

караваец 'крутая каша, запечаная ў місцы' [2, с. 89];

каравайцы 'пшанічныя бліны' [2, с. 89];

каравашка 'хлябец з сумесі аржаной і ячнай мукі' [2, с. 89].

Гаворкі ўсходніх славян захоўваюць шырока функцыянальныя ад'ектывы, вытворныя ад каравай і непарыўна звязаныя з вясельнай абраднасцю. Вывучэнне лексікі вясельнай абраднасці ўсходніх славян паказвае, што для ад'ектыўнай намінацыі каравайны пераважным з'яўляецца функцыянаванне "ў складзе словазлучэнняў атрыбутыўнага тыпу каравайнае цеста, каравайная гарэлка, каравайныя песні" [8, с. 29]. Аднак часам такія прыметнікі субстантыўваюцца:

каравайнае – 'у вясельных абрадах – грошы, падараваныя нявесце на каравай' [6, с. 67];

каравайны – 'у вясельных абрадах – чалавек, які "ахоўвае" абрадавы каравай' [6, с. 67]. Захавалася, напрыклад, цікавае апісанне абрадавых дзеянняў і функцый асобы каравайнага падчас вяселля: "У доме нявесты ён кладзе на каравай капялюш, каб не ўкралі, інакш ён мусіць выкупіць каравай грошамі" [6, с. 67].

Гаворкі ўсходнеславянскіх моў прапануюць сінанімічныя лексемы найменню *каравай*. У такіх словах семантыка 'каравай' складае асноўнае сэнсавае напаўненне. Лексічнае значэнне 'каравай' у некаторых гаворках рускай мовы мае слова *паляніца* 'белы хлеб, булка' [7, с. 166]. Прыведзеная назва хлебабулачнага вырабу часцей сустракаецца ў беларускіх і ўкраінскіх гаворках. У. Даль прыводзіў слова *паленіца* з семантыкай

‘булка, белы, пшанічны хлеб, пірог, калач’ [3, с. 12]. У адрозненне ад наймення *каравай*, назва *паляніца* не мае абрадавай, рытуальнай, семантыкі. Калі слова *каравай* у большасці выпадкаў называе менавіта традыцыйны хлеб або пірог, што робяць на вяселлі, то *паляніца* – гэта ‘белы хлеб, булка’, а ў іншых гаворках – ‘праснак з аржаного нягустога цеста’ [7, с. 166].

Паколькі “беларускія прыказкі і прымаўкі, як і адзінкі іншых фальклорных жанраў, захаваліся ў народным узусе з перыяду моўнага адзінства ўсходнеславянскіх народаў” [12, с. 511], то ў сваім лексічным складзе гэтыя народныя выразы захоўваюць назвы абрадавых страў, найбольш значымых, вядомых і папулярных у традыцыях усходніх славян. Найменне традыцыйнага абрадавага хлеба *каравай* сустракаецца ў народных выслоўях і беларускага, і рускага фальклору. Хаця лексема *каравай* этымалагічна злучана з вясельнай абраднасцю, у беларускіх і рускіх парэміях не заўсёды слова мае звязаную з абраднасцю семантыку і характарызуеца полісеміяй. Аб трываласці захавання і функцыянавання наймення *каравай* у дыялектнай і фальклорнай традыцыях беларускага і рускага народа сведчыць развітая сістэма вытворных ад лексемы найменняў.

### Спіс выкарыстаных крыніц

1. Беларускі народны каляндар / аўтар-укладальнік Алесь Лозка. – Мінск : Полымя, 1993. – 184 с. – Текст : непосредственный.
2. **Даль, В.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. : [словарь] / В. Даль. Т. 2 : И – О. – Москва : Русский язык, 1978. – 779 с. – Текст : непосредственный.
3. **Даль, В.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. : [словарь] / Владимир Даль. Т. 3 : П. – Москва : Русский язык, 1980. – 555 с. – Текст : непосредственный.
4. **Лепешаў, І. Я.** Тлумачальны слоўнік прыказак [слоўнік] / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с. – Текст : непосредственный.
5. Пословицы и поговорки про каравай : [сайт]. – URL: [http://www.poslovitz.ru/pro\\_karavay.html](http://www.poslovitz.ru/pro_karavay.html) (Дата обращения: 05.02.2021). – Режим доступа: свободный.
6. Словарь русских народных говоров : в 47 вып. : [словарь]. Вып. 13 : калун – кобза / гл. редактор Ф. П. Филин. – Ленинград : Наука, 1977. – 359 с. – Текст : непосредственный.
7. Словарь русских народных говоров : в 47 вып. : [словарь]. Выпуск 25: отчурить – первачок / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. – Ленинград : Наука, 1990. – 353 с. – Текст : непосредственный.
8. **Станкевіч, А. А.** Абрадавая лексіка ў гаворках гомельшчыны : этналінгвістычны аналіз / А. А. Станкевіч, К. Л. Хазанова, А. М. Воінава. –

М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – 269 с. – Тэкст : непасрэдны.

9. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: в 4 т. : [словарь] / М. Фасмер. Т. 2: Е – Муж / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – Москва : Прогресс, 1986. – 672 с. – Текст : непосредственный.

10. **Хазанова, К. Л.** Трэці дзень вяселля ў лексіцы гаворак Гомельшчыны / К. Л. Хазанова. – Тэкст : непасрэдны // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2012. – № 1 (70). Гуманитарные науки. – С. 184 – 188.

11. **Хазанова, К. Л.** Славянскі сінкрэтызм у мове фальклору Гомельшчыны / К. Л. Хазанова. – Тэкст : непасрэдны // Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья : материалы международной научно-практической заочной конференции, Витебск, 2 февраля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол. : И. М. Прищепа [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 206 – 209. – Текст : непосредственный.

12. **Хазанова, К. Л.** Русізмы ў беларускіх прыказках і прымаўках / К. Л. Хазанова. – Тэкст : непасрэдны // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: Международный научный форум (г. Новозыбков, 23 – 26 октября 2019 г.): сборник материалов : в 2 ч. Ч. 2 / Фонд "Русский мир", Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Рос. центра науки и культуры в Гомеле, Брянский гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского; редкол. : С. Н. Стародубец (гл. ред.), В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 189 – 195. – Текст : непосредственный.

13. **Хазанова, К. Л.** Граматычныя асаблівасці параўнальных канструкцый у беларускіх прыказках і прымаўках / К. Л. Хазанова. – Тэкст : непасрэдны // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2020. – № 1 (118). Гуманитарные науки. – С. 155 – 159.

*Шведова Зоя Владимировна*

*УО "Гомельский государственный университет*

*имени Франциска Скорины"*

*e-mail: zshvedova@mail.ru*

*УДК 811'42'373. 23'367. 623: 398. 92 (=161. 3): 398. 92 (=161. 1)*

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ  
ОТОНОМАСТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА-  
ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В БЕЛОРУССКИХ И РУССКИХ  
ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ**

*Zoya V. Shvedova*

*Francisk Skorina Gomel State University*

**FUNCTIONAL FEATURES OF THE ONONOMASTIC COMPONENT-  
ADJECTIVE IN BELARUSIAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGISMS**

*В статье на материале фразеологизмов с компонентом-прилагательным отономастического образования, зафиксированных в двух словарях русского и белорусского языков, рассматривается и выявляется функциональная роль названного компонента. Установлены формообразующая, смыслообразующая, фразообразующая, менталитетоотражающая функции во фразеологизмах двух языков.*

*The article examines and reveals the functional role of the named component based on the material of phraseological units with an adjective component of ononomastic education, recorded in two dictionaries of the Russian and Belarussian languages. Formative, semantic, phrase-forming, mentality-reflecting functions in the phraseological units of two languages have been established.*

*Ключевые слова: фразеологизм, отономастический компонент, прилагательное, функция, роль, сходство и отличие*

*Key words: phraseological unit, ononomastic component, adjective, function, role, similarity and difference*

В настоящее время представляется перспективным изучение специфики фразеологии на фоне языковых единиц, отличающихся повышенной социальностью, связью с жизнью общества, культурой каждого народа. К таким единицам можно отнести собственные имена, поскольку они являются особенностью языков всех времен и народов и способны многое рассказать о прошлом и настоящем народа-носителя языка.

В рамках предложенной статьи остановим внимание на исследовании сопоставления белорусских и русских фразеологизмов с компонентом-прилагательным, образованным от имени собственного, в функциональном аспекте. Источником сбора материала для исследования послужили два словаря фразеологизмов литературного белорусского [2] и русского языков [4], из которых соответственно выделено 37 фразеологизмов белорусского и 58 фразеологизмов русского языка.

К вопросу о компоненте-прилагательном во фразеологизмах русского языка неоднократно обращались и уделяли внимание многие исследователи, среди которых О. В. Логинова, В. Г. Печенкина, И. В. Шубарчук. На материале фразеологии английского, немецкого языков адъективные компоненты также были объектом внимания (З. Н. Анисимова, Р. Г. Котов, Н. М. Сидякова и др.). Однако в сопоставительном аспекте фразеологизмы с компонентом-прилагательным разных языков не были изучены в полном объёме.

В ходе анализа фразеологических единиц белорусского и русского языков с компонентом-прилагательным (только на материале избранных словарей) было установлено, что именной адъективный компонент, обладая связанным значением в составе фразеологизма, определяет специфические черты всей единицы. В связи с этим представляется интересным выявление функциональных особенностей этого компонента-прилагательного в составе фразеологических единиц в двух родственных языках.

В языкознании функция определяется как а) способность языковой формы к выполнению того или иного назначения, б) роль, выполняемая языковой единицей (грамматической категорией, грамматической формой) при воспроизведении в речи [3, с. 524]. Таким образом, функция – это совокупность ролей, которые выполняет компонент фразеологизма в общей системе данной языковой единицы, вступая во взаимоотношения с другими компонентами.

Опираясь на исследования Т. Н. Хомутовой и результаты анализа литературы, можно отметить, что в современной лингвистике существуют три различных подхода в понимании функции. Первый подход основан на выделении функций языковых единиц как их значения, и такой подход называется семантическим. В рамках этого подхода функцию рассматривали О. Есперсен, А. В. Бондаренко, Л. С. Бархударов. Согласно второму подходу функция рассматривается как синтаксическая роль языковых элементов в составе единиц более высокого ранга. Этот подход определяется как формальный. Такое понимание функции, по мнению Т. Н. Хомутовой, связано с именами Ш. Балли, Л. Блумфилда, Ч. Фриза. Третий подход называется коммуникативным, согласно ему функция трактуется как способность языковых единиц к выполнению определенного назначения в речи. Такая точка зрения характерна для работ представителей пражской школы, сторонников теории речевых актов, этнографии общения, прагматики и целого ряда других направлений современной лингвистики. Причём, как отмечает профессор Т. Н. Хомутова, первые два подхода изучают внутренние функции языковой единицы, в то время как коммуникативный подход распознает ее внешние функции по отношению к контексту, частью которого является языковая единица [5].

Применение общего интегрального подхода (совокупности семантического, формального и коммуникативного подходов) к определению

функций отономастического компонента-прилагательного в составе фразеологических единиц обусловлено самой природой фразеологизма, то есть взаимодействием его формы, значения и функции.

С точки зрения формального подхода к определению функций отономастического компонента-прилагательного структурных особенностей фразеологизмов, образованных по модели "прилагательное + существительное", двух сопоставляемых родственных языков не выявляется, поскольку компонент-прилагательное является обязательным структурным элементом, выполняющим формообразующую функцию.

Анализ выявленных фразеологизмов белорусского и русского языков позволяет отметить, что это единицы, где чаще всего наблюдается согласование главного компонента-существительного и зависимого компонента-прилагательного, при котором зависимое слово принимает все формы главного слова, насколько это позволяют грамматические категории двух слов, выполняет функцию определения и стоит в препозиции (бел. : *у Магілёўскай губерні, антонаў яблык, стальпінскі гальштук* и др.; рус. : *мамаево побоище, тришкин кафтан, коломенская верста* и др.).

При семантическом подходе роль компонента-прилагательного во фразеологическом значении определяется как смысло- и фразообразующая. Для выявления данных функций необходимо рассмотреть механизм формирования фразеологического значения. В исследовании мы опираемся на определение, данное А. В. Куниным, который под фразеологическим значением понимает инвариант информации, выражаемой семантически осложненными, раздельнооформленными единицами языка, не образующимися по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний слов [1, с. 140]. Такое толкование фразеологического значения дает основание полагать, что оно детерминировано характером составляющих его элементов. Рассмотрим данный механизм формирования фразеологического значения применительно к фразеологизмам белорусского и русского языка. Так, в обоих языках есть фразеологизм *стальпінскі гальштук* 'штыбеніца, пятля' – *стольпинской галстук* устар. 'виселица (в период стольпинской реакции)' с бывшим притяжательным прилагательным *стольпинский*. Фразеологизм основан на историческом факте заявления 17 ноября 1907 г. П. А. Столыпина, что его правление и в дальнейшем будет жестоко подавлять революционное движение в России, на что кадет Ф. И. Родичев, выступив в прениях, сказал, что репрессивные средства борьбы "потомки назовут, возможно, стольпинским галстуком". Став компонентом фразеологизма, прилагательное утратило семантическое свойство обозначать принадлежность одному лицу, развивая сему "свойственный многим однотипным предметам", затем утрачивает и это свойство, но развивает качественное значение *стольпинский* – "жестокий, подавляющий". Семантическая структура данного фразеологизма также включает в себя категориальную сему "предмет", субкатегориальную сему

"неодушевленность", взятую от существительного галстук. Тем не менее, без прилагательного существительное не может передать основного значения. На примере рассмотренного фразеологизма, а также во всех подобных компонент-прилагательное выполняет смыслообразующую функцию.

Последним из подходов к определению функций отономастического компонента-прилагательного является коммуникативный. В рамках этого подхода определяется оценочная, стилеразличительная, менталитетоотражающая функция компонента-прилагательного в составе фразеологизмов двух языков. Придавая большое значение функциям самого фразеологизма в целом и выделяя экспрессию как основную характеристику фразеологической единицы, ряд ученых (А. М. Мелерович, В. Н. Телия, В. М. Мокшенко, М. Л. Ковшова, О. А. Лещинская и др.) называют коннотативную сему главным компонентом фразеологического значения.

Остановимся из обозначенных нами функций компонента-прилагательного фразеологизмов белорусского и русского языков на менталитетоотражающей. Данная функция связана со способностью фразеологизмов отражать особенности ментальности носителей языка. Как известно, язык и культура любого народа тесно взаимосвязаны. Язык есть особая форма передачи ментальности, мировоззрения человека. Фразеологическое калькирование часто приводит к тому, что в языке возникают отсутствовавшие ранее связи и отношения слов в рамках заимствованного фразеологизма. Фразеологические единицы с заимствованным отономастическим компонентом являются проводниками другой культуры, вместе с тем они всегда будут отличаться в разных языках, хотя эти различия, как правило, незначительны и не влияют на образную и семантическую характеристики фразеологизма. Так, во фразеологизме русского языка *сирота казанская* 'человек, притворяющийся несчастным, чтобы разжалобить кого-либо', компонент-прилагательное *казанский* определяет значение данного фразеологизма, которое восходит к историческим событиям XVI века на Руси. После взятия Казани Иван Грозный, желая приблизить к себе местную аристократию, награждал добровольно явившихся к нему высокопоставленных татар. Многие из них, чтобы получить богатые подарки, притворялись сильно пострадавшими от войны. Белорусский фразеологизм *у Магілёўскай губерні 'ў замагільным свеце, супрацьлеглым зямному (апынуцца, аказацца і пад.)'* возник на основе каламбурного, народно-этимологического сближения слов *могила* (в значении 'смерть, гибель') и *Могилёвская* (прилагательное от названия города Могилёва).

При относительно одинаковой в двух языках заимствованной фразеологической базе с отономастическим компонентом-прилагательным, необходимо отметить количественно разное освоение. Например, при наличии во фразеологии русского литературного языка трех фразеологизмов с компонентом *вавилонский* (*вавилонская башня, вавилонская блудница, вавилонское столпотворение*), в белорусском языке присутствует только

один – *вавілонскае стоўпатварэнне*. Во фразеологическом словаре белорусского литературного языка отсутствуют фразеологизмы, которые присутствуют в русском словаре, например: *ювеналов бич, английская болезнь, французская болезнь, парижская зелень, итальянская земля, вальпургиева ночь, пиррова победа, египетская работа, елисейские поля, голладская сажка, римские свечи, китайская трава*. И наоборот, в русском словаре не зафиксированы фразеологизмы, которые присутствуют в белорусском: *свяцейшы за папу рымскага, антонаў агонь, егіпецкая кара, па гамбургскім рахунку*.

Таким образом, рассмотрев функциональные особенности отономастического компонента-прилагательного в составе фразеологизмов белорусского и русского языков, мы выявили, что компонент-прилагательное одинаково выполняет формообразующую, смыслообразующую, фразообразующую, менталитетоотражающую функции во фразеологизмах двух языков.

#### **Список использованных источников**

1. **Кунин, А. В.** Курс фразеологии современного английского языка: уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., стереотип. / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс+, 2005. – 488 с. – Текст : непосредственный.

2. **Лепешаў, І. Я.** Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 1. А – Л. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672; т. 2. М – Я. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с. – Тэкст : непасрэдны.

3. **Розенталь, Д. Э.** Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва: Просвещение, 1976. – 543 с. – Текст : непосредственный.

4. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в. : В 2 т. / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – Т. 1: А – Н. – 340 с. ; т. 2: О – Я. – 274 с. – Текст : непосредственный.

5. **Хомутова, Т. Н.** Научный текст: анализ вариативности: монография / Т. Н. Хомутова. – Челябинск: Издательский центр ЮурГУ, 2012. – 212 с. – Текст : непосредственный.

## **СТРУКТУРНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ "БІЦЦЁВЫХ" ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ З АГУЛЬНЫМ КАМПАНЕНТАМ ДАЦЬ**

*Angelina A. Scherbataya*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### **STRUCTURAL ORGANIZATION OF "BEAT" PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COMMON GIVE COMPONENT**

*У артыкуле разглядаюцца фразеалагізмы беларускай мовы з агульным дзеяслоўным кампанентам даць, якія паводле сваёй семантыкі аб'ядноўваюцца ў адзіную "біццёвую" групу. Вызначаецца частотнасць ужывання дзеяслоўных кампанентаў фразеалагізмаў, аналізуюцца пэўныя мадэлі іх структурнай арганізацыі, падаюцца этымалагічныя даведкі.*

*Ключавыя словы: фразеалагізм, кампанент даць, дзеяслоў, "біццёвая" група, семантыка, структура, залежны назоўнік*

*The article deals with the phraseological units of the Belarussian language with a common verb component to give, which in their semantics are combined into a single "beat" group. It is determined by the frequency of use of verbal components of phraseological units, analyzes certain models of their structural organization depending on the type of dependent component-noun, provides etymological references.*

*Keywords: phraseology, give component, verb, "beat" group, semantics, structure, dependent noun*

У сувязі з узмацненнем цікавасці да вывучэння фразеалагізмаў як другасных адзінак мовы, якія, як вядома, з'яўляюцца носьбітамі культурнай спадчыны беларусаў, наша ўвага скіравана да разгляду фразеалагізмаў, суадносных з часцінамі мовы. Сёння сярод суадносных з часцінамі мовы фразеалагізмаў вызначаны пэўныя семантыка-граматычныя тыпы: назоўнікавыя, прыметнікавыя, дзеяслоўныя, прыслоўныя, мадальныя і выклічнікавыя (І. Я. Лепешаў [1], В. М. Макіенка [2], М. А. Даніловіч [3], В. П. Жукаў [4] і інш.).

Сярод названых тыпаў у беларускай фразеалогіі найбольш колькасна прадстаўлены дзеяслоўныя, дзе ў якасці галоўнага кампанента (у большасці выпадкаў) выступае менавіта дзеяслоў – "граматычна-семантычны клас слоў, якія абазначаюць дзеянне ці стан прадмета як працэс і выражаюць гэтае значэнне ў граматычных катэгорыях стану, трывання, асобы, ладу, часу, роду (у формах прошлага часу і ўмоўнага ладу)" [5, с. 279].

У межах групы літаратурных фразеалагізмаў беларускай мовы з апорным дзеяслоўным кампанентам намі выдзелены толькі з кампанентам *даць*, што абумоўлена высокай частотнасцю гэтага кампанента (больш за 70 адзінак), а таксама іх рознай структурай і семантыкай. Дзеяслоў *даць* у беларускай мове ўжываецца ў некалькіх значэннях: 1) 'уручыць, перадаць з рук у рукі непасрэдна', 2) 'тое, што і прадаставіць', 3) 'атрымаць як вынік чаго-н.', 4) 'устроіць для каго-н. якое-н. грамадскае мерапрыемства', 5) 'вызначыць узрост', 6) 'выявіць якое-н. дзеянне, стан', 7) 'падвергнуць чаму-н.', 8) 'нанесці ўдар', 9) 'даручыць, вызначыць', 10) 'зрабіць што-н.' [6, с. 172].

Наша ўвага ў межах артыкула скіравана да фразеалагізмаў з агульным кампанентам *даць* толькі з "біццёвым" значэннем, паколькі яны вылучаюцца сваёй яркай выражанай экспрэсіўнасцю, якая з'яўляецца вынікам вобразнасці, а іх агульнае значэнне зводзіцца да пакарання праз фізічнае (у большасці) або маральнае ўздзеянне, што бярэ выток з лексічнага значэння дзеяслова *даць*. Так, з 77 фразеалагізмаў з дзеяслоўным кампанентам *даць* да ўласна "біццёвых", якія маюць значэнне 'сурова распраўляцца з кім-н., караць каго-н., біць', аднесены 15 адзінак, што складае 19, 5 % ад агульнай колькасці. Адметнай з'яўляецца іх структурная арганізацыя: асноўнымі ў дадзенай групе з'яўляюцца мадэлі "*даць + назоўнік*" і "*даць + прыназоўнік + назоўнік*", якія пабудаваны на аснове свабодных словазлучэнняў (параўн. *даць перцу* 'сурова распраўляцца з кім-н., бязлітасна біць, караць каго-н.' [7, с. 346] і *даць грошы*).

У межах дадзенай фразеасемантычнай групы выдзяляюцца пэўныя мадэлі структурнай арганізацыі: 1) "*даць + прыназоўнік + назоўнік-саматызм*"; 2) "*даць + назоўнік, утвораны ад дзеяслова з "біццёвым" значэннем*"; 3) "*даць + аддзеяслоўны назоўнік, утвораны ад дзеяслова з "небіццёвым" значэннем*"; 4) "*даць + нематываваны назоўнік*"; 5) "*даць + назоўнік у пераносным значэнні*".

1. Першую групу складаюць фразеалагізмы з агульным дзеясловам *даць*, да якога далучаецца кампанент, унутраная форма якога паказвае на месца ўдару, што названа саматызмам. Да такіх адносім фразеалагізмы *даць у косці* 1) 'моцна прабіраць каго-н.'; 2) 'сурова распраўляцца з кім-н., біць, караць каго-н. (часцей ворага)' [7, с. 352], *даць у скуру* 'сурова распраўляцца з кім-н., біць, караць каго-н.' [7, с. 352], *даць па зубах* 'моцна правучыць, пакараць, нанесці паражэнне каму-н.' [7, с. 367], *даць па карку* 'моцна правучыць, пакараць каго-н.' [7, с. 367]. Дзякуючы ўключэнню ў структуру саматычных кампанентаў *косці, скура, зубы, карак*, якія скарыстаны ў якасці вобразнай асновы новых другасных адзінак, дадзеныя фразеалагізмы набываюць выразнае, даходлівае і дакладнае па форме і вобразу значэнне, а іх семантыка становіцца празрыстай. Гэта тыя саматызм-кампаненты, якія, акрамя ўласнага наймення часткі цела чалавека, набылі акультураны сэнс і сталі актыўным сродкам пазнання ў далёкім мінулым

чалавекам самога сябе. Указанне на месца, ці прастору, дасягаецца дзякуючы суаднесенасці фразеалагічных адзінак не толькі з антропна-дзейнасным (дзеянне выконвае чалавек – дзеяслоў *даць*) і саматычным (праз кампаненты *косці, скура, зубы, карак*) кодамі культуры, але і з прасторавым праз выкарыстанне ў кожным фразеалагізме спалучэння прыназоўніка з назоўнікам.

2. Да фразеалагізмаў з дзеясловам *даць* далучаецца назоўнік, які ўтвораны ад дзеяслова з "біццёвым" значэннем: *даць чосу* 'сурова распраўляцца з кім-н. , біць, караць каго-н. ' [7, с. 348], *даць чапаласу* 1) 'моцна сварыцца на каго-н. , рэзка прабіраць каго-н. '; 2) 'сурова распраўляцца з кім-н. , біць, караць каго-н. ' [7, с. 354], *даць ляшча* 'моцна ўдарыць, выцяць каго-н. ' [7, с. 366]. Кожны з названых назоўнікаў у складзе фразеалагізмаў абазначае і ўспрымаецца як від пакарання, ці з'яўляецца вытворным ад адпаведнага "біццёвага" дзеяслова. В. М. Макіенка лічыць, што "этот тип фразеологических единиц был, по-видимому, исходным для всей модели" [2, с. 57].

Так, у фразеалагізме *даць чосу* паходжанне назоўніка ўзыходзіць да дзеяслова *часаць*, які непасрэдна не выражае "біццёвага" значэння, але падкрэслівае разнастайныя моманты, што асацыятыўна звязваюцца з фізічным пакараннем (параўн. *абчэсваць дрэва ад кары, часаць кол* і інш).

У структуры фразеалагізма *даць чапаласу* назоўнік *чапалас* не мае свайго ўласнага вобразнага малюнка, але дзякуючы яго рускамоўнаму адпаведніку *встряска*, уключэнне ў дадзеную групу робіцца відавочным.

Цікавым па сваім паходжанні з'яўляецца фразеалагізм *даць ляшча*. І. Я. Лепешаў адзначае, што "яго ўзнікненне В. М. Макіенка звязвае з магчымым утварэннем ад дыялектнага дзеяслова лешць 'біць' слова-кампанента *леш* са значэннем 'удар'" [8, с. 115]. Пры гэтым даследчык мяркуе, што гэты фразеалагізм запазычаны з украінскай мовы, дзе "слова *ляшч* ужыв. не толькі ў складзе фразеалагізма *дати ляшча* 'ўдарыць далонню па абліччы', але і як назоўнік з самастойным лексічным значэннем 'аплявуха'; першапачаткова *дати ляшча* – 'даць аплявуху'" [8, с. 115]. Магчыма суаднесці фразеалагізм з дзеясловам *ляскаць* на аснове гукавой асацыяцыі: *ляскаць* – гэта значыць атрымаць моцны ўдар, які мае гукавое суправаджэнне. У працэсе моўных зносін ідыёма *даць ляшча*, як правіла, выкарыстоўваецца найчасцей у дачыненні да твару чалавека, у выніку чаго і ўтвараецца *ляскат* – гук біцця па твары.

3. Спалучэнне дзеяслова *даць* з аддзеяслоўнымі назоўнікамі, лексічнае значэнне якіх нельга ўключыць у "біццёвую" групу, але яны ўтвораны ад дзеясловаў: *даць гарту* 1) 'моцна сварыцца на каго-н. , рэзка прабіраць каго-н. '; 2) 'сурова распраўляцца з кім-н. , караць каго-н. (часцей ворага)' [7, с. 342], *даць жару* 1) 'моцна сварыцца на каго-н. , распякаць каго-н. '; 2) 'сурова распраўляцца з кім-н. , караць каго-н. ' [7, с. 345], *даць копаці* 'сурова распраўляцца з кім-н. , караць, знішчаць каго-н. (часцей ворага)'

[7, с. 348]. Скарыстаныя тут назоўнікавыя кампаненты ўтвораны ад розных па свайму семантычнаму складу дзеясловаў: назоўнік *гарт*, які называе абстрактнае паняцце і абазначае ‘цвёрдасць металу, якая надаецца гартваннем’ [6, с. 145], узнік ад дзеяслова *гартваць*. Таксама, як адзначае В. М. Макіенка, “выделяются образования от глаголов со значением ‘жарить; жечь’” [2, с. 58]: *жар* – ад *жарыць* (бел. *смажыць* – ‘гатаваць на агні (рыбу, мяса, грыбы)’ [6, с. 610], *копаць* – ад *капіць*. Параўноўваючы дадзеную мадэль з папярэдняй, можна прасачыць агульную рысу: залежным кампанентам у абедзвюх групах выступаюць менавіта аддзяслёўныя назоўнікі, якія называюць тое ж самае дзеянне, што і дзеяслоў, толькі паводле іншага паказчыка і якія, па сутнасці, дубліруюць дзеянне і сумяшчаюць у сабе значэнне прадметнасці і працэсу. Дзякуючы гэтым уласцівасцям спалучальнасць дзеясловаў у межах фразеалагізма з назоўнікамі, утворанымі ад дзеясловаў, больш моцная і трывалая, чым з назоўнікамі, якія ўтварыліся ад іншых часцін мовы.

4. У асобную групу можна вылучыць фразеалагізмы *даць дыхту* 1) ‘моцна сварыцца на каго-н, рэзка прабіраць каго-н.’; 2) ‘сурова распраўляцца з кім-н., біць з бязлітаснасцю каго-н.’; 3) энергічна працуючы, хутка спраўляцца з чым-н.’; 4) натруджаць (рукі, ногі)’ [7, с. 344] і *даць пытлю* 1) ‘моцна правучаць, распякаць каго-н., энергічна ўздзейнічаць на каго-н.’; 2) ‘сурова распраўляцца з кім-н., біць, караць каго-н.’ [7, с. 346], назоўнікавыя кампаненты якіх з’яўляюцца немагчымымі. На думку І. Я. Лепешава, першы фразеалагізм “запазычаны з польскай мовы: *zadać duchtu* – ‘даць ланю, узяць у абарот’” [8, с. 110]; а другі далучае кампанент *пытлю*, які “прырос” да дзеяслова як увасабленне хуткага руху, што ўсведамлялася носбітамі мовы, калі слова пыталъ было ў актыўнай лексіцы: пыталъ – машына для пытлявання пшаніцы” [8, с. 112]. І спецыфіка фразеалагізмаў заключаецца менавіта ў тым, што кампаненты поўнасюці часткова страчваюць сваё лексічнае значэнне. Калі дзеяслоў *даць* захоўвае як прамое, так і пераноснае значэнне, то назоўнікі *пыталь* і *дыхта* сапраўды пазбавіліся яго. Дадзеныя назоўнікі перайшлі ў разрад гістарызмаў – слоў, якія выйшлі з актыўнага ўжытку ў сувязі са знікненнем абазначаных імі раней з’яў і рэалій. Сёння яны ўжываюцца толькі ў фразеалагізмах *даць дыхту* і *даць пытлю* як напамінак пра культурна-гістарычны вопыт мінулых пакаленняў.

5. Спалучэнне дзеяслова *даць* з кампанентам, які скарыстаны ў сваім пераносным значэнні ў якасці вобразнага сродку і спосабу пакарання. І такім з’яўляецца, на наш погляд, фразеалагізм *даць перцу* 1) ‘моцна сварыцца на каго-н., рэзка прабіраць’; 2) ‘сурова распраўляцца з кім-н., бязлітасна біць, караць каго-н.’ [7, с. 346], які мае жывую ўнутраную форму. Перац – прадукт з горкім пякучым смакам, які пры пападанні на паверхню слізгістай, цела чалавека ці раны выклікае нясцерпны боль, а калі ўдыхнуць, то можна адчуць пякучы апёк у вобласці носа. Таму ў аснове ўтварэння

дадзенага фразеалагізма ляжыць метафара: боль ад слоў вымовы ці фізічнага пакарання прыпадабняецца да сілы ўздзеяння горычы перцу.

Такім чынам, аналіз фразеалагізмаў з дзеяслоўным кампанентам *даць*, якія складаюць агульную "біццёвую" групу паводле сваёй семантыкі, дазваляе адзначыць, што пры іх агульнай структурнай арганізацыі выдзяляюцца адметныя мадэлі паводле назоўнікавых кампанентаў, якія выяўляюць узмоцненае біццё, месца біцця, спосаб ці сродак біцця, пакарання, а фразеалагізмы ілюструюць выкарыстанне метафарычнага прыёму пры іх утварэнні, адлюстроўваюць спосабы мыслення чалавека, з'яўляюцца носьбітамі характэрных рыс культурнай спадчыны беларусаў, дапамагаюць вобразна і дакладна перадаць пачуцці і эмоцыі асобы, садзейнічаюць разуменню з'яў акаляючай нас рэчаіснасці, даносяць мінулыя ўяўленні аб адным аспекце з жыцця нашых продкаў.

### Спіс выкарыстаных крыніц

1. **Лепешаў, І. Я.** Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : Вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с. – Тэкст : непасрэдны.
2. **Мокіенко, В. М.** Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов по спец. "Рус. яз. и лит. ". – 2-е изд., испр. и доп. / В. М. Мокиенко. – Москва : Высш. шк., 1989. – 287 с. – Текст : непосредственный.
3. **Даніловіч, М. А.** Граматычная характарыстыка фразеалагізмаў / М. А. Даніловіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 110 с. – Тэкст : непасрэдны.
4. **Жуков, В. П.** Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка : учеб. пособие по спецкурсу / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – Ленинград : Б. И., 1980. – 97 с. – Текст : непосредственный.
5. Сучасная беларуская літаратурная мова : вучэб. дапам. / Д. В. Дзятко [і інш. ] ; пад рэд. Д. В. Дзятко. – Мінск : Выш. шк. , 2017. – 588 с. – Тэкст : непасрэдны.
6. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65 000 слоў / Пад рэдакцыяй М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко; Афармленне А. М. Хількевіча. – 2-е выд. – Мінск : БелЭН, 1999. – 784 с. – Тэкст : непасрэдны.
7. **Лепешаў, І. Я.** Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 2: М – Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с. – Тэкст : непасрэдны.
8. **Лепешаў, І. Я.** Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭН, 2004. – 448 с. – Тэкст : непасрэдны.

# ОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ СЛАВЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ

*Бубнова Нина Викторовна*

*ФГК ВОУ ВО "Военная академия войсковой противовоздушной  
обороны Вооружённых Сил Российской Федерации  
имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского"  
Министерства обороны Российской Федерации  
e-mail: 85ninochka67@mail.ru*

УДК 81. 161. 1'373. 2+81'27

## ИСЧЕЗАЮЩИЕ ИМЕНА: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФИКСАЦИИ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ)

*Nina V. Bubnova*

*The Field Air Defense Military Academy of the Russian Federation  
named after Marshall of the Soviet Union A. M. Vasilevsky*

## DISAPPEARING NAMES: TO THE QUESTION OF NECESSITY FIXATION OF UNOFFICIAL ONOMASTIC UNITS (BY EXAMPLE OF RUSSIA-BELARUS FRONTIER AREA STUDY)

*В статье актуализирована проблема необходимости фиксации неофициальных ономастических единиц, являющихся носителями многоплановой историко-культурной информации о жизни народа. Представлена работа смоленских исследователей по изучению особенностей функционирования неофициальных имён собственных на русско-белорусских пограничных территориях.*

*Ключевые слова: имя собственное (оним), неофициальный оним, полевые исследования, русско-белорусское пограничье, порубежье*

*The article actualizes the problem of the need to fix unofficial onomastic units that are carriers of multifaceted historical and cultural information about the life of the people. The work of Smolensk researchers on the study of the peculiarities of the functioning of unofficial proper names on the Russian-Belarusian border territories is presented.*

*Keywords: proper name (onym), unofficial name, field research, Russian-Belarusian borderlands, border zone*

В 2008 году на первой профильной конференции по ономастике "Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования", состоявшейся в Смоленском государственном университете, профессором Н. А. Максимчук была обозначена идея общеобластного масштабного проекта "Ономастическая летопись Смоленщины" [см. подробнее 2]. Данный про-

ект призван объединить усилия и результаты труда всех смоленских исследователей-ономастологов по изучению и описанию регионального ономастикона, сформированного именами собственными регионального уровня лингвокультурологической ценности.

Первым этапом осуществления данного проекта стала совместная работа "Ономастическая перепись Смоленского края: русско-белорусское пограничье", поддержанная грантом Российского гуманитарного научного фонда (№ 12-04-18014) в 2012 году. В соответствии с выбранным для проекта направлением – полевые исследования – нами были охвачены экспедициями пограничные районы Смоленщины: Велижский, Руднянский, Краснинский, Монастырщинский, Хиславичский, Шумячский, Ершичский. Основными методами исследования послужили интервьюирование и анкетирование информантов. При работе с информантами фиксировалась как языковая, так и внеязыковая информация об объекте. Помимо сбора ономастической лексики, в программу экспедиций включались: запись встречающихся диалектных слов, запись сопутствующих сведений этнографического и фольклорного характера, встречи со школьниками, учителями, работниками библиотек, краеведами.

В ходе работы нами фиксировались точные сведения об информанте: фамилия, имя, отчество; год рождения; место рождения и проживания. При фиксации ономастического материала использованы диктофоны и таблицы, содержащие следующие основные параметры для описания имени собственного: оним, вид объекта (река, хутор, поле и т. д.), официальность / неофициальность онима, история названия, время существования имени, ближайший населённый пункт. Следует отметить, что особую ценность представляют собранные нами неофициальные наименования, нигде ранее не зафиксированные: они функционируют только в устной форме и "уходят" вместе с жителями отдельных деревень, но, между тем, имеют богатый и разноплановый ассоциативно-культурный фон.

Приведём примеры неофициальных ономастических единиц, полученных нами при работе в Хиславичском районе (иллюстративный материал – результат сплошной выборки из заполненных нами таблиц, языковое оформление полученных от информантов сведений максимально сохранено; онимы расположены в алфавитном порядке). В данной работе приведём только комментарии к записанным названиям, в перспективе в словаре по итогам проекта будет зафиксировано время возникновения онима, его "территориальная прикреплённость" и другие сведения, формирующие ассоциативно-культурный фон имени. Материал получен при работе с информантом Иваном Ильичом Моханьковым, 1924 г. р. :

*Графский дом:* усадьба Салтыковых в пгт. Хиславичи была построена в 30-ые годы XVII века, когда-то в ней проводились дворянские балы и маскарады, процветали дворянские искусства; после революции имение графов "национализировали", а на его базе был создан совхоз, весь анти-

квартир был разворован и продан, графские вещи, которые могли бы быть музейными экспонатами, сваливали в ближайший овраг, где жители села часто находили канделябры, подсвечники и фрагменты кованых оконных решёток, сейчас эти предметы хранятся в районном краеведческом музее; в 1949 году усадебный дом стал районным Домом культуры;

*Графский сад*: богатый фруктовый сад с беседками, располагавшийся рядом с имением Салтыковых; после разорения усадьбы за садом ухаживали школьники, сейчас на части данной территории строится физкультурно-оздоровительный комплекс;

*Ицкая мельница*: хиславичская мельница, названная по имени владельца – еврея Ицки;

*Красная площадь*: территория в центре пгт. Хиславичи, место сбора всех хиславичан, сейчас – улица Красная площадь;

*Красная школа*: общеобразовательная школа, расположенная на Красной площади в пгт. Хиславичи;

*Петрово поле*: поле в Хиславичском районе Смоленской области, где размещались тыловые войска Петра I перед Полтавской битвой (27 июня 179 года) – генеральным сражением Северной войны между русскими войсками и шведской армией;

*Ржетская гора*: небольшая горка в пгт. Хиславичи, рядом с которой до Великой Отечественной войны жила семья Ржетских, глава которой Евгений Ржетский знал польский и немецкий языки, иврит, был учителем немецкого языка и пения в местной школе;

*Ров Станкевича*: небольшой ров в пгт. Хиславичи, неподалеку от которого жил гончар по фамилии Станкевич;

*Церковный ров / Зарубейкин ров*: большой ров в пгт. Хиславичи, неподалеку от которого жил человек по прозвищу Зарубейка, а рядом была церковь;

*Чудо-Бор*: лес величиной в 90 гектаров, где раньше росли вековые мачтовые сосны, очень чистый, ягодный; в годы Великой Отечественной войны немцы вырезали лес и сплавили по реке Сож в сторону Белоруссии; в настоящее время за данной территорией никто не ухаживает.

Приведённые примеры, количество которых ограничено жанром научной статьи, представляют собой названия самых разнообразных видов объектов. Такие результаты показывают, что описание ономастикона Смоленско-белорусского порубежья с привлечением методов ономастического анализа, реконструкции ассоциативно-культурного фона имён собственных призвано расширить представления не только о смоленском фрагменте ономастической картины мира, но и о его влиянии на формирование языковой личности смолянина.

Основные итоги реализованного нами проекта:

1. Составлена картотека, фиксирующая выявленные ономастические единицы. Индивидуальные картотеки составлялись всеми участниками

проекта непосредственно во время полевых экспедиций и затем обрабатывались в соответствии с формой итоговой Базы данных. Общее количество картотечных единиц составило свыше 8000 онимов.

2. Создана структура и формы электронной Базы данных в программе Microsoft Office Access, отвечающей потребностям описания региональных ономастических единиц в собственно языковом, лингвокраеведческом, социокультурном и других аспектах. Созданная База насчитывает около 6500 ономастических единиц Смоленско-Могилёвского пограничья. Следует отметить, что разработка объёмных и многофункциональных электронных баз данных является одной из отличительных черт школы профессора Н. А. Максимчук. База данных – это удобный практический инструмент объективного анализа объёма и качественного состава исследуемого материала: это гибкая система извлечения необходимой информации в самых различных комбинациях и с различной степенью полноты, зависящих от информационных и учебно-методических запросов [см. подробнее 1]. Пополнение Базы онимов из материалов индивидуальных картотек и других источников продолжается.

3. Разработаны основные принципы построения регионального ономастического словаря с позиций антропоцентрического направления современной лексикографии, реализованные в словаре "Шумячское Порубежье в именах и названиях" (Часть 1) [5]. Основные принципы построения словаря были предложены профессором Н. А. Максимчук и высоко оценены на традиционной профильной научно-практической конференции "Ономастика Поволжья", состоявшейся с 9 по 13 сентября 2014 года в Твери [см. подробнее 4].

Реализация подобных проектов, предполагающих массовость и активное привлечение не только специалистов, но и жителей исследуемых регионов, имеет не только научное, но и просветительно-воспитательное значение.

В заключение отметим, что предложенная методика работы может быть использована при описании других региональных ономастических массивов для последующего объективного описания русского общенационального ономастического пространства.

#### **Список использованных источников**

1. Бубнова, Н. В. Электронная база данных как инструмент анализа ономастического материала (на примере смоленских имён собственных) / Н. В. Бубнова. – Текст : непосредственный // Педагогика, лингвистика и информационные технологии: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения профессора Н. Н. Алгазиной. В 2-х томах. – Елец : Изд-во ЕГУ имени И. А. Бунина, 2012. Т. 1. – С. 115 – 118.

2. **Максимчук, Н. А.** О региональном проекте "Ономастическая летопись Смоленщины": содержание, проблемы, перспективы / Н. А. Максимчук. – Текст : непосредственный // Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования: материалы межвузовской научно-практической конференции. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2008. – С. 121 – 125.

3. **Максимчук, Н. А.** Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Часть 1. – Смоленск : Изд-во СГПУ, 2002. – 184 с. – Текст : непосредственный.

4. **Максимчук, Н. А.** О проблеме вариативности при описании микротопонимов в лингвокраеведческом словаре / Н. А. Максимчук. – Текст : непосредственный // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции. – Тверь : Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 187 – 191.

5. Шумячское Порубежье в именах и названиях. Часть 1: Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю / под редакцией Н. А. Максимчук. – Смоленск : Изд-во "Маджента", 2012. – 280 с. – Текст : непосредственный.

*Бут-Гусаим Светлана Феодосьевна*

*УО "Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина"*  
*e-mail: svfbg@tut.by*

*УДК808. 26 – 541. 2*

## **НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОНОМАСТИКОНА ДРАМАТУРГИИ ГЕОРГИЯ МАРЧУКА**

*Svetlana F. But-Gusaim*

*Brest State A. S. Pushkin University*

### **NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF THE ONOMASTICON OF THE DRAMA BY GEORGY MARCHUK**

*В статье представлен анализ национально-культурной специфики ономастического пространства драматургии современного белорусского писателя Георгия Марчука. Рассмотрены коннотации разговорности, диалектности, национально-культурной специфики антропонимов. Выявлена этимологическая семантика фамилий и прозвищ персонажей. Установлены территории*

*The article considers national and cultural specificity of the onomastic space of the drama by modern Belarusian writer Georgy Marchuk. The author of the article analyses the connotations of conversational skill, documentality, dialect, national and cultural specificity of anthroponyms. Etymological semantics of the characters' surnames and nicknames is determined. Based on the analysis of phonetic and*

альные особенности поэтонимов на основе рассмотрения фонетических и морфологических признаков имён. Описана прагматическая значимость "периферийных" онимов, которые привносят в произведение набор аккумулятивной исторической, географической и коннотативной информации и участвуют в формировании хронотопа произведений. Определены основные закономерности употребления поэтонимов в драматургических текстах.

*Ключевые слова:* ономастикон, оним, поэтоним, антропоним, антропонимическая коннотация, "говорящее" имя, "периферийные" онимы

*morphological characteristics of the names, regional peculiarities of poetonyms (poetic names) are defined. The article gives the description of the pragmatic meaning of "peripheral" onyms, which introduce into the work of literature a set of accumulative historic, geographic and connotative information and contribute to the formation of the chronotope of the work of literature. The main patterns of the usage of poetic names in drama are defined.*

*Keywords:* onomasticon, onym, poetonym (poetic name), anthroponym, anthroponymic connotation, "talking" name, peripheral onyms

Современный брестский автор Георгий Марчук плодотворно работает в русле драматургии, поднимая в пьесах вечные проблемы верности, Веры и предательства, поиска человеком счастья. Передавая многоголосие жизни современных белорусов, драматург умело использует образно-образительные возможности такого показательного в плане национально-культурной специфики компонента лексики, как имена собственные.

Цель представленной работы – систематизация структуры ономастического пространства произведений Г. Марчука с учетом исторических традиций белорусского именослова. На современном этапе развития ономастики, в частности, литературной ономастики, актуальным является вопрос национально-культурной специфики поэтонимикона художественных произведений. Проблема отражения в литературном ономастиконе человека не только как носителя языка, но и как хранителя определенной культуры, особого менталитета становится все более насущной в современной лингвистике. Ономастикон драматургии брестского писателя пока не был объектом лингвокультурологического исследования, чем объясняется актуальность представленной работы. Объектом изучения является ономастическое пространство произведений белорусского автора, компоненты которого извлечены путём сплошной выборки из пьес "Свет высоты", "Письма солдату", "Однажды на даче", "Лютики-цветочки", "Весёлые, бедные, богатые", "Любовь моя несчастливая" Г. Марчука.

Антропонимикон пьес – отражение белорусской лингвокультуры конца XX – начала XXI вв. Герои произведения носят христианские имена иноязычного происхождения, заимствованные из греческого: *Кузьма* (греч. 'украшение' [1, с. 31]), *Настася* (греч. 'возрожденная, воскресшая' [1, с. 65]), *Кацярына* (греч. 'чистая, девственная' [1, с. 61]), *Змицер* (греч. 'посвящённый богине земледелия и плодородия Деметры' [1, с. 27]), *Варва-*

**ра** (греч. 'иностранка' [1, с. 56]); **латинского**: **Павел** (лат. 'малый' [1, с. 37]), **Игнат** (лат. 'огненный' [1, с. 28]), **Виктория** (лат. 'победа' [1, с. 57]), **Маргарита** (лат. 'жемчужина' [1, с. 44]); **древнееврейского** языков: **Якаў** (др. -евр. 'препятствие' [1, с. 51]), **Даниил** (др. -евр. 'Бог мой судья' [1, с. 25]). Отмечено **славянское** имя: оним-комполит **Здзіслаў** (от 'достигающий славы' [1, с. 27]), имя **скандинавского** происхождения **Вольга** (сканд. 'святая' [1, с. 57]).

Заметим, что в прошлом имя было показателем вероисповедания личности, принадлежности к католицизму или православию. Так, споры в среде православных священников вызывает личность Франциска Скорины по причине того, что не определено, придерживался ли первопечатник постулатов православной веры. Показательными в этом смысле являются размышления православного священника, героя пьесы Г. Марчука "Свет высоты": "*Царква наша не ігнаруе Скарыну, а ставіцца, можна сказаць, стрымана. Мы не ведаем, ці быў ён праваслаўным, а можа каталіком, ці пратэстантам. Асоба Скарыны, якога называлі **Георгіем** і які атрымаў каталіцкае імя Францыск, была супярэчлівай. Вучыўся ў Кракаве, працаваў у Празе, жыў у Вільні. Ён быў лацінянінам, а па нашаму – заходнікам*" [4, с. 75] В именованном XXI века носителем коннотации церковности является апеллатив **отец** в сочетании с именем: "*Блаславіць духоўную працу магу, а кансультантам зрабіцца сілы і здароўе не дазваляюць. Думаю, **айцец Мікалай** дасць згоду*" [4, с. 75].

Антропонимикон произведений Г. Марчука отражает прагматические возможности белорусских имен собственных как показателей социального статуса, возраста, национальности носителей именованного. В пьесах представлены полные, гипокористические, эмоционально-оценочные формы имён, тонко передающие тональность межличностных отношений, авторскую оценку героев, напр. : "***Віта?! Ты?***" [2, с. 78] ; "*Гэта я ў прысутнасці дзядзькі **Станіслаў Валяр'янавіч**, а так **Стас***" [2, с. 66] ; "***Ліка! Леакадія!***" [2, с. 73]. Подобные варианты имен – носители коннотаций разговорности, социальности, эмоциональности, экспрессивности, оценочности. Антропонимическая коннотация иноязычности сопровождает имена, принадлежащие иностранной антропонимической системе. Репрезентирует отмеченную коннотацию имя бизнесмена (героя пьесы "Письма солдату"), последовательно представленное в форме **Серж**, чем подчеркивается чужеродность персонажа, его оторванность от Родины и земляков.

Коннотация национально-культурной специфики характеризует формы обращения к уважаемым людям "дзядзька, цётка + имя", используемые в народной среде: "*Нашы суседзі. **Дзядзька Тарас, цётка Адарка**, іх дачка **Марыйка**. З Украіны*" [2, с. 36 – 37] ; "*Дзядзька **Тарас**, а ці не час да вас ісці*" [2, с. 36 – 37].

Носителями коннотации диалектности являются антропонимические формы, передающие черты западнopolесских говоров: наличие

приставного [г] (*Гэля*), замену звука [ф] на звук [т] (*Тэжля*), оканье (*Адарко*). На грамматическом уровне выделяются антропонимические диалектизмы: в контексте пьес представлены формы звательного падежа имён: "*Не заводзься, Адарко, на запчасткі*" [2, с. 36 – 37]; "*Да нас, Іванко, ішчэ ідуць, а ад нас выптаўзаюць*" [2, с. 36 – 37].

Национально-культурная специфика фамилий-поэтонимов связана с культурно обусловленной семантикой производящих основ. В антропонимическом пространстве белорусского языка XX – XXI веков можно выделить, во-первых, фамилии, образованные от календарных имен, во-вторых, фамилии, возникшие от мирских имен апеллятивнопроисхождения. Эти группы фамилий представлены в драматургии брестского автора. Фамилии первой группы образованы главным образом при помощи суффиксов: *Сідорчык, Сямыкіна, Філоненка, Патапенка, Сафронаў, Кузьміч* и др. Фамилии второй группы образовались от апеллятивов как лексико-семантическим способом (*Коржык, Буян, Серада, Печка, Кулік*), так и с помощью различных суффиксов (*Кубышкіна, Ратнікаў, Багадухава, Валкавец*). В основе этих фамилий лежат мирские имена отапеллятивнопроисхождения: 1) прозвища, которые описывают моральные качества личности, положение человека в обществе, род занятий, внешность: *Ратнікаў отратник* – уст. 'воин, рядовой солдат государственного ополчения', *Буян 'грубиян, забияка, дебошир'*, *Скараход, Чарнавус*; 2) именованья, образованные от названий предметов материальной культуры: *Коржык, Печка, Кубышкіна*; 3) прозвища, образованные от названий растений и животных: *Чмель, Валкавец, Кулік*.

Фамилии отражают видение писателем своих персонажей, их характера, поступков. Фамилия главных героев комедии-лубка "Лютыкцветочки" несет важную смысловую нагрузку.

Поэтоним *Летун* можно назвать своего рода предсказанием судьбы героев. Каждый из *Летунов* напоминает перекасти-поле – растение, которое летает, странствует по миру. Представители старшего поколения *Летунов* ездят по Советскому Союзу – от Сибири до Ташкента, торгуя цветами. К фамилиям-характеристикам относится антропоним *Самосейка*, называющий скромного служащего, героя пьесы Георгия Марчука "Святой грешник". Фамилия происходит от прозвища, мотивированного названием растения, которое вырастает в результате саморассеивания. Смысловая нагрузка поэтонима ассоциативно связывается со значением этимона антропонима: по воле случая Пётр *Самосейка* становится руководителем Фонда "Справедливости и морали", бездумно растрачивая (рассеивая) средства на жён, чиновников и случайных знакомых. Обстоятельства жизни ребёнка-подкидыша, героя пьесы Г. Марчука "Письма солдату", описывает фамилия *Серада*: "*Падкінулі ў пад'езд. У сераду знайшлі, дык і прозвішчадалі Серада, а паколь кіпершы такі выпадаку пад'ездзе здарыўся, назвалі Адамам*" [3, с. 84]. Поэтонимом-указанием на род деятельности

является фамилия *Ратнікаў*, принадлежащая командиру роты. Фамилия персонажа пьесы "Однажды на даче" *Коржик* косвенно свидетельствует о роде деятельности героя-кулинара. Рассмотренные фамилии употребляются в драматургии в соответствии с нормами именования человека, принятыми в белорусской лингвокультуре XX – XXI вв.

Анализ происхождения прозвищ, выделенных из произведений Г. Марчука, показал, что большинство поэтонимов образовано от апеллятивов, среди которых можно выделить следующие семантические группы: 1) названия природных явлений, представителей животного и растительного мира (*Воўк, Кобра, Корч*); 2) наименования предметов обихода, транспортных средств (*Грубка, Барка*); 3) прозвания индивидов по внешнему виду, физическим, моральным качествам (*Панікёрша, Немчык*); 5) прозвания по профессии, роду занятий, социальному положению, национальности (*Цыган, Боксёр, Монах*). От имён собственных образованы прозвища *Дон Жуан, Насрэддзін, Моцарт*.

**Андронимы** – прозвища жен, образованные от имён, фамилий, прозвищ мужей, могут использоваться в деревенской среде как способ идентификации и характеристики индивидов, что находит отражение в антропонимиконе пьес Георгия Марчука. В комедии "Лютики-цветочки" это *Знайдзёніха, Летуніха*. Андронимы образованы от фамилий мужей *Знайдзён* и *Лятух*.

Мотивационно яркими являются прозвища *Бражка* и *Долар* персонажей трагикомедии Г. Марчука "Трезвый день Степана Криворучки". Оба литературных героя потеряли жизненные ориентиры, пристрастившись к спиртному. Обоих именовали так потому, что любят *бражку* (самогон) и "*Долар*" (название азербайджанского вина). В репликах персонажей-собутельников фамилия *Криворучко* преобразована в прозвище *Криваножка*: "*А мы неяк пазнаёмліся з табой, Крываручка, год таму, калі кароў здавалі. Добра тады замачылі. Не Крываручка ты быў, а Криваножка*" [2, с. 200].

Факты биографии, поведение и род деятельности литературных героев передают прозвища *Бомба, Рыбак, Моцарт, Дон Жуан*. Подростки – герои пьесы "Любовь моя несчастливая" – ненавидят шкипера Петра Петровича, по прозвищу *Бомба*, за то, что он не разрешал им ловить рыбу с баржи, которую он охранял. Прозвание, присвоенное горе-рыболовами врагу и обидчику, подчеркивает гнев, агрессию шкипера. "*Бомбаю яны яго празвалі. Злы, як галодны чорт. Ён уначы з ружжом ходзіць*" [2, с. 111]. Любимое занятие подростка Василя передаёт прозвище *Рыбак*. В основе прозвищ молодых солдат (героев пьесы "Письма солдату") – метафорическое использование имён героев мировой литературы и реальных исторических личностей. Так, настойчивого ухажёра Тадеуша Сидорчика характеризует прозвище *Дон Жуан*. Хитрого таджикского солдата Мехмона Муртазо, который, виртуозно манипулируя старшиной,

добивается поездки на родину, характеризует прозвище *Насреддин*. В основе антропонима имя хитреца, плута, героя распространенных в арабской литературе анекдотов и коротких историй.

Являясь наиболее древним разрядом антропонимической лексики, прозвища продолжают жить в современном обществе, давая возможность ярко обрисовать наиболее броские черты внешности человека, описать и оценить его характер и речь, передать родственные отношения между людьми.

Значительное место в ономастиконе занимают так называемые "периферийные" онимы. Атмосферу постсоветской эпохи создают использованные в репликах героев пьес **прагматонимы** (подушечки "*Стиморол*", автомобили "*Опель*", "*Фольксваген*", "*Вольво*", самолет "*Боинг*", сигареты "*Кэмэл*", "*Мальборо*", "*Прима*", водка "*Смирноф*") и **идеонимы** – названия фильмов, песен, телепередач, относящихся к мировой классике и искусству эпохи советского и постсоветского времени ("*А я лягу, прылягу...*", "*Санта-Барбара*", "*Таранціна*", "*Макарэна*", "*Бэсамэмучо*", "*Поле цудаў*"). В рассказе о непростом жизненном пути персонажей употребляются **топонимы** – географические названия Беларуси и зарубежья (*Прыпяць, Пінск, Брэст, Салігорск, Мінск, Гродна, Саратаў, Жыткавічы, Японія, Піцер, Швейцарыя*). Использован в пьесах и **истороним** – название страны, ныне исчезнувшей с географической карты – **Советский Союз** '*государство, существовавшее с 1922 по 1991 годы на территории Восточной Европы, части Центральной и Восточной Азии*'.

В эпоху перемен люди приходят к вере, поэтому в высказываниях героев пьесы звучат **теонимы** (имена Бога) и **агионимы** (имена святых): "*І дзякуй Богу, што вывезлі. Хавалі ад людзей, што тут у лесе атам*" [2, с. 102] ; "*Мне бацька прысніўся. Нібыта вёў мяне па вадзе, ну, як Хрыстос ішоў па моры*" [2, с. 104].

Национально-культурная специфика выражается в поэтонимах драматургии Георгия Марчука на семантическом, фонетическом, деривационном, стилистическом и прагматическом уровнях. Выбирая антропонимы для персонажей, писатель ориентируется на структурные и этимологические модели имён собственных, социальные, национальные и диалектные особенности их функционирования. Фон действия формируют топонимы, идеонимы, прагматонимы, агионимы, которые в драматургическом произведении способны расширять свой информативный потенциал. Максимально реальные проприальные единицы, являющиеся неотъемлемой частью языкового пространства драматургии современного белорусского автора, предусматривают правдивое отображение событий постсоветского этапа белорусской истории.

### Список использованных источников

1. Барыс, С. Як у нас клічуць? : Беларускія імёны / С. Барыс. – Мінск : Медысонт, 2010. – 124 с. 21 см. – Бібліягр. : с. 120 – 122. – 1000 экз. – ISBN 978 – 985 – 6941 – 10 – 1. – Тэкст : непасрэдны.
2. Марчук, Г. Вясёлыя, бедныя, багатыя : п'есы / Г. Марчук. – Мінск : БелПМК, 1998. – 367 с. 21 см. – 1000 экз. – ISBN985 – 6138 – 15 – 9. – Тэкст : непасрэдны.
3. Марчук, Г. Письмы салдату / Г. Марчук. – Тэкст : непасрэдны // Польша. – 2013. – № 2. – С. 82 – 117.
4. Марчук, Г. Свято вышыні / Г. Марчук. – Тэкст : непасрэдны // Маладосць. – 2016. – № 11. – С. 62 – 83.

**Брыткова Вioлетта Витальевна**

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: leta\_brytkova@mail.ru*

УДК 82'396, 81'42

### ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ПРОЗВИЩ ЖИТЕЛЕЙ ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

***Violetta V. Brytkova***

*Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky*

### LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF RESIDENTAL NAMES OF THE SOUTH-WESTERN DISTRICTS OF THE BRYANSK REGION

*Статья посвящена анализу прозвищ жителей юго-западных районов Брянской области как особого типа антропонимов. Приведена классификация прозвищ, показано, что они являются отражением культуры и быта славян и составляют богатство не только русского языка.*

*Ключевые слова: прозвище, антропоним, лексико-семантическая группа*

*The article is devoted to the analysis of the nicknames of the inhabitants of the south-western districts of the Bryansk region as a special type of anthroponyms. The classification of nicknames is given, it is shown that they are a reflection of the culture and life of the Slavs and constitute the wealth of not only the Russian language.*

*Key words: nickname, anthroponym, lexico-semantic group*

Значительную роль в повседневной жизни человека играет прозвище - "дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его

жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам" [2, с. 111]. Бытованию прозвищ способствует действие в языке закона экономии языковых средств.

Основной целью нашей статьи является выявление и описание основных лексико-семантических групп прозвищ юго-западных районов Брянской области. Прозвища, как особый вид антропонимов, существуют в народе с древних времен, однако они до сих пор остаются малоизученными. Знание истинной причины возникновения прозвищ, их мотивации, которая, зачастую, известна лишь некоторым людям, позволит сохранить богатый языковой материал не только конкретной местности, но и русского языка в целом. Классификация и анализ прозвищ определенной местности позволяет нам получить важнейшую информацию о быте, традициях народа, его психологии, мышлении, культуре.

Начало изучению русских прозвищ заложил В. К. Чичагов в работе "Из истории русских имен, отчеств и фамилий". Его идеи во многом определили дальнейшее направление в исследовании прозвищ как особого вида антропонимов. Весомый вклад в развитии теории антропонимов (в частности, прозвищ) внесли А. М. Селищев, А. В. Суперанская, В. Д. Бондалетов, М. Ю. Стрельцова и другие.

К классификации прозвищ обращались многие ученые, при этом основным признаком, положенным в основу типологии, выступает чаще всего сопоставление с денотатом, мотивированным признаком. Но количество групп, выделяемых лингвистами, различно: в исследованиях А. М. Селищева представлено 19, А. В. Суперанская выделяет 6, отмечая, что современные прозвища четко мотивированы, З. П. Никулина в работе "Из наблюдения за группой прозвищ по внешнему признаку" указывает 5 групп. Поэтому можно говорить о том, что до сих пор отсутствует единая типология прозвищ. Опираясь на классификацию А. М. Селищева [3] и на положения, представленные в работе Т. Т. Денисовой [1], распределим собранные нами прозвища по лексико-семантическим группам.

I. Самую многочисленную (45%) группу составляют отфамильные и отыменные прозвища, а также родовые прозвища.

Некоторые прозвища могут напоминать личные имена: **Кузя** (*Кузнецов*), **Уля** (*Улезько*), **Филя** (*Филина*), **Стасик** (*Станиславенко*) и др.

Современные прозвища могут соотноситься с теми номинациями, которые послужили основой для создания официальных фамилий. Примером служат клички, образованные от фамилий, соотносимых с

- названиями животных: **Крот** (*Кротов*), **Блоха** (*Блохин*), **Муха** (*Мухина*);
- названиями профессий: **Мельник** (*Мельников*), **Ключ** (*Ключников*), **Ткач** (*Ткачёв*);
- обозначениями природных явлений: **Мороз** (*Морозов*);
- названиями продуктов питания: **Калач** (*Калачёв*);

- названиями растений: *Горох* (*Горохова*) и др. [5, с. 91-160].

Часты случаи образования прозвища по внешнему созвучию части фамилии и апеллиатива, не связанного с ней семантически: *Батут* (*Бату-ро*), *Кофе* (*Прокофьев*), *Заварка* (*Заварзина*), *Пепел* (*Попельшико*), *Справка* (*Справцев*), *Суббота* (*Суббочев*), *Рафаэлло* (*Рафеенко*) и др. В этом плане интерес вызывает соотношение клички и элемента фамилии как синонимов в силу смысловых ассоциаций: *Торт* (*Караваев*), *Нытик* (*Плаксин*), *Фасолева*, *Стручкова* (*Горохова*), *Комар* (*Пискунов*), *Смычок* (*зять Скрипки* – родовое прозвище тётчи). В данных примерах проявляется ирония как один из ярких приёмов создания прозвищ.

Встречаются случаи образования одинаковых прозвищ от разных фамилий: *Никон* (*Николина* и *Никонова*), *Хлеб* (*Бесхлебный* и *Хлебородов*).

Анализ языкового материала позволил выявить разные способы образования прозвищ:

1) во многих случаях прозвища образуются путём усечения, сокращения фамилии: *Бес* (*Беспалов*), *Мел* (*Мельников*), *Керс* (*Керсанов*), *Кара* (*Карагезова*), *Шу* (*Шубабко*) и др. ;

2) изменение фонетического / графического облика фамилии: *Репиха* (*Репина* – замена звука / буквы), *Шкипер* (*Шлипов* > Шлип > Шкип + ер), *Пурик* (*Бурик*), *Трынза* (*Тризна* + перестановка звуков);

3) аббревиатура (*АИДа* – Дроздова Анна Ивановна), *Зэ-Зэ* (*Заболеев-Зотов*), *Галь-Вась* (*Галина Васильевна*).

Встречаются и отыменные прозвища. Например: *Винтик* (*Витя*), *Дантес* (*Даня*), *Рамзес* (*Рома*), *Свися* (*Светлана*), *Ваниш* (*Ваня*), *Гляндя* (*Глаша*), *Механик* (*Миша*), *Миша-Вася* (зовут Миша, но отзывался и на имя Вася) и др.

Среди собранных прозвищ много тех, которые передаются по наследству, распространяются на весь род. Такие клички являются специфической особенностью обозначения жителей именно сельской местности, где люди, живя долгое время бок о бок, довольно хорошо знают друг друга, хранят память о представителях разных поколений, перенося сложившиеся образы со старших на младших, с отцов на детей. Например: *Терехи* (по прозвищу деда), *Косолапый* (от отца), *Пугачи*, *Тимохи*, *Крысики*, *Драгунова* (по прадеду), *Кавелихи* (по прозвищу деда), *Ромышата*, *Дрын*, *Грант* и др. К одинаковым именам родственников разных поколений часто добавляются отличительные характеристики: *Саша Большой и Малой* (старший и младший). Встречаются именованья жён, образованные от фамилий или прозвищ их мужей: *Курилиха* (от прозвища мужа *Курило*), *Жук*, *Жучка* (от фамилии *Жуковы*). Прозвище брата по имени или прозвищу другого брата касается именованья младших детей: *Ромич* (от имени старшего брата *Рома*). Такие прозвища не только несут в себе номинативную функцию (жители села узнают друг друга не по фамилии, а по родовому прозвищу), но и дают нам более полное представление об истории

конкретной семьи и села в целом, хотя не всегда получается восстановить мотивировку данных прозвищ.

II. Также многочисленную группу (15%) составляют прозвища, относящиеся к характеристике человека по его внешним признакам, физической природе. Они относятся к одним из самых древних именовании человека и указывают на визуальную примету, выделяющую данного представителя из семьи, компании, отличающую его от того стандарта внешности, который сложился у славян в процессе длительного исторического и культурного развития. Стоит отметить, что признаки, послужившие причиной появления данных антропонимов, разнообразны. Опираясь на классификации, разработанные З. П. Никулиной и А. В. Суперанской [4], представим следующую типологию прозвищ:

1. Прозвища, указывающие на рост, высокочастотны, строятся на отнесении со стандартом, закрепившимся в сознании славян, на отношении к таким людям. Маленького, низкого человека называют так: *Малой* (самый низкий в семье), *Малёк* (помимо обозначения низкого роста, имеет звуковую ассоциацию в фамилии *Мальков*), *Мини-понь* (гиперболизирован низкий рост), *Полторашка* (о девушке с ростом полтора метра), *Пекинес*, *Пика* (соотнесение с ростом собаки). Противоположный признак – высокий рост – лёг в основу следующих прозвищ: *Каланча*, *Глист*, *Цапель*, причем, помимо семы "высокий", в основу образования данных прозвищ положена сема "худой".

2. Прозвища, указывающие на тип телосложения. Худоба у славян всегда считалась недостатком, свидетельством болезненности, неспособности к труду. Это подтверждается и прозвищами с негативной окраской, в основе которых и лежит указанный признак: *Глист*, *Селёдка*, *Суслик*. Признак "полнота" лежит в основе большего числа метафорических антропонимов-прозвищ, среди которых: *Пузырь*, *Пингвин*, *Пельмень*, *Булка*, *Колобок*, *Пузатый*, *Пышка*, *Бугай*. Здесь проявляются не только визуальные ассоциации, но и причинно-следственные связи (ср. : "Мы – это то, что мы едим"). Среди них можно выделить мелиоративно оценочные (*Пышка*, *Колобок*), так как апеллятивы, к которым прозвища восходят, в традициях народа связаны с принесением наслаждения и удовольствия. Пейоративную оценочность имеют прозвища *Камаз*, *Кабан*, *Тётя Лошадь*, *Машина*, называющие крупного человека. Прозвища данной группы в целом отличаются яркой стилистической окрашенностью.

3. Прозвища, данные по части человеческого тела, бросающейся в глаза детали.

Одной из наиболее ярких черт внешности человека оказываются волосы. В основу прозвища может быть положена форма причёски: *Ёри*, *Ёжик*, *Одуванчик*, *Электрик* (стоящие торчком); качество и густота волос: *Мочалка* (вьющиеся пышные), *Баран* (кучерявый), *Пушкин* (о человеке, имеющем кудрявые волосы и бакенбарды); цвет волос: *Белый*, *Ры-*

**жий, Рыжик, Ржавый, Рыжуха** - такое разнообразие прозвищ для людей с рыжим цветом волос можно объяснить тем, что он не является традиционным для представителей славянской внешности и сразу бросается в глаза. Алогичным можно считать прозвище **Лысый** (о человеке с пышными густыми волосами). То же прозвище имеет иную мотивацию: им называли мужчину, который раньше брил голову, а затем отпустил волосы. Резкое изменение привычного визуального образа, закрепившегося в сознании людей, и послужило основой для создания прозвища.

Среди внешних деталей облика человека, положенных в основу прозвища, отмечены особенности головы: **Треугольник** (с ярко выраженной угловатой формой); носа: **Нос** (большой нос); зубов: **Зуб, Зубастик, С Зубом** (крупные торчащие зубы).

Особый тип прозвищ – данные по цвету кожи. Для славян не характерен смуглый цвет кожи, поэтому данное отклонение от закрепившегося образа дает основу для создания следующих прозвищ: **Негр** (летом очень легко поддается загару), **Бурый, Чёрный, Уголёк**.

Значимым идентификатором человека становится и физический недостаток: **Василь-палец** (без пальца).

4. Прозвища, указывающие на особенности походки, осанки: **Терминатор** (человек ходит будто на негнущихся ногах), **Амортизация** (неестественное сгибание коленей при ходьбе), **Динозавр, Сутулый**.

5. Прозвища, характеризующие именуемого по деталям одежды: **Драник** (постоянно ходит в рваных джинсах), **Бабушка** (о мужчине, который одет старомодно); по аксессуарам: **Очкарик**.

Указанные прозвища употреблены в прямом значении взятого за основу слова. Однако прозвища могут указывать на противоположный признак: **Слон** (очень худой), **Малой, Дохлый** (крупной комплекции), **Лысый** (имеющий густые волосы), **Лупатый** (имеющий маленькие глаза), **Усик** (имеющий большие усы). Такие алогичные прозвища отражают ироничное отношение к носителю прозвища.

III. Прозвища, данные за сходство с героями фильмов, мультфильмов, книг, известными личностями, представлены широко (8%). Сходство может быть по

- внешности: **Тарзан, Пушкин, Басков Малолетний, Кузя**; иногда в основу сходства положен отелный признак, идентифицирующий личность: **Бонифаций** (по причёске), **Лом, Децл**, (по росту), **Чеширский кот** (по широкой улыбке);
- по совпадению имени и отчества человека и известного героя / личности: **Старуха-процентщица** (Алена Ивановна), **Чанай** (Василий Иванович);
- по сходству поведения: **Казанова** (гулящий), **Адольф** (жестokie поступки: поджёг собачью будку в детстве), **Аполлон, Чип и Дейл** (всегда вместе, в одной компании), **Шерочка с Машерочкой** (сослуживцы, везде

ходят вместе), *Лёлик и Барбарики* (прозвище парня, Лёлик, а также соотнесение с названием мультфильма обусловили появление прозвища его девушки - Барбарики).

IV. Часто прозвища указывают на специфику поведения человека, его привычку, способности (7%): *Суета* (без толку суетится), *Потеря* (всё теряет), *Мама* (постоянно жаловался маме), *Косяк, Касик* (постоянно допускает ошибки), *Одна вторая три четверти получеловек* (неудачник), *Морячок* (страдает недержанием), *Конь* (быстро бегаёт), *Тормоз, Глюк, Пень Дырка* (пропускает мячи в футболе), *Зонтик* (всегда носил зонтик), *Великобританец* (неуловимый, как британский шпион).

V. Прозвища часто даются по профессии именуемого или его предка (5, 6%): *Автомойка, Рыбнадзор, Бетономешалка, Позиция* (учитель танцев), *Режиссер* (играл в ТЮЗе), *Зверёк* (был охотником), *Скобарь* (по профессии прадеда), *Ковш* (сын механика, работающего на бульдозере), *Попович* (прадед был батюшкой), *Кино* (крутил кино в кинотеатре), *Банкир* (охранник в банке), *Ленка Золотая* (управляющая магазином золота) и др.

VI. Основанием для появления прозвища могут послужить увлечения человека, его любимые вещи (4, 8%): *Дудка, Магнитофон* (любят болтать), *Лось* (любит вредить), *Хакер, Катя Коть-коть* (любит детей катать на качелях), *Дантес* (очень любит стихи Пушкина), *Джоуль* (по увлечению физикой, наблюдается звуковое сходств фамилии именуемого Джуля), *Кинг-Конг, Харлей Дэвидсон* (по любимому фильму), *Крэм Бруле* (по любимому мороженому), *Литвин* (по любимому блоггеру), *Блих* (по любимому аниме), *Фаина* (по любимой песне), *Чепрага* (по любимой певице).

VII. Одну из немногочисленных групп представляют прозвища, соотносимые с этнонимами: *Челд / Челдон* (о мужчине, родители которого приехали из Сибири), *Молдаванка*. Некоторые прозвища-этнонимы несут в себе образное значение, выделяя яркую черту внешности: *Япоша* (узкий разрез глаз), *Цыган* (смуглый). Также присутствуют антропонимы, указывающие на этническую принадлежность с помощью называния традиций данного народа: *Маца* (еврейский национальный хлеб). Встречаются и прозвища, в основе которых лежат этнофолизмы: *Хохол* (о мужчине, отец которого - украинец), *Хач* (тёмный, с монобровью).

VII. Прозвища, указывающие на место жительства или на место рождения именуемого или его родственников: *Халеевки* (семья родом из деревни Халеевичи), *Еловка, Москва* (о мужчине, который сейчас живёт в Москве), *Бобовец, Манюковка* (о женщине, прабабушка которой жила в селе Манюки). Данные топонимические прозвища во многом свидетельствуют о наблюдательности народа, о преемственности поколений. К данной группе также отнесём примеры, прямо указывающие на особенности рельефа места жительства именуемого: *Нагорные* (живут на горе).

VIII. Немногочисленной является и группа прозвищ, указывающих на определенную черту характера, склад личности (2,3%): *Псих*, *Коржбан* (черствый), *Бык* (упёртый), *Гнида* (нехороший человек), *Киса* (ласковый), *Индюк* (напыщенный), *Альцгеймер* (тугой) и др. Как видим, большинство из них имеет негативную коннотацию.

IX. Прозвища, данные по специфике употребления слов в речи, по специфике произношения (3%), можно разделить на прозвища, отражающие ошибки в произносимых словах: *Чупча* (мать не выговаривала слово "чукча"), *Меренёк* (говорила "ременёк" вместо ремешок, в процессе бытования прозвища произошла метатеза), *Хамина* (не выговаривал "машина"), *Хахаль* (не выговаривал слово "сахар"); прозвища, данные за наиболее часто употребляемые слова, фразы: *Голубчик* (часто так обращается к людям), *Огонь* (говорит после того, как сделал что-либо), *Пиш*, *Алло-гараж* (часто обращается таким образом к людям в попытке привлечь к себе внимание); прозвища, данные по особенности произношения: *Свисток* (шепелявит и подсвистывает), *Пискля* (писклявый голос) и др.

X. Прозвища, данные по жизненной ситуации, в которой субъект совершил запоминающееся, выдающееся действие (3,5%): *Кирпич* (в драке взял кирпич), *Толик Полено* (уснул во время свидания с девушкой), *Полусадник* (в драке разбил палисадник), *Шкунда* (бабушка именуемой выгнала своего мужа из дома за участие в секте штундистов), *семь пятьдесят* (не дал в долг данную сумму), *Кекс* (взорвал микроволновку, разогревая кекс), *Весло* (утопил в походе весло), *Арам-зам-зам* (назначили заместителем заместителя старосты) и другие.

Вне описанных лексико-семантических групп оказываются прозвища, в основе которых лежат единичные случаи мотивации: *Мадам* (по адресу электронной почты), *Козерог и Лев* (тёзки, различают благодаря знаку зодиаку), *Космонавт* (у человека очень дорогой телефон, а космос не снимает). Некоторые прозвища созданы в результате путаницы: *Капрал* (служил комбатом, перепутали звание).

Примечательно, что некоторые из исследованных нами прозвищ не имеют ясной мотивации; объяснить, почему именуемого назвали определенным онимом, не представляется возможным: *Матвей* (зовут Митя), *Семён* (зовут Максим).

В силу специфики географического местоположения исследуемой территории (юго-западные районы Брянской области граничат с Украиной и Белоруссией), в основу номинации могут быть положены слова белорусского и украинского языков. Например: *Бусел* (белорусск. "аист"), *Цыбуля* (укр. "лук"), *Цупик* (от укр. "цупкий" - тугой, твёрдый, жёсткий, сильный). Выделенная группа показывает своеобразие системы прозвищ юго-западных районов Брянской области.

Проведенное исследование показало, что система прозвищ как вида антропонимов юго-западного района Брянской области богата и разнообразна.

разна. Выделенные лексико-семантические группы отражают многочисленными характеристиками, послужившие для образования прозвищ. Наиболее частотны и востребованы на данной территории прозвища отфамильные и родовые, прозвища, данные по характеристике внешности человека и по сходству с героями фильмов, книг, известными личностями. Они имеют глубокие корни, строятся на соотношении со стандартом, закрепившимся в сознании славян, отражают преемственность поколений и демонстрируют культуру общества и внутреннюю культуру отдельной личности. Чаще всего носитель языка использует для создания прозвища существующий апеллятив или имя собственное, но наполняет его образностью и метафоричностью, вкладывает в него своё отношение к именуемому. Вместе с тем, в прозвищах проявляется наблюдательность, сметливость, оригинальность жителей исследуемых районов. В целом данная группа антропонимической системы остается актуальной и требует дальнейшего углубленного изучения.

#### **Список использованных источников**

1. **Денисова, Т. Т.** Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Денисова Т. Т. – Смоленск, 2007. – 25 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/prozvischcha-kak-vid-antropnimov-i-ikh-funktsionirovanie-v-sovremennoi-rechevoi-kommunikatsi> (дата обращения: 14.04.2021 г.). – Текст : электронный.
2. **Подольская, Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; Отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Наука, 1988. - ISBN 5-02-010892-8 : 60 к. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://booksee.org/book/672002> (дата обращения: 04.04.2021). – Текст : электронный.
3. **Селищев, А. М.** Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 623 с. – URL: <http://test.safe-work.ru/Bibl/BibST/Selishchev.html> (дата обращения: 03.04.2021). – Текст : электронный.
4. **Суперанская, А. В.** Современные русские прозвища / Суперанская А. В. – Текст : электронный // *Folia onomastica Croatica*, No. 12 / 13, (2003 – 2004), с. 485 – 498. [Электронный ресурс]. URL: <https://game-wiki.guru/library/culture/nauka/superanskaya-a.v.-sovremennye-russkie-prozvischha.html> (дата обращения: 03.04.2021). – Текст : электронный.
5. **Унбегаун, Б. О.** Русские фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б. А. Успенского. – Москва : Прогресс, 1989. – 443 с. – ISBN 5-01-001045-3. – с. 91-160. – Текст : непосредственный.

*Годуйко Людмила Алексеевна,  
Моисейчик Анна Эдуардовна*

*УО "Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина"  
e-mail: [god\\_lusi@mail.ru](mailto:god_lusi@mail.ru), [anya.moiseychik26@mail.ru](mailto:anya.moiseychik26@mail.ru)  
УДК 811. 161. 1'373. 2 (043)*

**СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ В ГЕОРТОНИМИИ  
БЕЛАРУСИ ПРИНЦИПА НОМИНАЦИИ  
ПО СВЯЗИ С ЧЕЛОВЕКОМ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ  
СТУДЕНЧЕСКИХ ПРАЗДНИКОВ)**

*Lyudmila A. Goduyko,  
Anna E. Moiseichyk  
Brest State A. S. Pushkin University*

**SPECIFIC OF DEMONSTRATION OF THE NOMINATION PRINCIPLE  
ACCORDING TO CONNECTION WITH HUMAN  
IN BELARUSIAN GEORTONYMY  
(ON THE EXAMPLE OF STUDENTS HOLIDAYS NAMES)**

*Статья посвящена одному фрагменту ономастической картины мира белорусов – названиям студенческих массовых торжеств. Проанализированы способы, средства вербализации в геортонимах связи праздника с человеком.*

*This article is about one of the section of onomastic picture of the world of Belarussians – names of students mass holidays. Ways and tools of verbalization connection of the holiday with person in geortonyms had been analyzed.*

*Ключевые слова: праздник, геортоним, принцип номинации, субъект, объект коммуникации*

*Key words: holiday, geortonym, principle of nomination, subject, communication object*

Важнейшей "первичной формой человеческой культуры" [1, с. 278] является праздник. В нем в наибольшей степени находят отражение и единые для всех культур черты, и специфические особенности определенной социокультурной общности. Будучи сложным явлением, праздник вызывает интерес представителей разных отраслей знания, в т. ч. ономастики. Последняя обращается к многообразию принципов, способов, моделей номинации праздников, к их именам собственным (ИС). Обозначают данную группу онимов по-разному, но традиционно используют термин "геортоним".

Наше исследование посвящено малоизученному сегменту современной геортонимии – русско- и белорусскоязычным названиям массовых праздников (860) в учреждениях высшего образования (УВО) Беларуси.

Среди данных языковых единиц активностью характеризуются ИС, демонстрирующие принцип номинации по связи с человеком (303). По-

следний является: 1) субъектом, активным участником торжества: акция "Студент – посол в школе", "Мы – граждане Беларуси"; конкурс "Супермен – 2019" и др. ; 2) объектом, на которого направлены действия участников праздника (термин условный, чаще речь идет об объекте / субъекте коммуникации): конкурс "Дзякуй за нараджэнне, Мама!", "Селфи с преподавателем"; акция "Позвони дорогому человеку" и др. ; 3) лицом, чью память увековечивают: литературно-творческий вечер "Прачытай Уладзіміра Караткевіча!"; выставка "Детективный мир Агаты Кристи"; акция "Беларусь помнит. Помнит каждого" и др.

Обозначение "виновника торжества" может быть: 1) прямым: выставка "Францыск Скарына – заснавальнік беларускага кнігадрукавання"; акция "Любимым преподавателям посвящается"; конкурс "Волонтер года – 2019" и др. ; 2) переносным, метонимическим / метафорическим: марафон "Читаем Пушкина"; конкурс "Пушкин в сквере универа" ('автор → памятник ему'), "Мисс Снегурочка" ('героиня русской сказки → амплу конкурсантки'), "Королева Весна – 2019", "Наши звезды" и др.

Номинаторы праздников также апеллируют к фоновым знаниям адресата посредством ИС, которые актуализируют **прецедентные феномены** (ПФ).

По широте охвата [2, с. 103 – 104] отмечены ПФ: 1) социумно-прецедентные, знакомые среднему представителю профессиональной, генерационной и т. д. группы людей: выставка "Старый Новый год у Сухих" – на празднике в ГГТУ имени П. О. Сухого, доктора технических наук, одного из основателей советской реактивной и сверхзвуковой авиации, была представлена коллекция елочных игрушек его семьи; и др. ; 2) национально-прецедентные: выставка "Міхал Клеафас Агінскі – унікальная асоба еўрапейскай гісторыі і культуры", "Францыск Скарына. Чалавек Дасканалы"; общеуниверситетский диктант "Пад іменем Купалы" и др.; 3) универсально-прецедентные (среди данных ПФ лидирует "солнце" русской литературы): литературная гостиния "Пушкин и Беларусь"; конкурс "Герои произведений А. С. Пушкина в кино"; дни молодежного творчества "Наши Пушкин"; литературный праздник "Ай да Пушкин!" – отсылка к крылатой фразе из письма поэта П. А. Вяземскому; марафон "Читаем Пушкина" и др.

По способу введения [3, с. 46 – 49] востребованностью отличаются, ПФ – прецедентные имена: литературная гостиния "Сила слова: от Гомера до наших дней"; фольклорный праздник "На вясорках у Паўлінкі" – ИС отсылает к пьесе (1912) Янки Купалы и ее героине, ставшей одним из национальных символов; акция "Тайный Дед Мороз" и др.

Связывают с человеком именуемое торжество, обозначают его участников и прецедентные высказывания: конкурс "Алло, мы ищем таланты", "Герой нашего времени – врач" – ПФ, апеллируя к роману "Герой нашего времени" (1840) М. Ю. Лермонтова, явно подвергся пересмыслению.

нию: *герой* – не столько ‘человек, воплощающий в себе черты, в т. ч. отрицательные, эпохи, среды’, сколько ‘человек, проявивший личное мужество, самоотверженность / вызывающий интерес, восхищение, достойный подражания’ (студенты готовили художественную композицию на эту тему, писали эссе о выбранном герое, его героическом поступке); *вечер отдыха "Весна и женичины похожи"* – геортоним "цитирует" Н. Чувашеву-Войскович или А. Торадова (так начинаются произведения обоих авторов); *развлекательный квиз "Ищите женичину"* – ИС воспроизводит номинацию популярного теледетектива (1982) режиссера А. Суриковой; *турнир "За прекрасных дам!"* и др. Заслуживает внимания геортоним *выставка "Молодежь, в поход за знаниями!"*, создатели которого актуализируют сложный ПФ, объединяющий прецедентные высказывание и невербальный текст – известный плакат (1960) графика, живописца, художника В. С. Иванова.

Широкий спектр ассоциаций, коннотаций порождает следующий прецедентный для представителя лингвокультуры Беларуси текст: *вечер "Мой родны кут, як ты мне мілы"* – строка из поэмы "Новая зямля" Якуба Коласа (фрагмент поэмы в исполнении ансамбля "Песняры" фактически стал самостоятельным поэтическим произведением) вызывает воспоминания о малой родине, ее живописной природе, радостях детства...

Примером актуализации прецедентной ситуации служит, на наш взгляд, геортоним *конкурсная шоу-программа "Курс молодого бойца"* (‘начальный период прохождения службы, подготовительный период военнослужащего’) – праздник, приуроченный ко Дню защитника Отечества и Вооруженный Сил Республики Беларусь, предлагает молодым людям проявить лучшие мужские качества, способность преодолевать трудности. В трансформированном виде упомянутый ПФ представлен в названии *конкурс "Курс Молодого Студента"*.

В геортонимии указание на человека реализуют разные языковые единицы.

Наиболее обширную группу формируют геортонимы, **мотивированные существительными, которые называют лиц, их совокупности:**

1) по профессии, роду деятельности (48). Отбор исходных личных существительных часто обусловлен профилем профессиональной подготовки в УВО, сложившейся системой внеучебной занятости студентов: *конкурс "Выдающиеся филологи-слависты"*, *"Лучший пахарь"* (Белорусский государственный аграрный технический университет) – номинация *пахарь* ‘человек, который пашет землю, землепашец’ приросла такими культурными смыслами, как ‘герой (в славянской мифологии), вытеснивший с земли первобытных великанов – воплощение диких, необузданных сил природы’, как ‘труженик’; *встреча "Профессия таможенник: история и современность"*; *турнир "Эрудированный связист"*; *концерт "Текстильщик"* и др.

В геортонимах массово представлены апеллятивы, в разных ипостасях называющие основных участников образовательного процесса: концерт "Посвящение в студенты ВГУ"; акция "Студенты. Безопасность. Будущее", "Здоровый обед – здоровый студент!"; вечер "Виват, первокурсник!"; игра-конкурс "Посвящение в общаговцы" – слэнговое общаговец утрачивает, думаем, негативные коннотации (скорее, это результат экономии речевых усилий) и в названии праздника подобного формата выглядит вполне органично; конкурс "Вайн с преподавателем" (вайн ‘ролик длиной до 6 сек., публикуемый в программе Vine’), "Лучший куратор БГАТУ" и др. ;

2) по индивидуальным свойствам, разумеется, положительным, выгодно отличающим студентов / известных людей, жизнь, деятельность которых могут стать образцом для молодежи (21): радиоконкурс "Малыды таланты Беларусі"; акция "Волонтеры – лидеры активностей", "Я – хозяин!"; олимпиада "Патриот – 2018" – участники торжества представляли кадетские, военные училища, специализированные лицеи МВД и МЧС; литературно-музыкальный вечер "О героях былых времен"; выставка к 265-летию со дня рождения Вольфганга Амадея Моцарта "Серенада гению", "Мятежный пророк вдохновенья" (к 205-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова) и др.

Отметим, что некоторые ИС образуют зону переходности между данной и предшествующей подгруппами геортонимов: конкурс "Грамотей", "Дебют специалистов – 2020"; фестиваль "Физика для любознательных" и др. ;

3) по общественному статусу, национальности, которые воспринимается участниками торжества с уважением, гордостью, признательностью (8): информационно-образовательный проект "Школа Активного Гражданина"; проект "Я – грамадзянін Беларусі"; конкурс "Мы – наследники Победы", "Мисс Белорусочка"; акция "Наша память – ветеранам!" и др. ;

4) по гендерному признаку (28): спортландия "А ну-ка, девушки"; акция "Женщины, мы любим Вас!"; выставка "Яркие женщины – яркие судьбы"; конкурс "А ну-ка, парни!", "Мистер университет", "На100ящий мужчина" – за счет графической игры ИС выглядит свежо, современно; и др. ;

5) по возрасту (27): акция "В центре внимания – дети!", "Подари ребенку радость", "Молодежь против наркотиков", "Молодежь – ветеранам"; фестиваль "МОЛОДЕЖЬ & ART" – гибридное ИС отражает глобализацию, интернационализацию современной коммуникации; соревнование "Формула Будущего: Молодежь + Здоровье"; форум "Молодежь – надежда и будущее Беларуси", "В объективе – МОЛОДЕЖЬ" и др. ;

6) по семейным отношениям (27): встреча "Свет пачынаецца з маці"; акция "Подари радость маме!"; концерт "Берегите своих маме

*рей!*", *"Тебе, родная!"*; конкурс *"Все начинается с матери!"*; фестиваль *"Папа, мама, я – футбольная семья"*; акция-челлендж *"Мама, я люблю тебя!"*; акция *"А вы чьи внуки?"*; *"Спасибо за то, что ВЫ – МАМА"*; *"Нет тебя дороже, Мама!"*; *"#Разамзбацькамі"* (бел. бацькі 'родители') – геортоним демонстрирует окказиональную деривацию (слияние) и выглядит как хештег в социальных сетях; фотовыставка *"Дорогой мой человек"* и др. Обращает на себя внимание "перевес" геортонимов, называемых ими праздников в сторону одного из родителей. И это коррелирует с ситуацией в обществе, когда социальная роль отца в силу ряда причин оказывается на втором плане;

7) по межличностным отношениям (8): калейдоскоп *"Шчырыя сэрцы замежных сяброў, закаханых у Беларусь"*; караоке-вечеринка *"Вечер друзей"*; встреча *"Новый учебный год – новые друзья"* и др.

К предыдущей группе органично примыкают геортонимы, мотивированные *отопеллятивными прилагательными* (21). Подобные адъективы чаще всего указывают на связь торжества: 1) со студенческой, молодежной средой: фестиваль *"Студенческая Аграрная Весна – 2019"*, *"Студенческая осень ВГМУ"*, *"Молодежная волна"*; конкурс-развлекательная программа *"Студенческий You Tube"*; форум *"Студенческая неделя – 2020"*; праздник *"Молодежная столица Беларуси – 2019"*; конкурс *"Молодежный взгляд"* и др.; 2) с ценностными установками (в нашем случае – семейными): выставка *"Загляните в мамы глаза"*; акция *"Мамины пироги"*; конкурс *"Зеркало маминей души"*; виртуальный марафон *"Мамины секреты"*.

Названия, мотивированные *антропонимами* (30), посвящают праздники представителям науки, литературы, искусства, иных видов деятельности: выставка *"Всемирно известный композитор Людвиг ван Бетховен"*, *"Грани творчества Достоевского"*, *"Если дал ты клятву Гиппократу"* и др. Также в структуре геортонимов отмечены мифонимы, поэтонимы (5): фестиваль *"Эвридика"* – герои античного мифа, прекрасная нимфа Эвридика и ее супруг, легендарный певец, музыкант Орфей, олицетворяют вечную любовь, безграничную преданность; конкурс *"Мисс Дюймовочка"* – рост участниц торжества не превышал 170 см; и др.

Продуктивны названия праздников по связи с человеком, мотивированные *местоимениями*. Это, в первую очередь, собственно-личные местоимения, т. е. 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа (52): встреча *"Я – выпускник филфака БрГУ имени А. С. Пушкина"*, *"Мы – будущее нашей страны"*; концерт *"Тебе, первокурсник!"*, *"Вам имя – совершенство..."* – посвящение Международному женскому дню; игра-квест *"Мы – студенты БрГТУ!"*; выставка *"Я в квадрате"* – рисунки были выполнены на квадратных и прямоугольных холстах; спортландия *"Здоровый я – здоровая страна!"*; акция *"Мы выбираем мир!"*, *"Мы – вместе!"*, *"С заботой о Вас!"* – в рамках Международного дня пожилых людей; конкурс *"Закон и*

**ты**" и др. В геортонимах такие местоимения подчеркивают единство номинаторов и / или участников праздника, связывают их чувством общности, сплоченности.

Как идентификационные формулы, речевые обороты, побуждающие адресата ИС отождествлять себя с имядателем торжества, его группой [4, с. 51], также эффективны притяжательные (30) местоимения: *выставка "Беларусь мая сінявокая"; выставка-просмотр "Единение – это наш исторический выбор"; конкурс "Моя Академия", "Твой взгляд"* (фото- и видеоработы); *представление "Береги свой дом, свою семью!"* и др. Местоимения иных разрядов единичны (6): *вечер "Беларусь – страна для всех!"; фестиваль "Начнем с себя!"; акция "Преодолей себя!"* и нек. др.

Таким образом, в деривации геортонимов исследованного номинативного типа задействован целый ряд языковых единиц (имена собственные реальных и вымышленных людей, других персонажей; личные и собирательные существительные; образованные от них прилагательные; местоимения, преимущественно личные и притяжательные), прямо или опосредованно репрезентирующие участие в празднике человека, его социальные роли, статусы.

#### **Список использованных источников**

1. **Бахтин, М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1990. – 541 с. – Текст : непосредственный
2. **Гудков, Д. Б.** Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – Москва : Гнозис, 2003. – 288 с. – Текст : непосредственный
3. **Красных, В. В.** Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с. – Текст : непосредственный
4. **Крюкова, И. В.** Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие : учеб. пособие по спецкурсу / И. В. Крюкова. – Волгоград : Перемена, 2003. – 100 с. – Текст : непосредственный

**Замальдинов Владислав Евгеньевич**

ФГКОУ ВО "Нижегородская академия  
Министерства внутренних дел Российской Федерации"  
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

УДК 811. 161. 1

## **НОВООБРАЗОВАНИЯ НА БАЗЕ ОНИМОВ КАК КОМПОНЕНТЫ МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**Vladislav E. Zamaldinov**  
*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation*

### **INNOVATIONS BASED ON ONYMS AS COMPONENTS OF MEDIA COMMUNICATION**

*В статье рассматриваются новообразования на базе онимов. Материалом для исследования послужили тексты медийной коммуникации с 2020 г. по 2021 г. Выделяются словообразовательные инновации, созданные с помощью узуальных (префиксация, суффиксация) и незузуальных (тмезис, междусловное наложение, графикация) способов деривации.*

*Ключевые слова: словообразовательные инновации, оним, антропоним, топоним, медийная коммуникация*

*The article deals with word-forming innovations based on onyms. The material for the study was the texts of media communication from 2020 to 2021. Word-forming innovations created with the help of conventional (prefixation, suffixation) and non-conventional (tmesis, inter-word overlap, graphication) methods of derivation are distinguished.*

*Keywords: word-forming innovations, onym, anthroponym, toponym, media communication*

В эпоху цифровизации возрастает значимость медийной коммуникации в современном обществе. Именно средства массовой информации (СМИ) формируют вкусы и привычки адресата, отражают окружающую действительность, влияют на литературный язык. Как отмечают исследователи, "мировоззрение формируется в значительной степени под влиянием СМИ (газет, радио, телевидения, Интернет), образования и литературы" [4, с. 174].

Чтобы заполучить внимание аудитории, журналисты довольно часто употребляют в медийных текстах новообразования на базе онимов. Новые номинации, как правило, выполняют экспрессивно-оценочную функцию, воздействуют на сознание носителей языка. Кроме того, "массмедийные новообразования обладают имиджемоделлирующим потенциалом" [3, с. 63].

Для создания новообразований адресанты используют в медийных текстах узуальные и незузуальные способы деривации. Узуальные номина-

ции образуются с помощью имеющихся в языке способов словообразования и словообразовательных типов. При создании окказиональных лексем журналисты сознательно нарушают языковую норму. По мнению ученых, "узуальные способы закреплены в системе языка, окказиональные характерны для индивидуального или поэтического словотворчества" [5, с. 95].

Так, среди узуальных способов словообразования активность проявляет префиксация. Широко представлены в медийной коммуникации новообразования с приставками *не-* со значением отрицания, *квази-* с семантикой ложности, *мега-* с размерно-оценочной семантикой: *Во вторник, 23 июня, актер Никита Кукушкин в роли "непрезидента России Невладимира Невладимовича Непутина" выступил со вторым обращением* (Рязань в сети, 23.06.2020); *Также квази-Зеленский пообещал бесплатный медицинский каннабис всем, кто подпишется на депутатов "Слуги народа". Таким образом, российский пародист не просто высмеял предложение президента Украины легализовать марихуану в стране* (Антифашист, 17.10.2020); *Мегабайден глупости опасней его тротилового эквивалента* (заголовок). *Мир как-то буднично скатывается к термоядерной войне, но никто кроме России и еще нескольких стран не пытается этого замечать и хоть как-то этому противостоять* (Звезда, 22.03.2021). Как видно из примеров, в качестве мотивирующих слов выступают антропонимы – имена и фамилии социально значимых фигур. Экспрессивность подобных новообразований связана с присоединением префиксов к имени собственному. По словам Е. Н. Басовской, "принимая решение в пользу того или иного периодического издания, радио- или телевизионной программы, представитель аудитории часто выбирает не средство массовой информации, а личность, с которой хочет вступить в заочную коммуникацию" [1, с. 41].

Значительное место в СМИ занимают новообразования, созданные суффиксальным способом словообразования. Продуктивность в медийной коммуникации демонстрируют такие суффиксы, как *-ушк-* с размерно-оценочной семантикой, *-оид* с семантикой подобия, *-цин (а)* с оттенком неодобрения: *Насмешка над демократией. Как агенты Трампушка и Бидон уделывают Америку* (заголовок) (Life. ru, 11.01.2021); *Путиноид Толстой обделался вместе с навалноидом Волковым* (заголовок) (АПН Северо-Запад, 13.02.2021); *Мантуровщина* (заголовок). *Происхождение богатства министра Дениса Мантурова начинает проясняться* (Наша версия, 25.02.2021). Данные суффиксальные новообразования обладают отрицательной оценочностью, участвуют в создании иронической тональности текста. Негативный характер экспрессии обусловлен не только отношением журналиста к тому лицу, которое названо мотивирующей лексемой, но и контекстуальным окружением, словообразовательным средством. Как справедливо отмечает О. В. Врублевская, антропонимы "обладают значительным коннотативным потенциалом, неоднородно представленным в

языковом сознании респондентов разных поколений и изменчивым во времени" [2, с. 103].

Для создания новообразований на базе онимов журналисты используют невузальные способы деривации. Так, в медийных текстах представлено большое количество инноваций, образованных путем тмезиса – вставки одной лексемы внутрь другого слова: ***Обезнобеливающие средства*** (заголовок). *После выдвижения Навального на Нобелевскую премию мира, он начал ожидать отравления не только от Путина, но и от Трампа, Нетаньягу и Греты Тунберг* (Бесэдер, 24.09.2020); *Европа **обайденела*** (заголовок). *США вернулись на международную арену и более не оставят Европу наедине с угрозами со стороны Китая и России* (Коммерсантъ, 20.02.2021). Подобные словообразовательные инновации передают шуточный отношение журналиста к объекту номинации.

Другим продуктивным невузальным способом словообразования является междусловное наложение. "Междусловное наложение <...> – такое соединение двух слов в одно, в котором полностью сохраняются оба соединяющихся слова, но определенный фонемный отрезок нового слова принадлежит одновременно обоим мотивирующим частям" [6, с. 52]. С помощью данного способа деривации журналисты активно создают новообразования на базе топонимов: ***Карабахнуло*** (заголовок). *27 сентября между Азербайджаном и Арменией вспыхнул новый военный конфликт* (Завтра, 29.09.2020) ← *Карабах* + *бахнуло*; ***Геленджить бы да радоваться*** (заголовок). *Рост внутреннего туризма из-за пандемии улучшил результаты ряда российских аэропортов на фоне плачевной ситуации в отрасли в целом* (Коммерсантъ, 02.02.2021) ← *Геленджик* (к) + *жить*. Кроме того, в медийных текстах популярны и отантропонимические инновации, созданные путем междусловного наложения: ***Камон, эврибайден*** (заголовок)! *Новый президент США вступил в должность при поддержке Нацгвардии и Леди Гаги* (Коммерсантъ, 21.01.2021) ← *эвриба* (ди) + (Джо) *Байден*. Подобные новообразования усиливают эмоциональное воздействие на читателей, имеют оценочный характер.

Востребованы в медийных текстах новообразования, созданные с помощью графикации. В данных номинациях, как правило, используется графическое выделение сегмента: ***АСАДочек остался*** (заголовок). *В отношениях с Сирией Россия наступает на старые советские грабли* (Наша версия, 25.05.2020) ← (*Башар*) *Асад* + *осадочек*. Номинации, созданные с помощью графической гибридизации, оказывают визуальное воздействие на адресата, порождают у него различные ассоциации.

Подводя итог сказанному, отметим, что в медийных текстах журналисты активно используют новообразования на базе онимов. Новые номинации обладают оценочностью и экспрессивностью, отражают социально-политические процессы, воздействуют на сознание носителей языка.

### Список использованных источников

1. **Басовская, Е. Н.** "Имя дважды собственное": антропонимы в названиях радиопрограмм / Е. Н. Басовская. – Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 4 (11). – С. 34 – 45.
2. **Врублевская, О. В.** Коннотативные антропонимы политического дискурса в восприятии носителей русского языка: экспериментальное исследование / О. В. Врублевская. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 3 (41). – С. 93 – 106.
3. **Замальдинов, В. Е.** Массмедийные новообразования как средство создания образа политика / В. Е. Замальдинов. – Текст : непосредственный // Язык. Коммуникация. Культура: альманах по материалам первой международной заочной научно-практической конференции молодых ученых. – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 61 – 65.
4. **Копнина, Г. А., Сквородников, А. П.** Газетно-публицистические тексты как источник информации о технологии ведения современной информационно-психологической войны / Г. А. Копнина, А. П. Сквородников. – Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 1 (8). – С. 170 – 181.
5. **Николина, Н. А.** Словообразование современного русского языка : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина, Е. А. Фролова, М. М. Литвинова. – Москва : Издательский центр "Академия", 2005. – 160 с. – Текст : непосредственный.
6. **Улуханов, И. С.** Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – Москва : Русские словари, 1996. – 221 с. – Текст : непосредственный.

*Зими́на Мари́на Серге́евна*

*Российская академия народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте РФ  
e-mail: [Z.Mara1997@gmail.com](mailto:Z.Mara1997@gmail.com)*

**ТОПОНИМЫ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ОНИМЫ В РАССКАЗАХ  
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА "МАТРЕ́НИН ДВОР" И  
"ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА"**

*Marina S. Zimina*

*Russian Presidential Academy of National Economy  
and Public Administration*

**TOPONYMS AND PERIPHERAL ONYMS IN A. I. SOLZHENITSYN'S  
SHORT STORIES "MATRYONA'S PLACE" AND "ONE DAY IN THE  
LIFE OF IVAN DENISOVICH"**

*Цель настоящей статьи – исследовать топонимы и периферийные онимы в рассказах А. И. Солженицына "Матрёнин двор" и "Один день Ивана Денисовича", рассмотреть особенности их функционирования в текстах. В ходе работы было установлено, что важным разрядом ономастической лексики произведения, определяющим показателем хронотопа, наряду с периферийными онимидами, являются топонимы. Топонимы и периферийные онимы являются значимыми элементами текста, поскольку они конкретизируют и детализируют художественное пространство, отражают советскую действительность и участвуют в создании культурно-исторического фона рассказов; способствуют характеристике персонажей.*

*Ключевые слова: топонимы, периферийные онимы, художественный текст, функции онимов, А. И. Солженицын, рассказ "Матрёнин двор", рассказ "Один день Ивана Денисовича".*

*The purpose of this article is to study toponyms and peripheral onyms in the short stories of A. I. Solzhenitsyn "Matryona's Place" and "One Day in the Life of Ivan Denisovich", to consider the features of their functioning in the texts. In the course of the work, it was determined that an important category of onomastic vocabulary of the work, the determining indicator of the chronotope, along with peripheral onyms, are toponyms. Toponyms and peripheral onyms are significant elements of the text, since they concretize and detail the artistic space, reflect the Soviet reality and participate in the creation of the cultural and historical background of the stories; they contribute to the characterization of the characters.*

*Keywords: toponyms, peripheral onyms, literary text, functions of onyms, A. I. Solzhenitsyn, short story "Matryona's Place", short story "One Day in the Life of Ivan Denisovich"*

Одним из вариантов анализа ономастикона художественного текста является анализ с точки зрения полевого подхода, который позволяет выделить в системе имён собственных ядро, околоядерное пространство и

периферию. Ядром являются антропонимы; окооядерное ономастическое пространство составляют мифонимы, теонимы и зоонимы; топонимы и космонимы имеют дисперсное ядерно-периферийное положение. К периферии относятся гемеронимы – названия органов периодической печати, геортонимы – названия праздников, документонимы – названия разного рода документов, прагмонимы – названия объектов прагматической деятельности и некоторые другие разряды, которые обладают чертами апеллятивно-онимического пограничья [8, с. 6].

И. В. Крюкова выделяет следующие периферийные онимы: названия предприятий (эргонимы), средств массовой информации (гемеронимы), праздников и мероприятий (геортонимы), товаров (прагмонимы), транспортных средств (порейонимы), наград, орденов, премий (фалеронимы), названий художественных произведений (идеонимы). По словам исследовательницы, это "практически вся "заковыченная" часть ономастического пространства" [5, с. 96].

Исследование периферийных онимов в художественном тексте в настоящее время привлекает определённое внимание учёных, однако в научной литературе отмечается, что именно этот сегмент ономастического пространства требует более серьёзного изучения [2, с. 56]; также обращается внимание на отсутствие чёткой классификации периферийных онимов [3].

Цель настоящей статьи – исследовать топонимы и периферийные онимы в рассказах А. И. Солженицына "Матрёнин двор" и "Один день Ивана Денисовича"; рассмотреть особенности их функционирования в текстах; с помощью контекстуального анализа показать значимость этих онимов. Как уже было отмечено выше, топонимы занимают дисперсное ядерно-периферийное положение в структуре ономастического пространства. Их отнесение к тому или иному сегменту зависит от многих факторов; мы посчитали возможным объединить топонимы и периферийные онимы, поскольку, несмотря на определённую значимость топонимов в рассказах А. И. Солженицына, всё же это только фон произведения, в отличие, например, от антропонимов [4].

С. Н. Волкова отмечает, что топонимы являются значимым сектором ономастикона художественного текста: они используются для детализации художественного пространства, задают хронотоп; играют важную роль в передаче идейного содержания, в реализации авторского замысла; выбор автором топонимов часто бывает не случаен [1, с. 108]. Наш анализ показал, что в рассказах А. И. Солженицына топонимы чаще всего являются фоном, но при этом их значимость также несомненна. Так, в рассказе "Матрёнин двор" особое место занимают названия деревень (комонимы); большая часть из них – реально существующие населённые пункты, что помогает отследить связь между художественным миром и реальным. Как известно, именование героини в рассказе была изменено по сравнению с

прототипом (с Захаровой на Григорьеву). Аналогичным образом автор поступил с названием деревни, в которой жила Матрёна. В рассказе действие происходит в деревне под названием *Тальново*. Деревня, в которой жила реальная Матрёна называлась – *Мильцево* [6, с. 599]. "А дальше целый край идёт деревень: Часлицы, Овинцы, Спудни, Шевертни, Шестимирово..." [7, с. 114]. Это реальные названия окрестных деревень.

В тексте дано два названия железнодорожных станций: *Торфопродукт* и *Нечаевка* (так называет Матрёна станцию Нечаевская). Первое из них – реальное название станции во Владимирской области. Оно противопоставляется остальным топонимам по структуре, так как отражает советские реалии. Название образовано по модели сложения двух слов (*торф* и *продукт*), что было характерно для советских названий.

В тексте употреблены и хоронимы (названия стран): *Россия*, *Бразилия* и *Австралия*. Последние два топонима упоминаются, когда Игнатич рассказывает о прошлом Матрёны, в частности о муже, который долго не возвращался с войны. Для многих советских граждан данные страны были экзотическими, являлись символами счастливой и беззаботной жизни, поэтому, когда Фаддей не вернулся, все решили, что он перебрался в поисках лёгкой жизни в Австралию или Бразилию.

В рассказе употребляются астионимы (названия городов): *Москва*, *Муром*, *Казань*, *Шатура*; названия областей: *Одесская*, *Московская*. Все названия подлинны и имеют прямую связь между художественным географическим пространством и реальным, поэтому способствуют созданию реалистичности.

Упоминается и название части света *Азия*, откуда возвращается рассказчик. Данная деталь имеет прямое отношение к судьбе самого писателя, так как по окончании лагерного срока в феврале 1953 года Солженицын был отправлен этапом отбывать вечную ссылку в казахский аул Кок-Терек.

Таким образом, топонимы являются реальными приметами местности. Можно сделать вывод, что писатель поместил в текст много названий реально существующих мест, чтобы читатели поняли, что праведница не воображаемый персонаж, а женщина сильного характера и доброго сердца, которую писатель знал лично, то есть топонимы способствуют целям создания достоверности.

Топонимы являются неотъемлемой частью ономастической лексики другого рассказа А. И. Солженицына – "Один день Ивана Денисовича". Топонимы играют важную роль в характеристике персонажей. Например, образ Шухова автор раскрывает с помощью реально существующих топонимов: гидроним *Ловать*, названия деревень *Поломня*, *Камень*, *Усть-Ижма*, *Темгенёво*. Хороним *Латвия* используется в связи с одним осуждённым латышом: "Кильдигс злой стал. Не любит авралов. У них в Латвии, говорит, работали все потихоньку, и богатые все были" [7, с. 68]. Раскры-

вается менталитет героя, особый уклад жизни, свойственный жителям Прибалтики.

Выбор писателем географических названий не случаен и может быть связан с биографией персонажа. Так используются хоронимы *Швеция* и *Корея*. Топонимы помогают расширять географическое пространство рассказа. Для заключённых существуют два пространства: первое – то, где они находятся в данную минуту, т. е. лагерь; второе – пространство, которое находится где-то далеко, за пределами лагеря, это места, связанные с их прошлой жизнью. Быт осуждённых не ограничивается лагерем, они понимают, что где-то есть другая жизнь.

В рассказе встречается типичный для советского времени топоним – *Соцгородок*. Соцгородками назывались жилые массивы, строившиеся в 1930-е годы по единому плану. Данный оним характерен для советского времени: поскольку постройки типовые, то и название у них было однотипное и повсеместно распространённое, по структуре сложно сокращённое: Соцгородок ← социалистический городок. Топоним помогает передать колорит советской эпохи.

Таким образом, топонимы в рассказе "Один день Ивана Денисовича" играют важную роль. Как и в рассказе "Матрёнин двор", они часто являются реальными названиями географических объектов. Для писателя была важна реалистичность описываемых событий, всё, о чём пишет Солженицын, он знает не понаслышке. Использование имён собственных в рассказе связано с биографией писателя, который сам отбывал срок наказания в исправительно-трудовых лагерях. Используя реальные топонимы, Солженицын даёт понять читателю, что описываемые в рассказе события имеют реальную основу.

Рассмотрим периферийные онимы рассказа "Матрёнин двор". Хремотоним (название предмета быта) – *лампочка Ильича* – воплощает важный атрибут советской жизни. Лампочки были названы по имени того, благодаря кому и появилась возможность ими пользоваться (В. И. Ленин проводил политику электрификации). Также в рассказе используется название организации – *Владимирское облоно*, то есть областной отдел народного образования Владимирской области, что иллюстрирует советское время с типичными сложными названиями.

В рассказе употребляются религионимы: название молитв "*Отче наш*", "*Достойно есть*", которые звучат на поминках Матрёны. Показательно, что в советское время, характеризующееся атеистической политикой, звучат религиозные произведения, что свидетельствует о том, что жители деревень оставались верующими и православными. Используется религионим *Николай Угодник* (один из наиболее почитаемых христианских святых). Данный оним обозначает икону, что стоит у Матрёну в "святом" углу. Это помогает создать фон, показать крестьянский уклад жизни; характеризует Матрёну как человека, следующего православным традициям.

В рассказе особую роль играют хронимы (названия отрезков времени). Так, упоминается *Крещение* – название христианского праздника. Матрёна в рассказе вообще даты прямо не называет, а изъясняется, используя хронимы, обозначающие православные праздники. О своей жизни она рассказывает так: "Говорят у нас: умная выходит после *Покрова*, а дура – после *Петрова*. Рук у них не хватало. Пошла я... На *Петров день* повенчались, а к *Миколу зимнему* – вернулся... Фаддей... из венгерского плена" [7, с. 131]. Игнатич, рассказывая о суевериях Матрёны, говорит, что была она верна приметам и на *Ивана Постного* в огород не ходила. Вышеназванные хронимы характеризуют Матрёну как женщину религиозную, но в то же время суеверную.

Таким образом, периферийные онимы помогают отразить реалии советского времени (*лампочки Ильича*, *Владимирское облоно*). Помогают создать фон для изображения крестьянского быта. Участвуют в характеристике персонажей: показывают религиозность деревенских жителей, их привычки и мировоззрение.

В рассказе "Один день Ивана Денисовича" встречаются следующие названия предметов быта (хремотонимы): "*Тройка*", "*Олень*" и "*Прима*". Первые два – это названия трафаретов, с помощью которых расписывались ковры, о которых думает Шухов из-за письма жены, в котором она рассказывает, как люди в деревни зарабатывают. Третий оним – именование одной из самых популярных марок сигарет в Советском Союзе. Все эти онимы характеризуют советский быт, являются неотъемлемой составляющей того времени.

Важную группу составляют названия организаций: *Особый / Особлаг*, *ГУЛАГ*. В Особых лагерях отбывали заключённые, осуждённые по 58 статье за измену родине. ГУЛАГ расшифровывается как главное управление лагерей и мест заключения; данное подразделение НКВД СССР руководило и контролировало исправительно-трудовые лагеря. Данные онимы характеризуют реалии советского времени и имеют особое значение для заключённых, так как само существование подобных именовании означало "веху" репрессий в СССР.

В рассказе встречаются и религиозные онимы: название религиозного произведения – *Евангелие*; название религиозного праздника – *Пасха*; именование святого – *Апостол Павел*. Как и в рассказе "Матрёнин двор", христианская тема поднимается и в рассказе "Один День Ивана Денисовича". Советская политика по искоренению веры, не привела к значительным успехам. Как показывают рассказы Солженицына люди продолжали верить в Бога во времена, когда это не поощрялось.

Таким образом, топонимы и периферийные онимы играют важную роль в ономастическом пространстве рассказов А. И. Солженицына "Матрёнин двор" и "Один день Ивана Денисовича". Топонимы являются реальными приметамы местности, где жили персонажи, то есть способствуют

целям создания достоверности. Используя реальные топонимы, автор показывает, что описываемые в рассказе события имеют реальную основу. Использование имён собственных в рассказе связано с биографией писателя. Периферийные онимы помогают отразить реалии советского времени, культуру, создают яркий фон советской действительности, крестьянского быта. Участвуют в характеристике персонажей: показывают религиозность деревенских жителей, их привычки и мировоззрение. Тем самым топонимы и периферийные онимы играют важную роль в передаче идейного содержания рассказов, в реализации авторского замысла.

#### Список использованных источников

1. **Волкова, С. Н.** Афганская топонимия в романе О. Н. Ермакова "Знак зверя" / С. Н. Волкова. – Текст : непосредственный // Десятые Поливановские чтения. Сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции. Часть II. История и диалектология. Вопросы ономастики. Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования. Лексикография как источник информации для лингвистических исследований. (Смоленск, 4 – 5 октября 2011 г.). – Смоленск: Маджента, 2011. – С. 101 – 109.

2. **Волкова, С. Н.** Периферийные онимы в художественном тексте (прагмонимы в романе О. Ермакова "Знак зверя") / С. Н. Волкова. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия "Филологические науки". – 2011. – № 7 (61). – С. 55 – 59.

3. **Волкова, С. Н.** Проблемы классификации периферийных онимов в художественном тексте (на материале романа О. Ермакова "Знак зверя") / С. Н. Волкова. – Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. Серия "Гуманитарные науки и образование". Выпуск 6. – 2010. – С. 8 – 15.

4. **Зимина, М. С.** Антропонимы в рассказе А. И. Солженицына "Матрёнин двор" / М. С. Зимина. – Текст : непосредственный // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : материалы Международной научной конференции, посв. памяти д. ф. н., проф. Войловой К. А. (г. Москва, 25 февраля 2021 г.) / отв. ред. О. В. Шаталова; ред. колл. Т. М. Фадеева, Е. Д. Звукова, И. А. Иванова, Т. В. Степаненкова. – Москва : Принтика, 2021. – С. 85 – 90.

5. **Крюкова, И. Ф.** Функциональная нагрузка периферийных онимов в современном художественном тексте / И. Ф. Крюкова. – Текст : непосредственный // Материалы юбилейной конференции, посвященной 60-летию филол. ф-та ВГУ. Выпуск 1. Языкознание. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 2002. – С. 96 – 102.

6. **Солженицын, А. И.** Собрание сочинений в 30 томах. Том 1. – М. : Время, 2007. – 676 с. – Текст : непосредственный.

7. Солженицын, А. И. Рассказы / А. И. Солженицын. – Москва : ИНКОМ НВ, 1991. – 228 с. – Текст : непосредственный.

8. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Дисс. в виде научного доклада ... докт. филол. наук / В. И. Супрун. – Волгоград, 2000. – 77 с. – Текст : непосредственный.

*Королева Инна Александровна*

*ФГБОУ ВО "Смоленский государственный университет"  
e-mail: [innakor@mail.ru](mailto:innakor@mail.ru)*

УДК 881.161.1'373.232

## **РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА: НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АСПЕКТ**

*Inna A. Koroleva*

*Smolensk State University*

### **REGIONAL TOPONY: POPULAR SCIENTIFIC ASPECT**

*В статье рассматривается одно из направлений изучения топонимической лексики - популярная региональная топонимика. Представляется воспитательный и лингвокраеведческий потенциал работы, позволяющей популяризировать местную топонимическую информацию среди жителей определенного региона. Для примера взята работа по научно-популярному исследованию названий районных центров Смоленской области, пограничного с Брянской областью и Республикой Беларусь региона.*

*Ключевые слова: имя собственное, топоним, региональная топонимика, популярный аспект исследования, Смоленская область*

*The article discusses one of the areas of study of toponymic vocabulary - popular regional toponymy. The educational and linguistic-ethnographic potential of the work, which makes it possible to popularize local toponymic information among the inhabitants of a certain region, is presented. For example, the work on popular science research of the names of regional centers of the Smolensk region, bordering with the Bryansk region and the Republic of Belarus region, is taken.*

*Key words: proper name, toponym, regional toponymy, popular aspect of research, Smolensk region*

Региональная ономастика стала активно развиваться еще в 80-е гг. XX в. Так, следует обратить внимание на вышедшее в 1985 году пособие к спецкурсу Л. А. Климковой, в котором особо было выделено изучение региональной топонимии как одного из приоритетных направлений исследований. Среди нескольких задач автор выделил воспитательную задачу - "возможность использования региональных собственных имен как материала для работы в средней школе, имея в виду их большой воспитательный

потенциал" [3, с. 3]. Людмила Алексеевна Климова предложила образец исследования региональной микротопонимии на примере Арзамасского района Горьковской области (ныне – Нижегородской). Однако, как мы считаем, интересны для рассмотрения и те региональные топонимы, которые можно найти на карте той или иной местности. В частности, для российских регионов весьма познавательными могут стать материалы научно-популярного характера по анализу географических названий районных городов и поселков. Несомненно, в каждом районе работают краеведческие объединения; сегодня лингвистическое краеведение находится в центре местной культурно-просветительской работы, концентрирующей вокруг культурно-просветительских центров – библиотек, музеев, литературных объединений и т. д. Определенный интерес к региональной топонимике проявляют местные СМИ. Безусловно, популярное историко-культурологическое и лингвистическое рассмотрение названий родных районных городов также может быть весьма познавательно для школьников. Топонимические сведения могут положить начало различным проектам по изучению местных географических названий, официальных и неофициальных, микротопонимов в городской черте и в сельской местности.

Мы хотим поделиться опытом своей лингвокраеведческой работы в Смоленской области, одном из самых западных регионов России, территории с интересной историей и культурой, Цель – просветительская: в одной из главных газет региона – "Рабочем пути" (изданию исполнилось 100 лет) мы на протяжении некоторого времени публиковали небольшие лингвокультурологические очерки о смоленских топонимах – названиях районных центров, которых в Смоленской области 25. Такая работа в какой-то мере дополняла материалы лексикографических трудов [1; 2; 5]. Ее плюсы: охват широкой разновозрастной и разнопрофессиональной аудитории; популярное изложение разнопланового комплексного материала, соединяющего сведения географического, исторического, культурологического и, естественно, лингвистического характера; воспитание чувства любви к своей малой родине; возможность увлечь заинтересованных людей определенной исследовательской деятельностью, развить у них познавательный интерес. Через редакцию можно было вести диалог с читателями. Далее мы обобщили публикации и поместили их в книгу "Региональная ономастика", которую можно рекомендовать для работы студентам, школьным учителям и школьникам, в целом широкой смоленской общественности [4].

Приведем примеры описания названий смоленских районных городов и поселков в научно-популярном изложении. Для иллюстрации мы выбрали названия города Рославля ( район граничит с Брянской областью) и районных центров Хиславичи, Монастырщина, Ершичи, Шумячи. пограничных с Республикой Беларусь .

**Рославль.** Рославль – второй после Смоленска древнейший город области. Изыскания археологов позволили установить условную дату его

образования – 1137 год. Именно в это время смоленский князь Ростислав построил две крепости: одну назвал своим именем, а другую именем своего отца, киевского князя Мстислава. Так появились два названия – Ростиславль "город Ростислава" и Мстиславль "город Мстислава", образованные по одной модели как старые притяжательные прилагательные с особым суффиксом ЛЬ. С течением времени произошло упрощение фонетического обмена слова: Рославль.

Жителей Рославля называют двояко: рославльча'не и росла'вцы. Второе название отражено в народном присловье: росла'вцы-дегтярники. Имеется в виду одно из древних и важных занятий жителей этих лесных мест – изготовление (выгонка) дегтя.

**Монастырщина.** В краеведческом словаре "Смоленская область" отмечается, что своё название Монастырщина получила от развившегося здесь на рубеже XIII – XIV вв. монастырского скита.

Суффикс -щин (а) указывает на территориальную принадлежность, т. е. Монастырщина – это территория вокруг монастыря.

Известный смоленский краевед Г. Т. Рябов в своей книге "В бассейне реки Вихры" (1993г.) выдвигает иную версию. Название поселения образовано от названия речки Монарщизны (Монарки) (с. 32). Правда, название речки не объяснено, указано лишь, что с течением времени оно получает произношение Монастырщина, т. к. в соседстве находятся земли, пожалованные монастырю. Таким образом, всё же слово *монастырь*, как нам кажется, имеет место в имени собственном Монастырщина.

Сегодня это рабочий посёлок, центр Монастырщинского района, пограничье. И по-прежнему много рек, главная из которых – Вихра. Название дано по характеру русла, изобилующего бросающимися в глаза завихрениями. Монастырщинцы – речные люди!

**Хиславичи.** Одно из самых интересных названий районных центров Смоленской области – Хиславичи. Наверное потому, что эта пограничная с Беларусью территория не раз меняла свои административно-территориальные границы, переходила "из рук в руки".

Поселение по реке Сож возникло, скорее всего, ранее, но первое упоминание о нем относится только к 1526 году (Краеведческий словарь Смоленской области). Предположительно, название образовано от княжеского имени Хислав (Топонимический словарь Смоленской области). Однако никаких сведений о каком-либо князе, основателе Хиславич, не сохранилось. Кандидат филологических наук, В. Е. Ущeko, уроженка Хиславич, рассказала нам, что местные жители часто называют посёлок Сохлавичи. Имеет место перестановка звуков, и в таком случае название звучит как Хославичи. Некоторые старые карты так и обозначали населённый пункт – Хослав, обычное для западного славянского региона, с прозрачным значением – "хорошая, добрая слава". Суффикс *-ичи* в топонимах имеет пространственное значение. Вероятно, всё же Хиславичи связаны с именем

князя, не сохранившего сведения о себе в истории края. До революции Хиславичи и примыкающие к ним земли принадлежали графу Салтыкову; до сих пор Хиславичцы графский дом и остатки графского парка.

Очень интересно название реки Сож. Есть несколько версий, т. к. название редкое. Возможно, оно произошло от древнерусского "дождь". Или это славянское, древнерусское сожъ – "выжженные участки леса, подготовленные для распашки". Не исключено и сходство с финским словом суш "волк" ("волчья река") (Б. Махотин).

**Ершичи.** Центр современного Ершичского района расположен на левом берегу красивейшей реки Ипать, название которой, как полагают ученые, древнебалтийского или древнерусского происхождения со значением "река", "вода". Ершичи, скорее всего, получило своё название от названия мелкой рыбки ёрш, в изобилии водившейся в Ипуги.

Мы не наблюдаем перехода "е" в "о", которое имеет место в имени нарицательном. Возможно, это говорит о достаточно раннем возникновении географического названия, ещё в древнерусский период, когда процесс в языке ещё не действовал. Сведения же исторического характера о Ершичах относятся только к XIX веку, хоть на берегах Ипуги наши предки жили и ранее. Суффикс *-ичи* с территориальным значением, участвующий в образовании топонима, позволяет толковать его как "место ершей". Рыбные места в Ершичах были когда-то, да и сегодня на берегах Ипуги много рыбаков!

Ершичский район не раз упразднялся, но с 1972 года восстановлен и существует как административно-территориальная единица Смоленской области.

**Шумячи.** В 1995 году в издательстве "Смядынь" вышла книга известного смоленского историка и краеведа А. Г. Максимчука "Порубежье", в которой собраны очерки по истории Шумячского района. Человек, любящий свой край, не мог не обратить внимание на удивительное название – Шумячи.

Один из потомков бывшего московского князя Дмитрия Шемяки, бежавшего в Литву, Юрий Шемяка во второй половине XV века в своём уделе на западном берегу речки Шумячки построил усадьбу, о чем упоминается в летописи. Это и положило начало поселению. Однако впервые в официальных исторических источниках Шумячи как населенный пункт упоминаются только в 1587 году в одной из литовских грамот (с. 28). Хотя по косвенным данным Шумячи существовали гораздо раньше. Название дано по названию реки, что типично для поселений. Возможно, сыграло роль и именование князя.

Шумячцы гордятся своим "порубежным" краем. Наверное, это единственный на Смоленщине район, краеведы которого выпускают альманах "Перекрёсток", в котором публикуют самые разные материалы, отражающие историю и культуру Шумяч, рассказывающие об известных земляках. Так, во втором выпуске (1998 год) помещена статья профессора

Е. Н. Борисовой "Микротопонимы и краеведение", в которой приведен материал из Российского государственного архива древних актов, связанный с названием Шумяч. Так, в 1751 году (середина XVIII века) это было местечко Шумяча. В старорусском языке местечком называлось небольшое поселение городского типа на западнорусских территориях. Шумяча тогда была польским местечком. Позднее это поселение не раз "переходило из рук в руки", пока сегодня не стало рабочим поселком, центром Шумячского района. Всё равно пограничного. Порубежье...

#### Список использованных источников

1. Будаев, Д. И., Махотин, Б. А. Топонимический словарь Смоленской области / Д. И. Будаев, Б. А. Махотин. – Смоленск : Смядынь, 2009. – 352 с. – Текст : непосредственный.
2. Бутеев, Д. В. Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска / Д. В. Бутеев, В. Ю. Сергеев, А. Г. Сибиченков. – Смоленск : Маджента, 2014. – 336 с. – Текст : непосредственный.
3. Климкова, Л. А. Региональная ономастика / Л. А. Климкова. – Горький : ГГПИ М. Горького, 1985. – 97 с. – Текст : непосредственный.
4. Королева, И. А. Смоленская ономастика / И. А. Королева. – Смоленск : Маджента, 2012. – 220 с. – Текст : непосредственный.
5. Смоленская область: Краеведческий словарь. – Москва : Московский рабочий, 1978. – 240 с. – Текст : непосредственный.

*Лапицкая Надежда Ивановна*

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"*

*e-mail: nadezhdalapitskaya@yandex.ru*

*УДК 81'371: 398. 92: 81'367. 622. 12*

### **ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ ПАВЛИК МОРОЗОВ**

*Nadezhda I. Lapitskaya*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### **PRECEDENT NAME PAVLIK MOROZOV**

*В статье рассматриваются особенности употребления одного прецедентного имени, содержание которого поменялось с течением времени в связи с изменением настроения в обществе. Источником фактического материала является Национальный корпус русского языка, который дает чёткое представление*

*The article examines the features of the use of one precedent name, the content of which has changed over time due to changes in mood in society. The source of the factual material is the National Corpus of the Russian language, which gives a clear idea of the changes in the*

об изменениях в употреблении данного онима. use of this onym.

Ключевые слова: оним, денотат, прецедентное имя, коннотоним, коннотация Key words: onym, denotatum, precedent name, connotonym, connotation

В последнее десятилетие в лингвистике очень возрос интерес к прецедентным феноменам в языке и, в частности, к прецедентным именам.

Экспрессивный потенциал онимов очень высок, использование их в метафорическом значении – весьма эффективный способ воздействия на общественное сознание, состоящий в обращении к эмоциональной сфере психики. Имена подобного рода принято называть прецедентными онимами. "Они очень часто встречаются в публицистических текстах и призваны не просто рассказать читателю о чём-то, но и разъяснить ему глубинный смысл событий, сформировать общественное мнение, возбудить читателя эмоционально, наконец, мобилизовать его, подготовить к активному действию" [1, с. 15].

Как известно, имя может становиться прецедентным, т. е. вызывать большое количество различных ассоциаций, приобретать иные смыслы. Происходит это, по мнению А. В. Суперанской, тогда, когда: "1) денотат имени имеет достаточную известность у всех членов определённого языкового коллектива; 2) имя перестаёт связываться с одним денотатом и становится типичным для многих похожих друг на друга людей, поселений, рек и т. д." [2, с. 7].

"Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *дядя Степа, Дюймовочка*), или прецедентной ситуацией (например, *Арина Родионовна, Шалшин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного (например, *Печорин*) или более элементов (например, *кот Баюн, Мороз Красный нос* и т. д.), обозначая при этом одно понятие [3].

В данной статье нами будет рассмотрено имя, являющееся прецедентным для любого советского человека, а именно, имя *Павлик Морозов*.

По данным Википедии, Павлик Морозов – советский школьник, получивший известность как пионер-герой, противостоявший кулачеству в лице своего отца, Трофима Морозова, и поплатившийся за это жизнью. Павел был убит вместе со своим младшим братом, виновными в преступлении были признаны члены семьи его отца, против которого ранее он давал показания на суде. Согласно Большой советской энциклопедии считается, что Павлик Морозов был "организатором и председателем первого пионерского отряда в с. Герасимовка" [4].

Мнения и оценки исторической роли Павла Морозова отличаются крайней полярностью. Во времена коллективизации и установления совет-

ской власти имя Павлика Морозова стало одним из средств идеологической борьбы, его представляли как героя, активного пионера, который осмелился пойти против отца-кулака.

В перестроечное время образ Павлика Морозова был переоценён. Его превратили в предателя, донёсшего на собственного отца. Вот заголовки статей в интернете с именем *Павел Морозов*: **Павлик Морозов. Тайна двойного убийства. Павлик Морозов. Стукач или... Кем был Павлик Морозов?**

После перестройки появились публикации, которые восстановили действительную историческую картину. Заголовки таких статей говорят сами за себя: **Павлик Морозов. История одного мифа. Павлик Морозов. Герой? Иуда? Жертва? Вся "правда" о подвиге Павлика Морозова. Насильно превращённый в легенду: история Павлика Морозова. Павлик Морозов – как это было на самом деле.**

Как мы видим, данное прецедентное имя относится к тем онимам, содержание которых поменялось с течением времени в связи с изменением настроения в обществе. Изначально ядро восприятия этого имени составляли семы "герой", "пионер-герой", "образец для подражания для каждого советского школьника". В перестроечный период имя *Павлик Морозов* стало коннотировать признаки "доносчик", "предатель", "стукач".

Прецедентность названного имени подтверждается данными Национального корпуса русского языка [6].

Сделав в НКРЯ запрос на прецедентное имя *Павлик Морозов* получаем результат: 99 документов, 152 вхождения (Основной корпус). Данный оним, по данным корпуса, используют многие авторы.

Первое вхождение имени *Павлик Морозов* тексты НКРЯ представлено в 1938 году. Следует отметить тот факт, что в текстах советского времени оним *Павлик Морозов* не является прецедентным. Контексты рассказывают о реальном Павле Морозове и называют его:

Московский дом пионеров. Выставка проектов памятника пионеру Павлику Морозову. Скульптор А. М. Измайлов (архитектор Теплицкий). Фото О. Шингарева [неизвестный. Надпись (1938. 01. 22) // "Советское искусство" Орган Всесоюзного комитета по делам Искусств при Совнаркоме Союза ССР № 8 (414), 1938].

Врагов народа – убийц Павлика Морозова пролетарский суд приговорил к расстрелу [Виталий Губарев. Юный ленинец Павел Морозов // "Пионерская правда", 1939].

Старшая пионервожатая объявила благодарность лучшим пионерам дружины, имени Павлика Морозова [Б. Сидорова, К. Будаева. Пионерский костер // "Сталинское знамя", 1951. 09. 29].

Тараска и Ярослав наперебой рассказывали Дэлику о Буденном, о полярниках и об атомоходе "Ленин", о Павлике Морозове, Володе Дубинине, молодогвардейцах и космонавтах [Л. А. Кассиль. Будьте готовы, Ваше высочество! (1964)].

И в трех тысячах слов рассказал ему о том, чего он знать не мог о Днепрогэсе и Риббентропе, Освенциме и Осоавиахиме, об истреблении инфантов в Екатеринбурге, об упорствующих и обновленцах (тут он попросил подробнее, но я подробнее не знал), о Павлике Морозове и о зарезавшем его кулаке Данилке [Венедикт Ерофеев. Проза из журнала "Вечер" (1973)].

Только в одном контексте нами найдено прецедентное употребление данного онима, которое коннотирует сему "лучшие пионеры, активисты":

Фестиваль в Артеке, а я вспоминаю тот фестиваль 1937 – го, где собрались Павлики Морозовы [Н. Я. Эйдельман. Дневник Натана Эйдельмана (1977)].

Следует отметить, что среди контекстов 70-ых годов встречаются контексты, в которых уже в тот период наблюдаются рассуждения по поводу роли Павла Морозова в истории:

Павлик Морозов, толи реально существовавший, толи придуманный мальчишка, написавший политический донос на родителей и якобы (а может быть, и действительно) за это убитый, стал национальным героем. Опасность мерещилась за каждым поворотом проселка, и я сравнивал себя с Павликом Морозовым [Василий Белов. Плотницкие рассказы (1968)].

Очень интересными, на наш взгляд, являются контексты, где для прецедентного имени *Павлик Морозов* определяется основная сема. При этом оним стоит в ряду других прецедентных имён:

Сборщица хлопка номер один – Мамлакаг. Образец коммунистической морали – Павлик Морозов. Машинист – Кривонос, композитор – Дунаевский, летчик – Чкалов, режиссер – Станиславский, "лучший, талантливейший" – Маяковский... [Александр Володин. Одноместный трамвай // Библиотека "Огонек", 1990].

В его мире этих людей не существовало, при этом он никогда не декларировал своего отношения к ним, мне кажется, он считал их нереально существующими людьми, а знаками мероприятий, вроде Алеша Стаханова или Павлика Морозова [Ю. М. Нагибин. Дневник (1984)].

В отдельных контекстах коннотируются семы "антигерой", "коммунистический праведник":

Что мне теперь делать – прийти и сказать, что его дела с женщинами, включая мою мать, – это его дела, что я – не Павлик Морозов, для меня не существует абстрактно-классовой или абстрактно-половой справедливости, а есть конкретный человек, которого я люблю? [Анна Ткачева. Приворот (1996)].

Коммунисты подлючие, наплодили героев, Павликов Морозовых, сдохнуть человеку не дают, таки кидаются в омут, под колеса поезда, в горящий дом, под машину! [Николай Коляда. Рогатка (1989)].

И уже тогда я почувствовал, насколько Том Сойер со всеми его недостатками был ближе мне, чем какой-нибудь коммунистический праведник

типа Павлика Морозова или Павки Корчагина! [Владимир Матлин. Марк Твен и я // "Вестник США", 2003. 11. 26].

Некоторые контексты отражают процесс переоценки поступка Павла Морозова:

Российская школа уже не предьявляет Павлика Морозова как образец для восхищения и подражания, но гоголевский Тарас Бульба остается в школьной программе героем, который пожертвовал сыном ради победы государственности, как сказали бы сегодня [Олег Николаев. Я тебя породил, я тебя и убью!" // "Знание – сила", 2005].

И невдомек им было, "что как раз "служить народу", или "прогрессу" или воспитывать Стенек Разиных, Емелек Пугачевых и Павликов Морозовых, Корчагиных и Власовых литература не должна [В. М. Селезнев. Тираны мира, трепещите! // "Волга", 2010].

Большая часть текстов, представленных в НКРЯ, имеет негативную окраску и отражает сему "доносчик":

*А во-вторых, это институт "уполномоченных по правам ребёнка" в школах, собирающих доносы новых "Павликов Морозовых" на своих родителей и учителей* [коллективный. Форум: Что такое полноправная Ювенальная юстиция (или смерть семье) (2009 – 2012)].

С любым врагом – с отцом, с братом. Павлик Морозов, отцеполавец, был герой. Это был и герои существующей власти, борцы за нее против власти не существующей [Давид Самойлов. Общий дневник (1977 – 1989)].

– От мужа она и получала эти роскошные передачи – такие передачи разрешаются только стукачам, этим воспитанным вашим строем взрослым павликам морозовым! [Татьяна Окуневская. Татьяна день (1998)].

Таким образом, все приведённые употребления исследованного онома, представленные в НКРЯ, дают представление об изменившейся коннотации основной семы прецедентного имени *Павлик Морозов*.

#### **Список использованных источников**

1. **Ратникова, И. Э.** Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. – Минск : БГУ, 2003. – 214 с. – Текст : непосредственный.

2. **Суперанская, А. В.** Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имён / А. В. Суперанская. – Текст : непосредственный // Антропонимика : сб. науч. тр. – Москва, 1970. С. 7 – 17.

3. **Шишкова, А. А.** Лингвокультурологический потенциал прецедентных феноменов в текстах СМИ [Электронный ресурс]. – URL: [https://old.mgru.ru/materials/degree\\_works/2129/degree\\_work\\_file.pdf](https://old.mgru.ru/materials/degree_works/2129/degree_work_file.pdf). – Текст : электронный.

4. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. – Текст : электронный.

5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>. – Текст : электронный.

*Лецинская Ольга Алексеевна*

*УО "Гомельский государственный университет  
имени Франциска Скорины"  
e-mail: [zshvedova@mail.ru](mailto:zshvedova@mail.ru)*

*УДК 811'42'373. 42: 7. 046. 1: 398. 92 (=161. 3): 398. 92 (=161. 1)*

## **СЛОВА-ОНИМЫ В МИКРОТЕКСТАХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

*Olga A. Leshchinskaia*

*Francisk Skorina Gomel State University*

### **ONYM WORDS IN MICROTTEXTS OF PHRASEOLOGISMS OF BELARUSIAN AND RUSSIAN LANGUAGES**

*В статье представлен анализ фразеологических единиц белорусского и русского языков с компонентом-наименованием собственного имени, позволивший выявить общее и отличительное в выборе онима во фразеологизмах каждого языка, их десемантизации. Устанавливается устойчивое ценностное содержание культуры, ее категорий и смыслов, выявляется взаимодействие языка и культуры каждого народа.*

*The article presents an analysis of the phraseological units of the Belarusian and Russian languages with the naming component of a proper name, which made it possible to identify the common and distinctive in the choice of onyms in the phraseological units of each language, their desemantization. A stable value content of culture, its categories and meanings is established, the interaction of the language and culture of each nation is revealed.*

*Ключевые слова: фразеологизм, микро-текст, народ, собственное имя, функция, роль, культура*

*Key words: phraseological unit, microtext, people, proper name, function, role, culture.*

Последние десятилетия характеризуются актуальностью исследования фразеологизмов разных языков, толчком к чему послужил прежде всего "антропологический поворот" в лингвистике конца XX века, когда основное внимание лингвистов было обращено к исследованию национального мировидения и языка и когда в русле когнитивно-интерпретационного направления лингвокультурологическая парадигма во фразеологии определилась на изучение национального самосознания сквозь призму фразеологических образов, в которых воплощены базовые концепты культуры. Фразеологические единицы (ФЕ) в каждом языке выступают своеобразными "знаками-мини-текстами", возникшими на основании образного представления о действительности, в них отражено мировидение народа-

носителя языка, фиксируются, сохраняются и передаются во времени и пространстве, из поколения в поколение, ценностные установки культуры, транслируются глобальные смыслы культуры народа, исторический опыт предшествующих поколений. ФЕ справедливо считают самобытными единицами языка, одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. И в этом отношении интерес представляет изучение ФЕ с компонентом-онимом, что является способом фиксации и отражения культурно-национальной специфики антропонимов, топонимов, наименований исторических фактов, личностей в истории, фольклорных и художественных произведениях и др.

ФЕ с компонентом-онимом неоднократно были объектом изучения с разных аспектов и в разном объёме в белорусском [1; 2; 3; 4 и др.], русском [5; 6] и других языках [7; 8 и др.], однако сравнение ФЕ белорусского языка с единицами других ещё ожидает своей очереди. Заметим, что сравнительная и сопоставительно-типологическая фразеология вообще и тем более ономастическая фразеология в частности в белорусском языкознании, имея отдельные наработки [9; 10; 11; 12; 13], по-прежнему, по замечанию Н. А. Даниловича, находится на "начальном этапе" [14, с. 114].

Объектом нашего исследования избраны ФЕ белорусского и русского языков с компонентом-онимом с целью "расшифровки" культурной информации, "закодированной" в семантике, образах фразеологизмов, и выявления компонента-наименования собственного имени в составе этих национально маркированных единиц для установления общего и отличительного в отображении национальной фразеологической картины мира белорусов и русских. Источником сбора материала послужили приблизительно равные по объёму словари ФЕ белорусского [15] и русского [16] литературных языков.

Первичный анализ собранных методом сплошной выборки ФЕ с ономастическим компонентом двух языков показывает отдельные общие закономерности в использовании собственного имени во фразеологии каждого. Это выявляется, во-первых, в большей частотности в составе ФЕ компонентов-антропонимов и меньшей частотности компонентов-топонимов; во-вторых, среди выявленных разновидностей антропонимов преобладают мужские, а женские собственные имена представлены единичными примерами.

Общим является и фиксация в двух словарях ФЕ с мифо-религиозными собственными именами (например, антропонимами *Адам, Ева, Гименей, Лазарь, Морфей, Пандора, Тантал, Фома, Янус* и др., топонимами *Лета, Рубикон, Садом, Гоморра* и др.), а также ФЕ с компонентом-теонимом *Бог, Христос*, что можно объяснить общим источником заимствования этих ФЕ и национально-культурной и исторической памятью.

Правда, здесь всё же можно отметить и некоторые отличия, в частности, фиксацию отдельных ФЕ в одном словаре с общеизвестными и употребительными собственными именами и отсутствие их в другом. Например, в белорусском источнике зафиксированы ФЕ *у абдымкі (абдоймы) Марфея, звязваць сябе вузамі Гіменя, як баран у Біблію*, но нет в русском, и наоборот – ФЕ *взлететь на Геликон, бочка Диогена, жрецы Фемиды, кающаяся Магдалина, стрела Амура, разводить Вавилоны, хитроумный Одиссей* есть в русском, но нет в белорусском источнике. Кроме того, среди ФЕ с компонентом-теонимом в русском источнике отсутствуют единицы с компонентом *Аллах* как наименованием бога у мусульман, хотя такие единицы в русской фразеологии есть, в то время как в белорусском они представлены довольно количественно: *адзін Алах ведае, аднаму Алаху вядома, Алах ведае што, Алах з табой (з ім, з ёй, з вамі, з імі), Алах яго (яе, іх, цябе, вас) ведае, слава Алаху, хвала Алаху*.

Ещё одна общая закономерность двух источников – наличие группы общих ФЕ с собственными именами благодаря результатам заимствования, как правило, в белорусском языке из русского, например: бел. *галопам па еўропах, на ўсю Іванаўскую, пад Катоўскага, унтэр Прышыбееў, шапка Манамаха, як швед пад Палтавай* и рус. *галопом по европам, во всю Ивановскую, под Котовского, унтер Пришибеев, шапка Мономаха* и др.

Наибольший интерес представляют ФЕ с именами собственными, зафиксированные только во фразеологии одного из двух словарей, поскольку именно отбор таких слов-онимов и создание с ними образов ФЕ и выявляет национальную специфику культуры наших народов. И это наиболее ярко отражается при выборе имён как мужских, так и женских.

Так, в основе образов белорусских ФЕ отмечаются компоненты-наименования мужских имён *Марак (адзін раз Марку жаніць* ‘выказванне поўнай рашучасці перад прыняццем рашэння. Што ні будзе, што ні здарыцца’); *як Марка па некле* ‘бесперастанку (рухацца, блукаць, часам без толку)’); *як Марку па некле ганяць* ‘з аднаго месца ў другое, у розных напрамках’), *Абрам* или его фонетический вариант *Абрагам (адпраўляцца да Абрама (Абрагама) на піва* ‘паміраць’), *Марцін* (цікавы як *Марцін да кавы* ‘вельмі, празмерна (цікаўны хто-н.)’), *Алёша (Алёша з батонамі* ‘някемлівы, няўмелы чалавек, недарэка ці развяжка’), сразу три имени Андрэй, Кузьма и Хведар (*Андрэй Кузьме родны Хведар* ‘той, хто важнічае, хваліцца блізкасцю ці сваяцтвам з нераўнёй’), *Мікіта (і квіта <пане, дзядзька> Мікіта* ‘на гэтым усё кончана. Пра канчатковую развязку чаго-небудзь’).

А в составе русских ФЕ – мужские имена *Кондрат (брат-Кондрат* ‘свой брат’, *кондратий хватит (хватил) // кондрашка хватит (хватил) // кондрашка пришиб (прихватил)* ‘кого-либо может разбить или разбил паралич’), *Макар (куда Макар телят не гонял* ‘очень далеко, в самые отдалённые места (послать, выслать, загнать и т. п.)’, *Митрий, Митька*

(*хитрый Митрий* ‘хитрец, пройдоха’; *Митькой* звали ‘о внезапно исчезнувшем, сбежавшем откуда-либо’), *Федул* (*Федул губы надул* ‘о том, кто легко, по пустякам обижается’) и сразу два *Богдан* и *Селифан* (*ни в городе Богдан ни в селе Селифан*, отнесённой автором словаря к разряду поговорки о недалёком, посредственном человеке, ленивом и неспособном на серьёзное дело).

И несмотря на то, что собственные имена с их "особым типом семантики" (А. В. Суперанская) в составе ФЕ претерпевают разную степень десемантизации, они многое могут рассказать, донести дополнительной информации, отражённых в них культурно-исторических знаний. Так, в белорусских ФЕ избрание имён Марак, Абрам / Абрагам можно объяснить принадлежностью их лицам еврейского населения, в прошлом очень многочисленного на территории Беларуси, Мартин как особенность выбора из ряда имён католиков, то в русском компонент *Кондрашка* тяготеет к имени Кондратий или скорее к эвфемистическому наименованию смерти по аналогии с Курноса, Костлявая и др., а имена Митрий, Митька – к имени Дмитрий, возможно, в результате персонификации, однако к типичным именам в русском ономастиконе. А неопределённость компонента-имени отражается в различном написании, особенно употребление большой или малой буквы даже одного и того же компонента-имени собственного, например: *Мастер был молодой, и Тютин смотрел на него сердито: ишь ты, хитрый-митрий. Куда там, нашёлся хитрый Митрий, погоди ещё радоваться...* (16, с. 380).

Среди компонентов-имён женщин в белорусских ФЕ использованы *Ганна* (*пастухова Ганна* ‘кожны, нават някемлівы чалавек (разумее, зразумее, зробіць што-небудзь’), *Магдуся* (*як ксёндз Магдусі* ‘вельмі добра (дагадзіць каму-небудзь)’ и *Сара* (*як Сара / Сора казала / сказала* ‘так, як каму-небудзь хочацца’), что опять подтверждает национально-культурную особенность выбора имён женщин еврейского или польского народов как своеобразной защиты своего посредством нареkania на чужого.

Интерес представляют компоненты-фамилии, в частности, в составе общей белорусско-польской ФЕ *як Заблоцкі на мыле* ‘зусім нічога, нікольні ці амаль нікольні не (зарабіць і пад.)’ и *як Zablocki na mydle*, где *Заблоцкі* – типичная модель фамилии для белорусско-польского антропонимикона (ср. созданную творческой фантазией и "говорящую" русскую фамилию *Пришибеев* во ФЕ *унтер Пришибеев*).

Уместным здесь будет и упоминание о компоненте-имитации фамилии в белорусской ФЕ *замуж за <пана> Пясоцкага* збірацца ‘паміраць’ и общей для белорусского и русского источников ФЕ *задаваць храпавіцкага* – *задаваць храповіцкага* ‘крепко спать’ как имитации собственного имени и результата каламбурного образования первого от *песок*, а второго от *храпеть* с помощью суффикса *-ск-*, а в результате иллюстрировать находчивость и изобретательность народного

фразеотворчества. Отметим здесь и ещё две ФЕ: бел. *цукар-мядович* ‘празмерна ласкавы, прытворна-ветлівы чалавек’ и рус. ФЕ *лиса патрикеевна* ‘лукавый, хитрый, пронырливый человек, проныра, льстец’, гдевторые компоненты иллюстрируют имитацию отчества.

Как уже отмечалось, значительно меньше в составе ФЕ использованы компоненты-топонимы, в том числе и национально отличительные. Если исключить общие ФЕ с компонентом-наименованием названия реки, или патомонима (*Лета, Рубикон*), города, или остионима (*Полтава, Содом, Гоморра*), названия континента, части мира (*Америка, Европа*), села, или айконима (*Коломенское*), замка, или айкодомонима (*Каноса*), царства (*Магог, Тартар*), то это буквально единичные и наиболее интересные ФЕ.

Это белорусская ФЕ *як дзядзька ў Вільні* ‘збянтэжана, непрывычна, ніякавата (адчуваць сябе, паводзіць сябе і пад.)’, источником которой является поэма Якуба Коласа “Новая зямля”, точнее раздел ее “Дзядзька ў Вільні”, а выбор топонима *Вільня* обязан истории, в частности, Вильня – это название бывшей столицы Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского в начале XIV – конца XVIII ст., большая часть земель которого находилась на территории современной Беларуси, получившей своё название от наименования реки Вильня (сравн. бел. паремии *Не адразу Вільню пабудавалі; Не за дзень Вільня ставілася*).

А ещё это ФЕ *у Магілёўскай губерні апынуцца, аказацца і пад.* ‘у замагільным свеце, супрацьпастаўленым зямному жыццю’; *у Магілёўскую губерню трапіць, папасці, збірацца і пад.* ‘у замагільны свет, супрацьпастаўлены зямному жыццю’; *адпраўляць у Магілёўскую губерню* ‘забіваць, знішчаць’, что образованы в результате каламбурного, народноэтимологического сближения слов *могила* и *Могилёвская* (наименование губернии от названия города Могилёв).

В русском источнике зафиксирована ФЕ *катись колбаской по улице Спасской* ‘отстань, отвяжись’, где ритмичность и рифмованность звучания слов-компонентов являются усилителями экспрессивно-эмоционального коннотативного значения.

Общий астионим Москва фиксируется во ФЕ двух источников, однако совершенно в разных ФЕ, которые как раз и свидетельствуют о разном восприятии и причинах фразеологизации выражений. В белорусском языке компонент-наименование *Москва* отмечается во ФЕ *да Масквы ракам не пераставіш* ‘залішне многа каго-небудзь’ и *Масква відаць* ‘выказванне незадавальнення пры ўжыванні чаго-небудзь горкага або кіслага (часта суправаджаецца прыжмурам вачэй)’, свидетельствующие о представлении разного рода реалий из жизни белорусов, однако на общем восприятии далёкого расстояния до Москвы, в прошлом столицы Российской империи, позже Советского Союза, в составе которых находилась и Беларусь. А в русском языке – ФЕ *до Москвы не перевешать / перевешаешь* ‘очень много’, где неопределённо большое количество соотносится также с

пространственным показателем-расстоянием до Москвы, однако в связи с образами казни.

К ФЕ с компонентом-топонимом присоединяем белорусскую ФЕ *ездзіў у рыгу* ‘ванітавала каго-небудзь, звычайна пры моцным ап’яненні’ на основании совпадения в звучании компонента с современным названием столицы Литвы. Разумеется, что ФЕ, точнее компонент *рыга* не имеет непосредственного отношения к названию города, поскольку это каламбурное образование от глагола *рыгаць* ‘вывяргаць ротам прынятую ежу; ванітаваць’ в сочетании с глагольным компонентом *ездить* [17, с. 734]. Такое сближение разных слов в составе ФЕ достигает своей цели, поскольку производит эффект двусмысленности, создаёт эвфемистическое выражение и воздействует на восприятие.

Подводя итоги, можно отметить, что в составе избранных источников белорусских и русских фразеологизмов зафиксировано относительно небольшое количество единиц со словом-онимом, или ономастическим компонентом. Значительную часть их составляют те ФЕ, что являются общими с причины наличия одних и тех же источников таких единиц – мифов Древней Греции и Рима и Библии или заимствования. И только единичные ФЕ образованы с привлечением национально-отличительных имен собственных, представленных онтропонимом (имя мужчины и женщины, фамилия) и топонимом-остионимом.

#### Список использованных источников

1. **Даніловіч, М. А.** Антрапонімы ў складзе дыялектных фразеалагізмаў / М. А. Даніловіч. – Тэкст: непасрэдны // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2002. – №1 (10). – С. 24 – 29.
2. **Леўчанка, Н. А.** Семантыка ўласнага імя ў складзе фразеалагізмаў / Н. А. Леўчанка. – Тэкст: непасрэдны // Роднае слова. – 2019. – № 11. – С. 26 – 30.
3. **Ляшчынская, В. А.** Фразеалагізмы з кампанентам-тапонімам ці адтапонімным прыметнікам – знакі мовы і культуры / В. А. Ляшчынская. – Тэкст: непасрэдны // Беларуская анамастыка. Гісторыя і сучаснасць: Матэр. Міжн. навук. канф. (Мінск, 20 красавіка 2010 г.) / Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2010. – 314 с. – С. 33 – 39.
4. **Ляшчынская, В. А.** Анамастыка, тэрміналогія і фразеалогія / В. А. Ляшчынская, М. У. Буракова. – Мінск : РІВШ, 2011. – 166 с. – Тэкст: непасрэдны.
5. **Мокиенко, В. М.** О собственном имени в составе фразеологии / В. М. Мокиенко. – Текст: непосредственный // Перспективы развития славянской ономастики : сб. статей / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; редкол. : А. В. Суперанская (отв. ред.) [и др. ]. – Москва, 1980. – С. 57 – 67.

6. **Ермакова, Е. Н.** Отражение культурно-исторических традиций русского народа в библейских фразеологизмах с компонентом именем-собственным / Е. Н. Ермакова, Е. М. Марынова. – Текст: непосредственный // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2013. – №2. – С. 164 – 171.

7. **Башмакова, И. С.** Когнитивные аспекты антропонима в составе английской идиомы : автореф. дис. .... канд. филол. наук : 10. 02. 04 / И. С. Башмакова; Иркут. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 1998. – 18 с. – Текст: непосредственный.

8. **Кравчук, А. Н.** Польска фразеологія з ономастичним компонентом : автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.03 / А. Н. Кравчук; Львів. держ. ун-т. – Київ, 1999. – 19 с. – Текст : непосредственный.

9. **Аляхновіч, Ю. М.** Тэмпаральная лексіка ў беларускіх і англійскіх фразеалагізмах (лінгвакультуралагічны аспект) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10, 02. 01; 10. 02. 04 / Ю. М. Аляхновіч; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мінск, 2006. – 20 с. – Тэкст : непасрэдны.

10. **Юрченко, И. А.** Общее и национально-специфическое в адъективных сравнениях славянских, балтийских, германских языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20 / И. А. Юрченко; Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова. – Гродно, 2009. – 26 с. – Текст : непосредственный.

11. **Лапцёнак, А. М.** Лексіка-фразеалагічныя асаблівасці перакладаў твораў Івана Навуменкі на рускую мову ў аспекце праблемы эквівалентнасці: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10. 02. 01; 10. 02. 02 / А. М. Лапцёнак; Інстытут мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН РБ. – Мінск, 2010. – 24 с. – Тэкст : непасрэдны.

12. **Лапушинская, Н. О.** Фразеологизмы с компонентами, называющими голову и ее части в русском, белорусском и западногерманских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20 / Н. О. Лапушинская; Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова. – Гродно, 2011. – 2011. – 26 с. – Текст : непосредственный.

13. **Кулік, Л. У.** Саматычныя фразеалагізмы беларускай і англійскай моў: структурна-семантычны і лінгвакультуралагічны аспекты : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10. 02. 20 / Л. У. Кулік ; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мінск, 2012. – 25 с. – Тэкст : непасрэдны.

14. **Даніловіч, М. А.** Асноўныя кірункі супастаўляльна-тыпалагічнага вывучэння фразеалогіі / М. А. Дыніловіч. – Тэкст: непасрэдны // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2011. – № 1 (108). – С. 114 – 119.

15. **Лепешаў, І. Я.** Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 1. А – Л. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672; т. 2. М – Я. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с. – Тэкст: непасрэдны.

16. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в. : В 2 т. / Под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск : Наука.

Сиб. отд-ние, 1991. – Т. 1: А – Н. – 340 с; т. 2: О – Я. – 274 с. – Текст : непосредственный.

17. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5-ці т. Т. 4: П – Р / [Рэд. тома Г. Ф. Вештарт, Г. М. Прышчэпчык]. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. сав. энцыклапедыі, 1980. – 768 с. – Тэкст : непасрэдны.

*Лапацін Генадзь Ісаакавіч*

*Незалежны даследчык, Гомель, Рэспубліка Беларусь  
e-mail: lapacin@mail.ru*

УДК 811. 161'373: 398. 92: 173

## **"ПІЦЦУ ВІДНА ПА ПАЛЁТУ..." З ВОПЫТУ ВЫВУЧЭННЯ ДЫЯЛЕКТНАЙ ПАРЭМІІ**

*Gennady I. Lapacin*

*Independent researcher, Gomel, Republic of Belarus*

## **"THE BIRD CAN BE SEEN IN FLIGHT..." FROM THE EXPERIENCE OF STUDYING DIALECT PAREMIA**

*В статье на материале поговорок, пословиц и других устойчивых выражений, зафиксированных автором от жительницы поселка Амельное Ветковского района Гомельской области Варвары Александровны Грецкой, воссоздается фрагмент паремиологической картины мира белорусской деревни, отображающий представления о птицах. В основе статьи – полевые записи 2005 – 2020-х гг.*

*Ключевые слова: белорусская деревня, полевые исследования, диалектная паремия, птицы*

*In the article, based on the material of sayings, proverbs and other stable expressions recorded by the author from a resident of the village of Amelnoe, Vetkovsky district of the Gomel region, Varvara Alexandrovna Gretskaia, a fragment of the paremeological picture of the world of the Belarusian village is created, reflecting the ideas about the Birds. The article is based on field records of the 2005-2020s.*

*Keywords: Belarusian village, field research, dialect paremia, birds*

Дадзеная публікацыя з'яўляецца фрагментам даследавання, прысвечанага парэміялагічна-фразеалагічнай карціны жыцця беларускага пасёлка Амьяльное Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці. Матэрыяльнай базай дадзенай публікацыі з'яўляюцца фразеалагічна-парэміялагічны рэпертуар жыхаркі гэтага населенага пункта Варвары Аляксандраўны Грэцкай (1925 г. н.). Метадам суцэльнага адбору з запісаў размоў з інфармантам, якія адбываліся цягам 2005 – 2020 гадоў, мной былі выяўлена больш за 2500 адзінкі, якія прэтэндуць на ўстойлівасць.

Адносна тэмы, якая разглядаецца ў дадзенай публікацыі, як вызначае аўтар адметнай манаграфіі "Фразеалагізмы з кампанентам-арнітонімам у

беларускай мове: этналінгвістычны аспект" А. Л. Садоўская, даследаванне беларускіх фразеалагічных адзінак з кампанентам-арнітонімам у аспекце этналінгвістыкі раней нез'яўлялася прадметам спецыяльнага вывучэння фразеалагаў [1]. Сапраўды, акрамя азначанай манаграфіі з прац, прысвечаных птушкам у парэміі, можна назваць асобныя раздзелы манаграфій В. А. Ляшчынскай [2, 87-105] і В. А. Маславай [3, 122 – 138], толькі некалькі асобных артыкулаў В. Гаўрыловіч [4], Рэпеты Міхеенкавай В. [5], арыкулы самой А. Л. Садоўскай (некаторыя з якіх напісаны ў сааўтарстве с І. Р. Прычынец) [6].

Разам з тым, трэба адзначыць вялікую колькасць птушак практычна ва ўсіх беларускіх зборах прыказак, прымавак, фразеалагізмаў, выслоўяў, параўнанняў, дзе яны распаўсюджаны практычна ва ўсіх тэматычных раздзелах. Асобна трэба вызначыць такія акаэмічныя выданні як "Прыказкі і прымаўкі" [7] і Слоўнік беларускіх народных параўнанняў" [8]. Рэпертуар Варвары Аляксандраўны Грэцкай у гэтым плане не выключэнне.

У яе гаворцы "пціца" час ад часу ўзнікае ў тых выпадках, калі трэба вызначыць таго ці іншага чалавека як асобу... Адмоўную альбо станоўчаю – гэта ўжо нават невызначальна і неістотна... Паказальна наступнае: "Пціца... Адна другой... Ніхай, пастаў іх... Можа, мільёны... І ўсі ніроўныя будуць... І людзі ніроўныя, і пціцы няроўныя... І звяры бываюць і серыя, і белыя..." <А як гэта: пастаў людзей няроўныя і людзі няроўныя...> Сколькі пціц ё на свеці... Роўныя яны?. . Верабей – ё верабей... І масць... Чым-та да не пахож адзін на аднаго... Вуткі бываюць і р'ябыя, бываюць і чорныя, усякія бываюць... <...> "Гаворыць: " Я знаю: "Якая ён пціца!"< Чаму пціца?. Ён жа чалавек...> "Ну, я не знаю, к чаму яны гаварылі "пціца". Напрымер, ён будзя гаварыць і будзя атказывацца ад чаго-нібудзь... І ты, я будзім гаварыць: "Дзе ён прызнаіцца?. Ён зная, якая ён пціца..." Урэдны чылавец, дак ён зная, якая ён пціца. <...> Вот гаворыць... Ён зная... І пціцы вумныя, панімаюць усё... Сядзіць пціца, не чапай яе, яна будзя сядзець... А як будзіш... Яна пырх – і паляцела... Панімае..." <...> Ён хіцёр, напрымер, чылавец... Ці ўрэдны, ці такі бандзюга... Знаіш: "Якая ён пціца..."<А чаму пціца?> У нас адзін нап'ецца... Дац усі гаворыць: "У-у-у!. Бандзюга, бацьку прыдушыў..." А як падыходзя: "Драствуйця!. " з усімі: "Здароў!. Здароў!. " – "Здароў... Здароў, Сашок..." І пойдзя... Яны: "Ох. Мы знаім, што ён за пціца... Да **нада пры горы бандзіта бацькам назваць...**" Дац і гаворыць: "Ох... Эта пціца добрая...Ну, я не знаю, к чаму яны гаварылі "пціца". <...> Так гаварылі... Было такая... Ёсць ціперя-ка... **Відзен сокал па палёту...** Паставяць у нас прыдсідаціля, і ён павядзе ў плахую сторону... Ну, яны і гаворыць: " **Відзен сокал па палёту!**. . **Што за пціца...** Зняць яго – да і ўсё!... Ён да харашага не давядзе... <Прэдсідаціль – вор... А чаму гаворыць: сокал?> Ну, і наворыць: "О-о-ох! Відзен сокал па палёту!.. " Вот гаворыць і ў плахую сторону, дак сокал, і ў харашаю гаворыць: "сокал..."

Сокала ў прымер вядуць... І ў харошаю, і ў плахую... "Э-э-эх! Ідзець, як сокал!" <Чаму сокал? Чаму не салавей, не верабей?> Ты хочыш кілуна... Вереб'я... Мы іх кілунамы звалі... Ну, можна прыраўняць цыплёнка і к гусянёнку? <Не...> Так жэ і сокала... Сокал – пшціца пачотная, ня ўрэдная... А верабей..." Уяўленне пра вераб'я як увасаблення адмоўнай істоты ўвасобілася ў прыказках: **на Маслінке – і ў вераб'я піва, на Маслінай – і ў верабейкі піва заморская, на Вялікадня і ў вераб'я піва.** Калісь усё казалі: не – вераб'і – кілуны. Кілуны... Яны паядуць усё... Сонцы павыб'яруць... Вот насадзі сонцаў, не абвяжы – усё павыб'яруць бубкі. Марляй... Кілуноў не счыталі за пшціцу. Усі пракліналі іх: "Вот злыдні, гаворяць, шчас прыляцяць." Проса ў абабкі паставяць і накрываць. Баба казала: "На Вялікадня і ў вераб'я піва". <Чаму на Вялікадня?> Даўжны ўжо на Вялікадня... Баба казала: "Пшціцы знаяць, што Вялікадня... Яны знаяць, і верабей тожа хоча..." І выняся, патруся на дварэ, ці якая дастачка, паложы: "Хай... Сёдни празнік...Хай і верабейкі ядуць... Сёдни празнік вялікі... Яны знаяць... Ніхай ім..." І баба скрозь дае ім... <Варабей жа злодзеі...> Яна ўсё раўно дае... "На то Бог дае... Значыць, нада пакарміць яго". Вялікдзень, сапраўды, ураўніваў паміж сабой усіх: "Гатаваліся к Вялікадню. Еслі дзе сірыты, матка будя казаць: "Колькі будзім яец красіць?" – "Ну, столькі і столькі". А баба і кажа: "Полячка, нада дзісятка, вот, сірыты – дзеці, німа ні бацькі, ні маткі, нада і ім аднесць". Вот, і мы дзісятка... І другія, такія болей набажлівыя людзі. Бацька наш калісь казаў: "Сам не даеш, но сіратаў пакармі". Вот, німа ў іх бульбы, баба будзя казачь: "Варячка, адняці... Куды ты пойдзіш?" Усі падзіляліся. К Вялікадню і мяса... Хто б'е... А то ад сцягнана адсякая кусок... Нясуць ім. Нанясуць цэлы стол. І на Троіцу і па скрысенням такія прысмакі ім давалі". І нават тое, што **ранні верабейка клювік (дзюбачку, роцік) выцірае, а позні верабейка вочы прадзірае** для рэпутацыі вераб'я не паратунак. <Чаму – верабейка?> Любы верабейка... Рана хто ўстаня... І машкара лятае, ён ужо наглытаіцца. І пшцічка падымаіцца ранняя, яна найдзя, што дзе лятае, яна пазбіраіцца, якая дзе крошка, якая дзе зярнятка, яна ўжо пад'ела... Ты ўжо не сцеражэш проса, а ўжо верабейка наеўся, каторы рана... А каторы позні, ішчэ вочы прадзірае, да прачышчая. <Толькі верабей?>

Любая пшціца: і варона, і сарака... Ну, верабей лятае, на яго гаворяць... Гаворяць: **"Ранняя птушка роцік абцірае...** Яна рана ўстаня, што дзе найдзя, скарэй паесць, а позная пакуль вочы расплюшча, а ранняя ўжо пад'ела, сядзіць, песні п'яе".

Птушкі ў парэміялагічнай спадчыне Амяльнага сустракаюцца самыя розныя: варона, голуб, верабей, жаўрук, зязюля, салавей, сініца, снягір, сокал, пава, бусел, удод, коршун, сава, сыч, певень, курыца.

Практычна кожная з птушак усведамляецца носьбітамі народнай традыцыі як увасабленне, як сімвал пэўнай якасці, рысы характара, адметнасці знешняга вобліку. І практычна ўсе даследчыкі гэтай з'явы

вызначаюць, што за ёй стаяць доўгатэрміновыя жыццёвыя назіранні за птушкамі. Варвара Грэцкая, не абжараная высновамі даследчыкаў, дэманструе слушнасьць такога падыходу на прыкладзе асабістага досведу.

Паказальныя ў гэтым плане параўнанні як мокрая курыца, як мочаная курыца (пра чалавека маруднага ў працы, у рухах). Практычна ва ўсіх адмысловых слоўніках прыводзіцца варыянт "мокрая курыца". Тым не менш, Варвара Грэцкая, сказаўшы "мочаная", не абмовілася. Паводле аповеда Варвары Грэцкай, курэй сапраўды аблівалі вадой, каб яны былі не ў стане садзіцца на яйкі ("курыца мокрая, яна будзь стаяць, пакуль не абсохня... " і выводзіць лішніх для гаспадаркі куранят. Адметна, што некалькі разоў, быццам пераконваючы мяне ў рэальнасці парэмічных вобразаў, яна звярталася да мяне з рытарычнымі, на першы погляд, пытаннямі: "Куры – ты чуў, як пеюць?" Ты бачыў, як петухі б'юцца?" Зразумела, што "ты бачыў? ты чуў" – тут вызначальна.

Па прыкладу птушак чалавек суадносіць сябе і свае заняткі з часам, з асяроддзем, з сусветам, у якім ён жыве: **На Благавешчанне пціца гнязда ня ўе, дзеўка касу ня чэша. Кукушка да Пятра толькі кукуя. Сірэнь адцвітая і салавей пець перыстаня:** "Я кажу: "Баба, чаго-та пціцы да восені пяюць, а салаўі... " А яна гаворы: "Салавей толькі ў мае месяцы папяе. **Сірэнь адцвітая і салавей пець перыстаня...** " І калі пра Благавешчанне і пра кукушку – агульнавядомае, то пра салаўя – сваё амяленскае.

Па прыкладу птушак, чалавек стварае сям'ю, таму і пару трэба сабе выбіраць **па пер'ю:** "**не па пер'ю**" – "**Не па пер'ю!**". Не бяры! Ня лезь... Бяры сабе такую, штоб па пер'ю". Там. Ці багатая, ці дужа красівая, дак ты знай, што яна за цябе ня пойдзя... Чо ты пльвеш к ёй... Напрымер, ты красівы, а дзеўка не красівая... А вот наравіцца табе... І на дзеўку гаворыць: "Ня йдзі за яго... Ён с табой жыць ня будзя... Ён табе **не па пер'ю**... Ён будзя вабражаць... <Пер'е пры чым?> Гусь будзя гуляць з вуткай?. . Яна **не па пер'ю**... І за курыцай будзя бегаць, шчыпаць... У мяне калісь былі і вуткі, і гусі, і куры. Еслі певень падойдзя, будзя каля вуткі хадзіць, селязьень бягіць, будзя шчыпаць яго, пер'я вырываць. Не па пер'ю – ня лезь!.. "

Ідэальнае стаўленне мужа да жонкі – гэта калі ён, **як птушка вакол яе лягяе**. Ідэальныя адносіны паміж мужам і жонкай – гэта, калі яны **як голуб з галубкай**. Пражылі, **як голуб з галубкай**. Цэніць ён яе, а яна яго цэня. Вот ета яны жывуць, варкуяць, **як голуб з галубкай**. Ё такія сем'і! Ета сем'і атдзельныя такія ё. А еслі ён у дварэ бушуя... "

Узорам стаўлення да людзей лічылі ластаўку: "На ластаўку ў нас плахога не гаварылі... А еслі малы дзіцёнак ці... Ета харошы чылавец... Абрашчаіцца з усімі харашо: "Ой! Ты ўжо, **як ластавачка**..." Ластавачка – харошая пціца. <Як ластавачка... Гэта як?> Ласкавая... Усё, як харошы хто-нібудзь... <...> Я пра дзяцей скажу: "Во ё дзеці... Ё такі ласкавы дзіцёнак..."

Возьміш яго, ён за шэю цябе абніма... А другі рукамы будзя піхацца... Другі дзіцёнак, ён, **як ластваўка**, к табе прыхіліцца, і чужы... Другі, чужы: "Хадзі ка мне, я цябе падзяржу... " Ён ідзець... Другі... Не, ня пойдзя... Ён, як ластвачка тая... Называлі божай пціцай..."

Азіраючыся на прыклад птушак, чалавекуладкоўвае сваё жытло. Адсюль: **Сваім гняздом жыць. Сваё гняздо разурыць. Нада гняздо сваё віць, а на чужога не паглядываць. Лезць не ў сваё гняздо. Не ў сваём гнязде сядзець.** Сваё гняздо - не толькі адчуванне свайго дома, але і адчуванне сваёй сям'і. Спасылаючыся на свайго брата, Варвара Грэцкая ўзгадвае: "Ягор сказаў: "Мы з аднаго гнязда вывеліся... " Ідзе пташка не лягая, родзіны век не кідая. Я кажу: "Ягор, як ты памрэш, а дзе цябе хаваць?" А ён і кажа: "Толькі на Амяльном. Тут у мяне ляжыць баба дарагая, бацька, матка, брат ляжыць, і пляменнікі – усі ляжаць".

З уяўленнем пра любоў да радзімы, сваёй зямлі, свайго гнязда звязана ўяўленне пра куліка: "**Ідзе кулік прывык? У балоці**: Людзей павысілілі. А гравер бралі, вазілі на стройку радзіцённы... Ікраз жылі бы, і калхозы былі б, і малако б тоя дзешава была. Харашо б была, калі б не разарылі Беларусію. А то сколькі ўнічожылі людзей. Папаехалі... Гаворыць: "**Ідзе кулік прывык? У балоці**". Так і мы - прывыклі там. <...>

І калісь так казалі: "**Ідзе кулік прывык? У балоці**". Ён жа ўсягда і гнёзды віў, і жыў там. Яго на сушы ніхто ні бачыў. <...>У нас гаварылі так... Хто дзе ня ездзя, дамоў ужо едзя, гаворыць: "**Дзе кулік ня ездзіў...**" Паехаў дзед Майка ў Амерыку, Каршуны паехалі і дзед Івоня, Майкаў брат. І ў Закружжы багата людзей паехала, і з Амяльнага, хто хацеў у зарабаткі. І харашо там, і добра.

З уяўленнем пра сваё гняздо звязана і параўнанне **гол, як сакол**. "Гаворыць: "**Ходзя гол, як сакол...** Бедны чылавец... Ходзя, весяліцца... Песня такая была: "Парэнь гол, як сакол, а ходзя ж весяліцца... " На мой погляд, вызначэнне "**гол, як сакол**" заслугоўвае асобнага каментара. Практычна ўсе фразеалагічныя слоўнікі пры тлумачэнні этымалогіі гэтага фразеалагізма тыражыруюць тлумачэнне, прапанаванае М. Я. Ермаковым: "**Голь, какъ соколь**. Соколь – одно изъ старинныхъ стенобитныхъ орудій, которое обыкновенно выливали изъ чугуна, подвешивали на железныхъ цепяхъ и съ успехомъ ломили имъ всякую стену, каменную и деревянную. Иногда такой соколь делался изъ дерева, окованнаго на одномъ конце железомъ, и назывался также тараномъ, или бараномъ. Соколами называются еще ручные ломы, которыми ломають гранитные камни и соль. Соколомъ же называютъ ручную бабу или трамбовку". [9, 27] У Варвары Грэцкай, неабцяжаранай веданнем дадзенай этымалогіі, знайшлося сваё, незафіксаванае ні ў водным слоўніку тлумачэнне, у якім сокол застаецца рэальнай птушкай: <Чаму **як сакол**?> Кажыць, у сокала гнязда німа... Кажыць: "Ходзя гол, як сакол... " – "Чаго?. . " – "Таво, шта лягая, весяліцца... А гнязда німа... " А дзе ён нясецца... Хто яго зная... " Сокал,

сапраўды, не будзе ўласных гнёздаў, а займае чужыя. Або гэта гнёзды, якія не заняты нікім, або ён выганяе адтуль іншых птушак. [10, 81]

Глумачэнне Варвары Грэцкай вылучае ў вобразе сокала такую рысу характара як незалежнасць. Адсюль і: **"Не паймаўшы сокала, пер'е не скубі, не назваўшы зяцем, хлопца не кармі:** Бываець... Вот, напрымер, я табе скажу: "Вот ты гуляў з дзеўкай... Сабраў манаткі... Пашоў... "А ты аставайся... "Але, разам з тым, чалавек, якога параўноўваюць з сокалам, адказны за свае абяцанні і словы: **"Як браць пазычаць, як просяць – дак вочы сакаліныя, а як аддаваць – вочы савіныя"**. Сава – ўвасабленне злодзея, які заўсёды квапіцца на чужое: **"Сава спіць, да курэй бача.** Сава любя украсць і курыцу, і цыплёнка, і вераб'я на хаду".

Вясковыя сем'і вызначаліся вялікай колькасцю дзяцей. <Якая пціца самая багатая, а якая самая бедная?>Самая багатая... Якая багата выводзіць цыплят... Я так распалагаю... А бедная... Тры яйцы якіх звароча... І ўсё... Па-мойму так". <...>"Куды ты шчэніш іх?. . " – на Соню калісь усё казалі, як кожны год ряджае жонка... Ня ўспяя аднаго радзіць... Ішчэ тога грудзю корміць, ужо забярэміняе... Дак яны: "У мяне жонка... **Як год, так удод...** Як год, так удод... " Цяпер жа не ряджаюць столькі. . У Ціпуна трынаццаць дзяцей ці адзінаццаць... "

Абыякавае стаўленне да сваго гнязда таксама ўласціва "кукушцы", якая **"рэдка плача, а усё на ветках скача"**. Да таго ж гэты заняты спалучаецца з абыякавым стаўленнем да сваіх дзяцей: "Кукушка, гаворяць, рэдка плача. Усё баба казала: **"Кукушка рэдка плача, а усё на ветках скача"**. Мы гаворым: "А чаго яна рэдка плача?" – "А толькі рэдка плача, што гнязда ня ўе, ні ўмея. "<...> Мы калісь: "Баба, чаго яна рэдка плача?" – "А таго, шта прыпрэ несца, а гнязда німа. Яна ўжо дзе нагледзя гняздо тама-ка. А тады ішчэ пагуляя с самцом і зноў у другом гняздзе ў чужом. У вароннім, дак у вароннім. Ці дзе сарока якая. У чужых гнёздах. Дак тады толькі плача, як яйцы раскідая". Разам з тым "кукушка" здольна прадказаць будучыню: **"Кукушка кукуя, добра долю чуя.** Усё мы калісь, як кукушка кукуя, скарэя... Яна ў садзе будзя сядзець і начыная кукаваць: "Ку-ку... Ку-ку..." Вот мы: "Кукушка, кукушка, пакукуй, чэрыз сколькі бягіма гадоў я замуж пайду... Чэрыз сколькі памру..." Тым не менш, сваю долю "кукушка" прадказаць не ў стане: **Кукавала кукушачка ва зялёным садзі, а ні знала кукашачка, што горя іздазі.** Горя ўсягда ізець за чылавекам. Чылавец хватаіцца за горя, а горя не адставая. Гаворяць: **"Дзела не загадывай і к заўтряму, а што Бог дасць.** Заўтря тоя і тоя буду дзелаць, а заўтря глядзь – другога горя... Не дзела, а горя прэдстаня..."

У адрозненне ад "кукушкі" **варона ідзе ні літая, а дамоў пападая**". <Да чаго так казалі?> Вот ідзе хто ня ездзіў, усё раўно на родзіну едуць, пападаюць... Разам з тым, варона – птушка ня самага вялікага розуму: "Адзін дзед гаварыў: "Сюдой бліжэй... Но толькі **варона наўспрамкі літая, да дома ні бывая.** Лучшы па сухому... Далей, да па сухому ідзеш..."

А ета рыск... " І лёс у вароны не самы зайздросны: Ё пцічкі, толькі зярном пітаяцца, а ё... Гаворяць: "**Варона ўсё ў гаўне капаіцца**". **Е пцічкі, што зярном пітаяцца, а варона ўсё ў гаўне капаіцца**. <Калі так казалі?> Вот дзелаіш што-нібудзь грязнае на рабоце, дак кажаць: "Ну, што харашыя пцічкі на работу прыдуць... . Брыгадзір табе загадае, еслі ён на цябе абідзіўся з чаго: "Ідзі, – скажа, – грязную такую работу... . Ці перябіраць... Холад... Капчы аткрываець к Вялікадню... А бываець дні халодныя, і вецір ёдкі... А вазьмі бульбу тую гнілую перябірай, ідзе лучшанькаю выбірай, пальцы коляць... Гаворяць: "**Харошая пцічка зярном пітаіцца, а гаўняная варона ўсё ў гаўне капаіцца**". <...> "**Куды вароні не ляцець, дак гаўно даўбаць (кляваць)**". "К чаму яно гаворыцца: "**Куды вароні не ляцець, дак гаўно даўбаць**". У нас быў... Тута-ка былі бедна... Калісь на Дальні Восток паехалі. Паехалі... І там так, так тут. Дак усё яго матка казала: "**Куды не ляцець такім тупіцам, дак гаўно кляваць**". Не начальнікам не станя, нічым. Там скот даглядаў, а яна даяркай была. Пабылі там, дак што паехалі, і тоя параскідалі па свету... " Разам з тым варонам уласціва пачуцце адказнасці за сваіх: "**Воран ворану вока не клюе**. Ета ё такая прыказка. Ўрач жа ня будзя гаварыць, што ўрачы вінаваты. Усі казалі... І прэсідациль на прэсідациля ня будзя гаварыць... Таму шта сам такі. <...> Усягда свой за свайго... Па прафессіі адзін за аднаго будуць гаварыць". Зусім па-ншаму ставяцца адзін да другога пеўні і куры: "**Як петухі б'юцца**: Вот сабярэцца. Ты, напрымер, і Сярэжка. За малейшая што-нібудзь і пачануць, то спорыць, то начынаець... Да бою дзела. Гаворяць: "Што вы спляліся, як петухі?" Петухоў жэ не разгані. Ты бачыў, як петухі б'юцца?. Яны б'юцца. Яны дзяўбуць адзін аднаго па галаве. І галаву раздаўбе, тэй упадзя, ужо ўпадзя, ня можа, а ён усё адно будзя дзяўбаць. Мы раз вышлі на вуліцу, пеўні б'юцца, а мы ж баімся падыходзіць, яны крыллямі адзін аднаго б'юць гаразда і кляюць. Мы к бабе. Баба падышла. Палкай. Раздзірае іх, а яны ўсё раўно. У пер'я ўшчэпіцца і будзя дзяржаць. Баба сільнейшага адкіня, усё раўно абойдзя, зноў будзя бегці. Дак так і гаворяць: "Што вы ўжэ, **як петухі тыя б'іцёся?**" Так жэ і людзі... Другому скажы: "Ну, куды ты б'есся?. Куды ты лезіш?. Ты не праў. " Ён кідая, атойдзіцца. Другі будзя даказываць".

У адрозненне ад вароны сініца – гурман. Любоўю "парэмчнай" сініцы да пшаніцы вызначаецца найвышэйшы кулінарны густ: Усі тады казалі, як смашная хоча: "Я етага не хочу... "Баршча, там... Баба будзя казаць: "Ага, **наша сінічка хоча пшанічкі**... Дак німа пшанічкі... Во обшчае еш... " Тым не менш, **малінькая сінічка вароны не дасцігая**. Адсюль <яго> як **нашу сініцу хоць палож у пшаніцу**. <...> Матка ўсё казала: "Шкілеціна!. . Косці... Мошчы худыя... Во ўжо **сінічку, хоць пасадзі ў пшанічку**, яна ўсё адно будзя..." Так на худых казалі. Адсутнасць па нейкай прычыне апетыту таксама адбываецца праз згадку пра сініцу: **Ня хоча сінічка ні канпелькі, ні пшанічкі**".

Самай прыгожай з птушак лічылася пава. Менавіта з ёй параўновалі жанчыну, якая прыгожа апраналася: "Пава – пціца такая... Ходзя... Нарысавалася... **Як пава** ходзя... Красіва надзеніцца... "Як пава", – кажаць... Ета Чыгуніха... Амерыканчыха ў амерыканская надзеніцца... "Во ты ўжо ідзеш, як пава!" Ета ўжо... Як пціца... Паўліны бываець? І матка наша сабе пашыя і кохты, і юбкі, і плаці... Дак усё казалі: "Ты Грэцкая, **як пава**".

Увасобілася ў амяленскіх прыказках і прымавак і любоў мясцовых жыхароў да песень. У залежнасці ад таленту чалавек можа **крахаць, як варона**, і сваім голасам псваць агульныя спевы. У гэтым выпадку яго просяць: "Атыйдзі... **Не крычы, як варона**... Яно ж, як красіва ўсі пяюць, саідзіняюцца галасы. Не красіва... <...> Ён абы крычаць, ён ні панімая ні гармоні, штоб ета пад гармонь... <...> На то прыродна... Каждая варона крахае... І рада б запець, да яна не запяе... " Спевакоў с прыгожымі галасамі параўновалі з жаўрукамі і з салаўямі: " Дзед. Яго звалі Іван Ігнаціч. Іх Жаваранкі празвалі. Яны ўсі... У іх галасы былі звонкія-звонкія... Вот **як жавараначкі, пелі**... <...>"Як хто красіва пяе... Па цілявізару хто красіва пяе...Калісь баба наша... Дзеўкі пяюць, яна будзя ў вакно слухаць... Кажа: "Маруся мая памёрла, голас харошы быў, і пела красіва, дак я думаю: "Можа, і мая Маруська там?" Яна ж **пела, як салавейка**... "<...> "Памёрла, васімнаццаць гадоў было..." Гаворы: "Мая ж Маруся **пела, як салавеечка**."

А калі чалавек – не чалавек, дык яго і пароўноўваюць з птушкай, якая і за птушку ня лічыцца. Адсюль і прыказка: "**Курыца – ня пціца, і баба – ні чылавец**". І на курыцу навешваюць ўсё самае горшае: недасканалая праца, блытаніна ў думках і выказваннях вызначаюцца, як "курасання гарадзіць"; "гарадзіць, як куры на курасанні"; "курыная вышыўка"; "Хіміны куры гарадзіць"; "Хіміны куры пайшлі ў разнос"; "грабаць, як курыца лапай" (пра непрыгожы, неразборлівы почырк); курыны дожч, курыныя слёзы (нешта дробнае); курам на смех (нешта нявартае); курыны розум (пра чалавека, у якога не ўсё ў парадку з памяццю); сядзець, як курыца на яйцах (пра чалавека, які нерухома сядзіць на адным месцы).

Такім чынам, мы бачым, што парэміі с кампанентамі-птушкамі даюць магчымасць даць самую разнабаковую характарыстыку чалавеку: яго знешняму выглядзе, яго характару, яго заняткам, учынкам, дзеяннем, таму месцу, якое ён займае ў сям'і і ў грамадстве.

### Спіс выкарыстаных крыніц

1. Садоўская, А. Л. Фразеалагізмы з кампанентам-арнітонімам у беларускай мове: этналінгвістычны аспект / А. Л. Садоўская. – Мінск : БГУ, 2011. – 271 с. – Тэкст : непасрэдны.

2. **Ляшчынская, В. А.** Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў / В. А. Ляшчынская; РІВШ. – Мінск, 2015. – 224 с. – Тэкст : непасрэдны.

3. **Маслова, В. А.** Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – Москва, 1997. – 206 с. – Текст : непосредственный.

4. **Гаўрыловіч, В.** Фразеалагізмы з кампанентам *птушка* ў беларускай, рускай і англійскай мовах / В. Гаўрыловіч. – Тэкст : непасрэдны // Актуальныя праблемы філологіі: сб. науч. статей. Вып. 4; редкол. : А. В. Бредихина (гл. ред.) [и др. ]; М-во образования РБ, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины. – Гомель, 2011. – С. 111 – 116; **Гаўрыловіч, В.** Нацыянальна-культурная спецыфіка фразеалагізмаў з кампанентам *САВА / OWL* беларускай і англійскай моў / В. Гаўрыловіч. – Тэкст : непасрэдны // Спадчына Скарыны: да 500-годдзя беларускага кнігадрукавання : зб. навуковых артыкулаў : у 2 ч. Ч. 2 / рэдкал. : А. М. Ермакова (гал. рэд.) [і інш. ]; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2017. – С. 35 – 39; **Гаўрыловіч, В.** Фразеалагізмы з кампанентам-назвай свойскіх птушак у беларускай і рускай мовах / В. Гаўрыловіч. – Тэкст : непасрэдны // Беларуская фразеалогія і еўрапейскі моўны кантэкст : зборнік навук. артык. У 2 т. Т. 1 ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна, Каф. гісторыі беларус. мовы і дыялекталогіі; рэдкал. : М. М. Аляхновіч [і інш. ]. – Брэст, 2009. – С. 68 – 73.

5. **Рэпетта Міхеенкава, В. В.** Арнітонімы ў фразеалагічных адзінках беларускай і іспанскай моў: этналінгвістычны аспект / В. М. Рэпетта Міхеенкава. – Тэкст : непасрэдны // Научная конференция студентов и аспирантов : Сборник научных работ 73-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, 16 – 25 мая 2016 г., Минск. В 3 ч. Ч. 3 / БГУ, Гл. управление науки; отв. за выпуск С. Г. Берлинская. – Минск, 2016. – 495 с.

6. **Садоўская, А. Л.** Сімволіка голуба і ластаўкі ў беларускай ідыяматыцы і культуры / А. Л. Садоўская, І. Р. Прычынец. – Тэкст : непасрэдны // Працы кафедры сучаснай беларускай мовы. Вып. 7 / пад рэд. А. Я. Міхневіча. – Мінск, 2008.

7. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / Склад. М. Я. Грынבלата. Рэд. А. С. Фядосік. – Кн. 1. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 560 с. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / Склад. М. Я. Грынבלата. Рэд. А. С. Фядосік. – Кн. 2. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 616 с. – Тэкст : непасрэдны.

8. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей; навук. рэд. В. М. Макіенка. – Мінск, 2011. – 482 с. – Тэкст : непасрэдны.

9. **Ермаков, Н. Я.** Пословицы русского народа / Н. Я. Ермаков. – Санкт-Петербург : Тип. С. А. Корнатовского, 1894. – 48 с. – Текст : непосредственный.

10. **Школьник, Ю. К.** Птицы. Полная энциклопедия / Ю. К. Школьник. – Москва : ЭКСМО, 2007. – 256 с. – Текст : непосредственный.

*Мозговой Владимир Иванович*

*ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет"  
e-mail: [mowi48@mail.ru](mailto:mowi48@mail.ru)*

*УДК 81'373. 2*

## **РУССКАЯ ОНИМИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

*Vladimir I. Mozgovoy  
Donetsk National University*

### **RUSSIAN ONIMIUS IN THE MULTICULTURAL SPACE OF EAST SLAVIC LANGUAGES**

*В статье рассматривается проблема функционирования русской онимии на постсоветском пространстве, возникшая из-за явных и скрытых переименований, разрушающих культурно-национальный код отдельных представителей восточнославянской общности. Предлагается отделять устноречевые варианты употребления собственных имён от официальных норм их передачи в правовом контексте, который должен учитывать родственность кириллического письма, грамматики и лексики при разности толкования их смысловых оттенков в русском, украинском и белорусском языках.*

*Ключевые слова: ономастика и норма, имя собственное, право на имя, экзографонимы*

*The article examines the problem of the functioning of Russian onimia in the post-Soviet space, which arose because of explicit and hidden renamings, destroying the cultural and national code of individual representatives of the Eastern Slavic community. It is proposed to separate oral versions of the use of their own personalities from the official norms of their transmission in the legal context, which should take into account the kinship of Cyrillic writing, grammar and vocabulary when interpreting their meanings in Russian, Ukrainian and Belarusian languages.*

*Keywords: onomastics and norm, name of their own, right to name, exogra-phonems*

Норма в ономастике является одним из самых противоречивых понятий (см. [6]). Противоречия возникли в ней не неожиданно и не сразу. Они явились следствием и результатом перехода советского общества, построенного на принципах интернационализма, к модели обособленных респуб-

лик, в которых идеология безнационального равенства стала "мешать" идеологии национальной исключительности.

В историческую бытность Советского Союза мало кого интересовали национальные формы именованья – юридическую значимость имели только закреплённые законом их русские варианты. Однако после ликвидации СССР устоявшаяся межъязыковая "синонимия", типа рус. *Яков Свердлов* // укр. *Яків Свердлов* // бел. *Якаў Сьвядлоў*, стала исключать национальное прочтение, которое должно было, по мнению новых идеологов и политиков, приобрести однозначную правовую легитимность, став основой формирования чувств патриотизма к новой родине (в Украине только *Яків Свердлов*; в Белоруссии только *Якаў Сьвядлоў*). На фоне этого стремления или борьбы с ним родились три взаимоисключающих подхода к онимным нормам, мотивированных в любом случае якобы "национальными мотивами".

1. С точки зрения русского носителя языка, претендующего на былую приоритетность, разумными казались варианты, которые не изменяли "родную" графику языка-источника по причине "одинаковости" кириллического алфавита в восточнославянских языках (**концепция графической идентичности**). Эту концепцию откровенно презентовала А. В. Суперанская: "...В документах русского человека по имени *Белан Алексей Евгеньевич* пишут *Бслан Олексій Євгенійович*. ...Я бы оставила всю эту формулу имени: *Белан Алексей Евгеньевич* в документе на украинском языке без всяких изменений, поскольку те же самые буквы есть в русском и украинском алфавитах. ...Даже написание *Иван Иванович* вместо *Иван Иванович* меняет национальность человека, а значит, нарушается идентификация его личности..." [9, с. 3].

Её не смущало, что графика не является свидетельством одинаковости алфавитов. Одни и те же буквы в русском, украинском и белорусском языках могут означать разное произношение и превращаться в экзографонимы, нивелирующие адресную функцию, поэтому "родственное" украинское написание изменяет *Белана Алексея Евгеньевича* или *Ивана Ивановича* на *Бэлана Алэксэя Эвгэньэвыча* и *Ывана Ывановыча* (см. [5; 7]).

2. Кажущаяся разумность "графической идентичности" языка-источника опротестовывалась **концепцией "родственной эквивалентности"** языку-приёмнику, которая продуцировала в речи, а затем и в документальном исполнении массу правовых коллизий: "Граждане РБ русской национальности не могут записать в официальных документах свои имена и фамилии по-белорусски без искажений их родного звучания. По мнению паспортно-визовой службы (ПВС) МВД, русское имя и фамилию надо обязательно озвучивать с **белорусским произношением / беларускім вымаўленьем**, а по другому нельзя. Посему они должны и писаться по-белорусски в документах с изменением, и звучать по другому: *Анна – Ганна, Владимир – Уладзімір, Геннадий – Геннадзь, Григорий – Рыгор, Дмитрий – Дзміцер – Зміцер, Николай – Мікалай, Ольга – Вольга, Власов – Ула-*

сау, Михайлов – Михайлау, Путин – Пуцін и т. п. " [4, с. 1]. Подобная ситуация дублировалась в Украине и не только в ней, где обладатели имён и названий, типа Анна, Владимир, Дмитрий, Калинин, Бережной, Елена, Ефим, Пёски, Николаев, Никитовка, регистрировались как Ганна, Володимир (Володымыр), Дмитро (Дмытро), Калинин (Калынкын), Бережний (Бережний), Олена (Олэна), Юхим (Юхым), Писки (Пискы), Миколаїв (Мыколайив), Микитівка (Мыкытивка) и т. п.

3. **Концепция "обратной идентичности"**, которая, рекомендуя передавать имена и названия в родственных языках при помощи транскрипции, довела проблему до абсурда. Исходя из этой концепции, на карте Луганска появились в "...суто "регіональні" найменування: провулки *Ленінській, 18-го Партс'єзда, 1905 года, імені 1-го Мая, 1-й Белорусській, 1-й Кірпичний, 5-й Садовопроїздної, Северозападній, Братьєв Серодеденко, Кримській, 1-й Товаріщескій, 1-й Пятілеткі, Астрономіческій*; вулиці *Советская, 40-летія Октябрія, 50-летія Образованія СССР, Лучістая, Звёздная, Самольотная, 2-я Известковая, Тіхоокеанская, Каменная, Опитное поле, Александра Невського, Юних Піонерів, Маяковського, Револуції, Паріжської Коммуни*; квартали *Дзержинського, 50-летія Октябрія, Героев Бресткої крепості*; тупики *6-й Короткій, Белая Будка*; усадьба... *1-го Треста столових тощо*" [3, с. 2]. Такой же сценарий, но с точностью до наоборот, зафиксирован в русско-украинском словаре, составленном З. Г. Рыковым и Н. В. Щегольковой: укр. *Емануїл, Єлисей, Пилип, Зинаїда, Раїса, Миліція* – рус. *Емануїл, Елысэй, Пылып, Зынайида, Райица, Мылыця* и т. п. [8].

Такие модели онимотворчества всё чаще оказывались недееспособными и даже вредными, поскольку опирались на идеологические восприятия, не учитывающие социально-правовые последствия официального закрепления в ономастике тех или иных языковых или речевых вариантов, которые, если и могли существовать, то только вне правового пространства родственных языков.

Примером неконфликтного национального прочтения онимной нормы, не вызывающего споров, мог бы служить опыт русской ономастики, связанный с исторически оправданным сосуществованием в именах собственных элементов разных языковых систем.

*А. Системами внешних языков-источников.* Их варианты по-разному фиксировали объекты номинации и определялись в конечном итоге официальной регистрацией, с которой можно было соглашаться или не соглашаться, но которую необходимо было соблюдать: *Санкт-Питер-Бурх // Санкт-Петербург // Петроград // Ленинград // Санкт-Петербургу, Обувной магазин // Лапти Хауз // ЛартиHouse* (одни и те же объекты); *Ксения и Оксана; Михаил и Мишель; Алейников и Олейников; Алексей, Алёксий и Олёксий* (разные имена и фамилии) и т. п.

*Б. Иноязычными онимными системами,* "понятными" прежде всего своей "иноязычностью". Их нормы ориентируются не на язык-приёмник, а

исключительно на язык-ономизатор, "подправленный" разным опытом прочтения тех или иных иноязычных ономоформ на разных исторических этапах развития русского языка. Мы без особых усилий узнавали и узнаём в "правильных" или "неправильных" с точки зрения языка ономоформах *Сингапур, Пекин, Париж, Нью-Йорк, Янцзы, Жан* "иностранцев" с точной "биографией", но не совсем понятным и необязательным лексическим значением, заложенным в языковой структуре:

- *Сингапур* – "город-государство в Юго-Восточной Азии";
- *Пекин* – "столица Китая";
- *Париж* – "столица Франции";
- *Нью-Йорк* – "мегаполис в США";
- *Янцзы* – "река в Китае";
- *Жан* – "гражданин Франции" и т. п.

Такие собственные имена не претендуют на перевод в официально-деловом контексте (иначе огромное количество названий в разных языках, типа *Ново-Место, Неаполь, Нейбург, Новабад, Ньюстэд, Нейштадт, Новоград, Невиль*, связанных с понятием "новый город", превратились бы в русский *Новгород*) и не вызывают трудностей при функционировании в неродственной языковой среде. Для их адекватной фиксации вполне достаточно учитывать нормы передачи специфических звуков (*Neustadt – Нейштадт, Austria – Австрия* (см. [1]) или опираться на многовековую традицию их речевого употребления, как в случае с формами *Париж* [п'Ар'й] (фр. *Paris*) или *Лондон* [л'андън] (англ. *London*), "копирующих" графику языка-источника.

Ситуация становится неконтролируемой, когда лингвистическая наука идёт по пути слияния в ономастике официальных (реальных) номинаций с речевыми именами-интерпретациями и именами-вымыслами. Её теоретические постулаты имеют поэтому смысл только до тех, пока не противоречат праву собственника на имя. Переход ономастики к её новомупрочтению становится в том случае закономерным итогом, обусловленным социально-правовыми коллизиями.

К концу XX в., когда ономастика ещё представлялась разделом лексикологии, практика уже начала формировать новые идееё внеязыковой природы. Социальная открытость и связанная с ней возможность пользоваться всем арсеналом предыдущих исследований мотивировала появление трёх разновекторных оценок собственного имени:

– учёные постулировали всеобъемлющую роль языка в номинативной практике, способной сохранять реальность в гражданско-правовом сознании, оперируя при этом фактами истории, мифологии, географии, археологии, этнографии, геральдики, астрономии, генеалогии, географии и ряда др. наук;

– политики, бизнес-структуры и административные органы оценивали в собственных именах социальный смысл и речевую семантику, которые,

по их мнению, должны воздействовать на сознание граждан и определять вектор развития гражданских институтов;

– общество опиралось на устоявшиеся внеязыковые коннотации, способные сохранить национально-языковое единство и устранить номинативные рецидивы социальной конфликтности.

В условиях разновекторности целей одной из главных социально-гуманитарных проблем стала неустойчивость его онимного фонда. Отдельные, а затем и массовые переименования стали дополняться ещё и "переводом", манипулирующим фактами истории, культуры и изменяющим адресную суть собственного имени:

- с. *Свободное* (Крым) ≠ укр. *Вільне*;
- г. *Набережные Челны* (РФ) ≠ укр. *Набережні Човни*;
- с. *Овощное* (Крым) ≠ укр. *Овочеве*;
- *Ефрем* ≠ укр. *Охрім*;
- *Ефим* ≠ укр. *Юхим*;
- *Екатерина* ≠ укр. *Катерина* или бел. *Кацярына*.

О "переводе" или принципиальном изменении формы имени можно говорить поэтому только в двух случаях.

1. В случае речевых интерпретаций собственного имени, которые признают лишь нормы, определяемые самими участниками диалога. Никто, кроме них, не может запретить говорящему употреблять привычные для них речевые формы *Горловка* и *Горлівка*; *Григорий* и *Григор* или *Рыгор*; *Николай* и *Мікалай*, *Микола* или даже *Коля*; *Ксения*, *Оксана*, *Аксана* и *Ксюха*; *Санкт-Петербург*, *Петербург*, *Ленинград* и *Питер*; *Константиновка* и *Конста*; *Александровка*, *Олександрівка* и *Аляксандраўка* и т. п.

2. В случае, если перевод связан с необходимостью так же адекватно передать смысл об онимном денотатев другой языковой системе:

а) международной, требующей перевода на все языки: рус. *Северный Ледовитый океан* = укр. *Північний Льодовитий океан* = англ. *Arctic Ocean*; рус. роман *"Война и мир"* = англ. *"War and Peace"*; рус. *Южный автовокзал* = укр. *Південний автовокзал* = англ. *Southern bus station* (информация о направлении движения автобусов); рус. *Магазин нужных вещей "Тащи всё в дом!"* (Донецк) = укр. *Магазин потрібних речей "Тягни все додому!"* (реклама, имеющая маркетинговый смысл); рус. бульв. <имени> *Шахтостроителей* = укр. *Шахтобудівельників* = англ. *Minebuilder Boulevard* (перевод связан с мемориализацией исторических событий, фактов или явлений, показателем которой является дополнение в виде слова "имени");

б) межнациональной, устанавливающей границы выборочного перевода в контактных языках: рус. ул. *Горная* > укр. *Гірнич* (основа *-гірнич-* связана с *горной промышленностью* = укр. *гірничою промисловістю*), но *Гірська* (корень *гір-* связан с понятием "гора"), хотя за пределами контактных языков название будет передаваться при помощи транскрипции (в первом случае от формы *Горная*, во втором – от *Гірська*); *река Днепр* // *Дніпро* (ва-

риативность связана с пространственностью водного объекта, протекающего по территории двух государств и населяющих их разных языковых сообществ);

в) индивидуально-национальной, отрицающей перевод, но допускающей фонетико-графические изменения, как правило, в антропонимах и наименованиях метафорического характера с переносным смыслом: рус. *Геннадий* – укр. *Геннадій*, бел. *Геннадий*; рус. *Григорий* – бел. *Грыгорій* – укр. *Григорій*; бел. *Рыгор* – рус. *Ригор*; укр. *Гри [ы] гор* – рус. *Григор*; рус. м-н "*Южный*" – укр. м-н "*Южний*" (информация о "юге" не имеет смысла); такси "*СССР*" – укр., бел. *таксі"СССР"* и т. п.

Таким образом, "двойственность" фонетико-графического "рисунка" в родственных языках требует принципиальной коррекции коннотативных произносительных вариантов в случае их перенесения в официальный контекст и установления на государственно-профессиональном уровне универсальных онимных норм, ориентированных на точность передачи информативно-правового смысла в любой из языковых систем – этот путь начали осваивать белорусские коллеги (см. [2]).

#### Список использованных источников

1. **Ермолович, Д. И.** Методика межъязыковой передачи имён собственных / Д. И. Ермолович. – Москва : ВПЦ, 2009. – 86 с. – Текст : непосредственный.
2. **Копылов, И. Л.** Достижения и перспективы в области ономастической стандартизации / И. Л. Копылов. – Текст : непосредственный // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома (9 – 10 сентября 2020 г. В 2 – х т. т. Т. 1 / науч. ред. Н. С. Гандовская, В. И. Супрун; сост. и отв. ред. Г. Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома : Костромской государственный университет, 2020. – С. 72 – 82.
3. **Магрицкая, И.** Самоврядування по-луганськи, або Як місцеві можновладці змінили український правопис / І. Магрицька. – Текст : электронный. – URL: <http://www.dt.ua/3000/3050/61071/>.
4. **Михайлов, В.** Русский вопрос в Белоруссии / В. Михайлов. – Текст : электронный // Русская линия. 05. 05. 2004. – URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=1001934>.
5. **Мозговой, В. И.** Роль и специфика графики в русской ономастике / В. И. Мозговой. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 4 : Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 45 – 48.
6. **Мозговой, В. И.** Проблема нормы в ономастике / В. И. Мозговой.

– Текст : непосредственный // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома (9 – 10 сентября 2020 г. В 2 т. Т. 1 / науч. ред. Н. С. Ганцовская, В. И. Супрун; сост. и отв. ред. Г. Д. Неганова; Костромской гос. ун-т. – Кострома : Костромской государственной университет, 2020. – С. 103 – 110.

7. **Мозговой, В. И.** Экзографонимы в русской ономастике / В. И. Мозговой. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17 – 18 ноября 2020 г.). – Том 4 : Филологические науки. Культура и искусство / под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 44 – 47.

8. Русско-украинский словарь. Фамилии, имена, отчества, области, районы, города, посёлки городского типа, сёла / Сост. З. Г. Рыкова, Н. В. Щегольковская. – Харьков : РИП "Оригинал". – 1997. – 304 с. – Текст : непосредственный.

9. **Суперанская, А. В.** Опасность близкородственного двуязычия [Электронный ресурс] / А. В. Суперанская. – Текст : электронный // Авторская публикация на сайте "Ономастика". – Москва, 2008.

*Новикова Кристина Алексеевна*

*ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: krisnovik19@yandex.ru*

УДК: 81. 373. 2

## **ХАРМЫНКА ИЛИ ГЛИНКИ? ИСТОРИЯ ТОПОНИМА ОДНОЙ ДЕРЕВНИ ГОРДЕЕВСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Kristina A. Novikova*

*Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky*

## **KHARMYNKA OR GLINKA? THE HISTORY OF THE TOPONYM OF A VILLAGE IN THE GORDEYEVSKY DISTRICT OF THE BRYANSK REGION**

*В статье рассматривается история топонима Хармынка, Гордеевского района, Брянской области, а также отражение в нем исторической и культурологической информации о деревне и ее жителях.*

*Ключевые слова: топоним, Гордеевский район, Хармынка, Хорминка, Глинки*

*The article examines the history of the toponym Kharmynka, Gordeyevsky district, Bryansk region, as well as the reflection of historical and cultural information about the village and its inhabitants.*

*Keywords: Toponym, Gordeyevsky dis-*

Год за годом в стране идет необратимый процесс вымирания деревень. Данная проблема является одной из острых не только на региональном уровне, но это социально-экономическая проблема всей современной России.

Активно покидать деревни Брянской области молодые люди стали после аварии на Чернобыльской АЭС, когда уровень радиации в этих землях оказался очень высоким. Большому воздействию радиации подверглись населенные пункты брянско-гомельского пограничья. Гордеевский район не стал исключением [7]. В ряде населенных пунктов оставались проживать преимущественно люди пожилого возраста. И постепенно сёла и деревни опустели.

Большой интерес у исследователей вызывают названия этих географических объектов, ведь проблема описания ономастического компонента языковой картины мира предполагает исследование не только его центральной, ядерной, части, но и периферии, важную часть которой составляют региональные фрагменты [3, с. 2]. Следует отметить, что проблемы этимологии микротопонимов привлекают внимание различных ученых [5; 3].

Нашей задачей стало рассмотрение этих топонимов как важных единиц, которые на протяжении многих веков могли сохранять лингвистическую, культурологическую, историческую, этнографическую информацию.

Особое внимание привлекает умирающая деревня Хармынка Гордеевского района, "расположенная в 6 км к северу от села Уношево, на левом берегу реки Беседь. Хармынка была основана около 1720 года как слобода, владение Киево-Печерской лавры, в составе Попогорской волости (на территории Новоместской сотни Стародубского полка" [1].

В некоторых источниках указывается, что в старину деревня именовалась *Хорминкой* [2]. Данное название не сохранилось в памяти местных жителей и не фиксируется в современных топографических картах. Впрочем, очень редки и случаи, когда из уст уроженцев Хармынки, преимущественно старожиллов, можно услышать официальное название деревни. Среди местных жителей, а также жителей близ лежащих деревень бытует другое название – *Глинки*: [*Не, у нас у Ўлинках такоуа ни было*] (Записано от Куцебо Анны Денисовна, 1941 г. р., уроженка д. Хармынка)

Важно отметить, что и село Уношево, и деревня Хармынка расположены вблизи речки *Хармынки*. В труде А. Лазаревского "Описание старой Малороссии" 1888г она именуется *Хорминкой*. [6, с. 371]. Отсюда становится понятно, почему в старину и деревня имела такое название. Ведь нередко топонимы были мотивированы гидронимами, например, деревня *Алисовка* Гордеевского района, получившая свое название от речки *Алисовки*: "*в чорном разчищенном лесе, по берегу речки Алисовки, поселена*

*Петром Корецким, на скупке у жителей села Заборья землях, которые были утверждены за ним грамотой Петра Великого" [6, с. 380].*

Но наибольший интерес представляет топоним *Глинки*, который употреблялся в речи жителей повсеместно.

В 90-х годах в деревне работала библиотека. Бондарь Елена – бывшая библиотекарь вела работу по созданию летописи деревни. Она опрашивала старейших жительниц Хармынки, которые рассказывали ей, что топоним *Глинки* появился непосредственно из-за качества почвы в деревне: *[Казали: "Чаю так завецца? А во, пауляди, дятчка, икая у нас тут зямля нугодная – дна углина усюдах"]* (Записано от Бондарь Елены Николаевны, 1971 г. р., проживала в д. Хармынка в период с 1990 по 2010 гг.). Таким образом, субстантив смог мотивировать топоним разговорного характера.

Есть и еще одна версия возникновения данного топонима. Брусов Василий Иванович поделился с нами легендой, которую рассказывал ему его дед – Привалов Кузьма Родионович 1910 г. р., уроженец д. Хармынка: *[Мой дед, Привалов Кузьма Родионович рассказывал, что по преданию первым поселился на береги реки (Хармынь) беглый крепостной. И когда его одолела скука, решил он на берегу реки слепить из глины фигуру человека, и стал приходить каждый день здороваться и разговаривать с ним, прозвав его Глинка. Отсюда и пошло первое название деревни – Глинки.]* (Записано от Брусова Василия Ивановича, 1969 г. р., уроженца г. Клинцы)

Таким образом, изучив историю возникновения топонима *Хармынка*, мы можем сделать вывод о том, что имя собственное может многое рассказать об умиравшем населенном пункте, его истории, культуре, а это, в свою очередь, вносит неоценимый вклад в этнокультурное развитие нашей страны. Важно отметить, что в ходе работы над статьей удалось опросить местных жителей деревни, что с каждым годом становится сделать все труднее, а иногда и невозможно в работе с исчезающими населенными пунктами.

#### **Список использованных источников**

1. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.04.2021) / – Текст : электронный.
2. Всероссийское генеалогическое древо [Электронный ресурс]. – URL: <https://vgd.ru/> (дата обращения: 15.04.2021). – Текст : электронный.
3. **Головачева, О. А.** Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века) : диссертация ... доктора филологических наук: 10. 02. 01. [Место защиты: ФГБОУ ВО "Смоленский государственный университет"], 2017. – 538 с. – Текст : непосредственный.
4. **Евсеева, О. С.** Топонимия смоленско-витебского приграничья: структурно-семантический аспект [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.dissercat.com/content/toponimiya-smolensko-vitebskogo-prigranichya-strukturno-semanticheskii-aspekt> (дата обращения: 15.04.2021). – Текст : электронный.

5. **Максимчук, Н. А.** Отражение регионального компонента языковой личности в словаре микропонимов / Н. А. Максимчук. – Текст : непосредственный // Филологические исследования. – 2015. – № 14. – С. 116 – 128.

6. **Лазаревский, А.** Описание старой Малороссии / А. Лазаревский. Т. I, "Стародубский полк". – Киев, 1889. – С. 371, 380.

7. Постановление от 8 октября 2015 г. № 1074 об утверждении перечня населенных пунктов, находящихся в границах зон радиоактивного загрязнения вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/all/103736/> (дата обращения: 15.04.2021). – Текст : электронный.

# **ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГОВОРЯЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

*Белякова Елена Алексеевна*

*УО "Гомельский государственный профессиональный лицей строителей"*

*e-mail: lena13021975@yandex. by*

*УДК 37. 091. 3: 811. 161. 1'271: 821. 161. 1*

## **ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГОВОРЯЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

*Elena A. Belyakova*

*Gomel State professional lyceum of builders*

### **LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT IN TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE IN THE CONTEXT OF FORMING A RUSSIAN-SPEAKING LANGUAGE PERSONALITY**

*В статье рассматриваются межкультурная коммуникация, концепт, языковая личность, метод концептуального анализа. Особое внимание уделяется формированию лингвокультуроведческих умений учащихся анализировать единицы языка: изучение прецедентных текстов.*

*Ключевые слова: межкультурная коммуникация, концепт, языковая личность, метод концептуального анализа, прецедентные тексты, приёмы, работа с языковыми единицами*

*The article deals with intercultural communication, concept, linguistic personality, method of conceptual analysis. Particular attention is paid to the formation of linguistic and cultural skills of students to analyze language units: the study of precedent texts.*

*Key words: intercultural communication, concept, linguistic personality, method of conceptual analysis, precedent texts, techniques, work with linguistic units*

В современном поликультурном мире очень актуальна проблема взаимодействия, взаимоотношения языка и культуры. Эта проблема является предметом исследования учёных различных областей лингвистики: лингвокультурологии (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. А. Маслова и др.), психолингвистики (А. А. Леонтьев, И. Н. Горелов, К. Ф. Седов). С помощью научных знаний важно обеспечить эффективную межкультур-

ную коммуникацию языковой личности, создать благоприятные условия для плодотворного диалога представителей различных культур. Языковая ситуация в Республике Беларусь характеризуется в настоящее время как белорусско-русское двуязычие, при котором белорусский и русский языки функционируют в качестве государственных. Одной из общих задач обучения русскому языку является формирование представления о языке как средстве закрепления и выражения национальной культуры народа, отражения его языковой картины мира: формирование лингвокультуроведческих умений анализировать единицы языка с национально-культурным компонентом значения, уместно и точно использовать их в собственной речи для достижения коммуникативных намерений [5, с. 27].

Среди признаков этноса (народа) важнейшими считаются язык и культура, причём язык занимает особое положение, он считается основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса... Среди многочисленных функций языка и культуры выделяются такие, которые обеспечивают диалог культур, осуществляемый, безусловно, на основе диалога языков. Неповторимость, оригинальность языка создаётся культурой, ментальностью, "духом народа" [9, с. 22 – 24].

Стержнем культуры общества любого типа является прежде всего духовная культура и её составляющие [6, с. 58].

Национальный характер, национальная ментальность получают отражение в языке [9, с. 86].

Одним из базовых понятий в лингвокультурологии является концепт.

В лингвистике существует множество определений концепта. Понятие концепта привлекает внимание лингвистов. В. И. Карасик характеризует концепты как "ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые, осознаваемые, типизируемые фрагменты опыта" [1, с. 59]. Так, ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в словах *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость*. Концепты представляют собой коллективное наследие в сознании народа, его духовную культуру, концептосферу. С лингвокультурологической точки зрения концепт (лингвокультурный концепт) характеризуется как ключевое слово культуры, культурный фокус, опорная точка менталитета [9, с. 94 – 171]. Говоря о понятии "концепт", невозможно не сказать о языковой личности. Человек является создателем, творцом языка и культуры, живёт в них. Выраженная в языке и через язык личность представляет собой языковую личность [9, с. 284]. Понятие языковой личности в широкий научный обиход ввёл советский и российский лингвист и психолог Ю. Н. Караулов в своей книге "Русский язык и языковая личность". По его определению, "языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств" [2, с. 38].

Метод концептуального анализа расширяет знания учащегося не только о слове, но и о мире, его отношении к этому миру. Модель учебного концептуального анализа можно представить следующим образом: 1) создание словарного портрета слова (слово на уровне толкового, этимологического, словообразовательного словаря, а также словарях синонимов, антонимов); 2) создание контекстуально-метафорического портрета слова (слово на уровне словосочетания и микротекста); 3) создание словесного портрета концепта (слово на уровне текста и в диалоге культур). В работе учителя-словесника эффективными оказываются следующие методы и приёмы: ассоциативный эксперимент и составление ассоциативного словарика, метод "продолжи рассказ", подбор фразеологизмов, слово в мудрости народной (половицы, поговорки со словом), текстовый портрет слова (строки из песен, стихотворений и прозы), создание лингвокультурологического словаря к художественному тексту. В "Этимологическом словаре русского языка для школьников" даётся происхождение слова счастье: образовано от слова часть. Приставка с- имеет в данном случае значение "хороший" (потому что "свой" – ср. смерть), и исходное значение можно представить себе как "хорошая часть". Ср. доля, участь [12, с. 384]. Концепт "счастье" часто встречается в поговорках и пословицах русского народа: Счастливые часов не наблюдают; Счастье дороже богатства; Счастье у каждого под мозолями лежит; Счастья на деньги не купишь; Счастье сквозь пальцы проскочило [8, с. 296]. В "Словаре синонимов и антонимов для школьников" даётся синоним к слову счастье см. Удача. Кинуть монетку на счастье [10, с. 366]. Антоним к слову счастье (состояние высшей удовлетворённости жизнью, чувство глубокого довольства) – горе (состояние неудовлетворённости жизнью, нравственное страдание). Смысл слова счастье раскрывается в притче "Счастье": Бог слепил человека из глины, и остался у него неиспользованный кусок.

– Что ещё слепить тебе? – спросил Бог.

– Слепи мне счастье, – попросил человек.

Ничего не ответил Бог, и только положил человеку в ладонь оставшийся кусочек глины. Концепт "счастье" представлен в поэзии К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, С. А. Есенина, И. А. Бунина и др.

В учебном процессе большое значение имеет изучение прецедентных текстов. К прецедентным текстам, изучаемым на уроках русского языка и литературы в учреждениях общего среднего образования, можно отнести такие шедевры, которые являются национальным достоянием русской литературы. Ю. Н. Караулов считает, что "знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и её культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры" [2, с. 216].

Большим лингвокультурологическим потенциалом обладают:

1. Строки из литературных произведений: Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! (А. Островский); Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь (А. Грибоедов); Знаете ли вы украинскую ночь? (Н. Гоголь) [3].

2. Пословицы и поговорки: Не в свои сани не садись; Старый друг лучше новых двух; Не стоит овчинка выделки; Не было ни гроша, да вдруг алтын и др.

3. Фразеологизмы: альма-матер, белены объелся, лезть на рожон, игра не стоит свеч, петь лазаря, паче чаяния и др. [4].

Фразеологизмы – наиболее архаичная форма национального языка. В русских пословицах и поговорках используются типичные образы: волк, медведь, конь, лес, болото, хлеб-соль, Бог и др. [9, с. 201-205]. Пословицы и поговорки, являясь отражением мировосприятия народа, его ценностных установок, несут огромный развивающий и воспитывающий потенциал. Приведём ряд методических приёмов при работе с данными языковыми единицами.

1. Написание сочинений-миниатюр.

2. Подбор синонимичных и антонимичных пословиц, фразеологизмов.

3. Группировка фразеологизмов и пословиц по темам [7, с. 16].

Работа с текстом лингвокультурологической и культуроведческой направленности может проводиться в следующей последовательности:

1. Первоначальное осмысление национально-культурной специфики текста, определение его нравственно-ценностной основы посредством анализа лексической наполняемости текста, выявление роли и значения изобразительно-выразительных средств и др.

2. Выполнение на основе текста лексико-грамматических, стилистических и др. заданий в соответствии с задачами, решаемыми на занятиях.

3. Определение ситуации речевого общения, в которой возможно использование содержания текста.

4. Построение на основе текста образцов диалогической и монологической речи.

5. Использование фрагментов текста в процессе реальной коммуникации [11, с. 28 – 29].

Дополнительно к различным заданиям, относящимся к тексту, целесообразно провести дискуссию, вопросами которой могут быть следующие:

– Как вы понимаете слова Д. С. Лихачёва "Жизнь – прежде всего творчество" ?

– Почему важно, какую память человек о себе оставляет?

– В чём смысл жизни?

Источником лингвокультуроведческой информации являются также знания о нормах речевого этикета, фоновые знания, знания о статусе изучаемого языка в мире, его взаимоотношение с родным (белорусским) язы-

ком, знания о грамматической системе изучаемого языка (знания о структуре, семантике и функционировании производных слов, морфологических форм и синтаксических конструкций). На учебных и факультативных занятиях для формирования межкультурной компетенции учащихся могут быть использованы вопросы о роли русского языка в жизни общества: что такое язык в социокультурном аспекте? Какие языки входят в восточнославянскую группу? Какие мировые языки вы знаете? Какова цель организации МАПРЯЛ? Какие правила речевого взаимодействия помогают наладить контакт между собеседниками разных возрастов, национальностей, мировоззренческих установок?

Таким образом, использование в деятельности учителя-словесника на учебных занятиях по русскому языку и литературе концептов, текстов лингвокультурологической направленности может вызвать у обучаемых интерес к русскому языку, формирует русскоговорящую языковую личность в условиях билингвизма.

#### Список использованных источников

1. **Карасик, В. И.** Этноспецифические концепты / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово : Комплекс "Графика", 2004. – С. 59 – 115.
2. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 264 с. – Текст : непосредственный.
3. **Карпушин, С. К.** Русский язык : сборник упражнений, основанных на произведениях русской литературы XIX века : пособие / С. К. Карпушин. – Минск : РИПО, 2019. – 343 с. – Текст : непосредственный.
4. **Лексика и фразеология : справочник для учащихся / сост. Н. Д. Колесник.** – 3-е изд., испр. и доп. – Мозырь : Белый Ветер, 2015. – 36 с. – Текст : непосредственный.
5. **Литвинко, Ф. М.** Методика преподавания русского языка в школе : учеб пособие / Ф. М. Литвинко. – Минск : Вышэйшая школа, 2015. – 448 с. – Текст : непосредственный.
6. **Николаева, Н. В.** Проблемы диалога культур : инновационный аспект / Н. В. Николаева. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 4. – С. 56 – 64.
7. **Никонова, Л. В.** Формирование элементов культуроведческой компетенции на уроках русского языка / Л. В. Никонова. – Текст : непосредственный // Образование в современной школе. – 2011. – № 4. – С. 12 – 19.
8. **Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина ; предисл. В. Аникина; сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин.** – Москва : Художественная литература, 1988. – 431 с. – Текст : непосредственный.
9. **Сабитова, З. К.** Лингвокультурология : учебник / З. К. Сабитова. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 528 с. – Текст : непосредственный.
10. **Словарь синонимов и антонимов для школьников / сост. О. А. Ми-**

хайлова. – Екатеринбург : У-Фактория, 2009. – 512 с. – Текст : непосредственный.

11. Худенко, Л. А. Формирование лингвокультурологической компетенции учащихся. Методические аспекты работы с прецедентными текстами / Л. А. Худенко. – Текст : непосредственный // Народная асвета. – 2012. – № 5. – С. 25 – 29.

12. Этимологический словарь русского языка для школьников / Сост. М. Э. Рут. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 432 с. – Текст : непосредственный.

*Данич Оксана Владимировна*

*УО "Витебский государственный университет имени П. М. Машиерова"*

*e-mail: odanich@mail.ru*

*УДК 373. 3. 016: 81'373*

## **ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**

*Oksana V. Danich*

*Vitebsk State University named after P. M. Mashеров*

### **STUDY OF PHRASEOLOGY AT THE ELEMENTARY SCHOOL OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE CONTEXT OF LINGUOCULTUROLOGY**

*В статье рассматриваются основные направления, касающиеся изучения фразеологии русского языка в начальных классах общеобразовательных школ Республики Беларусь в контексте лингвокультурологии. Анализируется возможность использования фразеологизмов как источников культурных знаний в условиях близкородственного билингвизма.*

*The article discusses the main directions related to the study of the phraseology of the Russian language in the primary grades of secondary schools of the Republic of Belarus in the context of cultural linguistics. The possibility of using phraseological units as sources of cultural knowledge in the context of closely related bilingualism is analyzed.*

*Ключевые слова: фразеологизм, русский язык, белорусский язык, лингвокультурология*

*Key words: phraseology, Russian language, Belarusian language, linguoculturology*

Качественный и количественный рост исследований в области фразеологии превратил её в одну из фундаментальных лингвистических дисциплин. Фразеология как наука имеет очерченное поле исследования, разработанные методы и приемы исследования, углубленное представление о

своем объекте. Изучение фразеологии в синхроническом и диахроническом аспектах позволяет применять самые разнообразные лингвистические методы.

В рамках решения проблем обучения лингвистическим дисциплинам учащихся начальных классов изучение фразеологии имеет не только теоретическое, но и серьезное практическое значение. Особенно важную роль фразеологический состав национального языка призван сыграть в процессе развития общественной коммуникации, в постоянной работе по развитию речевой культуры, в практике совершенствования речевого мастерства носителей языка.

Анализ истории развития фразеологии как особой лингвистической дисциплины показал, что на данный момент существуют достаточно серьезные теоретические предпосылки для изучения семантики фразеологических единиц в рамках антропологической парадигмы, ставящей во главу угла именно человека, его деятельность, поведение, образ жизни, отраженные в языке как в зеркале.

Как уже отмечалось, осознание связи языка и культуры, а также признание антропоцентричности как ведущей парадигмы в области научного знания привели к быстрому развитию дисциплин, изучающих национально-культурный фактор в языке, в нашем случае, лингвокультурологии. Лингвокультурология – межнаучная, "стыковая" дисциплина, синтезирующая все проявления взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры. Как видим, "гуманистический" потенциал данной науки позволяет использовать лингвокультурологические направления в решении проблем национальной самоидентификации подрастающего поколения, формирования его гражданской позиции и духовно-нравственного воспитания в целом [2].

В качестве одного из объектов лингвистического образования младших школьников нами были рассмотрены фразеологические единицы в лингвокультурологическом аспекте. Именно фразеологический состав можно назвать "душой" языка, "душой" народа. Во фразеологии нашли отражение все типы знаний человека о мире и о самом себе. Абсолютная уникальность фразеологизма как языковой единицы – многоплановость, многокомпонентность значения, что позволяет считать его своего рода микротекстом [3]. Несмотря на общепризнанную "кровную" связь языка и культуры, язык может только отображать в своих знаках опосредованные элементы культуры, сохранять же культурную информацию, скорее, способны тексты. Они аккумулируют и транслируют информацию о культурных знаках, т. е. информацию этнографического, исторического, психологического, бихевиористского характера. Поскольку фразеологизмы являются текстами, отражающими общепризнанную взаимосвязь и взаимовлияние языка и культуры, мы можем считать их не только и не столько хранилищем культурной информации, сколько "катализатором" построения и

развития культурно-национального миропонимания и самосознания народа-носителя языка.

Изучение фразеологии в начальной школе носит достаточно однобокий характер, поскольку работа над фразеологизмами сводится, в основном, к анализу их значений. Кроме того, требуют решения вопросы определения принципов отбора фразеологизмов, рекомендованных для знакомства и анализа учащимися начальных классов, недостаточно сформирован корпус научно-методической литературы, сопровождающей образовательный процесс.

Наблюдения за организацией процесса изучения русской фразеологии в ряде общеобразовательных школ позволяют сделать вывод, что учащиеся с трудом ориентируются в устойчивых сочетаниях: не могут быстро, точно употребить нужный фразеологизм в указанном контексте, подменяя его выражением с прямым значением; не понимают образного смысла, выражаемого фразеологизмами, а значит, не способны объяснить его значение и только при наличии предложенного фразеологизмов способны применить их в определенной ситуации; в подавляющем большинстве недостаточно используют фразеологизмы в собственной речи.

Действующие учебные пособия по русскому языку для начальной школы предлагают художественные тексты, в которых содержится достаточно большое количество фразеологизмов, однако работа над ними сводится, в основном, к выяснению их лексического значения. Если говорить о теоретической составляющей, можно утверждать, что учащимся предлагаются лишь начальные, подчеркнута элементарные сведения о фразеологизмах как единицах языка. Практический аспект представлен рядом соответствующих упражнений, однако они направлены, в основном, на усвоение значения фразеологизмов и употребление в речи.

Как видим, существующая система работы над фразеологизмами в начальной школе, да и в среднем и старшем звене явно оставляет "за бортом" богатейший "культурноносный" потенциал фразеологии национального языка, реализация которого становится особенно эффективной в условиях параллельного существования близкородственных языков, формирующих, тем не менее, не идентичную языковую картину мира.

Изложенное выше обусловило актуальность специального внимания к теоретическим и практическим исследованиям в области начального изучения фразеологии в лингвокультурологическом аспекте. Реализуя практический аспект исследуемой проблемы, мы руководствовались тем, что именно фразеологический состав языка является наиболее благодатной почвой для формирования простейших навыков культурологического анализа [1]. Данное положение легло с основу разработки практических заданий и упражнений. Следует помнить, что такие упражнения или их элементы должны присутствовать в той или иной степени при работе с фразеологией, причем любого языка. Особенно актуальной будет эта работа в

условиях близкородственного билингвизма, поскольку целесообразным будет, по нашему мнению, использование компаративного потенциала межъязыковой интерференции, когда существование в языковой картине мира русского и белорусского языков поможет более эффективно пользоваться ресурсами обоих языков, не теряя при этом этнокультурной идентификации. Системная работа в данном направлении должна начинаться с первых уроков русского языка в начальных классах. Кроме того, представляется совершенно необходимым включать работу над фразеологизмами на уроках не только литературного чтения, но и, например, предмета "Человек и мир", "Мая Радзіма – Беларусь" и др. В качестве иллюстрации выказанных положений мы предлагаем включать в канву уроков, как минимум, русского языка в начальной школе следующим образом организованную работу:

1. Назовите фразеологизмы, от которых были образованы следующие пословицы и поговорки.

*Сам кашу заварил, сам её и расхлёбывай; из избы сор не выноси, а в уголок копи; чужими руками жар разгребать легко; за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь; на сердитых воду возят; утопающий хватается за соломинку; хлопот полон рот, а перекусить нечего; тяп-ляп да и корабль; убить бобра – не видать добра; счастье – палка о двух концах; как с гуся вода небывалые слова.*

Попробуйте вспомнить белорусские фразеологизмы, образованные таким же образом. Запишите их по-белорусски.

2. Как вы думаете, что называют следующие слова? Попробуйте найти фразеологизмы, в которых есть эти слова.

*Баня, лапоть, щип, решето, лыко, береста, рожон, сажень, балалайка, обух, верста, бирюльки, аршин, вожжжа.*

Проделайте аналогичную работу со словами белорусского языка.

*Талерка, вуха, вока, польмя, кішэня, твар, вусны, крок.*

3. Распределите предложенные фразеологизмы на две группы. В первую отнесите ФЕ, которые подсказывают нам, как следует себя вести; во вторую – как не следует. Для фразеологизмов второй группы придумайте, в каких случаях их можно употребить.

*Стрельный воробей, и глазом не моргнуть, из-под самого носа, как пить дать, как курица лапой, свернуть шею, до потери пульса, задеть за живое, как за каменной стеной, не помнить себя, не в своей тарелке, вкладывать душу, бросаться в глаза, кровь с молоком, иметь зуб, вытаскивать из грязи, давать ход, тянуть кота за хвост, как сыр в масле кататься, дойти своим умом, ломать голову, забивать голову, пропускать мимо ушей, протянуть руку, звать цену.*

4. Подумайте и ответьте, как бы вы относились к человеку, который ведет себя так, как в следующих фразеологизмах. Свои чувства распределите следующим образом: "раздражение – досада – злость – возмущение –

негодование – гнев – ненависть" или "недовольство – неудовлетворение – неудовольствие – разочарование".

*Без году неделя, с жиру беситься, тёмная лошадка, продать за тридцать серебряников, мешать с грязью, вбивать в голову, плыть по течению, кривить душой, втирать очки, как кость в горле, плевать в душу, высасывать кровь, гладить по головке, свернуть шею, переливать из пустого в порожнее, чесать язык, бросать слова на ветер, толочь воду в ступе, трепать языком, нести околесицу, прятать концы в воду, заткнуть рот, носить на руках, сдувать пыль, ждать у моря погоды.*

5. Определите значение фразеологизмов. Употребите данные фразеологизмы в речи.

*Ахиллесова пята, прокрустово ложе, яблоко раздора, сизифов труд, дамоклов меч, Варфоломеевская ночь, потемкинские деревни, пропал, как швед под Полтавой, Мамаево побоище, Вавилонское столпотворение, запретный плод, козел отпущения, манна небесная, плоть от плоти.*

Попробуйте составить предложения на белорусском языке, используя либо данные фразеологизмы, либо соответствующие им белорусские.

Использование предложенных нами заданий поможет обогатить активный фразеологический запас учащихся, поднять на новую ступень их культуру речи, научить практическому использованию богатства русской фразеологии.

Кроме того, предложенные упражнения способствуют не только сознательному усвоению значения фразеологизмов, но и направлены на создание внутренней мотивации учащихся, благодаря разнообразному характеру, а лингвокультурологическая составляющая поможет национальной самоидентификации. Пролонгированным результатом многоаспектной работы над значением фразеологизма станет способность младших школьников свободно выстраивать собственные речевые стратегии.

#### **Список использованных источников**

1. **Данич, О. В.** Менталитет белорусов и русских (отражение в мифологии, фольклоре, фразеологии) : учеб. -метод. пособие / О. В. Данич. – Витебск : Изд-во УО "ВГУ им. П. М. Машерова", 2004. – 84 с. – Текст : непосредственный.

2. **Маслова, В. А.** Коды лингвокультуры : учеб. пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – 3-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2018. – 177, [1] с. : ил., табл. – Текст : непосредственный.

3. **Телия, В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва : Школа "Языки русской культуры", 1996. – 288 с. – Текст : непосредственный.

*Козловская Маргарита Михайловна*

*УО "Гомельский государственный медицинский университет"*

*e-mail: [almark@tut.by](mailto:almark@tut.by)*

УДК 811. 161. 1'271: 37. 091. 212. 2

## **К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМУ ТЕСТИРОВАНИЮ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

*Marharyta M. Kazlouskaya  
Gomel State Medical University*

### **ON THE QUESTION OF THE FORMATION OF SPEECH CULTURE WHEN PREPARING FOR CENTRALIZED TESTING IN RUSSIAN**

*Данная статья посвящена проблеме формирования речевой культуры, значимой для осуществления успешной профессиональной и непрофессиональной коммуникации. Указаны некоторые нарушения лексических норм, представленные в заданиях централизованного тестирования по русскому языку при поступлении в вузы Республики Беларусь. Рассмотрены распространенные структурные типы плеонастических сочетаний. Предложены методические приемы, создающие условия для роста коммуникативной и социокультурной компетенции и повышающие результативность обучения.*

*Ключевые слова: речевая культура, коммуникативная компетенция, социокультурная компетенция, лексические нормы, плеоназм, русский язык*

*This article is devoted to the problem of the formation of speech culture, which is important for the implementation of successful professional and non-professional communication. Some violations of lexical norms presented in the tasks of centralized testing in the Russian language for admission to universities of the Republic of Belarus are indicated. Common structural types of pleonastic expressions are considered. Methodological techniques that create conditions for the growth of communicative and sociocultural competence and increase the training effective ness are proposed.*

*Keywords: speech culture, communicative competence, sociocultural competence, lexical norms, pleonasm, the Russian language*

Согласно образовательным стандартам, утвержденными Министерством образования Республики Беларусь, в результате освоения учебного предмета "Русский язык" предполагается формирование языковой личности, свободно владеющей русским языком во всех видах речевой деятельности, в избранных сферах применения языка и готовой к эффективному речевому общению [4]. Однако для большей части выпускников средней школы характерен среднелитературный тип речевой культуры, которому свойственно нарушение ортологических, коммуникативных и этических норм вследствие недостаточного владения литературным языком [6, с. 345]. Связи с этим в работе педагога-словесника значимое место долж-

но занимать изучение языковых норм (акцентологических, орфографических, пунктуационных, морфологических, синтаксических и т. д.), несоблюдение которых нарушает правильность, содержательность, точность, ясность речи – важнейшие качества, необходимые для осуществления успешной коммуникации. Кроме того, необходимо помнить о том, что язык является основой профессионального образования, от качества которого зависит уровень подготовки конкретного специалиста, а следовательно, его востребованность и конкурентноспособность на рынке труда. Без знания речевой культуры, без владения языковыми нормами не может быть высококвалифицированного специалиста.

При поступлении в вузы Республики Беларусь абитуриенты сдают централизованное тестирование (далее ЦТ) по русскому языку, одно из заданий которого проверяет умение находить речевые ошибки. Такие ошибки связаны не с построением предложения, а с употреблением слова, т. е. с нарушением лексических норм. Это коммуникативно значимые нарушения, существенно ухудшающие восприятие и понимание речи или отдельного высказывания [5].

Лексические нормы регулируют выбор слов и их значений, характерных и подходящих для данного речевого акта. Спектр нарушений данных норм достаточно широк, но в заданиях ЦТ чаще всего встречаются следующие: употребление слова в несвойственном значении, нарушение лексической сочетаемости, неправильное употребление паронимов, употребление однокоренных (тавтология) или лишних (плеоназм) слов, нарушение в употреблении фразеологических оборотов (изменение значения или состава фразеологизма). Практически в каждом варианте есть предложение, в котором отмечается плеоназм.

Плеоназм – это вид избыточности, состоящий в намеренном или ненамеренном полном или частичном дублировании компонентов высказывания посредством разнокоренных ("нетождественных") лексем или грамматических форм, а также отсутствие семантической и стилистической нагрузки одного из компонентов высказывания [2]. Причины функционирования в речи плеонастических конструкций разнообразны [1]:

1) следование традиции (например, при выражении некоторых типов количественных и пространственных значений в разговорной и канцелярской речи: *час времени, сто рублей денег, в апреле месяце, спуститься вниз с горы*);

2) стремление к полноте сообщаемой информации, связанное с недостатком языковой компетенции, в частности недопониманием значения иноязычных слов и выражений (характерные для просторечия сочетания *предназначено для отдыха и рекреации; актуальное сообщение на злободневную тему; есть свободные вакансии*);

3) создание определённого стилистического эффекта (прежде всего в художественной речи).

Многие учащиеся с трудом находят ошибку в плеонастических выражениях. Прежде всего это связано с недостаточным словарным запасом вследствие низкого уровня общей культуры. Так, в одном из вариантов ЦТ было дано предложение *В программе прозвучат музыкальные сонаты и ноктюрны Шопена*. К сожалению, нынешним абитуриентам мало знакомо и имя великого польского композитора, и названия музыкальных жанров, а значит, ошибка осталась незамеченной. Данный пример подтверждает важность формирования социокультурной компетенции учащихся и необходимость изучения в рамках школьной программы таких предметов, как музыка и мировая художественная культура.

Можно выделить несколько распространенных структурных видов плеонастических сочетаний:

1) сочетание избыточного прилагательного и существительного: *снежная пурга, десятидневная декада, тихое спокойствие, подарочный презент, воздушный аэроплан, религиозное вероисповедание, противозаконное преступление, совместное сотрудничество*;

2) сочетание избыточного числительного и существительного: *первая премьера, первый дебют*;

3) сочетание избыточного местоимения и существительного: *своя (моя) автобиография*;

4) сочетание глагола и избыточного наречия: *упасть вниз, заранее предвидеть, обернуться назад, впервые познакомиться, мысленно подумать*;

5) сочетание глагола и избыточного существительного: *демобилизоваться из армии, госпитализировать в стационар, жестикулировать руками, облизать языком, кивнуть головой*;

6) сочетание глагола и избыточного числительного: *первым лидировать*;

7) сочетание двух существительных, в котором значение одного включено в семантику второго: *отара овец, арсенал оружия, гримаса лица, мимика лица, ладонь руки, трудоустройство на работу*;

8) сочетание синонимических слов (как правило, одной части речи): *поправки и коррективы, длинная и продолжительная речь, имидж и образ*;

9) сочетание избыточного прилагательного и словосочетания: *всеобщее глобальное потепление*;

10) сочетание аббревиатуры и избыточного слова: *СМС-сообщение (СМС – сообщение мобильной связи), линия ЛЭП (ЛЭП – линия электропередачи)*.

11) сочетание избыточного прилагательного и фразеологического оборота: *плохая медвежья услуга, тяжелый сизифов труд, напрасный мартышкин труд, путеводная нить Ариадны*.

Чаще всего выпускники показывают незнание лексического значения заимствованных слов, из-за чего семантическое дублирование ими не

ощущается: *основной лейтмотив, передовой авангард, ручной гандбол, местные аборигены, краткое резюме, цейтнот времени, животная фауна*. Однако плеонастические русскоязычные выражения тоже употребляются нередко: *бесплатный подарок, подпрыгнуть вверх*.

Для предупреждения появления плеоназмов необходима кропотливая работа учащихся как на занятиях по русскому языку, так и вне аудитории, поскольку запомнить одновременно все слова и фразеологизмы невозможно. Целесообразно ведение индивидуального толкового словарика, в котором фиксируются незнакомые лексемы и устойчивые обороты. В течение учебного года в словарные диктанты мы намеренно включаем одно или несколько плеонастических сочетаний и предлагаем учащимся найти ошибочные выражения: например, при изучении двойных согласных рассматриваем пример *юный юннат*, при изучении слов с *пре- / при-* – *неприятный инцидент* (отметим, что во время диктанта учащиеся замечают плеоназм очень редко, так как их внимание сконцентрировано на правописании). При выполнении заданий ЦТ прошлых лет мы рекомендуем составлять словарь плеоназмов, который при необходимости дополняется в процессе обучения. Работая с таким словарем накануне экзамена, абитуриент актуализирует знания, что повышает вероятность правильного ответа на тестировании. Контроль усвоения лексических норм русского языка проводим, используя ролевую игру "Корректор": обучаемым надо исправить все речевые ошибки в заданном тексте (можно дать разные виды недочетов или ограничиться плеоназмом). В качестве примера предлагаем следующий отрывок: *Центр занятости населения в первую десятидневную декаду мая проводит традиционную ярмарку свободных вакансий. Наши специалисты проведут консультации по трудоустройству на работу, помогут составить краткое резюме и заполнить требуемые документы, внесут необходимые поправки и коррективы, чтобы не дублировать дважды одну информацию. Если вы не сможете присутствовать на ярмарке, есть другая альтернатива: вышлите нам свою заявку, и единая автоматическая совокупная база данных позволит подобрать приемлемый для вас вариант с учетом возраста, пола, религиозного вероисповедания. Затем вы получите СМС-сообщение с конкретными предложениями. Отметим, что сейчас на рынке труда востребованы тренеры по ручному гандболу, музыкальные аккомпаниаторы и экологи-эксперты по мониторингу окружающей среды, решению проблем всеобщего глобального потепления, исследованию животной фауны и флоры, оценке видов альтернативной энергетики. Всех участников ярмарки ждут неожиданные сюрпризы и памятные сувениры. Надеемся, что наше взаимное сотрудничество даст желаемый результат.*

Надо отметить, что русский язык постоянно развивается, поэтому некоторые плеонастические сочетания со временем могут стать нормативными. Так, сочетание *реальная действительность* долго было ошибоч-

ным, однако в современных условиях может считаться правильным, так как появилось выражение *виртуальная действительность*, зафиксированное Национальным корпусом русского языка [3] : *И где гарантия, что виртуальная действительность не претендует на первое место в жизни ребенка?* (Ижевская правда, 02.06.2010); *После полной оцифровки всех закоулков нашей планеты стоит ожидать следующего технического прорыва, когда виртуальная действительность станет много мерной* (Комсомольская правда, 28.10.2013).

Таким образом, употребление плеоназма свидетельствует о низком уровне речевой культуры и, нарушая коммуникативную точность речи, оказывает негативное влияние на эффективность межличностного общения. Системная работа по предупреждению речевых ошибок позволяет сформировать необходимые навыки коммуникации и подготовиться к успешной сдаче централизованного тестирования по русскому языку.

### Список использованных источников

1. **Есакова, М. Н.** Плеоназм как явление речевой избыточности / М. Н. Есакова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2012. – № 2. – С. 24 – 31.
2. **Ковалева, Т. А.** Плеоназм в русском языке XXI века: семантический аспект / Т. А. Ковалева. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 4. – С. 158 – 163.
3. Национальный корпус русского языка: [сайт]. – Москва, 2003 – 2021. – URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.02.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
4. Образовательный стандарт учебного предмета "Русский язык": [сайт]. – Минск, 2009. – URL: <http://www.adu.by> (дата обращения: 12.02.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
5. **Садовская, Е. Ю.** Речевые ошибки как фактор коммуникативных неудач в профессиональном общении / Е. Ю. Садовская, Ю. Б. Жидкова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2015. – № 4 (18). – С. 115 – 118.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка: [словарь] / под ред. М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта: Наука, 2006. – 696 с. – ISBN 5-89349-342-7 (Флинта), ISBN 5-02-002791-X (Наука). – Текст : непосредственный.

*Лазуркин Анатолий Анатольевич*

*Витебский филиал Международного института социальных и  
трудовых отношений "МИТСО"*

*e-mail: mvavit@tut. by*

УДК 373. 5. 016

## **ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОЙ ЛИЧНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5 – 9-х КЛАССАХ**

*Anatoly A. Lazurkin*

*Vitebsk branch of the International Institute  
of social and labor relations "MITSO"*

### **FORMATION OF A SPIRITUAL PERSONALITY AT THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN the 5-9th forms**

*В статье показано, что формирование духовной личности должно начинаться со школьных лет. В этот период на внутренний мир человека можно воздействовать средствами русского языка. В качестве вспомогательного средства для этого используется созданный нами комплексный словарь по русскому языку. В статье показана методика работы с данным словарем.*

*Ключевые слова: методика, комплексный словарь, духовность, душа, уроки по языку и русской литературе*

*The article shows that the formation of a spiritual personality should start in school years. During this period, the inner world of a person can be influenced by means of the Russian language. As a secondary means, we use the complex Russian dictionary we have created. The article shows a technique for working with this dictionary.*

*Key words: methodology, complex vocabulary, spirituality, soul, lessons in language and Russian literature*

Духовный мир нации формируется на основе совокупного множества духовных личностей. В центре понимания духовности личности лежит религия. Это важнейшее составляющее духовной жизни общества. В мире нет ни одного народа, у которого не было бы религии. Поэтому духовность нельзя свести только к нравственности, эстетике, искусству, литературе. Связь между культурой и религией очень тесная, она проявляется во всех видах искусства – от "Божественной комедии" А. Данте и романов Ф. И. Достоевского, музыки Баха и Бриттена до социальных идей Вл. Соловьева.

Цель данной статьи – показать, что формирование духовного человека возможно средствами русского языка на уроках по языку и русской литературе.

Для понимания сущности явления **духовный** обратимся к словарным толкованиям данной лексемы. Если в словарях советского времени (словарь Ушакова, четырехтомный академический и др.) в толковании

данной лексемы отсутствовала сема "религиозный", то в словарях конца XX – начала XXI вв. можно наблюдать иную картину. Например, в "Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX века" под редакцией Г. Н. Складневской в смысловой структуре прилагательного **духовный** актуализируется значение, связанное с религиозной составляющей: "Духовный. 1. Рел. Относящийся к духу (Дух 1 (1зн.), связанный с религиозной жизнью человека; относящийся к Богу, вере, церкви. Духовный сан. Духовное звание. 2. В советское время: связанный с идеологией. *Революция янаша была политической, и она была интеллектуальной, духовной.* Федин К. Шаг за шагом" [3, с. 239].

Мы видим, что за последнее столетие лексема **духовный** меняла свое значение, и в современном языковом сознании удерживаются как равноценные – **духовный** = **интеллектуальный** и **духовный** = **религиозный**.

Если в **религиозно-христианском** мироощущении **духовность** неразрывно связана с "внутренним голосом" человека, его совестью, и реализуется в том, чтобы творить добро, любить мир и окружающих людей, то в светской литературе **духовность** относится к области сознания и мышления, является внутренним мотивом деятельности человека. В философско-психологической литературе **духовное** в человеке, как правило, связывается с общественным и творческим характером его жизнедеятельности, с включённостью человека в мир культуры.

**Духовность, духовный** соотносятся с лексемами **душа** и **дух**. С точки зрения богословов, **душа** и **дух** – два начала человеческой сущности, позволяющие ей стать духовной, но они дифференцируются: одно из них означает высшую сторону духовного начала (**дух**), другое – низшую (**душа**); отсюда выражения: **духовный** и **душевный** человек (1 Кор 2, 14-15). **Духовный** – это человек, наделенный божественными качествами, а **душевный** – и человек, способный к сочувствию, сопереживанию.

Поскольку трактовка духа – сложнейшее религиозное понятие, остановимся лишь на понимании души. П. Тейяр де Шарден, величайший мыслитель прошлого века, писал, что человек не может существовать независимо от своей души, душа возвышает человека. Согласно толковым словарям современного русского языка, данная лексема многозначна. **Душа** – 1. Внутренний, психический мир человека, его сознание. *Радостно на душе.* 2. То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами. *Добрая душа* [1, с. 183]. Таким образом, **душа** – это внутренний психический мир человека.

Формирование духовных ценностей у учащихся следует начинать с глубокого понимания лексемы **душа**. Для этого нужно показать, что душа в обыденном языке – это совокупность чувств и эмоциональных состояний человека, что можно доказать следующими примерами устойчивых сочетаний и компонентом **душа**: **душа нараспаику** (об открытом и искреннем человеке); **выматывать душу** (досаждать жалобами, просьбами); **отво-**

*доть душу* (находить утешение, радость); *душа не на месте* (выражает сильное беспокойство, тревогу) и т. д. Как видим, данные выражения обозначают кратковременные и в основном позитивные эмоции.

Как известно, в русском языке устойчивых выражений с компонентом *душа* более ста. Даем в качестве домашнего задания учащимся найти во фразеологическом словаре и выписать 10 – 15 таких выражений.

Мы используем в дополнение к толковому и фразеологическому словарям также составленный нами учебный словарь [2]. Умение пользоваться словарями как источниками информации входит в число базовых в структуре языковой личности. В каждой статье словаря с методической точки зрения интерпретируется интегрированное знание о слове, представленное в виде совокупности формальных и смысловых признаков. Следовательно, наш словарь позиционируется как комплексный, ибо он обеспечивает целостную рефлексию.

Нами разработана концепция комплексного учебного словаря и создан такой словарь по русскому языку, где в одной словарной статье объединены данные ряда лингвистических словарей (орфографических, толковых, этимологических, морфемных, антонимических, синонимических, фразеологических, лингвокультурологических, словарей трудностей и др.). Это как раз находится в русле современного пути к интегрированию знаний. Данный словарь был опубликован в Республике Беларусь.

Непосредственно на уроках русского языка мы прорабатываем с учениками такие статьи словаря, которые способны формировать духовность – *совесть, величина* (в значении "выдающийся человек"), *искусство, достоинство, исповедь, репутация* и др. Таких статей в нашем словаре около 30 процентов.

Например, знакомя учащихся со словом *достоинство*, мы не просто даем его толкование и грамматические характеристики, антонимы, синонимы, частотную сочетаемость – *национальное достоинство, человеческое достоинство* и др., фразеологизмы – *держаться с достоинством, ниже своего достоинства* и др., но и приводим тексты на русском и белорусском языках, в которых лексема *достоинство (годнасць)* является ключевой, рассматриваем стилистические характеристики данных текстов, их дополнительные, глубинные смыслы. Так, на русском языке приводим стихотворение Б. Окуджавы:

*Совесть, Благодество и Достоинство –  
Вот оно. Святое наше воинство....*

На белорусском материале знакомимся со стихотворением А. Фігара:  
*...Мы ішпчам: вера і адданаць,  
Радзіма, годнасць і жыццё.*

В качестве домашнего задания предлагаем составить текст на понимание выражения *чувство собственного достоинства*. Просим привести пример из жизни, в котором было бы уместно говорить об этом качестве

человека. Контрольный срез, проведенный весной в 9-ом классе, показал, что учащиеся спокойно апеллируют данными понятиями, понимают их сущность.

Таким образом, процесс формирования духовного человека может быть успешно решен на уроках русского языка.

#### **Список использованных источников**

1. **Морковкин, В. В.** Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века, 2016. – 1456 с. – Текст : непосредственный.

2. **Николаенко С. В., Лазуркин А. А.** Комплексный учебный словарь по русскому языку (с практической частью). – Витебск : Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2018. – 160 с. – Текст : непосредственный.

3. Толковый словарь современного русского языка: Языковые изменения конца XX века / Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед. ; под редакцией Г. Н. Скляревской. – Москва : Астрель : АСТ, 2001. – 894 с. – Текст : непосредственный.

*Полежаева Светлана Серафимовна*

*Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко  
e-mail: [svetlanapolejaeva1506@mail.ru](mailto:svetlanapolejaeva1506@mail.ru)*

*УДК 8.80*

## **ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ РУССКОГО МИРА В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ**

*Svetlana S. Polezhaeva*

*T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University*

### **LINGUOCULTUREMAS OF THE RUSSIAN WORLD IN THE EDUCATIONAL LITERATURE OF THE PHILOLOGICAL ORIENTATION OF PRIDNESTROVIE**

*В статье описаны структурные типы лингвокультурем, отраженные в учебниках по русскому языку и учебнике-хрестоматии по литературе родного края, которые используются в образовательной системе Приднестровья – государства, находящегося в зоне славянского и неславянского пограничья. Обосно-*

*The article describes the structural types of linguoculturisms reflected in textbooks on the Russian language and the textbook-anthology on the literature of the native land, which are used in the educational system of Pridnestrovie – a state located in the zone of the Slavic and non-Slavic borderlands. The idea of the domi-*

*вывается идея доминирующего влияния русского мира на формирование приднестровской русскоговорящей языковой личности.*

*Ключевые слова: лингвокультурема, Приднестровье, русский язык, литература, учебник, филологическое образование*

*nant influence of the Russian world on the formation of the Pridnestrovian Russian-speaking language personality is substantiated.*

*Keywords: linguoculturema, Pridnestrovie, Russian language, literature, textbook, philological education*

В Приднестровье – многонациональном государственном образовании – сосуществует более тридцати национальностей [7]. Эта маленькая по территории страна, не признанная де-юре, но существующая де-факто, граничит с Молдовой и Украиной. Безусловно, тесное единство проживающих здесь народов обуславливает тенденции к взаимопроникновению элементов культуры и языков как ее составляющей. Более четверти века в качестве официальных функционируют три языка – молдавский, русский и украинский. Находясь в зоне пограничья – славянского и неславянского, – приднестровская ментальность приобретает специфические черты, в основе своей базирующиеся на понятии "русскость". Хотя территориально Приднестровская Молдавская Республика не граничит с Россией, но исторически она – детище Российской империи. Именно русская императрица Екатерина II своим высочайшим указом узаконила воздвижение военной крепости, впоследствии ставшей первоосновой города Тирасполя, нынешней столицы Приднестровья. Таким образом, у нас вполне реализуется хужожественная формула "здесь русский дух, здесь Русью пахнет".

Образовательная система Приднестровья отмечена тем, что процесс обучения в организациях образования ведется на трех официальных языках. На одном из них – обучение по всем предметам, а другой язык (по выбору обучающегося) изучается в качестве официального. Таким образом, у учащихся формируется толерантное отношение ко всем языкам, воспитывается уважительное отношение к разным народам и их культурам.

В данной статье рассмотрим культурно-языковой материал, отраженный на страницах учебников по русскому языку и учебника-хрестоматии по литературе родного края, в аспекте формирования русскоговорящей языковой личности многонационального приднестровского сообщества. Нас интересуют культурно-языковые доминанты, представляющие русский мир, посредством которых в многонациональной среде ученического класса воспитывается уважительное отношение к русскому народу и его языку. В качестве культурно-языковой единицы, воплощающей идею "русскости", нами выбрана лингвокультурема.

**Лингвокультурема** – этнически значимые языковые единицы. В них отражаются особенности того или иного народа, их типичные черты, уникальная культура, не похожая во многом на культуры других народов. Это комплексная межуровневая единица, включающая в план содержания языковое значение и внеязыковой культурный смысл, представляемые соот-

ветствующим языковым знаком в их единстве. Термин "лингвокультурема" и такое его понимание предложено В. В. Воробьевым [3]. Исследуемый нами учебный материал в полной мере отражает языковые единицы, реализующие "диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания" [4, с. 45].

Опираясь на классификацию структурных типов лингвокультурум, разработанную В. В. Воробьевым [4], мы проанализировали их реализацию в текстах упражнений учебников по русскому языку [2; 5; 9], которые используются в приднестровском образовательном пространстве, и соотнесли их с материалом учебника-хрестоматии по литературе родного края [8], составленного на основе литературных текстов, написанных приднестровскими авторами. (Оставляя за скобками комментарии о том, что сопоставление фактического содержательного материала учебников по русскому языку и учебника-хрестоматии по литературе не вполне логично, мы полагаем, что такого рода анализ все-таки может дать обоснованное представление об отражении лингвокультурум русского мира в целом в филологическом сегменте приднестровской системы образования). **Цель** – представить лингвокультуремы русского мира (вербализованные в структурных типах "слово", "словосочетание", "текст"), формирующие культурно-языковое сознание приднестровских учащихся при изучении ими русского языка и литературы родного края.

***Первый структурный тип: лингвокультурема – слово.***

В учебнике по русскому языку [5] в значительной мере отражаются языковые единицы, характеризующие русский мир. Не все из них можно в полном смысле отнести к лингвокультуремам, однако они достаточно показательны в учебнике (и в содержательном, и в количественном отношении), так как прививают ученикам любовь ко всему русскому, формируют уважительное отношение к русскому народу, его языку, культуре, традициям. Так, в учебнике есть ряд упражнений, в которых отражены фрагменты текстов А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. И. Тютчева, К. Г. Паустовского и др. В большинстве заданий текстовый материал является иллюстрацией к грамматическим, стилистическим и лексическим темам. Обратимся к лингвокультуреме *береза*. Ср. :

***Упражнение 244. Прочитайте текст. Назовите основные средства создания художественной выразительности. Укажите связь предложений и виды связи в тексте. Подчеркните сказуемое в выделенном предложении.***

*Рассказывать ли про березовый лес? Рассказывать ли про саму березу? Нет дерева, растущего на территории России, включая и рябину с черемухой, которым так повезло бы и в фольклоре, и в настоящей литературе, и в живописи, и даже в музыке. <...> **Береза** достойна своей многоголосой и прочной славы, и заслужила она ее в общем-то бескорыстно...* (В. Солоухин) [5, с. 144].

Как видно из фрагмента текста В. Солоухина, береза – дерево, имеющее глубоко символический для России смысл. Лексему "**береза**" можно, на наш взгляд, отнести к лингвокультуремам. В славянской мифологии берёзу почитали, прежде всего, как символ русалок, берегинь – добрых, светлых, помогающих человеку духов (связаны со словами "беречь", "оберегать"). Этимологическая составляющая свидетельствует, что в "генетической памяти" русских заложен код "берёзы", которая не только согревала, мыла, лечила русского человека, но и освещала, украшала его жизнь. "В русской культуре в слове "берёза" концептуализирована своеобразная духовная ценность – это "поэтический символ русской земли" [1, с. 164].

У приднестровских авторов, тексты которых представлены в учебнике-хрестоматии по литературе родного края [8], мы также обнаруживаем данную лингвокультурема-слово.

Ср. :

*Соблюдая строй двухрядный строгий,  
И храня вечерней тишины закат,  
Белые березы вдоль дороги  
За околицей Тирасполя стоят.*

*А они стоят, года считая,  
Кучерявым, четким строем в два ряда,  
В землю приднестровскую врасстая,  
Подмосковными корнями навсегда.*

(В. Маслов. Белые березы) [8, с. 88]

В данном фрагменте явно прослеживается связь Приднестровья и России, одним из символов которой является береза.

**Второй структурный тип: лингвокультурема – словосочетание.**

В упражнении 411 [2, с. 248] представлен фрагмент путевого очерка В. Распутина "Поле Куликово", учащимся предложено выявить языковые особенности текста. Словосочетание "**путь русской судьбины**", использованное автором, по нашему мнению, можно считать лингвокультуремой, так как содержит один из ключевых для русского языкового сознания концептов – судьба. Показательно, что В. Распутин представляет судьбу метафорически и многомерно – это одновременно и активное начало, живое существо, рассматриваемое во временных и пространственных координатах, и пассивное начало, предмет, объект действия самого человека. Для русской ментальности показателен такой факт: понятие, вербализованное в лексеме "судьба", нередко семантически трансформируется в понятия, называемые дериватами "судьбина", "судьбинushка", имеющими яркую стилистическую маркированность и функционирующими в народно-поэтическом языке. Это говорит о высокой степени эмоционального восприятия и осмысления понятия "судьба" носителями русского языка. В традиционной русской лингвокультуре, в менталитете русского народа понимание судьбы представляется как суд, отношение к происходящим в жизни человека событиям как к наказанию и возможности искупления, изменения человека, преодоления им самого себя [6].

Аналогичное метафорическое представление лексемы *судьбина*, употребленной в словосочетании "**судьбины соты**", наблюдаем в стихотворе-

нии приднестровской поэтессы Ларисы Стойловой "Родина", ср. следующий фрагмент:

*Родина моя, твои заботы  
Мне на сердце тяжестью легли.  
Родина моя, твоей судьбины сомы  
Медом бы наполниться смогли.*

(Л. Стойлова. Родина) [8, с. 7].

**Третий структурный тип: лингвокультурема – текст.**

К данному структурному типу лингвокультурем мы относим сложные синтаксические целые – замкнутую группу предложений, объединенных смысловой и синтаксической связью, служащих для развития единой темы [5, с. 338], т. е. текстовые объединения, отражающие определенную идею. В учебнике по русскому языку, на наш взгляд, отражены подобные контексты. К примеру, идея любви к русскому слову пронизывает следующий фрагмент текста "Русский язык" из книги Д. С. Лихачева "Заметки и наблюдения", приведенный в упражнении 24, ср. :

*О русском языке как о языке народа писалось много. Это один из совершеннейших языков мира, язык, развивавшийся в течение более тысячелетия, давший в XIX веке лучшую в мире литературу и поэзию. Тургенев говорил о русском языке: "... нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!"... [9, с. 17].*

О родном русском слове – о русском языке – пишет приднестровский автор Леонид Литвиненко. Из его стихотворения "Мой русский", которое мы трактуем как лингвокультурему-текст, приведем лишь один из фрагментов (в целом стихотворение содержит шесть строф), ср. :

*Я знал, что в жизни сложной и кипучей  
(Я это чувство существом постиг)  
Живет всегда великий и могучий,  
Всегда свободный пушкинский язык.  
<...>  
Среди обид отчаянно трескучих  
Я знаю: только истина права!  
Вставай, язык! И, если ты могучий,  
Стряхни, стряхни те злобные слова!  
Глаголом жги! Учи неправду видеть!  
Как прежде, сердце напои огнем.  
И как бы ни пытались нас обидеть,  
Мы все равно с тобой не пропадем!*

(Л. Литвиненко. Мой русский) [8, с. 16 – 17].

В стихотворении явны реминисценции – приведены известные строки из произведений А. С. Пушкина, И. С. Тургенева. Обратим внимание, что автор назвал стихотворение "Мой русский", напрямую отождествляя себя,

приднестровца, с русским человеком, для которого родным является русский язык.

Ключевые понятия, на которых держатся приведенные фрагменты (и прозаический, и поэтический), – "народ", "язык", "родное слово", "русский язык", – как нам представляется, формируют лингвокультураны-тексты.

**Подытожим наши рассуждения.** В приведенных примерах из учебников по русскому языку, изданных в Российской Федерации, и учебника-хрестоматии по литературе родного края, изданного в Приднестровье, отражены лингвокультураны трех структурных типов, отмеченных в классификации В. В. Воробьева. Это языковые единицы, отображающие русский мир, характеризующие некоторые его ключевые понятия, дающие представление о нравственных, духовных доминантах русского человека. Важным является то, что анализируемые лингвокультурологические факты характерны и для приднестровского народа. Приднестровская сфера образования определяется российскими образовательными стандартами, отсюда – возможность и обязательность включения в учебный процесс приднестровских организаций образования российских учебников. Представление культурно-языкового материала в параллели двух дисциплин ("русский язык" / "литература") позволяет увидеть целостную картину преподавания филологических дисциплин в указанном аспекте. Лингвокультурные феномены, которые репрезентируются в учебниках по русскому языку и в учебнике-хрестоматии по литературе родного края, используемых в приднестровском образовательном пространстве, отражают менталитет русского и приднестровского (многонационального) народов, способствуют воспитанию у учащихся разных национальностей уважительного отношения к русскому человеку, любви к России, формированию у русскоязычной личности знаний об этой близкой нам по духу стране.

#### **Список использованных источников**

1. **Брагина, А. А.** Русское слово в языках мира : Книга для внеклассного чтения / А. А. Брагина. – Москва : Просвещение, 1978. – Серия "Мир знаний". – Текст : непосредственный.
2. **Власенков, А. И.** Русский язык. Грамматика. Текст. Стили речи : учебное пособие для 10 – 11 классов общеобразовательных учреждений / А. И. Власенков, Л. М. Рыбченкова. – Москва : Просвещение, 2001. – Текст : непосредственный.
3. **Воробьев, В. В.** Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – Москва : Изд-во РУДН, 2008. – 320 с. – Текст : непосредственный.
4. **Воробьев, В. В.** Лингвокультурология: теория и методы / В. В. Воробьев. – Москва : Изд-во Российского университета дружбы народов. 1997. – 331 с. – Текст: непосредственный.
5. **Гольцова, Н. Г.** Русский язык. 10 – 11 классы : учебник для общеобразовательных учреждений / Н. Г. Гольцова, И. В. Шамшин, М. А. Ми-

шерина. – 8-е изд. – Москва : ООО "ТИД "Русское слово – РС"", 2011. – 448 с. – Текст : непосредственный.

6. **Жданова, Н. В.** Концепт "судьба" в русском и английском языках / Н. В. Жданова. – Текст : непосредственный // Вестник Новгородского государственного университета. – 2006. – № 36.

7. История Приднестровской Молдавской Республики. В 3 т. Т. 1. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2000. – Текст : непосредственный.

8. Литература Приднестровья (Литература родного края) : учебник-хрестоматия. 7 – 9 классы : учебник для организаций общего образования / Авт.-сост.: Т. А. Арабаджи, И. Л. Павловская. – Тирасполь : ПГИРО, 2011. – 188 с. – Текст : непосредственный.

9. Русский язык. 9 класс : учеб. для общеобразоват. организаций / Л. А. Тростенцова, Т. А. Ладыженская, А. Д. Дейкина, О. М. Александрова ; науч. ред. Н. М. Шанский. – Москва : Просвещение, 2014. – 207 с. – Текст : непосредственный.

***Пустовойтов Виктор Николаевич,  
Николаева Людмила Викторовна***

*<sup>1</sup>ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет  
имени академика И. Г. Петровского"  
e-mail: vnprnov@gmail.com*

*<sup>2</sup>ГБОУ г. Москвы "Школа № 45 имени Л.И. Мильграма"  
e-mail: ludmilarin@yandex.ru*

УДК 372.881.161.1 : 37.022

## **МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННО-ГРУППОВОЙ РАБОТЫ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

***Viktor N. Pustovoitov***

*<sup>1</sup>Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky  
Lyudmila V. Nikolaeva*

*<sup>2</sup>School No 45 named after L.I. Milgram, Moscow*

## **METHODIC ASPECTS OF ORGANIZATION OF DIFFERENTIATED GROUP ACTIVITY OF SCHOOLCHILDREN IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS**

*В статье подчеркнута значимость  
уровневой групповой работы в обеспе-  
чении образовательных достижений  
школьников в процессе обучения рус-  
скому языку. Обоснована адаптивная*

*The article emphasizes the importance of the  
level group activity of schoolchildren. This  
form of education allows you to ensure the  
educational achievements of students in the  
process of teaching the Russian language.*

*структура урока русского языка на основе использования дифференцированно-групповой работы учащихся. Показано на конкретных примерах содержание технологических карт для организации уровневой групповой работы школьников в обучении русскому языку.*

*The adaptive structure of the Russian language lesson has been substantiated. The basis of the structure of the lesson is the differentiated group activity of students. The content of technological maps for the organization of level group activity of schoolchildren in teaching the Russian language is shown with specific examples.*

*Ключевые слова: качество обучения русскому языку, индивидуализация образования, групповая работа, технологическая карта*

*Key words: quality of teaching the Russian language, individualization of education, group activity, technological map*

Учебный предмет "Русский язык" входит в число базовых общеобразовательных учебных предметов, обязателен для изучения во всех общеобразовательных школах Российской Федерации. Его изучение, помимо собственно предметной значимости, имеет и большое воспитательное значение – русский язык как ключевой компонент российской культуры несет на себе функцию обеспечения межнационального общения, взаимосвязи всех народов и этносов, проживающих на территории России [1], обеспечивает личностную идентичность [2].

В процессе обучения предмету учитель русского языка современной школы сталкивается с целым рядом противоречий. Назовем три из них, наиболее важные, на наш взгляд, в дидактическом аспекте:

– обучение русскому языку, де-юре, призвано обеспечить достижение личностных, метапредметных и предметных результатов в объеме, заданном требованиями федеральных государственных образовательных стандартов общего образования. В то же время, де-факто, от учителя русского языка требуется узконаправленная предметная подготовка учащихся, поскольку задания государственной итоговой аттестации по русскому языку не проверяют в должной мере сформированность личностных и метапредметных качеств у выпускников школы;

– стремительно нарастающая глобализация и информатизация жизни современного человека, востребованность потенциала каждой личности в современном обществе требуют от школы учета индивидуальных особенностей учащихся, ориентации на адресность обучения, в том числе – обучения русскому языку. Особое требование предъявляется к формированию у обучаемых навыков коммуникации. Однако содержание школьного курса русского языка недостаточно учитывает интересы современного молодого поколения, уровень развития межкультурного взаимодействия; учебный процесс, как правило, протекает в условиях классно-урочной системы обучения, что вызывает множество трудностей в реализации идей индивидуализации обучения;

– государство, общество, отмечая высокую воспитательную значимость русского языка, его мета-значение для формирования у граждан России патриотизма, в последние десятилетия фактически очень мало прилагали усилий для культивирования русского языка в молодежной среде. Итог – многие нормативные позиции русского литературного языка не воспринимаются молодым поколением, рассматриваются как анахронизм. Учитель-словесник призван нести культуру традиционного русского языка и, одновременно, говорить на языке современной молодежи.

Каждое из обозначенных противоречий, очевидно, задает особое проблемное поле, требует системного подхода в своем разрешении на основе интеграции усилий государственных и общественных структур, научного сообщества филологов, психологов, педагогов, учителей-практиков. Единым условием разрешения обозначенных противоречий видится обеспечение качества обучения русскому языку с учетом современного и перспективного развития общества.

Качество образовательной подготовки обучаемых по русскому языку зависит от многих факторов – это бесспорно. Однако ключевую роль в формировании языковой культуры обучаемых играет учитель русского языка – именно он целенаправленно ведет обучение литературному русскому языку. *Система работы учителя*, в конечном итоге, определяет качество использования личностью языковых средств, языковую грамотность выпускников школ. Как следствие, система работы учителя русского языка должна гарантированно предопределять требуемый субъектами обучения, обществом и государством результат обучения.

Данная система включает в себя множество факторов, среди которых: личностные отношения, методика и метода работы учителя, технологизация процесса обучения. Особое место в системе занимает блок целеполагания – для обеспечения качества образования современной учитель русского языка должен однозначно ответить для себя, как минимум, на следующие вопросы: "Учить русскому языку учащихся или готовить их к государственной итоговой аттестации? Чему учить современного школьника с учетом его интересов и требованиями общества? Как учить русскому языку в условиях классно-урочной системы и цифровизации образования?". Ответы на данные вопросы, очевидно, определяют условия обеспечения качества обучения школьников русскому языку в современных условиях.

Качество общего образования в целом, и обучения русскому языку в частности, неразрывно связано с достижением *метапредметных и личностных результатов обучения школьников* (заметим, что образовательные результаты и процесс их достижения учащимся всегда индивидуализированы). Формирование личностных качеств и универсальных учебных действий имеет большое значение для качественного владения учащимся языковыми средствами: познавательные, коммуникативные и регулятивные универсальные учебные действия дают возможность школьнику гра-

можно изложить свою мысль, эффективно организовать коммуникацию, диалог.

Важным инструментом в обеспечении адресности урока русского языка в условиях достижения требований ФГОС выступает конструирование урока, его структура.

Структура традиционного комбинированного урока (данный вид урока, как свидетельствует практика, чаще всего используется учителями русского языка в общеобразовательной школе) подчиняется логике познавательного процесса: восприятие → осмысление → применение. Комбинированный урок включает в себя, как известно, ряд последовательно реализуемых этапов: организационный момент, проверка домашнего задания, актуализация полученных ранее учащимися знаний и навыков, объяснение нового учебного материала, первичное закрепление изучаемого, закрепление-систематизация, подведение итогов урока, сообщение задания на дом, комментарии к его выполнению (в современной методической литературе названия этапов вариативны, однако их сущность в контексте логики познавательного процесса остается неизменной). При реализации данной структуры урока учащемуся предоставляется крайне мало возможностей для самовыражения и самостоятельной деятельности. Тем самым, *гарантированное индивидуализированное* достижение личностных и метапредметных результатов обучения русскому языку зависит только от мастерства учителя, что не удовлетворяет условиям технологичности обеспечения качества образования. Отметим, что учителями русского языка используются различные приемы и технологии, направленные на индивидуализацию процесса обучения. Однако в условиях существующей высокой наполняемости класса, загруженности учителя подготовкой отчетности, эффективная индивидуализация остается "штучной", целиком зависящей от конкретных условий работы школы, конкретного учителя русского языка.

В качестве средства преодоления названных недостатков традиционной структуры урока русского языка можно предложить адаптивную конструкцию урока (Рис. 1). В данной структуре урока особое место занимает *уровневая групповая (дифференцированно-групповая) работа* учащихся, в основу которой положен учет уровня сформированности у школьников познавательной самостоятельности как ключевого метапредметного качества личности [3, 4].

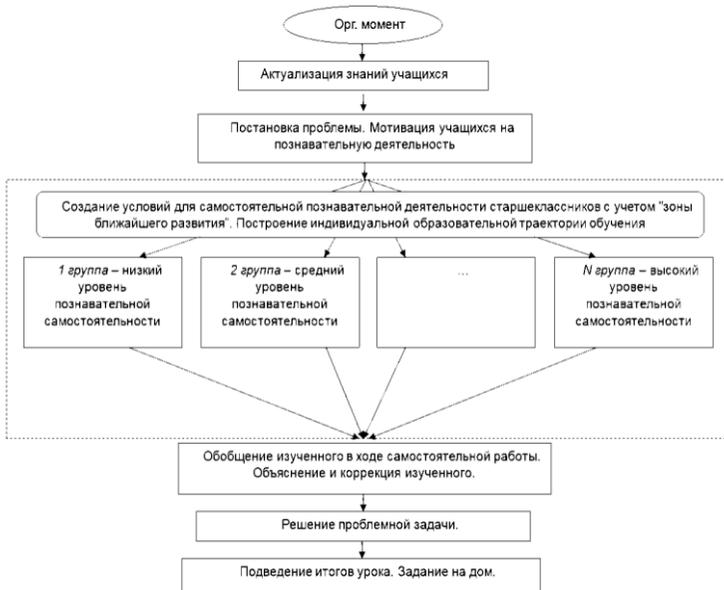


Рисунок 1. – Адаптивная структура урока русского языка

В ходе уровневой групповой работы:

- реализуется возможность более полного удовлетворения потребности учащихся в общении по проблемам обучения; усиливается положительная эмоциональная окраска учебной деятельности, повышаются интерес к познанию, уровень продуктивности деятельности у всех учащихся;
- создаются реальные условия для формирования коммуникативных и регулятивных универсальных учебных действий; изменяется смысл познавательной деятельности школьников – появляются дополнительные мотивы учения (например, "самовыражение в группе", "не подвести свою группу"), значительно увеличивается активность учащихся (эффект "коллективной ответственности", исчезает боязнь неправильного ответа);
- появляется возможность влияния на волевые качества учащихся за счет регулирования состава рабочих групп (всегда есть возможность подобрать референтную для учащегося группу);
- учащимся предоставляется реальная возможность обмена опытом обработки информации (тем самым, вносится вклад в формирование познавательных универсальных учебных действий);
- создается благоприятная ситуация для эффективного осмысления учебного материала каждым учащимся (с точки зрения теории поэтапного формирования знаний наиболее эффективное усвоение материала осуществляется в форме внешней речи для других, что способствует осознан-

ному, глубокому осмыслению, выделению существенного, обобщению знаний, которыми в будущем ученик будет оперировать);

– реализуется возможность учета индивидуальных особенностей каждого учащегося: как в содержании обучения русскому языку – каждому учащемуся предлагается лично значимый материал с учетом его интересов и образовательных достижений, так и в развитии организационных умений ведения самостоятельной познавательной деятельности – постановка цели деятельности, определение ее значения, выделение способов достижения цели, предполагаемые трудности достижения цели, контроль успешности продвижения к цели и др.

Тем самым, дифференцированно-групповая работа выступает эффективной формой обучения русскому языку школьников в контексте достижения предметных требований, формирования универсальных учебных действий и личностных качеств обучаемых.

Среди условий эффективности применения дифференцированно-группового обучения можно выделить следующие:

- совместимость мотивационно-волевых характеристик членов группы (в идеале группа должна быть референтной для всех ее участников);

- определяющей является постановка цели деятельности: кооперативная (цель, достичь которую можно только при совместной работе) или соревновательная (цель, достичь которую можно только соревнуясь друг с другом);

- ограничение времени работы, по данным многих исследований, оказывает положительное влияние на эффективность применения групповых форм деятельности;

- степень результативности групповой деятельности зависит от численности группы (4-5 человек).

Дифференцированно-групповая работа учащихся на уроке в обучении русскому языку используется учителями-словесниками преимущественно на этапе закрепления. Данный вид работы хорошо методически разработан. В практике обучения русскому языку в школе зарекомендовала себя следующая последовательность этапов реализации групповых форм работы учащихся на уроке:

1. предварительная подготовка учащихся к выполнению группового задания, постановка учебных задач, краткий инструктаж учителя;

2. обсуждение и составление плана выполнения учебного задания в группе, определение способов его решения (ориентировочная деятельность), распределение обязанностей;

3. работа по выполнению учебного задания; наблюдение учителя, корректировка работы группы и отдельных учащихся;

4. взаимная проверка и контроль выполнения задания в группе;

5. сообщение учащихся о полученных результатах, общая дискуссия в классе под руководством учителя, дополнение и исправление, дополнительная информация учителя, формулировка окончательных выводов;

6. индивидуальная оценка работы групп и класса в целом.

Групповая форма работы может быть применена на различных этапах изучения материала в рамках классно-урочной системы обучения. Представляется обоснованным с целью целенаправленного формирования метапредметных и личностных результатов обучения русскому языку использовать дифференцированно-групповую работу школьников на этапе изучения нового материала. Очевидно, что в таком случае организация групповой работы учащихся на уроке требует от учителя-словесника навыков проектирования содержания самостоятельной познавательной деятельности школьников, подготовки заданий учащимся в соответствии с уровнем их учебных достижений по русскому языку.

Приведем примеры возможного содержания технологических карт для организации на уроке разноуровневой работы учащихся *на этапе изучения нового материала*.

Учащимся с низким уровнем образовательных достижений (в том числе – предметных знаний, умений и навыков) в технологической карте, например, может быть предложено следующее задание:

Заполните пропуски, руководствуясь образцом.

заб...*рать* (и|е?)

1. Определяем корень и суффикс в данном слове

$\overset{\wedge}{\text{ЗАБ...РАТЬ}}$

2.Используем правило: "В корнях с чередующимися гласными *-бер-|-бир-* гласная *и* пишется, если в слове есть суффикс *а*, в других случаях пишется гласная *е*".

3. В предложенном слове есть суффикс *а*, следовательно, пишем в корне гласную *и*: *забирать*.

заб...*ру* (и|е?)

1. Определяем корень и суффикс в данном слове

заб... $\overset{\wedge}{\text{ру}}$

2.Используем правило: "В корнях с чередующимися гласными *-бер-|-бир-* гласная ... пишется, ..., в других случаях пишется гласная ...".

3. В предложенном слове ... , следовательно, пишем в корне гласную ...: .....

Выполняя предложенное задание, учащиеся работают преимущественно на доступном им репродуктивном уровне; опираются на сформированные ранее предметные и метапредметные знания и навыки.

Задания, предусматривающие предварительный отбор необходимых знаний, методов работы и обработки информации, использование дополнительных сведений, составляют базу для работы учащихся на частично-поисковом уровне. Учащимся со средним уровнем образовательных достижений могут быть предложены задания следующего типа:

Прочитайте правило: "В корнях с чередующимися гласными *-бер-|-бир-, -пер-|-пир-, -дер-|-дир-, -мер-|-мир-, -стел-|-стил-, -стер-|-стир-, -жиг-|-жег-, -блест-|-блист-* и др. гласная *и* пишется, если в слове есть суффикс *а*, в других случаях пишется гласная *е*".

Используя правило, сгруппируйте слова:

*Бл...стящий, проб...раться, выт...рать, зап...реть, зам...рать, пе-реб...ру, пост...лю, приб...рать, выт...р, зем...рло, ст...реть, бл...стящий, зат...рает, обж...гать, раст...лался, уп...раются, раст...лив.*

Для учащихся с высоким уровнем образовательных достижений предлагаются, как правило, задания исследовательского уровня: установить некоторую закономерность, применить нестандартный подход для сведения решения поставленного задания к известному, отобрать наиболее рациональный метод поиска информации в дополнительной и справочной литературе и др. На исследовательский уровень познавательной деятельности учащегося выводит, например, следующее задание:

Рассмотрите две группы слов. Выясните, по какому признаку сгруппированы слова? Сформулируйте правило написания чередующихся гласных в корнях слов.

<i>бл...стящий, зап...реть, пе-реб...ру, пост...лю, выт...р, зем...рло, ст...реть, зат...рает</i>	<i>проб...раться, выт...рать, зам...рать, приб...рать, раст...лался, обж...гает, уп...раются</i>
---	--

Подводя итог сказанному, отметим: дифференцированно-групповая работа учащихся в процессе обучения русскому языку в школе имеет большой потенциал. Опираясь в ее организации на принципы гуманизации и демократизации обучения русскому языку, адекватности содержания обучения предмету требованиям ФГОС, объективности и всесторонности учета уровня общественно-культурного развития общества, сочетания индивидуально-адресного характера подготовки и единства требований к классу, группе учащихся, а также систематичности и вариативности использования отдельных моделей и форм обучения, учитель-словесник имеет возможность обеспечить требуемое качество обучения русскому языку современных школьников.

### Список использованных источников

1. Гукаленко, О. В., Пустовойтов, В. Н. Социальная безопасность молодежи в поликультурном пространстве России / О. В. Гукаленко, В. Н. Пустовойтов. – Текст : непосредственный // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. – 2018. – № 2. – С. 16-23.
2. Пустовойтова, Л. В. Диалектные формы языка как средство формирования национальной идентичности личности / Л. В. Пустовойтова. – Текст : непосредственный // Россия и славянские народы в XIX-XXI вв.:

сборник статей. Материалы международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 2 марта 2019 г.). Ч. 2. / Под ред. В. В. Мищенко, Т. А. Мищенко, С. П. Куркина. – Брянск: ООО "Аверс", 2019. – 140 с. – С. 82-86.

3. **Пустовойтов, В. Н.** Теория и практика формирования познавательной компетентности старшеклассников в процессе обучения математике : диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.02 / В. Н. Пустовойтов; ФГБОУ ВПО "Московский государственный университет". – Москва, 2013. – 435 с.

**Borisenkov, V., Gukalenko, O., Pustovoitov, V.** The formation of metasubject skills of students in the information educational space / V. Borisenkov, O. Gukalenko, V. Pustovoitov // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. – 2019. – Т. LXIX. – Pp. 190-195.

*Слизкова Марианна Владимировна*

*Южно-Российский государственный политехнический университет  
имени М. И. Платова  
e-mail: ruslo74@mail.ru*

УДК 81. 38: 389

## **ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК МЕТОД ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ**

*Marianna V. Slizkova*

*Platov South-Russian State Polytechnic University*

### **THE PROBLEMS AND ASPECTS OF THE RUSSIAN LANGUAGE POPULARIZATION**

*Анализируется проблема состояния и сохранения русского языка в аспекте его популяризации. Рассматриваются эффективные способы просветительской деятельности, распространения лингвистических знаний.*

*Ключевые слова: популяризация русского языка, распространение лингвистических знаний*

*The article considers the problem of the Russian language status and maintenance in the aspect of its popularization. We analyze the effective methods of educational activity and propagation of linguistic knowledge.*

*Keywords: popularization of the Russian language, propagation of linguistic knowledge*

Языкознание должно существовать "не в себе и для себя". Так сказал ученый-лингвист Л. П. Крысин [3, с. 130]. В связи с этим важно отметить необходимость распространения лингвистических знаний для людей разных специальностей, для школьников и студентов. Полезно и замечатель-

но, когда лингвисты "идут в народ", чтобы исследовать диалекты, профессиональный жаргон. Только так можно понять, что представляет собой живой русский язык. Результатом такого рода исследования, например, является словарь русской разговорной речи Л. П. Крысина. В нем расположены слова повседневной речи: как мы говорим за столом, на улице, в неофициальной обстановке. Речь народа богата и разнообразна. Это почва, на которую опирается литературный язык. Поэтому важно изучать диалекты, территориальный жаргон [1, с. 30]. В свою очередь языковед пропагандирует лингвистические знания. Общение проходит с помощью научно-популярных лекций, выступлений в школах, библиотеках. Именно этим занимается филологическое общество "Русское слово" (г. Новочеркасск), учрежденное нами в 2003 году. Оно ставит перед собой следующие задачи: создание благоприятных условий для объединения специалистов в целях профессионального единства, обмена опытом, реализации творческого потенциала, популяризация русского языка и поддержание его литературных норм, исследование казачьего фольклора во всех его формах, повышение уровня речевой культуры. Для реализации таких задач общество осуществляет свою деятельность в таких направлениях как сотрудничество с ведущими учеными в области филологии, опубликование в средствах СМИ статей, материалов по языкознанию с просветительской целью, сотрудничество со школами, колледжами, вузами, библиотеками, детскими домами.

Переходя к вопросу о важности научно-популярной лекции, отметим, что ее суть - рассказ о состоянии современного русского языка, о проблемах, задачах, это попытка увеличить позитивное знание у слушателей. Человеку интересно все, что связано с языком! Выполняя представленные задачи, важно учитывать, что популяризация должна быть профессиональной (авторами статей, передач должны быть профессиональные лингвисты), систематической (работа должна проводиться не от случая к случаю, а в составе определенных циклов или в рамках регулярно представляемого отдела). Важна научная достоверность и доступность изложения. Пропаганда лингвистических знаний должна быть интересной для неспециалиста. Сухие, скучные рассказы о языке и такие же задания недопустимы. Желательно, чтобы слушатель участвовал в беседе, пытался использовать свою языковую интуицию, выказывал свое отношение к определенным законам языка. Важно разнообразить формы, жанры. Помимо лекций и статей можно проводить игры (например, "найдите нужное слово"), диалоги о языке и культуре, читать рассказы об интересных лингвистических изданиях и так далее. Что касается школьников, важно показать им богатство и самобытность родного языка, научить правильно использовать выразительные средства в своей речи. Если говорить о разнообразии содержания, можно обсуждать вопросы о происхождении языка, о риторике, этимологии, жаргонах, диалектах, о вытеснении бумажной книги электронной, о смешении стилей, употреблении квазианглийских слов, о сло-

варе мемов. Все это следует преподносить в занимательной форме, чтобы слушатель активно включался в дискуссию. Молодым людям необходимо объяснять, что любые отклонения от нормы должны быть ситуативно и стилистически оправданы, отражать реально существующие в языке варианты формы, а не произвольное желание говорящего. Полезно описать требование понятности и привести следующий пример. М. М. Сперанский в "Правилах высокого красноречия" не без юмора замечал: "Кто хочет писать собственно для того, чтобы его не понимали, тот может спокойно молчать" [2, с. 40]. По мнению исследователей, общепонятность языка определяется, прежде всего, отбором речевых средств, а именно необходимостью ограничить использование слов, находящихся на периферии словарного состава языка и не обладающих качеством коммуникативной общезначимости. Важно каждый день доказывать окружающим, как богат и чудесен русский язык, что убогая, бедная в языковом значении речь воспринимается как отрицательная характеристика человека, свидетельствует о его поверхностных знаниях, низкой речевой культуре, о недостаточном запасе слов. Но главное: бедность, серость, однообразие языка связаны с бедностью, серостью и неоригинальностью мысли. Стократ прав К. И. Чуковский, написавший в книге "Живой как жизнь": *"Не для того наш народ вместе с гениями русского слова – от Пушкина до Чехова и Горького – создал для нас и для наших потомков богатый, свободный и сильный язык, поражающий своими изощренными, гибкими, бесконечно разнообразными формами, не для того нам оставлено в дар это величайшее сокровище нашей национальной культуры, чтобы мы, с презрением забросив его, свели речь к нескольким десяткам штампованных фраз"* [1, с. 20].

Несомненно, мы, лингвисты, опираемся на опыт известных языковедов, которые вселяют оптимизм по поводу будущего русского языка. На страницах журнала "Русская речь" была проведена письменная дискуссия, в которой участвовало большое количество популярных филологов. Исходя из анализа их ответов, можно сделать вывод: русский язык продолжает существовать, все с ним хорошо, и он входит в десятку самых распространенных языков в мире по количеству носителей языка, по количеству изучающих русский язык как второй иностранный. Дело в самих его носителях. Часто богатство выразительных средств заменяется речевыми штампами, бездумно используются заимствования, слова-паразиты, очевидна примитивность телефонных сообщений, нежелание и неумение выходить за пределы пользовательского лексического минимума. Нам следует думать о том, как мы пользуемся русским языком, чаще поднимать вопросы, связанные с культурой речи, с грамотностью. Таким образом, важна пропаганда лингвистических знаний. Это дело нелегкое, скрупулезное, но необходимое. Надо помнить, что русский язык дает возможность русским оставаться русскими, то есть сохранять самобытность, традиции, связь поколений. Прочитую Марину Королеву (автора популярных программ о рус-

ском языке): "Осенью прошлого года я ездила в Ярославль, в областной библиотеке была большая встреча. Захожу – в зале двести человек! Думала, ошиблась дверью. Это что, все пришли послушать про русский язык, вопросы задать? Не было других вопросов. Ни про Путина, ни про "Эхо Москвы" никто не спрашивал, хотя никто не запрещал, не ограничивал, хоть вслух, хоть в записках могли спрашивать про что угодно. Нет только язык. Почему? У меня на это есть почти дежурный ответ: русский язык – это едва ли не единственное сейчас, что нас объединяет. От Калининграда до Владивостока, от президента до бомжа, от "Крым наш" до "несистемной оппозиции". А еще каждому говорящему по-русски кажется, что язык принадлежит ему, раз он на нем говорит и знает о нем все. А о том, что твое, неотъемлемое твое, как же не поспорить с соседом, который считает это тоже своим". Если все складывается таким образом, то не все потеряно. Люди задумываются, люди беспокоятся, хотят принять участие".

Чтобы подчеркнуть необходимость грамотно владеть русским языком, осознавать его самобытность, упомяну свою любимую историю об адвокате и блестящем ораторе Анатолии Федоровиче Кони, который защищал священника, совершившего воровство и прелюбодеяние. Кони сказал несколько фраз, и священник был оправдан: "Господа присяжные заседатели! Дело ясное.... Прокурор во всем прав. Все эти преступления подсудимый совершил и во всем признался. О чем тут спорить? Но я обращаю внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который 30 лет отпускал вам грехи ваши на исповеди. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему грех" [4, с. 80]. Вот она! Сила слова!

#### *Список использованных источников*

1. **Зализняк, А. А.** Из заметок о любительской лингвистике / А. А. Зализняк. – Москва : Наука, 2018. – 200 с. – Текст : непосредственный.
2. **Кронгауз, М. А.** Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – Москва : Наука, 2013 – 250 с. – Текст : непосредственный.
3. **Крысин, Л. П.** О русском языке наших дней. Изменяющийся языковой мир / Л. П. Крысин. – Пермь : Сага, 2002. – 100 с. – Текст : непосредственный.
4. **Кони, А. Ф.** Искусство судебной речи / А. Ф. Кони. – Москва : Наука, 2008. – 250 с. – Текст : непосредственный.

**Чень Шаосюн**

*Хучжоуский университет, г. Хучжоу, КНР*

*e-mail: [aljiosa@126.com](mailto:aljiosa@126.com)*

*УДК 811. 161. 1'373. 424 / . 611'232'233'243: 811. 581*

## **ОДНОКОРЕННЫЕ СЛОВА И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЁЗДА В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙЦЕВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

**Chen Shaoxiong**

*Huzhou University, Huzhou, China*

### **SINGLE-ROOT WORDS AND FAMILIES OF WORDS IN THE METHODOLOGY OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE FOR CHINESE**

*В данной статье автор делится своим опытом использования словообразовательных гнёзд и однокоренных слов из состава этих гнёзд в процессе обучения русскому языку китайцев. Эффективность использования данного дидактического приёма для усвоения грамматической системы русского языка обусловлена существенной разницей между системами флективного и изолирующего (корневого) языков.*

*In this article, the author shares his experience of using word-formation nests and one-root words from the composition of these nests in the process of teaching Russian to the Chinese. The effectiveness of using this didactic technique for mastering the grammatical system of the Russian language is due to the significant difference between the systems of the inflectional and isolating (root) languages.*

*Ключевые слова: однокоренные слова, словообразовательное гнездо, флективный язык, словообразовательная модель, приставка, суффикс*

*Key words: single-root words, family of words, inflectional language, word-formation model, prefix, suffix*

В процессе изучения русского языка китайскими учащимися одной из существенных трудностей является усвоение правильного понимания однокоренных слов, которые относятся к разным частям речи или к одной части речи, но имеют разные служебные морфемы и обозначают разные понятия. Нередко такие слова воспринимаются как паронимы и могут путаться учащимися и использоваться не в своём истинном значении.

Известно, что по признаку морфологической организации русский язык является флективным, а китайский – изолирующим (корневым). Следовательно, в китайском языке в количественном плане преобладают слова, состоящие из корня, а в русском языке – слова, имеющие, кроме корня, несколько служебных морфем: флексию (*ХОРОШ-ий, УТЮГ-Ø*), суффикс (*ВЕСЕЛ-о, ВЕЧЕР-ом, ГОВОР-я*), два суффикса (*ДЕЛ-а-ть, РИС-у-я*),

суффикс и флексию (*СТОЛ-ик-Ø, СИЛЬ-н-ый*), два суффикса и флексию (*ИГР-а-ющ-ий, УЧ-и-тель-Ø*), приставку и флексию (*при-ХОД-Ø, без-УС-ый*), приставку, суффикс и флексию (*без-ДЕЛЬ-ник-Ø, на-ПРЯЖ-ени-е, пре-КРАС-н-ый, за-СОЛ-енн-ый*), два суффикса и постфикс (*ИНТЕРЕС-ова-ть-ся*), две приставки и суффикс (*при-от-КРЫ-ть*), две приставки, два суффикса и постфикс (*пере-за-ПИС-а-ть-ся*) и другие.

Эти различия в языках мы в своей практической работе используем в целях оптимизации обучения русскому языку. Перечислим основные приёмы, которые показывают свою эффективность на разных этапах обучения русскому языку.

После ознакомления учащихся с русской морфемикой и принципами построения русского слова мы предлагаем упражнения, которые закрепляют знания по русской морфемике. Например: *Выбрать из данных слов однокоренные и расположить их группами: улица, страна, небо, говорить, сторона, далеко, много, множество, небесный, уличный, удалить* и т. д. Такие упражнения направлены на выработку навыка узнавания корневых и служебных морфем, в них можно закреплять знания по наиболее частым корневым чередованиям гласных и согласных, по позиционным вариантам служебных морфем, которые характерны для русского языка. С помощью таких упражнений преподаватель готовит учеников к словообразовательному моделированию.

Пользуются популярностью у китайских учащихся упражнения, в которых задана вершина словообразовательного гнезда, по которой нужно найти и выписать однокоренные слова. Затем упражнение усложняется, и ученик уже должен разобрать выписанные слова по составу, то есть выделить не только корень, но и аффиксы, а если есть окончание, то и его. Например, в тексте может быть непроизводное слово-вершина *ДОМ* и производные слова одного словообразовательного гнезда: *ДОМ-ик, ДОМ-ашн-ий, ДОМ-ой, без-ДОМ-н-ый*. Разумеется, в текстах представлены не только начальные формы слов, поэтому ещё одним заданием, усложняющим выполнение упражнения, является определение форм слов, то есть определение классифицирующих и словоизменяемых грамматических категорий, которые к этому времени уже изучены по темам грамматики. Заметим, что в учебных текстах часто повторяются одни и те же слова в разных формах, поэтому ещё одним из заданий может быть определение разных однокоренных слов и разных форм одного слова.

В последующих заданиях учащиеся сами должны определять непроизводную вершину и мотивирующие основы производных слов, так как уровень развития языковой догадки после успешного выполнения предыдущих типов упражнений достаточен для этого. Ниже мы приводим пример микротекста, в котором уже не выделяются вершинные слова, зато предусмотрены успешно отработанные нами задания на развитие языковой

догадки. Здесь полужирным курсивом обозначены разные однокоренные слова, которые есть в тексте, а обычным полужирным шрифтом – словоформы, входящие в парадигмы одного из слов. Обычно два-три раза мы выполняем такие упражнения с обозначенными единицами, на которые учащиеся должны обратить внимание. Основная цель при этом – научить узнавать и правильно группировать, с одной стороны, однокоренные слова, а с другой – словоформы одного слова. Например:

– Юра, сыночек, ты не **знаешь**, какая **погода** будет на **этой** неделе?

– Сейчас **посмотрю** на **сайте** погоды на моём телефоне... Вот, уже **знаю**: **на**сайте **всё** **есть**: **завтра** будет **тепло**, **днём** + (плюс) 21 (двадцать один) **градус**, **дождя** не **будет**. **Послезавтра** будет ещё **теплее**, + 23 (двадцать три) **градуса**, но **может** **идти** **дождь**. **Наверное**, **идёт** **потепление**, потому что **через** **три** **дня** уже + 27 (двадцать семь) **градусов** Цельсия.

– А какие **погодные** **сюрпризы** **могут** **быть** **сегодня** **вечером**?

– **Температура** **нормальная**: от + 15 (пятнадцать) до + 18 (восемнадцать).

– Не **знаю**, что **пишет** твой **сайт**, но мне было холодно на улице. **Думаю**, там **градусов** 10. А ты как **думаешь**?

– Я **думаю**, что **это** **из-за** **ветра** и **дождя**, потому что на **градуснике** за окном + 13 (тринадцать).

– **Спасибо**, **успокоил** маму.

Для морфемного анализа, то есть для разбора по составу в этом тексте мы обычно предлагаем такие слова (словоформы): *сыночек*, *посмотрю*, *тепло*, *теплее*, *потепление*, *послезавтра*, *наверное*, *успокоил*, *нормальная*, *думаешь*, *окном*. Это даёт возможность определить начальные формы слов; правильно выделить модели и составить по ним ещё несколько слов. Важно при этом закреплять знания в области семантики выделенных корней и аффиксов, а также определять грамматические значения словоформ по их флексиям. Например, выделив часто встречающийся в русской речи корень ТЕПЛ-, учащиеся усваивают его значение, подбирают а попутно запоминают суффикс – О, наиболее частый в русских наречиях и словах категории состояния языке; закрепляют форму сравнительной степени качественного наречия, образованную самым частым в этом случае суффиксом – ЕЕ (– ЕЙ); изучают морфемный состав и семантику слова ПО-ТЕПЛ-ЕНИ-Е. Непосредственно в этом упражнении учащимся даётся ещё одно полезное задание, которое выполняется в несколько этапов: 1) найти вершину словообразовательного гнезда, в которое входят слова *тепло* и *потепление*; 2) подберите антонимы к известным словам этого гнезда; 3) разберите эти слова по составу; 4) определите, что обозначают выделенные вами суффиксы, приставка и окончание. Краткий ответ таков: ТЁПЛ-ый (имя прилагательное) / ТЕПЛ-о (имя существительное среднего рода); ТЁПЛ-ый / ТЕПЛ-о ≠ ХОЛОД-н-ый / ХОЛОД-О; ТЕПЛ-о (наречие / слово категории

состояния) ≠ *ХОЛОД-н-о*; *по-ТЕПЛ-ени-е* (имя существительное среднего рода) ≠ *по-ХОЛОД-ани-е*; а также в словаре есть глаголы *ТЕПЛ-е-ть* (несовершенного вида) ≠ *ХОЛОД-а-ть*; *по-ТЕПЛ-е-ть* (совершенного вида) ≠ *по-ХОЛОД-а-ть*. Приставка ПО- в этих слов передаёт значение усиления признака.

В последующих усложнённых заданиях учащиеся самостоятельно определяют необходимые единицы и сами группируют их. Однако в каждом таком микротексте необходимо выделять или просить учащихся выделить группу из трёх-пяти однокоренных слов, которые должны быть введены туда авторами пособия либо преподавателем, разработавшим задание, с целью проведения семантико-словообразовательной работы, развивающей у учащихся языковую догадку и правильное восприятие и усвоение системы русского языка.

Указанная система заданий отработана нами на протяжении двух лет в группах студентов первых и вторых курсов Хучжоуского университета (КНР), изучающих русский язык как специальность и как второй иностранный язык. Следовательно, преднамеренное использование нескольких однокоренных слов из состава словообразовательного гнезда либо всего гнезда как дидактического средства усвоения морфологических закономерностей организации системы русского языка является надёжным и эффективным приёмом в усвоении трудностей грамматического устройства русского языка студентами и школьниками, для которых родным языком является китайский.

*Шестернёва Лилия Георгиевна*

*Белорусский государственный университет  
e-mail: [lilija.s0607@gmail.com](mailto:lilija.s0607@gmail.com)*

*УДК 811. 161. 1'243'373. 43*

## **РЕКЛАМНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

*Lilia G. Shesterneva  
Belarusian State University*

## **ADVERTISING OCCASIONALISM IN TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE**

*В статье изучается потенциал рекламных окказионализмов в практике обучения русскому языку как иностранному, методическая интерпретация рекламных текстов и сложность их понимания ино-*

*The article studies the potential of advertising occasionalisms in the practice of teaching Russian as a foreign language, methodological interpretation of advertising texts and the complexity of their*

*странными учащимися. Обоснована необходимость изучения текстов рекламы как аутентичных текстов.*

*Ключевые слова: реклама, рекламный текст, окказионализмы, русский язык как иностранный, аутентичный текст, семантическая компрессия*

*understanding by foreign students. The necessity of studying advertising texts as authentic texts has been substantiated.*

*Key words: advertising, advertising text, occasionalisms, Russian as a foreign language, authentic text, semantic compression*

Современная методика преподавания русского языка как иностранного направлена на создание на занятиях ситуаций, которые будут максимально приближены к реальными на формирование у студентов внеучебных навыков владения языком. Все это эффективно достигается обращением к аутентичным текстам и погружением в естественную языковую среду. В словаре методических терминов и понятий дается следующее определение аутентичного текста: "Аутентичный текст – это устный и письменный текст, который является реальным продуктом речевой деятельности носителей языка неадаптированный для нужд учащихся с учетом их уровня владения языком" [1, с. 10]. Таким образом, аутентичный текст – это реальный продукт общения носителей языка, адаптация которого не является необходимостью для учебных целей.

Рекламные аутентичные тексты играют большую роль в современном мире: они определяют наш стиль и образ жизни, влияют на наши взгляды, наше отношение к окружающему, показывая при этом готовые формы поведения в определенной ситуации.

Реклама быстро реагирует на появление новых объектов и явлений окружающей действительности, создает благоприятные предпосылки для возникновения новых слов, поэтому обращение к рекламным текстам с целью изучения новых слов логично.

Привлечение рекламных текстов при обучении русскому языку как иностранному является продуктивным приемом, так как позволяет познакомиться представителей других национальностей с особенностями культуры страны изучаемого языка.

В современной рекламе широко представлены общеупотребительные слова и слова со сниженной стилистической окраской (разговорные) и слова с повышенной стилистической окраской (книжные). Разговорная лексика представлена словами, которые употребляются в повседневной речи, имеют характер непринужденности и поэтому не всегда уместны в письменной, книжной речи. Многие из разговорных слов не только называют соответствующие понятия, но имеют и определенную экспрессивную окрашенность.

Следует отметить, что не любой рекламный текст может быть удачным, ярким, броским и интересным для иностранца. Для создания запоминающегося образа в рекламном тексте применяются разнообразные тропы, экспрессивные синтаксические конструкции, включение прецедентных

феноменов: цитат, фразеологизмов, пословиц и поговорок и т. д. Эффективным способом привлечения внимания является использование окказионализмов, создающих языковую игру. Окказионализмы являлись объектом специальных исследований в работах Л. П. Амири, Д. В. Безлатного, А. В. Волостных, Н. А. Николиной, однако отдельные вопросы изучения образования новых слов в языке продолжают оставаться актуальными.

Как отмечается в "Словаре-справочнике лингвистических терминов" Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, "окказионализм – это индивидуально-авторский неологизм, созданный согласно существующим в языке словообразовательным моделям и использующийся исключительно в условиях данного контекста как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры [5, с. 345]. Окказионализмы, как правило, не входят в словарный состав языка.

В практике обучения русского языка как иностранного окказионализмы (*Не грусти – антидепрессант "Негрустин"; сто лет (жить) – сеть аптек "Доктор Столетов"*) полезно изучать совместно с грамматикой, так как они связаны с образованием новых слов, и иностранные учащиеся сами могут сами потренироваться на примере их построения в образовании новых форм слова.

Материалом исследования послужили окказионализмы, используемые в текстах рекламы Беларуси и России.

Как отмечает Е. Коряковцева, "окказионализм-экспрессив обладает большой силой воздействия благодаря как своей структурной нестандартности, так и наслоению смысловых оттенков. Это наслоение смысловых оттенков, иными словами – семантическая компрессия, обуславливается: а) многозначностью мотивирующего слова; б) многозначностью форманта; в) свертыванием структуры исходной синтаксической конструкции и концентрацией ее смысла в деривате" [4, с. 44]. Семантическая компрессия достигается сокращением формы производящего слова либо трансформацией мотивирующего усеченного словосочетания в синтетическое однословное наименование.

Преподавателю по русскому языку как иностранному необходимо учесть, что аутентичные рекламные тексты следует использовать на занятиях не ранее порогового уровня владения иностранцем русским языком, так как предыдущие уровни не предполагают использование лингвокультурологического компонента в текстах для изучения, в связи со сложностью его понимания, появлением двояких смыслов и интерпретаций.

Так, несистемные экспрессивные окказионализмы часто образуются от производящих основ с нарушением условий словообразовательного типа. Например, наречие *пятизвёздно*, образованное с нарушением лексикограмматической сочетаемости суффикса -о-:

*Не просто чисто, а ПЯТИЗВЁЗДНО чисто. Ariel 5 звезд; Сухарики "Хрустеем" к пенному. Вкуснота-то какая! ХРУСТНОТА! Живи ОХРУСТЕННО.*

Также с нарушением лексико-грамматических условий сочетаемости морфем образован окказионализм **ПОХРУСТИСТ**: суффикс -ист добавлен к глагольной основе *похруст-* / *похрустеть*: *Московский картофель. ПОХРУСТИСТ? Иди на хруст.* Этот окказионализм является структурным аналогом достаточно известного окказионализма пофигист 'тот, кому всё по фигу, т. е. безразлично', образованного на базе грубо-просторечного фразеологизма.

Наличие в рекламном тексте окказиональных семантических компрессатов может быть результатом сращения и суффиксации, только сращения, слияния и других способов словообразования: название новой торговой марки *Чайкофский (Любимый сахар чая и кофе! ЧАЙКОФСКИЙ. Такое чистое наслаждение!); Новогодний ХИТРОШОПИНГ! Купи 4, оплати 3!* (реклама посуды); **ХРУС'ТАЮЩИЙ**: хрустящий+тающий во рту (реклама печенья TUG); *С тобой так ПРИМЯТНО* (реклама жевательных драже ментос со вкусом мяты); *Еженедельная РАСХВАТАЖА канцтоваров; Письмо не улыбнётся в ответ. АРОМАГИЯ сближает* (аромат+магия); *Открылся магазин детской одежды из Европы "СТИЛЁНОК"* (с+пелёнок); *Окухнись! Выиграй путёвку на Кипр* (кухня+окунись); *Ягода-ВКУСНЯГОДА* (сок "Моя семья").

Рекламные экспрессивные окказионализмы образуются с помощью продуктивных аффиксов по окказиональным моделям. Всем хорошо известна реклама батончиков **СНИКЕРС** и образованный глагол в повелительном наклонении: *Не тормози. СНИКЕРСНИ!* Как справедливо отмечает Е. Земская, "окказиональные образования носят индивидуальный характер, поэтому "подвести" их под какой-то типовой способ нередко трудно, а иногда и невозможно" [2, с. 143].

Большой интерес в процессе обучения русскому языку как иностранному представляет реклама фаст-фуда сети ресторанов быстрого питания **BurgerKing**, которая давно известна скандальными рекламными слоганами. Например, реклама бургера с острым соусом внутри "**СМОТРИ НЕ ОБОСТРИСЬ!**". Согласно тексту объявления, блюдо является очень острым, потому что содержит "жгучий соус прямо в булке". Позже двусмысленный слоган "Смотри не обострись!" заменили на "Остро!". Такие тексты представляют большую сложность для понимания иностранцами учащимися.



Или такая реклама фаст-фуда: *ЗАКУРЯЧЬ СЕЛФАЧ! РАСКУРЯЧ ИХ ВСЕХ; Окурительный чикен фри; Похоже на какое-то НАЕДАЛОВО. Второй бигкинг бесплатно. ЧИЗДЕЦ! Чизбургер.*



Рекламные тексты, включенные в содержание обучения РКИ, по своей природе остаются текстами аутентичными, так как они представляют на занятии естественную русскую языковую среду. Как отмечает Квон Сун Май, при отборе рекламных текстов следует учитывать некоторые методические требования:

- 1) информативность и соответствие учебным и внеучебным интересам учащихся (возрастным, профессиональным, социальным, общекультурным);
- 2) репрезентативность (с точки зрения представленности в них жанрового разнообразия рекламы);
- 3) учебно-демонстрационная ценность;
- 4) лингвострановедческая ценность;
- 5) позитивная ценностная установка;
- 6) доступность предметного и метафорического содержания в зависимости от категории учащихся и этапа обучения языку [3, с. 21]. Безусловно, все эти критерии могут быть дополнены другими параметрами.

Таким образом, моделирование процесса обучения русскому языку как иностранному связано с необходимостью выявления оптимальных средств обучения и выбором языкового и речевого материалов, на которых будет построено это обучение. При коммуникативно-функциональном подходе в обучении русскому языку как иностранному, одним из основных средств такого рода является текст, в частности, им может быть рекламный текст.

Рекламные окказионализмы, проанализированные в данной статье, не имеют шансов быть зафиксированными в словаре, однако они представляют собой интересный материал для обучения русскому языку как иностранному.

#### **Список использованных источников**

1. **Азимов, Э. Г., Шукин, А. Н.** Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. – Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. – 472 с. – Текст : непосредственный.
2. **Земская, Е. А.** Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – Москва : Изд-во КомКнига, 2005. – 224 с. – Текст : непосредственный.
3. **Квон, Сун Маи.** Лингвометодический потенциал рекламных текстов и его использование при обучении русскому языку иностранных учащихся : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Москва, 2006. – 28 с. – Текст : непосредственный.
4. **Коряковцева, Е.** Окказионализмы в рекламных текстах: к вопросу о когнитивном кодировании (на материале русского и польского языков) [Электронный ресурс] / Е. Коряковцева. – Текст : электронный. – URL: <https://docplayer.ru/117623318-Okkazionalizmy-v-reklamnyh-tekstah-k-voprosu-o-kognitivnom-kodirovanii-na-materiale-russkogo-i-polskogo-yazykov.html>. – Дата доступа : 30. 03. 2021.
5. **Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А.** Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1976. – 543 с.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО "Государственный университет по землеустройству", e-mail: [stchl@yandex.ru](mailto:stchl@yandex.ru);

Атаманова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [atamanova2001@list.ru](mailto:atamanova2001@list.ru);

Ахраменко Петр Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина", e-mail: [piter2105@yandex.ru](mailto:piter2105@yandex.ru);

Балаш Дарья Борисовна – магистрант кафедры русского, общего и славянского языкознания филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: [dar.ya@list.ru](mailto:dar.ya@list.ru);

Бекарович Кристина Александровна – студентка 5 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: [beckarewi4.cristina@yandex.ru](mailto:beckarewi4.cristina@yandex.ru);

Белодед Виолетта Александровна – учитель русского языка и литературы, учитель факультатива по китайскому языку ГУО "Гимназия №10" г. Гомеля, магистрант специальности "Языкознание" филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: [vex.syao@mail.ru](mailto:vex.syao@mail.ru);

Белугина Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: [obelugina@mail.ru](mailto:obelugina@mail.ru);

Белякова Елена Алексеевна – магистр педагогических наук, преподаватель русского языка и литературы УО "Гомельский профессиональный лицей строителей", e-mail: [lena13021975@yandex.by](mailto:lena13021975@yandex.by);

Большаков Александр Дмитриевич – кандидат филологических наук, ассистент, документовед I категории кафедры славянской филологии и культуры института филологии и журналистики ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", e-mail: [barsikapfff-2@mail.ru](mailto:barsikapfff-2@mail.ru);

Боровская Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков УО "Гомельский государственный медицинский университет", e-mail: [borovskaya.ira@yandex.by](mailto:borovskaya.ira@yandex.by);

Брыткова Виолетта Витальевна – студентка филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [leta\\_brytkova@mail.ru](mailto:leta_brytkova@mail.ru);

Бубнова Нина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М.Василевского, e-mail: [85ninochka67@mail.ru](mailto:85ninochka67@mail.ru);

Бут-Гусаим Светлана Феодосьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской филологии УО "Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина", e-mail: [svfbg@tut.by](mailto:svfbg@tut.by);

Бухарова Нина Викторовна – магистр I года обучения Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, e-mail: [petr10.11.09@gmail.com](mailto:petr10.11.09@gmail.com);

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета, E-mail: [Bushev.AB@tversu.ru](mailto:Bushev.AB@tversu.ru);

Волкова Ольга Николаевна – учитель-логопед МБУ "Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи" Суземского района, e-mail: [aurumgolden@yandex.ru](mailto:aurumgolden@yandex.ru);

Герасименко Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Горловский институт иностранных языков" (ГОУ ВПО "Горловский институт иностранных языков", e-mail: [iragerasimenko@mail.ru](mailto:iragerasimenko@mail.ru);

Годуйко Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания УО "Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина", e-mail: [god\\_lusi@mail.ru](mailto:god_lusi@mail.ru);

Голева Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русской литературы НИУ "Белгородский государственный университет", e-mail: [goleva@bsu.edu.ru](mailto:goleva@bsu.edu.ru);

Головачева Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [golovacheva-olga@mail.ru](mailto:golovacheva-olga@mail.ru);

Гомонова Инна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: [inna-gomonova@mail.ru](mailto:inna-gomonova@mail.ru);

Грищенко Екатерина Сергеевна – магистрант УО "Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины", e-mail: [Kate1933@Yandex.by](mailto:Kate1933@Yandex.by);

Гулакова Елена Сергеевна – магистрант 1 курса направления подготовки "Филология" ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [lenokgulakova@yandex.ru](mailto:lenokgulakova@yandex.ru);

Гурина Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания УО "Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина", e-mail: [huryrna.n@gmail.com](mailto:huryrna.n@gmail.com);

Данич Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой дошкольного и начального образования УО "Витебский государственный университет имени П.М. Машерова", e-mail: [odanich@mail.ru](mailto:odanich@mail.ru);

Дмитриева Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО "Горловский институт иностранных языков", e-mail: [iksta\\_aravar@mail.ru](mailto:iksta_aravar@mail.ru);

Дубицкая Елена Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: [elen-dubickay@yandex.ru](mailto:elen-dubickay@yandex.ru);

Евстратова Олеся Александровна – учитель русского языка и литературы первой квалификационной категории МБОУ Лопандинская СОШ (п. Лопандино Комаричского района Брянской области), магистрант направления подготовки 45.04.01. "Филология", направленность (профиль): "Русский язык" ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [olesya-evs96@bk.ru](mailto:olesya-evs96@bk.ru);

Зайцева Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков УО "Витебский государственный университет имени П.М. Машерова", e-mail: [irinazaj91@mail.ru](mailto:irinazaj91@mail.ru);

Замальдинов Владислав Евгеньевич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранного языка и культуры речи ФГКОУ ВО "Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации", e-mail: [zvlad-nn@yandex.ru](mailto:zvlad-nn@yandex.ru);

Зими́на Марина Сергеевна – студентка 1 курса магистратуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), e-mail: [Z.Mara1997@gmail.com](mailto:Z.Mara1997@gmail.com);

Зуева Екатерина Александровна – преподаватель УО "Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина", e-mail: [katarzyna.zuewa@mai.ru](mailto:katarzyna.zuewa@mai.ru);

Кириченко Кристина Николаевна – студентка 1 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: [crislalila201@gmail.com](mailto:crislalila201@gmail.com);

Клемпач Ольга Андреевна – студентка 5 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки),

направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: [klempach.olga@gmail.com](mailto:klempach.olga@gmail.com);

Ковалёва Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина", e-mail: [alena.kavaliova@gmx.de](mailto:alena.kavaliova@gmx.de);

Коваль Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: [vlad-kov@mail.ru](mailto:vlad-kov@mail.ru);

Козловская Маргарита Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков УО "Гомельский государственный медицинский университет", e-mail: [almark@tut.by](mailto:almark@tut.by);

Королева Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Смоленского государственного университета, e-mail: [innakor@mail.ru](mailto:innakor@mail.ru);

Красовская Нелли Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, e-mail: [nelli.krasovskaya@yandex.ru](mailto:nelli.krasovskaya@yandex.ru);

Крюк Екатерина Константиновна – старший государственный судебный эксперт ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, лаборатория судебной лингвистической экспертизы, e-mail: [kate31105@gmail.com](mailto:kate31105@gmail.com);

Кураш Сергей Бонифациевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина", e-mail: [text2005@mail.ru](mailto:text2005@mail.ru);

Лазуркин Анатолий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент Витебского филиала Международного института социальных и трудовых отношений "МИТСО", e-mail: [mvavit@tut.by](mailto:mvavit@tut.by);

Лапицкая Надежда Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины", e-mail: [nadezhdalapickaya@yandex.ru](mailto:nadezhdalapickaya@yandex.ru);

Лещинская Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры белорусского языка филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины", e-mail: [zshvedova@mail.ru](mailto:zshvedova@mail.ru);

Листова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, e-mail: [Listova.ta@mail.ru](mailto:Listova.ta@mail.ru);

Лопатин Геннадий Исаакович – независимый исследователь, e-mail: [lapacin@mail.ru](mailto:lapacin@mail.ru);

Маковский Антон Олегович – аспирант УО "Минский государственный лингвистический университет", e-mail: [mao-iroc@yandex.ru](mailto:mao-iroc@yandex.ru);

Мальцева Ольга Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, e-mail: [lorrizzly@gmail.com](mailto:lorrizzly@gmail.com);

Маркелова Татьяна Викторовна – первый проректор по учебной работе АНО ВО "Институт современного искусства", доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций, e-mail: [tvmarkelova@mail.ru](mailto:tvmarkelova@mail.ru);

Маркова Елена Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, e-mail: [elena-m-m@mail.ru](mailto:elena-m-m@mail.ru);

Мартысюк Павел Григорьевич – доктор философских наук, профессор Минского филиала ФГБОУ ВО "Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова", e-mail: [Pr\\_martis@yahoo.com](mailto:Pr_martis@yahoo.com);

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор УО "Витебский государственный университет имени П.М. Машерова", e-mail: [mvavit@tut.by](mailto:mvavit@tut.by);

Мельникова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины", e-mail: [olsen\\_74\\_1@mail.ru](mailto:olsen_74_1@mail.ru);

Милотина Юлия Васильевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [julchik-sed@bk.ru](mailto:julchik-sed@bk.ru);

Михайлов Алексей Валерианович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, e-mail: [Avm\\_2006\\_64@mail.ru](mailto:Avm_2006_64@mail.ru);

Михайлова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, e-mail: [Ta.rada@mail.ru](mailto:Ta.rada@mail.ru);

Мозговой Владимир Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Донецкий национальный университет", e-mail: [mowi48@mail.ru](mailto:mowi48@mail.ru);

Моисейчик Анна Эдуардовна – студентка 2-го курса филологического факультета (специальность "Русская филология") УО "Брестский государ-

ственный университет имени А.С. Пушкина", e-mail: [anya.moiseychik26@mail.ru](mailto:anya.moiseychik26@mail.ru);

Мырадова Махым – студентка УО "Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины";

Никитевич Алексей Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета им. Я.Купалы, e-mail: [anikit@inbox.ru](mailto:anikit@inbox.ru);

Николаева Людмила Викторовна – учитель иностранных языков, ГБОУ г. Москвы "Школа № 45 имени Л.И. Мильграма", e-mail: [ludmilarin@yandex.ru](mailto:ludmilarin@yandex.ru);

Никулкина Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ" Брянский филиал, e-mail: [sinbad1982@yandex.ru](mailto:sinbad1982@yandex.ru);

Ничипорчик Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания УО "Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины", e-mail: [evnich@gmail.com](mailto:evnich@gmail.com);

Новикова Кристина Алексеевна – студентка ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского";

Папейко Анатолий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры начального образования и лингводидактики Учреждения образования "Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова", e-mail: [anatoly.papeiko@mail.ru](mailto:anatoly.papeiko@mail.ru);

Петракова Христина Сергеевна – студентка 1 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: [hristina327@gmail.com](mailto:hristina327@gmail.com);

Петрушина Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и межкультурных коммуникаций АНО ВО "Институт современного искусства", e-mail: [mpetrushina@mail.ru](mailto:mpetrushina@mail.ru);

Печенкина Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [Olya\\_Bryansk@mail.ru](mailto:Olya_Bryansk@mail.ru);

Полежаева Светлана Серафимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, e-mail: [svetlanapolejaeva1506@mail.ru](mailto:svetlanapolejaeva1506@mail.ru);

Полюян Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: [alena.paluiian@mail.ru](mailto:alena.paluiian@mail.ru);

Пронченко Сергей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [s.m.pronchenko@yandex.ru](mailto:s.m.pronchenko@yandex.ru);

Пустовойтов Виктор Николаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [vnprnov@gmail.com](mailto:vnprnov@gmail.com);

Распопова Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [volkova1111@yandex.ru](mailto:volkova1111@yandex.ru);

Репина Екатерина Борисовна – магистр культурной антропологии, младший научный сотрудник Лаборатории антропологической лингвистики Института лингвистических исследований РАН, e-mail: [79778602925@ya.ru](mailto:79778602925@ya.ru);

Рожковская Юлия Игоревна – магистрант ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского";

Саловская Яна Викторовна – магистрант 1 курса направления подготовки 45.04.01. "Филология", направленность (профиль): "Русский язык" ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [sal.yana@rambler.ru](mailto:sal.yana@rambler.ru);

Сергуськова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина", E-mail: [sergushkova\\_olga@mail.ru](mailto:sergushkova_olga@mail.ru);

Сироткина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, e-mail: [sirotkina71@mail.ru](mailto:sirotkina71@mail.ru);

Скачкова Валентина Александровна – кандидат филологических наук, доцент Гомельского филиала Международного университета "МИТСО", e-mail: [vska8@tut.by](mailto:vska8@tut.by);

Слизкова Марианна Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры "Иностранные языки" Южно-Российского государственного политехнического университета имени М.И. Платова (Новочеркасский политехнический институт), e-mail: [Ruslo74@mail.ru](mailto:Ruslo74@mail.ru);

Смирнова Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Гуманитарного института

Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: [saa29@mail.ru](mailto:saa29@mail.ru);

Станкевич Александра Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры белорусского языка филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: [stankevich\\_gomel@mail.ru](mailto:stankevich_gomel@mail.ru);

Стародубец Светлана Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: [starodubets.madam@yandex.ru](mailto:starodubets.madam@yandex.ru);

Степанов Евгений Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Хунаньского педагогического университета, КНР, г. Чанша, e-mail: [stepanov.odessa@gmail.com](mailto:stepanov.odessa@gmail.com);

Столярова Анастасия Николаевна – преподаватель УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина", e-mail: [stolyarova\\_an@mail.ru](mailto:stolyarova_an@mail.ru);

Струков Виктор Викторович – председатель профкома, лингвист, преподаватель УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина", e-mail: [text2005@mail.ru](mailto:text2005@mail.ru);

Сузанская Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, профессор Эмеритус БГУ, доктор конференциар (доцент) кафедры славистики Бельцкого государственного университета им. А. Руссо, e-mail: [suzanskaia@mail.ru](mailto:suzanskaia@mail.ru);

Терешонок Елена Витальевна – преподаватель русского языка как иностранного Института русского языка и культуры МГУ им. Ломоносова, e-mail: [rlteresh@mail.ru](mailto:rlteresh@mail.ru);

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет", e-mail: [terkulov@rambler.ru](mailto:terkulov@rambler.ru);

Тимошенко Наталья Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины", e-mail: [natka.tim@mail.ru](mailto:natka.tim@mail.ru);

Толочко Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины";

Трошина Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [natalya\\_troshina@mail.ru](mailto:natalya_troshina@mail.ru);

Трощинская-Степушина Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, внештатный лектор Витебского государственного института развития образования, e-mail: [astrid\\_2000@tut.by](mailto:astrid_2000@tut.by);

Турилова Мария Валерьевна – кандидат филологических наук, независимый исследователь, e-mail: [mariaturilova@mail.ru](mailto:mariaturilova@mail.ru);

Тыранова Софья Валерьевна – студент 1 курса магистратуры направления "Филология" (профиль "Русский язык") филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [sofya-tyranova@mail.ru](mailto:sofya-tyranova@mail.ru);

Фелькина Ольга Антоновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания УО "Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина", e-mail: [felkina@yandex.ru](mailto:felkina@yandex.ru);

Фомин Степан Сергеевич – студент ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [stepfom2001@mail.ru](mailto:stepfom2001@mail.ru);

Хазанова Екатерина Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины", e-mail: [hazanova@gsu.by](mailto:hazanova@gsu.by);

Чень Шаосюн – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Хучжоуского университета, КНР, г. Хучжоу, e-mail: [aljosh@126.com](mailto:aljosh@126.com);

Черепко Станислав Александрович – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: [czaropka@gmail.com](mailto:czaropka@gmail.com);

Черненко Мария Александровна – студентка 5 курса направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленности (профили) Русский язык, Литература филиала ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского" в г. Новозыбкове, e-mail: [chernenockmarva@yandex.ru](mailto:chernenockmarva@yandex.ru);

Шабулдаева Наталья Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания филологического факультета УО "Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины", e-mail: [shabuldaeva@mail.ru](mailto:shabuldaeva@mail.ru);

Шведова Зоя Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины", e-mail: [zshvedova@mail.ru](mailto:zshvedova@mail.ru);

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске, e-mail: [shvchenkok@hotmail.com](mailto:shvchenkok@hotmail.com);

Шестернёва Лилия Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета, e-mail: [lilija.s0607@gmail.com](mailto:lilija.s0607@gmail.com);

Щербакowa Анна Сергеевна – студентка 3 курса филологического факультета, специальности "Русский язык, Литература" филологического факультета ФГБОУ ВО "Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского", e-mail: [shcherbakova\\_anna\\_2000@mail.ru](mailto:shcherbakova_anna_2000@mail.ru);

Щербатая Ангелина Андреевна – студентка 3 курса филологического факультета УО "Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины", e-mail: [angelina.scherbataya@mail.ru](mailto:angelina.scherbataya@mail.ru);

Юденкова Анна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина", e-mail: [sajtmzr@mail.ru](mailto:sajtmzr@mail.ru);

Ючко Ольга Леонидовна – преподаватель, аспирант кафедры белорусской и русской филологии УО "Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина", e-mail: [o.yuchko@mail.ru](mailto:o.yuchko@mail.ru);

Ярмошевич Анастасия Викторовна – студентка 3 курса филологического факультета, специальность "Русская филология (литературно-редакционная деятельность)" УО "Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина".

## Содержание

<b>АНТЮХОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ</b> <i>ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ ФОРУМА</i> .....	3
<b>СТАРОДУБЕЦ СВЕТАНА НИКОЛАЕВНА</b> <i>РУССКОЕ СЛОВО КАК ФЕНОМЕН ДУХОВНОСТИ</i> .....	4
<b>МАСЛОВА ВАЛЕНТИНА АВРААМОВНА</b> <i>РУССКОЕ СЛОВО КАК ИСТОЧНИК ДУХОВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА</i> ....	8
<b>МАРКОВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА</b> <i>"ЖИВОЕ СЛОВО" В СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ</i> .....	11
<b>ЗАЙЦЕВА ИРИНА ПАВЛОВНА</b> <i>МАГИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ: ЕЩЁ РАЗ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ПОЭТАМИ ФЛОРИСТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ</i> .....	20
<b>КОВАЛЬ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ</b> <i>МИФОЛОГЕМА "ОСТРОВ БУЯН" В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ</i> .....	27
<b>СТЕПАНОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ</b> <i>РЕЧЕ-КУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ОСНОВНОЕ СТРУКТУРНОЕ ЗВЕНО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ</i> .....	32
<b>СУЗАНСКАЯ ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА</b> <i>РУССКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО О МАТЕРИ В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ XIX – XXI вв.</i> .....	37
<b>ТЕРКУЛОВ ВЯЧЕСЛАВ ИСАЕВИЧ</b> <i>РЕГИОЛЕКТ ИЛИ "СЛОБОЖАНСКИЙ", "УКРАИНСКИЙ РУССКИЙ" ЯЗЫК</i> .....	42

## РУССКОЕ СЛОВО КАК СМЫСЛОВОЕ "ЗЕРНО" СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

<b>БЕКАРЕВИЧ КРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА</b> <i>ДИАЛЕКТНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПРАЗДНИКОВ В РЕЧИ ШКОЛЬНИКОВ ЮГО-ЗАПАДА БРЯНЩИНЫ</i> .....	50
<b>БЕЛУГИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,</b> <b>СТАРОДУБЕЦ СВЕТАНА НИКОЛАЕВНА</b> <i>"СУДЬБА" В ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ</i> .....	54
<b>БЕЛОДЕД ВИОЛЕТТА АЛЕКСАНДРОВНА</b> <i>ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА МУЖИК В РУССКОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ</i> .....	60
<b>БУШЕВ АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ</b> <i>СЛАВЯНСКО-ТЮРКСКИЙ БИЛИНГВИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО СЛОВА</i> .....	68

<b>ГЕРАСИМЕНКО Ирина Анатольевна</b> <i>КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИЭТНИЧНОГО ДОНБАССА</i> .....	74
<b>ГОЛЕВА Наталья Михайловна</b> <i>МОДИФИКАЦИЯ ЛЕКСЕМ В ГОВОРАХ БЕЛГОРОДЧИНЫ</i> .....	80
<b>ГРИЩЕНКО Екатерина Сергеевна</b> <i>НАЗВАНИЯ ЕДЫ И НАПИТКОВ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ, В РУССКОМ ЯЗЫКЕ</i> .....	84
<b>ЗУЕВА Екатерина Александровна</b> <i>РУССКО-БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ОБЛАСТИ СУФФИКСАЛЬНОЙ УНИВЕРБАЦИИ</i> .....	89
<b>КИРИЧЕНКО Кристина Николаевна</b> <i>КОММУНИКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ С ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ОСНОВОЙ "КОРОНА"</i> .....	94
<b>КЛЕМПАЧ Ольга Андреевна, ЧЕРНЕНКО Мария Александровна, СТАРОДУБЕЦ Светлана Николаевна</b> <i>"СЛОВАРЬ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ" П. А. РАСТОРГУЕВА КАК ФЕНОМЕН ДИАЛЕКТОЛОГИИ XX ВЕКА</i> .....	100
<b>КРАСОВСКАЯ Нелли Александровна</b> <i>ПРОБЛЕМЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ДИАЛЕКТНОГО МАТЕРИАЛА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ</i> .....	103
<b>КРЮК Екатерина Константиновна</b> <i>ВЛИЯНИЕ УКРАИНСКОГО, БЕЛОРУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ НА ТЕКСТЫ ИЛЬИ КОПИЕВСКОГО РУБЕЖА XVII – XVIII ВЕКОВ</i> .....	108
<b>КУРАШ Сергей Борисович, СТРУКОВ Виктор Викторович</b> <i>ЛЕКСЕМА БОЛОТО КАК МИФОЛОГЕМА, СИМВОЛ И КОНЦЕПТ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ</i> .....	114
<b>ЛИСТОВА Татьяна Александровна</b> <i>САКРАЛЬНОСТЬ СЛОВА В МОЛИТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ</i> .....	120
<b>МАКОВСКИЙ Антон Олегович</b> <i>РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СИСТЕМУ НОМИНАТИВНЫХ СРЕДСТВ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ: НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ</i> .....	128
<b>МАРТЫСЮК Павел Григорьевич</b> <i>МИФОСЕМАТИКА СЛОВА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ</i> .....	134

<b>Мельникова Ольга Николаевна</b> <i>О СЕМАНТИКЕ ПРОДОЛЖЕНИЙ ПРАСЛАВЯНСКОГО КОРНЯ *NUD- В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ</i> .....	137
<b>Милотина Юлия Васильевна</b> <i>СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА В БРЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ</i> .....	142
<b>Михайлова Татьяна Витальевна, Михайлов Алексей Валерианович</b> <i>СИБИРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: "ИНАКОВОСТЬ" ЧУЖИХ ПО ДАНЫМ ТЕКСТОВ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ</i> .....	147
<b>Никитевич Алексей Васильевич</b> <i>СЛОВАРЬ В. Н. ДОБРОВОЛЬСКОГО В СВЕТЕ ИДЕЙ ПЕРЦЕПТУАЛЬНОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ</i> .....	152
<b>Ничипорчик Елена Владимировна</b> <i>ПРАГМАТИКА РУССКОГО ПРОВЕРБИАЛЬНОГО СЛОВА: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ</i> .....	158
<b>Петракова Христина Сергеевна</b> <i>ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА "ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ПРИРОДОЙ", В ГОВОРАХ ЖУКОВСКОГО И НОВОЗЫБКОВСКОГО РАЙОНОВ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ</i> .....	164
<b>Полуян Елена Николаевна</b> <i>БЕЛОРУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ</i> .....	172
<b>Пронченко Сергей Михайлович</b> <i>САКРАЛЬНОСТЬ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА В ОБРЯДОВОМ ДИСКУРСЕ ЮГО-ЗАПАДА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ</i> .....	177
<b>Скачкова Валентина Александровна</b> <i>ЛЕКСИКА ГОВОРОВ ГОМЕЛЬЩИНЫ (НА ПРИМЕРЕ АГРОГОРОДКА ПОКОЛЮБИЧИ)</i> .....	183
<b>Смирнова Светлана Анатольевна</b> <i>МИКРОСТРУКТУРА НАИМЕНОВАНИЯ СВЯТОЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА</i> .....	188
<b>Станкевич Александра Александровна</b> <i>РУССКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ О ПРИРОДЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ</i> .....	193
<b>Толочко Дмитрий Михайлович, Черепко Станислав Александрович</b> <i>ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЕСТНОГО ЗНАМЕНА НА РУСИ</i> .....	198
<b>Фелькина Ольга Антоновна, Ярмошевич Анастасия Викторовна</b> <i>ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА "ДОРОГА" В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ</i> .....	204

<b>ЧЕРНЕНОК МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, СТАРОДУБЕЦ СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА</b> <i>ИДИОЛЕКТ РЕСПОНДЕНТА ЗЛЫНКОВСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ</i> .....	210
<b>ШЕВЧЕНКО КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ</b> <i>РУССКОЕ СЛОВО КАК ИДЕОЛОГЕМА В ИСТОРИОСОФИИ ГАЛИЦКО-РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ В XIX В.</i> .....	214
<b>ШАБУЛДАЕВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА, МЫРАДОВА МАХЫМ</b> <i>ГЛАГОЛ МЫСЛИТЬ И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ</i> .....	221

### **РУССКОЕ СЛОВО КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛАВЯНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

<b>АТАМАНОВА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА, ЩЕРБАКОВА АННА СЕРГЕЕВНА</b> <i>ЛЕКСЕМА "ДУША" В ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОЛЕКТЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ДУХОВНОГО МИРОВИДЕНИЯ ПОЭТА-ФИЛОСОФА</i> .....	226
<b>АХРАМЕНКО ПЕТР ЕВГЕНЬЕВИЧ</b> <i>ЛЕКСИКА РОМАНА И. МЕЛЕЖА "ЛЮДИ НА БОЛОТЕ" И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК</i> .....	231
<b>БОЛЬШАКОВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ</b> <i>"КОРПУС БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ" В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ КОДИФИКАЦИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА</i> .....	236
<b>БОРОВСКАЯ ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА</b> <i>ЦВЕТОВАЯ ЭСТЕТИКА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ О ХРИСТЕ</i> .....	242
<b>ГОЛОВАЧЕВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА, САЛОВСКАЯ ЯНА ВИКТОРОВНА</b> <i>КНИЖНАЯ ЛЕКСИКА В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. С. ЛЕСКОВА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ</i> .....	247
<b>ГУЛАКОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА</b> <i>ПЕЙЗАЖ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА "АСЯ" В АСПЕКТЕ ОТРАЖЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ</i> .....	252
<b>ГУРИНА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА</b> <i>ВКЛАД МЕТАЯЗЫКОВЫХ ЛЕКСЕМ В ИДИОСТИЛЬ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО</i> .....	256
<b>ДМИТРИЕВА ЮЛИЯ ЛЕОНИДОВНА</b> <i>ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ РОДНОГО КРАЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. РУСАНОВА "ТРИ ЦВЕТА ДОНБАССА"</i> .....	260

<b>МАЛЬЦЕВА ОЛЬГА ВАДИМОВНА, БУХАРОВА НИНА ВИКТОРОВНА</b>	
<i>ОДЕССКИЙ ШАНСОН КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН</i> .....	266
<b>НИКУЛКИНА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА</b>	
<i>"ОСЕННИЕ СУМЕРКИ ЧЕХОВА, ЧАЙКОВСКОГО И ЛЕВИТАНА": РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН И ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Б. Л. ПАСТЕРНАКА "ЗИМА ПРИБЛИЖАЕТСЯ"</i> .....	271
<b>ПАПЕЙКО АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ</b>	
<i>ВТОРАЯ ЧАСТЬ ХРЕСТОМАТИИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ "АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА"</i> .....	277
<b>ПЕЧЕНКИНА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА</b>	
<i>"КРАСОТА" В ПОЭМЕ А. К. ТОЛСТОГО "ГРЕШНИЦА"</i> .....	283
<b>ПЕЧЕНКИНА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА, ЕВСТРАТОВА ОЛЕСЯ АЛЕКСАНДРОВНА</b>	
<i>КОНЦЕПТ ЛЮБОВЬ В ПОЭЗИИ Э. АСАДОВА</i> .....	290
<b>РАСПОПОВА ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА, РОЖКОВСКАЯ ЮЛИЯ ИГОРЕВНА</b>	
<i>ОПЫТ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ</i> .....	295
<b>РЕПИНА ЕКАТЕРИНА БОРИСОВНА</b>	
<i>СЛОВО КАК ПОГРАНИЧЬЕ: ПОЛЕМИКА ВОКРУГ "ПРИНАДЛЕЖНОСТИ" ГОГОЛЯ</i> .....	301
<b>СЕРГУШКОВА ОЛЬГА ВАДИМИРОВНА</b>	
<i>СПЕЦИФИКА КОНВЕРГЕНЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО- ЭКСПРЕССИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА</i> .....	305
<b>ТЕРЕШОНОК ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА</b>	
<i>ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В РАССКАЗЕ Б. ЕКИМОВА "БЕЛАЯ ДОРОГА"</i> .....	311
<b>ТИМОШЕНКО НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА</b>	
<i>РЕАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ</i> .....	316
<b>ТРОШИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА, ТЫРАНОВА СОФЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА</b>	
<i>ЭКЗОТИЗМЫ В РАССКАЗЕ Ф. Ф. ТЮТЧЕВА "НА ЛИНИИ ВЕЧНЫХ СНЕГОВ"</i> .....	322
<b>ТРОЩИНСКАЯ-СТЕПУШИНА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА</b>	
<i>"ПОСЛЕДНИЙ ЯЗЫЧНИК": ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА АВТОРА В ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ НАУМА КОРЖАВИНА</i> .....	327

<b>Турилова Мария Валерьевна</b> <i>ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ПУБЛИЦИСТИКА КАК ИСТОЧНИКИ СВЕДЕНИЙ О ПАМЯТНИКАХ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ.....</i>	335
<b>Фомин Степан Сергеевич</b> <i>ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ ЧЁРТ В БЫЛИЧКАХ БРЯНСКОГО КРАЯ.....</i>	341
<b>Юденкова Анна Викторовна, Ковалёва Елена Валерьевна</b> <i>РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА "БОЛОТО" В БЕЛОРУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ .....</i>	345
<b>Ючко Ольга Леонидовна</b> <i>НЕГАТИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК "ТРИГТЕР" ЛИТЕРАТУРНОГО СЮЖЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. М. ШУКШИНА "СУРАЗ").....</i>	349

## **РУССКОЕ СЛОВО В ФОКУСЕ СЛАВЯНСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА – РЕПРЕЗЕНТАНТА ДУХОВНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ**

<b>Антонова Елена Николаевна, Волкова Ольга Николаевна</b> <i>РУССКОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ .....</i>	353
<b>Балаш Дарья Борисовна</b> <i>ОТПУСТИТЬ ДУШУ НА ПОКАЯНИЕ: ДУХОВНЫЙ КОД ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.....</i>	358
<b>Гомонова Инна Геннадьевна</b> <i>РУССКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ПАРЕМИИ С УСТУПИТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ.....</i>	364
<b>Дубицкая Елена Валентиновна</b> <i>МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ИДИОМАХ РУССКОГО ЯЗЫКА.....</i>	369
<b>Маркелова Татьяна Викторовна, Петрушина Мария Владимировна</b> <i>ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ ДУХ И ДУША КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ЗНАК ОЦЕНОЧНОГО СЛОВА.....</i>	375
<b>Сироткина Татьяна Александровна</b> <i>ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ЮГРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ.....</i>	381

<b>Столярова Анастасия Николаевна</b> <i>ТРАНСПОРТНАЯ МЕТАФОРА КАК ОСНОВА ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОФРАЗЕМ</i> .....	384
<b>Хазанова Кацярына Львоўна</b> <i>КАРАВАЙ У БЕЛАРУСКІХ І РУСКІХ НАРОДНЫХ ПАРЭМІЯХ</i> .....	389
<b>Шведова Зоя Владимировна</b> <i>ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА-ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В БЕЛОРУССКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ</i> .....	395
<b>Шчарбатая Ангеліна Андрэеўна</b> <i>СТРУКТУРНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ "БІЦЦЁВЫХ" ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ З АГУЛЬНЫМ КАМΠΑНАМЕНТАМ ДАЦЬ</i> .....	400

### **ОНИМЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ СЛАВЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ**

<b>Бубнова Нина Викторовна</b> <i>ИСЧЕЗАЮЩИЕ ИМЕНА: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФИКСАЦИИ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ)</i> .....	405
<b>Бут-Гусаим Светлана Феодосьевна</b> <i>НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОНОМАСТИКОНА ДРАМАТУРГИИ ГЕОРГИЯ МАРЧУКА</i> .....	409
<b>Брыткова Виолетта Витальевна</b> <i>ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ПРОЗВИЩ ЖИТЕЛЕЙ ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ</i> .....	415
<b>Годуйко Людмила Алексеевна,</b> <b>Моисейчик Анна Эдуардовна</b> <i>СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ В ГЕОРТОНИМИИ БЕЛАРУСИ ПРИНЦИПА НОМИНАЦИИ ПО СВЯЗИ С ЧЕЛОВЕКОМ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ СТУДЕНЧЕСКИХ ПРАЗДНИКОВ)</i> .....	423
<b>Замальдинов Владислав Евгеньевич</b> <i>НОВООБРАЗОВАНИЯ НА БАЗЕ ОНИМОВ КАК КОМПОНЕНТЫ МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ</i> .....	429
<b>Зими́на Марина Серге́евна</b> <i>ТОПОНИМЫ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ОНИМЫ В РАССКАЗАХ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА "МАТРЕ́НИН ДВОР" И "ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА"</i> .....	433
<b>Королева Инна Александровна</b> <i>РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА: НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АСПЕКТ</i> .....	439

<b>Лапицкая Надежда Ивановна</b> <i>ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ ПАВЛИК МОРОЗОВ</i> .....	443
<b>Лещинская Ольга Алексеевна</b> <i>СЛОВА-ОНИМЫ В МИКРОТЕКСТАХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ</i> .....	448
<b>Лапацін Генадзь Ісаакавіч</b> <i>"ПІЦЦУ ВІДНА ПА ПАЛЁТУ..." З ВОПЫТУ ВЫВУЧЭННЯ ДЫЯЛЕКТНАЙ ПАРЭМІ</i> .....	455
<b>Мозговой Владимир Иванович</b> <i>РУССКАЯ ОНИМИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ</i> .....	464
<b>Новикова Кристина Алексеевна</b> <i>ХАРМЫНКА ИЛИ ГЛИНКИ? ИСТОРИЯ ТОПОНИМА ОДНОЙ ДЕРЕВНИ ГОРДЕЕВСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ</i> .....	470

**ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ И  
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ-  
СЛОВЕСНИКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ  
РУССКОГОВОРЯЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

<b>Белякова Елена Алексеевна</b> <i>ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГОВОРЯЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ</i> .....	474
<b>Данич Оксана Владимировна</b> <i>ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ</i> .....	479
<b>Козловская Маргарита Михайловна</b> <i>К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ЦЕНТРАЛИЗОВАННОМУ ТЕСТИРОВАНИЮ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ</i> .....	484
<b>Лазуркин Анатолий Анатольевич</b> <i>ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОЙ ЛИЧНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 5 – 9-х КЛАССАХ</i> .....	489
<b>Полежаева Светлана Серафимовна</b> <i>ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ РУССКОГО МИРА В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПРИДНЕСТРОВЬЯ</i> .....	492

<b>Пустовойтов Виктор Николаевич, Николаева Людмила Викторовна</b>	
<i>МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННО-ГРУППОВОЙ РАБОТЫ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА.....</i>	<i>498</i>
<b>Слизкова Марианна Владимировна</b>	
<i>ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК МЕТОД ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ.....</i>	<i>506</i>
<b>Чень Шаосюн</b>	
<i>ОДНОКОРЕННЫЕ СЛОВА И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЁЗДА В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙЦЕВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ.....</i>	<i>510</i>
<b>Шестернёва Лилия Георгиевна</b>	
<i>РЕКЛАМНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....</i>	<i>513</i>
<b>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....</b>	<b>519</b>

Русское слово как феномен духовности  
в славянской лингвокультуре пограничья

Международный научно-просветительский форум  
г. Новозыбков, Брянская область, 18 – 21 мая 2021 г.

Научные доклады

Подписано в печать 12.05.2021. Формат 60×84 1 / 16.  
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. п. л. 33,27.  
Тираж 300 экз. Заказ №15 / 02

РИСО Брянского государственного университета  
им. акад. И. Г. Петровского  
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Отпечатано в РИО Брянского государственного  
университета им. акад. И. Г. Петровского  
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20





---